77а-7
10

РАЗВИТІЕ ПОСТОЯННЫХЪ РЕГУЛЯРНЫХЪ АРМІЙ

и

СОСТОЯНІЕ ВОЕННАГО ИСКУССТВА

въ

ВѢКЪ ЛЮДОВИКА XIV И ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Генеральнаго штаба

Генералъ-Маіоръ **ПУЗЫРЕВСКІЙ.**

Издано при содѣйствіи Николаевской академіи Генеральнаго штаба.

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининъ. кан., д. 78.

1889.

ТИПОГРАФІЯ
В. С. БАЛАШЕВА
Екатерининскій кан., д. 78.
№ 2866.

МУЗЕЙ П. И. ЩУКИНА.)

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
19403
9-VIII-1933
М

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I
Введеніе	1
Способы набора войскъ	3
Содержаніе и продовольствіе войскъ въ мирное и военное время	30
Военныя учрежденія для управленія арміями; военная іерархія	43
Военно-уголовное судопроизводство; наказанія	58
Награды; призрѣніе инвалидовъ	63
Тактическое устройство войскъ:	
а) пѣхота	65
б) кавалерія	79
в) артиллерія	95
Составъ арміи и совокупное расположеніе и дѣйствіе въ бою различныхъ родовъ войскъ	112
Инженерное искуство	130
Духъ и дисциплина войскъ	144
Строевое и полевое обученіе войскъ	148
Характеръ столкновеній:	
Очеркъ дѣйствій Тюренна въ 1674 г.	157
Кампанія 1675 г. въ Эльзасѣ	175
Гохштедское сраженіе 1704 г.	181
Образъ веденія войны въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій въ западной Европѣ. Важность значенія крѣпостей, укрѣпленныхъ пунктовъ и лагерей. Общій характеръ наступательныхъ и оборонительныхъ войнъ	195
Замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія въ продолженіи войны за наслѣдство испанскаго престола	204
Кампанія 1701 года въ Италіи	210
Кампанія 1702 года въ Италіи	229
Кампанія 1706 года въ Италіи	255
Стратегическія соображенія Виллара при Денен̀ѣ въ 1712 г.	267
Петръ Великій въ борьбѣ съ Карломъ XII. Полтавское сраженіе	280
Заключеніе	313
Приложеніе. Очеркъ военной литературы первой половины XVIII ст. въ главнѣйшихъ ея представителяхъ	319
Примѣчанія	341
Опечатки	348

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мною была издана „Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка“, обнимающая время отъ паденія Западной Римской имперіи до Густава Адольфа. Еще ранѣе я напечаталъ записки (предназначенныя исключительно для офицеровъ, обучающихся въ Николаевской академіи генеральнаго штаба), заключающія въ себѣ очеркъ состоянія военнаго искусства въ эпоху Густава Адольфа. Такимъ образомъ, настоящій трудъ составляетъ продолженіе предшествующихъ моихъ работъ по этому-же предмету, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльнымъ цѣлымъ, такъ какъ охватываетъ весьма выпуклую эпоху въ исторіи военнаго искусства, когда постоянныя регулярныя арміи и методическій образъ веденія войны утвердились повсюду въ западной Европѣ, а на востокѣ ея появилось могущественное государство, не только усвоившее себѣ съ чрезвычайной быстротой западно-европейскій опытъ, но и давшее замѣтные толчки дальнѣйшему развитію военнаго искусства. Можно сказать безъ ошибки, что основанія всѣхъ нынѣшнихъ военно-административныхъ порядковъ находятся въ тѣсной связи съ началами, установленными въ разсматриваемую эпоху, или составляютъ лишь ихъ логическое послѣдствіе,—а отсюда важное самостоятельное значеніе этой эпохи въ исторіи военнаго дѣла. Первоначально, при чтеніи мною въ академіи лекцій по исторіи военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV, основаніемъ мнѣ служили записки, составленныя покойнымъ профессоромъ, предшественникомъ моимъ по каѳедрѣ, Аѳанасіемъ Евлампіевичемъ, Станкевичемъ. Записки эти, по состоянію тогдашней военной литературы, были обработаны превосходно, и могли-бы, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, занять почетное мѣсто въ ряду лучшихъ научныхъ ра-

ботъ по этому предмету. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе появленія на западѣ новыхъ трудовъ по данному предмету, я, еще при жизни А. Е. Станкевича и съ его разрѣшенія, переиздалъ упомянутыя записки съ довольно существенными передѣлками, дополненіями и сокращеніями. Между тѣмъ съ теченіемъ времени западно-европейская военно-историческая литература замѣчательно обогатилась новыми изслѣдованіями, представившими не только новый богатый фактическій матеріалъ, но и давшими отчасти совершенно новое освѣщеніе установленнымъ издавна фактамъ. Такъ весьма много интереснаго мы находимъ: у *французскихъ авторовъ*—по исторіи военно-административныхъ учрежденій, а у *нѣмецкихъ* въ изложеніи походовъ Тюренна и въ особенности въ описаніи кампаній Евгенія Савойскаго. Издаваемое австрійскимъ генеральнымъ штабомъ, столь-же капитальное по достоинствамъ какъ и колоссальное по объему, сочиненіе, заключающее въ себѣ, основанное на подробной разработкѣ обширнѣйшаго архивнаго матеріала, описаніе „Походовъ Евгенія Савойскаго", представляетъ многія событія, особенно кампаніи 1701 и 1702 г., въ рѣзко видоизмѣненномъ свѣтѣ. Читая, напримѣръ, описаніе сраженія при Люцарѣ въ сочиненіи австрійскаго генеральнаго штаба мы просто не узнаемъ этого боя, картина котораго у насъ сложилась на основаніи прежнихъ неполныхъ источниковъ. Такимъ образомъ, эти походы пришлось изложить совершенно заново. Далѣе, рѣшаясь выступить съ моимъ трудомъ за предѣлы стѣнъ академіи, я не могъ не дать параллельнаго очерка состоянія военнаго искусства въ Россіи, хотя это не входитъ въ кругъ моего академическаго преподаванія и лежитъ на обязанности другаго профессора. Я не имѣлъ никакой возможности изслѣдовать русское военное искусство исключительно по „первымъ" источникамъ и пользовался таковыми, къ сожалѣнію, лишь въ относительно слабой степени. Считаю только себя въ правѣ заявить, что я основывался на лучшихъ изъ обработанныхъ трудовъ, нерѣдко весьма спеціальныхъ по своему содержанію и потому гораздо менѣе извѣстныхъ, чѣмъ они этого заслуживаютъ по своимъ научнымъ достоинствамъ. При такихъ условіяхъ я полагаю, что параллельное и систематическое сопоставленіе русскаго и западно-европейскаго военнаго искусства будетъ не лишено извѣстнаго интереса и быть можетъ читатели придутъ къ убѣжденію, что при подобномъ сопоставленіи первое (временъ Петра Великаго) только выигрываетъ... Во всякомъ случаѣ

я не могу упрекнуть себя въ томъ, что-бы я далъ мало мѣста русскому военному дѣлу,—скорѣе обратное.

Наконецъ, въ приложеніи я помѣстилъ очеркъ военной литературы, въ главнѣйшихъ ея представителяхъ, въ первой половинѣ XVIII столѣтія.

Источники и пособія, которыми я пользовался, указаны въ ссылкахъ. Кромѣ того считаю моимъ долгомъ упомянуть, что для очерка Морица Саксонскаго, какъ полководца и писателя, Н. Н. Сухотинъ любезно предоставилъ въ мое распоряженіе его неизданную рукопись, изъ которой я не мало черпалъ, а при изложеніи италіанскихъ кампаній 1701, 1702 и 1706 годовъ, я имѣлъ подъ рукою, охотно предложенныя мнѣ, письменныя работы, на заданную тему, моихъ бывшихъ слушателей, капитановъ: Фрейберга и Щербачева. Всѣмъ этимъ лицамъ приношу мою искреннюю благодарность.

Изданіе моего настоящаго труда могло осуществиться только при содѣйствіи начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба Михаила Ивановича Драгомирова.

Не могу не замѣтить, съ сожалѣніемъ, что, вслѣдствіе моего отсутствія лѣтомъ изъ Петербурга, въ нѣкоторыхъ планахъ и картахъ, сработанныхъ въ это время и не корректированныхъ мною, вкрались ошибки, подчасъ весьма грубыя.

А. Пузыревскій.

30 декабря 1888 г.
С.-Петербургъ.

Начало постоянныхъ регулярныхъ армій и состояніе военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго.

Съ восшествіемъ на престолъ Людовика XIV начинается преобладаніе Франціи на континентѣ, что обусловливалось какъ сильнымъ внутреннимъ развитіемъ государства, личными качествами государя, такъ и относительною слабостью сосѣднихъ державъ, въ конецъ истощенныхъ Тридцатилѣтней войной. Власть королевская поставлена была на такой высокій пьедесталъ, что Людовикъ XIV могъ сказать: L'état c'est moi. Средства, которыми располагало правительство, были огромны: благодаря Кольберу государственная казна была полна; доходы, хотя довольно тяжело ложившіеся преимущественно на классъ земледѣльческій, позволяли содержать многочисленную армію, завести сильный флотъ, уступавшій по числительности судовъ развѣ одному голландскому.

Въ войнахъ, веденныхъ Ришелье и Мазарини, образовались талантливые полководцы, не разъ водившіе полки къ побѣдамъ, и такъ какъ войны эти ведены были одновременно въ Германіи, Испаніи и Фландріи, то необходимость заставляла держать многочисленную армію. При вступленіи на престолъ Людовика XIV въ ней считалось подъ ружьемъ 120 т. Такой многочисленной постоянной арміи Европа не видала съ паденія Западной Римской Имперіи. На ряду съ этими общими причинами, развитію военнаго дѣла во Франціи содѣйствуютъ многія другія благопріятныя обстоятельства и прежде всего цѣлый рядъ талантливыхъ дѣятелей, начиная съ Генриха IV. Этотъ государь самъ много сдѣлалъ для организаціи вооруженныхъ силъ страны; его дѣло перешло въ руки геніальнаго, твердаго Ришелье, который тщательно совершенствовалъ военныя учрежденія государства, и хотя дѣло было нѣсколько испорчено итальянцемъ—авантюристомъ Мазарини, но затѣмъ Ле-Телье и особенно сынъ его, знаменитый Лувуа, приняли цѣлый рядъ мѣръ по всѣмъ отраслямъ военнаго управленія и дали прочныя учрежденія, создавшія новый порядокъ вещей во французской арміи. Въ теченіе почти полутора столѣтія дѣло велось въ одномъ направленіи, и это постоянство учрежденій, постепенно совершенствуемыхъ, создало прочный порядокъ и

традиціи, обусловливавшія, между прочимъ, преобладаніе Франціи при Людовикѣ XIV.

Избытокъ матеріальныхъ и нравственныхъ силъ въ государствѣ и слабость сосѣдей, при свойствахъ личнаго характера честолюбиваго короля, не могли не вскружить голову, мечтавшую играть въ Европѣ роль Карла Великаго. И вотъ начинается рядъ войнъ, наводнившихъ кровью Европу, возвысившихъ Францію до апогея величія и славы, давшихъ ей не только матеріальное, но и нравственное первенство среди сосѣдей; но чрезмѣрное форсированіе этихъ силъ, стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ внутреннихъ и внѣшнихъ произвели реакцію, и Франція, такъ быстро возвысившаяся на степень первенствующей державы въ мірѣ, такъ же быстро падаетъ, казна истощается, цвѣтъ ея населенія погибаетъ въ безпрерывныхъ войнахъ, всѣ классы страдаютъ, государственные люди ея сходятъ въ могилу и великолѣпный ея король, предписывавшій законы Европѣ, униженно проситъ о мирѣ неумолимыхъ своихъ противниковъ.

Чтобы вести войны со всею Европою Людовику уже недостаточна была его и безъ того многочисленная 120 т. армія, и численность ея начинаетъ быстро возрастать; въ эпоху Нимвегенскаго мира, она считаетъ уже въ своихъ рядахъ до 150 т. челов., а въ войну за наслѣдство испанскаго престола она достигаетъ до колоссальной цифры 350 т. человѣкъ. Конечно, это отразилось и на государствахъ участвовавшихъ въ борьбѣ: вездѣ числительная сила армій увеличивалась въ огромной прогрессіи. Пруссія, при незначительной своей территоріи, имѣла при отцѣ Фридриха Великаго до 70 т. войскъ, небольшое государство Савойское въ началѣ XVIII столѣтія располагало арміею въ 30 т. Такое развитіе вооруженныхъ силъ совершенно измѣнило всѣ дотолѣ существовавшія понятія о военной системѣ; а открытія и усовершенствованія въ техникѣ оружія отразились на тактическомъ составѣ войскъ и на дѣйствіяхъ ихъ въ бою. Въ періодъ до появленія на политической сценѣ Фридриха Великаго, военное искусство вылилось въ формы, весьма отличныя отъ прежнихъ. Веденіе войны сдѣлалось предметомъ теоретическаго изученія; вмѣстѣ съ тѣмъ стратегическое искусство въ практическомъ его осуществленіи утрачиваетъ прежній свой характеръ рѣшительности, цѣли дѣйствій ограничиваются вслѣдствіе системы продовольствія войскъ, важность крѣпостей отражается на успѣхахъ въ инженерномъ дѣлѣ, которое съ появленіемъ Вобана на военномъ поприщѣ далеко пошло впередъ. Но въ то самое время, когда чрезмѣрное могущество Франціи быстро пошатнулось и страна стремительно склонилась почти къ полному упадку, въ восточной Европѣ выступаетъ на всемірно-историческое поприще великое государство, двинутое съ сверхъестественною силою на путь европейскаго прогресса своимъ геніальнымъ государемъ—императоромъ Петромъ Великимъ. Рѣшительное появленіе Россіи среди западно-европейскихъ государствъ рѣзко измѣняетъ всѣ

политическія отношенія между ними, и система европейской политики принимаетъ новый характеръ и направленіе. Россія сразу выступаетъ во всеоружіи ея военнаго могущества, созданнаго хотя по европейскимъ образцамъ, но въ значительной степени на національныхъ началахъ. Продолжительная вооруженная борьба, веденная Петромъ, выясняетъ практическое достоинство новыхъ учрежденій, причемъ военныя дарованія Петра Великаго проявляются въ такихъ формахъ, которыя отмѣчаютъ собою ступени въ самостоятельномъ прогрессивномъ развитіи русскаго военнаго искусства. Россія даетъ образцы, признаваемые поучительными и для западно-европейскихъ армій. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія исторіи развитія военнаго искусства разсматриваемую эпоху мы можемъ назвать *вѣкомъ Людовика XIV и Петра Великаго.*

Способы набора войскъ.

Тридцатилѣтняя война, истощивъ въ конецъ Европу, показала всю невыгоду тогдашней системы вооруженныхъ силъ, состоявшихъ, какъ *извѣстно, изъ наемныхъ войскъ.* Такой составъ арміи не представлялъ надежной гарантіи для достиженія правительственныхъ цѣлей, потому что въ подобныхъ воинахъ не могло существовать нравственныхъ качествъ (чувства долга, преданности отечеству), составляющихъ главную силу армій; кромѣ того, большая или меньшая плата заставляла ихъ переходить отъ одного знамени къ другому, что тяжелымъ бременемъ падало на государство, истощая въ конецъ его финансы; а такъ какъ правительства часто были не въ состояніи выплатить исправно жалованья наемнымъ своимъ дружинамъ, то и принуждаемы были отдавать цѣлыя страны и города на разграбленіе. При подобныхъ недостаткахъ системы наемныхъ войскъ она становилась уже окончательно несостоятельною, когда, по ходу политическихъ обстоятельствъ, для достиженія положенныхъ цѣлей потребовались многочисленныя арміи *).

Правительства повсюду стали переходить къ системѣ войскъ національныхъ и постоянныхъ.

Извѣстно, что во Франціи постоянныя войска являются еще въ царствованіе Карла VII, учредившаго ордонансовыя роты; но послѣ его смерти Людовикъ XI перешелъ опять къ системѣ войскъ наемныхъ.

Затѣмъ указъ, 1543 г., кор. Франсуа I, предписавшаго набирать армію преимущественно изъ *нищихъ, бродягъ, бездомныхъ,* никакъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ начало постояннаго рекрутскаго

*) Еще извѣстный Роганъ въ своемъ сочиненіи: «Le parfait capitaine» высказалъ мысль, что «наборъ солдатъ есть лучшее средство для формированія арміи, нежели вербовка охотниковъ, въ ряды которыхъ идутъ всѣ мошенники и негодяи, способные жить только воровствомъ» (стр. 143).

набора. Армія, набранная изъ такого рода людей, представляла еще меньше гарантіи ко внутренней и внѣшней безопасности государства, нежели войска наемныя. Вооруженныя силы Франціи большею частью состояли изъ войскъ наемныхъ (пѣхота валонская, нѣмецкая кавалерія и итальянскіе инженеры), какъ и въ большей части другихъ государствъ. Ришелье первый подалъ идею о постоянномъ національномъ резервѣ, который долженъ былъ простираться до 60.000 человѣкъ. Указомъ 1636 года повелѣно было брать въ военную службу людей всѣхъ званій, годныхъ къ ней. Единственный наборъ, сдѣланный при Ришелье, когда испанцы угрожали столицѣ, состоялъ изъ 3000 рекрутъ изъ города Парижа (1). Потомъ идея Ришелье была совершенно оставлена. Франція опять перешла къ системѣ наемныхъ войскъ. Люди набирались посредствомъ вербовки, которая производилась слѣдующимъ образомъ: рота, тогдашняя административная единица, была собственностью капитана; какъ роты, такъ и полки продавались, и купившіе ихъ могли лишиться этой собственности только по рѣшенію короля; опасаясь такой случайности, они, разумѣется, стремились всевозможными *) злоупотребленіями поскорѣе возвратить затраченный капиталъ (2). Ротный командиръ, въ качествѣ владѣльца роты, самъ занимался ея комплектованіемъ. Кромѣ того, что онъ заставлялъ вступать въ ея ряды своихъ вассаловъ, онъ обыкновенно посылалъ въ города такъ называемыхъ наборщиковъ (recruteurs), унтеръ-офицеровъ на жалованьи, «pour y faire des hommes», какъ говорилось въ то время. Тщетно король грозилъ тюрьмою и другими наказаніями за насильственную вербовку,— злоупотребленія при такомъ способѣ набора войскъ были неизбѣжны.

Наборщики прибѣгали къ обманамъ, подпаиванію, часто къ насиліямъ, чтобы достать рекрутъ. Срокъ службы для завербованныхъ людей былъ точно опредѣленъ въ 1666 г., а именно 4 года (4).

Злоупотребленія при подобномъ способѣ набора, дурныя качества войскъ, дороговизна ихъ содержанія и въ особенности необходимость содержать многочисленныя арміи, заставили Людовика XIV вернуться къ мысли кардинала Ришелье, къ его идеѣ національнаго рекрутскаго набора. Указомъ 29-го ноября 1688 г. было положено начало прочному образованію *провинціальной милиціи*, которая съ этого времени организуется въ полки и дѣйствуетъ или самостоятельно или придается къ дѣйствующимъ частямъ, причемъ остается на службѣ въ теченіи цѣлыхъ кампаній. Согласно вышеупомянутаго ордоннанса приказано было набрать 25050 чел. для сформированія 30 пѣхотныхъ полковъ. Люди набирались въ губернаторствахъ въ возрастѣ отъ 20 до 40 лѣтъ. Въ губернаторствахъ интенданты распредѣляли контингентъ между

*) Лувуа установилъ таксу на всѣ части; такъ «старый» полкъ продавался за 75000 ливровъ, простые за 30—40 тысячъ ливровъ (2) и т. п.

приходами, каждый изъ которыхъ долженъ былъ выставить одного рекрута *). Въ каждомъ участкѣ, послѣ обѣдни, большинствомъ голосовъ населенія, выбирался рекрутъ изъ числа лицъ, подлежавшихъ набору. Списокъ кандидатовъ на офицерскія должности представлялся губернаторомъ королю, который и дѣлалъ соотвѣтствующія назначенія. Люди ближайшихъ между собой приходовъ образовали роты, офицерами въ которые назначались тоже по возможности лица (преимущественно отставные военные), живущія въ данномъ участкѣ. Роты должны были еженедѣльно собираться для необходимыхъ упражненій, причемъ милиціонеры могли отлучаться изъ своихъ приходовъ только съ разрѣшенія подлежащихъ властей. Во время войны роты соединялись въ полки. Продолжительность службы опредѣлена была въ два года. Милиціонеры обязаны были имѣть хорошую одежду, а изъ оружія—мушкетъ и саблю; доставленіе всего этого, а равно жалованья милиціонерамъ лежало, на обязанности приходовъ, а во время войны относилось на чрезвычайный государственный кредитъ. Числительность ротъ была опредѣлена въ 50 чел., а число ротъ въ полку первоначально простиралось отъ 10 до 20. Таковы были основанія ордоннанса 29-го ноября 1688 г.; но они вскорѣ были отчасти измѣнены. Такъ, въ 1691 году признано было необходимымъ выбирать рекрутъ изъ числа подлежащихъ лицъ посредствомъ *жребія* и. т. п.

Войска эти употреблялись первоначально для защиты береговъ, крѣпостей и т. п., хотя они дѣйствовали также и въ открытомъ полѣ. Послѣ Рисвикскаго мира, 1697, милиціонные полки были распущены. Но уже въ 1701 г., по случаю открытія войны за испанское наслѣдство, объявленъ былъ наборъ 33350 милиціонеровъ: съ этого времени и до Утрехтскаго мира (1712 г.) производился ежегодный призывъ милиціонеровъ.

Данная первоначально Лувуа организація милиціи была видоизмѣнена въ томъ смыслѣ, что милиціонные баталіоны (13 ротъ по 45 ч.) стали придавать къ *дѣйствующимъ* частямъ, въ качествѣ вторыхъ или гарнизонныхъ баталіоновъ, причемъ, впрочемъ, изъ нихъ брали людей на пополненіе полковъ дѣйствовавшихъ на театрѣ войны. Срокъ службы милиціонера хотя оставленъ двухгодичный, но это только въ мирное время, въ военное-же они обязаны были оставаться въ рядахъ до окончанія кампаніи, такъ что люди поставленные приходами въ 1701 г. были удержаны подъ знаменами до 1714 г. Это обстоятельство, въ связи съ неравномѣрностью распредѣленія повинности, породило въ населеніи отвращеніе къ службѣ въ милиціи. Дальнѣйшее развитіе разсматриваемое учрежденіе получило при Людовикѣ XV въ ордоннансѣ отъ 1726 г.

---

*) Впослѣдствіи рекрутъ выставляли отъ участка, платившаго 2000 ливровъ податей.

На милицію стали смотрѣть не только какъ на вспомогательную силу для дѣйствующей арміи, но и какъ на *національный пѣхотный резервъ*. Въ мирное время этотъ резервъ имѣлъ свои кадры и собирался для упражненій.

Съ 1742 г. приказано было набирать людей не только въ деревняхъ, но преимущественно въ городахъ. Срокъ службы назначенъ былъ въ 5 лѣтъ (впослѣдствіи 6 л.); офицерами назначались отставные, а также выпускаемые изъ кадетскихъ ротъ (compagnies de cadets). Недостатокъ хорошихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ (кадръ) милиціи имѣлъ весьма гибельныя послѣдствія на ея боевыя достоинства. Только путемъ продолжительнаго боеваго опыта милиціонеры пріобрѣтали тѣ свойства, которыя дѣлали ихъ полезною помощью полевымъ войскамъ. Числительность милиціи въ 1733 г. простиралась до 84000 чел., а во время войны за австрійское наслѣдство доходила до 145000 чел. Число баталіоновъ доходило до 120 и даже нѣсколько болѣе, силою каждый отъ 600 до 720 чел.; баталіоны соединялись въ военное время по 2 по 3 и образовали полки; нѣкоторые же оставались отдѣльными. Лучшіе люди милиціи отбирались для образованія гренадерскихъ ротъ, которыя затѣмъ соединялись въ отдѣльные баталіоны и образовали пользовавшіяся отличной боевой репутаціей части такъ называемыхъ «королевскихъ гренадеровъ». Со времени войны за австрійское наслѣдство кромѣ этой милиціи имѣлись еще частныя ополченія городовъ (Парижа) и провинцій (Лотарингская), предназначавшіяся для мѣстной службы (5) *).

Такимъ образомъ Франція постепенно перешла къ системѣ постоянныхъ національныхъ войскъ, хотя и вербовка и наймъ существуютъ въ ней почти до самой французской революціи.

Сходныя причины произвели соотвѣтственную реформу въ системѣ вооруженныхъ силъ *Германіи*. Необходимость постоянной національной арміи, какъ органа охраняющаго внѣшнюю безопасность государства и способствующаго къ процвѣтанію внутренняго благосостоянія, выражалась во мнѣніи многихъ современныхъ германскихъ писателей. Такъ, Монтекукули ссылается на императора Льва, сказавшаго, что для прочнаго существованія государства необходимы въ особенности земледѣліе и національное войско (милиція). Въ своихъ мемуарахъ онъ говоритъ:

---

*) Старинное дворянское ополченіе (arrière ban) было созвано во Франціи послѣдній разъ въ 1674 г.; но этотъ призывъ имѣлъ преимущественно характеръ демонстраціи, и король пріобрѣталъ право сказать Европѣ, что созвалъ подъ знамена все свое дворянство. Но лучшая въ военномъ отношеніи часть послѣдняго уже находилась на службѣ, а остальная менѣе всего росположена была вынимать изъ ноженъ заржавѣвшіе дѣдовскіе мечи. По распущеніи этого ополченія начальствовавшій имъ маршалъ Креки замѣтилъ: «я надѣюсь, что король никогда не будетъ имѣть надобности въ призывѣ своего дворянства, т. к. оно совершенно негодно для дѣла» (6).

«Если процвѣтаетъ оружіе, то подъ его охраною процвѣтаютъ торговля и все государство; тамъ-же, гдѣ оно въ упадкѣ — нѣтъ ни здоровья, ни достоинства, ни дѣятельности. Не слѣдуетъ ошибочно думать, что, оставаясь спокойными, вы сами будете наслаждаться спокойствіемъ; напротивъ: кто не безпокоитъ—самъ будетъ безпокоимъ. Величіе государства не можетъ существовать безъ поддержки оружія: если оно (государство) не наноситъ ударовъ, то само ихъ терпитъ: при отсутствіи внѣшнихъ дѣлъ, оно имѣетъ внутреннія. Ни одна вещь подъ солнцемъ не можетъ оставаться неизмѣнной и неподвижной—это всеобщій законъ; нужно возвышаться или падать, расти или опускаться. Блескъ оружія, которое желаетъ только сохранять, а не пріобрѣтать, меркнетъ — оно сперва теряетъ свою славу, а затѣмъ и силу».

Отсюда онъ выводитъ *политическую* и *административную* необходимость постоянныхъ войскъ; *политическую*, чтобы заслужить боязнь и уваженіе сосѣдей и чтобъ быть ко всему готовымъ, пользуясь мгновенно благопріятными обстоятельствами; *административную*,—потому что старые національные солдаты составляютъ *истинную* и *никогда* не *умирающую армію*: истинную, — потому что они окурены порохомъ, испытаны въ войнѣ; не *умирающую*, — потому что ее никогда не распускаютъ, *возобновляя* безпрестанно.

Армію, достаточную для обезпеченія внѣшней безопасности Австріи въ то время, Монтекукули считалъ въ 30 т. человѣкъ: 20 т. пѣхоты, 2 т. драгунъ, 1700 кавалеріи тяжелой и 3 т. легкой (остальное артиллерія),—слѣдовательно кавалеріи $^1/_4$ противъ пѣхоты.

Конечно, содержаніе и обученіе людей должно быть таково, чтобы уничтожить все лишнее, заниматься только необходимымъ. Солдату не нужно знать всей тактики Арріана, всѣхъ тонкостей фехтованія, всѣхъ пріемовъ пикой или мушкетомъ, всевозможныхъ вольтовъ на лошади, всѣхъ фигуръ уставовъ греческихъ; достаточно знать самые простые, естественные,—чѣмъ они проще, тѣмъ полезнѣе (7).

Во второй половинѣ XVII столѣтія имперская армія состояла уже изъ войскъ постоянныхъ и отличалась прочнымъ устройствомъ. Вербовка была обыкновеннымъ средствомъ для комплектированія арміи въ Австріи, но съ 1722 г. производится правильный рекрутскій наборъ, для чего въ этомъ году изданъ рекрутскій уставъ.

Венгрія, обязанная выставлять дворянскій инсурекціонный корпусъ, съ 1715 года должна была давать на службу Австріи постоянные полевые полки (8). Еще Фердинандъ I (1564) населилъ пограничныя съ Турціею страны славянами, кроатами, съ обязанностью охранять австрійскіе предѣлы. Кроаты служили со славою въ имперскихъ войскахъ. Леопольдъ I, присоединивъ къ нимъ и Славонію (1587), далъ границѣ въ 1702 г. правильное военное устройство, остававшееся безъ измѣненія долгое время. Пограничныя войска давали Австріи превосходную пѣхоту; пандуры появляются въ австрійскихъ войскахъ впервые

въ войну за наслѣдство испанскаго престола (9). Вообще войска австрійскія были самаго пестраго состава, но въ то время, когда національные интересы разноплеменнаго государства не выражались съ достаточною силою, а во главѣ арміи стояли такіе полководцы, какъ Монтекукули и Евгеній Савойскій, всѣ силы направлялись къ достиженію государственныхъ цѣлей съ рѣдкимъ единодушіемъ.

Военная система другихъ государствъ Германіи во всемъ почти согласовалась съ имперскою *). Съ конца XVII столѣтія начинаотъ возвышаться *Бранденбургъ*, благодаря великому курфюрсту Фридриху-Вильгельму, образовавшему сильную армію, дававшую ему средства принять дѣятельное и славное участіе въ дѣлахъ Европы.

Первые бранденбургскіе курфюрсты не имѣли постоянныхъ регулярныхъ войскъ и содержали только небольшой гвардейскій конвой и нѣсколько ротъ ланцкнехтовъ, составлявшихъ гарнизонъ въ замкахъ; въ случаѣ же войны обращались къ наемникамъ и собирали ополченіе. Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ (1640—1680), сознававшій необходимость образованія сильной арміи, обратилъ вниманіе на это дѣло и достигъ столь успѣшныхъ результатовъ, что въ 1672 г. могъ уже выставить 26,000 чел., съ которыми совершилъ славную кампанію въ Пруссію и Померанію. Въ видахъ усиленія національной обороны онъ старался образовать въ своей странѣ запасъ обученныхъ солдатъ. Для вербовки каждый полкъ имѣлъ свой округъ (мѣстная вербовка) и назывался внутреннимъ (мѣстнымъ) полкомъ. Люди могли быть увольняемы въ свои округа, но съ тѣмъ, чтобы являться по первому требованію. Въ случаѣ надобности войска вербовались изъ иностранцевъ, а затѣмъ, съ устраненіемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ вербовку, распускались, но кадры ихъ оставлялись и назывались «вольными ротами», а при расположеніи въ крѣпостяхъ «гарнизонными ротами». Этотъ же курфюрстъ, послѣ Вестфальскаго мира, навербовалъ себѣ въ Австріи сотрудниковъ изъ числа распущенныхъ офицеровъ, составившихъ при курфюрстѣ, въ лицѣ лучшихъ ихъ представителей, военный совѣтъ, преобразовавшій прусскую армію.

Эта тщательно обученная армія въ такой степени отличилась въ послѣдующее царствованіе, что, послѣ сраженія при Туринѣ, пр. Евгеній Савойскій могъ свидѣтельствовать: «Я долженъ согласиться, что храбростью и особенно сохраненіемъ порядка прусскія войска превзошли мои». Наслѣдникъ великаго курфюрста, возведенный въ 1701 г. императоромъ Леопольдомъ «безъ особыхъ размышленій», въ королевскій санъ подъ именемъ Фридриха I, заботился о системѣ народнаго воору-

*) Особенно сильнымъ между ними была Саксонія, при воинственномъ своемъ курфюрстѣ Іоаннѣ-Георгѣ III (1695), и Баварія при Максимѣ-Эммануилѣ (1726), участвовавшемъ въ защитѣ Вѣны противъ турокъ въ 1683 г.

женія и развилъ ландмилицію. Милиціонеры собирались одинъ разъ въ недѣлю (кромѣ времени жатвы), обучались своими офицерами, а затѣмъ распускались. Срокъ службы въ ландмиліціи былъ опредѣленъ въ 5 лѣтъ. Хотя милиція не была испытана въ бою, но учрежденіе ея способствовало поднятію военнаго духа населенія. Второй король Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ (1713—1740), грубый въ семьѣ, бережливый въ деньгахъ, мелочный въ военномъ дѣлѣ, этотъ «король-сержантъ», обратилъ все свое вниманіе на скопленіе денежныхъ средствъ, необходимыхъ для образованія сильной арміи и быстрой ея мобилизаціи. Онъ не останавливался ни передъ какими жертвами для увеличенія своихъ силъ, питая при этомъ странное пристрастіе къ людямъ и лошадямъ-гигантамъ. Обученіе и дисциплина войскъ были доведены до совершенства Умирая онъ оставилъ своему наслѣднику армію въ 69.000 чел., въ томъ числѣ 26,000 иностранцевъ, навербованныхъ въ различныхъ странахъ.

Внутри страны, вслѣдствіе постоянныхъ споровъ между ротами и полками относительно права выбора рекрутъ, король, указомъ 1733 года, раздѣлилъ территорію, причемъ каждый изъ полковъ набиралъ рекрутъ исключительно изъ назначеннаго ему округа. Хотя при этомъ по закону существовала только «добровольная вербовка» и даже одинъ изъ самыхъ видныхъ нѣмецкихъ писателей той эпохи, саксонской службы подполковникъ ф. Флемингъ, въ принципѣ не одобряетъ обязательной воинской повинности (имѣя для нея особенное названіе — «усиленная» или «чрезвычайная» вербовка, которая по его же описанію производилась со всевозможными насиліями), но одной добровольной вербовки было совершенно недостаточно, а потому правительству приходилось смотрѣть сквозь пальцы на тѣ возмутительныя насилія, которыя производились вербовщиками. Однимъ словомъ, избѣгали слова «обязательная повинность, а на самомъ дѣлѣ нерѣдко къ ней прибѣгали», но, вопреки закону, безъ всякаго регулированія и обезпеченія личныхъ правъ ([10]).

Англія, благодаря счастливому своему географическому положенію и особымъ условіямъ внутренняго быта страны, представляла совершенно другія явленія. При возстановленіи Стюартовъ въ Англіи извѣстна была только милиція и никакихъ другихъ вооруженныхъ силъ не признавалось. Всякій англичанинъ, имѣвшій 500 ф. стерл. дохода или 6000 ф. капитала, долженъ былъ выставить, снарядить и содержать одного кавалериста. Имѣвшій 50 ф. дохода или капиталъ въ 600 ф.—выставлялъ и содержалъ пикинера или мушкетера. Всего такимъ образомъ выставлялось 130,000 чел. Начальствованіе милиціей принадлежало королю и намѣстникамъ, которые назначали мѣста сбора милиціи для смотровъ и ученій (не болѣе 14 дней въ году). Содержаніе милиціи падало на счетъ правительства только въ случаѣ похода противъ непріятеля. Съ военной точки зрѣнія подобная милиція не имѣла почти никакого значенія и возбуждала презрительныя насмѣшки со стороны даже такихъ національныхъ поэтовъ, какъ Драйденъ, называвшій ее «тяжелымъ

бременемъ во время мира, жалкой защитой во время войны». Тѣмъ не менѣе, открыто напасть на это учрежденіе не рѣшался въ парламентѣ ни одинъ гражданинъ.

Король Карлъ II, желая имѣть при себѣ вѣрную стражу, учредилъ «тѣлохранителей» (gardes du corps), число которыхъ постепенно увеличивалось, и подъ конецъ его царствованія они, вмѣстѣ съ отозваннымъ гарнизономъ Танжера (2 п. пѣхоты и 1 п. кавалеріи), составили ядро постоянной англійской арміи. Къ 1685 году численность арміи простиралась до 8700 чел. Кромѣ этихъ войскъ англійское правительство имѣло наемниковъ, сражавшихся за его интересы на континентѣ Европы. При Іаковѣ II силы постоянной англійской арміи постепенно увеличивались до 20,000 чел., съ военнымъ бюджетомъ уже болѣе 600,000 ф. стерл. Въ случаѣ надобности вооруженныя силы страны увеличивались отрядами шотландскихъ горцевъ, отличавшихся проворствомъ, ловкостью, мѣткостью стрѣльбы и безпрекословно подчинявшихся своимъ вождямъ, которые однако далеко не считали обязательными для себя приказанія англійскихъ генераловъ. Тѣмъ не менѣе иногда англійскому правительству удавалось даже отправлять шотландцевъ на континентъ и, напримѣръ, 1-й шотландскій полкъ съ блескомъ участвовалъ въ сраженіи при Фонтенуа. (11)

Швеція, имѣла небольшое постоянное войско еще съ конца XVI столѣтія. Высокій нравственный элементъ его давалъ Густаву Адольфу много шансовъ успѣха передъ противниками.—Карлу XI удалось окончательно развить шведскую національную систему, когда онъ рѣшился отказаться отъ наемниковъ, обходившихся слишкомъ дорого казнѣ. Онъ сохранилъ существовавшее издавна народное ополченіе и постоянную королевскую гвардію (изъ туземцевъ) съ нѣкоторыми частями спеціальнаго назначенія, долженствовавшими оставаться въ своемъ составѣ въ мирное время и содержимыми на собираемыя подати. Но затѣмъ онъ развилъ національное учрежденіе такъ называемой *индельты*. Всѣ владѣнія, обязанныя поставлять солдатъ, были раздѣлены на роты (для кавалеріи—рюсталь), каждая изъ которыхъ должна была ставить одного солдата. Это дѣленіе было окончено въ 1682 г. и соотвѣтствующія положенія получили названіе indelting Werket. Рота заключала въ себѣ опредѣленный участокъ земли, владѣтели котораго обязаны были поставить одного пѣхотинца. Съ этою цѣлью они выбирали соотвѣтственный участокъ земли съ полевыми, лѣсными и луговыми угодьями и строили на немъ небольшую ферму. Устроенное такимъ образомъ имѣніе называлось *торпомъ* и назначалось для содержанія одного солдата, который въ обработкѣ этой земли находилъ средства существованія для себя и своей семьи. Рота снабжала его достаточнымъ количествомъ земледѣльческихъ орудій, которыя обновлялись въ опредѣленное время, и двумя четвериками сѣмянъ въ годъ. При неурожаяхъ рота снабжала своего солдата извѣстнымъ числомъ ржи. Пра-

вительство давало ему вооруженіе и снаряженіе, а рота одежду и жалованье за время учебнаго сбора; въ военное-же время жалованье уплачивалось правительствомъ, но за то рота содержала торпъ и имѣла попеченіе о семьѣ солдата. По прослуженіи 30 лѣтъ, солдатъ индельты пользовался пенсіей (10— 25 р. въ годъ), а рота оказывала ему воспособленіе предоставленіемъ какой либо работы или же снабженіемъ припасами въ натурѣ; рота же обязана была замѣстить убитаго, уволеннаго или состоящаго на пенсіи солдата, причемъ окончательный пріемъ на службу такого нижняго чина опредѣлялся полковымъ командиромъ. При помощи такого контингента Карлъ XII велъ свои войны, причемъ такъ былъ имъ доволенъ, что по возвращеніи изъ Турціи прилагалъ всѣ старанія, чтобы оставить неприкосновеннымъ это учрежденіе его отца *).

Торпы провинціи образовали полкъ, уѣзда—баталіонъ, нѣсколькихъ селеній—роту. Торпы болѣе доходные (отъ сотенъ до тысячъ рублей) были назначаемы унтеръ-офицерамъ и офицерамъ разныхъ чиновъ, причемъ важнымъ подспорьемъ послужили государственныя земли, на которыхъ Карлъ XI приказалъ выстроить помѣщенія для этихъ чиновъ Владѣльцы государственныхъ имѣній, rusthalen, выставляли кавалеристовъ. Послѣдніе въ добавокъ къ торпу и проч. получали еще и коня отъ владѣльца имѣнія, который тоже могъ пользоваться этимъ конемъ, но не для упряжи. Лошади осматривались особыми ремонтными коммиссіями изъ полковыхъ командировъ и губернаторовъ, а затѣмъ особыми инспекторами кавалеріи (12).

Въ *Турціи* янычары составляли давно уже постоянное пѣхотное войско, силою въ 50,000 чел.; кромѣ того страны, подвластныя Турціи, выставляли для войны сильные контигенты (крымскіе ханы), увеличивавшіеся добровольно вступавшими на службу жителями горныхъ странъ Албаніи и Босніи, изъ которыхъ воинственностью особенно отличались арнауты. Кавалерія состояла изъ мѣстныхъ владѣльцевъ пограничныхъ жителей и безпорядочныхъ скопищъ платившихъ дань Турціи владѣльцевъ; она была многочисленна и отличалась необыкновеннымъ пыломъ своихъ нападеній. Многочисленная артилерія (топчи) сопровождала войска въ походѣ. Кромѣ того имѣлся особый минный корпусъ, такъ называемый «мусселимъ», для постройки дорогъ и укрѣпленій (13).

---

*) Замѣчательно, что остатки арміи Карла XII, по возвращеніи на родину, своими разсказами о его подвигахъ сдѣлали его народнымъ героемъ, несмотря на то, что онъ погубилъ свою страну. И въ то же время великій Густавъ Адольфъ извѣстенъ Швеціи почти только по книгамъ, ибо его наемники, переходившіе изъ одного лагеря въ другой, не могли упрочить въ народномъ сознаніи образъ великаго короля.

Въ *Польшѣ*, вслѣдствіе упадка королевской власти, пала и организація вооруженной силы, основную часть которой составляло дворянство. Съ отпаденіемъ Малороссіи и казаковъ въ Польшѣ учреждены были въ 1670 г. уланы по татарскому образцу, предназначавшіеся для охранительной службы. Вскорѣ затѣмъ была учреждена такъ называемая «народова» кавалерія, изъ четырехъ бригадъ, по 6 эскадроновъ «товарищей» въ каждой, съ вооруженными слугами. Войска дѣлились на польскія и литовскія, причемъ въ составѣ послѣднихъ не было вовсе пѣхоты, а въ составѣ первыхъ на ряду съ прежними пѣхотными частями, устроены были фузилерные полки (14).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв. большая часть государствъ Европы перешла къ системѣ войскъ постоянныхъ, главною причиною чего было непомѣрное увеличеніе числительной силы арміи, вслѣдствіе самого хода политическихъ событій, для чего прежняя система наемныхъ войскъ, при ея дороговизнѣ и ненадежности для достиженія политическихъ цѣлей, становилась уже не состоятельною.

Обратимся теперь къ *нашему отечеству*.

Въ московскій періодъ русской исторіи у насъ постепенно образовалась *помѣстная система* организаціи вооруженныхъ силъ, причемъ самое слово *помѣстье* входитъ въ употребленіе при Іоаннѣ III и означаетъ такое земельное владѣніе, которое отдавалось *собственникамъ* во *временное пользованіе* подъ условіемъ службы во всю жизнь. Сыновья помѣщиковъ, достигнувъ совершеннолѣтія, верстались также помѣстьями. Но еще гораздо ранѣе, въ дружинный періодъ исторіи нашего отечества, и въ особенности съ XII вѣка, высшимъ членамъ дружины, т. е. боярамъ, были раздаваемы князьями земли съ *наслѣдственными* правами подъ именемъ *вотчинъ*. Съ теченіемъ времени эти лица сдѣлались богатѣйшими землевладѣльцами и положили у насъ основаніе родовой аристократіи (15). Такимъ образомъ постепенно на ряду съ немногочисленными вотчинниками явился многочисленный классъ людей, пользовавшихся землею, полновластныхъ хозяевъ ея во время этого пользованія. Но вотчинники стали тоже брать помѣстья, и такимъ образомъ земля явилась предназначенною для испомѣщенія военныхъ людей, а помѣщики главными владѣльцами (16). Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе частыхъ переходовъ помѣстій между членами одного и того-же рода, явилось затрудненіе въ отличіи вотчинныхъ владѣній отъ помѣстныхъ, и наконецъ указомъ Петра Великаго о единонаслѣдіи (1714 г.) всѣ помѣстья обращены въ вотчины.

Такимъ образомъ основаніемъ русскихъ вооруженныхъ силъ въ XIII ст. является сословіе вотчинниковъ и помѣщиковъ, которые образовали изъ себя два разряда служилыхъ людей: *дворянъ* и *дѣтей* боярскихъ. Названіе дворянъ въ первый разъ встрѣчается въ 1566 г. Дворяне постепенно пріі-

обрѣли все большее и большее значеніе и составили высшее служебное сословіе, къ которому принадлежали также всѣ знаменитыя фамиліи и изъ котораго выбирались высшіе государственные чины. Сначала впрочемъ бояре и дѣти боярскіе *) сохраняли относительно дворянъ свое самостоятельное первенствующее положеніе дружинниковъ; но потомъ, съ возвышеніемъ государя и его двора, дворянинъ беретъ верхъ надъ сыномъ боярскимъ, и послѣднимъ именемъ уже означается лишь низшій классъ военныхъ людей. Съ исчезновеніемъ дружинныхъ отношеній, выступаетъ во всей силѣ понятіе службы государю, и является для военныхъ людей названіе *служилые люди*. ([18]).

Кромѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ къ разряду помѣстныхъ войскъ еще принадлежали: новокрещеные, мурзы и татары—потомки знатнѣйшихъ родовъ покоренныхъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и др. Подобно дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, они во время похода являлись на службу со своимъ вооруженіемъ на коняхъ и со свитою ратныхъ вооруженныхъ людей.

Другой элементъ нашихъ старинныхъ вооруженныхъ силъ составляли *даточные люди* — конные и пѣшіе — набираемые только во время *войны* изъ тяглыхъ, а иногда и нетяглыхъ посадскихъ людей и крестьянъ. Это было земское ополченіе, собираемое или со всего государства или изъ нѣкоторыхъ лишь мѣстностей съ извѣстнаго количества земли, или наконецъ опредѣленнаго числа дворовъ. Они получали лошадей, вооруженіе и все содержаніе отъ тѣхъ волостей и городовъ, отъ которыхъ набирались, и оставались на службѣ столько времени, сколько

*) Дворяне дѣлились на *московскихъ*, *жильцовъ и городовыхъ*. Московскіе дворяне принадлежали къ первому разряду войскъ и вмѣстѣ съ жильцами составляли государевъ полкъ—нѣчто въ родѣ гвардіи,—сопровождавшій государя на войну или иногда состоявшій въ походѣ при воеводахъ; въ мирное время онъ участвовалъ въ разныхъ церемоніяхъ и т. п., отличаясь блескомъ одежды, оружія и коней. Дворяне, принадлежавшіе къ государеву полку, чередовались на службѣ по полугодно. Не входившіе въ составъ государева полка московскіе дворяне принадлежали къ особому отряду дворянъ московскихъ, которые были выше городовыхъ дворянъ. *Жильцы* считались въ московскомъ чинѣ, и за свою службу получали особые помѣстные оклады и вотчины, одинаковыя съ московскими дворянами и такое-же жалованье (200 четвертей, 20 руб.). Учрежденіе ихъ относятъ къ половинѣ XVII столѣтія. *Городовые* дворяне (дѣлившіеся на 3 разряда—выборныхъ, дворовыхъ и собственно городовыхъ) вѣроятно происходили отъ дружинъ удѣльныхъ князей; они жили въ своихъ городахъ, пользуясь меньшими правами, помѣстьями и окладами, нежели московскіе дворяне. Переходъ изъ одного разряда въ другой считался наградою, жалуемою обыкновенно за усердную службу. Дѣти боярскіе также какъ и дворяне дѣлились на выборныхъ, дворовыхъ и городовыхъ и имѣли одинаковый съ дворянами окладъ (100—150 четв.).

Кромѣ того имѣлся особый разрядъ боярскихъ дѣтей украинскихъ городовъ, которые равнялись съ городовыми казаками и имѣли помѣстнаго оклада по 50 четвертей ([17]).

требовали военныя обстоятельства ([19]). Само собою разумѣется, что нельзя было требовать отъ подобнаго ополченія военныхъ доблестей и дѣйствительной боевой годности, какъ ихъ не было и въ западно-европейскихъ ополченіяхъ того времени. Продолжительное господство монголовъ, а также развитіе культуры постепенно отучили населеніе отъ оружія. Наряду съ этимъ даточные люди не получали никакого обученія, не имѣли никакой военной организаціи и свѣдущихъ отвѣтныхъ начальниковъ; а потому эта чрезвычайно многочисленная вооруженная сила представляла собою лишь несмѣтную неорганизованную толпу, лишенную сколько нибудь серьезныхъ военныхъ достоинствъ. Недостатки этихъ войскъ въ особенности обнаружились лишь по мѣрѣ выдвиженія Россіи на всемірно-историческое поприще и столкновеніи ея съ западомъ. По словамъ Посошкова, пѣхота и кавалерія не умѣли владѣть своимъ оружіемъ, лошади были плохи, иной дворянинъ и зарядить пищали не умѣлъ, не то что выстрѣлить съ толкомъ. О побѣдѣ мало думали, а хлопотали какъ-бы скорѣе домой. Многіе говорили: «дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать» ([20]). Конечно, трудно было ожидать чего нибудь отъ войскъ, собираемыхъ подобнымъ образомъ, необученныхъ, неорганизованныхъ и представлявшихся лѣтописцу какъ согнанная рать «съ ослопы, съ топоры и съ рогатины» ([21]). Московскіе цари, уже съ давнихъ временъ озабочиваясь этимъ великимъ государственнымъ дѣломъ, принимаютъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ мѣръ для улучшенія вооруженной силы, но къ сожалѣнію всѣ эти мѣры основаны были на невѣрныхъ началахъ и потому не дали ожидаемыхъ результатовъ. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь неисчерпаемыми элементами вооруженной силы, подготовленной всею предшествовавшею нашею исторіею, дать лишь ей правильную организацію, устройство и обученіе и такимъ образомъ создать войско, какъ выраженіе обще-государственнаго могущества, сдѣланы были попытки къ созданію *кастоваго военнаго устройства* и вооруженной силы, питаемой лишь случайными или ограниченными элементами, а потому и не выражающей вовсе собою всей оборонительной силы страны.

Іоаннъ IV въ безпрестанныхъ войнахъ съ Польшею и Швеціею не могъ не замѣтить важнаго недостатка въ устройствѣ русской пѣхоты и намѣревался устранить его заведеніемъ *стрѣльцовъ* (вѣроятно около 1550 г.), набиравшихся изъ вольныхъ охочихъ людей, которые не состояли въ тяглѣ. Вѣроятно съ самаго начала стрѣльцы были частью и конные. Они обязывались службою лично и съ семействами, и считались на службѣ до конца жизни или полной неспособности. Въ мирное время они составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, особенно пограничныхъ, отправляли различныя полицейскія должности, участвовали въ церемоніяхъ и т. п. Во время войны они присоединялись къ другимъ войскамъ.

Стрѣльцы пользовались различными преимуществами: каждый изъ

нихъ получалъ отъ казны особую землю и выстроенный казною домъ, гдѣ жилъ съ семействомъ и могъ заниматься разными промыслами. Онъ былъ свободенъ отъ всякихъ податей и службъ, обязательныхъ для прочихъ городскихъ жителей, причемъ освобождался даже и отъ торговыхъ пошлинъ, если торговалъ на сумму менѣе 50 руб. Сверхъ того стрѣльцы получали денежное жалованье (на одежду), провіантъ, а во время войны—подводы или деньги на подъемъ. Стрѣльцы раздѣлялись на *московскихъ* и *городовыхъ*, причемъ первые имѣли значительныя преимущества надъ послѣдними, какъ по окладамъ, такъ и по службѣ. Московскіе стрѣльцы несли службу по-недѣльно; въ городахъ сперва посылались на два года, а съ 1682 г.—выпросили право посылать ихъ не болѣе какъ на годъ. Всѣ вышеупомянутыя привилегіи дѣлали стрѣлецкую службу весьма лестною для бѣдныхъ жителей городовъ и селъ, страдавшихъ отъ обременительныхъ налоговъ, а потому недостатка въ охотникахъ служить въ этихъ войскахъ не было, и стрѣлецкіе головы припимали таковыхъ не иначе, какъ за круговою порукою старыхъ стрѣльцовъ ([22]). Имѣя много свободнаго времени для неслужебныхъ занятій и получая главную часть выгодъ не отъ правительства, а отъ своихъ промысловъ и наслѣдственныхъ привилегій, стрѣльцы стали дорожить ими болѣе, нежели расположеніемъ начальства, и постепенно сдѣлались отдѣльною кастою, бывшею не только ненадежнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, но часто враждебной ему, подобно турецкимъ янычарамъ. Опасность увеличивалась еще оттого, что стрѣльцы жили не разсѣянно въ деревняхъ, а въ городахъ сосредоточенно, въ особыхъ слободахъ. Хотя Алексѣй Михайловичъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ думали преобразовать ихъ и обучить по европейски, но такъ какъ эти мѣры противорѣчили ихъ интересамъ, то и не привились на практикѣ. Наконецъ страшные бунты стрѣльцовъ во время малолѣтства Петра Великаго окончательно ихъ обезславили и были причиною уничтоженія этого кастоваго войска ([23]).

Существовалъ также еще особый видъ національной вооруженой силы—*городовые козаки*, конные и пѣшіе. Сначала они избирались изъ вольныхъ нетяглыхъ людей, большею частью изъ безземельныхъ батраковъ или такъ называемыхъ казаковъ. О нихъ упоминается еще при Василіи Темномъ, и вѣроятно они сначала образованы были въ городахъ, лежавшихъ на татарской границѣ Россіи. За хорошую службу казаки стали получать помѣстныя земли съ обязанностью быть готовыми къ походу по первому требованію; земли имъ давались преимущественно въ пограничныхъ мѣстахъ, гдѣ нужны были люди для защиты отъ внѣшнихъ нападеній и такимъ образомъ явились помѣстные казаки въ городахъ замосковскихъ, украинскихъ, понизовыхъ и мещерскихъ. Казаки жили на правахъ боярскихъ дѣтей и обязаны были являться на службу со своимъ оружіемъ и лошадьми, получая тогда опредѣленное жалованье. Впрочемъ, не всѣ казаки были помѣщиками и

многіе изъ нихъ (во внутреннихъ городахъ) состояли на правахъ стрѣльцовъ, получая одинаково съ ними хлѣбное жалованье, пользуясь торговыми привилегіями и т. п.

Кромѣ того къ составу вооруженныхъ силъ принадлежали еще новокрещены; мурзы, князья татарскіе и казаки донскіе, волжскіе, терскіе, о которыхъ будетъ сказано ниже. Дворяне, дѣти боярскіе, новокрещены, мурзы, князья татарскіе и городовые казаки имѣли одинаковое устройство, состояли въ одномъ спискѣ Разряднаго приказа и принадлежали въ каждомъ городѣ къ городовому полку, нося по имени своего города одно названіе (тулянъ, рязанцевъ, муровцевъ, и т. п. (24).

Наконецъ прислугой при артиллерійскихъ орудіяхъ были *пушкари*, затинщики, плотники, кузнецы и гранатчики, которые жили по укрѣпленнымъ городамъ отдѣльными слободами, несли постоянную службу и состояли на содержаніи правительства; къ нимъ причислялись еще *воротники*, служившіе собственно караульными въ крѣпостяхъ и никогда не участвовавшіе въ походахъ. Всѣ эти люди получали отъ казны хлѣбное жалованье, имѣли въ городахъ или слободахъ свои дома, гдѣ жили съ семействами и занимались торговлею и другими промыслами, причемъ пользовались нѣкоторыми льготами. (25).

Для сбора войскъ, при объявленіи войны, государь посылалъ *обсрщиковъ* изъ знатныхъ и довѣренныхъ людей по всѣмъ городамъ, назначеннымъ участвовать въ походѣ, что опредѣлялось въ Разрядномъ приказѣ—высшемъ правительственномъ мѣстѣ по учету службы и наряду всѣхъ служилыхъ людей. Тамъ велись особыя книги службы городовъ и отдѣльныхъ лицъ. По высылкѣ всѣхъ служилыхъ людей въ городъ, сборщикъ составлялъ разборные списки, въ которыхъ означалось сколько каждый беретъ съ собою людей и лошадей (боевыхъ и обозныхъ), а также заносились всѣ новики (съ 17—18 лѣтъ) особою статьею. Собранные люди отправлялись къ общему сборному пункту войска, гдѣ воевода осматривалъ ихъ по представленнымъ ему спискамъ, провѣрялъ ихъ прежнюю службу, оклады, распредѣлялъ по статьямъ и опредѣлялъ жалованье, собирались также свѣдѣнія о неявившихся, «*нѣтяхъ*», и составлялись списки всѣмъ «*естямъ*» и «*нѣтямъ*», которые отсылались къ государю въ Разрядъ (26).

При такомъ порядкѣ призыва и сбора войскъ, легко понять всю медленность организаціи арміи и неудобство этого, когда война являлась внезапно. Если сюда прибавить и вышеупомянутые недостатки нашихъ старинныхъ войскъ, какъ боевой силы, то необходимость ихъ улучшенія будетъ очевидной. Устройствомъ стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, повидимому, исчерпаны были попытки къ самобытной реорганизаціи войскъ. Мѣры эти, удовлетворивъ на время частнымъ потребностямъ и, въ окончательныхъ своихъ послѣдствіяхъ, приведя къ опаснымъ результатамъ, не были достаточны при новыхъ внѣшнихъ отно-

шеніяхъ и вызвали рядъ попытокъ *подражательнаго* характера, попытокъ къ устройству войскъ по европейскому образцу.

Еще Борисъ Годуновъ охотно принималъ въ царскую службу всѣхъ способныхъ иностранцевъ; нѣкоторые изъ нихъ сами предлагали свои услуги, другихъ «приговаривали» наши послы за границею; наконецъ брали нѣкоторыхъ изъ плѣнниковъ, особенно ливонцевъ и поляковъ. Такъ возникла въ концѣ XVI столѣтія иноземная дружина въ 2500 человѣкъ, получавшихъ значительное содержаніе, денежные и помѣстные оклады и состоявшихъ подъ начальствомъ своихъ капитановъ (Маржеретъ и др.). По воцареніи Шуйскаго иноземная дружина разсѣялась во всѣ стороны, а во время борьбы за свободу отечества вожди народнаго ополченія отклоняли всѣ вызовы иноземцевъ, желавшихъ вступить въ нашу службу, говоря, что они болѣе не нужны, что русскіе служатъ и бьются за вѣру и царство безъ жалованья и спасутъ отечество и безъ наемныхъ людей.

Въ началѣ царствованія Михаилъ Ѳедоровичъ слѣдовалъ тому же пути, но затѣмъ, видя все таки небходимость имѣть людей искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, собралъ разсѣянныхъ въ Россіи всѣхъ иноземцевъ «стараго выѣзда» и образовалъ изъ нихъ нѣсколько ротъ, преимущественно изъ грековъ, сербовъ и валаховъ, подъ начальствомъ ротмистровъ ([27]). Само собою разумѣется, что существованіе этихъ нѣсколькихъ ротъ не могло принести ни особеннаго вреда, ни особенной пользы, еслибы молодой царь, основываясь на опытѣ успѣшной борьбы народной силы, укрѣпилъ бы и развилъ систему національныхъ войскъ, давъ имъ правильную организацію и обученіе подъ руководствомъ опытныхъ военачальниковъ, частью уже имѣвшихся въ нашихъ войскахъ, а частью для того вновь подготовленныхъ. Но вмѣсто того Михаилъ Ѳедоровичъ вступаетъ на ложный путь найма иностранныхъ бандъ и организаціи кастоваго войска. Съ этою цѣлью, во 1-хъ, онъ отправилъ въ западныя государства двухъ полковниковъ нанять до 7000 «охочихъ нѣмцевъ» въ полномъ вооруженіи и на все время замышляемой войны съ Польшею; во 2-хъ, велѣлъ набрать у себя нѣсколько полковъ конныхъ и пѣшихъ изъ безпомѣстныхъ и малопомѣстныхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ вольныхъ людей и ввѣрилъ ихъ нѣмецкимъ офицерамъ для обученія ратному дѣлу. Первая мѣра, какъ и слѣдовало расчитывать, не принесла ожидаемой пользы. Иноземныя банды, состоя изъ людей разныхъ націй, нисколько не привязанныя къ странѣ, въ которой служили, удерживались у знаменъ только корыстью и были имъ вѣрны лишь дотѣхъ поръ, пока это отвѣчало ихъ личнымъ разсчетамъ *).

*) Достаточно въ этомъ отношеніи вспомнить поведеніе войскъ Де-ла-Гарди въ сраженіи подъ Клушинымъ, 1610 г., когда большая часть ихъ взбунтовалась противъ своего начальника и, во время самаго боя, перешла на сторону непріятеля.

Испытавъ неудачу съ наемными иноземцами, правительство тѣмъ ревностнѣе стало, черезъ пословъ и торговыхъ агентовъ, приговаривать за границею къ русскую службу способныхъ «начальныхъ» людей — полковниковъ, капитановъ, ротмистровъ, поручиковъ, прапорщиковъ и капраловъ, для обученія русскихъ войскъ иноземному строю. Эти мѣры въ особенности развиты были при Алексѣѣ Михайловичѣ. На зовъ откликнулось значительное число лицъ различныхъ національностей, и русскіе цари могли вполнѣ устроивать свои войска и обучать ихъ по иноземному образцу. Но, опять-таки, вмѣсто того, чтобы обратиться ко всеобщей земской силѣ и ее-то организовать и подготовить для вооруженной борьбы, принятая военная система уклонилась отъ этихъ широкихъ началъ и новая вооруженная сила обособляется отъ истинныхъ элементовъ народнаго могущества.

Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ иноземцы «стараго выѣзда» образовали полки подъ названіемъ *копейныхъ рейтарскихъ*, *драгунскихъ и солдатскихъ* *). Полки эти имѣли совершенно отдѣльное устройство отъ русскихъ силъ и состояли въ вѣдѣніи не Разрядnаго, а Иноземнаго приказа. Въ службу эту, кромѣ иноземцевъ, набирались мелкопомѣстные дворяне, дѣти боярскіе, новокрещены, дѣти стрѣлецкихъ, казачьихъ и всякихъ вольныхъ людей, которые не въ службѣ, не въ тяглѣ и не въ холопствѣ: въ солдаты же брали кромѣ того и изъ крестьянъ (кромѣ Сибири, Астрахани и Казани) изъ трехъ братьевъ одного, изъ 4-хъ двухъ.

Рейтары, состоя сперва изъ однихъ иностранцевъ, получали содержаніе и жалованье изъ Иноземнаго приказа, а во время похода для ихъ продовольствія назначались особыя волости, съ которыхъ они получали хлѣбъ и фуражъ. Затѣмъ нѣкоторымъ иноземцамъ (особенно стараго выѣзда) стали давать помѣстья и вотчины, а другихъ начали отсылать на кормъ въ города — отсюда явились два разряда иноземцевъ: помѣстные и кормовые ([29]). Рейтары, какъ начальные, такъ и рядовые, проживали въ своихъ помѣстьяхъ, и не болѣе одного мѣсяца въ году, обыкновенно осенью, послѣ уборки хлѣба, занимались ратнымъ ученіемъ, по особому предписанію правительства. Полковникъ пріѣзжалъ въ городъ, въ уѣздѣ котораго былъ его полкъ, собиралъ людей, осматривалъ ихъ, и, раздавъ по фунту пороха на человѣка, обучалъ строю, а затѣмъ по окончаніи сбора, предупредивъ о всегдашней боевой готовности, распускалъ людей ([30]).

Драгуны несли службу конную и пѣшую (преимущественно на украинской границѣ). Они получали опредѣленное жалованье (3 р. въ годъ),

---

*) Изъ копейщиковъ составлялись иногда особые полки, подъ названіемъ копейныхъ ротъ гусарскаго строя. Драгуны образовали мало полковъ и придавались командами къ рейтарскимъ полкамъ ([28]).

съ кормовыми; лошади, оружіе и ратная сбруя выдавались отъ казны. По окончаніи похода драгуны распускались по домамъ, а лошади со сбруею и сѣдлами отсылались по разнымъ областямъ на кормъ жителямъ (по одной лошади на 4 двора) ([31]); оружіе же хранилось у воеводъ или въ монастыряхъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ драгуны были сравнены въ правахъ своихъ съ городовыми стрѣльцами и получили осѣдлость преимущественно на Украинѣ; каждому драгуну было отведено по 25 четв. земли, которую онъ воздѣлывалъ и съ нея несъ свою службу ([32]). Вообще драгуны были близки къ русскимъ служилымъ людямъ—состояли почти на одинаковыхъ правахъ съ стрѣльцами и казаками, имѣли право торговать въ городахъ и заниматься разными промыслами, съ тѣми же преимуществами, какъ и стрѣльцы ([33]).

Солдатскіе полки (поселенные преимущественно на шведской границѣ), вначалѣ дѣлились на нѣмецкіе и русскіе, а впослѣдствіи, когда ихъ стали приравнивать къ стрѣльцамъ, явились полки московскіе городовые и выборные. Солдаты (или желдаки) жили въ Москвѣ и по городамъ въ особыхъ слободахъ, извѣстныхъ еще и теперь подъ названіемъ солдатскихъ. Всѣ они, какъ русскіе, такъ и иноземные, зависѣли отъ Иноземнаго приказа и оттуда получали (по-мѣсячно) жалованье и кормовыя по такимъ же окладамъ, какъ и драгуны. Оружіе, порохъ и свинецъ солдаты получали отъ казны. Вообще по устройству солдаты много сходствовали со стрѣльцами, но пользовались меньшими привилегіями, имѣли лучшихъ начальниковъ и болѣе обучались ратному дѣлу, хотя корыстолюбіе начальниковъ не всегда дѣлало ихъ добрыми сосѣдями мирныхъ гражданъ ([34]).

Всѣмъ поступившимъ въ рейтарскіе или солдатскіе полки, равно какъ и записаннымъ въ городовые полки, велись подробные списки въ Разрядномъ приказѣ и у областныхъ воеводъ. Для повѣрки личнаго состава и вооруженія ротныхъ людей посылались время отъ времени въ области особые чиновники, называвшіеся *разборщиками*; они же записывали новичковъ въ соотвѣтствующій родъ службы, смотря по имуществу каждаго ([35]).

Такимъ образомъ, окончательная форма нашихъ вооруженныхъ силъ представляется въ видѣ *системы мѣстныхъ поселенныхъ войскъ*, стрѣлецкихъ, солдатскихъ и рейтарскихъ, находившихся на постоянномъ содержаніи у правительства.

Тѣмъ не менѣе вполнѣ *регулярными* войсками ихъ нельзя было назвать ни по степени ихъ обученія, ни по характеру ихъ службы и занятій въ мирное время. Учебные сборы войскъ были весьма непродолжительны; полковники и ротмистры не имѣли хорошихъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ; переведенный при Алексѣѣ Михайловичѣ съ нѣмецкаго уставъ (Ученіе и хитрость ратнаго строя) былъ слишкомъ сложенъ, во многомъ неисполнимъ, что, при малограмотности народа

и плохомъ знаніи учителями русскаго языка, не могло дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

Дисциплина была также неудовлетворительна, какъ вслѣдствіе краткости пребыванія людей подъ знаменами, такъ и по недостатку спеціально-военныхъ законоположеній; существованіе мѣстничества было также не малымъ препятствіемъ къ укорененію дисциплины въ войскахъ, гдѣ сынъ родовитаго боярина относился съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ еретику-нѣмцу. Вооруженіе войскъ, снаряжавшихся въ большей своей части на собственный счетъ, было разнообразно и малоудовлетворительно. Наконецъ, самый характеръ занятій людей въ мирное время—землепашество, промыслы, торговля,—обезпечивавшихъ въ извѣстной мѣрѣ ихъ существованіе, вовсе не подготовлялъ ихъ въ военномъ отношеніи. Собрать эту массу людей для похода было не легко, не смотря на самые строгіе указы. Даже иноземцы, голодною толпою прибывавшіе къ намъ, заживались въ новопожалованныхъ имѣньяхъ, нерѣдко засиживались въ своей деревнѣ до третьяго «нѣта», послѣ чего, наказанные въ третій разъ батогами, они высылались за границу ([36]).

Всѣ исчисленныя выше войска въ послѣдній годъ царствованія Ѳеодора Алексѣевича распредѣлялись на 9 разрядовъ или корпусовъ, которые именовались по мѣстамъ, гдѣ были расположены полки.

Всего считалось 38 солдатскихъ полковъ (поселенныхъ преимущественно на шведской границѣ), числительностью въ 61 т. чел., 21 стрѣлецкій полкъ, всего 20 т. чел.; рейтаръ и копейщиковъ 29 т. и дворянъ и дѣтей боярскихъ 31 т., или же 81000 пѣхоты и 60000 кавалеріи всего 141000 чел. Эта цифра значительно увеличилась сборомъ даточныхъ людей и присоединеніемъ многочисленныхъ отрядовъ донскихъ, малороссійскихъ и др. казаковъ ([37]).

Недостатки не только нашихъ старинныхъ ополченій, но и полковъ иноземнаго строя обнаружились ясно во время смутъ въ малолѣтство Петра, когда въ виду ихъ развивались крамолы стрѣльцовъ и когда начальники ихъ играли двусмысленную роль, выжидая, которая сторона возьметъ верхъ. Однимъ словомъ весь ходъ событій и развитія военнаго дѣла указывалъ на необходимость созданія *постояннаго регулярнаго войска*, и слава этого великаго учрежденія въ Россіи принадлежитъ *Петру I*.

Еще юношей онъ окружилъ себя дружиной, такъ называемыми *потѣшными*, набиравшимися, по охотѣ, изъ конюховъ, иноземцевъ, дѣтей дворянъ и т. п. Команда эта вооружалась и обучалась по европейскому образцу. Государь самъ записался въ нее солдатомъ и несъ всѣ обязанности рядоваго: спалъ съ другими въ палаткѣ, ѣлъ солдатскую пищу, стоялъ въ очередь на часахъ и т. п. Царь не только изучалъ иностранный воинскій уставъ, но и упрощалъ его, выбрасывая все излишнее ([38]). Между тѣмъ число потѣшныхъ постепенно увеличивалось и въ 1691 году изъ нихъ сформированы были Преображенскій и Семе-

новскій полки. Въ тоже время укомплектованъ былъ Бутырскій Гордоновъ полкъ, а Лефортъ сформировалъ полкъ частью изъ иноземцевъ, частью изъ русскихъ. Однако главная часть арміи, участвовавшей въ Азовскихъ походахъ 1695 и 1696 г.г., состояла по прежнему изъ стрѣлецкихъ и солдатскихъ полковъ и конныхъ ополченій, дворянъ и дѣтей боярскихъ *). Стрѣлецкіе бунты вскорѣ убѣдили Петра въ негодности самыхъ элементовъ, изъ которыхъ была составлена масса нашихъ вооруженныхъ силъ. Вслѣдствіе этого въ 1698 году стрѣльцы были уничтожены, а большая часть солдатскихъ полковъ расформирована. Затѣмъ въ слѣдующемъ 1699 году, Петръ Великій, готовясь къ войнѣ со Швеціею, для сформированія новой арміи рѣшился обратиться къ «развитію и лучшему устройству *стариннаго элемента нашихъ ратей, представлявшаго собою выраженіе земской силы цѣлаго народа, а не одного какого-либо сословія или военной касты*, а именно онъ обратился къ сбору *даточныхъ людей*» (40). Изъ набранныхъ въ 1699 году 32000 чел. было сформировано 27 пѣхотныхъ и 2 драгунскихъ полка, распредѣленныхъ въ 3 дивизіи.

Въ послѣдующіе годы подобные же наборы производились по мѣрѣ надобности постоянно увеличивавшейся нашей регулярной арміи, достигшей въ 1720 году численности въ 175,000 чел. Первоначально наборы производились также какъ и сборы даточныхъ людей, и даже распредѣленіе повинности по числу душъ началось только послѣ первой ревизіи, произведенной въ 1722 году, а до тѣхъ поръ повинность опредѣлялась по числу дворовъ. Въ указѣ 1705 года, собираемые даточные люди впервые названы *рекрутами* и съ тѣхъ поръ комплектованіе нашей арміи до новѣйшаго времени производилось посредствомъ *рекрутскихъ наборовъ*, причемъ *обязательная воинская повинность* является однимъ изъ основныхъ началъ нашего государственнаго устройства (41). Такимъ образомъ, въ этомъ дѣлѣ Россія значительно опередила западную Европу, гдѣ, какъ мы видѣли, основной, а частью и исключительный, элементъ вооруженныхъ силъ образовали наемныя войска. Хотя идея обязательности воинской повинности и начала пробуждаться въ умахъ нѣкоторыхъ писателей и военныхъ практиковъ, но на дѣлѣ она еще долго не осуществлялась, а если находила нѣкоторое частное примѣненіе, то лишь по отношенію къ войскамъ второстепеннаго назначенія, къ образованію

*) Во второмъ Азовскомъ походѣ участвовали 30 п. солдатскихъ (38,800 ч.); 13 п. стрѣлецкихъ (9,597); 6 п. малороссійскихъ (15,000 ч.); донск. казаковъ 5,000 ч.; калмыковъ 3,000 ч.; низовыхъ конныхъ стрѣльцовъ и яицкихъ казаковъ 500 ч.; всего около 75 т. Солдатскіе и стрѣлецкіе полки раздѣлены были на три дивизіи; ратныхъ московскихъ конныхъ людей, изъстольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ, было всего 3,816 ч., изъ нихъ 3,500 образовали 37 конныхъ ротъ подъ начальствомъ избранныхъ ими ротмистровъ, а остальные 316 исполняли обязанности завоеводчиковъ, есауловъ, дозорщиковъ и проч. (39).

такъ называемыхъ милицій или ополченій. Только съ революціи 1789 г. мы находимъ во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ государствахъ широкое примѣненіе принципа общеобязательности воинской повинности, развитой и установленной у насъ еще Петромъ Великимъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что идея Петра Великаго въ практическомъ ея примѣненіи была постепенно ограничиваема его наслѣдниками, какъ мы это ниже увидимъ.

Принципъ защиты всей земли *всею совокупностью земскихъ силъ* издревле составлялъ основаніе обычного права всѣхъ славянскихъ и германскихъ народовъ въ первоначальномъ ихъ быту. Но съ основаніемъ новыхъ государствъ, съ водвореніемъ на западѣ феодальнаго порядка вещей, идея общеобязательности совершенно исчезла на западѣ и «право оружія» присвоилъ себѣ исключительно феодалъ завоеватель, сдѣлавшійся господиномъ покоренныхъ туземцевъ *). При образованіи же нашего государства принципъ общеобязательности воинской повинности остался во всей своей силѣ, и въ случаѣ опасности *даточные* люди отъ земли являлись на защиту земскихъ интересовъ. Такъ сохранилъ свой національный характеръ основной элементъ нашихъ воруженныхъ силъ. Въ составъ созываемыхъ ополченій входили всѣ сословія, какъ крестьянство, такъ городскіе жители и дворянство. При этомъ, въ отличіе отъ запада, наши дворяне не были завоевателями, феодальными властелинами, по отношенію къ своимъ крестьянамъ, а лишь простыми помѣщиками, общественныя права и преимущества которыхъ вытекали исключительно изъ принятаго ими на себя обязательства нести общественную повинность въ видѣ военной службы. При первыхъ попыткахъ ввести у насъ регулярныя войска (стрѣльцы, рейтары, солдаты) по европейскому образцу, въ основу такого улучшенія была положена идея кастоваго устройства войскъ. Петръ же Великій, обратясь къ древнѣйшему и коренному элементу нашихъ вооруженныхъ силъ, распространилъ свои рекрутскіе наборы на всѣ сословія государства, за исключеніемъ дворянъ, которые и *безъ того обязаны были лично служить всю жизнь* или до полнаго истощенія ихъ силъ. Въ послѣдующія царствованія начали постепенно допускаться разныя льготы и изъятія по воинской повинности, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ ихъ категорій или классовъ. Обусловливалось это главнѣйшимъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при образованіи нашей регулярной арміи, составленной изъ національныхъ элементовъ, были приняты нѣкоторыя основанія, вполнѣ умѣстная въ *вербованныхъ войскахъ*, но безполезныя или явно противорѣчащія самому духу общенародной арміи; основанія эти: во первыхъ, *неограниченный по жизненный срокъ службы* и, во—

*) Вопросъ этотъ подробно обслѣдованъ въ моемъ трудѣ: «Исторія военнаго искусства въ средніе вѣка».

вторыхъ, *неразборчивость въ выборѣ элементовъ*, допускаемыхъ въ ряды арміи. Хотя помѣщики, стрѣльцы и солдаты обязаны были тоже пожизненной службой, но за то призывались они на весьма короткое сравнительно время, чего во всякомъ случаѣ нельзя было сравнивать съ непрерывной пожизненной службой. Затѣмъ отдача бродягъ, людей порочныхъ и т. п въ военную службу сначала выработалась какъ обычай въ самомъ населеніи, которому предоставлено было назначать на службу людей изъ своей среды, а затѣмъ этотъ обычай получилъ законодательную санкцію, причемъ отдавались въ рекруты нерѣдко преступники по судебнымъ приговорамъ, или по рѣшенію помѣщиковъ, наиболѣе негодные крестьяне и т. п. При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, военная служба представлялась повинностью чрезвычайно тяжелой, отъ которой всѣми силами стремились избавиться, какъ всѣ сословія поднявшіяся надъ нисшими классами общества, такъ и отдѣльныя лица, которыя заслуживали покровительства или вниманія правительства.

Прежде всего было даровано при Аннѣ Іоановнѣ, въ 1736 г., облегченіе дворянамъ, заключавшееся въ томъ, что одинъ изъ братьевъ могъ оставаться дома для веденія хозяйства, а для прочихъ срокъ службы ограничивался 25 годами; затѣмъ въ 1762 г., была дарована императоромъ Петромъ III грамота о вольности и свободѣ россійскому дворянству (освобожденіе дворомъ отъ службы по достиженіи офицерскихъ чиновъ, съ сохраненіемъ за правительствомъ права призывать ихъ къ поголовной службѣ въ случаѣ особой государственной потребности). Анна же Іоанновна позволила покупать крестьянъ для поставки рекрутъ за купеческія общества, а Екатерина II уволила купечество вовсе отъ поставки рекрутъ, замѣнивъ эту повинность денежною.

Затѣмъ послѣдовали еще и нѣкоторыя другія изъятія, какъ сословнаго характера, такъ и по мѣстностямъ, о чемъ нѣтъ надобности говорить, а можно лишь упомянуть, что въ конечномъ результатѣ около 20% населенія имперіи были освобождены отъ рекрутской повинности или полностью или за денежный взносъ. (42)

Во всякомъ случаѣ въ эпоху Петра Великаго вопросъ о воинской повинности разрѣшенъ былъ у насъ на столь широкихъ и вѣрныхъ началахъ, какъ ни въ одномъ изъ западныхъ государствъ.

Казаки. Въ составѣ вооруженныхъ силъ Россіи уже въ разсматриваемую эпоху казаки играли важную роль.

Время перваго появленія казаковъ не можетъ быть опредѣлено въ точности, и первыя свѣдѣнія о нихъ имѣются отъ времени Дмитрія Донскаго. Затѣмъ около половины XV столѣтія упоминаются рязанскіе и московскіе казаки—это собственно городовые.

Образованіе казаковъ на Руси происходило такимъ путемъ, что болѣе энергическіе и предпріимчивые люди шли на границу и за границу, въ «поле», сели-

нсь тамъ и принимали названіе казаковъ, заимствованное у татаръ. При этомъ казаки, жившіе въ предѣлахъ Московскаго княжества, составляли пограничное войско, обязанное сторожевой, развѣдывательной и пограничной службой, а ушедшіе въ поле—жили вполнѣ самостоятельно, нападая на враговъ, а иногда и на своихъ. Впослѣдствіи, освободившись отъ татарскаго ига, Московское государство начинаетъ быстро расширять свои предѣлы на югъ и востокъ; а рядомъ съ этимъ вскорѣ Псковъ и Рязанская область теряютъ свою самостоятельность; наконецъ, присоединеніемъ Сѣверской области положенъ конецъ удѣламъ. Съ утратою Рязанскою областью своей самостоятельности, жизнь рязанскихъ казаковъ сдѣлалась стѣснительнѣе, нельзя уже было по прежнему своевольничать, а потому, вѣроятно, казаки эти съ частью населенія княжества и всѣми тѣми, кому жизнь въ Московскомъ государствѣ въ новыхъ условіяхъ была тягостна, ушли въ «поле», даже на Донъ и Терекъ, чѣмъ и положено было основаніе новымъ казачьимъ общинамъ. Къ тому же въ 1502 г., Крымскій ханъ Менгли-Гирей разрушилъ Золотую орду и южныя степи стали доступнѣе для русскихъ выселенцевъ.

Для охраненія своихъ границъ отъ усилившагося новаго врага—татаръ—правительство учреждаетъ на болѣе вѣроятныхъ (въ зависимости отъ корма) путяхъ непріятельскаго вторженія особые разъѣзды, «сторожи»—донецкія, путивльскія, епифанскія, мценскія, орловскія, шацкія и проч. Службу эту несли казаки, дѣти боярскія, и другіе ратные люди. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что со времени Дмитрія Донскаго южная граница государства лишь немного отодвинулась къ югу, но зато на востокѣ и юго-востокѣ она быстро расширялась; такъ въ 1552 г., съ паденіемъ Казани, русскіе быстро овладѣваютъ всѣмъ краемъ до Урала; затѣмъ съ устьевъ Волги они быстро переносятся къ Тереку, гдѣ уже въ 1577 году былъ заложенъ г. Терки при устьи р. Сунжи. Всѣ эти мѣста наполняются казаками изъ пришлаго, вольнаго люда, которые, ища еще большаго приволья, подъ предводительствомъ Ермака, въ 1582 году завоевываютъ Сибирское царство.

Такимъ образомъ во второй половинѣ XVI ст., кромѣ городовыхъ казаковъ, упоминаются уже цѣлыя казачьи войска: Донское, Гребенское, Терское, Волжское и Яицкое. Быстрому образованію казачьихъ войскъ способствовали: во первыхъ, расширеніе предѣловъ Россіи и занятіе обширныхъ незаселенныхъ пространствъ; во вторыхъ, тяжелое состояніе нисшихъ классовъ въ Московскомъ государствѣ и, въ третьихъ, закрѣпощеніе крестьянъ. Послѣдняя причина проявила свою силу лишь въ послѣдующее время. Прикрѣпленіе крестьянъ (1590 г.) породило массу недовольныхъ, бѣжавшихъ къ казакамъ, которые вскорѣ, съ появленіемъ самозванцевъ и паденіемъ законной власти, начинаютъ свободно хозяйничать въ всемъ русскомъ государствѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, со вступленіемъ на престолъ, тотчасъ занялся очищеніемъ государства отъ казаковъ и приведеніемъ ихъ въ подчиненіе себѣ. Донцы и другіе казаки скоро признали его власть и затѣмъ участвовали въ составѣ русскихъ вооруженныхъ силъ во время продолжительныхъ послѣдующихъ войнъ. Алексѣй Михайловичъ, пользуясь усиленіемъ государственной власти, еще болѣе твердою рукою держитъ казаковъ, число которыхъ значительно увеличивается, между прочимъ вслѣдствіе религіозныхъ смутъ, вызванныхъ исправленіемъ старыхъ книгъ. Недовольные новыми порядками, казаки подъ предводительствомъ Разина, поднимаютъ бунтъ, съ трудомъ подавленный въ 1670 г., что не осталось безслѣднымъ въ порядкѣ отношенія московскихъ государей къ казакамъ, и уже въ 1671 г. донцы впервые присягаютъ царю и повторяютъ затѣмъ это всякій разъ при вступленіи на престолъ государей. Тѣмъ не менѣе положеніе казаковъ было особенное, и, по словамъ Котошихина, когда они пріѣзжали въ Москву, то «имъ честь бываетъ такова, какъ чюжеземскимъ нарочитымъ людямъ».

Теперь обратимся къ другой важной, многочисленной отрасли казаковъ—къ *малороссійскому* казачеству.

При нашествіи монголовъ на Русь, какъ извѣстно, болѣе всего пострадало приднѣпровье, составлявшее когда-то центръ русской жизни. Всѣ уцѣлѣвшіе сильные и зажиточные люди торопились покинуть обездоленную страну и стремились въ мѣста болѣе безопасныя, отдаленныя или лучше защищенныя центральною властью. На приднѣпровской территоріи остаются лишь общинники, которые мало-по-малу выходятъ изъ своихъ убѣжищъ, заселяютъ прежнія села и возстановляютъ хотя отчасти свои общинныя права. Села, избавленныя отъ бояръ, примыкаютъ къ жизни городскихъ общинъ, а незначительное число бояръ остаются лишь владѣльцами земель, населенныхъ рабами. Общинники платятъ татарамъ дань, но сохраняютъ самоуправленіе. Такое состояніе продолжается до XIV столѣтія, когда юго-западная Русь подчиняется новому вліянію—литовскому. Литва выступаетъ на историческое поприще въ то время, когда германскіе крестоносцы, поселившись (XIII ст.) въ Пруссіи, начали предпринимать свои завоеванія и насильственное крещеніе народовъ, принадлежавшихъ къ литовскому племени. Эти событія дали толчекъ къ объединенію литовцевъ (Миндовсъ) и развитію опредѣленныхъ феодальныхъ отношеній между княземъ и зависѣвшими отъ него начальниками мелкихъ племенъ. Послѣдніе, получивъ отъ князя утвержденіе своихъ правъ, обязываются за это выставлять для войны опредѣленное число вооруженныхъ людей. Такъ какъ борьба Литвы съ нѣмцами пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія, то литовскіе князья стремятся расширить свои владѣнія, въ видахъ пріобрѣтенія свободныхъ земель, для раздачи ихъ ленникамъ и увеличенія такимъ образомъ своихъ вооруженныхъ силъ. Ослабленная политически Русь представляетъ наибольшую возможность для осуществленія такихъ стремленій. Захватываемыя литовцами русскія области раздаются въ ленъ русскимъ князьямъ, или родственникамъ приближенныхъ литовскихъ князей на вышеуказанныхъ условіяхъ. Съ овладѣніемъ Гедиминомъ въ 1320 г. всѣмъ поднѣпровьемъ, Кіевомъ и частью Черниговской земли, а сыномъ его Ольгердомъ остальною частью Черниговскаго и Сѣверскаго княжествъ, вся юго-западная Русь попала подъ владычество Литвы. Во время этой борьбы боярскій элементъ, сопротивлявшійся Литвѣ, при равнодушіи прочаго населенія, почти совершенно исчезъ въ приднѣпровской Руси, частью будучи истребленъ, а частью разбѣжавшись. Водворенное вмѣсто прежняго боярства литовское рыцарство обязывалось ленными отношеніями къ князю, а по отношенію къ населенію полученныхъ удѣловъ, довольствовалось платимою ему данью, не вмѣшиваясь во внутреннее его устройство. На собираемыя деньги литовскіе князьки могли нанимать достаточное количество войскъ изъ мѣстныхъ жителей. Оставшіеся въ сторонѣ немногочисленные русскіе бояре были сильно ограничены въ своихъ правахъ и обязывались являться въ войско князя, защищать его замокъ, выставлять подводы, возить письма и т. п. Вліяніе ихъ на общины совершенно исчезло (потомки ихъ впослѣдствіи извѣстны подъ именемъ *панырныхъ* и *путныхъ*-почтовыхъ—бояръ). Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что на Волыни и въ западной Подоліи литовскіе князья встрѣтили болѣе сильное боярское сословіе и не могли его такъ ограничить въ правахъ, какъ въ другихъ русскихъ земляхъ. Когда же (1434—1454 гг.) Волынь и Подолія были присоединены къ Польшѣ, то русскіе бояре и литовскіе дружинники получили права польской шляхты, причемъ на этой территоріи общины были ими подавлены и низведены на уровень польскаго поспольства. Наоборотъ страны на востокъ, какъ упомянуто уже, сохранили свое демократическое общинное устройство, чему способствовало и географическое положеніе этихъ земель, подверженныхъ постоянно татарскимъ набѣгамъ, причемъ жители постепенно привыкли сами отражать грозившую опасность. Такимъ образомъ, если шляхетскія привилегіи на Волыни и въ западной Подоліи привлекали туда

шляхту, то, наоборотъ, въ нижнихъ слояхъ населенія происходило обратное движеніе—на востокъ, въ привольныя приднѣпровскія страны, гдѣ общинники сохраняли свои нормы жизни и находили защиту въ своихъ воинственныхъ собратахъ. Въ концѣ XV и началѣ XVI ст. приднѣпровскіе князья должны были, примѣняясь къ обстоятельствамъ, войти въ извѣстныя сдѣлки съ общинниками. Эти князья, потомки Гедиминовичей, способствуютъ юридическому и военному развитію общинъ, удерживая за собою только право верховной власти надъ ними во время мира и начальство надъ ихъ ополченіями во время войны, а также вотчинныя права надъ селами, населенными несвободными людьми. Историческіе слѣды этого устройства встрѣчаются уже въ началѣ XV ст. подъ чуждымъ, заимствованнымъ у татаръ, именемъ *казаковъ*; князья, предводительствующіе ими, называются со времени Ружинскаго *гетманами*.

Евстафій Ружинскій первый далъ казакамъ правильное военное устройство. Вмѣсто существовавшаго неравномѣрнаго дѣленія на куреи и околицы, казаки были раздѣлены на 20 полковъ съ выборною старшиною и полнымъ правомъ самосуда; княжескіе старосты и намѣстники были устранены отъ вмѣшательства въ казацкія дѣла. Эта реформа привлекла къ Ружинскому и тѣ казацкія общины, которыя въ стремленіяхъ къ подобной же реорганизаціи встрѣтили сопротивленіе со стороны своихъ князей. Король Сигизмундъ I подтвердилъ новую реформу и призналъ вѣчною собственностью тѣ земли казаковъ, на которыхъ они были поселены по обоимъ берегамъ Днѣпра. Послѣ смерти Ружинскаго выборное начало торжествуетъ среди казаковъ и въ гетманы выбираются не князья, а люди, выдающіеся личными заслугами. Такая прочная организація казацкихъ силъ оказалась весьма полезной въ виду послѣдовавшихъ событій. Въ 1569 году состоялась унія Литвы съ Польшей, причемъ литовское и русское дворянство было уравнено въ правахъ съ польской шляхтой. Польскія юридическія отношенія признавали только три сословія: 1) шляхетское, пользовавшееся безграничными правами; 2) холопское, состоявшее въ полной зависимости отъ перваго, и 3) мѣщанское, созданное магдебургскимъ правомъ въ нѣкоторыхъ лишь городахъ. Такимъ образомъ, казацкое общинное народонаселеніе не соотвѣтствовало ни одной изъ этихъ категорій. Съ мѣщанствомъ ни по своимъ занятіямъ, ни по своему мѣстопребыванію, казаки ничего общаго не имѣли; причислить казаковъ къ холопамъ — это значило попрать всѣ ихъ права и вызвать на практикѣ величайшія затрудненія; наконецъ, допущеніе многочисленныхъ казаковъ къ шляхетскому сословію—было тоже невозможно, такъ какъ дворянство, дорожа своими привилегіями и опасаясь потерять свое значеніе, все болѣе и болѣе затрудняло доступъ въ свое сословіе. Король Сигизмундъ-Августъ началъ было раздавать шляхетскія права цѣлымъ селамъ вольныхъ общинниковъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ такія села были не особенно многочисленны (такъ образовались «околицы» со сплошнымъ дворянскимъ населеніемъ въ сѣверной части Кіевскаго и Волынскаго воеводствъ), но преемникъ его Стефанъ Баторій обратился къ совершенно другой мѣрѣ. Чтобы съ одной стороны не возбуждать шляхты введеніемъ въ ея составъ значительнаго числа казаковъ, а съ другой, чтобы разрознить силы послѣднихъ, онъ рѣшилъ изъ числа всѣхъ казаковъ, составлявшихъ при Ружинскомъ двадцать полковъ (т. е. по крайней мѣрѣ 40,000 семействъ), предоставить дворянскія права только 6,000 семействъ, такъ-называемыхъ *реестровыхъ казаковъ*. Эти послѣдніе, кромѣ дворянскихъ правъ, получали жалованье (деньги и сукно), право выбора старшинъ, самосудъ и т. д. Остальные же казаки должны были слиться съ крѣпостнымъ населеніемъ и поступить въ подданство тѣхъ пановъ, которымъ были подарены королемъ ихъ земли, или же поступить подъ управленіе королевскихъ старостъ въ качествѣ подданныхъ короля, отбиравшаго на себя ихъ земли. Мѣра эта никого не удовлетворила. Нереестровые казаки, не чувствуя за собою достаточныхъ

силъ, стали опираться на крѣпостное сословіе и вмѣстѣ съ нимъ подняли рядъ возстаній противъ польскаго правительства. Такимъ образомъ, главная причина этихъ возстаній лежала въ нарушеніи польскимъ правительствомъ и шляхтою *общиннаго устройства* казаковъ. Только впослѣдствіи (при Конашевичѣ) къ этой главной причинѣ примѣшивается и другая—религіозныя притѣсненія украинскаго народа.

Между тѣмъ, многіе изъ казаковъ бѣжали въ пустыя пограничныя степи, въ такъ-называемое *Запорожье*, гдѣ власть шляхты и королевскихъ урядниковъ были безсильны. Тамъ, въ этихъ привольныхъ мѣстахъ, еще со времени присоединенія Волыни и Подоліи къ Польшѣ, собирались отряды выходцевъ, которые или по прошлой своей дѣятельности имѣли основаніе опасаться оставаться въ украинскихъ поселеніяхъ, или же обладали предпріимчивымъ характеромъ, вызывавшимъ ихъ на болѣе обширное поприще дѣятельности. Въ началѣ XVI столѣтія между ними пріобрѣлъ извѣстность Евстафій *Дашковичъ*, который задумалъ дать прочную организацію своимъ товарищамъ-бѣглецамъ. На сеймѣ въ Петроковѣ въ 1511 году онъ, въ виду татарскихъ набѣговъ на южно-русскія земли, предложилъ, какъ самое лучшее и дешевое средство,—признать запорожскихъ скитальцевъ войскомъ Рѣчи Посполитой и поручить имъ охраненіе границъ. Предложеніе это было принято, и Дашковичъ, возвратившись въ Запорожье, далъ ему устройство и организацію, состоявшія въ развитіи до возможнѣйшихъ предѣловъ общинныхъ началъ. При Дашковичѣ въ Запорожьи было не болѣе 2,000 чел., но число это увеличивается постепенно, соотвѣтственно стремленію поляковъ расширить свое право въ южно-русскихъ земляхъ. Всѣ притѣсняемые и угнетенные судьбой находятъ пріютъ въ Запорожьи, между которымъ и Украйной устанавливается самая тѣсная связь, а запорожцы принимаютъ самое дѣятельное участіе въ казацкихъ возстаніяхъ.

Запорожцы, усиливаясь непомѣрно, воевали не только съ Польшей и татарами, но, совершая морскіе походы, вносили свое оружіе въ отдаленныя турецкія провинціи, которыя предавали грабежу. Слава, пріобрѣтенная запорожцами, особенно подъ начальствомъ энергическаго и талантливаго атамана Конашевича Сагайдачнаго (начало XVII столѣтія), распространилась по всей Украйнѣ, которая въ борьбѣ съ поляками сильно на нихъ опирается. Казацкіе отряды, возстающіе противъ поляковъ, принимаютъ и на Украйнѣ имя запорожцевъ, и подъ названіемъ Запорожья выступаетъ вся недовольная Польшею южная Русь. Польское провительство энергически борется съ Запорожьемъ, но тщетно. Притомъ, выступая походомъ на Москву, оно само нуждается въ помощи казаковъ и обращается къ нимъ съ просьбами. Этимъ пользуется Сагайдачный, принимаетъ титулъ гетмана обоихъ береговъ Днѣпра и Запорожскаго, ставя такимъ образомъ свою власть выше власти атамановъ реестровыхъ и кошеваго, и объединяетъ все казачество. Стремясь возвратить казакамъ все ими утраченное, Сагайдачный указываетъ имъ болѣе обширные интересы для борьбы съ поляками, чѣмъ до тѣхъ поръ, а именно религіозные и соціальные. При немъ впервые казаки берутъ на себя защиту церкви, а также открываютъ свои ряды для поспольства, съ которымъ дѣлятся правами и на которое опираются при послѣдующихъ возстаніяхъ. Сагайдачный искалъ также связей съ сосѣдними государствами — Турціей и Россіей.

Послѣ Конашевича притѣсненія казаковъ и Украйны возобновляются съ новою силою. Польское правительство задумывало даже полное уничтоженіе казаковъ. Хотя эта несообразная мѣра не была приведена въ исполненіе, тѣмъ не менѣе безпрерывныя гоненія побудили православныхъ малороссіянъ бѣжать въ Московскую Русь, гдѣ они селились слободами на южной окрайнѣ. Такъ въ 1640 г. упоминаются слободы подъ Ливнами, Мценскомъ, Воронежемъ, Курскомъ и пр. Вмѣстѣ съ крестьянами выходили и казаки со своимъ начальствомъ и уже

въ 1651 году изъ поселенныхъ «черкасъ» составлены казачьи полки: Сумскій, Изюмскій, Ахтырскій и Острогожскій, а черезъ два года еще Харьковскій.

Такимъ образомъ, къ началу XVII столѣтія на югѣ и юго-востокѣ Польши и Россіи появляются казачьи войска, земли которыхъ, соприкасаясь между собою, охватываютъ кольцомъ всю южную границу. При этомъ граница Московскаго государства со стороны Крыма и отъ набѣговъ заволжскихъ племенъ была охраняема, какъ сказано выше, «сторожами», высылаемыми изъ пограничныхъ городковъ, которые по географическому положенію можно раздѣлить на передніе (Алатырь-Темниковъ-Шацкъ-Рязскъ-Пронскъ-Новосиль-Мценскъ-Орелъ-Путивль-Рыльскъ) и задніе (Рязань-Тула-Серпуховъ). Сторожи передней линіи доходили до устья Ворсклы, до Дона и даже Азова. Далеко впереди отъ границъ выдвинулись русскіе посты: въ низовьяхъ Дона-Донское войско, на Яикѣ и Терекѣ-Яицкое, Гребенское и Терское, а остатки дружины Ермака—проникли черезъ всю Сибирь. Что касается Польши, то тамъ на границахъ государства находимъ малороссійскіе казачьи полки, а впереди ихъ, тоже въ видѣ передового поста,—Запорожское войско (южнѣе нынѣшняго Екатеринослава).

Полки состояли изъ 8—15 сотенъ; во главѣ ихъ стояла полковая, а въ главѣ сотенъ—сотенная старшина.

Въ Малороссіи притѣсненія и возстанія продолжались; наконецъ, послѣ шестилѣтней (1648—1654) борьбы гетмана Богдана Хмѣльницкаго, государь Алексѣй Михайловичъ согласился принять Малороссію въ свое подданство. Гетманъ и прочая старшина присягнули православному царю, причемъ гетману предоставлены были обширныя права, ставившія его въ полунезависимое положеніе по отношенію къ русскому государю; такъ, напримѣръ, онъ могъ принимать чужеземныхъ пословъ, донося о семъ царю, могъ награждать за заслуги недвижимымъ имуществомъ и т. п.

Старшина, т. е. полковники, есаулы, сотники, писаря, получили подтвержденіе ихъ привиллегій. Число реестровыхъ казаковъ было опредѣльно въ 60,000 чел. Нельзя сказать чтобы такая организація казаковъ и характера отношеній ихъ къ государственной власти представляла собою прочные основы для правильнаго развитія казачества, какъ составной вооруженной силы государства. Русскіе государи, съ постепеннымъ усиленіемъ центральной власти, не могли смотрѣть дружелюбно на полунезависимое положеніе малороссійскаго гетмана, который, въ свою очередь, въ своихъ правахъ находилъ основы и побужденія къ дальнѣйшему развитію этой независимости. Съ другой стороны старшина, замѣнивъ собою польскихъ помѣщиковъ, являлась противникомъ расширенія гетманской власти, и въ тоже время угнетала низшіе классы населенія; наконецъ, сами казаки являлись привилегированнымъ классомъ, жившимъ отчасти на счетъ крестьянъ. Пользуясь такою взаимною враждою, правительство, въ видахъ государственныхъ цѣлей, постепенно ограничивало власть и права какъ гетмана такъ и старшины, вводя при каждомъ избраніи гетмана нѣкоторыя ограничительныя статьи. Такъ сначала являются царскіе воеводы въ разныхъ городахъ, затѣмъ гарнизоны, потомъ ограничивается и отнимается право сношенія съ иностранными дворами, уменьшается до 30,000 чел. число регистровыхъ казаковъ и, наконецъ, въ резиденціи гетмана, Батуринѣ, ставится стрѣлецкій полкъ. Котошихинъ хорошо опредѣляетъ въ данномъ случаѣ предусмотрительную политику московскихъ государей, говоря о пріѣзжающихъ старшинахъ: «а дается имъ жалованье и поденный кормъ для того, что еще учинились они въ подданствѣ вновѣ, а тѣмъ-бы ихъ къ вѣчному подданству постояннѣе приманить, а какъ въ подданствѣ позастарѣютъ и имъ такой чести и жалованье убудетъ.» Вскорѣ гетманы въ значительной степени утрачиваютъ свою власть.

Совершенно иное устройство имѣло *запорожское войско*. Всякій вступив-

шій туда давалъ обѣтъ воевать за христіанскую вѣру, ходить въ храмъ и исполнять положенные посты и церковные обряды. Всѣ запорожцы были равны, жили вмѣстѣ въ куреняхъ, имѣли самый простой общій столъ, подчинялись куреннымъ атаманамъ и, въ высшемъ порядкѣ,—кошевому атаману; женатые могли поступать въ «товарищество», но имъ воспрещалось, подъ страхомъ смертной казни, вводить женщинъ въ Сѣчь (Спчь), укрѣпленную столицу казачества. Запорожцы владѣли и окрестною страною, раздѣленною на «паланки», гдѣ занимались сельскими промыслами, и такимъ образомъ представляли собою, съ одной стороны, передовой православно-христіанскій постъ для борьбы съ невѣрными, а съ другой—передовыхъ культурныхъ піонеровъ южныхъ степей. Такова была организація этого воинственнаго, полумонашескаго «лыцарства». Хотя гетманы и считали запорожцевъ подчиненными себѣ, но это была власть номинальная, и запорожцы рѣшали свои походы собственною властью. Вообще Сѣчь была почти совершенно независима какъ отъ Польши, такъ и отъ Россіи, хотя по Андрусовскому перемирію (1667) считалась въ одновременномъ подчиненіи обоимъ правительствамъ.

При императорѣ Петрѣ Великомъ произошла существенная перемѣна какъ въ порядкѣ развитія казачьихъ войскъ, которое происходитъ уже не самостоятельно, а исключительно по усмотрѣнію правительства, такъ и въ отношеніяхъ правительственной власти къ казакамъ. Измѣны гетмановъ, жалобы старшинъ и казаковъ заставили центральное правительство вмѣшиваться все болѣе и болѣе во внутреннія дѣла Малороссіи. Однако выборный гетманъ Мазепа, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Петра I, открыто измѣняетъ ему при вторженіи Карла XII въ Россію въ 1708 году. Вслѣдствіе этого новый гетманъ (Скоропадскій), избранный по приказанію государя, пользуется своею властью только номинально. Въ 1722 году учреждается малороссійская колегія, а по смерти Скоропадскаго назначенный гетманъ Полуботокъ вскорѣ умираетъ въ крѣпости. Когда же старшина просила объ избраніи гетмана, то Петръ отвѣчалъ: «слѣдуетъ пріискать надежнаго человѣка, а пока учреждено правительство, и такъ до гетманскаго избранія не будетъ остановки, почему о семъ дѣлѣ докучать не надлежитъ». Что касается запорожцевъ, то вслѣдствіе ихъ измѣны Сѣчь была разворена до основанія, а бѣжавшіе послѣ Полтавскаго сраженія запорожцы поступили въ турецкое подданство и основали Сѣчь на Днѣпрѣ, около нынѣшняго города Алешки.

Число слободскихъ казаковъ грамотою 1700 г. было сокращено до 3500 чел., а послѣ Полтавскаго сраженія въ слободскихъ поселеніяхъ расположена была цѣлая пѣхотная дивизія. Положеніе Донскихъ казаковъ тоже измѣнилось. Такъ со взятіемъ Азова въ 1696 г. въ устьяхъ Дона явился оплотъ русской правительственной власти, причемъ казаки не могли производить своихъ поисковъ на морѣ противъ турокъ и крымцевъ. Требованія правительства о выдачѣ бѣглыхъ тоже возбуждали неудовольствія донцевъ, которые, наконецъ, подняли бунтъ подъ начальствомъ Булавина. Бунтъ былъ подавленъ, виновные жестоко наказаны, множество поселеній уничтожено, и часть земель отобрана у казаковъ. Наконецъ, съ 1723 года атаманы уже не выбираются казаками, а назначаются правительствомъ. Такимъ образомъ, казаки постепенно подчиняются центральной власти и составляютъ важный элементъ въ составѣ вооруженныхъ силъ государства.

Въ концѣ царствованія Петра Великаго считаютъ казаковъ: малороссійскихъ 60,000, донскихъ 14,000, яицкихъ 3,000, терскихъ (астраханскихъ) 1,800 и гребенскихъ 500, всего около 80,000; кромѣ того городовыхъ до 3,000 и слободскихъ 3,500 — итого болѣе 86,000; въ тоже время регулярной кавалеріи было всего 45,000 (44).

Содержаніе и продовольствіе войскъ въ мирное и военное время.

Важная реформа, послѣдовавшая въ системѣ набора вооруженныхъ силъ большей части европейскихъ государствъ, не могла не отразиться на измѣненіи идеи о содержаніи и продовольствіи армій. До XVI столѣтія порядокъ продовольствія войскъ отвѣчалъ системѣ образованія армій, которыя состояли изъ ополченій и наемныхъ войскъ; первыя снабжались реквизиціями, собираемыми тѣми лицами, которыя посылались для созыва ополченій; наемныя же войска довольствовались капитанами (ротными командирами), на что по контракту имъ отпускались извѣстныя суммы. Заботы правительства заключались въ томъ, чтобы на рынкахъ по пути движенія войскъ имѣлись достаточные запасы продовольствія. Во время войны всѣ эти средства умножались добычей и грабежемъ. Съ увеличеніемъ армій такая система оказалась неутовлетворительной, и правительства должны были взять на себя заботы о томъ, чтобы войскамъ поставлялись припасы въ достаточномъ количествѣ. Тогда обратились къ системѣ подрядовъ. Сюлли, наконецъ, ввѣрилъ снабженіе войскъ чинамъ, находившимся на государственной службѣ. Но вскорѣ финансовыя затрудненія заставили снова возвратиться къ реквизиціямъ ([44]). Такимъ образомъ, по прежнему вся забота начальства заключалась въ томъ, чтобы въ мирное или военное время въ пунктахъ нахожденія войскъ собрано было на рынкахъ достаточное количество продовольствія всѣхъ видовъ, затѣмъ каждый солдатъ заботился лично о своей одеждѣ и ѣдѣ. Магазиновъ не существовало кромѣ арсеналовъ съ оружіемъ, выдаваемомъ правительствомъ солдатамъ; при недостаткѣ его капитанамъ выдавались деньги, и они уже сами заботились о вооруженіи ввѣренныхъ имъ частей.

Начальникъ отдѣльной части, капитанъ или полковой командиръ, былъ такимъ образомъ полнымъ, неограниченнымъ собственникомъ своей части; никакого контроля со стороны правительства не существовало. Оно ограничивалось только выдачею по числу показываемыхъ людей жалованья и другихъ предметовъ довольствія натурою или деньгами, устраняя отъ себя дальнѣйшія попеченія объ устройствѣ солдатскаго быта. Ясно какого рода злоупотребленія проистекали изъ этого: капитаны старались всегда показывать по спискамъ большее количество людей, нежели было на самомъ дѣлѣ, и, съ другой стороны, не выдавали всего слѣдующаго солдату. Не получая должнаго отъ начальства, солдатъ вымѣщалъ это на жителяхъ. Грабежи и разбои сопровождали пребываніе войскъ въ краѣ и часто истощали его въ конецъ. Когда арміи были не многочисленны, то подобныя злоупотребленія не такимъ тяжелымъ бременемъ ложились на государство. При новой системѣ вооруженныхъ силъ, увеличивавшихся въ сильной прогрессіи, явилась необходимость контроля, чтобы выдаваемыя въ большихъ

размѣрахъ суммы на содержаніе войскъ доходили до потребителей. Отсюда происхожденіе корпуса чиновъ военной администраціи во Франціи.

Въ каждой области Франціи имѣлся *интендантъ*, лицо политическое, облеченное финансовою, юридическою и административною властью; затѣмъ военный *коммисаръ*, лицо исключительно военное, вѣдавшее войсковую полицію, производившее войскамъ смотры по хозяйственной части и удовлетворявшее ихъ потребностямъ; наконецъ, военный *контролеръ*, чиновникъ по финансовой части. Всѣ эти элементы—органы центральной власти—претерпѣвали въ своемъ значеніи различныя измѣненія и переживали судьбы центральной власти, будучи съ нею тѣсно связаны: съ усиленіемъ ея ихъ значеніе тоже увеличивалось—и наоборотъ.

Военные коммисары сдѣлались вѣрнѣйшимъ орудіемъ Лувуа не только въ смыслѣ контрольномъ, но и какъ средство для развитія той военно-административной централизаціи, которую онъ проводилъ. Вскорѣ многіе изъ нихъ не ограничивались уже сферой своей дѣятельности, но даже вмѣшивались въ дѣла до нихъ не относившіяся, что возбуждало неудовольствія войскъ. Коммисары производили войскамъ *инспекторскіе смотры*. Въ военное время смотры эти производились во Франціи 3 раза въ году: въ маѣ, іюлѣ и сентябрѣ; внутри государства—каждый мѣсяцъ. Цѣль подобныхъ смотровъ заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы производить учетъ людей, находившихся на жалованьи. Коммиссаръ повѣрялъ число людей, наблюдалъ чтобъ они были извѣстнаго, положеннаго закономъ возраста, годны къ службѣ и пр. Въ случаѣ злоупотребленій онъ имѣлъ право людей негодныхъ къ службѣ отправлять домой, удерживая изъ жалованья капитановъ деньги на ихъ отправленіе; онъ провѣрялъ также состояніе, одежды, оружія и пр.

Подобное учрежденіе было большимъ шагомъ впередъ къ водворенію порядка въ администраціи; но часто учрежденіе хорошее по теоріи оказывается дурнымъ на практикѣ. Интересы коммисара нерѣдко сходились съ интересами капитана или полковника. Иногда капитанъ задобривалъ инспектирующаго его коммисара подарками — и все сходило благополучно. При добросовѣстности-же послѣдняго, капитанъ могъ легко его обмануть въ учетѣ людей, показавъ въ день смотра полное по спискамъ число людей, посредствомъ такъ называемыхъ *passe—volants*, т. е. нанятыхъ людей, которые находились дѣйствительно въ рядахъ только въ день инспекторскаго смотра. Пользуясь военнымъ временемъ, обыкновенно ихъ показывали убитыми въ сраженіи и затѣмъ они снова воскресали подъ другими именами. Также самое дѣлалось и въ кавалеріи относительно лошадей, одежды войскъ и пр. ([45]). Въ Германіи инспекторскіе смотры еще менѣе достигали цѣли, какъ увидимъ ниже ([46]).

Не смотря на всѣ старанія правительства, въ особенности во Франціи въ министерство Лувуа, ограничить злоупотребленія капитановъ и

вообще начальниковъ частей, зло пустило слишкомъ глубокіе корни. При существовавшей системѣ набора войскъ, когда большая половина ихъ составлялась еще вербовкою, по необходимости приходилось сквозь пальцы смотрѣть на злоупотребленія капитановъ, тѣмъ болѣе что мѣста ихъ и полковниковъ покупались. Рота или полкъ были цѣнностью, которою спекулировали люди богатые, стараясь на подчиненныхъ имъ солдатахъ собрать возможно большіе проценты съ потраченнаго на покупку капитана. Подобная система существовала во Франціи до министерства Шуазёля, отнявшаго отъ капитановъ эту собственность, ограничивъ ихъ исключительно получаемымъ ими жалованьемъ, причемъ содержаніе и отчетность по суммамъ возложена была на особыхъ лицъ, такъ называемыхъ *квартирмейстеровъ* (quartiers—maitres). Къ тому же въ это время по всюду, и въ особенности во Франціи при Людовикѣ XIV, полки были арендами, отдававшимися любимцамъ. Какой нибудь petit-maître, проигравшійся въ Парижѣ, ѣхалъ въ провинцію командовать полкомъ, чтобы поправить свои финансовыя обстоятельства, не имѣя никакого призванія къ военной службѣ *). Ясно къ какимъ результатамъ должна была привести подобная система замѣщенія начальническихъ мѣстъ.

Въ большей части германскихъ государствъ (въ земляхъ имперскихъ, бранденбургскихъ) въ мирное время оно лежало на сельскихъ обывателяхъ, обязанныхъ доставлять квартирующимъ у нихъ людямъ, кромѣ помѣщенія и отопленія, также и пищу.

Чтобы уничтожить злоупотребленія, сопряженныя съ постоемъ войскъ, правительства стали поручать гражданскимъ властямъ сборъ продовольствія для войскъ и удовлетвореніе ихъ сообразно потребностямъ, по требованію воинскихъ начальниковъ. Отсюда происхожденіе довольствія войскъ *изъ магазиновъ*, получившее во Франціи полную силу еще при министрѣ Ле-Телье (предмественный Лувуа).

Еще въ 1577 году Генрихъ II учредилъ продовольственныхъ комиссаровъ (commissaires aux vivres) съ обязанностью устраивать магазины при прохожденіи войскъ, а также покупать или собирать реквизиціей все необходимое для довольствія крѣпостныхъ гарнизоновъ. Вскорѣ для поставники продуктовъ обратились къ подрядчикамъ, но замѣтивъ недостатки этой системы, Сюлли ввѣрилъ заботы о продовольствіи правительственнымъ чиновникамъ. Ришелье нѣсколькими ордонансами (1627—1631 г.) упрочилъ эту систему, развивая тотъ при-

*) Г-жа Севиньи приводитъ въ одномъ изъ своихъ писемъ разговоръ военнаго министра съ офицеромъ: «М. г. ваша рота въ очень плохомъ состояніи»—говоритъ министръ.—М. г. я этого не знаю, отвѣчаетъ офицеръ.— Это надо знать; видѣли вы ее?» Нѣтъ—«Надо-бы вамъ ее видѣть».—М. г. я отдамъ приказанія.—«Слѣдовало бы ихъ отдать; нужно выбирать одно изъ двухъ: или быть придворнымъ, или исполнять свои обязанности».

цинъ, что заботы о продовольствіи войскъ, какъ въ мирное такъ и въ военное время, должны лежать на правительствѣ. Служба эта выполнялась въ каждой провинціи интендантскимъ совѣтникомъ по продовольственной и этапной частямъ, а въ каждомъ приходѣ — коммисаромъ, смотрителемъ магазина. Во главѣ этихъ чиновниковъ находился генералъ-интендантъ. Въ тоже время въ арміяхъ это дѣло предоставлялось поставщикамъ (munitionnaires). Послѣ Ришелье описанная система приходитъ въ упадокъ. Замѣчательныя улучшенія въ этомъ дѣлѣ принадлежатъ Лувуа, «великому продовольствователю», какъ его называли. Лувуа возвратился къ системѣ Ришелье и озаботился объ обезпеченіи всѣхъ поставокъ для войскъ. Въ предѣлахъ государства онъ учредилъ магазины и устроилъ этапы, на каждомъ изъ которыхъ продукты доставлялись подрядчикомъ. При войскахъ имъ были учреждены подвижные магазины, снабжаемые тоже подрядчиками. Крѣпостные магазины снабжались прямыми покупками и реквизиціями ([47]). Подобный способъ оказался столь выгоднымъ, что его стали употреблять въ военное время. Магазины, учрежденные въ тылу арміи, сдѣлались постепенно единственнымъ средствомъ для продовольствованія войскъ въ военное время, въ противоположность понятіямъ объ этомъ предметѣ въ эпоху 30-ти лѣтней войны, когда армія продовольствовалась исключительно грабежемъ, фуражировкою и контрибуціями. Учрежденія магазиновъ повело за собою увеличеніе числа обозовъ *) при воюющихъ арміяхъ, потому что кромѣ запаса хлѣба или сухарей, носимыхъ войсками при себѣ, необходимо было везти за ними по крайней мѣрѣ такой-же запасъ продовольствія и кромѣ того часть повозокъ должна была находиться въ постоянномъ слѣдованіи между магазинами и пекарнями, пекарнями и арміей и обратно. Можно себѣ представить какимъ тяжелымъ бременемъ стали обозы при значительно увеличившейся численности армій; стѣснивъ быстроту ихъ движеній, они вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнили совершенно понятіе объ образѣ веденія войны, какъ это мы увидимъ ниже.

Довольствіе войскъ мясомъ бывало двояко: правительство или выдавало деньги на мясныя порціи, или же гурты скота гонялись вслѣдъ за войсками. Лувуа, во избѣжаніе многихъ сопряженныхъ съ этими способами неудобствъ, хотѣлъ выдавать вмѣсто мяса сухой бульонъ, что, впрочемъ не осуществилось. Что касается до размѣровъ денежнаго довольствія войскъ, то оно было слѣдующее.

---

*) Не только армейскіе, но и войсковые обозы, вслѣдствіе распространенія роскоши, грабежей и самаго характера тогдашнихъ войнъ, были огромны. Такъ, напримѣръ, въ одномъ, хотя быть можетъ и исключительномъ случаѣ, при эскадронѣ состояло 1200 обозныхъ и вьючныхъ лошадей. Въ борьбѣ съ этимъ зломъ иногда военачальники отдавали мѣшавшія порядку движенія повозки на разграбленіе своимъ собственнымъ войскамъ и только такимъ способомъ избавлялись отъ непомѣрнаго обоза ([48]).

По тарифу 1663, послужившему на долго основаніемъ для довольствія войскъ, жалованье опредѣлено слѣдующее: 1) въ *пѣхотѣ* получали: капитанъ 75 ливровъ, поручикъ 30 ливровъ, прапорщикъ 22 ливра въ мѣсяцъ, солдатъ 5 су въ сутки; въ *кавалеріи*: капитанъ 180 ливровъ, поручикъ 90 ливровъ, корнетъ 60 ливровъ въ мѣсяцъ, рядовой,—15 су въ сутки; въ драгунахъ жалованье было меньше, а въ тяжелой конницѣ гораздо больше нежели указанное выше для легкой конницы. Изъ жалованья нижнихъ чиновъ капитаны вычитывали на продовольствіе, ремонтъ, одежду и вооруженіе. Передъ войной правительство иногда выдавало безвозмездно нижнимъ чинамъ нѣкоторые предметы обмундированія. Жалованье нижніе чины получали черезъ каждый мѣсяцъ, а офицеры по прошествіи 2-хъ мѣсяцевъ ([49]).

Такое жалованье оставалось во все время правленія Людовика XIV. Если мы примемъ въ расчетъ, что солдаты должны были на выдаваемыя имъ деньги содержать себя вполнѣ, то, при увеличившейся цѣнѣ на хлѣбъ и при измѣнившейся цѣнности денегъ въ войну за наслѣдство испанскаго престола, слѣдовало сдѣлать измѣненіе въ жалованьѣ войскъ; но финансовыя затрудненія французскаго правительства не дозволяли этого исполнить и матеріальное благосостояніе войскъ много отъ этого страдало.

Разсматривая табели жалованья, можно замѣтить, что въ различныхъ родахъ кавалеріи оно было различно; содержаніе жандарма было самое большое и потомъ легкой кавалеріи и шеволежеровъ; причина заключалась въ старшинствѣ ихъ, въ исторіи давности существованія; привиллегіи эти сохранялись почти до самой французской революціи. При Людовикѣ XV жалованье еще было уменьшено ([50]), но за то правительство снабжало солдатъ другими предметами довольствія; такъ нижніе чины получаютъ деньги на одежду; дрова на 5 зимнихъ мѣсяцевъ отпускались или натурою или деньгами; оружіе и др. предметы обмундированія—натурою. Правительство заботится уже до того о нуждахъ военно-служащихъ, что табакъ и соль продавались имъ по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Личный составъ чиновниковъ, которымъ поручено было храненіе и расходованіе денежныхъ суммъ, подъ конецъ царствованія Людовика XIV былъ чрезвычайно многочисленъ, онъ раздѣлялся на многія категоріи съ различными названіями и обязанностями (полковые казначеи существовали съ 1629 г., затѣмъ учреждены главные казначеи армій и т. п.) ([51]). Всѣ эти чиновники дѣйствовали по приказамъ государственнаго секретаря и интенданта или военнаго министра.

Жалованье высшихъ чиновъ военной іерархіи было чрезвычайно значительно, принимая въ разсчетъ тогдашнюю цѣнность денегъ. Такъ отъ Генриха II до Людовика XIV *маршалы Франціи* получали въ мирное время ежегодное содержаніе 12,000 ливровъ; въ военное время содержаніе ихъ увеличивалось въ значительныхъ размѣрахъ: они получали

въ мѣсяцъ, состоявшій изъ 45 дней, 8000 ливровъ, не считая фуража и вообще всего продовольствія. Король содержалъ на свой счетъ при каждомъ изъ нихъ секретаря, духовника (aumoniers), хирурга и капитана стражи, состоявшей изъ нѣсколькихъ всадниковъ. Генералъ-лейтенанты (lieutenants-généraux) получали 2000 ливровъ въ 45 дней. Marèchaux de camps—900 ливровъ въ тотъ же срокъ ([52]).

Въ военное время въ лагерныхъ сборахъ продовольствіе и фуражъ, какъ мы уже сказали выше, лежали на заботахъ правительства. Въ мирное время правительство также снабжало войска предметами довольствія изъ магазиновъ, удерживая однакожъ изъ ихъ жалованья за каждый раціонъ хлѣба. Раціонъ этотъ обыкновенно состоялъ изъ 24 унцій ($^2/_3$ пшеницы и $^1/_3$ ржи). Раціонъ фуража прежде былъ въ 20 ф. сѣна и 10 ф соломы, но потомъ опредѣленъ въ 15 ф. сѣна, 5 соломы и 3 picotins (гарнца) овса.

Количество офицерскихъ раціоновъ было пропорціонально свитѣ при нихъ состоявшей, которая въ то время была чрезвычайно значительна. Полковникъ имѣлъ 12 раціоновъ, изъ которыхъ 6 какъ капитанъ роты; подполковникъ 10, изъ которыхъ 6 какъ капитанъ; маіоръ 6, капитанъ 6 и т. п.

Но, впрочемъ, не смотря на организаторскій геній Лувуа, на его многочисленные указы, опредѣлявшіе во многихъ мелочахъ различныя отрасли военнаго хозяйства, полную законченность новая система содержанія постоянныхъ войскъ получила только предъ Семилѣтней войной.

Въ *Германіи*, послѣ неистовствъ 30-лѣтней войны, всѣ правительства тоже убѣдились въ необходимости учрежденія большаго порядка въ содержаніи войскъ. Чтобы избѣгнуть большихъ издержекъ признано было наиболѣе соотвѣтственнымъ уменьшить число вербованныхъ наемныхъ войскъ и содержать собственныя войска, набирая ихъ въ извѣстныхъ округахъ. Порядокъ содержанія войскъ при расквартированіи ихъ у жителей сначала заключался въ томъ, что солдату не отпускали денегъ, а онъ получалъ отъ хозяина обѣдъ, ужинъ и порцію пива; правительство-же выдавало ему одежду и обувь въ натурѣ. Такъ какъ вскорѣ вошло въ обычай опредѣлять составъ солдатской порціи, то это повлекло за собою величайшія злоупотребленія войсковыхъ начальниковъ, пріобрѣвшихъ вѣрное средство къ наживѣ при опредѣленіи числа и размѣра порцій. Частныя мѣры для противодѣйствія злу не имѣли успѣха пока съ развитіемъ государственнаго начала и усложненіемъ соціальныхъ отношеній, не явились правильно функціонирующія государственныя и общественныя управленія, имѣвшія вліяніе на измѣненіе внутреннихъ отношеній государства и на правильное распредѣленіе земскихъ повинностей. Съ этого времени во многихъ нѣмецкихъ государствахъ военное хозяйство раздѣлилось на два вида: 1) *жалованье, одежда и обувь*, опредѣленные штатами и табелями и отпускаемые войсковыми начальниками, и 2) *продовольствіе, фуражъ, квартирное довольствіе*, т. е.

такіе предметы, расходы на которые не покрывались изъ государственнаго казначейства, а относились къ повинностямъ жителей и потому были поручены завѣдыванію гражданскихъ управленій, независимыхъ отъ военныхъ. Этотъ порядокъ имѣлъ чрезвычайно благодѣтельное вліяніе на народное благосостояніе, но въ смыслѣ военнаго хозяйства результаты его не были особенно ощутительны. Войсковые начальники, лишившись многихъ доходовъ, чтобы вознаградить себя, стали увольнять на работы нижнихъ чиновъ, которые должны были за это уступать ротнымъ командирамъ свое жалованье. Этотъ обычай держался, часто съ вѣдома королей, до самой Семилѣтней войны. Слѣдуетъ замѣтить, что получаемые доходы служили иногда средствомъ полковому и ротному командиромъ оказывать помощь своимъ субалтернъ-офицерамъ, которые находили иногда у нихъ даровой обѣдъ или получали денежныя субсидіи. Такая же помощь оказывалась въ тяжкихъ случаяхъ унтеръ-офицерамъ и даже рядовымъ (больнымъ, женатымъ и пр.) Впрочемъ, все это было дѣломъ произвола. Такое хозяйство, конечно, несправедливо называлось ротнымъ,—оно было личнымъ хозяйствомъ ротнаго командира, который не былъ подчиненъ никакому контролю, кромѣ *смотровъ*, производившихся, по высочайшему повелѣнію, *разъ въ два года*, особыми *коммисіями*, состоявшими изъ одного военнаго и нѣсколькихъ гражданскихъ чиновъ. Передъ смотромъ полкъ извѣщался по крайней мѣрѣ за три недѣли, чтобы все было приготовлено ко дню смотра. Всѣ чины полка по одиночкѣ проходили передъ коммиссіей, которая удостовѣряла ихъ наличность, боевую способность, а также состояніе оружія и одежды. Эти смотры не достигали своей цѣли, такъ какъ, во первыхъ, производились слишкомъ поверхностно, а, во вторыхъ, о нихъ предваряли слишкомъ заблаговременно. Во всякомъ случаѣ смотры во французской арміи имѣли болѣе полезныя послѣдствія, какъ вслѣдствіе ихъ внезапности, такъ и бо̀льшей строгости.

Вышеупомянутыя гражданскія управленія снабжали войска установленными предметами довольствія не вездѣ одинаково. Относительно продовольствія и фуража преобладало мнѣніе, что слѣдуетъ всегда имѣть достаточные запасы въ мѣстахъ потребленія, и потому необходимо было въ мирное время заготовлять такіе припасы, а въ случаѣ войны имѣть средства перевозить ихъ за арміею. Запасы пріобрѣтались наличною покупкою, или посредствомъ подрядовъ и т. п.; къ общимъ же насильственнымъ сборамъ продуктовъ отъ жителей прибѣгали только во время войны или въ ожиданіи ея *). Какъ уже было замѣчено выше,

*) Уже въ то время предпочитали вмѣсто храненія высушенной ржи въ магазинахъ—перемалывать ее и закупоривать герметически въ деревянныя бочки, причемъ она можетъ сохраняться невредимой цѣлыя столѣтія. Во время войны за баварское наслѣдство, прусская армія продовольствовалась мукою, закупоренною еще при первомъ королѣ.

продовольствіе войскъ во время войны стало производиться исключительно изъ магазиновъ, что имѣло весьма вредное вліяніе на характеръ военнаго искусства. Вообще тогдашніе стратеги полагали, что базисъ существуетъ только въ тылу армій и что искать его впереди не слѣдуетъ — крайность противоположная понятіямъ эпохи 30-лѣтней войны, когда базисъ искали исключительно впереди. Учрежденіе магазиновъ потребовало значительнаго числа чиновниковъ, которые, получая ограниченное содержаніе, прибѣгали для покрытія насущныхъ нуждъ къ злоупотребленіямъ. Лучшимъ же средствомъ для противодѣйствія послѣднимъ считали постоянныя наказанія. Въ конечномъ результатѣ вышло то, что честные люди уклонялись отъ столь непривлекательной службы и интендантское вѣдомство скоро пріобрѣло въ Германіи столь же позорную извѣстность какъ и въ другихъ государствахъ.

Постойная повинность вообще считалась обязательной для жителей; но только въ 1733 г. было издано въ Германіи первое подробное постановленіе, опредѣлявшее въ точности размѣръ квартирнаго довольствія всѣхъ чиновъ, съ извѣстнымъ вознагражденіемъ домовладѣльцевъ. Съ этого-же времени начинается размѣщеніе войскъ въ казармахъ. Въ общемъ кавалерію, въ видахъ дешевизны фуражнаго довольствія, размѣщали преимущественно въ селеніяхъ, а пѣхоту—въ городахъ. Но вскорѣ жители стали откупаться отъ содержанія кавалеріи (которой они давали общественныя пастбища, а сухой фуражъ продавали по установленной низкой таксѣ) и тогда ее перевели въ города ([54]).

Русскія земскія войска содержались въ мирное время на счетъ тѣхъ помѣстій, которыми они владѣли. Что же касается стрѣльцовъ и частей иноземнаго или новаго строя, то существованіе ихъ было обезпечено различными мѣрами, о которыхъ отчасти упомянуто выше.

Такъ, напримѣръ, стрѣльцы получали отъ казны землю и домъ, денежное жалованье на одежду и хлѣбный провіантъ, а въ случаѣ войны—подводы или деньги на подъемъ. Жалованье въ разныхъ городахъ полагалось различное (2—4 рубля и 5—12 четвертей ржи и т. п.), которое выдавалось помѣсячно.

Рейтары имѣли частью помѣстья, другіе же, равно какъ драгуны, получали жалованье и кормовыя деньги (напр. 3 р. жалованья и 7—8 денегъ на кормъ); кромѣ того, они пользовались разными торговыми привиллегіями. Солдаты получали приблизительно такое же содержаніе, какъ и стрѣльцы ([55]).

Во время войны, одновременно съ объявленіемъ царскаго указа о походѣ, указывался всѣмъ помѣстнымъ людямъ и тотъ срокъ, на который каждый долженъ былъ запасаться. При этомъ достаточные люди получали вооруженіе, лошадей и содержаніе отъ тѣхъ городовъ и волостей, изъ которыхъ они набирались. Что касается стрѣльцовъ, рейтаръ, драгунъ, солдатъ и пр., то они довольствовались сами на счетъ получаемаго ими жалованья. Впрочемъ, правительство не оставалось

вполнѣ безучастнымъ къ ихъ положенію. Такъ, съ объявленіемъ войны, изъ Москвы и другихъ городовъ набирались хлѣбники, пирожники, мясники, квасовары со всякими ихъ запасами и распредѣлялись человѣкъ по 50—70 на полкъ. При этомъ правительство обязывало ихъ всѣ продукты, имъ принадлежащіе, купленные и добытые на войнѣ, «продавати всякаго чину служилымъ людемъ не гораздо дорогою цѣною» ([56]). Кромѣ того, собирались во время войны съ патріаршихъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ вотчинъ и крестьянскихъ дворовъ рожь, мука, сухари и толокно, по особому разсчету, и направлялись въ порубежные города, на театръ войны; мясо-же и соль отправлялись изъ Москвы съ царскаго двора. Всѣ эти припасы выдавались стрѣльцамъ, солдатамъ и драгунамъ помѣсячно, по указу за деньги, или даромъ, или взаймы. Боярамъ же, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, казакамъ, обязаннымъ запасаться самимъ, царскихъ запасовъ не выдавалось, кромѣ случаевъ крайней нужды, когда имъ отпускались продукты въ долгъ. Иногда рейтарамъ и казакамъ при трудности продовольствія прибавлялось жалованье ([57]). Мы видимъ, что эти порядки были вовсе не хуже того, что существовало на Западѣ, причемъ, какъ наши, такъ и тамошнія войска, не были правильно обезпечены довольствіемъ.

Главное завѣдываніе всѣми воинскими дѣлами, въ томъ числѣ и довольствіемъ людей, лежало на Разрядномъ и Иноземномъ приказахъ. Затѣмъ, при всякой крупной войнѣ, къ главнокомандующему (воевода) назначался изъ бояръ *начальникъ раздачи денежнаго жалованья*, имѣвшій товарища и дьяковъ и получавшій списки ратнымъ людямъ, отправлявшимся въ походъ; такое же лицо имѣлось для раздачи жалованья иноземному войску и всѣмъ людямъ нѣмецкаго строя. Къ начальнику раздачи денежнаго жалованья относились всѣ окладчики городовъ *), съ росписями лицъ, размѣщенныхъ по статьямъ, для полученія денежнаго жалованья, причемъ въ росписяхъ означалось, какъ кто явится на службу коненъ, люденъ и оруженъ и какое за кѣмъ имѣется помѣстье. Начальникъ раздачи жалованья, по сказкамъ окладчиковъ, распредѣлялъ награды за усердіе въ службѣ и опредѣлялъ наказанія, и велъ всему этому списки, отправлявшіеся въ Разрядный приказъ, а оттуда препровождавшіеся главнокомандующему или начальникамъ полковъ и ратей, которые дѣлали по нимъ смотры войску.

Жалованье выдавалось людямъ лично или самимъ начальникомъ, или дьякомъ воеводъ,—въ обоихъ случаяхъ при окладчикахъ. Для государева полка (гвардіи) былъ особый начальникъ раздачи жалованья. Во

*) Окладчики выбирались отъ каждаго города изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій и уважаемыхъ лицъ. Они обязаны были распредѣлять людей по статьямъ и наблюдать, чтобы никто не покидалъ службы до окончанія похода и чтобы каждый былъ *конень, люденъ* и *оруженъ*, сообразно со статьею, въ которую записанъ.

время продолжительныхъ войнъ еще учреждались особыя коммисіи для довольствія войскъ деньгами и припасами. Начальникъ коммисіи для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ былъ бояринъ, а при немъ два дьяка и канцелярія; они должны были разсылать сборщиковъ по городамъ, давая имъ указанія, какъ производить сборъ денегъ, сообразно данному государемъ наказу, и вести счетъ собраннымъ деньгамъ.

Коммисія по сбору хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ должна была наблюдать за надлежащимъ сборомъ этихъ продуктовъ, за исправною доставкою ихъ къ указаннымъ мѣстамъ, за сбереженіемъ ихъ и доставкой ихъ къ войску, согласно счетамъ и книгамъ. Коммисія получала изъ Разряда списки съ указаніемъ сколько съ кого взять хлѣба и на какихъ подводахъ его отправлять ([58]).

Петръ великій, создавая регулярную армію, постепенно выработалъ систему ея довольствія всѣмъ необходимымъ. Первоначально практиковалось преимущественно натуральное довольствіе, т. е. продовольствіе войскъ отъ жителей, или сборъ у послѣднихъ провіанта, который на подводахъ, взятыхъ отъ земли, доставлялся въ войска. Области отдаленныя отъ театра войны обязаны были замѣнять натуральную повинность денежными взносами ([59]). При этомъ Петръ Великій опредѣлилъ всѣмъ безъ различія нижнимъ чинамъ одинаковый паекъ. Государь въ случаѣ надобности не отказывался пользоваться, какъ услугами подрядчиковъ, такъ и средствами страны въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ въ первый Азовскій походъ (1695 г.) было заподряжено для войскъ кромѣ провіанта достаточное количество и другихъ продуктовъ *), съ доставкою въ казацкое урочище Панчинъ, откуда припасы сплавлялись внизъ по Дону до самого Азова. Впрочемъ, послѣ неудачной осады и возвращенія арміи назадъ, много людей погибло въ степяхъ отъ голода. Для слѣдующаго года были сдѣланы еще большія приготовленія. Въ окрестностяхъ Воронежа построено было 30 галеръ и 1300 струговъ, подымавшихъ каждый до 200 четвертей хлѣба. Собранныя войска погрузили на нихъ хлѣбъ и всѣ потребности. Собранная подъ Азовомъ 75000 армія, благодаря принятымъ мѣрамъ, довольствовалась исправно. Въ этотъ походъ у насъ впервые являются коммисаріатъ-генералъ и генералъ-провіантмейстеръ.

Въ Сѣверную войну продовольственные припасы заготовлялись и подвозились къ войскамъ различными способами; а при недостаткѣ этихъ источниковъ войска пользовались средствами страны. Припасы преимущественно доставлялись по наряду съ губерній и областей, не смотря на разстояніе и состояніе дорогъ, что, конечно, было раззорительно

*) 5000 ведеръ сбитню, по 45000 ведеръ уксусу и вина, 20,000 соленыхъ осетровъ, 10000 пудовъ ветчины, 2000 пудовъ сала, 2500 пудовъ масла, 10,000 щукъ и судаковъ, 10,000 лещей и 2000 п. соли. Подрядчикамъ выдано впередъ 33000 руб. сер.

для жителей (60). Вникнемъ нѣсколько ближе въ важнѣйшія мѣропріятія Петра Великаго. Въ 1707 г. Меншиковъ и фельдм. Шереметевъ, по совѣщаніи съ царскими министрами, опредѣлили снабжать войска на зимнихъ квартирахъ по системѣ, принятой для имперской арміи. Такъ положено было начало суточнаго довольствія войскъ по окладу *порціоновъ и раціоновъ* всѣмъ чинамъ отъ генерала до рядового включительно. Вскорѣ опредѣлено было имѣть въ арміи *коммисаровъ*. Между тѣмъ преобразованія и войны потребовали значительнаго увеличенія расходовъ въ то время, какъ доходы истощенной страны стали уменьшаться. Въ 1708 г. явился именной указъ о 8 губерніяхъ, начальникамъ которыхъ приказано заботиться о денежныхъ и всякихъ дѣлахъ и о правильномъ доставленіи въ Москву денегъ на содержаніе войскъ. Затѣмъ въ 1711 году приказано было полки распредѣлить въ губерніяхъ, согласно утвержденнымъ въ этомъ году *штатамъ*, въ которыхъ опредѣлены оклады жалованья, порціоны и раціоны всѣмъ чинамъ, отпуски на ремонтъ оружія, лошадей, амуниціи, на содержаніе палатокъ и телѣгъ. Оклады иноземцамъ назначены гораздо выше нежели русскимъ. Снабженіе войскъ мундирною одеждою *), военными припасами, лошадьми и провіантомъ возложено было на губерніи, къ которымъ приписаны были полки пѣхоты и драгунъ въ опредѣленномъ числѣ. Ближайшій надзоръ за исправнымъ обмундированіемъ и продовольствіемъ возложенъ на губернскихъ коммисаровъ, а высшій на главныхъ начальниковъ пѣхоты и кавалеріи. Главнымъ распорядителемъ по военному хозяйству въ государствѣ былъ генералъ-плениипотенціалъ—кригсъ-коммисаръ, которому подчинялись не только всѣ коммисары и приказы, но и органы правосудія. Такимъ образомъ, въ его лицѣ сосредоточивалась власть соотвѣтствующая нынѣшней министерской. Деньги на жалованье пѣхотѣ и конницѣ собирали со всего населенія, причемъ каждая изъ губерній распредѣлена была на доли, по 5,536 дворовъ въ каждой изъ послѣднихъ. Порціоны на фуражъ (собираемые отъ жителей), нижніе чины получали натурою, а офицеры деньгами.

Съ учрежденіемъ вслѣдъ за тѣмъ, въ томъ же 1711 г., Сената, на него, между прочимъ, возложено распредѣленіе государственныхъ доходовъ на надобности арміи и высшій надзоръ за комплектованіемъ арміи рекрутами. Безпорядки же по продовольствію войскъ въ Прутскомъ походѣ заставили Петра завершить устройство военнаго хозяйства учрежденіемъ *военнаго коммисарства въ арміи* и изданіемъ регламента кригсъ-коммисару. Въ губерніяхъ приказано было выбрать коммисаровъ, по одному въ каждой, для осмотра въ полкахъ оружія, обмундированія и проч., а затѣмъ учреждено *военное коммисарство*, состоявшее изъ-оберъ-кригсъ-коммисара и трехъ или четырехъ кригсъ-коммисаровъ съ назна-

*) Для обезпеченія войскъ этою потребностью Петръ Великій основалъ суконныя фабрики.

ченіемъ послѣднихъ въ дивизіи. Военное коммисарство обязано было контролировать дѣйствія губернскихъ коммисаровъ, дѣлать росписи предметовъ довольствія и пр. Все это напоминаетъ намъ французскихъ военныхъ коммисаровъ и интендантовъ временъ Людовика XIV. Что касается регламента кригсъ-коммисаріату, то этою инструкціею опредѣлены были: порядокъ и правила снабженія войскъ денежнымъ и вещевымъ довольствіемъ, отвѣтственность за безпорядки и злоупотребленія и пр.

Этими реформами Петръ Великій далъ своей арміи въ нѣсколько лѣтъ все то, что «выработалъ вѣковой опытъ всей западной Европы». ([61]). Между тѣмъ развитіе законодательной дѣятельности Императора продолжалась безостановочно. Въ 1716 году былъ изданъ знаменитый «Уставъ Воинскій», представлявшій собою сборникъ постановленій по административной военно-юридической, и строевой частямъ. Затѣмъ учреждены были коллегіи, получившія окончательное устройство въ 1719—1720 годахъ.

Въ *военной коллегіи* сосредочилось высшее управленіе военно-сухопутными силами имперіи и ихъ хозяйствомъ. Реформы по устройству военнаго хозяйства, заимствованныя изъ иностранныхъ образцовъ, хотя были вполнѣ необходимы для удовлетворенія потребностей новой арміи, тѣмъ не менѣе, далеко не дали тѣхъ результатовъ, какъ повидимому ожидалъ Петръ Великій, и въ этомъ отношеніи они привели къ тѣмъ же результатамъ, какъ и на западѣ. При значительномъ обременепіи народа новыми податями и тягостями, солдатъ не всегда былъ обезпеченъ въ его насущныхъ потребностяхъ; многое до него не доходило, или доходило не въ положенномъ размѣрѣ. Новые командиры полковъ такъ же мало стѣснялись злоупотребленіями, какъ и прежніе стрѣлецкіе головы, рейтарскіе и солдатскіе полковники. При взаимныхъ столкновеніяхъ контролирующей и распорядительной властей, права коммисаровъ были ограничены, и полковники, подъ вліяніемъ прусскихъ порядковъ, получили неограниченную власть не только въ распоряженіяхъ по хозяйственной части, но и въ военно-судномъ отношеніи. Вслѣдствіе такого порядка населеніе страдало и отъ безнаказанныхъ насилій начальствующихъ лицъ, и отъ грабительствъ голодныхъ солдатъ.

Артикулы и царскіе указы далеко не исполнялись, не смотря на тяжесть грозившаго за то наказанія.

Чѣмъ болѣе возрастала сила арміи (въ 1722—1725 гг. на довольствіи считалось 319,525 чел.,—въ томъ числѣ 210,500 чел. регулярныхъ войскъ и 21,939 чел. во флотѣ), тѣмъ болѣе требовалось средствъ на ея содержаніе и тѣмъ тяжелѣе оно ложилось на населеніе.

Съ другой стороны солдаты, не получая необходимаго довольствія и жалованья, терпя нужду и угнетаемые начальниками, дезертировали въ значительныхъ массахъ и нерѣдко предавались разбоямъ, такъ что пути подъ самой Москвой далеко не были безопасны. ([62]). Такой по-

рядокъ вещей вовсе не слѣдуетъ объяснять борьбой старыхъ началъ съ новыми реформами, но недостатками самихъ реформъ, плохимъ экономическимъ состояніемъ страны, причемъ новыя потребности, заявлявшія себя сразу во всей полнотѣ, не соотвѣтствовали средствамъ государства и медленному ихъ развитію; далѣе—невысокимъ нравственнымъ уровнемъ тогдашняго общества и недостатками его общаго устройства. Во всякомъ случаѣ едва-ли наши порядки въ указанномъ отношеніи были хуже западно-европейскихъ, гдѣ мы отмѣтили уже соотвѣтственно цѣлый рядъ аналогичныхъ явленій.—

Вообще говоря, со времени введенія постоянныхъ армій, снабженіе войскъ обмундированіемъ *), оружіемъ, лошадьми, продовольствіемъ, при маломъ навыкѣ въ заготовленіяхъ, при безпрестанныхъ войнахъ, потребовало отъ государствъ огромныхъ издержекъ: правительство, истощая свои доходы на содержаніе, часто находилось въ совершенной невозможности удовлетворить всѣмъ необходимымъ ихъ потребностямъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о *санитарномъ обезпеченіи* войскъ. Въ феодальное время не существовало никакихъ военно-санитарныхъ учрежденій. Со времени же учрежденія національныхъ милицій и увеличенія числа постояно-содержимыхъ въ мирное время войскъ Карлъ VII, Людовикъ XI), правительство должно было озаботиться о врачебной помощи войскамъ, но въ современныхъ уставахъ и указахъ нѣтъ никакихъ указаній относительно существованія подобныхъ учрежденій. Первымъ основателемъ госпиталей во Франціи считается Ришелье, который въ своемъ «политическомъ завѣщаніи» говоритъ, что французская пѣхота будетъ тогда лишь хорошо дисциплинирована, когда, между прочимъ, она будетъ имѣть госпитали повсюду за арміей. Уже въ 1629 г., въ каждомъ полку полагались хирурги; больныхъ лечили въ лагеряхъ или отправляли въ ближайшіе госпитали, учреждаемые въ городахъ. Но еще ранѣе того, а именно при Генрихѣ IV, есть указаніе на существованіе военныхъ госпиталей, а Сюлли упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, что при осадѣ Аміена въ 1597 г. былъ учрежденъ столь удоб-

*) Ришелье при осадѣ Ла-Рошели далъ французскимъ войскамъ впервые постоянную реформу; но она была потомъ оставлена. Затѣмъ послѣ Ахенскаго мира (1668 г.) нѣкоторые полковники приняли разныя отличія для своихъ полковъ. Лувуа пошелъ на встрѣчу этимъ стремленіямъ, и уже въ 1670 г. французская пѣхота была одѣта однообразно; кавалерія приняла однообразную форму только въ 1690 году. Офицеры долго еще одѣвались по своему усмотрѣнію, и внѣ службы начали носить форменную одежду не ранѣе 1717 г. Въ австрійскихъ войскахъ форменная одежда введена въ первые въ 1690 г., но утвердилась окончательно только въ 1720 г. Она состояла изъ удобнаго длиннаго кафтана съ грудными лацками, такой же почти длины камзола, штановъ телячьей кожи, башмаковъ съ чулками, шляпы, кожаныхъ перчатокъ, ранца телячьей кожи и патронташа съ 40 патронами. Сабля носилась сначала черезъ плечо, а затѣмъ на поясной портупеѣ.

Въ Пруссіи Великій курфюрстъ Фридрихъ-Вильгельмъ издалъ въ 1676 г. постановленіе объ одеждѣ войскъ. (63).

ный госпиталь, что даже многіе старшіе чины арміи охотно отправлялись туда лечиться. Въ эпоху Ришелье повидимому уже различали два вида госпиталей: подвижные, слѣдовавшіе за войсками, и мѣстные. Впрочемъ, прочной организаціи это дѣло не имѣло; госпиталей было мало—преимущественно лишь тамъ, гдѣ собирались массы войскъ—устраивались они случайно, имѣли часто только временное значеніе. Лувуа поставилъ это дѣло на прочную и широкую ногу. Содержаніе госпиталей предоставлялось подрядчикамъ, и только въ арміяхъ они заводились преимущественно на экономическія средства и находились въ вѣдѣніи директора.—Внутренная служба въ госпиталяхъ была организована издавна весьма удовлетворительно. Еще Ле-Телье установилъ ее такъ прочно, что Лувуа могъ совершенствовать только подробности (1688). Наконецъ, всѣ отдѣльныя мѣропріятія и указанія были въ 1717 г. сведены въ одно положеніе столь соотвѣтственно выработанное, что всѣ его основныя начала сохранились во Франціи до настоящаго времени. Ими опредѣлялся порядокъ принятія людей, визитаціи, дисциплины въ госпиталяхъ и пр. ([64]).

Военныя учрежденія для управленія арміями; военная іерархія; система наградъ; военно-уголовное судопроизводство.

Въ старинныя времена король былъ дѣйствительнымъ главою арміи; но долгое время онъ облекалъ своею властью высшее военное званіе—коннетабля, вѣдавшаго всѣ вооруженныя силы страны. Въ 1626 г. Ришелье уничтожилъ это опасное для королевской власти званіе. Тѣмъ не менѣе король не могъ принять на себя непосредственное завѣдываніе вооруженною силою государства, и это лежало теперь на *генералъ-полковникѣ пѣхоты* (colonel-général de l'infanterie). Лувуа уничтожилъ и это званіе въ 1661 г., и съ тѣхъ поръ дѣйствительнымъ главою арміи во Франціи сдѣлался *военный министръ*. Во время регенства была сдѣлана попытка замѣнить министра *военнымъ совѣтомъ*, но тутъ обнаружилось, что единство административнаго управленія столь-же важно, какъ и единство командованія, и потому совѣтъ просуществовалъ всего 3 года, замедляя рѣшеніе самыхъ простыхъ дѣлъ.—Само собою разумѣется, что новая форма вооруженныхъ силъ, измѣняя всѣ дотолѣ существовавшія понятія о способахъ довольствія войскъ, по необходимости должна была отразиться на самой системѣ военнаго управленія. Завѣдываніе арміями (числительность которыхъ и въ мирное время увеличивалась годъ отъ году) личнымъ составомъ ихъ, снабженіемъ всѣми родами довольствія, устройство крѣпостей для охраненія внѣшней безопасности государства, контроль и отчетность по всѣмъ отраслямъ военнаго хозяйства,—сдѣлались до того сложны, что потребовались прочныя учрежденія, безполезныя въ прежнее время, при системѣ войскъ наемныхъ, когда одно лицо, съ нѣсколькими чиновниками, могло вести всю

отчетность по довольствію войскъ, а правительство, заключивъ контрактъ съ полковникомъ, какъ съ подрядчикомъ, на поставку такого-то числа войскъ за извѣстную сумму денегъ, отклоняло отъ себя затѣмъ всѣ попеченія о нихъ. Со введеніемъ постоянныхъ армій являются уже военные органы, посредствомъ которыхъ правительство управляло всѣмъ сложнымъ механизмомъ арміи: во Франціи—*военное министерство*, въ Австріи *гофкригсратъ*. Нечего и говорить о пользѣ, которую принесли подобныя учрежденія; рядъ превосходныхъ административныхъ мѣръ Мишеля Ле-Телье, и въ особенности сына его знаменитаго Лувуа, далъ постоянной арміи прочную организацію, опредѣливъ кругъ власти начальствующихъ, отношеній къ нимъ подчиненныхъ; ввелъ строгую дисциплину, опредѣлилъ точными регламентами снабженіе войскъ всѣми родами довольствія; служба войскъ въ мирное и военное время опредѣлена данными имъ уставами. Но съ другой стороны нельзя пройти молчаніемъ и того гибельнаго вліянія, которое въ вѣкъ Людовика XIV чрезмѣрная централизація военной власти имѣла на самый ходъ военныхъ дѣйствій, стѣсняя кругъ власти главнокомандующаго.

Пользуясь безграничнымъ довѣріемъ Людовика XIV, умѣвшаго чтить его таланты, Лувуа явился рѣшительнымъ деспотомъ въ управленіи своимъ министерствомъ. Никакія достоинства, способности, выказанныя на дѣлѣ, не давали право человѣку на возвышеніе въ военной іерархіи, если онъ шелъ противъ интересовъ Лувуа.

Если и являлись даровитые полководцы, то воля ихъ была во всемъ стѣсняема распоряженіями Лувуа. Въ его инструкціяхъ не только излагалась конечная цѣль компаніи, но и самыя мѣры и даже время для ея достиженія. И вотъ мы видимъ, какъ слѣдствіе подобной системы, говоритъ Ру-Фазильякъ, *большія арміи, многочисленные штабы, сильные парки, большіе обозы, большіе магазины, большіе склады фуража, большіе госпитали, однимъ словомъ—большія затрудненія, большія злоупотребленія, маленькія способности и большія пораженія.* (65)

Вотъ и причина, объясняющая почему война осадъ и оборонъ сдѣлалась общею въ вѣкъ Людовика XIV; здѣсь меньше нужно было способностей, когда подъ рукою геніальный Вобанъ, а матеріальная часть требуетъ только денегъ. Ту-же печальную знаменитость пріобрѣлъ и въ Австріи учрежденный Максимильяномъ I гофкригсратъ. Вильяръ говаривалъ, что турки потому только побѣждаютъ имперцевъ, что не спрашиваютъ у своего двора какимъ образомъ дѣйствовать. Въ кампанію 1702 года въ Ломбардіи Вандомъ могъ-бы разбить осаждавшаго Мантую принца Евгенія, армія котораго была растянута на большомъ протяженіи, еслибъ не имѣлъ приказанія отъ правительства выжидать прибытія къ войскамъ Филиппа V для начатія военныхъ дѣйствій. Мальборо-же весьма часто находился въ зависимости отъ голландскаго правительства, которое содержало его войска на своемъ жалованьи и имѣло при немъ своихъ коммисаровъ. Нечего и говорить объ австрійскихъ

арміяхъ—извѣстно какое гибельное вліяніе оказывалъ гофкригсратъ на военныя дѣйствія даже въ эпоху наполеоповскихъ войнъ. Какъ мы замѣтили выше, часто интриги возвышали человѣка въ званіе главнокомандующаго и напротивъ—прямота, честность, не боявшаяся говорить истину, закрывали талантливому человѣку мѣсто, которое онъ долженъ бы былъ занимать по праву; достаточно сказать о честномъ, но бездарномъ Вильруа, являвшемся столько разъ во главѣ армій, чтобъ нести за собою стыдъ и безславіе французскому оружію. Не имѣя талантливыхъ людей, или, лучше сказать, пренебегая ими, французское правительство должно было замѣнять качества полководца и войскъ количествомъ послѣднихъ. Тюреннь говорилъ, что одному лицу трудно управлять арміею свыше 50/т. человѣкъ. Въ войну за наслѣдство испанскаго престола арміи доходятъ до громадной числительности. Маркизъ де Кенси въ своей Военной исторіи Людовика XIV говоритъ, что въ 1672 въ рядахъ Французской арміи было 176.687 человѣхъ. Въ 1691 она доходила до 446.500 — цифра огромная относительно населенія страны. ([66])

Не менѣе странное явленіе мы замѣчаемъ въ войскахъ разсматриваемаго періода, явленіе бывшее причиною многихъ неудачъ и заключавшееся въ раздѣленіи власти главнокомандующаго между нѣсколькими лицами. Казалось-бы, что опытъ пуническихъ войнъ могъ указать на весь вредъ подобной системы. Старая истина, что одинъ худой полководецъ лучше двухъ хорошихъ, какъ говаривалъ Тюреннь, должна-бы сознаваться ясно; а между тѣмъ мы видимъ, что въ войнахъ, ведеиныхъ нѣсколькими государствами, арміею, составленною изъ союзныхъ войскъ, командовали два полководца, съ равною властью, и командовали ими по перемѣнно, какъ Мальборо и принцъ Баденскій, или же вмѣстѣ, какъ курфюрстъ Баварскій съ Вильяромъ или Марсенемъ, герцогъ Орлеанскій съ Марсенемъ. Конечно подобное раздѣленіе власти между лицами, не согласными ни въ цѣли дѣйствій ни въ мѣрахъ къ ея достиженію, влекло за собою уничтоженіе всякаго порядка и должно было гибельно отражаться на самомъ ходѣ кампаніи.

Военная іерархія. Между прочими ордоннансами, Лувуа издалъ ordre du tableau, *табель о рангахъ*, опредѣлявшую военную іерархію, кругъ дѣйствій каждаго чина и порядокъ восхожденія изъ одного въ другой. Эта табель сравняла въ служебномъ отношеніи высшее дворянство съ нисшимъ, что было важнымъ прогрессомъ для тогдашняго времени, сближая разные классы общества и выдвигая на высшее поприще общественной дѣятельности соціальныя группы, остававшіяся въ тѣни. Ошибочно думать, что Людовикъ XIV установилъ тягостное господство дворянства и унизилъ народъ ради интересовъ привиллегированнаго сословія. Лично онъ, не понятый своими ближайшими сотрудниками и наслѣдниками, стремился къ тому, чтобы пользоваться дарованіями и талантами изъ какого-бы они сословія ни выходили, причемъ безоши-

бочно можно сказать, что въ его уже время началось господство средняго сословія, которое давало изъ своей среды министровъ, пословъ, флотоводцевъ и т. п. ([67])

Обращаясь къ военной іерархіи, мы можемъ замѣтить, что правильно организованная система чиновъ должна удовлетворять двумъ главнымъ условіямъ: 1) чтобы она не была дѣломъ прихоти, *пустою градаціею*, а чтобы каждый чинъ имѣлъ особенный присвоенный ему кругъ занятій; 2) чтобы производство въ чины, основанное на *принципѣ старшинства*, въ тоже время способствовало выдвиженію наиболѣе *достойнѣйшихъ*. Въ вѣкъ Людовика XIV система эта была не вполнѣ совершенна, въ особенности потому что производство въ чинахъ было дѣломъ произвола. Такъ какъ іерархическая лѣстница, существовавшая у французовъ, перешла въ большую часть европейскихъ армій, то мы разсмотримъ и вмѣстѣ покажемъ и самый порядокъ прохожденія воинскихъ чиновъ.

Король, по старому феодальному праву, существовавшему почти во всѣхъ государствахъ западной Европы, былъ главою арміи; принцы крови тоже принадлежали къ ней.

Затѣмъ во Франціи, какъ нѣкогда для Дюгесклена, для Тюренна учреждена была должность maréchel général (1600), съ властью высшею маршальской. Маршальское достоинство существовало во Франціи еще съ XIII столѣтія. Въ средніе вѣка маршалъ обыкновенно командовалъ авангардомъ и исполнялъ генералъ-квартирмейстерскія обязанности; сперва былъ одинъ маршалъ, а затѣмъ число ихъ увеличилось. Съ Франсуа I они назывались двоюродными братьями короля (cousins) ([68]). Людовикъ XIV въ 1705 далъ каждому изъ нихъ по голубой лентѣ (Св. Духа). Съ 1638 г. титулъ lieutenant général становится чиномъ. Въ военное время они командуютъ арміями; въ мирное время не имѣютъ никакого назначенія. Обязанность maréchal de camp первоначально соотвѣтствовала нынѣшней должности начальника штаба, потому-что они доставляли начальнику всѣ необходимыя свѣдѣнія и передавали его приказанія. Число ихъ значительно увеличилось при Людовикѣ XIV; имъ какъ и lieut. généraux, довѣрялось командованіе арміями, но только временное. ([69])

Бригадиры, (учрежденные въ 1667 г. въ кавалеріи, а въ слѣд. году въ пѣхотѣ)—единственный военный генеральскій чинъ, имѣвшій опредѣленный кругъ дѣйствій, постоянное командованіе бригадою—самою крупною тактическою единицею въ эту эпоху.

Полковники (colonels), mestres de camp въ кавалеріи—командиры полковъ.

Подполковники (lieutenant-colonel)—командующіе полками въ отсутствіи полковника. Такъ какъ званіе полковника въ вѣкъ Людовика XV было большею частью принадлежностью знатнаго рода, силы при дворѣ, бо-

гатства, то обыкновенно подполковники управляли въ дѣйствительности полками.

Маіоры (majors, прежніе sergents-major или major capitaine) командуютъ въ кавалеріи полкомъ за отсутствіемъ mestre de camp; въ пѣхотѣ они не могутъ, за исключеніемъ какого нибудь частного порученія, командовать чѣмъ бы то ни было. Съ 1686 г. обязанности ихъ тѣже, какъ и въ настоящее время во Франціи,—это былъ не чинъ, а административное званіе; маіоръ вѣдалъ расквартированіе, раздачу продовольствія, контроль хозяйства. У маіора былъ помощникъ aide-major, въ чинѣ поручика.

Капитаны командуютъ ротами, назначаютъ унтеръ-офицеровъ, но не могутъ лишить ихъ званія безъ суда, занимаются обученіемъ ротъ; старшій капитанъ командуетъ батальономъ съ властью подполковника

Поручикъ (lieutenant) командуетъ ротою или эскадрономъ въ отсутствіи капитана; наблюдаетъ за унтеръ-офицерами и за сбереженіемъ и исправнымъ содержаніемъ оружія.

Подпоручикъ (sous-lieutenant), 3-й офицеръ въ ротѣ, существуетъ только съ 1668 г., когда уничтожены прапорщики въ каждой ротѣ. Обязанности его такія-же, какъ поручика.

Прапорщикъ (enseigne) носитъ ротное знамя. Съ 1668 г. ихъ оставлено по 2 въ полку. Въ кавалеріи прапорщикъ называется *корнетомъ* (cornette).

Унтеръ офицерскіе чины:

Сержанты (sergents), *maréchaux de logis* въ кавалеріи, старшіе унтеръ-офицеры; они занимаются перекличкою, обученіемъ и равненіемъ солдатъ. Каждый вечеръ одинъ сержантъ въ ротѣ получаетъ приказъ отъ маіора и передаетъ его капитану.

Капралы (caporaux) начальствуютъ капральствами, разставляютъ часовыхъ.

Les *anspessades* или *appointes*—родъ первыхъ солдатъ (наши ефрейторы); получаютъ однимъ су меньше капраловъ и однимъ су больше жалованья, чѣмъ солдаты; они помощники капраловъ и въ военное время обыкновенно посылаются въ секретъ (sentinelle perdue).

Вотъ и вся іерархія, существовавшая въ арміяхъ Людовика XIV, а также въ арміяхъ прочихъ европейскихъ государствъ. Она бы выдержала критику, еслибъ прохожденіе этихъ чиновъ было правильно и поставлено въ тѣсную связь съ достоинствамя и заслугами лица ([70]). *).

---

*) Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что относительная простота военной іерархіи съ теченіемъ времени значительно видоизмѣнилась. Въ XVIII столѣтіи число чиновъ значительно увеличилось подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Вообще производство, особенно въ пѣхотѣ, было медленно, да иначе и быть не могло, ибо, напримѣръ, 1 бригадиръ приходился на 2000 офицеровъ, и чина этого можно было достигнуть не ранѣе 60—70 лѣтняго возраста. Чтобы сколько нибудь удовлетворить офицеровъ въ ихъ стремленіи къ повышеніямъ, созданы были различные классы

Производство въ унтеръ-офицерскіе чины дѣлалось по назначенію капитана на вакансіи; выборъ могъ падать на солдата другой роты, но взамѣнъ ей нужно было отдать другого солдата. Производство въ различные офицерскіе чины дѣлалось по назначенію короля, который, желая возвысить свое вліяніе въ арміи, отнялъ у высшихъ военныхъ властей право производить офицеровъ. Производство имъ учрежденное было смѣсью старшинства и милости въ связи съ финансовыми обстоятельствами. Такъ подпоручикъ производился въ чинъ поручика исключительно по старшинству; поручикъ же въ капитаны по деньгамъ, сколько бы онъ ни служилъ въ чинѣ, за исключеніемъ корпуса карабинеровъ, учрежденныхъ Людовикомъ XIV, гдѣ запрещено было продавать капитанскій чинъ ([72]).

Маіорскій и подполковничій чинъ доставались по старшинству; полковничій—во всѣхъ родахъ оружія по милости и средствамъ лица. Чинъ бригадира получали старшіе полковники и точно такимъ же образомъ по старшинству чины maréchal de camp и lieutenant-général. Табель о рангахъ соблюдалась и въ назначеніи главнокомандующихъ арміями, съ рѣдкими исключеніями. Вредъ подобной системы сразу бросается въ глаза. Въ высшихъ военныхъ чинахъ, гдѣ-бы свободный выборъ могъ быть чрезвычайно полезенъ, давая ходъ талантамъ для занятія принадлежащихъ имъ по праву мѣстъ, правительство связывало себѣ руки учрежденнымъ имъ пагубнымъ старшинствомъ, родомъ нашего мѣстничества; напротивъ въ нисшихъ чинахъ, гдѣ достоинства человѣка по роду его занятій исключительно опредѣляются его усердіемъ къ службѣ, производство по старшинству не существовало. Въ офицерскіе чины рѣдко производили изъ унтеръ-офицеровъ; прапорщики производились преимущественно изъ кадетъ (cadets), молодыхъ волонтеровъ изъ дворянъ, число которыхъ въ 1670 году было ограничено до двухъ на каждую роту. Что касается до *штабныхъ лицъ*, необходимыхъ при всякой хорошо организованной арміи, то и на эту часть обращено было вниманіе; но обязанности ихъ не были строго определены. Проистекающія отсюда неудобства были устранены послѣ нидерланской войны, когда были учреждены *генеральные* или *главные штабы* (état-majors général'алъ). Согласно этому обязанности *генералъ-квартиръ-маршала* были распространены, причемъ они вѣдали всѣмъ относящимся до расположенія, движенія, дѣйствія и внутренней службы войскъ. Въ

въ одномъ и томъ же чинѣ. Такъ, напримѣръ, въ артиллеріи существовало 4 класса капитанскаго чина. Такое увеличеніе безполезныхъ чиновъ расширило сферу интригъ и вообще унизило значеніе нисшихъ чиновъ; оно пробудило самолюбіе, но самолюбіе основанное не на заслугахъ, а на тщеславіи и, увеличивъ претензіи офицеровъ, усилило среди нихъ неудовольствіе и фрондерство. Однимъ словомъ, постепенно появились признаки характеризующіе собою времена упадка военнаго дѣла (Византія) ([71]).

эту должность назначался одинъ изъ лучшихъ maréchal de camp., а въ помощь ему—нѣсколько штабъ-офицеровъ подъ названіемъ помощниковъ (aides maréchal des logis). Всѣ эти офицеры несли во время войны службу генеральнаго штаба въ арміи. Затѣмъ учреждены три *новыя штабныя званія*: маіоръ-генерала пѣхоты (major-general de l'infanterie) и двухъ *генералъ-квартиръ-маршаловъ*—для кавалеріи; обязанности всѣхъ этихъ чиновъ по своему роду оружія были тѣ же, что генералъ-квартиръ-маршала по цѣлой арміи; но кромѣ того, маіоръ-генералъ пѣхоты завѣдывалъ въ высшемъ отношеніи полицейско-судною частью арміи и ему подчинялся *генералъ-полиціймейстеръ арміи* (prévot de la maréchaussé; генералъ-гевальтигеръ у нѣмцевъ). Эти лица имѣли помощниковъ. Въ такомъ видѣ генеральные штабы французскихъ армій были только временные, существовавшіе во время войны, что разумѣется имѣло неудобства въ смыслѣ формированія ихъ при приведеніи арміи на военное положеніе, недостаточнаго знакомства этихъ чиновъ со своимъ дѣломъ, недостаточнаго знакомства начальниковъ съ подчиненными и т. п. Вслѣдствіе этого въ разное время, при Людовикѣ XIV и его преемникахъ, были издаваемы уставы о службѣ кавалеріи и пѣхоты въ военное время, въ которыхъ съ точностью опредѣлялись, между прочимъ, и обязанности штабныхъ чиновъ. Согласно всѣмъ этимъ положеніямъ, къ штабамъ придавались еще особые чины и команды, а именно: 1) *вожатые* (guides) изъ мѣстныхъ жителей и военные, комплектуемые вербовкой. Они обязаны были сопровождать и охранять офицеровъ генеральнаго штаба во время рекогносцировокъ, а затѣмъ водить войска по осмотрѣннымъ путямъ. Во главѣ ихъ находился особый начальникъ—*капитанъ надъ вожатыми* (capitaine des guides), который обязанъ былъ имѣть еще достаточное число обыкновенныхъ проводниковъ; 2) *фурьеры* или маркеры (fourriers ou marqueurs), которые обязаны были отводить квартиры генералитету и штабамъ; 3) *штабныя войска или команды* (troupes d'état-major), которыя сперва наряжались отъ войскъ, а затѣмъ сформированы (въ Семилѣтнюю войну) въ видѣ особыхъ частей, и предназначались для конвоированія офицеровъ генеральнаго штаба, прокладыванія дорогъ и т. п. Онѣ состояли изъ пѣхоты и кавалеріи, причемъ люди снабжены были въ значительномъ количествѣ шанцевымъ инструментомъ (лопаты, кирки, топоры), а при частяхъ имѣлся обозъ съ нѣкоторыми матеріалами для постройки мостовъ, съ запаснымъ шанцевымъ инструментомъ и пр. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о слѣдующихъ чинахъ: 1) *военные коммисары*, о которыхъ уже сказано въ статьѣ о продовольствіи войскъ; 2) *губернаторы крѣпостей* и ихъ помощники, королевскіе лейтенанты (lieutenants du roi), учрежденные въ 1691 году; 3) *инженеръ-географы*. Маршалъ Вобанъ первый ввелъ въ употребленіе такъ называвшихся тогда *военныхъ географовъ* или *военныхъ топографовъ*, которые сначала выбирались въ полкахъ изъ числа искусныхъ рисовальщиковъ и чертежниковъ. Только съ 1696 года они начали составлять

особый корпусъ, а съ 1726 года получили названіе *инженеръ-географовъ лагерей и армій* (ingénieurs-géographes des camps et armées), и, состоя въ военное время при штабахъ армій, производили съёмки полей сраженій, лагерей, занятыхъ земель и пр. Наконецъ въ министерство д'Аржансона, въ 1744 г., по соединеніи депо картъ и плановъ съ фортификаціоннымъ депо, инженеръ-географы получили прочное устройство, особый мундиръ и были подчинены военному министру *). Въ прочихъ европейскихъ арміяхъ іерархическое устройство и штабная служба были основаны на тѣхъ же приблизительно началахъ какъ и во французской арміи; въ нѣкоторыхъ же государствахъ, какъ напримѣръ въ Пруссіи (гдѣ эта часть получила правильное устройство еще при Великомъ курфюрстѣ), въ Даніи (послужившей, равно какъ и Пруссія, во многомъ образцомъ для Петра Великаго при составленіи «табели о рангахъ») іерархическая организація въ арміи и штабная служба отличались еще большей законодательной точностью и опредѣленностью.

Не останавливаясь на этихъ системахъ, мы обратимся къ іерархическому устройству *русской арміи*. Какъ въ мирное такъ и въ военное время у насъ существовали постоянныя высшія правительственныя учрежденія, какъ-то: Разрядный, Иноземный и Пушкарскій приказы. *Разрядный приказъ* былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ для всего русскаго войска; въ немъ распредѣлялись награды и жалованье служилымъ людямъ, а также помѣстные оклады, повышеніе въ чины и назначеніе службы. *Иноземный* приказъ распоряжался всѣми служилыми людьми, состоявшими въ полкахъ иноземнаго строя, велъ счетъ ихъ службы и отсылалъ свои списки въ Разрядный приказъ. Отъ *Пушкарскаго* приказа зависѣли какъ люди, служившіе при нарядѣ, такъ и заготовленіе разнаго оружія, зелья, свинцу и пр.; кромѣ того, были еще и другіе приказы для завѣдыванія нѣкоторыми частными отраслями военнаго дѣла.

---

*) Кстати здѣсь замѣтить, что царствованіе Людовика XIV ознаменовалось также обширнымъ развитіемъ во Франціи *военной топографіи*. Еще Борень много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, работая въ штабѣ Тюренна, а также инженеръ-генералъ Больё издалъ нѣсколько плановъ сраженій и осадъ. Но со времени Вобана и особенно съ учрежденіемъ dépôt de la guerre (1688) топографія, руководимая маршаломъ Вобаномъ, сдѣлала обширные успѣхи, причемъ постепенно были сняты планы мѣстностей вокругъ построенныхъ или перестроенныхъ Вобаномъ крѣпостей. Между тѣмъ, Парижская академія со времени ея учрежденія (1666) собирала матеріалы для составленія карты Франціи. Для повѣрки ихъ Пикаръ (1670 г.) произвелъ измѣреніе дуги меридіана между Аміеномъ и Мальвуазеномъ, которое, съ изданіемъ въ свѣтъ изслѣдованій Ньютона о фигурѣ земли, было продолжено къ сѣверу до Дюнкирхена и на югъ до Перпиньяна Лагиромъ и Кассини. Въ то-же время, многіе ученые и инженеръ-географы произвели съемки различныхъ областей Франціи и пограничныхъ государствъ. Только эти подготовительныя работы дали возможность въ 1750 г. Кассини предпринять изданіе обширной семитопографической (Кассиньевской) карты Франціи. До 1750 г. карты

Затѣмъ уже далѣе управленіе войсками въ мирное время рѣдко отличалось отъ таковаго-же въ военное.

Въ мирное время. По окончаніи похода всѣ дворяне, дѣти боярскіе, казаки, даточные люди, новокрещены, мурзы, рейтары и драгуны разъѣзжались по своимъ помѣстьямъ, вотчинамъ—вообще обращались къ первобытному состоянію (даточнымъ людямъ служба даже не записывалась) и вѣдались исключительно гражданскими властями, причемъ только были на счету Разряднаго приказа, который вѣдалъ учетомъ и распорядкомъ ихъ службы. Всѣ служившіе въ конницѣ наемные *иноземцы* управлялись Иноземнымъ приказомъ и своими военными начальниками, которые жили съ ними; также управлялись и русскіе служившіе въ нѣмецкихъ полкахъ, если не обращались къ своему первобытному состоянію. Но *помѣстные* иноземцы зависѣли отъ намѣстниковъ той области, гдѣ они жили въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. *Стрѣльцы* въ Москвѣ управлялись своимъ Стрѣлецкимъ приказомъ, а въ городахъ зависѣли отъ тамошнихъ воеводъ или намѣстниковъ и отъ своихъ головъ (съ 1681 г. у московскихъ стрѣльцовъ головы замѣнены полковниками и капитанами), которые ихъ судили и рядили вмѣстѣ съ намѣстниками. Каждый полкъ имѣлъ свою *съѣзжую избу*, гдѣ стрѣльцамъ чинились судъ и расправа, а также велась очередь службы. Служба стрѣльцовъ не прекращалась и въ мирное время: на нихъ лежали городскіе караулы, земская полиція и т. п., за чѣмъ наблюдали ближайшіе начальники, а старшіе производили смотры. *Солдаты* зависѣли отъ Иноземнаго приказа и въ мирное время тоже состояли на службѣ, управлялись своими полковниками. Впослѣдствіи солдаты уже, вѣроятно, не зависѣли отъ Иноземнаго приказа и составляли почти одинъ разрядъ со стрѣльцами, живя въ особыхъ слободахъ. *Артиллерійскіе и крѣпостные* служители, пушкари, гранатчики, затинщики и пр. зависѣли отъ Пушкарскаго приказа, который былъ главнымъ мѣстомъ ихъ управленія. Они жили въ Москвѣ по особымъ слободамъ, а въ городахъ по крѣпостямъ, имѣя начальниками головъ, сотниковъ, старостъ, пятидесятниковъ и десятниковъ. У нихъ были также свои съѣзжія избы, гдѣ имѣлись особыя книги со списками ихъ семействъ и вообще всѣхъ проживающихъ въ слободахъ.

Въ военное время. Всякій воинъ, надѣвшій оружіе, прекращалъ всѣ свои гражданскія отношенія и поступалъ въ распоряженіе своихъ военныхъ начальниковъ. Затѣмъ каждая дѣйствующая рать по мѣсту своего дѣйствія составляла особый разрядъ, напримѣръ: «Украинскій разрядъ», «Смоленскій разрядъ» и т. п. Каждый такой разрядъ (или армія) получалъ свой судъ, управу и свои судебныя мѣста—съѣзжія избы—со

составлялись безъ должнаго соблюденія требованій геодезіи и часто людьми не военными, такъ что онѣ далеко не отличались необходимой точностью и наглядностью ([73]).

своими судьями, дьяками и подъячими. Управленіе этими судебными мѣстами поручалось обыкновенно отъ государя или главнаго воеводы разнымъ воинскимъ начальникамъ, которые завѣдывали внутреннимъ устройствомъ и были чѣмъ-то въ родѣ полеваго штаба главнокомандующаго.

Каждая особая рать имѣла свои книги, въ которыхъ записывалась служба воиновъ и весь ходъ войны, а также всѣ операціи отрядовъ, входившихъ въ составъ этой рати и прикомандированныхъ къ ней. По окончаніи войны эти книги вмѣстѣ со всѣми государевыми грамотами и списками людей, состоявшихъ на службѣ во время войны, представлялись въ Разрядный приказъ, который былъ главнымъ правительственнымъ мѣстомъ для войскъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. При каждой рати имѣлся большой обозъ харчевниковъ и разныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, назначавшихся по распоряженію правительства.

Съ объявленіемъ войны назначался общій главнокомандующій, которому всегда придавали *товарища* (а иногда и нѣсколько). Послѣдній могъ вмѣстѣ съ тѣмъ командовать и однимъ изъ полковъ. Придача товарища должно было парализовать, главнымъ образомъ недостатки мѣстничества, когда *главнымъ воеводой* приходилось назначать не достойнѣйшаго, а старшаго по породѣ. Отношенія воеводъ къ ихъ товарищамъ невозможно точно выяснить. Кромѣ того къ главнокомандующему назначались *два дьяка* для управленія письменными дѣлами по службѣ и вообще «для государевыхъ полковыхъ и всякихъ расправныхъ дѣлъ». Дьяки блюли цѣлость отпущенной къ войскамъ государевой казны, вели счеты и раздавали жалованье людямъ, не принадлежавшимъ къ нѣмецкому строю.

Приказы воеводы разсылались за его и ихъ подписью; иногда-же дьяки командовали и войсковыми отрядами. О начальникахъ раздачи денежнаго жалованья уже упомянуто было выше. Слѣдующимъ лицомъ былъ начальникъ артиллеріи или *голова наряда*, которому придавался дьякъ почти на правахъ товарища. Далѣе слѣдовали начальники отдѣльно дѣйствовавшихъ полковъ и ратей, хотя и зависѣвшіе отъ главнокомандующаго, но получавшіе отъ государя особые наказы; наконецъ начальники полковъ, входившіе въ составъ главнаго войска. Главнокомандующій, равно какъ его товарищъ и начальники отдѣльныхъ ратей и полковъ, имѣли общее названіе *воеводы*, которое не было пожизненнымъ: по окончаніи войны воевода снова обращался въ боярина, окольничьяго, стольника и т. п.

Передъ отправленіемъ къ войску, главный воевода получалъ отъ государя *наказъ*, въ которомъ прописывалось: съ какимъ народомъ, за что вести войну и гдѣ собираться главному войску; гдѣ собираться и дѣйствовать отдѣльнымъ полкамъ, подъ чьимъ начальствомъ и т. п.; кому быть начальникомъ наряда, завѣдывать государевою казною и хлѣб-

ными запасами; какихъ городовъ и строевъ служилымъ людямъ участвовать въ походѣ, причемъ изъ Разряднаго приказа и другихъ мѣстъ препровождались списки всѣмъ людямъ, опись наряду и т. д. Въ наказѣ же прописывался операціонный планъ войны, которымъ главнокомандующій не долженъ былъ стѣсняться, такъ какъ государь, возлагая веденіе войны на главнаго воеводу и его товарища, предоставлялъ имъ промышлять о ней какъ Богъ вразумитъ и обстоятельства укажутъ; наконецъ въ наказѣ излагались правила и наставленія какъ сноситься съ непріятелемъ и какъ относиться къ жителямъ театра войны.

Въ каждый *отдѣльный* полкъ или рать, назначались также по два воеводы, съ распредѣленіемъ кому завѣдывать какою частью войскъ, причемъ одинъ всегда былъ старшимъ, а другой назывался его товарищемъ. Воеводы отдѣльныхъ полковъ, пользуясь полною мочью и руководствуясь наказомъ государя, такимъ-же по содержанію какъ и главному воеводѣ, почти не зависѣли отъ главнокомандующаго, которому, впрочемъ, обязаны были доносить о своихъ дѣйствіяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воеводы получали царскій наказъ быть «въ сходнѣхъ» съ воеводою большаго полка и тогда находились отъ него въ тѣсной зависимости. Въ такомъ случаѣ во всѣхъ отпискахъ воеводъ большаго полка прибавлялось, что всѣ рѣшенія и распоряженія были сдѣланы имъ и сходными воеводами.

Старинный порядокъ дѣленія арміи на большой, передовой и сторожевой полки, правую и лѣвую руку, постепенно исчезаетъ въ XVII столѣтіи.

Кромѣ того на время войны учреждались различныя коммиссіи: для сбора ратныхъ даточныхъ людей, для сбора денегъ на жалованье, для сбора хлѣбныхъ и мясныхъ продуктовъ. Характеръ ихъ дѣятельности отчасти понятенъ самъ собою, отчасти же выясненъ выше. ([74]).

Войсковыми непосредственными начальниками были:

а) Въ *войскахъ русскаго строя: у дворянъ, дѣтей боярскихъ и пр.* Каждый городъ выставлялъ особый конный полкъ, главными начальниками въ которомъ были *головы*, вѣроятно по отрядамъ, т. е. у дворянъ свой голова, у дѣтей боярскихъ свой и т. д. Общимъ же начальникомъ всего городоваго полка былъ *сборщикъ*. Сборщики выбирались изъ лучшихъ фамилій и разсылались изъ Москвы по городамъ. По сборѣ полковъ они, или сами приводили ихъ къ пункту сосредоточенія и сдавали главному воеводѣ, или-же отсылали ихъ подъ начальствомъ головъ. По приводѣ полка сборщикъ переставалъ быть его начальникомъ, а воевода, осмотрѣвъ его, росписывалъ на три части: кому быть «въ подъѣздахъ», кому въ «сотняхъ», а кому у «кошей» и назначалъ новыхъ головъ или оставлялъ прежнихъ. Далѣе слѣдовали *окладчики*, выбиравшіеся изъ лучшихъ фамилій въ городѣ и распредѣлявшіе всѣхъ людей по статьямъ, наблюдая чтобы каждый оставался на службѣ и былъ коненъ, люденъ и оруженъ, сообразно той статьѣ, въ которую записанъ;

кромѣ названныхъ лицъ, были еще *судьи*, набираемые главными начальниками и завѣдывавшіе походными съѣзжими избами, въ которыхъ чинились судъ и расправа, объявлялись царскія грамоты, приказанія главнокомандующаго и старшихъ начальниковъ и т. п.; при судьяхъ были *подъячіе* и походная канцелярія.

б) Начальниками *стрѣлецкихъ приказовъ* (полковъ) были *головы*, которымъ подчинялись *пятисотники*, *сотники*, *пятидесятники* и *десятники*.

Впослѣдствіи приказы переименованы въ *полки*, а старые чины замѣнены новыми: *полковникъ*, *подполковникъ*, *капитанъ*.

Полковникъ, командуя своимъ полкомъ, назначался изъ лучшихъ дворянъ, находившихся въ придворной службѣ. Слѣдующіе начальники назначались изъ стрѣльцовъ, причемъ пятисотники и сотники хотя не были изъ дворянъ, но получали помѣстья.

в) *Въ нѣмецкихъ полкахъ* конныхъ и пѣшихъ, состоявшихъ изъ иноземцевъ и русскихъ, начальствовали *полковники*, имѣвшіе право суда и расправы надъ своими подчиненными. При этотъ иноземные полковники всегда были подъ надзоромъ особыхъ русскихъ чиновниковъ, которые назначались правительствомъ въ качествѣ посредниковъ между русскими людьми и иноземцами; они принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ того полка въ который назначались и имѣли въ своемъ вѣдѣніи порохъ, фитиль и пр. Съ увеличеніемъ числа иноземцевъ и полковъ иноземнаго строя, начальство надъ «выборными» полками поручалось *генераламъ*, а надъ простыми полковникамъ.

Затѣмъ въ полкахъ, дѣлившихся на роты, были: *маіоры*, *капитаны*, *ротмистры*, *поручики*, *фендрихи* (прапорщики), *сержанты*, *капралы*.

г) *У пушкарей, затинщиковъ и даточныхъ людей* были: *головы*, *сотники*, *пятидесятники* и *десятники*. Они выбирались, по крайней мѣрѣ начиная съ сотниковъ, не изъ дворянъ.

Наконецъ, въ разныхъ приказахъ и полкахъ при воеводахъ и головахъ были *подъячіе* для письменныхъ дѣлъ и развозки приказаній, какъ на походѣ, такъ и въ бою. Они имѣли вооруженіе и были конными, раздѣляясь на три статьи, получая помѣстья за службу ([75]).

Въ общемъ управленіи войсками обезпечивало всѣ главнѣйшія потребности арміи; важнѣйшіе его недостатки — *сложность* и отсутствіе должнаго единства — обусловливались: а) *сложностью системы* нашихъ вооруженныхъ силъ, причемъ составъ ихъ былъ чрезвычайно разнообразный, и б) вліяніемъ *мѣстническихъ понятій*, сильно укоренившихся въ обществѣ и трудно искоренявшихся даже энергическими правительственными мѣропріятіями.

Петръ Великій, создавая *регулярную постоянно содержимую въ мирное время армію*, далъ ей и всѣ необходимые органы управленія, примѣняясь къ системамъ, развитымъ въ западно-европейскихъ войскахъ. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ постепеннаго развитія

петровскихъ реформъ, а упомянемъ лишь о существеннѣйшихъ мѣрахъ. Для общаго завѣдыванія всѣми вооруженными силами страны онъ ввелъ, по примѣру Швеціи, *коллегіальную систему управленія*. Въ 1718 году прежніе приказы были уничтожены, а вмѣсто нихъ учреждены коллегіи. Такъ образовались (окончательно въ 1719 г.) *Военная коллегія*, въ которой сосредоточилось управленіе всею сухопутною арміею. Она состояла изъ президента, нѣсколькихъ совѣтниковъ и ассесоровъ, прокуратора и разныхъ болѣе мелкихъ чиновниковъ. Руководствомъ для дѣлопроизводства всѣмъ коллегіямъ служилъ составленный самимъ Петромъ генеральный регламентъ. Коллегія, подъ энергическимъ руководствомъ самаго императора, работала дѣятельно. При другихъ-же обстоятельствахъ принятая организація высшаго органа военнаго управленія оказывалась далеко не соотвѣтственной, какъ это мы видѣли во Франціи при учрежденіи «Военнаго совѣта».

Что касается войсковаго армейскаго управленія, то, согласно знаменитаго «Устава Воинскаго» 1716 года, въ арміи полагались нижеслѣдующіе чины и званія: 1) генералисимусъ, 2) генералъ-фельдмаршалъ, 3) генералъ-фельдмаршалъ-лейтенантъ, 4) генералъ-фельдцейхмейстеръ, 5) генералъ отъ кавалеріи или инфантеріи, 6) генералъ-кригсъ-коммисаръ, 7) генералъ-лейтенантъ, 8) генералъ-маіоръ, 9) бригадиръ, 10) оберъ-кригсъ-коммисаръ, 11) генералъ-квартирмейстеръ, 12) генералъ-аудиторъ, 13) генералъ-адмиралъ-лейтенантъ, 14) генералъ и флигель-адъютантъ, 15) оберъ-коммисаръ, 16) кригсъ-цальмейстеръ, 17) главный полевой священникъ, 18) главный инженеръ, 19) капитанъ надъ вожатыми, 20) полевые; докторъ аптекарь и цирюльникъ съ помощниками, 21) полевой почтмейстеръ, 22) штабъ-фурьеръ, 23) писарь, 24) фельдъ-курьеръ; 25) генералъ-гевальтигеръ или румормейстеръ, 26) фискалъ, 27) генералъ штабъ-профосъ. Обязанности всѣхъ этихъ чиновъ понятны отчасти изъ сказаннаго уже выше, отчасти по самому ихъ названію.

Съ бо́льшимъ интересомъ можно остановиться на *низшихъ офицерскихъ* чинахъ и правилахъ *производства*, т. е. на мѣрахъ, въ которыхъ Петръ Великій проявилъ обѣ стороны своего генія, какъ способность заимствованія, такъ и способность вполнѣ самостоятельной переработки позаимствованнаго. Мы уже видѣли, что при нашей старой системѣ вооруженныхъ силъ *войсковые* чины были: полковникъ (голова), полуполковникъ (пятисотникъ), капитанъ (сотникъ), поручикъ (пятидесятникъ), прапорщикъ (знаменосецъ), съ помощникомъ подпрапорщикомъ. Съ принятіемъ въ 1698 г. постояннаго дѣленія полковъ на баталіоны былъ учрежденъ чинъ маіора; затѣмъ прибавлены чины, не имѣвшіе непосредственнаго отношенія къ должности; такъ съ 1703 года во всѣхъ войскахъ, кромѣ кавалеріи, учреждены *секундъ-поручики* или подпоручики, а затѣмъ въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ чинъ *капитанъ-поручика* или штабсъ-капитана; наконецъ, въ артиллеріи,

гдѣ не было прапорщиковъ, съ 1712 г. введенъ *штыкъ-юнкеръ*, который хотя и приравнивался къ прапорщикамъ, но не считался офицерскимъ чиномъ.

Такимъ образомъ, при Петрѣ I во всѣхъ родахъ оружія штабъ-офицерскіе чины были одинаковые: *полковникъ*, *подполковникъ*, *маіоръ*, а оберъ-офицерскіе различные; такъ въ пѣхотныхъ полкахъ по штату 1711 года были: *капитанъ*, *поручикъ*, *подпоручикъ*, *прапорщикъ*; противъ этого не имѣлось у драгунъ подпоручика, а въ артиллеріи прапорщика; въ гвардіи-же (по положенію 1716 г.) былъ лишній чинъ капитанъ-поручика.

Относительно *чинопроизводства* указомъ 1719 г. полагалось: 1) чтобы никого не производить изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей въ офицерскій чинъ, кто не прослужилъ въ гвардіи солдатомъ, за исключеніемъ тѣхъ, «которые изъ простыхъ станутъ выходить по полкамъ»; 2) никого не производить черезъ чинъ, а въ порядкѣ послѣдовательности и 3) для производства на ваканціи выбирать баллотированіемъ изъ двухъ или трехъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, лица всѣхъ сословій проходили службу начиная съ солдата-рядоваго, и могли затѣмъ подвигаться постепенно (проходя званія капрала, фурьера, подпрапорщика и сержанта) къ офицерскимъ чинамъ, причемъ производство въ первый офицерскій и въ первый штабъ-офицерскій чины дѣлалось баллотировкой всѣми офицерами той части, въ которой открывалась ваканція; производство же въ прочіе чины дѣлалось по старшинству службы въ чинѣ. Баллотировочные листы въ гвардіи утверждались самимъ государемъ, а въ арміи баллотировка производилась не иначе какъ въ присутствіи особаго члена отъ Военной коллегіи. Утвержденіе въ чинахъ предоставлено было до подполковника включительно фельдмаршаламъ, до капитана — полнымъ генераламъ (генералъ-аншефамъ); объ утвержденныхъ чинахъ сообщалось въ Военную коллегію, которая и выдавала на нихъ патенты. Производство въ полковники и въ генеральскіе чины зависѣло непосредственно отъ государя.

Такимъ образомъ Петръ Великій впервые ввелъ производство *за отличіе*, притомъ въ важнѣйшіе фазисы іерархическаго чино-прохожденія. Самый способъ такого производства былъ безпримѣрнымъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть, что для образованія многочисленнаго офицерскаго корпуса Петръ обратилъ всю гвардію въ обширную школу для такой подготовки. Туда поступали всѣ дворянскія дѣти (только съ Анны Іоанновны, 1735 г., гвардія начинаетъ частью комплектованныя рекрутами) рядовыми и получали весьма серьезное образованіе (въ полковыхъ школахъ преподавались: ариѳметика, геометрія, артиллерія, архитектура, метеорологія, языки), а съ учрежденіемъ въ послѣдующія царствованія кадетскаго корпуса и Московскаго университета дозволялось нижнимъ чинамъ гвардіи посѣщать тамъ лекціи, причемъ бывали примѣры, что за успѣхи въ наукахъ, по аттестаціи университетскаго начальства, гвардейцы повышались въ чинахъ.

Такимъ образомъ при Петрѣ Великомъ армія наша комплектовалась офицерами почти исключительно производствомъ нижнихъ чиновъ. Это назначеніе гвардіи выразилось въ табели о рангахъ (1722 г.), по которой, напримѣръ, чинъ подполковника гвардіи приравненъ къ чину бригадира арміи и полковника артиллеріи, чинъ маіора ~~арміи~~—къ чину полковника арміи и подполковника артиллеріи. При этомъ офицеры гвардіи, назначаемые на высшія должности въ арміи, сохраняли обыкновенно свои гвардейскіе чины.

Послѣ Петра гвардія далеко не могла выполнить по существу той роли по отношеніи къ арміи, которая предначертана была великимъ государемъ. Такъ вскорѣ по разрѣшеніи Анной Іоанновной дворянству служить лишь 25 лѣтъ, дозволено было записывать ихъ дѣтей рядовыми въ гвардію по достиженіи 13—12 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы, оставаясь у родителей, они обучались необходимымъ наукамъ; впослѣдствіи же такія дѣти записывались въ рядовые при самомъ рожденіи, а потому уже по достиженіи 25 лѣтъ или увольнялись домой, или если оставались на службѣ, то меньше думали объ ея интересахъ нежели объ удовольствіяхъ придворной жизни. Вслѣдствіе измѣнившихся такимъ образомъ условій, выпускъ изъ гвардіи въ армію оберъ-офицеровъ прекратился. Въ этомъ уже отчасти утратилась и надобность, такъ какъ существовавшіе со 2-й половины XVIII столѣтія три кадетскихъ корпуса (Первый, Морской и артиллерійско-инженерный) снабжали до нѣкоторой степени армію офицерами. Впрочемъ, условія службы въ арміи были настолько хуже нежели въ гвардіи, что и кадеты предпочитали выходить унтеръ-офицерами въ гвардію нежели офицерами въ армію.

Этимъ стремленіемъ, т. е. желаніемъ по возможности дольше оставаться въ гвардіи, можетъ быть объяснено и увеличеніе чиновъ въ гвардіи; такъ кромѣ капитанъ-поручиковъ, уже въ 1731 году чинъ маіора раздѣленъ на два: *премьеръ-маіора* и *секундъ-маіора*. Баллотировка при производствѣ повела также за собою важныя практическія неудобства: помимо не малыхъ случавъ «лицепріятія», «сродства» и пр., явилась путаница и неудовольствія, вслѣдствіе того, напримѣръ, что баллотировались обыкновенно лишь офицеры, состоявшіе на службѣ, а между тѣмъ, при той роли, которую играли офицеры въ прошломъ столѣтій на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности, многіе достойные офицеры не повышались въ чинахъ, и нельзя было не видѣть въ этомъ несправедливости. Такимъ образомъ, баллотировка исчезаетъ уже при Екатеринѣ и устанавливается производство *по старшинству*. Къ сожалѣнію не было принято никакой другой мѣры, которая давала бы средство отличать достойнѣйшихъ. Такъ или иначе, но ко времени императрицы Екатерины II система нашего чинопроизводства находилась въ хаотическомъ состояніи и только Павелъ первый установилъ нѣкоторый порядокъ въ этомъ дѣлѣ ([76]).

Военно-уголовное судопроизводство.

Свѣдѣнія о формѣ военнаго суда въ древнія времена вообще весьма ограничены; судъ въ дружинахъ феодальныхъ за преступленія противъ дисциплины производился обыкновенно свой собственный и обыкновеннымъ наказаніемъ была смерть. (77) Филиппъ III во Франціи въ 1271 году учредилъ первые постоянные суды, *cours prévotales*, для суда какъ гражданскаго, такъ и военнаго. Но кромѣ того коннетабли и маршалы Франціи соединяли между прочими правами и высшее правосудіе, но только надъ лицами дворянскаго происхожденія; до учрежденія въ 1355 году въ провинціяхъ *lieutenants des maréchaux de France*, *grand-prévôt* былъ какъ-бы королевскимъ прокуроромъ при маршальскомъ судѣ, съ обязанностью производить слѣдствіе и преслѣдовать преступленія. Онъ присутствовалъ при всѣхъ засѣданіяхъ и располагалъ, какъ для порядка въ судилищѣ, такъ и для стражи преступниковъ, ротою *archers*, называвшеюся *compagnie d'archers de la connétable*.

Въ 1534 году постановлено было, что за преступленія во время кампаніи легіонеры подвергаются суду назначаемаго въ каждую отдѣльную часть *prévôt*; наконецъ, въ 1665 году были учреждены въ крѣпостяхъ настоящіе военные суды *conseils de guerre*, изъ членовъ въ чинахъ полковника или капитана. (78) Указомъ 1688 года число лицъ въ военномъ судѣ положено не менѣе 7 изъ офицеровъ полка подсудимаго, предсѣдательствуемыхъ полковымъ командиромъ. Военные коммисары могли присутствовать въ этихъ судахъ для надзора за точнымъ исполненіемъ закона. Кодексомъ Людовика XIV устройство судовъ и форма судопроизводства опредѣлены точно; но формы этого суда были далеко не совершенныя и только въ 1750 году учреждена была правильная процедура судопроизводства, измѣненная совершенно въ эпоху революціи. Въ военныхъ судахъ судопроизводство велось по инквизиціонной, т. е. слѣдственной и тайной формѣ въ соединеніи съ пыткою. Слѣдуетъ еще замѣтить, что французскій prévôt въ своей должности соединялъ обязанности полицейскія и судебныя, чѣмъ существенно отличался отъ аудитора шведскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ войскъ, гдѣ профоссы или гевальтигеры были исключительно полицейскими органами.

Наказанія, присуждаемыя за преступленія, были чрезвычайно строги, хотя, съ ходомъ времени, въ законодательствахъ Людовика XIV и XV мы находимъ значительное смягченіе. Такъ тѣлесныя наказанія, кромѣ Пруссіи, какъ увидимъ ниже, употреблялись уже рѣже чѣмъ прежде и замѣнялись въ большей части случаевъ ссылкою на галеры. Наказаніе смертью за бѣгство съ поля сраженія, шпіонство и др. преступленія, изъ прежняго прохожденія чрезъ пики (durch die Spiesse gehen), еще съ Генриха III во Франціи, обращено въ разстрѣляніе. Но, впрочемъ, вѣшаніе, прожиганіе языка каленымъ желѣзомъ остаются еще отъ древнихъ временъ до революціи, когда изобрѣтеніе гильотины положило во Франціи конецъ истязаніямъ осужденнаго. На измѣну смотрѣли прежде гораздо легче, нежели въ настоящее время. При Карлѣ VII наказаніе, положенное за измѣну, состояло въ изгнаніи изъ службы и въ запрещеніи употребленія оружія. Франсуа I, вообще болѣе строгій въ законодательствѣ, положилъ за измѣну начальникамъ рубить голову, солдатъ заковывали въ цѣпи и отправляли на общественныя работы. Впослѣдствіи при Людовикѣ XIV положена смертная казнь, вѣшаніе. Пьяницѣ ничего не давали пить кромѣ воды. У ланцкнехтовъ пьянство преслѣдовалось строго, и даже существовалъ обычай произносить извѣстную формулу при казни преступника. Профосъ, уговаривая присутствующихъ принять къ сердцу участь товарища, совѣтовалъ въ особенности удерживаться отъ пьянства (vom

Vollsaufen), главнаго повода къ преступленіямъ. Въ Пруссіи по уставу солдатамъ и офицерамъ запрещено было вступать въ какіе бы то ни было разговоры съ пьянымъ; когда тотъ протрезвливался, то терпѣлъ двойное наказаніе за вину. Подлость, трусость наказывались преимущественно карою общественнаго мнѣнія. Древніе германцы топили трусовъ или душили въ грязной топи. При Карлѣ Великомъ и Карлѣ Лысомъ трусъ, бѣжавшій съ поля сраженія, лишался всѣхъ чиновъ и званій; законъ его обезчещивалъ. Въ вѣкъ рыцарства, трусъ рыцарь наказывался отнятіемъ герба и другихъ знаковъ достоинства, исключался изъ рыцарскаго стола, всякій былъ вправѣ подойти и разрѣзать скатерть передъ нимъ—обычай, имѣвшій значеніе, что лицо передъ которомъ вырѣзано мѣсто скатерти, недостойно раздѣлять столъ съ честными людьми. Франсуа I наказывалъ трусость смертью, впослѣдствіи безчестіемъ. Людовикъ XIV издалъ нѣсколько строгихъ постановленій противъ дуелей, но отъ этого они не уменьшались, такъ что законъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы. Преступленіе противъ дисциплины наказывались тюрьмою, не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, иногда розгами.

Перейдемъ къ устройству военно-судебной части *въ Россіи*.

Отсутствіе постоянныхъ войскъ (за исключеніемъ стрѣльцовъ) въ до-петровскую эпоху главнымъ образомъ обусловливало собою у насъ и отсутствіе спеціальнаго военно-судебнаго законодательства. Только при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появившійся (начатый переводомъ съ нѣмецкаго еще при Шуйскомъ) «Уставъ ратныхъ, пушкарскихъ и другихъ дѣлъ», составляющій нѣчто въ родѣ военной энциклопедіи, заключалъ въ себѣ нѣсколько статей по предмету военно-судебнаго устройства. Согласно этихъ правилъ, если государь не присутствовалъ въ арміи, высшая судебная власть принадлежала большому полковому воеводѣ и подъ нимъ товарищу его или *подрутчику*. Этому лицу непосредственно подчинялся *большей воинскій приставъ*, въ распоряженіи котораго имѣлось достаточное число людей, называвшихся *ярыгами*, для поимки и задержанія въ войскахъ воровъ и злодѣевъ. Въ каждой части войска имѣлся также, для наблюденія порядка, свой *приставъ*, разбиравшій и судившій преступленія своихъ частей. Нарядъ (артиллерія), какъ извѣстно, подчинялся большому или пушкарскому головѣ, который пользовался надъ своими людьми исключительными правами и имѣлъ особаго пристава съ *поддатнями* (помощниками). Судъ и наказаніе по уголовнымъ дѣламъ онъ производилъ по докладу воеводѣ, а по «безголовнымъ» наказывалъ самъ.

Изъ наказаній упоминается только одна смертная казнь, прилагавшаяся весьма часто; о другихъ же наказаніяхъ говорится общими словами: «по обстоятельствамъ дѣла наказать», или: «наказать по указу», «великое наказаніе безъ пощады» и т. п.

Съ образованіемъ у насъ войскъ по иностранному образцу, явилось не мало иноземцевъ, большею частью бродягъ, выброшенныхъ западною Европою, людей безъ чести и совѣсти, искавшихъ лишь наживы и не стѣснявшихся никакими средствами на пути къ достиженію этой цѣли. Во всѣхъ полкахъ новаго формированія практиковался военный судъ, въ которомъ иноземцевъ судили и наказывали за всѣ преступленія по законамъ и по формѣ тѣхъ націй, изъ которыхъ преимущественно составлены были полки (законы цесарскихъ, саксонскихъ войскъ и пр.). Русскихъ же подвергали наказаніямъ примѣнительно къ нашимъ законамъ, причемъ приговоръ произносился непосредственно только за маловажныя преступленія; за болѣе же важныя виновные передавались русскимъ чиновникомъ изъ стольниковъ, стряпчихъ или дворянъ, которые вмѣстѣ съ дьяками состояли при нѣмецкихъ полкахъ и присутствовали въ судахъ. Эти лица наказывали такихъ преступниковъ по указу государя.

Царь Алексѣй Михайловичъ, совершивъ важныя преобразованія въ военномъ дѣлѣ, почти не коснулся военной юрисдикціи. Такъ въ важнѣйшемъ законода-

тельномъ памятникѣ его царствованія, Уложеніи 1649 г., очень мало дано мѣста спеціально военному законодательству. Только стрѣльцы и пушкари, во всякихъ дѣлахъ, кромѣ разбоя и татьбы съ поличнымъ, имѣли свой собственный судъ въ стрѣлецкомъ и пушкарскомъ приказахъ. Всѣ остальные ратные люди, собиравшіеся въ военное время, за всѣ преступленія, совершенныя въ мирное время, а равно стрѣльцы и пушкари за татьбу и разбой, подлежали общимъ судамъ, въ приказахъ: Разбойномъ (сыскномъ), Земскомъ, Разрядномъ и т. п. Во время сбора войскъ, судъ надъ ратными людьми принадлежалъ полковымъ воеводамъ и ихъ товарищамъ, или полковымъ судьямъ по назначенію воеводъ, или сотеннымъ головамъ. Въ Уложеніи не указано, кто были эти судьи и какъ была велика ихъ власть.

Для исполненія военно-полицейскихъ обязанностей въ полкахъ имѣлись пристава, которые обязаны были задерживать и приводить обвиняемыхъ въ проступкахъ и преступленіяхъ. Преступленія ратныхъ людей, которыя предусматривали какъ соборное Уложеніе, такъ предшествовавшія ему и послѣдующія узаконенія, заключались преимущественно въ самоуправствѣ и насиліяхъ, совершенныхъ ратными людьми, въ неявкѣ на службу, въ бѣгствѣ съ нея и вообще во всякаго рода уклоненіяхъ отъ воинской службы.

Судъ надъ ратными людьми въ военное время былъ единоличный. Форма процесса, какъ въ военномъ судѣ такъ и въ приказахъ, была розыскная. Юридическій элементъ суда (за исключеніемъ маловажныхъ случаевъ, когда наказаніе налагалось властью начальниковъ), какъ въ войскѣ такъ и въ приказахъ, составляли *дьяки* и *подячіе* съ *припискою*, т. е. присяжные. Они записывали показанія подсудимыхъ, отвѣчали за правильность процесса, наблюдали, чтобы не было потачки. Во многихъ случаяхъ употреблялась пытка—обыкновенная (кнутъ) и усиленная (огонь и дыба).

Руководствомъ при наложеніи взысканій служилъ общій уголовный законъ по Уложенію и по указамъ, слишкомъ широкая общность опредѣленія которыхъ («безъ всякой пощады», «по разсмотрѣнію» и т. п.) давала значительный просторъ произволу. Наказанія представляли слѣдующую лѣстницу: 1) *смертельная казнь*, имѣвшая четыре вида: повѣшеніе, отсѣченіе головы на плахѣ, сожженіе (за богохульство, поджогъ) и залитіе горла расплавленнымъ металломъ (за дѣланіе фальшивой монеты); 2) *отсѣченіе членовъ* и вырываніе ноздрей; 3) *наказаніе кнутомъ* (торговая казнь); и 4) *наказаніе батогами*—наиболѣе легкое наказаніе, которому начальники могли подвергать даже безъ суда; 5) *отобраніе помѣстій и вотчинъ*; 6) конфискація имущества; 7) ссылка въ украйные города и Сибирь; 8) заключеніе въ тюрьму; 9) денежное взысканіе; 10) пониженіе по степени службы по разряднымъ спискамъ; 11) выдача головою обиженному; 12) написаніе въ разрядныхъ книгахъ какого либо позорящаго качества; 13) убавка жалованья. (79).

Замѣчательно, что самыя тяжкія наказанія, назначаемыя Уложеніемъ за церковныя, государственныя и общественныя (куреніе табаку) преступленія не имѣли мѣста, когда дѣло касалось преступленій ратныхъ людей и вообще служебныхъ; по Уложенію уклоненіе отъ службы, побѣги и т. п., наказывались батогами, кнутомъ, тюрьмою и т. п. Уложеніе игнорировало войско, какъ особое юридическое лицо. (80).

Петръ Великій, создавая регулярную армію, долженъ былъ выработать для нея и военное законодательство. Памятникомъ его геніальной дѣятельности въ этомъ отношеніи остался знаменитый Уставъ Воинскій 1716 г., сохранившій во всѣхъ существенныхъ чертахъ свою силу до шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія, т. е. до преобразованія военно-судебныхъ учрежденій.

Но еще за долго до изданія Устава Воинскаго 1716 г., въ войскахъ нашихъ усвоены были воинскіе артикулы и права, введенъ былъ правильный военный судъ,

подъ названіемъ фергерь-кригсрехта, и учреждены аудиторы. Всѣ подобнаго рода законодательные акты имѣли болѣе или менѣе отрывочный или частный характеръ. (81).

Учрежденный Петромъ военный судъ или кригсрехтъ имѣлъ четыре вида:

1) *Высшій* или генеральный военный судъ для сужденія высшихъ военныхъ чиновъ, важныхъ преступленій или преступленій, совершенныхъ цѣлыми частями. Судъ этотъ учреждался временно въ случаѣ надобности.

2) *Полковому кригсрехту* или нижнему военному суду подлежали всѣ штабъ- и оберъ-офицеры и нижніе чины, за преступленія не имѣвшія важнаго государственнаго значенія, а также всѣ жалобы объ обидахъ и гражданскихъ искахъ между военно-служащими. Нижніе военные суды частью учреждались временно, въ случаѣ надобности, при комендантахъ, комендантахъ крѣпостей или при полкахъ (напр., на походѣ); но существовали и постоянные суды въ Москвѣ и Петербургѣ для рѣшенія дѣлъ по преступленіямъ отставныхъ и бѣглыхъ. Президомъ въ нижнемъ судѣ могъ быть штабъ-офицеръ, а ассистентами: по два оберъ-офицера каждаго чина, по 2 сержанта и капрала и 2 или 4 рядовыхъ.

Юридическій элементъ всѣхъ военныхъ судовъ составляло аудиторское вѣдомство (генералъ аудиторъ, его лейтенантъ, оберъ-аудиторъ и аудиторъ полковой).

3) *Скорорѣшительный судъ* отличался отъ нижняго не составомъ, а быстротою судебнаго процесса. Такой судъ учреждался лишь въ военное время, на походѣ, когда требовалось немедленное наказаніе, на самомъ мѣстѣ преступленія, въ предотвращеніе его опасныхъ послѣдствій.

4) *Судъ общества офицеровъ*. Придавая большое значеніе общественному мнѣнію офицеровъ, Петръ видѣлъ въ товарищескомъ судѣ лучшее средство для очищенія полковъ отъ офицеровъ непорядочнаго поведенія. Починъ дѣла въ офицерскихъ судахъ принадлежалъ, какъ кажется, начальству, или по крайней мѣрѣ имъ разрѣшался постановленія всѣхъ штабъ и оберъ офицеровъ представлялись по начальству въ Военную коллегію.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускались не только дисциплинарныя наказанія, но даже и смертная казнь безъ суда.

Кромѣ вышеупомянутыхъ нормальныхъ видовъ военнаго суда, военно-служащіе, въ извѣстныхъ случаяхъ, были подсудны множеству отдѣльныхъ канцелярій, состоявшихъ подъ вѣдѣніемъ лицъ, пользовавшихся довѣріемъ государя, преимущественно изъ гвардейскихъ офицеровъ, и другимъ судебнымъ учрежденіямъ. Съ учрежденіемъ Военной коллегіи, высшее завѣдываніе военно-судною частью было сосредоточено въ аудиторской палатѣ или повытьѣ этой коллегіи, куда представлялись на конфирмацію сентенціи о смертныхъ винахъ и гдѣ составлялась военно-судная отчетность. Форма процесса была инквизиціонная или розыскная. Процессъ распадается на двѣ части—слѣдствіе (фергеръ) и самый судъ (кригсгерехтъ), т. е. обсужденіе добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и постановленіе по нимъ приговора. Существенная разница между тогдашнимъ и настоящимъ процессомъ заключалась въ томъ, что первая часть стараго процесса, совершенно замѣняя предварительное слѣдствіе или розыскъ, вполнѣ отрицала свободу подсудимаго давать или не давать показанія, а равно и право свидѣтелей не отвѣчать на вопросы, могущіе обнаружить ихъ виновность. Въ случаѣ отказа виновнаго или свидѣтеля отвѣчать на вопросы, судъ обязанъ былъ вынуждать отвѣты всякими мѣрами, въ томъ числѣ и пыткой. Затѣмъ при постановленіи приговора внутреннее убѣжденіе судей или степень проявленія злой воли обвиняемаго почти не имѣла значенія, въ особенности при собственномъ сознаніи. Наконецъ, въ дѣлахъ уголовныхъ подсудимый лишенъ былъ защиты, а самый процессъ гласности, т. е. всякой гарантіи правосудія. Адвокаты допускались только по гражданскимъ или совершенно неважнымъ уголовнымъ дѣламъ. Законодатель не имѣлъ къ нимъ довѣрія, го-

воря что адвокаты «своими непотребными пристрастными проводами судью болѣе утруждаютъ и оное дѣло толь паче къ вящему пространству, нежели къ скорому приводятъ окончанію». На ряду съ этимъ замѣчательно указаніе великаго императора суду быть крайне осторожнымъ при обвиненіяхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь: «*понеже лучше есть десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорити*».—знаменитыя слова обыкновенно несправедливо приписываемыя Екатеринѣ II, именно часто какъ доказательство ея гуманности по сравненію съ яко-бы жестокостью Петра Великаго.

Въ дѣлахъ уголовныхъ на рѣшеніе нижняго суда въ высшій апелляціи нѣтъ, но приговоръ представляется на утвержденіе фельдмаршала или командующаго генерала, который могъ усилить или убавить наказаніе. Наказанія, допущенныя для военно-служащихъ, Петръ Великій самъ раздѣлилъ на 5 категорій, а именно: 1) легкія тѣлесныя наказанія, 2) жестокія тѣлесныя наказанія, 3) наказанія смертныя, 4) легкія чести нарушенія и 5) тяжелыя чести нарушенія. Сюда же слѣдуетъ еще отнести взысканія имущественныя.. *Смертная казнь* имѣла нѣсколько видовъ: колесованіе, четвертованіе, сожженіе, повѣшеніе, разстрѣляніе и отсѣченіе головы.

Тяжелыя тѣлесныя наказанія заключались преимущественно въ разныхъ видахъ изувѣченія, прожженіи языка, отсѣченіи членовъ, наказаніи шпицрутеномъ и кнутомъ. *Обыкновенныя* тѣлесныя наказанія—батоги, скованіе рукъ и ногъ, хожденіе по деревяннымъ кольямъ, ношеніе ружей и сѣделъ и т. п. Эти наказанія являются чѣмъ-то въ родѣ дисциплинарныхъ взысканій или «наказаній отъ своего офицера».

Позорящія наказанія были довольно различныя. Самымъ тяжелымъ изъ нихъ было шельмованіе, объявленіе *шельмомъ*, съ прибитіемъ имени осужденнаго къ висѣлицѣ, преломленіемъ шпаги надъ головой и объявленіемъ его воромъ.

При наличіи осужденнаго это наказаніе сопровождалось смертною казнью; при отсутствіи его шельмованіе лишало осужденнаго всѣхъ правъ и отдавало его на жертву всякому, кто пожелаетъ его обидѣть, ограбить, и даже ранить, только не убить. Затѣмъ другими позорящими наказаніями были: полученіе пощечины отъ руки профоса передъ ротою; а для цѣлыхъ частей—лишеніе знаменъ и помѣщеніе за лагеремъ отдѣльно и т. п. Не касаясь другихъ менѣе тяжкихъ наказаній (денежныя взысканія, выговоры и т. п.) слѣдуетъ замѣтить, что вообще установленныя Петромъ наказанія отличались чрезвычайною строгостью, даже жестокостью; но мы уже знаемъ, что такая суровость вовсе не была исключительною особенностью русскаго военно-уголовнаго кодекса, составленнаго по лучшимъ иностраннымъ образцамъ, а была свойственна военно-уголовному законодательству наиболѣе образованныхъ странъ запада, какъ напр. Франціи. Жестокость эта обусловливалась духомъ времени, нравами и тогдашними юридическими понятіями. Принципы: «око за око», а также «отсѣченіе и изверженіе соблазняющаго члена» господствовали въ понятіяхъ юристовъ, и законодатель имѣлъ въ виду не исправленіе преступника, а мщеніе ему и устрашеніе другихъ отъ караемаго преступленія.

Такимъ образомъ, не въ этомъ характерѣ жестокости слѣдуетъ искать недостатковъ знаменитаго «Устава». Важнѣйшимъ изъ нихъ была неопредѣленность мѣры, а иногда и рода наказанія, обозначаемаго лишь эпитетами: «жестокое» «строгое», «примѣрное» и пр. При недостаткѣ въ обществѣ образованія и неудовлетворительности юридическаго элемента судовъ, нерѣдко встрѣчается чрезвычайная неравномѣрность и какъ-бы случайность наказаній; однимъ словомъ произволу предоставленъ былъ широкій просторъ, которымъ могъ пользоваться конфирмующій приговоръ, а потому и значеніе коллегіальнаго суда утрачивалось на практикѣ. Затѣмъ предварительное, часто весьма продолжительное, заключеніе, а также пытка, бывшая лишь розыскнымъ средствомъ, вовсе не считались наказаніемъ. Наконецъ, нельзя не упомянуть о медленности дѣлопроизводства.

Во всякомъ случаѣ, оставаясь на исторической почвѣ при оцѣнкѣ величайшаго законодательнаго памятника Петра, нельзя не сказать, что «Уставъ Воинскій» былъ замѣчательнымъ явленіемъ и превосходилъ своими достоинствами всѣ современные ему военные кодексы. Не будучи вовсе переводомъ какого нибудь изъ нихъ въ отдѣльности, онъ представлялъ такъ сказать сравнительный выводъ изъ всѣхъ ихъ, включалъ въ себѣ также часть отечественнаго законодательства и былъ самостоятельно обработанъ Императоромъ. Само собою разумѣется, что суровость европейскаго законодательства не могла быть особенно смягчена у насъ при тогдашнемъ состояніи нашихъ нравовъ и при условіи напряженной реформаторской дѣятельности Петра, когда онъ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ понятіями, традиціями и учрежденіями старинной Руси (82).

Награды; призрѣніе инвалидовъ.

Награды, какъ и наказанія, должны обусловливаться характеромъ каждаго народа и быть пропорціональны величинѣ и свойству дѣйствія. Мы знаемъ что у древнихъ награды были чрезвычайно почетны и просты; въ древней Греціи побѣдителя привѣтствовали на олимпійскихъ играхъ вѣнками, лаврами и дубомъ; на дѣтей убитыхъ воиновъ надѣвали при совершеннолѣтіи почетныя сабли; величайшею наградою Мильтіаду было то, что онъ нарисованъ былъ въ картинѣ изображавшей битву при Марафонѣ.

У римлянъ въ наградахъ было болѣе блеска; достаточно вспомнить о тріумфахъ, устраивавшихся побѣдителямъ при возвращеніи ихъ въ Римъ. Въ эпоху великаго переселенія народовъ, храбрость награждалась большею долею въ добычѣ, большимъ участкомъ при раздѣлѣ захваченныхъ земель. Въ первое время монархіи, желая поддержать свое значеніе, короли продолжали прежнюю раздачу земель и леновъ людямъ, въ которыхъ они нуждались, такъ что впослѣдствіи сдѣлались бѣднѣе своихъ вассаловъ. Съ учрежденіемъ постоянныхъ армій, служба, преданность и личныя качества стали награждаться, кромѣ восхожденія по установленной іерархической лѣстницѣ, денежными наградами и учрежденными орденами. Система подобныхъ наградъ основывается на характерѣ народовъ. Такъ нѣкоторыя государства изобилуютъ орденскими лентами, другія же скупы на нихъ.

Людовикъ XIV, учреждая орденъ св. Людовика, этимъ самымъ создавалъ могущественный рычагъ для возбужденія ревности къ службѣ. Во Франціи до него существовалъ уже орденъ св. Духа (St. Esprit), голубая лента, даваемый только принцамъ крови и высшимъ государственнымъ сановникамъ. Орденъ св. Людовика былъ исключительно военный; онъ раздѣлялся на 3 класса: большаго креста (grand-croix), командорскій и кавалерскій (chevalier). Право на крестъ имѣлъ всякій отличившійся, прослуживший безпорочно въ офицерскомъ чинѣ 10, впослѣдствіи 20 лѣтъ. Для того, чтобы еще болѣе возбудить желаніе его заслужить, король подарилъ ордену 300 т. франковъ и такую же сумму ежегодной пенсіи, чтобъ награждать пенсіономъ тѣхъ изъ кавалеровъ, которые отличались особенными заслугами и ограниченностью средствъ. Пенсіонъ положенъ былъ болѣе нежели достаточный. Но число кавалеровъ вскорѣ превзошло назначенное королемъ, такъ что многіе получали ордена безъ пенсіоновъ. Къ преимуществамъ ордена относилось и то, что онъ давалъ дворянство.

Но самымъ знаменитымъ актомъ среди военныхъ учрежденій короля, служитъ учрежденіе Дома Инвалидовъ для призрѣнія увѣчныхъ воиновъ, служившихъ честно отечеству. Еще Генрихъ IV имѣлъ подобную мысль, содержа на свой счетъ многихъ ветерановъ въ улицѣ Лурсиннъ въ Парижѣ. Людовикъ XIII создалъ подобное же учрежденіе подъ именемъ коммандорства св. Людовика (83). Идея при-

зрѣнія людей, служившихъ родинѣ, такъ была естественна, что еще съ незапамятныхъ временъ ветераны имѣли преимущество предъ другими лицами занимать мѣста церковныхъ старостъ, въ особенности въ монастыряхъ, съ достаточно обезпеченнымъ содержаніемъ и съ легкою обязанностью выметать церковь и звонить въ колокола. Но эти мѣры общественной благотворительности оказывались недостаточными: послѣ серіи безпрерывныхъ войнъ, веденныхъ Людовикомъ XIV, число нуждавшихся въ призрѣніи изувѣченныхъ воиновъ было такъ велико, что тронутый страданіями ихъ, король издалъ указъ о постройкѣ въ Парижѣ Hôtel Royal des Invalides.,

Людовикъ XIV щедро награждалъ домъ инвалидовъ большими вкладами, подарилъ ему земли подъ постройки и до конца своей жизни заботился самъ о немъ, запрещая даже принимать вклады частныхъ лицъ *).

Древнѣйшими знаками отличій въ *Россіи* были золотыя гривны, цѣпи, кресты, деньги, булавы, доспѣхи и разнаго рода одежды, предпочтительно шубы. *Гривны* и *золотыя* цѣпи были у насъ древнѣйшими знаками отличій, начиная съ богатырскихъ временъ. Золотыя цѣпи считались важнѣйшимъ изъ наружныхъ отличій; ими, а равно и гривнами, крестами жаловались не только за военные подвиги, но и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ; получившіе такія награды назывались златоносцами. Повидимому съ XV столѣтія русскіе цари стали жаловать въ знакъ благоволенія или за отличія золотыми монетами, подъ названіемъ *золотыхъ денегъ* или *золотыхъ* (иногда лишь золоченыхъ). Это были обыкновенныя монеты русскія и иностранныя; иногда жаловались золотые *корабельники* или *корабльники*, т. е. золотыя англійскія монеты, заключавшія въ себѣ два червонца и имѣвшія изображеніе корабля. Иногда всѣ эти монеты раздавались просто на память, а иногда какъ отличія для ношенія на рукавѣ, на шапкѣ или на груди. Еще въ 1696 году ихъ получили всѣ участвовавшіе въ покореніи Азова. *Булавы* получали иногда военачальники за оказанныя ими отличія. *Брони* или *доспѣхи* жаловались тоже за отличія (Ермаку Іоаннъ Грозный послалъ двѣ брони). *Одежды* весьма часто давались въ видѣ награды—особенно жаловались кафтаны и шубы на соболяхъ, съ атласною, бархатною или парчевою покрышкою (Го-дунову Ѳедоръ пожаловалъ шубу съ *своего плеча*). По учрежденіи Петромъ регулярной арміи, прежніе знаки отличій были замѣнены для войскъ новыми. Первымъ изъ таковыхъ были *нагрудные знаки*, пожалованные въ 1701 г. оберъ-офицерамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, за оказанное ими мужество въ Нарвскомъ сраженіи. За этимъ послѣдовали *медали*, выбитыя въ память различныхъ военныхъ успѣховъ, достигнутыхъ петровской арміей (такъ за полтавскую побѣду офицеры получили золо-

*) Особыхъ спеціальныхъ заведеній для приготовленія свѣдущихъ офицеровъ, при Людовикѣ XIV не существовало. Пруссія подала первый примѣръ въ этомъ. Великій курфюрстъ учредилъ 1-й кадетскій корпусъ въ Кольбергѣ (1653) и потомъ такой же въ Магдебургѣ. Оба они въ 1725 г., соединены въ Берлинскій кадетскій корпусъ. Во Франціи Лувуа, желая возвысить спеціальное образованіе молодыхъ людей, предназначенныхъ въ офицеры, учредилъ 9 кадетскихъ ротъ (compagnies de cadets), въ 1682 г., въ главнѣйшихъ крѣпостяхъ, куда принимались молодые люди, въ возрастѣ отъ 14 до 25 лѣтъ; они должны были 3 дня въ недѣлю изучать практическую службу и 3 дня теорію. Отличаясь распущенностью и плохими занятіями, роты эти вскорѣ были уничтожены; впослѣдствіи (въ 1726 г.) онѣ снова были учреждены, но съ прежними результатами, а потому были закрыты. Только въ 1751 г., въ министерство д'Аржансона, съ учрежденіемъ Ecole militaire, вопросъ о подготовкѣ офицеровъ былъ разрѣшенъ болѣе удовлетворительно. (84). Въ другихъ западныхъ государствахъ военныя школы получили правильную организацію тоже только около половины XVIII столѣтія.

тыя, а нижніе чины серебряныя медали для ношенія въ кафтанныхъ петлицахъ). Медали имѣли обыкновенно на одной сторонѣ грудной портретъ Петра, а на другой соотвѣтствующее эмблематическое изображеніе и надпись. Знаками отличій для генеральства были: *украшенные алмазами портреты императора и трости*, а главнѣйшимъ *орденъ Св. Андрея Первозваннаго*, учрежденный въ 1699—это единственный орденъ временъ Петра Великаго ([85]).

Само собою разумѣется, что наградами за заслуги были еще денежныя и пожалованье помѣстьями.

Тактическое устройство войскъ.

а) Пѣхота.

Всѣ измѣненія произшедшія въ устройствѣ оружія отъ перваго несовершеннаго его вида до настоящей скорострѣлки, находятся въ тѣсной связи съ исторіею послѣдовательнаго измѣненія тактическаго устройства войскъ.

И дѣйствительно, какъ только изобрѣтенъ былъ порохъ и метательная его сила примѣнена къ оружію, и какъ только сознана была вся его польза, въ составѣ пѣхоты являются люди, вооруженные этимъ оружіемъ, и такъ какъ дѣйствіе его было слабо, то и число людей, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, было весьма ограничено; вся сила пѣхоты заключалась почти исключительно въ ударѣ, а слѣдовательно требовался глубокій строй. По мѣрѣ улучшеній техники оружія пропорція пикинеровъ и мушкетеровъ постепенно измѣняется въ пользу послѣднихъ, а вслѣдствіе этого, а также для удобства стрѣльбы и для того, чтобъ менѣе терпѣть отъ выстрѣловъ и по другимъ причинамъ, строй утоняется.

Мы видимъ, что въ арміяхъ Густава Адольфа пропорція между тѣми и другими была $^2/_3$ мушкетеровъ на $^1/_3$ пикинеровъ. Причина медленнаго распространенія мушкетовъ, заключалась въ несовершенствѣ ихъ устройства. Они были такъ тяжелы, что для стрѣльбы изъ нихъ мушкетеръ носилъ при себѣ вилки, которыя служили и сошками и предохраняли отъ атакъ кавалеріи. Значительное облегченіе мушкетовъ повело къ тому, что еще въ 1626 году вилка была отброшена въ шведскихъ арміяхъ; еще большее значеніе получили мушкетеры, когда со введеніемъ замковъ уничтожились фитили, а изобрѣтеніе бумажныхъ патроновъ увеличило скорость заряжанія пѣхоты. Но, впрочемъ, дѣйствительность огня была такъ мала отъ медленности заряжанія, что въ сраженіи при Винцингенѣ, продолжавшемся отъ полудня до поздняго вечера, каждый мушкетеръ успѣлъ сдѣлать не болѣе семи выстрѣловъ; такимъ образомъ, присутствіе пикинеровъ въ составѣ арміи было существенно необходимымъ, хотя глубина строя уже значительно уменьшилась (у Густава Адольфа пѣхота строится уже въ 6 шеренгъ).

Въ 1640 году изобрѣтены въ Байонѣ штыки и вслѣдъ за тѣмъ ружья,

въ 1652 г.; но такъ какъ первые штыки были съ деревянными рукоятками въ 1 ф. длиною, вкладывавшимися въ стволъ, вслѣдствіе чего невозможно было одновременно производить пальбу и колоть, то пикинеры оставались еще во Франціи хотя въ незначительномъ числѣ.

Первые отбросили окончательно пики австрійцы въ 1684 году, замѣтивъ въ турецкихъ войнахъ, что турки страшатся болѣе огнестрѣльнаго дѣйствія пѣхоты ([86]). Когда во Франціи усовершенствованъ былъ штыкъ, придѣланною къ нему шейкою, австрійцы вооружили такимъ ружьемъ со штыкомъ всю пѣхоту; въ 1689 г. великій курфюрстъ Бранденбургскій послѣдовалъ ихъ примѣру и за тѣмъ тоже вооруженіе введено во всѣ европейскія арміи. Замѣчательно, что французы, которымъ принадлежитъ честь изобрѣтенія штыковъ, послѣдніе ввели ихъ у себя въ арміи. Въ 1688 году сдѣланы были первые опыты въ присутствіи Людовика XIV надъ штыкомъ съ шейкой, но опыты были неудачны: штыки дурно держались на мушкетахъ и вслѣдствіе того не были приняты. Но сами войска почувствовали выгоду подобнаго вооруженія и опытъ войны подтвердилъ ее. Дѣйствительно, пикинеры были самымъ страдательнымъ войскомъ: не нанося никакого вреда непріятелю, они терпѣли сильно отъ его огня. Это такъ сознавалось войсками, что послѣ одержанной французами побѣды подъ Штейнкеркомъ въ 1692 году, въ 3-ю Нидерландскую войну, французская пѣхота побросала пики и вооружилась найденными на полѣ сраженія ружьями. Катина первый отбросилъ пики въ альпійскомъ походѣ 1690 года. Только въ 1703 году, послѣ долгаго спора между Вобаномъ и маіоромъ французскихъ гвардейцевъ д'Артаньяномъ, впослѣдствіи маршаломъ Монтескьё, Людовикъ XIV склонился на доводы перваго и уничтожилъ пикинеровъ, вооруживъ всю армію ружьемъ со штыкомъ ([87]) *), непосредственнымъ слѣдствіемъ чего было уменьшеніе глубины строя до 4-хъ шеренгъ. Нѣсколько времени спустя пѣхота французская обновила превосходно штыкъ въ сраженіи при Шпейерѣ въ 1703. Но пика долго еще находила горячихъ поклонниковъ въ рядахъ французовъ. Фоларъ и Морицъ Саксонскій, два глубокихъ военныхъ мыслителя, считали ее необходимою и главною принадлежностью пѣхоты для рукопашнаго дѣйствія, тогда какъ другая партія стояла за огнестрѣльное дѣйствіе; такъ какъ послѣдняя одержала верхъ, то результатомъ было утоненіе фронта, достигшее скоро 3-хъ шеренгъ.

Теперь же все вниманіе современниковъ обращено было не на ударъ

---

*) Съ отмѣной пики въ нѣкоторыхъ арміяхъ были приняты *рогатки*, состоявшія изъ горизонтальнаго бревна (12—15 ф.), имѣвшаго на концахъ отверстія для стоекъ, вложенныхъ крестообразно. Рогатки располагались впереди фронта и фланговъ футахъ въ 15—18. При нихъ находились носильщики, которые, исполнивъ свое дѣло, возвращались въ строй. Конечно, такое изобрѣтеніе не могло содѣйствовать подвижности войскъ ([88]).

пѣхоты и прорывъ линіи противника, а на то, чтобы сильнымъ огнемъ держать его отъ себя на почтительной дистанціи; ясно, что необходимымъ условіемъ для этого была быстрота заряжанія и пальбы, къ чему особенно способствовали изобрѣтенные Леопольдомъ Дессаускимъ желѣзные шомполы, введенные въ употребленіе въ 1730 году въ прусской арміи королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I *). Съ другой стороны это исключительное предпочтеніе огнестрѣльнаго дѣйствія вредно отразилось на подвижности пѣхоты; кромѣ того, располагаясь для пальбы въ тонкихъ линіяхъ, она занимала большее пространство и должна была выбирать удобную для того позицію съ недоступными флангами и съ препятствіемъ впереди; самый переходъ изъ походнаго порядка въ боевой сдѣлался чрезвычайно медленъ.

Вслѣдствіе стремленія занимать недоступныя позиціи, сраженія становятся рѣдкими. Не имѣя возможности атаковать непріятеля съ фронта, противникъ прибѣгаетъ къ маневрамъ, къ дѣйствію на сообщенія, и, угрозою отнять магазины, заставляетъ оставлять крѣпкія позиціи. Таково происхожденіе такъ называемой *позиціонной системы дѣйствій* и, какъ противодѣйствіе ей, *войны маневровъ*, *дѣйствій на сообщенія*.

Еще во время 30-лѣтней войны въ различныхъ арміяхъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей выбирали на время изъ полковъ солдатъ и обучали ихъ метанію ручныхъ гранатъ; людей этихъ называли *гренадерами*. Исполнивъ порученіе, они возвращались въ свои роты, гдѣ несли мушкетерскую службу. Въ 1667 году во Франціи учреждены изъ охотниковъ особыя части пѣхоты, имѣвшія тоже самое назначеніе и тоже названныя *гренадерами*. Первоначально каждой ротѣ королевскаго полка придано было съ названной цѣлью по 4 человѣка испытанной храбрости и силы. Польза отъ этого учрежденія, обнаружившаяся во Фландрскую войну (1670 г.), заставила увеличить число гренадеръ до роты въ каждомъ полку, шедшей всюду впереди, а позднѣе учредили по ротѣ въ каждомъ батальонѣ. Гранаты носились гренадерами чрезъ плечо въ сумкѣ: кромѣ того люди имѣли легкіе топоры для рубки палисада ([90]).

Увеличеніе числа гренадерскихъ ротъ отклонило ихъ отъ первоначальнаго назначенія; впослѣдствіи это были отборныя войска, вводившіяся въ дѣло въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Вотъ почему Людовикъ XIV издалъ въ 1689 году указъ, по которому капитанъ гренадерской роты долженъ былъ имѣть не менѣе 45 лѣтъ; прочіе начальники не менѣе 40. Впослѣдствіи гренадерскіе роты сводились въ батальоны и даже въ полки, отличавшіеся отъ прочей линейной пѣхоты тѣмъ, что по прежнему

*) Этотъ шомполъ обнаружилъ всѣ свои преимущества въ сраженіи съ австрійцами при Мольвицѣ, и тогда окончательно создалось ружье того образца, о которомъ Наполеонъ I сказалъ, что «это лучшее оружіе, изобрѣтенное человѣкомъ», и которое, по мнѣнію Морана (1829 г.), «было бы совершеннѣйшимъ, еслибы какой либо искусный механикъ придумалъ способъ заряжанія его съ казны» ([89]).

составлялись изъ отборныхъ войскъ. Въ Австріи гренадеры являются уже въ 1670 г. (по 8 въ ротѣ, а съ 1701 г. по 2 роты въ полку) ([91]) *).

Въ началѣ XVIII столѣтія съ повсемѣстною отмѣною пикъ, со введеніемъ ружья со штыкомъ, въ цѣлой Европѣ образовался уже одинъ родъ пѣхоты *линейной* (тяжелой), безъ предохранительнаго вооруженія; легкая же пѣхота—стрѣлки—оставалась лишь въ незначительномъ числѣ: во Франціи franches compagnies, въ Австріи кроаты. Одежду мушкетера составляла круглая шляпа, длинный кафтанъ, такого же цвѣта коротенькіе брюки, узкіе шерстяные чулки съ холстинными штиблетами, узкіе башмаки съ пряжками и черный галстухъ ([93]). Вообще одежда отличалась удобствомъ, нисколько не стѣсняя солдата. Двѣ перевязки перекрещивались на груди: на одной носился патронташъ, на другой шпага. Въ сумѣ носилось только 10 патроновъ, 20 другихъ возились въ повозкахъ. Австрійскіе же солдаты носили по 40 патроновъ большаго калибра.

Основною единицею раздѣленія на части въ пѣхотѣ была *рота*, различнаго состава въ различныхъ арміяхъ. Во Франціи въ 1688 г. рота состояла изъ 53 человѣкъ ([94]), считая въ томъ числѣ офицеровъ, а въ Германіи отъ 150 до 300 человѣкъ (въ Австріи каждая рота изъ 155 человѣкъ, гренадерская изъ 100). Нельзя не замѣтить, что числительность ротъ во Франціи была чрезвычайно слаба (въ особенности если мы припомнимъ, что тамъ вербовка существуетъ почти до революціи), а слѣдовательно, во время кампаніи отъ потерь въ сраженіяхъ, при затруднительности комплектованія, роты были чрезвычайно слабы. 17 ротъ (16 лин. и 1 гренад.) во французской арміи, въ эпоху Тюренна, составляли батальонъ; но баталіонъ дѣлается тактическою единицею въ собственномъ смыслѣ съ Нимвегенскаго мира (1678). Съ 1692 г. до 1714 г., батальоны во Франціи состоятъ уже изъ 13 ротъ, силою каждая въ 50—60 челов.; а затѣмъ число ротъ увеличено до 15 (бат. 675 чел.); пѣхота уже строится въ 4 шеренги. Число полковъ быстро увеличивается въ продолженіе царствованія Людовика XIV: въ 1672 г. было всего 62 полка француз. и иностр. пѣхоты; въ 1701 г.—138, 1702—176, 1705—235, 1709—260, 1714—264 полка. Полки были различнаго состава. Самые старые 6 франц. полковъ назывались vieux corps; полки короля, королевскій, дофина, герцога Анжу и полкъ королевы состояли изъ 70 ротъ; другіе же полки изъ 33, 24, 20 и 17 ротъ (по 53

*) При построеніи батальона его гренадерская рота становилась на правомъ флангѣ. Обучаясь метанію гранатъ, гренадеры закидывали огнестрѣльное оружіе за плечо такъ, что обѣ руки были свободны для метанія гранатъ. Слѣды такого употребленія гранатъ долго еще сохранялись, и по регламенту для прусской пѣхоты 1726 г.; при построеніи мушкетерами каре, гренадеры встрѣчали противника гранатами, затѣмъ спасались въ каре, и, по отбитіи атаки, выбѣгали въ его углы для преслѣдованія конницы гранатами ([92]).

чел. каждая); полки такимъ образомъ состояли изъ 1, 2 и 3 баталіоновъ. Кромѣ линейныхъ полковъ во Франціи существовалъ родъ гвардіи, Maison militaire du roi, состоявшій изъ пѣхоты и кавалеріи. Большая часть служащихъ въ немъ принадлежали къ старому дворянству; числительность корпуса въ 1664 г. простиралась до 10 т. (94). Въ ряды королевскаго военнаго дома выбирались люди, отличившіеся въ сраженіяхъ. Онъ рѣдко участвовалъ въ сраженіяхъ, но если это случалось, то всегда покрывалъ себя славою. Такъ въ сраженіи при Лезѣ (Leuse), въ 1691 году, маршалъ Люксамбургъ съ 28 эскадронами королевской гвардіи разбилъ на голову 75 эскадроновъ австрійскихъ такъ, что подвигъ этотъ былъ увѣковѣченъ медалью съ надписью: Virtus equitum praetorianorum (96).

Тюреннь ввелъ во французской арміи новую тактическую единицу — бригады, состоявшія изъ 2-хъ полковъ подъ начальствомъ бригадира. Впрочемъ, бригады у Тюренна были разнаго состава, принимая во вниманіе раздѣленіе ихъ на батальоны.

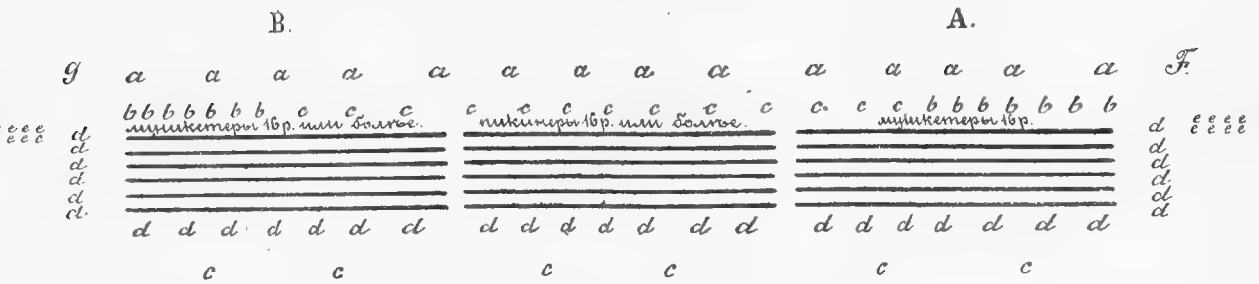
Отъ 2-хъ до 6-ти бригадъ въ военное время ввѣрялись начальству lieutenant général съ состоявшимъ при немъ maréchal de camp. Не смотря на увеличеніе впослѣдствіи числа войскъ, высшей организаціонной единицей оставалась бригада, что повлекло за собою неудобства управленія и неповоротливость этихъ масъ. Только въ послѣдній годъ Семилѣтней войны были введены маршаломъ Броліо дивизіи (97).

Въ Австріи послѣ 30 лѣтней войны и до 1695 г. полки состоятъ каждый изъ 2-хъ баталіоновъ въ 5 ротъ, затѣмъ число ротъ въ полку увеличивается до 12, образующихъ 3 баталіона; впослѣдствіи еще прибавляется по одной ротѣ въ баталіонѣ и двѣ гренадерскія роты на полкъ. Въ 1710 году въ имперской арміи было уже 40 такихъ полковъ.

Бранденбургская пѣхота имѣла полки 8 ротнаго состава (по 125 ч. въ каждой); основною тактическою единицею былъ полуполкъ изъ 4-хъ ротъ. Первый король Пруссіи увеличилъ число ротъ въ полку до 10, по 145 ч. каждая, причемъ тактическою единицею оставался полуполкъ изъ 4-хъ ротъ, дѣлившихся на 4 дивизіона или 8 взводовъ (98).

Теперь посмотримъ, какъ постепенное усовершенствованіе въ техникѣ оружія отразилось на тактическомъ строѣ батальона, на расположеніи и дѣйствіи въ бою. Батальонъ Тюренна, какъ мы сказали, строился въ 6-ть шеренгъ, имѣя мушкетеровъ первыхъ по № ротъ правѣе, а послѣднихъ лѣвѣе пикинеровъ и состоялъ изъ $^1/_3$ пикинеровъ и $^2/_3$ мушкетеровъ; пикинеры строились въ срединѣ, мушкетеры по флангамъ, безъ интерваловъ между ними. Мѣста офицеровъ обозначаются на чертежѣ.

ПОСТРОЕНІЕ БАТАЛІОНА.



A. Полковникъ.
B. Подполковникъ.
aaa. Капитаны.
bbb. Поручики.
ccc. Подпоручики и прапорщики.
ddd Сержанты.
eee Барабанщики.
F. Маіоръ.
G. Помощникъ маіора (aide-major.)

Когда хотѣли построить каре, пикинеры занимали средину, а мушкетеры 4 наружныхъ фаса *). Вотъ рисунокъ ротнаго каре изъ 100 челов. (36 пикинеровъ и 64 мушкетеровъ) ([100]).

М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
М	М	П	П	П	П	П	П	М	М
М	М	П	П	П	П	П	П	М	М
М	М	П	П	П	П	П	П	М	М
М	М	П	П	П	П	П	П	М	М
М	М	П	П	П	П	П	П	М	М
М	М	П	П	П	П	П	П	М	М
М	М	П	П	П	П	П	П	М	М
М	М	М	М	М	М	М	М	М	М
М	М	М	М	М	М	М	М	М	М

Батальоны строились на интервалахъ 50—60 ш. (по Пюйсегюру 30 ш.) и равнялись направо. Когда двигались къ непріятелю съ опущенными пиками, то офицеры входили въ строй такъ, что половина ихъ корпуса приходилась въ 1-й шеренгѣ.

Съ принятіемъ ружья со штыкомъ пѣхота строится въ 5 и потомъ въ 4 шеренги, такъ какъ штыки 5-й и 6-й шеренгъ не достигали линіи фронта. Въ Пруссіи въ 1730 г. Леопольдъ Дессаускій ввелъ построеніе

*) До конца XVII столѣтія всѣ офицеры батальона были пѣшкомъ и имѣли пики въ рукахъ; но съ этого времени командиръ баталіона и оба капитана, командовавшіе мушкетерскими дивизіонами, выѣзжали верхомъ ([99]).

въ 3 шеренги и удлиненіе фронта заставило дѣлить батальонъ на 4 дивизіона ([101]).

Вотъ какъ описываетъ современное построеніе батальона маршалъ Пюйсегюръ въ своей Art de la guerre ([102]):

«Командиръ баталіона противъ средины; первый капитанъ противъ праваго фланга, 2-й противъ лѣваго, часто съ ихъ ротами, но обыкновенно какъ почетныя мѣста, не имѣя подъ начальствомъ ни другой какой роты, ни извѣстнаго опредѣленнаго числа рядовъ, потому что, какъ только построенъ батальонъ, раздѣленіе на роты уничтожается. 3-й капитанъ сзади батальона за срединою, 4-й за правымъ флангомъ, 5-й за лѣв. флангомъ, каждый изъ нихъ имѣетъ возлѣ себя поручика и подпоручика; остальные офицеры располагаются по всему фронту, на равныхъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго, безъ всякаго опредѣленнаго командованія».

Когда гренадеры были еще при баталіонахъ, то они строились на правомъ флангѣ, а особый пикетъ изъ 50 фузилеровъ на лѣвомъ флангѣ батальона. Разстояніе между шеренгами въ 2 сажени (4 метра), но въ сраженіи шеренги смыкаются на 1 метръ и офицеры вступаютъ въ 1-ю шеренгу *). Разсматривая подобное построеніе, мы находимъ въ немъ огромные недостатки въ неопредѣленности командованія частями, вслѣдствіе дурнаго, ни на чемъ не основаннаго, распредѣленія офицеровъ; если подобный батальонъ попадалъ подъ огонь непріятеля, то офицеры погибали въ значительной пропорціи противъ солдатъ и часто отъ собственнаго огня.

Замѣчательнымъ обычаемъ, существовавшимъ во французской арміи въ эту эпоху, было расположеніе полковъ по старшинству въ боевыхъ линіяхъ и въ лагерѣ что влекло за собою часто большія затрудненія. Такъ старшій полкъ имѣлъ право требовать идти въ головѣ колонны въ атаку, располагаться на лучшихъ квартирахъ и т. п.; въ составѣ полковъ нѣкоторыя части пользовались подобными же привиллегіями **).

Регламентомъ 1670 Лувуа опредѣлилъ, что въ линіяхъ правое крыло или голову сперва занимаютъ французскіе полки, потомъ иностранные,

---

*) Только при Людовикѣ XV съ принятіемъ шага въ ногу, по предложенію маршала Морица Саксонскаго, перешли къ компактному расположенію пѣхоты и дистанціи между шеренгами уменьшились. Принятіе этого шага, дозволившее располагаться, двигаться и меневрировать съ сомкнутыми шеренгами, имѣло чрезвычайно важныя тактическія послѣдствія, дѣлая возможными быстрыя и точныя эволюціи. Послѣдствіемъ принятія этого шага было также принятіе и во Франціи трехшереножнаго строя ([103]).

**) При походномъ движеніи французскаго батальона мушкетерскій дивизіонъ двигался обыкновенно въ головѣ, но въ Наварскомъ полку однажды (1665 г.) дивизіонъ этотъ, двинутый противъ непріятеля, замялся; тогда пикинерный дивизіонъ бросился на противника и прогналъ его; съ этихъ поръ онъ сталъ пользоваться привиллегій располагаться впереди походной колонны.

каждый по старшинству. Но, не смотря на это, подобный порядокъ вещей велъ ко многимъ затрудненіямъ.

Въ австрійской арміи было такое же построеніе въ 6 шеренгъ и съ раздѣленіемъ сперва на пикинерные и мушкетерскіе дивизіоны, но при этомъ каждый изъ дивизіоновъ дѣлился на 2 эскадрона. Въ турецкихъ войнахъ, придавая большое значеніе огнестрѣльному дѣйствію, а потому вскорѣ австрійская армія переходитъ къ 4 шереножному строю ([104]).

Раздѣленіе батальона на дивизіоны и взводы, введенное въ арміяхъ прочихъ европейскихъ государствъ, во Франціи долго было неизвѣстно. Батальонъ (3, 4, 12 ротъ) дѣлился на 2 крыла (manches—прав. и лѣв.), изъ которыхъ каждое на 2 полукрыла (demimanches), на два $^1/_4$ крыла (quart de manches), на два $^1/_8$ крыла (demi quart de manches); гренадерская рота располагалась на правомъ флангѣ и пикетъ (отборные люди для сторожевой службы) на лѣвомъ.

У пруссаковъ батальонъ состоялъ изъ 4 дивизіоновъ, а дивизіонъ дѣлился на 2 взвода (pelotons). Интервалы между батальонами сокращены до minimum, такъ что они представляли сплошную линію. Великій курфюрстъ ввелъ правильную стрѣльбу взводами; войска его могли стрѣлять стоя на мѣстѣ и при очередномъ движеніи части. Такъ, при наступленіи линіи батальоновъ, расположенныхъ на интервалахъ въ 50—60 шагахъ, соотвѣтствующіе взводы выдвигались впередъ и производили пальбу въ то время, какъ вся линія подавалась впередъ, затѣмъ выдвигались другіе взводы и т. д. При отступленіи подлежащіе взводы останавливались, поворачивались къ непріятелю, стрѣляли, а затѣмъ вступали въ линію и т. д. Эти улучшенія были причиною многихъ успѣховъ его надъ шведами и поляками. Послѣ опыта Гохштедтскаго сраженія, гдѣ Вильяръ въ 1703 году разбилъ Штирума и гдѣ прусская пѣхота арьергарда при отступленіи удерживала правильнымъ огнемъ натискъ побѣдителей, Швеція, Австрія, Германія, а за ними и Франція ввели въ своихъ войскахъ правильный огонь по примѣру Пруссіи. Во Франціи и Австріи долго существовалъ шереножный огонь, производившійся слѣдующимъ образомъ: 3 первыя шеренги становились на колѣни; 4-я стрѣляла черезъ головы; затѣмъ по выстрѣлѣ 4-й третья стрѣляла черезъ головы 1-й и 2-й, затѣмъ тоже исполняли 2-я и 1-я. Потомъ введена пальба батальономъ, превратившаяся вскорѣ въ пальбу рядами (бѣглый огонь) ([105]).

Такъ какъ умѣнье ходить въ ногу не было извѣстно, то для пальбы и эволюцій ряды и шеренги размыкались, а для натиска смыкались. Захожденіе по взводно явилось позднѣе въ прусской пѣхотѣ; для флангового движенія употребляли повороты и потомъ движеніе рядами. Съ того времени какъ ружейный огонь сдѣлался единственнымъ средствомъ для дѣйствія въ бою и введенъ исключительный строй въ длинныхъ развернутыхъ линіяхъ, пѣхота потеряла движимость и способность къ натиску. Не смотря на горячую защиту глубокаго строя Фоларомъ, ко-

лонна его почти нигдѣ не употреблялась; атака колоннами считалась ошибкою противъ правилъ искусства, какъ напр. атака Тальяра при Шпейербахѣ въ 1703 г. (см. ниже), при Штейнкеркѣ 1692, Марсальи 1693 г. и, наконецъ, знаменитая колонна Монтескье въ сраженіи при Денен̀ѣ въ 1712 г. Штыки не играли уже никакой роли, не смотря на то, что съ помощью ихъ одинъ эльзасскій полкъ въ 1706 году, послѣ сраженія при Рамильи, успѣлъ пробиться чрезъ многочисленную непріятельскую кавалерію и пройти около мили, отражая усиленныя кавалерійскія атаки. Употребленіе ручныхъ гранатъ было обыкновенно въ полевой войнѣ при нападеніяхъ. Гренадеры становились съ ними въ углахъ каре; но въ 18 столѣтіи ихъ употребляютъ рѣже; точно также начинаютъ выходить изъ употребленія рогатки для защиты противъ кавалеріи, стѣснявшія движенія пѣхоты.

Для защиты отъ кавалерійскихъ атакъ пѣхота иногда строитъ пустыя каре (1703 при Гохштедтѣ, 1706 при Фрауштадтѣ). Для дѣйствій противъ турокъ австрійцы и русскіе строились въ огромныя каре; не рѣдко цѣлыя арміи, обставленныя рогатками, о которыхъ сказано выше, образовали одно каре ([106]).

Русская пѣхота. Стрѣльцы, какъ выше сказано, дѣлились на московскихъ и городовыхъ; а тѣ и другіе на *приказы* или *полки*. Московскіе считались по №, причемъ повышеніе въ № было наградою; городскіе полки назывались по имени. Кромѣ того полки были стремянные и не стремянные. Городовые стрѣльцы образовали команды различной численности, опредѣляемой Стрѣлецкимъ приказомъ, причемъ стрѣльцы каждаго города образовали особую часть и дѣлились на сотни; при значительной же численности они составляли приказъ или полкъ. Составъ и численность приказа была различна. Такъ составъ городовыхъ стрѣлецкихъ приказовъ былъ обыкновенно въ 5 сотенъ, всего 500 стрѣльцовъ подъ начальствомъ *головы*. Сотнями командовали сотники, затѣмъ были пятидесятники и десятники. Составъ московскихъ стрѣльцовъ увеличивался съ теченіемъ времени и встрѣчаются приказы въ 6, 7, 9, 10, 12 и 14 сотенъ, и тогда для помощи головы имѣлся *полуголова* или *пятисотенный*. Впослѣдствіи приказы московскихъ стрѣльцовъ назывались полками. Стрѣльцы каждой отдѣльной части дѣлились на копейщиковъ и стрѣльцовъ, причемъ первые были отборными людьми и въ приказахъ и полкахъ повидимому образовали первыя сотни; кромѣ того въ составъ каждаго приказа входила небольшая команда артиллеристовъ для прислуги при 5—10 легкихъ 2 ф. орудіяхъ, имѣвшихся при стрѣлецкихъ полкахъ (бронзовыя пищали). Каждый полкъ имѣлъ большое полковничье знамя, а многія сотни свои знамена—братскія. Кромѣ того каждый Московскій стрѣлецкій полкъ имѣлъ свой лазунгъ—яссакъ—имя, названіе ([107]) какого либо животнаго, восклик̀ъ и т. п.

Полки отличались между собою цвѣтомъ обуви и одежды *), главная часть которой, похожая на ферязь, состояла изъ узкаго кафтана, съ широкимъ отложнымъ воротникомъ; застегивались кафтаны на груди длинными спурками. На головѣ носили сперва желѣзные шлемы, а потомъ мѣховыя шапки.

Оружіе стрѣльцовъ состояло изъ ружья, бердыша, который въ строю и бою втыкали передъ собою, пищали, впослѣдствіи мушкета, и, наконецъ, сабли. Копейныя сотни были вооружены копьями и мечами. Патроны носились на бандельерѣ ([109]). Числительность стрѣльцовъ въ различное время была различна. Наибольшая цифра доходила до 50.000 чел., въ томъ числѣ 5.000 конныхъ ([110]) **).

Солдатскіе полки состояли сначала исключительно изъ иноземцевъ, а впослѣдствіи имѣли лишь начальствующихъ лицъ преимущественно изъ иноземцевъ. Въ 1633 году, при осадѣ Смоленска, кромѣ 4-хъ иноземныхъ полковъ, было 6-ть русскихъ солдатскихъ полковъ, силою среднимъ числомъ около 1.760 чел. каждый. Въ послѣднихъ всѣ нижніе чины и часть капраловъ были русскіе, а остальные начальники иноземцы. Полкъ, какъ кажется, состоялъ изъ 8-ми ротъ ***). Въ послѣдующее время, при Алексѣѣ Михайловичѣ, солдатскіе полки распадаются на *поселенные* и *непоселенные*. Поселеніе полковъ началось въ 1649 г. и было окончено въ слѣдующемъ году. Военныя колоніи простирались вдоль шведской границы отъ Старой Руссы до Онеги. Это пространство Онежскимъ озеромъ дѣлилось на два раіона: Старорусскій и Олонецкій, причемъ въ послѣднемъ вмѣстѣ съ солдатами поселены были

---

*) Форма одежды у всѣхъ стрѣльцовъ появилась около половины XVII столѣтія ([108]).

**) Въ 1625 г. было 12 приказовъ московскихъ стрѣльцовъ, числ. 7587 чел.; 23 приказа и 95 коминдъ городовыхъ, числительностью 20.785; въ 1683 году 30 полковъ московскихъ стрѣльцовъ—20.135 чел.; 30 приказовъ и множество отдѣльныхъ командъ городовыхъ стрѣльцовъ,—около 37.000.

***) Составъ роты ([111]):

Командиръ роты, капитанъ или полковникъ. .	1
поручикъ	1
прапорщикъ	1
пятидесятниковъ (сержантовъ)	2—3
знаменщикъ	1
дозорщикъ надъ ружьями	1
капраловъ	7—8
набатчиковъ и свирѣльщиковъ (бараб.) .	2—3
подъячій	1
рядовыхъ	196—205

Полковой штабъ состоялъ изъ полковника, большаго полковаго поручика, маіора, или большаго полковаго сторожествца, большаго полковаго окольничьяго (квартирмейстера), полковаго судьи и писаря, вагенмейстера (начальникъ полк. артиллеріи), священника и профоса.

и драгуны. Всѣ селенія извѣстной мѣстности обязаны были солдатскою службою и образовали извѣстное число поселенныхъ войскъ. Организація полковъ выше указана, причемъ всѣ они состояли изъ мушкетеровъ. Каждый поселенный полкъ состоялъ изъ 8—10 ротъ, числомъ каждая въ 100 чел. Старшія начальствующія лица были иноземцы, а изъ младшихъ — часть русскихъ. Каждый полкъ имѣлъ свое знамя, музыку и орудія. Полки назывались или по именамъ командировъ, или по мѣстамъ поселенія. Назначеніе этихъ войскъ было двоякое: мѣстное — прикрывать нашу границу со Швеціей отъ Пскова до Ледовитаго океана, и общее—дѣйствовать въ полѣ на другихъ театрахъ войны. Съ первою цѣлью, въ мирное время, часть поселенныхъ солдатъ находилась на пограничной службѣ, другая часть непосредственно занимала блокгаузы и укрѣпленія, расположенныя вдоль тысячеверстной границы, наконецъ, часть находилась въ сосредоточенномъ расположеніи въ Псковѣ, Старой Руссѣ, Новгородѣ и Олонцѣ, въ качествѣ резерва. Служба эта, сопряженная съ удаленіемъ людей на многіе десятки и сотни верстъ отъ ихъ очаговъ, въ пустынныхъ мѣстностяхъ, гдѣ люди нерѣдко подвергались нападеніямъ и испытывали всякія лишенія, была весьма тягостна. Кромѣ того они должны были собираться для ученій сперва ежедневно, а впослѣдствіи еженедѣльно на 1—2 дня. Во время войны часть солдатъ выводилась для участія въ общихъ операціяхъ, но съ такимъ разчетомъ, чтобы на границѣ оставалось на всякій случай не менѣе $^1/_4$ солдатъ.

Каждымъ изъ вышеуказанныхъ раіоновъ вѣдалъ воевода, руководствуясь данной ему инструкціей. Число поселенныхъ солдатъ въ различное время было различно, но вообще было незначительно (около 3000 человѣкъ).

Вслѣдствіе разбросанности ихъ расположенія, дурнаго состава офицеровъ и злоупотребленій послѣднихъ, солдаты были посредственнымъ боевымъ матеріаломъ.

Непоселенные солдатскіе полки (или новые) образовали милицію распредѣленную по извѣстнымъ городамъ и предназначавшуюся для общихъ цѣлей войны. Повидимому часть полковъ находилась и въ мирное время на службѣ. Полки дѣлились на роты, число которыхъ было сначала въ каждомъ 8; позднѣе встрѣчаются полки въ 9, 10, 12 и болѣе ротъ, но были и такіе, въ которыхъ число ихъ не превосходило 4—6. Начальствующія лица были, какъ выше указано (полковникъ, полуполковникъ и пр.), причемъ иногда полковникъ командовалъ двумя полками и даже различныхъ родовъ оружія—пѣхотнымъ и кавалерійскимъ. Офицеры были какъ иноземцы, такъ и русскіе. Полки состояли изъ мушкетеровъ и пикинеровъ въ отношеніи 2 : 1. Числительность ротъ не была опредѣлена штатами, по обыкновенно сила каждой простиралась отъ 100 до 110 человѣкъ, но встрѣчались и въ 200 челов.; слѣдовательно сила полка была отъ 700 до 2000 чел., при 6—8 ору-

діяхъ. Полки назывались по именамъ ихъ командировъ или мѣстъ расположенія. Числительность новыхъ солдатскихъ полковъ была весьма различна; но по недостатку источниковъ нельзя опредѣлить ее даже приблизительно. Можно сказать, что въ послѣдній годъ царствованія Ѳедора Алексѣевича въ 9-ти корпусахъ его арміи было всего 38 солдатскихъ полковъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о *Московскихъ выборныхъ полкахъ солдатскаго строю.* Такихъ полковъ было два и учрежденіе ихъ можетъ быть отнесено къ 1640 году. Они носили названія своихъ командировъ, причемъ одинъ изъ нихъ назывался еще Московскимъ, а другой Бутырскимъ. Что касается организаціи этихъ полковъ, то она отчасти была сходна съ организаціей сводныхъ солдатскихъ полковъ, а отчасти существенно отъ нея отличалась. Сходство заключалось въ составѣ и названіяхъ начальствующихъ лицъ, въ отношеніи мушкетеровъ къ пикинерамъ (2 : 1) и проч. Различіе же было въ составѣ и числительности самыхъ полковъ и ихъ дѣленій. При самомъ началѣ каждый изъ выборныхъ полковъ состоялъ изъ 52 ротъ по 100 чел. въ каждой, а затѣмъ полки были усилены до 60 ротъ въ каждомъ. При такомъ значительномъ числѣ ротъ очевидно необходима была промежуточная организаціонная группа между ротой и полкомъ; она и явилась, но, по отсутствіи соотвѣтствующаго термина въ русскомъ языкѣ, получила позже названіе полка, безъ прилагательнаго «выборный». Число такихъ малыхъ полковъ въ каждомъ Московскомъ выборномъ полку простиралось до 6, изъ 10 ротъ каждый (въ числѣ ихъ впослѣдствіи 1 гренадерская рота); организація малыхъ полковъ была такая-же какъ и солдатскихъ. Каждый же изъ выборныхъ полковъ былъ подъ начальствомъ генерала, имѣя при себѣ необходимый штабъ; при полку имѣлась артиллерія—до 20 пушекъ 2 ф. калибра. Штабы обоихъ полковъ находились въ Москвѣ, но части ихъ были разселены сосредоточенно въ различныхъ пунктахъ государства. Люди выбирались изъ московскихъ стрѣльцовъ. Числительность обоихъ полковъ простиралась до 12.000 чел., а иногда и больше ([112]).

Что касается обученія солдатскихъ полковъ, то для упражненій, люди собирались ихъ начальниками отъ времени до времени, причемъ для руководства было при Алексѣѣ Михайловичѣ (1647) переведено сочиненіе Вальгаузена и издано подъ названіемъ «Ученіе и хитрость ратнаго строя пѣхотныхъ людей Московскаго государства». Сочиненіе это, будучи столько же уставомъ, сколько тактическимъ руководствомъ, едва ли могло принести особенную пользу, при сложности его правилъ и построеній, малограмотности нашего народа и плохомъ знаніи русскаго языка большинства учителей нашихъ солдатъ *).

*) Сущность Вальгаузенскаго устава изложена у Рюстова въ его «Исторіи пѣхоты».

Даточные люди собирались преимущественно въ сотни и назначались въ обозъ и т. п.

Солдаты имѣли слѣдующее вооруженіе: а) мушкетеры — *мушкетъ*, стрѣлявшій свинцовыми пулями по вѣсу 8—10 на фунтъ; мушкеты снабжены были вилкою; *сабля* на портупеѣ черезъ правое плечо; б) пикинеры — *пики* длиною въ 2 сажени и тяжелый *мечъ*; предохранительное оружіе — легкія латы на груди и спинѣ, желѣзный воротникъ, наручья и набедренники, желѣзные шлемы.

Для дѣйствія противъ кавалеріи пику поддерживали въ серединѣ, лѣвой рукой, а задній конецъ копья упирали въ землю ([113]); въ правой рукѣ держали мечъ.

Въ пѣхотѣ, образованной *Петромъ Великимъ*, полки сначала раздѣлялись на 10 ротъ: 9 фузилерныхъ и 1 гренадерская, а съ 1708 г. полкъ нормальнаго состава былъ въ 2 баталіона, по 4 роты въ каждомъ, причемъ изъ 8 ротъ одна была гренадерская, а остальныя—фузилерныя.

Числительность роты по уставу 1716 года: 4 офицера, 2 сержанта, 1 каптенармусъ,, 1 подпрапорщикъ, 6 капраловъ, 2 барабанщика (у гренадеръ 1 флейтщикъ) и 144 рядовыхъ; нестроевыхъ: 1 писарь и 1 фельдшеръ. Рота раздѣлялась на 4 плутонга (взвода). До 1706 года строй былъ шестишереножный, а съ этого времени, или съ 1708 года — 4-шереножный. Въ каждой ротѣ имѣлось знамя.

Постоянная организація какъ въ мирное, такъ и въ военное время не шла далѣе полка; въ военное время въ пѣхотѣ и кавалеріи изъ 2—3 полковъ составлялись бригады, а изъ послѣднихъ—дивизіи (чего мы не видимъ на западѣ ранѣе Семилѣтней войны), состоявшія изъ одного рода оружія или изъ пѣхоты и кавалеріи.

Въ мирное время, для облегченія сношеній центральнаго управленія (Военной коллегіи) съ полками, войска тоже соединялись въ дивизіи, называвшіяся «генеральство».

Вооруженіе пѣхоты сначала состояло изъ ружей съ «багинетомъ», замѣненнымъ въ 1709 г. трехграннымъ штыкомъ.

Калибръ ружья былъ 0,78 дюйма, вѣсъ 14 ф.; но этотъ калибръ долго не устанавливался. Вѣсъ пули 8 золотниковъ; замокъ—ударно-кремневый системы; патроны носились въ сумахъ.

Сержанты имѣли алебарды, а прочіе нижніе чины шпаги. Въ 1720 году въ каждомъ полку оставалось еще по 150 пикинерныхъ коней, которыя употреблялись при караульной службѣ (въ 1730 г. пики сданы въ Украинскія крѣпости).

Пѣхота имѣла ранцы: на каждый полкъ полагались жестяныя водоносныя фляги и шанцевый инструментъ: 200 топоровъ, 288 желѣзныхъ лопатъ и 288 кирокъ и мотыгъ. Полковой обозъ состоялъ изъ 65 телѣгъ для перевозки разныхъ запасовъ и лагерныхъ палатокъ въ числѣ 208.

До 1705 г. въ строевомъ отношеніи войска Петра Великаго руковод-

ствовались «Краткимъ обыкновеннымъ ученьемъ въ строеніи пѣшихъ полковъ» 1702 г.; затѣмъ около 1706—1708 г. положенія эти были нѣсколько измѣнены. Тѣмъ не менѣе, Уставъ Воинскій 1716 года не далъ ничего въ этомъ отношеніи новаго, а былъ какъ-бы систематической сводкой всѣхъ правилъ и указаній, данныхъ до его изданія.

Согласно «Краткаго обыкновеннаго ученья», главный строй пѣхоты былъ развернутый, въ 6 шеренгъ. Затѣмъ войска умѣли вздваивать шеренги и ряды—первое, для удобства стрѣльбы, а второе—для удобства движенія. Заряжаніе и стрѣльба производились безъ примкнутыхъ штыковъ. Стрѣльба была трехъ родовъ: «нидерфаленъ» (т. е. съ опусканіемъ на колѣни переднихъ пяти шеренгъ для послѣдовательной стрѣльбы шеренгами, начиная съ 6-й), плутонгами и залпами, для чего шеренги вздваивались (каждый рядъ нечетныхъ шеренгъ становился правѣе и лѣвѣе впереди стоявшаго ряда четной шеренги).

Всѣ эти построенія были просты въ исполненіи и вообще уставныя требованія были практичны въ противоположность тѣмъ сложнымъ, безполезнымъ и запутаннымъ перестроеніемъ западно-европейскихъ экзерцицій, о которыхъ было выше говорено. Въ періодъ 1706—1708, строй былъ измѣненъ, т. е. вмѣсто 6-шереножнаго принятъ 4-шереножный, вслѣдствіе чего измѣнились и нѣкоторыя уставныя указанія, какъ, напримѣръ, стрѣльба «нидерфаленъ» измѣнена въ стрѣльбу шеренгами и т. п.

Уставъ 1716 года ограничился такими же элементарными указаніями и особаго устава полкового ученья Петромъ не дано. Вообще уставъ, въ смыслѣ строевомъ, останавливается лишь на общихъ положеніяхъ. Въ развернутомъ строѣ роты становились справа на лѣво въ порядкѣ нумеровъ, причемъ гренадеры не выдѣлялись. Для встрѣчи начальника и при наступленіи офицеры каждой роты были впереди фронта, но при обученіи пріемамъ и при заряжаніи ружья *) офицеры и знамена уходили за фронтъ. Развернутый строй назначался какъ для стрѣльбы, такъ и для удара въ штыки; для движенія на незначительное разстояніе вздваивались ряды, а при маневрированіи—шеренги. Стрѣльба шеренгами, взводами и общимъ залпомъ производилась, какъ выше указано. Для отраженія кавалерійской атаки полкъ строилъ баталіонъ де каре, причемъ полкъ, за исключеніемъ гренадеръ, дѣлился на 4 части, строившія фронтъ на четыре стороны, а въ углахъ располагались гренадеры и пушки, буде такія имѣлись ([114]).

При полкахъ пѣхоты была и артиллерія. Въ 1723 году окончательно положено было имѣть по двѣ 3 ф. пушки на полкъ. Пушки эти назначались для усиленія огня пѣхоты и дѣйствовали непосредственно со своими полками (а полевая артиллерія располагалась на особыхъ по-

*) Замѣтимъ, что во время боя воспрещено было офицерамъ переходить изъ роты въ роту, чтобы «тѣмъ конфузіи не учинить».

зиціяхъ); впрочемъ, если полевой артиллеріи при войскахъ не было, то полковая могла быть сосредоточена въ батареи.

Въ послѣдующее время строевой уставъ былъ измѣненъ Минихомъ, но въ чемъ заключались эти измѣненія—нѣтъ свѣдѣній. Впрочемъ, миниховы правила имѣли силу лишь въ теченіи ограниченнаго промежутка времени (1732—1742), а затѣмъ Петровскій уставъ былъ возстановленъ.

Всего въ царствованіе Петра Великаго было 40 полковъ, въ томъ числѣ 2 гвардейскихъ, 5 гренадерскихъ и 33 фузилерныхъ.

б) Кавалерія.

Въ арміяхъ этого періода кавалерія по прежнему играетъ весьма важную роль, но какъ война принимаетъ характеръ осадной, а потомъ позиціонной, то, по важности въ составѣ армій, она начинаетъ уступать мѣсто пѣхотѣ.

Кавалерія была трехъ родовъ: *тяжелую* составляли кирасиры, *среднюю* драгуны и *легкую* гусары, карабинеры и шеволежеры.

Первоначально драгуны составляли пѣхоту посаженную на лошадей, причемъ въ 1659 году во французской арміи имѣлось всего 2 драгунскихъ полка, но уже въ 1690 году мы находимъ тамъ 43 такихъ полка. Хотя послѣ Риксвикскаго мира (1698 г.) осталось ихъ только 14, подъ именемъ *quatorze vieux* ([115]), но примѣру Франціи послѣдовали всѣ прочія государства, увеличивъ число драгунскихъ полковъ. Съ увеличеніемъ ихъ числа, измѣнилась и самая цѣль ихъ употребленія; они перестали замѣнять пѣхоту и составили среднюю кавалерію, хотя, вооруженные ружьями со штыками, они употреблялись на войнѣ и въ пѣшемъ строѣ. Тюреннь и другіе даровитые полководцы умѣли искусно пользоваться этимъ родомъ кавалеріи—пѣхоты, при недостаткѣ послѣдней. Такъ въ сраженіи при Энцгеймѣ (1674) спѣшенные драгуны овладѣли лѣсомъ, находившимся на лѣвомъ флангѣ расположенія имперцевъ, и захватили въ немъ 8 орудій. При Штаффардѣ въ 1693 году—не менѣе удачное употребленіе спѣшенныхъ драгунъ *). *Карабинеры* имѣли начало подобное *гренадерамъ* въ пѣхотѣ. Сперва (1679) въ каждой ротѣ кавалеріи избрано было по два солдата, изъ лучшихъ стрѣлковъ; они собирались въ головѣ эскадрона и передъ атакой производили пальбу (съ дальняго разстоянія) изъ нарѣзныхъ карабиновъ (винтовокъ), которыми были вооружены. Въ 1690 г. Людовикъ XIV, по представленію маршала Люксамбурга, велѣлъ сформировать по ротѣ, въ 30 ч., въ каждомъ изъ 107 кавалерійскихъ полковъ изъ самыхъ отборныхъ людей,

*) При спѣшиваніи драгуны сбатовывали лошадей слѣва направо; въ каждой шеренгѣ оставалось на лошадяхъ лишь по одному драгуну на правомъ и лѣвомъ флангахъ и одинъ субалтернъ-офицеръ на полкъ ([116]).

подъ начальствомъ опытныхъ офицеровъ, по условію имѣвшихъ не менѣе 35 лѣтъ отъ роду. Съ слѣдующаго года карабинеры сведены были вмѣстѣ и образовали бригаду легкой кавалеріи. Новоучрежденный корпусъ покрылъ себя такою славою въ кампанію слѣдующаго года, что Людовикъ XIV рѣшилъ образовать изъ нихъ особый полкъ подъ названіемъ Royal-carabiniers, инструкція которому написана была лично королемъ и даже начальство надъ нимъ поручено любимому сыну короля герцогу Мэнъ. Этотъ полкъ раздѣлялся на 5 бригадъ въ 4 эскадрона каждая; въ эскадронѣ по 4 роты (30 чел.), всего 2400 чел.; слѣдовательно онъ по силѣ равенъ былъ нѣсколькимъ полкамъ, а потому его постоянно дробили по разнымъ арміямъ ([117]).

Гусары впервые являются въ австрійскихъ арміяхъ въ 1688, а въ 1705 уже существовало 4 венгерскихъ гусарскихъ полка. Въ XVII столѣтіи многіе дезертеры изъ нихъ состояли въ услуженіи у французскихъ офицеровъ. Въ 1692 г. маршалъ Люксамбургъ, пораженный ихъ воинственнымъ видомъ, собираетъ ихъ вмѣстѣ и употребляетъ для развѣдывательной службы и партизанской войны. Людовикъ XIV велѣлъ сформировать въ Эльзасѣ цѣлый гусарскій полкъ, уже участвовавшій въ кампаніи 1693 года; будучи распущенъ послѣ Риксвикскаго мира, онъ снова былъ возстановленъ Вильяромъ. Какъ легкая кавалерія, гусары употреблялись для разсыпнаго дѣйствія, слѣдовали въ авангардѣ и арьергардѣ, для аванпостной службы, сопровождали транспорты и т. п. ([118]). Оказывая такую пользу, гусары являются въ арміяхъ почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Значеніе ихъ не скоро было понято даже такими боевыми людьми, какъ маршалъ Морицъ Саксонскій, а одинъ изъ современниковъ выражался такъ: «это собственно говоря разбойники на коняхъ и въ ихъ способѣ веденія боя нѣтъ ничего правильнаго (!), съ ними невозможно сражаться на мѣстѣ, ибо хотя бы они при атакѣ имѣли извѣстный строй; но минуту спустя они, разсѣявшись, уже ускакиваютъ, и въ то время, когда вы полагаете ихъ разсѣянными, вы ихъ видите снова появляющимися какъ и прежде». Но эти-то свойства и заставили впослѣдствіи цѣнить гусаръ ([119]).

Въ Австріи существовалъ особый родъ кавалеріи, такъ называемые *Венгерскіе панцырники.* Ихъ вооруженіе состояло изъ чернаго желѣзнаго шишака съ висячей отъ него кольчугой до плечъ; изъ кольчужной рубашки, закрывавшей всадника до ляжекъ, изъ круглаго щита, длинной тонкой пики и высокихъ сапоговъ до колѣнъ ([120]). Въ Швеціи кавалерію составляли рейтары (безъ предохранительнаго оружія) и драгуны; полкъ въ 6—8 ротъ.

Особымъ устройствомъ и характеромъ отличалась *польская* конница. Національная кавалерія поляковъ организовалась въ такъ называемыя «товарищества», состоявшія изъ дворянъ, какъ боеваго элемента, соединявшихся въ числѣ 50—70 въ «хоругвь», причемъ всѣ дворяне образовали 1-ю шеренгу, а ихъ конные слуги 2-ю и 3-ю. Такой хоругвью

командовалъ номинально какой-нибудь магнатъ съ званіемъ ротмистра, а обыкновенно—поручикъ. Конница эта производила атаки въ бою, но развѣдывательной и сторожевой службы не несла. Затѣмъ существовали копейщики или отборная тяжелая конница съ предохранительнымъ оружіемъ съ головы до ногъ и съ пикою, какъ главнымъ оружіемъ, длиною въ 19 ф. Легкой конницей была такъ называемая *кварцяная*, образованная въ1562 г. на $^1/_4$ часть доходовъ съ королевскихъ староствъ. Она состояла изъ поляковъ, казаковъ, нѣмцевъ, валаховъ и пр., была организована въ хоругви, сводимыя въ полки, числительностью въ 600—1000 коней. Конница эта назначалась для сторожевой, развѣдывательной, ординарческой и т. п. службы. Изъ національныхъ войскъ поляки еще имѣли драгунъ, устроенныхъ по западно-европейскому образцу ([121]).

У *турокъ* отличной легкой конницей (безъ предохранительнаго оружія) были *сирапляры*, умѣвшіе съ одинаковымъ искусствомъ сражаться какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю. Кромѣ того у нихъ были ленныя конныя войска — *топракли*, а также вспомогательные конные контингенты, какъ, напримѣръ, татары и т. п. ([122]).

Вооруженіе кавалеріи значительно облегчилось; лошади не покрывались уже латами, кирасы остались только у кирасиръ; австрійскіе кирасиры носятъ еще (до 1720 г.) каски съ забраломъ. Пика выходитъ изъ употребленія въ кавалеріи; холодное оружіе, самое употребительное,— обоюдоострые палаши съ желѣзною рукояткою; гусары носятъ кривую саблю. Главную роль въ кавалеріи играетъ *огнестрѣльное* оружіе. Драгуны вооружены ружьями со штыкомъ; вся остальная кавалерія—карабинами и пистолетами (у австрійцевъ по 2 пистолета въ кобурахъ). Разнообразія въ одеждѣ въ кавалеріи, какъ въ наше время, не существовало; только гусары отличались пестротою своего національнаго костюма, состоявшаго изъ куртки съ узкими рукавами, рейтузъ, входившихъ въ длинные сапоги, ментика и высокой мѣховой шапки. Къ особенностямъ въ снаряженіи французской кавалеріи относилось и то, что она носила напудренные парики съ косами (perruques á la brigadière). Сѣдла въ большей части европейскихъ кавалерій употреблялись нѣмецкія, неловкія и тяжелыя. Относительное число различныхъ родовъ кавалеріи подвергалось различнымъ измѣненіямъ; такъ въ половинѣ XVII столѣтія средняя и легкая кавалерія составляли $^1/_4$ часть противъ тяжелой, а въ концѣ этого столѣтія средней было уже больше; но легкая, которую считали самою дурною, оставалась въ томъ же содержаніи ([123]).

Основною административною единицею раздѣленія и въ кавалеріи была *рота*, состоявшая изъ двухъ корнетовъ или взводовъ. Въ различныхъ арміяхъ и въ разныхъ родахъ кавалеріи числительность кавалерійской роты была различна. Составъ французской роты въ 1699 году былъ въ 48 чел. съ офицерами; австрійской—въ драгунахъ и кирасирахъ 76, въ карабинерахъ 94, въ гусарахъ 80 ([124]).

Изъ ротъ составлялись эскадроны. Эскадронъ составлялъ въ бою, какъ баталіонъ въ пѣхотѣ, тактическую единицу. Во Франціи онъ имѣлъ отъ 2 до 4 ротъ, въ Австріи 2 роты. Такимъ образомъ, сила эскадрона была отъ 150 до 200 коней, въ Пруссіи 120. Въ 1711 въ Австріи въ каждомъ кирасирскомъ полку была образована карабинерная рота, а въ драгунскомъ-гренадерская, изъ отборныхъ людей ([125]).

Изъ эскадроновъ составлялись полки. Полкъ въ кавалеріи имѣлъ не только хозяйственное, какъ въ пѣхотѣ, но и тактическое значеніе. Полки во Франціи составлялись изъ 2-хъ или 3-хъ эскадроновъ, въ Австріи кирасирскіе и драгунскіе изъ 6 эскадроновъ, гусарскіе изъ 5 эскадроновъ (10 ротъ). Такимъ образомъ, сила кавалерійскаго полка во Франціи была около 600 коней, въ Австріи отъ 800 до 1000 ([126]).

Русская конница состояла прежде всего изъ дворянскихъ ополченій, во главѣ которыхъ были московскіе дворяне и жильцы, составлявшіе особый *Государевъ полкъ* въ родѣ гвардіи, сопровождавшій государя въ походѣ, а въ отсутствіи его иногда состоявшій при главномъ воеводѣ. Полкъ дѣлился на сотни: стольниковъ, стряпчихъ, дворянскія и жилецкія, во главѣ которыхъ были *головы* изъ важнѣйшихъ фамилій. Кромѣ того были *поручики* и *знаменщики*. Каждой изъ такихъ сотенъ было по нѣсколько. Въ 1682 г. государевъ полкъ вмѣсто сотенъ дѣлился на роты, числительностью около 60 чел. Начальники ротъ уже назывались ротмистрами и поручиками; каждыя 6 сотенъ образовали полкъ подъ начальствомъ старшаго ротмистра. Такъ исчезли прежнія названія, головъ, хорунжихъ, обозныхъ дозорщиковъ (вагенмейстеръ), заимщиковъ (квартирмейстеръ) и сторожеставцевъ (лагермейстеръ) ([127]). Дворяне государева полка чередовались на службѣ въ Москвѣ. Не входившіе въ составъ государева полка московскіе дворяне образовали особый отрядъ ([128]). По славамъ Флетчера, русскіе знатные всадники отличались блестящимъ роскошнымъ нарядомъ, превосходнымъ оружіемъ и отличными конями; они имѣли щегольскую броню булатную, на головѣ богатый стальной шлемъ; вооружены были саблями и лукомъ со стрѣлами (а впослѣдствіи ружьями и пистолетами). Кромѣ того нѣкоторые имѣли портазаны и щиты. На плечахъ у нѣкоторыхъ были крылья. Способъ дѣйствій—сходный съ татарскимъ, т. е. свойственный всѣмъ естественнымъ конницамъ ([129]). Всѣ движенія ихъ производились внѣ какого либо опредѣленнаго строя, и обученія не было. Числительность московскихъ чиновъ была весьма различна; при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ она достигаетъ 6097 чел. съ 11830 чел. ихъ свиты ([130]).

Дворяне, дѣти боярскія, новокрещены, мурзы, татары и городовые казаки принадлежали въ каждомъ городѣ къ городовому полку. Такимъ образомъ, отрядъ каждаго города составлялъ обыкновенно особый полкъ, имѣвшій свое знамя, музыку, а впослѣдствіи, какъ кажется, и по 5 пушекъ.

Каждый полкъ дѣлился по окладамъ на три статьи и сверхъ того

на *первую* и *вторую половины*, причемъ первая собиралась въ походъ при первой вѣсти о войнѣ, а вторая готовилась къ выступленію. Такимъ образомъ, въ мирное время городовые полки не имѣли никакихъ кадровъ и сборовъ и подчинялись мѣстному гражданскому начальству. По сборѣ же полка во время войны, воевода раздѣлялъ людей полка на три части: одну назначалъ въ *подъѣзды* (передовая служба), другую въ *сотни* (т. е. въ главныя силы), а третью къ *кошамъ* (обозу); каждой изъ этихъ частей назначался начальникъ. Люди, назначенныя въ сотни, дѣлились приблизительно по 100 чел., причемъ имѣлись и особыя, выборныя сотни. Оружіе служилыхъ людей городовыхъ полковъ, а отчасти и ихъ слугъ, составляли пищали, пистолеты, карабины, саадаки и сабли, по образцамъ и мѣрамъ, назначавшимися (вѣроятно только для дворянъ и дѣтей боярскихъ) въ государевомъ указѣ. Кромѣ того они имѣли предохранительное оружіе: кольчуги панцыри, (бехтерцы) ([131]). Вообще оружіе было разнообразно, такъ какъ каждый вооружался на свой счетъ, но вообще метательное оружіе имѣло важное значеніе.

Конные стрѣльцы имѣли организацію приблизительно такую-же какъ и пѣшіе.

Рейтары *) и *копейщики*. Копейщиковъ можно разсматривать какъ отборную часть рейтаръ, съ которыми обыкновенно они соединялись въ одной части. Рейтарскій полкъ состоялъ изъ штаба и нѣсколькихъ ротъ — обыкновенно 10; но встрѣчаются полки въ 5, 12, 14 ротъ; въ 1679 г. въ войскахъ, выставленныхъ противъ турокъ и татаръ, было два рейтарскихъ полка по 26 ротъ въ каждомъ, раздѣленныхъ повидимому каждый на 2 группы по 13 ротъ. Штабъ 10 ротнаго полка состоялъ изъ 1 полковника, 1 подполковника, 1 маіора, 1 капитана — лейтенанта (командовавшій ротой полковника), 1 квартермистра, 1 адъютанта и 1 вагенмейстера; въ полкахъ бо́льшей числительности увеличивалось и число штабныхъ чиновъ. Къ полковому штабу принадлежали еще: писарь, барабанщикъ, трубачъ, а также канониры и гранатчики полковой артиллеріи. Въ ротѣ полагался ротмистръ, поручикъ и прапорщикъ (фенрихъ). Числительность ротъ не была опредѣлена штатами. Люди жили въ мирное время по городамъ. Съ теченіемъ времени установлено было, что извѣстная область должна была выставить опредѣленное число полковъ, люди которыхъ въ ней жили. При этомъ копейщики присоединялись къ первымъ рейтарскимъ полкамъ округа, образуя въ нихъ отборныя роты, между тѣмъ какъ прочіе полки состояли исключительно изъ рейтаръ.

Сила полковъ была различна: отъ 1000 до 2500 челов., иногда меньше или больше. Полкъ имѣлъ штандарты, по 1 на роту, и полковую артиллерію. Полки назывались по именамъ командировъ; но если полкъ весь выставлялся однимъ городомъ, то иногда носилъ его имя.

*) Это названіе впервые встрѣчается въ 1633 г.

Ежегодно, осенью послѣ уборки хлѣба, полковники собирали своихъ людей на мѣсяцъ для обученія, при этомъ на каждаго человѣка отпускалось по 1 ф. пороха. Устава не существовало, но каждый полковникъ, по своему собственному способу, обучалъ дѣйствію оружіемъ, верховой ѣздѣ и пр. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ было переведено сочиненіе Плювинеля о выѣздкѣ лошадей и верховой ѣздѣ («Ученіе како объѣзжати лошадей»), но осталось лишь въ рукописи и не было дано въ руководство войскамъ. Обучивъ людей, полковники, по царскому указу, распускали ихъ, предупредивъ о томъ, чтобы они всегда были въ готовности къ царской службѣ. Число рейтарскихъ полковъ было въ разное время различно; такъ въ 1633 г. былъ всего одинъ полкъ (2700 чел.); въ 1672 г. было: 4 отдѣльныя роты копейщиковъ, 11 копейно-рейтарскихъ, 15 рейтарскихъ и 1 сборный (копейщики, рейтары, драгуны и казаки) полкъ; числительность ихъ простиралась до 3684 копейщиковъ и 36091 рейтаръ. При Ѳедорѣ и въ началѣ царствованія Петра было 27 рейтарскихъ полковъ, числительностью около 40,000 чел., изъ которыхъ около 4000 копейщиковъ.

Гусары. Имя ихъ встрѣчается впервые въ 1634 году, когда нѣсколько сотъ ихъ вмѣстѣ съ рейтарами назначены были въ Украину для отраженія татаръ. Въ 1679 году нѣсколько гусарскихъ ротъ выставлено было противъ турокъ. Въ послѣдній разъ нѣсколько гусарскихъ ротъ участвовали въ Кожуховскомъ походѣ. Гусары повидимому не образовали особыхъ отдѣльныхъ частей, а придавались къ рейтарскимъ полкамъ. Это была не легкая, а тяжелая, по польскому образцу, конница.

Драгуны появились въ русской арміи одновременно съ рейтарами. Набираемые частью изъ иноземцевъ, они уже при самомъ началѣ ихъ формированія, комплектовались частью русскими, подъ начальствомъ иноземныхъ офицеровъ. Драгуны частью образовали особые полки, частью придавались къ рейтарскимъ полкамъ, образуя при нихъ отдѣльныя роты. При Алексѣѣ Михаиловичѣ драгуны были поселены военными колоніями въ двухъ мѣстахъ—въ Украйнѣ (1646) и на шведской границѣ (1648), причемъ въ послѣднемъ случаѣ они были перемѣшаны съ солдатами. Поселенные драгуны раздѣлялись на полки. Эти полки получили названіе *старыхъ* въ отличіе отъ сформированныхъ впослѣдствіи драгунъ, образовавшихъ частью отдѣльные полки, частью придававшихся къ рейтарскимъ. Въ Сибири даже были образованы драгуны, разселенные по городамъ и слободамъ.

Организація драгунскихъ полковъ была такая же какъ рейтарскихъ, только командиры ротъ назывались у нихъ капитанами. Полки состояли изъ 12 ротъ, неопредѣленной числительности. Драгуны предназначались для конной и пѣшей службы, вслѣдствіе чего полки имѣли барабанщиковъ по пѣхотному и трубачей по кавалерійски; при полкахъ состояла также часть пушкарей.

Что касается числительности драгунъ, то ихъ было всегда меньше рейтаръ, не превосходя никогда 11,500 чел. ([132]).

Относительно *вооруженія* конницы иноземнаго строя слѣдуетъ замѣтить, что копейщики, рейтары и гусары образовали тяжелую конницу, по образцу западно-европейскихъ кирасиръ. Вначалѣ рейтары были вооружены мечами, мушкетами, затѣмъ карабинами и двумя пистолетами; они имѣли шлемы и латы. Каждый рейтаръ былъ снабженъ 1 ф. пороху и $2^1/_2$ ф. свинца. Въ позднѣйшее время копейщики и гусары имѣли сабли, длинныя пики, а рейтары сабли, карабины и по 2 пистолета.

Драгуны были вооружены мушкетами съ вилками, саблями, короткими пиками, аллебардами и притроченными къ сѣдлу топорами; они имѣли шлемы съ наушниками и иногда панцыри; патроны носили въ бандельерѣ; поселенные драгуны имѣли такое же вооруженіе съ тою лишь разницею, что у нихъ имѣлись еще фитильныя ружья.

Одежда иноземныхъ полковъ была по образцу западно-европейскому, хотя каждый всадникъ одѣвался самъ на свой счетъ *).

Драгуны временъ Петра Великаго. Петръ при самомъ формированіи регулярной арміи учредилъ 2 драгунскихъ полка, каждый въ 12 ротъ и числительностью 1,239 чиновъ; но на самомъ дѣлѣ полки имѣли силу въ 1000 человѣкъ и раздѣлялись на 10 ротъ (драгунскихъ фузилерныхъ), къ которымъ въ 1705 году прибавлена еще одна гренадерская. Драгуны были устроены по шведскому образцу. Числительность ихъ быстро увеличивалась; такъ по штатамъ 1711 и 1720 годовъ полагалось 33 полка, изъ которыхъ 3 *драгунскихъ гренадерскихъ*, состоявшихъ лишь изъ гренадерскихъ ротъ (съ гранатами) и 30 *драгунскихъ фузилерныхъ*, въ 9 фузилерныхъ и 1 гренадерская роты каждый **).

По двойственности боеваго назначенія драгунъ, они имѣли для пѣшаго боя ружье, а для коннаго—палашъ и пистолетъ; кромѣ того у всѣхъ нижнихъ чиновъ полагалось по 1 топору, лопатѣ или киркѣ при сѣдлѣ.

До 1708 года фузеи были съ «багинетомъ», который носили вмѣсто шпаги.

Одежда—кафтанъ синій съ бѣлымъ или краснымъ прикладомъ, камзолъ и штаны лосиные, шляпа треугольная ***).

---

*) Иностранецъ (Рейтенфельдъ), посѣщавшій Россію при Алексѣѣ Михаиловичѣ, даетъ такой отзывъ о русской конницѣ: «войско россійское, состоявшее изъ 60,000 конницы, превосходствомъ лошадей, богатствомъ и великолѣпіемъ оружія, одѣяній, конской сбруи и палатокъ представляло прекраснѣйшее зрѣлище, которому подобнаго нигдѣ въ Европѣ найти невозможно».

**) По штатамъ, изданнымъ въ разное время, опредѣлялось — въ *полку*: штабъ офицеровъ 3; въ *ротѣ*: оберъ-офицеровъ 3, унт.-офиц. 4, капраловъ (ефрейторовъ) 4, рядовыхъ 92; затѣмъ были еще музыканты и нестроевые. Общая числительность роты 112 чел., а полка 1,253—1260 (по штатамъ 1720 и 1724 гг).

***) На продовольствіе лошади полагалось на 6 мѣсяцевъ (6 лѣтнихъ на подножномъ корму)—овса 6 четвертей ($2^1/_{20}$ гарн. въ сутки) и сѣна 15 пудовъ въ мѣсяцъ—т. е. дача нынѣшняя подъемнымъ лошадямъ. Амуничныхъ денегъ на человѣка 90 к.

Полки были, для содержанія въ натурѣ, размѣщены по 8 учрежденнымъ губерніямъ ([134]), что было отмѣнено для полевыхъ регулярныхъ войскъ въ 1724 году и тогда они уже непремѣнныхъ квартиръ не имѣли.

Согласно Устава Воинскаго 1716 г. драгуны строились въ конномъ строю въ 3 шеренги. Петръ Великій, давъ длинные палаши своимъ драгунамъ, требовалъ, чтобы они дѣйствовали въ конномъ строю исключительно холоднымъ оружіемъ, атаковали подобно отважной конницѣ Карла XII.

Въ *полевыхъ* войскахъ по штатамъ Петра 1720 г. было 57,956 чел. пѣхоты и 36,333 чел. драгунъ, т. е. отношеніе 1,6:1. Такая значительная масса конницы соотвѣтствовала и состоянію военнаго искусства и характеру тѣхъ театровъ войнъ, гдѣ пришлось дѣйствовать арміи Петра, и кромѣ того тому обстоятельству, что существовало у насъ много войскъ не полеваго назначенія, слабо обезпеченныхъ конницей.

Петръ Великій имѣлъ также желаніе завести *гусаръ* и въ 1707 г. приказано было сформировать изъ венгровъ, сербовъ, молдаванъ и валаховъ легко-конную команду въ 300 чел., подъ названіемъ «Волжской хорогвы»; этотъ родъ конницы скоро увеличился, такъ что въ походѣ 1711 г. находилось 6 волжскихъ полковъ и 2 хорогвы (сербская и польская). Затѣмъ они были распущены и оставлено только три пятисотенныя команды, которыя по окончаніи Сѣверной войны тоже были распущены. Вскорѣ однако Петръ пожелалъ снова сформировать гусарскіе полки изъ сербовъ по образцу австрійскихъ, а также намѣревался учредить регулярные гусарскіе полки, но начало этому роду кавалеріи положено было только въ 1714 году, когда рѣшено было содержать 4 гусарскихъ полка, каждый изъ 963 чел. въ 10 ротахъ.

Для мѣстной гарнизонной службы были сформированы въ 1723 году 10 *ландмилицкихъ* полковъ, изъ числа которыхъ 4 регулярныхъ, въ драгунскомъ составѣ, и 6 иррегулярныхъ, а въ 1736 г. ландмилицкіе полки образовали особый корпусъ войскъ (20 пол.) подъ названіемъ «украинскаго».

Въ началѣ царствованія Анны Ивановны особая коммиссія по пересмотру состоянія арміи представила соображенія (развитыя Минихомъ) о необходимости введенія *кирасиръ*, вслѣдствіе чего предположено было учредить 10 кирасирскихъ полковъ; но на первое время преобразовано было только 3 драгунскихъ полка въ кирасирскіе и только въ 1756 году присоединено къ нимъ еще 3 полка.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1721 году, для спеціальнаго образованія офицеровъ, былъ сформированъ (изъ Кроншлотскаго драгунскаго полка) *Лейбъ-регимент*ъ, состоявшій изъ однихъ дворянъ. Это спеціальное его назначеніе продолжалось до 1730 года, когда онъ былъ переименованъ въ л. гв. Конный полкъ ([135]).

Вообще отъ Петра до Елизаветы штатный составъ, строй кавалеріи,

ея одежда и снаряженіе почти совершенно не измѣнились, но составъ по родамъ кавалеріи значительно осложнился. Петръ довольствовался *почти* исключительно лишь драгунами, какъ регулярной кавалеріей, пригодной для всякаго рода службы и боевой дѣятельности; съ теченіемъ же времени у насъ уже появляются гусары, кирасиры... конница односторонняя и введенная лишь по слѣпому подражанію западу. Геніальная простота организаціи Петра Великаго уже не могла удовлетворить послѣдовавшихъ за нимъ мелочныхъ организаторовъ и методиковъ.

Относительно организаціи и военнаго устройства *казаковъ* можно сказать, что, не смотря на нѣкоторыя черты, оно отличалось существенно въ различныхъ войскахъ. Такъ *донцы* вели жизнь болѣе кочевую нежели осѣдлую, и за занятія земледѣліемъ полагалось даже виновныхъ «бить до смерти». Кормились охотою, рыбною ловлею и особенно военною добычею. Но съ ходомъ времени, къ концу XVII ст., число поселеній и городовъ значительно увеличилось; важнѣйшимъ изъ послѣднихъ былъ Черкаскъ — мѣсто пребыванія войсковаго управленія и сбора войсковыхъ круговъ. Всѣ общественныя дѣла обсуждались и рѣшались общимъ совѣтомъ въ «*войсковыхъ кругахъ*», большинствомъ голосовъ. Войсковой *атаманъ* стоя во главѣ управленія, лично не имѣлъ особой власти.

Въ походъ казаки снабжались только сухарями; вооружались пищалями, копьями и саблями, получая порохъ, свинецъ и проч. отъ Московскаго правительства. Походы ихъ были морскіе и сухопутные, причемъ отряды дѣлились на сотни и пятидесятки, подъ начальствомъ есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ и подъ главнымъ начальствомъ походныхъ атамановъ—всѣ эти лица выбирались передъ походомъ. Казаки образовали пѣхотныя и конныя части, одинаково искусно дѣйствуя въ томъ и другомъ строѣ. Нападенія они предпочитали производить ночью, внезапно, причемъ дѣйствовали *лавой*—длиннымъ разомкнутымъ строемъ, съ сомкнутыми поддержками, охватывая непріятеля съ фланговъ и тыла; за первою лавою слѣдовала другая и т. д., пока непріятель не былъ утомленъ и разстроенъ, послѣ чего уже дѣлался жертвой казаковъ. Если вмѣстѣ съ конницей дѣйствовала пѣхота, то она съ артиллеріей располагалась въ центрѣ боеваго порядка, а конныя части образовали крылья. Пѣхота при атакѣ стрѣляла залпами, а затѣмъ бросалась въ копья. Для переправы черезъ рѣки, казаки клали сѣдла и вьюки на «салы» (связанные пучки камыша), которые привязывали къ хвостамъ лошадей, а сами, держась за гривы послѣднихъ, переплывали вмѣстѣ съ ними. Если непріятель внезапно нападалъ на казаковъ и окружалъ ихъ, то они спѣшивались, собирались въ кучи и отстрѣливались изъ-за лошадей и изъ пушекъ.

Морскіе походы предпринимались на небольшихъ, легкихъ «бударахъ», на которыхъ казаки смѣло пускались въ Черное море, нападали на большіе корабли съ пушками, брали ихъ на абордажъ, разоряли прибрежные города и поселенія и возвращались часто съ большою добычею.

Въ сношеніяхъ между собою были честны и гнушались воровствомъ; храбрость считали первою добродѣтелью, а измѣну, трусость, убійство между собою карали «сажаніемъ въ воду», т. е. потопленіемъ.

Малороссійскіе казаки, со времени Богдана Хмѣльницкаго, имѣли слѣдующее устройство. Все войско состояло изъ 34 полковъ, каждый изъ которыхъ, составляя особый округъ, носилъ названіе главнаго города или особенно замѣчательнаго мѣста. Въ полковомъ городѣ имѣли пребываніе полковникъ, старшины и полковая канцелярія. Число сотенъ въ полкахъ было неодинаковое, причемъ каждая сотня носила названіе города или мѣстечка, въ которомъ была расположена ея сотенная квартира, и заключала въ себѣ нѣсколько селъ и деревень,

раздѣленныхъ на *курени*. Въ каждомъ изъ куреней находилось нѣсколько *выборныхъ* казаковъ и ихъ *подпомощниковъ*; первыми назывались тѣ казаки, которые имѣли собственную «муницію», т. е. одежду, снаряженіе и вооруженіе; вторыхъ же составляли бѣдные казаки, снаряжавшіеся на службу такимъ же образомъ съ помощью трехъ или болѣе дворовъ каждый. Число выборныхъ и подпомощниковъ въ сотняхъ было неодинаково: первыхъ 100—200 и болѣе; вторыхъ—до 1000 и болѣе. Сначала выборнымъ казакамъ производилось годовое жалованье, но впослѣдствіи внутри границъ они обязаны были служить на собственномъ иждивеніи, а за границею получали продовольствіе и фуражъ.

Въ мирное время выборные казаки содержали кордонъ на границѣ, а подпомощники исправляли пѣшую и конную внутреннюю службу и находились при сотенныхъ и полковыхъ квартирахъ для посылокъ. Главная и полковая артиллерія снабжалась прислугой изъ казаковъ.

Изъ вольныхъ охочихъ людей содержались *охочекомонные* или *компанейскіе* полки (сначала 5, а потомъ 3 пятисотеннаго состава). Кромѣ конныхъ казачьихъ полковъ были и пѣшіе, извѣстные подъ названіемъ *сердюковъ*; набирались они, повидимому, не только изъ казаковъ, но и изъ другихъ свободныхъ людей и получали жалованье. Для охраненія гетманскаго знамени («надворная коргова») находилась особая конная стража, содержимая на счетъ войсковаго скарба. Такимъ образомъ, въ XVII ст. малороссійское войско имѣло болѣе правильное и выработанное устройство нежели донскіе казаки. Весьма своеобразное устройство имѣли *запорожскіе казаки*, образовавшіе двѣ различныя общины: запорожскую или Сѣчь и хутора или зимовники. Въ сѣчи жили только холостые казаки, занимавшіеся преимущественно войною, а въ хуторахъ семейные, извѣстные подъ названіемъ украинскихъ, имѣвшіе устройство почти такое, какъ и малороссійскіе казаки, чѣмъ рѣзко отличались отъ сѣчевиковъ. Послѣдніе пополнялись изъ Россіи, Малороссіи, Польши, Германіи, Франціи, Италіи, даже Турціи и Крыма, лишь бы такой выходецъ исповѣдывалъ православную вѣру. Въ «Сѣчи» устроено было 38 куреней, а внѣ ея, въ послѣднее время, 8 паланокъ или военныхъ круговъ—четыре по лѣвую, и четыре—по правую сторону Днѣпра, съ нѣсколькими тысячами зимовниковъ. Курени (жилища, отъ слова курить или дымить), выбирали каждый своего *куреннаго атамана*. Главное начальство, а также предводительство въ походахъ принадлежало становому или *«кошевому»* атаману, избиравшемуся всѣми запорожцами и въ отсутствіи котораго въ Сѣчи оставались «наказные» атаманы. Кромѣ атамановъ были старшины, войсковые: судья, писарь, есаулъ, подписарь, подъесаулъ, довбышъ или литаврщикъ (призывавшій на «раду» или совѣтъ); артиллеріею начальствовалъ «пушкарь». Главными походами запорожцевъ были рѣчные и морскіе, когда они на выстроенныхъ ими утлыхъ ладьяхъ или чайкахъ (длиною 60 ф., шириною до 12 ф., глубиною 12 ф.), вооруженныхъ фальконетами, отрядами въ 4—5 т. чел. смѣло пробирались, не смотря на турецкую стражу, и пускались по открытому морю къ берегамъ Анатоліи или Европейской Турціи, производили тамъ грабежи и опустошенія и затѣмъ возвращались съ несмѣтною добычею въ Сѣчь. Неудачи, которыя они иногда терпѣли—чаще отъ стихій природы, нежели отъ врага—нисколько не останавливали ихъ смѣлыхъ предпріятій. Запорожцы также воевали на сухомъ пути, какъ конными, такъ и пѣшими, причемъ, владѣя отлично пищалями, отличались особенно при оборонѣ таборовъ, когда сотня запорожцевъ смѣло отбивалась отъ тысячи поляковъ и татаръ. Въ открытомъ полѣ они не отличались такою стойкостью. Двигаясь по степи, казаки переходили ее въ таборѣ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8—10 повозками; сами же съ дротиками, пищалями и косами, шли посреди табора, имѣя лучшихъ всадниковъ внѣ его. Кромѣ того во всѣ четыре стороны, версты на двѣ, высылалось по казаку для наблюденія. По словамъ Боплана казаки отли-

чались крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, легко переносили голодъ и холодъ, зной и жажду, на войнѣ были неутомимы, отважны и храбры, чрезвычайно мало дорожа жизнью. Въ мирное время главнымъ занятіемъ ихъ были охота и рыбная ловля, но между ними имѣлись и отличные ремесленники.

Иногда нѣкоторые изъ сѣчевиковъ увольнялись въ зимовники, гдѣ часть ихъ составляла стражу и защиту «паланокъ», а другіе, освобожденные отъ «товариществъ» и ставъ «осадчими» (осѣдлыми), занимались хлѣбопашествомъ и проч. Ихъ называли «посполитыми людьми» или городовыми казаками. Но они продолжали состоять въ вѣдѣніи войсковаго товарищества, внося въ Сѣчь небольшой оброкъ и участвуя въ разныхъ общественныхъ повинностяхъ. Если же запорожецъ совершенно покидалъ войско, то получалъ свидѣтельство объ увольненіи его «изъ коша войска Запорожскаго низоваго» и тогда совершенно освобождался отъ всякой къ нему зависимости (135).

Вообще въ техникѣ снаряженія кавалеріи было весьма мало успѣховъ, вотъ причина что и образъ ея дѣйствія въ бою остался почти тотъ-же. А такъ какъ понятія объ употребленіи пѣхоты, съ быстрымъ улучшеніемъ ея техники, сдѣлало значительные шаги впередъ, то кавалерія постепенно теряетъ болѣе и болѣе свое значеніе до реформъ, произведенныхъ въ ней Фридрихомъ.

Въ вѣкъ Людовика XIV и даже до 1776 г. нормальнымъ строемъ кавалеріи былъ трехшереножный, причемъ 3-я шеренга назначалась для разсыпнаго дѣйствія и для дѣйствія на фланги. Дистанціи между шеренгами доходили до 6 шаговъ. Интервалы между эскадронами были различны и иногда равнялись протяженію фронта, хотя Пюйсегюръ полагаетъ ихъ всего въ $^1/_4$ фронта.

По французскому уставу командиръ эскадрона становился противъ середины его, имѣя крупъ лошади въ 1-й шеренгѣ. Субалтернъ-офицеры становились на флангахъ ротъ, ровняясь съ 1-й шеренгой. Два штандарта располагались такъ, чтобы правѣе или лѣвѣе ихъ находилось по крайней мѣрѣ по 4 ряда. У австрійцевъ карабинерныя и конно-гренадерскія роты располагались на одномъ или на обоихъ флангахъ полка. Повороты дѣлались заѣздами по 4 во французской арміи (136) и по 3 въ прусской. Движеніе производилось часто въ шахматномъ порядкѣ.

Пальба въ кавалеріи производилась уже не такъ какъ прежде, т. е. шеренгами съ послѣдовательной ихъ смѣной, а всѣ три шеренги стрѣляли вмѣстѣ и затѣмъ шли въ атаку рысью; иногда, сближались шагомъ съ пистолетомъ въ рукахъ и, выстрѣливъ, брались за палаши и сабли. Гусары дѣйствовали по казацки, располагаясь на флангахъ регулярной кавалеріи. При спѣшиваніи, по австрійскому уставу, въ каждомъ взводѣ драгунъ оставались не болѣе 3—4 человѣкъ, причемъ лошади батовались. Драгуны тщательно обучались стрѣльбѣ и нерѣдко въ этомъ искусствѣ превосходили пѣхоту. Иногда спѣшивались не только драгуны, но и кирасиры. Противъ турокъ и татаръ, австрійскіе кава-

лерійскіе полки строили *конное каре* и производили пальбу полушеренгами съ фасовъ ([137]).

Не смотря на уставы XVII и XVIII столѣтій, протесты многихъ военныхъ людей, съ успѣхомъ дѣйствовавшихъ съ кавалеріею исключительно ударомъ, и на Карла XII, пріучившаго кавалерію къ атакамъ холоднымъ оружіемъ, въ европейскихъ арміяхъ до Фридриха II оставались при убѣжденіи, что кавалерія главнымъ образомъ должна дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ; атаки же холоднымъ оружіемъ—дѣло второстепенное. Въ западной Европѣ только французская кавалерія, и въ особенности лучшая ея часть—кавалерія «королевскаго военнаго дома», сохранила любовь и смѣлость къ пылкимъ атакамъ. ([138]) Но вообще нужно замѣтить, что кавалерія западно-европейскихъ народовъ далеко уступала восточнымъ, венгерской, польской, русской и особенно шведской, не полагавшихся на огнестрѣльное оружіе и дѣйствовавшихъ энергически холоднымъ.

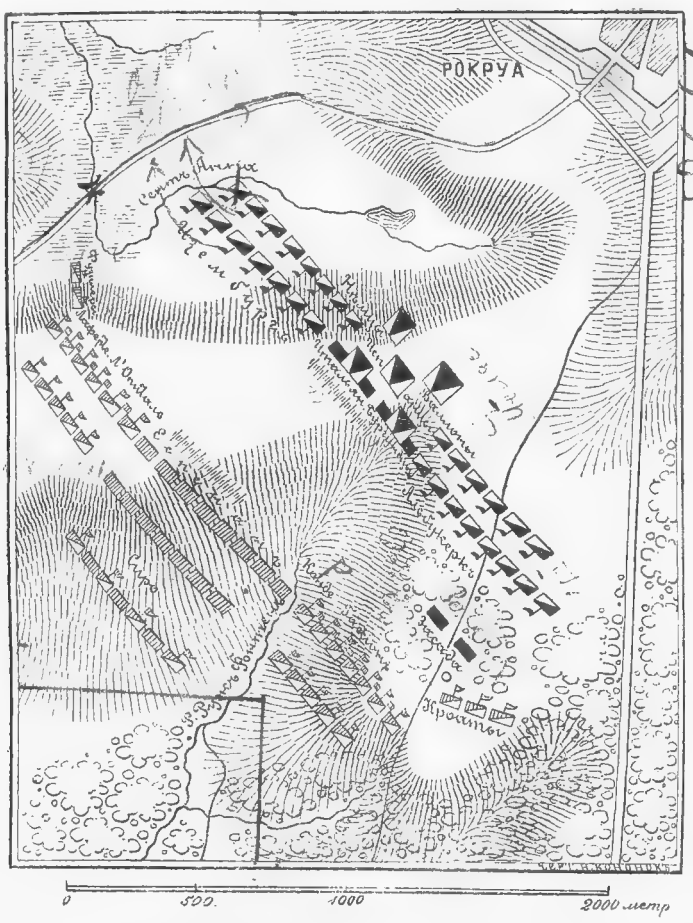
Карлъ XII обращалъ самое тщательное вниманіе на свою кавалерію, искусно пользовался ею въ дѣлахъ и проложилъ путь для улучшеній, сдѣланныхъ впослѣдствіи Фридрихомъ Великимъ и Зейдлицемъ. Пылкій характеръ Карла XII побуждалъ его бросаться въ атаку во всю прыть коней. Его необузданная энергія не могла допустить медленнаго вялаго наступленія, сопровождаемаго медленной, методичной стрѣльбой изъ карабиновъ и пистолетовъ. Атака въ штыки пѣхотою и съ саблею на голо кавалеріею — таковъ былъ его идеалъ. Онъ безусловно воспретилъ своей конницѣ носить какое-бы то ни было предохранительное оружіе, чтобы тѣмъ самымъ дать ей возможную подвижность и выносливость; точно также строжайше было воспрещено употребленіе огнестрѣльнаго оружія въ конномъ строю. Онъ водилъ свою конницу съ мечемъ въ рукѣ противъ кавалеріи, пѣхоты и окоповъ, прокладывая себѣ путь черезъ всевозможныя препятствія. Его пылкій духъ съ особенной энергіей проявлялся при преслѣдованіи разбитаго непріятеля. Такъ, напримѣръ, онъ преслѣдовалъ отступавшихъ, подъ начальствомъ Шуленбурга, саксонцевъ впродолженіи 9 дней, почти не разсѣдлывая лошадей и, настигнувъ ихъ при Саницѣ, смѣло повелъ атаку 2 полками на 10 тыс. саксонцевъ, проскакалъ черезъ пѣхоту, которая, спасаясь отъ его налета, бросилась на землю, угналъ непріятельскую конницу съ поля сраженія, а затѣмъ возвратился, чтобы напасть на пѣхоту и артиллерію, которыя едва спаслись, пользуясь наступившей темнотою, подъ покровомъ которой порешли границу. Бой происходилъ исключительно на палашахъ. Карлъ XII обучалъ свою конницу маневрированію съ такою быстротою, которая до него была неизвѣстна. Говорятъ, что въ 1707 г. онъ заѣздилъ 2-хъ коней на полковомъ смотру—ясно какой онъ требовалъ подвижности отъ своей конницы ([139]).

Тѣмъ не менѣе примѣръ Карла XII нашелъ подражателя только въ Петрѣ Великомъ; въ прочихъ же западно-европейскихъ государствахъ

конница оставалась при усвоенномъ ею ложномъ способѣ дѣйствій. Только позже маршалъ Морицъ Саксонскій сталъ развивать болѣе правильный взглядъ на дѣйствія конницы въ бою, говоря (Mes rêveries), что кавалерія стрѣляющая съ коня будетъ разбита той, которая дѣйствуетъ холоднымъ оружіемъ Атаку, по его мнѣнію, слѣдуетъ производить такъ: начавъ движеніе рысью, постепенно усиливать алюръ, а затѣмъ въ 20 шагахъ отъ непріятеля, по крику офицера: «ко мнѣ» — бросаться во весь опоръ въ сабли—движеніе это подобно молніи; такія упражненія должны производиться возможно чаще. Далѣе онъ прибавляетъ, что «эскадронъ, который не можетъ пройти во весь опоръ, съ сохраненіемъ сомкнутости, 2000 ш., не годенъ для войны».

Въ заключеніе разсмотримъ сраженіе при *Рокруа*, произошедшее 10 мая 1643 г., т. е. въ самомъ началѣ изслѣдуемой эпохи. Оно по-

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЕ ПРИ РОКРУА.



служитъ намъ не характеристикой дѣйствій конницы въ вѣкъ Людовика XIV, а напротивъ—масштабомъ для оцѣнки того, въ какой мѣрѣ конница уклонилась въ эту эпоху отъ правильнаго пути ея боеваго совершенствованія, не смотря на столь блестящіе и свѣжіе образцы, какъ сраженіе при Рокруа.

Сраженіе это, въ которомъ необыкновенныя дарованія Конде нашли самое широкое приложеніе, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ кавалерійскихъ битвъ всѣхъ временъ; въ немъ конница не ограничивается, какъ обыкновенно, лишь безплодными въ общемъ результатѣ схватками съ противопоставленной ей кавалеріей, а, одержавъ верхъ, бросается на обнаженный флангъ и тылъ пѣхоты, подготовляя и довершая окончательно разгромъ непріятеля. Такъ дѣйствовала обыкновенно конница величайшаго полководца—кавалериста Аннибала и другихъ знаменитыхъ вождей кавалеріи.

Испанская армія, состоявшая изъ 20 т. пѣх. и 8 т. конницы, подъ начальствомъ Дона Франциско де-Меласа открыла кампанію 1643 г. осадою Рокруа. Людовикъ XIII передъ своею кончиною поручилъ оборону сѣверной границы молодому герцогу Ангіенскому, принцу Конде. Прибывъ по назначенію, принцъ составилъ планъ для энергическихъ дѣйствій и двинулся на выручку Рокруа, съ собранными имъ 16 т. пѣх. и 7 т. кавалеріи, выславъ впередъ авангардъ изъ 2 т. коней подъ начальствомъ Гассіона, который успѣлъ собрать необходимыя свѣдѣнія о непріятельской арміи и состояніи крѣпости.

18 мая французская армія, въ числѣ 18 бат. и 32 эск., оставивъ назади обозы, выступила изъ Бассю къ Рокруа и около 8 ч. утра достигла подошвы лѣсистой возвышенности, доступы къ которой непріятель не наблюдалъ. Отсюда вели двѣ дороги: лѣвая—болотистая, правая—твердая. Армія остановилась на привалѣ, а Гассіонъ съ 1500 всадниковъ двинулся по правой дорогѣ. Выдвинувшись изъ лѣса и замѣтя непріятельскія ведеты, Гассіонъ опрокинулъ ихъ, прогналъ и увидѣлъ, наконецъ, непріятельскую армію въ нѣсколькихъ лагеряхъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе, герцогъ двинулся на помощь Гассіону съ 2 т. всадниковъ и приказалъ спѣшить всей арміи, для перестроенія которой въ боевой порядокъ, подъ прикрытіемъ выдвинутой кавалеріи и части мушкетеровъ, приказалъ поставить жалонеровъ. Нѣсколько группъ легкихъ всадниковъ съ той и другой стороны открыли безплодную перестрѣлку. Между тѣмъ французская армія перестроилась постепенно въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ: 15 баталіоновъ (800—900 чел. каждый) составляли центръ, 23 эскадрона (ок. 200 чел. каждый)—крылья для обезпеченія фланговъ, три эскадрона были поставлены уступомъ впереди праваго крыла, а два—противъ лѣваго; 12 орудій расположились въ одной батареѣ впереди пѣхоты; резервъ составленъ былъ изъ 3 батал. и 4 эскадроновъ. Конницею праваго крыла командовалъ Гассіонъ, лѣваго—Лаферте; резервомъ Сиро. Самъ герцогъ назначилъ себѣ мѣсто между пѣхотою и конницею праваго фланга, а маршалъ Л'Опиталь занялъ соотвѣтствующее на лѣвомъ.

Мѣстность поля сраженія представляла открытую поляну, исключая праваго фланга французовъ, гдѣ было нѣсколько перелѣсковъ, соединившихся съ большимъ лѣсомъ, доходившимъ до Мааса.

Испанская армія, силою 26—28 тыс., построилась тыломъ къ Рокруа, параллельно французской и въ разстояніи 1300—1400 ш. отъ нея. Расположеніе обѣихъ армій пересѣкалось въ серединѣ небольшой лощиной, въ которой беретъ начало ручей Ружъ-Фонтенъ. Въ центрѣ испанской арміи стала пѣхота, построенная въ 5 большихъ терцій въ 2 линіи. 105 корнетовъ конницы, соединенные въ эскадроны, распредѣлены были по флангамъ: 15 эск., подъ начальствомъ герцога д'Альбукерка, составили лѣвое крыло, 14 эскадр. графа Изембурга—правое; 18 большихъ орудій стали въ одной батареѣ впереди пѣхоты. Мелосъ, ставъ на правомъ флангѣ, приказалъ артиллеріи открыть огонь и не двигался внередъ. Послѣ часовой канонады, потерявъ отъ большихъ испанскихъ орудій нѣсколько сотъ человѣкъ, герц. Ангіенскій рѣшился начать атаку своимъ правымъ флангомъ и уже отдалъ соотвѣтствующія приказанія Гассіону, какъ вдругъ замѣтилъ замѣшательство на своемъ лѣвомъ флангѣ. Оказалось, что маршалъ Л'Опиталь, чтобы вступить скорѣе въ связь съ Рокруа, приказалъ Лаферте съ его конницей двинуться въ этомъ направленіи. Лаферте тотчасъ-же направился съ большею частью своей кавалеріи вокругъ пруда и далѣе къ Рокруа, но былъ атакованъ испанцами и съ большими потерями въ полномъ безпорядкѣ отброшенъ назадъ. Къ счастью французовъ Изембургъ не преслѣдовалъ Лаферте, а спокойно возвратился на свое мѣсто въ боевомъ порядкѣ. Съ наступленіемъ сумерекъ артиллерійская канонада прекратилась и бой затихъ; войска стали биваками на занятыхъ въ боевомъ порядкѣ мѣстахъ.

Ночью дезертиръ сообщилъ, что на слѣдующій день ожидается прибытіе подкрѣпленій и тогда предполагается атаковать французовъ, причемъ впереди лѣваго фланга испанцевъ, въ лѣсу, расположено 1000 мушкетеровъ въ засадѣ. Получивъ эти свѣдѣнія, герцогъ Ангіенскій приказалъ немедленно сдѣлать нечаянное нападеніе на засаду, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ. Мушкетеры захвачены въ плѣнъ или истреблены до послѣдняго человѣка. На 19-е число приказано было Л'Опиталю съ лѣвымъ флангомъ войскъ поддерживать демонстративный бой, а самъ герцогъ долженъ былъ вести рѣшительную атаку своимъ правымъ флангомъ. Въ 3 ч. утра конница праваго крыла французовъ двинулась впередъ: Гассіонъ съ 7 эскадронами правѣе, въ обходъ лѣваго фланга испанцевъ, а герцогъ съ 8 эск. лѣвѣе. Ничего не зная о катастрофѣ постигшей засаду и увѣренные въ полной своей безопасности, испанскіе эскадроны едва успѣли сѣсть на коней, какъ показались французы Гассіона. Альбукеркъ сдѣлалъ перемѣну фронта на лѣво, но Конде ударилъ ему мгновенно въ правый флангъ и, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, первая линія испанскихъ эскадроновъ была частью уничтожена, частью разсѣяна; вторая линія пыталась поправить дѣло, но была тоже опрокинута и разсѣяна.

Во время описанныхъ событій, въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ французовъ загорѣлся постепенно бой между мушкетерами и артиллеріей.

Лаферте выстроилъ свои эскадроны и, замѣтивъ отсутствіе непріятельской конницы лѣваго фланга (которая была отведена Изембургомъ назадъ), снова, вопреки приказанія, перевелъ свои эскадроны черезъ болото и двинулся противъ якобы открытаго фланга пѣхоты; но въ это время неожиданно появляется Изембургъ, атакуетъ Лаферте, опрокидываетъ и рѣшительно преслѣдуетъ. Часть нѣмецкихъ эскадроновъ зарвалась преслѣдованіемъ, но другую часть Изембургъ успѣваетъ собрать и несется съ ними на пѣхоту—мушкетеры опрокинуты и разсѣяны, а атакованная нѣмцами батарея попадаетъ вся въ ихъ руки. Л'Опиталь схватываетъ нѣсколько баталіоновъ и небольшое число конницы и ведетъ ихъ на батарею, успѣвая отбить одно орудіе. Но въ это время со стороны испанцевъ подоспѣла для атаки французскаго центра итальянская пѣхота; огонь всѣхъ 30 орудій направленъ противъ французовъ; 1-я ихъ линія начала отступать все быстрѣе и быстрѣе, такъ что Изембургъ сталъ уже подходить къ резерву Сиро. Такимъ образомъ, лѣвый флангъ французовъ былъ разбитъ, центръ отступилъ, вся артиллерія взята въ плѣнъ, Л'Опиталь раненъ, Лаферте въ плѣну... Между тѣмъ Конде, уничтоживъ Альбукерка и желая дать себѣ отчетъ въ положеніи дѣла, вскорѣ по многимъ признакамъ долженъ былъ убѣдиться въ критическомъ положеніи его лѣваго фланга и центра. Медлить было некогда. Оставивъ Гассіона съ нѣсколькими эскадронами для наблюденія за правымъ флангомъ, Конде съ остальными понесся противъ непріятельской пѣхоты, которая ничего не знала о пораженіи, понесенномъ Альбукеркомъ, и все вниманіе обратила впередъ на поддержку побѣдоносно наступавшихъ италіанцевъ. Конде внезапно и стремительно атаковалъ пѣхоту въ тылъ; часть ея бросилась влѣво, но наткнулась на Гассіона и кроатовъ и атакована ими, а другая въ безпорядкѣ побѣжала вправо. Въ тоже время и Сиро удержалъ свой резервъ отъ отступленія и приказалъ своимъ жандармамъ атаковать Изембурга, который былъ ими остановленъ. Видя стойкость Сиро, нѣкоторые изъ отступавшихъ французскихъ баталіоновъ остановились и пристроились къ резерву. Затѣмъ внезапное появленіе Конде во главѣ его побѣдоносныхъ эскадроновъ произвело чрезвычайное впечатлѣніе; Сиро, пользуясь этимъ, устраиваетъ 8 баталіоновъ и ведетъ ихъ на встрѣчу своему полководцу. Италіанцы, атакованные въ тоже время съ фланговъ конницею, начинаютъ безпорядочно отступать. Осталась одна терція испанцевъ, которая, потерявъ своихъ мушкетеровъ и своего начальника, стала медленно отступать, прикрывая и собирая вокругъ себя разбитыя части. Изембургъ тоже сталъ собирать тѣ эскадроны, которые еще могли принять участіе въ бою. Но въ это время собралась также часть шево-лежеровъ Лаферте. Взятый въ тиски ими совмѣстно съ эскадронами герцога Ангіенскаго, Изембургъ былъ совершенно разбитъ. Изъ всей арміи Мелоса осталась только одна испанская терція, построившая продолговатый четвероугольникъ и принимавшая въ свои ряды

остатки разбитой пѣхоты. Устроивъ свои баталіоны и эскадроны, Конде повелъ атаку. Какъ только французская конница приблизилась на хорошій выстрѣлъ, ряды испанцевъ разомкнулись, открывъ 18 жерлъ орудій; мушкетеры открыли огонь; масса картечи и пуль разстроила ряды храброй французской конницы. Нѣсколько разъ повторялись эти губительныя атаки. Наконецъ, Конде выдвигаетъ 4 орудія, изъ которыхъ можно было еще дѣйствовать; орудіямъ приказано было обстрѣлять каре, пѣхотѣ приготовиться къ атакѣ съ фронта; легкой конницѣ пристроиться слѣва, а Гассіону—ударить непріятелю въ тылъ.

Послѣдовавшая ожесточенная атака окончилась для французовъ полнымъ успѣхомъ. Испанцы лишились при Рокруа 8 т. убит., 6 т. плѣнныхъ, 24 орудій, множество знаменъ, штандартовъ и пр. Французы потеряли 2000 убитыми и значительное число ранеными. Крѣпость Рокруа была спасена.—Не много сраженій представляетъ военная исторія, въ которыхъ конница была бы съ такимъ искуствомъ употреблена, какъ французская при Рокруа, рѣшенномъ ея чрезвычайной энергіей, быстротой эволюцій и умѣлымъ направленіемъ. Только въ концѣ разсматриваемаго періода, у Карла XII и Петра Великаго встрѣчаемъ конницу, дѣйствующую столь-же энергически, искусно и въ истинно кавалерійскомъ духѣ ([140]).

в) Артиллерія.

Идеи Густава Адольфа объ употребленіи артиллеріи, какъ рода оружія, подготовляющаго и развивающаго успѣхъ дѣйствій пѣхоты и кавалеріи въ бою, были совершенно забыты; причиною того была малая подвижность орудій, составлявшихъ настоящее бремя для армій, отъ котораго желали по возможности освободиться. На этотъ родъ оружія мало было обращаемо вниманіе тогдашнихъ военныхъ людей; но въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, и въ особенности въ серединѣ послѣдняго, многія преобразованія въ технической и въ особенности въ матеріальной части, увеличили ея значеніе и мы уже видимъ, что она играетъ весьма важную роль, оказывая сильное вліяніе на успѣхъ дѣйствій въ бою.

Въ эпоху Тюренна, въ началѣ разсматриваемаго нами періода, артиллерія въ европейскихъ арміяхъ отличалась необыкновеннымъ разнообразіемъ калибровъ и величиною ихъ, лишавшею ея подвижности и потому возможности употребленія въ бою; раздѣленія на полевую, осадную и крѣпостную еще не существовало, Такъ во французской артиллеріи мы встрѣчаемъ въ полевой войнѣ 36 ф., 24 ф., 16, 12, 8 и 4 фунтовыя пушки; съ употребленіемъ гаубицъ французы познакомились только въ сраженіи при Неервинденѣ, гдѣ они захватили нѣсколько у австрійцевъ. Калибры и роды оруоій у послѣднихъ были еще разнообразнѣе. Такъ у нихъ существовали еще въ концѣ XVII ст. длинныя и тяже-

лыя полевыя шланги и *фальконеты* 16, 8, 4 и 2 ф., *картауны* 24, 12, 6 и 3 ф., *гаубицы*, стрѣлявшія отъ 48 до 12 ф. гранатами, каменными ядрами и картечью, *органныя орудія* (Orgelgeschütze), состоявшія изъ многихъ стволовъ, до 50 даже, на одномъ станкѣ; въ большемъ употребленіи бы *цѣпныя ядра* ([141]). Вообще не существовало еще никакихъ правильныхъ понятій объ отношеніи вѣса орудій къ вѣсу снаряда, заряда къ вѣсу снаряда; не было никакихъ постоянныхъ научныхъ правилъ для пріемки орудій и снарядовъ.

Лафеты были тяжелы и неповоротливы; подъемныхъ механизмовъ еще не существовало. Прислугу при орудіяхъ составлялъ особый цехъ пушкарей, безъ всякаго привильнаго устройства, со многими правами и привиллегіями. Перевозка орудій дѣлалась наемными лошадьми, для чего правительство обыкновенно заключало контракты съ подрядчиками на поставку извѣстнаго числа лошадей предъ началомъ кампаніи. Подобная система вела ко множеству затрудненій, организація артиллеріи требовала продолжительнаго времени, а потому артиллерія выступала въ походъ позднѣе другихъ родовъ войскъ и часто опаздывала въ сраженіе, не была способна къ маневрированію и часто случалось, что наемные фурлейты, не привыкшіе къ огню, бѣжали съ поля сраженія, и въ случаѣ если пѣхота и кавалерія бывали сбиты, то артиллерія доставалась въ руки непріятеля. По малой своей подвижности она не иначе передвигалась въ бою, какъ на лямкахъ. Потому то обороняющійся и имѣлъ въ этомъ отношеніи выгоды передъ наступающимъ, что могъ располагать большимъ количествомъ артиллеріи. Нечего и гововить, что кавалеріи никогда не придавалась орудій ([142]).

Въ прикрытіе къ артиллеріи назначались всегда отборныя войска; во Франціи это была привиллегія швейцарцевъ, по тогдашнимъ понятіямъ лучшей пѣхотѣ въ Европѣ. Артиллерія, раздѣлявшаяся на бригады, располагалась обыкновенно такимъ образомъ, что самыя тяжелыя орудія помѣщались въ центрѣ пѣхоты, легкія по флангамъ; передки и зарядные ящики—за боевыми линіями и по преимуществу за закрытіями.

Людовику XIV принадлежитъ честь многихъ важныхъ усовершенствованій въ матеріальной части артиллеріи. Въ первой половинѣ XVII ст. артиллерія еще не была родомъ оружія въ собственномъ смыслѣ слова. Всѣ должности были временныя и все носило характеръ случайности; званіе артиллерійскаго офицера не заключало въ себѣ ничего военнаго. Артиллерійскихъ войскъ не существовало: прикрытіе орудій и ихъ защита ввѣрялись отборнымъ частямъ пѣхоты. Перевозка орудій и припасовъ поручалась частнымъ предпринимателямъ. Эта система не могла не обратить на себя вниманіе Лувуа и онъ *въ 1671 г.* сформировалъ роту *канониpовъ*, а затѣмъ вскорѣ прибавилъ къ нимъ роту *саперъ* и двѣ роты *рабочихъ*—такъ создался знаменитый полкъ, назначавшійся исключительно для службы при артиллеріи. Такъ какъ онъ пер-

вый изъ всей пѣхоты вооруженъ былъ вмѣсто прежняго мушкета ружьемъ со штыкомъ, то и названъ *фузилернымъ полкомъ короля* (*régiment des fusiliers du roi*) *). Числительность его быстро увеличивалась и въ 1677 году онъ состоялъ уже изъ 41 роты, образовавшихъ 6 баталіоновъ. Преобразованный въ 1693 г., онъ получилъ названіе королевскаго артиллерійскаго полка (*régiment royal d'artillerie*) силою съ офицерами болѣе 5000 чел., назначавшихся для прислуги при пушкахъ и гаубицахъ; для дѣйствія изъ мортиръ въ 1684 г. сформированъ былъ *королевскій бомбардирскій полкъ* (*régiment royal des bombardiers*) ([143]) числительностью около 1200 чел.

Первоначально служба régiment royal des fusiliers заключалась частью въ прикрытіи орудій, частью въ охраненіи наемныхъ фурлейтовъ; но потомъ онъ образовалъ собою личный составъ артиллеріи. Régiment royal d'artillerie пользовался многими преимуществами и между прочимъ былъ á prêvoté, т. е. пользовался правомъ собственнаго суда, тогда какъ другіе полки подчинены были суду grand prêvot de l'armée. Число артиллеріи въ арміяхъ королевскихъ значительно увеличивается; въ сраженіи при Флерусѣ дѣйствуетъ уже 100 ор., при Мальплаке 80 ор.

Для доставленія матеріальной части артиллеріи образованы были во Франціи многіе арсеналы, помѣщавшіеся преимущественно по крѣпостямъ ([144]).

Къ концу царствованія Людовика XIV артиллерійскій корпусъ имѣлъ полное правильное устройство.

Для теорстическаго образованія учреждены были артиллерійскія школы, первыя въ Дуэ въ 1674 и въ Монтессанѣ.

Техника артиллерійская сдѣлала не малый шагъ впередъ. Кегорномъ изобрѣтены маленькія мортирки, подъ его именемъ вошедшія въ употребленіе въ полевой войнѣ; рикошетные выстрѣлы изобрѣтены Вобаномъ при осадѣ Ата 1697 г.; картечь замѣнила бросаніе камней изъ гаубицъ. При отливкѣ орудій употребляютъ въ надлежащей пропорціи мѣдь, олово и латунь, причемъ отливка производится съ готовымъ каналомъ. Теорія балистики получаетъ основанія, благодаря открытію Галлилеемъ законовъ дѣйствія тяжести и составленія движеній. Блондель, пользуясь этими открытіями, составилъ правила для стрѣльбы бомбами; но практики предпочитали эмпирическіе выводы заключеніямъ нарождавшейся теоріи. Между тѣмъ незнакомство съ теоріею движенія снарядовъ было вредно для практики. Такъ С. Реми, описавшій подробно все, относившееся до французской артиллеріи его времени, указываетъ только два способа при-

*) Механизмъ названный fusil, т. е. огниво, далъ свое названіе новому роду оружія. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что самъ Людовикъ XIV сначала строго запрещалъ употребленіе новаго оружія на войнѣ и даже грозилъ смертною казнью тѣмъ солдатамъ, которые предподчутъ ружье мушкету.

цѣливанія: по тѣлу орудія и подъ угломъ въ 45°/₀. Въ самомъ концѣ разсматриваемаго періода Белидоръ издалъ таблицы, въ которыхъ были показаны дальности бомбъ при различныхъ зарядахъ и углахъ возвышенія мортиръ.

Полигоны для практическаго образованія артиллеріи были устроены въ началѣ XVIII ст. Названіе ихъ обусловливалось тѣмъ, что на избранномъ мѣстѣ возводили фортификаціонную постройку, фронтъ которой имѣлъ видъ полигона.

Не смотря на разстройство матеріальной части артиллеріи послѣ смутнаго времени, уже въ половинѣ XVII стол. *въ Россіи* (безъ Москвы и др. мѣстъ) имѣлось до 2730 орудій, что показываетъ какими обширными средствами до—петровская Русь располагала для обезпеченія своей артиллеріи матеріальною частью. Положительныхъ правилъ относительно назначенія калибровъ и конструкціи орудій не существовало — все зависѣло отъ произвола мастера. Поэтому родовъ орудій и калибровъ было чрезвычайно много. Можно впрочемъ отличить четыре главные типа орудій древней нашей артиллеріи: 1) типъ *пищалей* для прицѣльной стрѣльбы, 2) типъ пушекъ *верховыхъ* или *можжиръ* (т. е. мортиръ) для навѣснаго дѣйствія, 3) дробовые *тюфяки* и пушки для стрѣльбы дробомъ, т. е. картечью и 4) *органы*, т. е. скорострѣльныя орудія для непрерывной учащенной стрѣльбы. Впрочемъ на практикѣ не было иногда существеннаго отличія между орудіями той и другой категоріи. Всѣ эти орудія, при всей затѣйливости ихъ отдѣлки, были неуклюжи и тяжелы. Орудія изготовлялись изъ желѣза, чугуна и бронзы.

Что касается нарѣзныхъ орудій, то хотя нѣмцы и англичане оспариваютъ другъ у друга честь этого изобрѣтенія, но по всей справедливости оно принадлежитъ Россіи. Мы владѣемъ образцами въ этомъ родѣ относящимися къ началу и половинѣ XVII столѣтія, а древнѣйшіе образцы западно-европейскіе не выходятъ ранѣе конца XVII столѣтія. Точно также впервые въ Россіи появилось сочиненіе, въ которомъ высказанъ и развитъ былъ правильный взглядъ на значеніе опредѣленнаго вращательнаго движенія въ воздухѣ выстрѣленныхъ снарядовъ. Трудъ этотъ принадлежитъ профессору С.-Петербургской академіи наукъ Іогану-Георгу Лейтману, который въ 1728 — 1729 г. представилъ на латинскомъ языкѣ двѣ записки, заключающія въ себѣ ученый трактатъ о нарѣзныхъ ружьяхъ и продолговатыхъ снарядахъ. Идея опередила время, какъ и въ вопросѣ о сзадизаряжающихся ружьяхъ, и не получила надлежащаго развитія ([145]).

Снаряды *сплошные*: ядра каменныя, желѣзныя, чугунныя, свинцовыя и дробь (картечь). Каменныя ядра появились ранѣе другихъ и оставались въ употребленіи еще въ XVII столѣтіи (въ особенности для мортиръ). *Желѣзныя* и *чугунныя* ядра были весьма разнообразны, начиная отъ небольшой пули и кончая 24 ф.

Стрѣльба раскаленными металлическими снарядами была также извѣстна намъ въ древности (напр. подъ Ревелемъ въ 1550 г.) *).

Употребленіе картечи извѣстно съ глубокой древности даже до изобрѣтенія огнестрѣльныхъ орудій; она была въ видѣ каменной картечи и дроба изъ рубленныхъ кусковъ желѣза, свинца и т. п. Но еще въ XVI ст. у насъ было извѣстно употребленіе настоящей картечи, т. е. собраніе пуль, заключенныхъ въ металлическую оболочку.

Разрывные снаряды—гранаты встрѣчаются у насъ около половины XVII столѣтія, причемъ калибръ ихъ поражалъ иностранцевъ, утверждавшихъ, что такихъ большихъ снарядовъ они не видѣли въ своихъ странахъ. *Зажигательные* снаряды у насъ уже употреблялись въ началѣ XVI столѣтія. Конструкція ихъ была сходна съ западно-европейской. Наконецъ *свѣтящіеся* снаряды извѣстны намъ не въ остаткахъ старины, а только по описаніямъ въ старинныхъ артиллерійскихъ сочиненіяхъ.

Что касается *личнаго состава* артиллеріи, то со временъ Іоанна Грознаго сословіе пушкарей является привеллигированнымъ съ извѣстными правами. Кромѣ службы при орудіяхъ пушкари занимались развозкой пороха, употреблялись на различныя посылки, служили писарями въ съѣзжихъ избахъ, а также занимались различными ремеслами. Непосредственно при нарядѣ (артиллерія) служили еще затинщики при пищаляхъ (малокалиберныя орудія, стрѣлявшія пулями; названіе ихъ производятъ отъ слова «тынъ»), воротники—оберегавшіе городскія ворота, кузнецы, гранатчики, плотники и сторожа съ разсыльщиками. Искусство свое пушкари повидимому усваивали наслѣдственнымъ путемъ, на службѣ. Сохранились извѣстія, что уже при Іоаннѣ Грозномъ ежегодно въ Москвѣ производился смотръ пушкарямъ; очевидецъ одного изъ подобныхъ смотровъ, англичанинъ Дженкинсонъ, такъ описываетъ произведенную стрѣльбу: «за нѣсколько дней до смотра въ полѣ, за предмѣстьемъ Москвы, было установлено два прочныхъ деревянныхъ набитыхъ землею сруба, до 30 футовъ толщиною, передъ которыми находилось 2 бѣлыхъ мишени; царю со свитою было также устроено особое помѣщеніе, откуда можно было слѣдить за результатами дѣйствія снарядовъ. Вся наличная артиллерія, находившаяся въ Москвѣ, была вывезена на мѣсто стрѣльбы, установлена передъ срубами и наведена на нихъ, а затѣмъ 12 декабря былъ произведенъ и самый смотръ. Послѣ окончанія стрѣльбы пищальниками, т. е. ружейной, наступила очередь артиллеріи. Орудія сдѣлали залпъ греческимъ огнемъ (зажигательными снарядами?), что представляло очень эффектный видъ, и начали дѣйствовать по деревяннымъ срубамъ; сперва стрѣляли пушки малыхъ калибровъ, такъ что

*) Что, впрочемъ, не мѣшало Ивану Грозному за употребленіе этихъ же снарядовъ Баторіемъ писать ему: «воюешь не мечемъ, а предательствомъ» и называть этотъ снарядъ «изобрѣтеніемъ новымъ и безчеловѣчнымъ».

въ теченіи первой очереди огонь прошелъ по всей линіи, постепенно переходя все къ большимъ и большимъ орудіямъ; потомъ послѣдовалъ перерывъ для новаго заряженія и произведена была тѣмъ же порядкомъ вторая очередь; къ концу третьей оба сруба не существовали, хотя и были очень крѣпко сдѣланы». Конечно, поучительность подобной стрѣльбы была не особенно велика, но извѣстно, что еще относительно очень недавно способъ производства практической стрѣльбы въ артиллеріи по существу не многимъ отличался отъ вышеописаннаго. Во всякомъ случаѣ сила дѣйствія артиллеріи была весьма значительна, если принять въ соображеніе, что былъ совершенно сбитъ срубъ около 4 саженъ въ поперечникѣ, набитый землею. Въ послѣдующее время практическая стрѣльба артиллеріи тоже производилась, а отъ 1672 года сохранился документъ съ описаніемъ стрѣльбы такой же, какъ выше сообщено. Изъ этого описанія видно, что на стрѣльбѣ участвовали, какъ осадная, такъ и полевая артиллерія, а самая стрѣльба производилась отдѣльно сплошными и разрывными снарядами.

Что касается организаціи нашей древней артиллеріи, то прежде всего встрѣчаемъ раздѣленіе орудій, по ихъ боевому назначенію, на крѣпостныя, осадныя и полковыя (полевыя). Русская осадная артиллерія, бывшая съ Шейномъ подъ Смоленскомъ (1632 — 1634 г.), возбуждала удивленіе иностранцевъ неслыханными размѣрами орудій.

Относительно *полковыхъ орудій*, слѣдуетъ упомянуть, что терминъ этотъ часто встрѣчается еще въ XVI столѣтіи, но неизвѣстно подразумѣвались ли подъ ними лишь просто легкія орудія или такія, которыя принадлежали непосредственно полкамъ.

Съ половины XVII столѣтія роль полковыхъ орудій опредѣляется уже въ непосредственномъ значеніи этого слова, и мы знаемъ, что полки новообразованной конницы, а равно и солдатскіе, имѣли свою полковую артиллерію. Сверхъ того при такъ называвшемся разрядномъ шатрѣ, или при начальникѣ корпуса, состояло около 10 орудій 6 и 8 ф. калибра, что называлось большимъ полковымъ нарядомъ. Въ виду этого вообще трудно рѣшить окончательно вопросъ была-ли полковая артиллерія впервые организована Густавомъ Адольфомъ и не появилась-ли она раньше у насъ ([146]).

Еще въ концѣ XVI стол. Флетчеръ писалъ: «ни одинъ изъ христіанскихъ государей не имѣетъ такого хорошаго запаса военныхъ снарядовъ какъ русскій царь, чему отчасти можетъ служить подтвержденіемъ Оружейная палата въ Москвѣ, гдѣ стоятъ въ огромномъ количествѣ всякаго рода пушки, всѣ литыя изъ мѣди и весьма красивыя.... Русскій солдатъ, по общему мнѣнію, лучше защищается въ крѣпости, нежели сражается въ открытомъ полѣ. Это замѣчено во всѣхъ войнахъ, и именно при осадѣ Пскова, гдѣ польскій король, Стефанъ Баторій, былъ отраженъ со всею его арміею, состоявшею изъ 100,000 челов., и вынужденъ, наконецъ, снять осаду» ([147]). При осадѣ Вендена въ 1578 г.,

когда, въ виду подошедшей къ непріятелю помощи, воеводы рѣшили отступить изъ своего укрѣпленнаго лагеря и бросить орудія,—не всѣ послѣдовали ихъ примѣру. Московскіе пушкари, съ горстью другихъ храбрецовъ, рѣшились остаться у своихъ орудій и встрѣтить непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ; когда же на другой день литовцы и шведы ворвались въ укрѣпленіе, то пушкари, на глазахъ торжествовавшаго врага, повѣсились на своихъ собственныхъ пушкахъ (148) Послѣдующія времена представляютъ намъ не мало примѣровъ, указывающихъ, что наши пушкари превосходили въ то время западно-европейскихъ наемниковъ—ремесленниковъ своею нравственною доблестью.

Петръ Великій, преобразовывая русскую армію, не могъ оставить безъ вниманія и такой важной ея составной части, какъ артиллерія. По обыкновенію онъ началъ самъ съ изученія дѣла во всѣхъ его подробностяхъ. Первоначальныя свѣдѣнія онъ пріобрѣлъ еще въ дѣтствѣ, при забавахъ съ пушками, а затѣмъ подъ руководствомъ Франца Тиммермана. Но этими элементарными, отрывочными знаніями онъ не могъ довольствоваться и усердно продолжалъ занятія за границей, получивъ, наконецъ, въ 1698 году, въ Кенигсбергѣ, отъ бранденбургскаго подполковника свидѣтельство, что, обучаясь ежедневно теоріи и практикѣ артиллерійскаго дѣла, пріобрѣлъ такія свѣдѣнія, что «вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». На ряду съ этимъ были отправлены молодые люди для изученія артиллерійскаго искусства (въ томъ числѣ и будущій первый русскій фельдцейхмейстеръ, царевичъ Александръ Арчиловичъ Имеретинскій). Такимъ образомъ, къ началу XVIII стол. у насъ обнаруживаются стремленія къ усовершенствованію и развитію артиллерійскаго дѣла. Петръ взялся за дѣло самымъ раціональнымъ способомъ: прежде всего съ тщательнаго изученія дѣла и выработалъ себѣ правильный взглядъ на артиллерію, вѣрныя идеи относительно ея устройства; но поставленныя имъ требованія далеко не выполнялись или выполнялись съ вредными отступленіями, уклоняя развитіе артиллеріи по ложному пути. Нарвскій погромъ 1700 года далъ только возможность радикальнаго преобразованія матеріальной части, но не онъ его вызвалъ — необходимость такого преобразованія сознавалась еще ранѣе. Главнымъ сотрудникомъ Петру, весьма энергичнымъ, но не особенно искреннимъ, былъ думный дьякъ Андрей Виніусъ, получившій послѣ плѣна подъ Нарвой кн. Имеретинскаго титулъ «надзирателя артиллеріи». Дѣло въ его рукахъ подвигалось быстро; матеріалъ, въ видѣ старой колокольной и пушечной мѣди, подвозился въ Москву не только въ достаткѣ, но и съ избыткомъ, и менѣе чѣмъ въ годъ отлито 300 пушекъ, мортиръ и гаубицъ; а именно: пушки 24 ф., 18 ф., 12 ф., 6 ф., 3 ф.; гаубицы 1 пуд., ½ пуд.; мортиры 9 пуд., 1 пуд. Въ терминологіи новыхъ орудій происходитъ измѣненіе: они получаютъ названія по калибрамъ, а прежнія собственныя имена орудій исчезаютъ. Это, конечно,

выражало собою идею установленія извѣстныхъ нормъ для калибровъ орудій, т. е. ограничивало прежній произволъ мастеровъ, дѣйствовавшихъ по своему усмотрѣнію. Вообще Петръ много стремился къ укрощенію и установленію единообразія въ матеріальной части его артиллеріи; такъ онъ издавалъ строгіе указы, чтобы изготовляемые предметы «ни чертою болѣе или менѣе назначеннаго были», ограничено было число калибровъ и составлена въ 1707 г. генералъ фельдцейхмейстеромъ Брюссомъ артиллерійская шкала*). Но на практикѣ предписанія Петра далеко строго не соблюдались и орудія облегчались, утяжелялись, укорачивались или удлиннялись безъ всякой связи съ результатами опытовъ. Точно также Петръ чрезвычайно заботился «о скоромъ вожденіи пушекъ», т. е. о подвижности артиллеріи, но этого трудно было достигнуть вслѣдствіе прежде всего того произвола въ конструкціи орудій, который, какъ упомянуто, существовалъ на практикѣ; кромѣ того лафеты были весьма несовершенны, оглобельной системы. При такихъ условіяхъ понятно донесеніе Голицына въ 1705 г., что: «артиллерію невозможно съ мѣста сдвинуть, потому что всѣ станки и телѣги очень дурно сдѣланы и желѣзомъ дурно окованы, очень стары и негодны». Петру приходилось упрекать Шереметева, что онъ сражается «старымъ обычаемъ», т. е., бросая позади огставшую артиллерію, что приводитъ иногда къ неудачѣ, а между тѣмъ нашъ полководецъ не могъ справиться съ неподвижностью своей артилллеріи, которая не поддавалась «скорому вожденію».

Полевая артиллерія описываемаго времени представляла «движимый арсеналъ и магазейнъ войска», что отчасти указываетъ степень ея удобоподвижности. Этотъ «магазейнъ» заключалъ въ себѣ множество телѣгъ, роспусковъ, ящиковъ и разнообразныя орудія. Хотя калибры полевыхъ орудій часто измѣнялись, но можно принять нормальными слѣдующіе: пушки 12 ф., 8 ф., 6 ф. и 3 ф.; гаубицы 1 пуд. и $^1/_2$ пуд.; мортиры 2 пуд., 1 пуд. и 6 ф. При этомъ, напримѣръ, 12 ф. пушка съ лафетомъ и передкомъ вѣсила 149 пуд. и перевозилась 15-ю лошадьми. Горизонтальный выстрѣлъ изъ полевыхъ пушекъ—100—180 саж., а элевацiонный изъ мортиръ, при углѣ возвышенія въ 45°,—800—840 саж.

Изъ полевой артиллеріи слѣдуетъ выдѣлить полковую, 3-хъ фунт. калибра. Лафетъ этихъ пушекъ состоялъ изъ деревянной оси, двухъ колесъ и 2-хъ станинъ съ оглоблями. Для передвиженія орудій впрягали одну лошадь въ оглобли, другую на пристяжку. На оси лафета

---

*) За основаніе для вычисленія всѣхъ калибровъ принято чугунное ядро, діаметромъ въ 2 англійскихъ дюйма, и названо фунтовымъ, такъ какъ дѣйствительно вѣсило 1 ф., но не обыкновенный, а нюрембергскій, превышавшій обыкновенный на 19 зол. Брюссъ ввелъ однако не точный нюрембергскій масштабъ, а нѣсколько его увеличилъ, что впослѣдствіи на практикѣ привело къ путаницѣ.

между станинами и колесами помѣщали доску, на которую ставили 2 шестифунтовыя мортиры, назначенныя для бросанія гранатъ въ полевыя укрѣпленія и деревни. Кромѣ этихъ орудій были $^1/_2$ пуд. длинныя гаубицы, въ 10 калибровъ длины, съ конической каморой, т. е. имѣли большое сходство съ единорогами, изобрѣтеніе которыхъ приписывалъ себѣ Шуваловъ. Къ пушкамъ Петръ далъ 2-хъ-колесные зарядные ящики. Есть свѣдѣнія, что прислуга длинныхъ гаубицъ была посажена на лошадей и что въ сраженіяхъ при Гуммельсгофѣ (1702) и при Лѣсномъ (1708) и при драгунскихъ полкахъ употреблялась уже конная артиллерія ([149]).

Осадные калибры были: пушки 24 ф. и 18 ф.; мортиры 9 пуд., 5 пуд. и 3 пуд. Артиллерія эта была чрезмѣрно тяжела и, напримѣръ, чудовищная, едвали правильно введенная въ систему, 9 пуд. мортира вѣсила со станкомъ болѣе 300 пуд.

Наконецъ, гарнизонная или крѣпостная артиллерія заключала въ себѣ довольно разнообразные калибры пушекъ, мортиръ и гаубицъ.

Послѣ Петра Великаго въ развитіи артиллерійскаго дѣла наступилъ періодъ полнаго затишья до временъ генералъ-фельдцейхмейстера гр. Шувалова. Все ограничивалось одною внѣшностью; производились смотры практической стрѣльбы, имѣвшіе характеръ по преимуществу потѣхи, и даже сенатъ забавлялся попеченіями объ артиллеріи, разсылая при указахъ наивныя «записныя книжки пушечнаго и мартельнаго ученія *) ([150]).

Гораздо болѣе важныхъ результатовъ достигъ Петръ въ организаціи *личнаго состава* артиллеріи и необходимыхъ техническихъ учрежденій.

Прежде всего онъ около 1696 г. организовалъ изъ товарищей его дѣтскихъ игръ, «потѣшныхъ», *бомбардирскую роту* и былъ самъ въ ней капитаномъ. Рота эта, числясь при Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ, имѣла преимущественно учебный характеръ. Настоящее же начало регулярной артиллеріи было положено въ 1700 году учрежденіемъ *артиллерійскаго полка*, который въ 1712 году получилъ свой штатъ (или аншталдъ, по тогдашней терминалогіи). По штату было положено имѣть въ артиллеріи 8 ротъ, число которыхъ впослѣдствіи было увеличено до 30. Перевозка артиллеріи составляла земскую повинность ([151]). Управленіе артиллеріи сосредоточивалось въ лицѣ генералъ-фельдцейхмейстера и производилось черезъ посредство Приказа артиллеріи или главной артиллеріи, переформированнаго изъ Пушкарскаго приказа въ началѣ 1701 г. ([152])

Петръ Великій построилъ два пороховыхъ завода: С. Петербургскій (на Аптекарскомъ островѣ) и Охтенскій, Тульскій оружейный, нѣсколько

*) Гдѣ, напримѣръ, въ параграфѣ о мартельномъ ученіи, сообщаются между прочимъ такія свѣдѣнія, что въ аршинѣ 16 вер., а въ сажени 48; или дается совѣтъ «пушки и мортиры держать въ удобномъ мѣстѣ».

чугунно-литейныхъ и сѣрныхъ, пушечныхъ и оружейныхъ дворовъ и т. п. (151). Для подготовительнаго образованія артиллеристовъ и другихъ спеціалистовъ существовали школы: навигаторская и инженерная въ Москвѣ, а затѣмъ инженерная въ Петербургѣ; кромѣ того въ Москвѣ, при Пушкарскомъ приказѣ, были верхняя и нижняя школы; лучшіе воспитанники этихъ школъ поступали въ бомбардирскую роту, а другіе въ артиллерійскій полкъ. Тамъ производились безпрерывныя ученья и Петръ самъ слѣдилъ за образованіемъ каждаго бомбардира. (154),

Практическая стрѣльба производилась по видимому лишь крѣпостной и осадной артиллеріей; полевая-же артиллерія, стрѣлявшая только прицѣльно, не нуждалась въ практикѣ; полковые артиллеристы проходили курсъ практической стрѣльбы, подготовляясь въ школѣ при бомбардирской ротѣ. Самые пріемы практической стрѣльбы мало отличались отъ вышеописанныхъ, но при Петрѣ мѣсто паденія снаряда наносилось на чертежѣ подъ номеромъ, и имя каждаго наводчика вносилось подъ такимъ же номеромъ въ особый списокъ. Стрѣльба прицѣльная производилась въ мишени опредѣленныхъ размѣровъ, а для навѣсной устраивался штерншанецъ съ внутреннимъ поперечникомъ въ 20 саженъ. Судя по сохранившимся даннымъ, стрѣльба была мѣткою (прицѣльная стрѣльба 80% съ дистанціи 130 саж., а навѣсная около 90% съ дистанціи 210 с.) (155) Послѣ Петра практическая стрѣльба утрачиваетъ всякую поучительность и пріобрѣтаетъ характеръ простой формальности; «обученіе чинится безъ всякаго присмотру, только бы служители по силѣ указовъ учены были» (156)

О *ручномъ огнестрѣльномъ оружіи* уже было говорено въ своемъ мѣстѣ, но, въ виду малой научной разработки предмета, мы позволяемъ себѣ представить здѣсь систематическую сводку свѣдѣній объ успѣхахъ техническаго развитія этого оружія у насъ въ Россіи. Съ первыхъ годовъ XVII столѣтія замѣтно начинаетъ распространяться *ударно-кремневое* ружье. Это ружье съ усовершенствованіемъ огнива, которое, наконецъ, стало открывать само собою полку при паденіи (половина XVII ст.), сохранило почти неизмѣнно свою конструкцію въ теченіи весьма продолжительнаго времени—до изобрѣтенія ударныхъ ружей. Древняя Русь знала также ружья, заряжающіяся съ казенной части, весьма быстро усвоивъ эту западно-европейскую новинку. Устройство нашихъ ружей этого рода ни въ чемъ не уступало западнымъ и при этомъ преслѣдовалась таже цѣль, т. е. ускореніе заряжанія и не обращено было вниманіе на форсированіе пули. Недостатки тоже были общіе—скорая порча оружія, вслѣдствіе прорыва газовъ,—съ чѣмъ удалось справиться лишь современной намъ техникѣ; точно также весьма рано появляются у насъ *нарѣзныя ружья*, сперва съ прямыми дорожками (для того, чтобы пуля, плотно входя въ стволъ, лучше очищала нагаръ), а затѣмъ и со спиральными нарѣзами для сообщенія пулѣ вращательнаго движенія. Наконецъ, у насъ также какъ и на западѣ были попытки устройства повторительнаго оружія и образцы этого рода работы московскихъ мастеровъ сохранились у насъ отъ XVII ст. (ружье-револьверъ и магазинное ружье о десяти выстрѣлахъ).

Всѣ различные виды упомянутаго оружія носили названіе *пищалей*, подобно тому какъ также назывались и артиллерійскія орудія. Пищали получали особыя наименованія, въ зависимости отъ наружнаго вида, конструкціи, способа носки и

т. п. Такъ существовали пищали *недомѣрки* (короткія), *завѣсныя* (съ погономъ для ношенія за плечомъ), *перевертныя двойныя* (двухствольныя) и т. п.; онѣ же носили названіе *ручницъ*, *самопаловъ*. Въ XVII столѣтіи существовали и *мушкеты*, появившіеся вмѣстѣ съ иноземными войсками.

Какую боевую роль играло въ то время огнестрѣльное оружіе и въ особенности какъ подготовлялись войска въ искусствѣ стрѣльбы трудно дать сколько нибудь точный отвѣтъ. Извѣстно лишь, что въ Москвѣ ежегодно производились смотры стрѣльбѣ. Одинъ изъ старинныхъ смотровъ описалъ англійскій путешественникъ Дженкинсонъ. По его словамъ стрѣльба производилась въ декабрѣ 1557 г. Вмѣсто мишени былъ устроенъ ледяной валъ въ 6 ф. вышины и около 90 саж. длины, толщиною въ 2 ф. Для помѣщенія стрѣлковъ передъ валомъ были устроены подмостки длиною въ 150 ш. Въ день смотра Иванъ Грозный прибылъ верхомъ въ богатой одеждѣ, предшествуемый свитой, впереди которой слѣдовали 5000 пищальниковъ, построенныхъ въ глубокую колонну по 5 чел. по фронту, имѣя каждый пищаль въ правой рукѣ, а фитиль въ лѣвой. Когда царь занялъ свое мѣсто, пищальники направились къ подмосткамъ и, выстроившись тамъ, открыли огонь по ледяному валу, что и продолжали до тѣхъ поръ пока послѣдній не былъ окончательно разбитъ пулями. Само собою разумѣется, что подобный смотръ не могъ представить никакихъ данныхъ для оцѣнки искусства стрѣльбы.

Иноземцы, поступавшіе на нашу службу въ XVII ст., подвергались извѣстному испытанію въ умѣніи владѣть оружіемъ *), но не всѣ оказывались достаточно искусными; бывали такіе, что «стрѣлялъ и застрѣлилъ (конечно неумышленно) трехъ человѣкъ... За пику солдатскую приняться и штурмовать не умѣлъ, по смотру худъ добрѣ» (1653 г.). По словамъ Посошкова, въ концѣ XVII ст. искусство стрѣльбы находилось на весьма низкомъ уровнѣ. Для доказательства этого онъ между прочимъ приводитъ такой, по его мнѣнію, убѣдительный фактъ, что подъ Азовомъ турки набѣжали на одинъ полкъ и солдаты, по приказанію полковника, «по нѣмецки всѣ однимъ разомъ выпалили и всѣмъ полкомъ не убили и 10 человѣкъ». Неизвѣстно въ какихъ условіяхъ былъ произведенъ залпъ, а потому и судить по такому факту объ искусствѣ стрѣльбы нѣтъ никакой возможности. И въ наше время при ошибочномъ нѣсколько опредѣленіи дистанціи или невѣрной оцѣнкѣ впередилежащей мѣстности—что такъ возможно въ бою—весь залпъ можетъ легко перелетѣть черезъ головы или не долетѣть до наступающаго. Вообще на одностороннія показанія Посошкова, этого пессимиста петровскихъ временъ, можно полагаться лишь съ крайней осторожностью. Есть, напримѣръ, свѣдѣнія, относящіяся правда къ началу XVII ст., что «русскіе пріобрѣли въ употребленіи ручнаго огнестрѣльнаго оружія такой навыкъ и такое искусство, что не уступаютъ иноземцамъ». (Петрей) ([157]).

Вооруженіе ручнымъ оружіемъ нашей арміи при Петрѣ Великомъ рѣзко отличается отъ предшествующей эпохи какъ своимъ характеромъ, такъ и по преимуществу упрощеніемъ. До Петра преобладало холодное и предохранительное оружіе, бывшее чрезвычайно разнообразнымъ; съ Петра-же исчезаютъ изъ употребленія всѣ виды предохранительныхъ доспѣховъ, вводятся нормальные образцы оружія холоднаго и получаетъ преобладающее значеніе огнестрѣльное. Первыя свѣдѣнія о нормальныхъ размѣрахъ огнестрѣльнаго оружія имѣются не ранѣе 1715 года, когда указомъ опредѣленъ былъ, калибръ ружей въ 0,78 д., пистолетовъ 0,68 д.; вѣсъ ружья былъ 14 ф., вѣсъ круглой пули для пѣхотнаго ружья 8 зол., а драгунскаго и пистолета 6 зол., заряда $3^1/_2$ и 2 золотника. Трегранный штыкъ

*) «Выходилъ съ мушкетомъ и съ пиками, съ капитанскою и солдатскою, и стрѣлялъ изъ мушкета и штурмовалъ пикою и шпагою разныя штуки и по смотру добръ добрѣ».

замѣнилъ собою въ 1709 г. «багинетъ». Нарѣзные штуцера выдѣлывались, въ незначительномъ количествѣ, на Тульскомъ заводѣ и по свѣдѣніямъ 1740 года показаны для употребленія въ крѣпостяхъ. Теоретическая разработка вопроса, какъ было уже замѣчено, о нарѣзномъ оружіи двинута была далеко впередъ Лейтманомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ проектировалъ стволъ такой конструкціи, что, не имѣя нарѣзовъ, все таки сообщалъ пулѣ правильное вращательное движеніе. Для этого сѣченію ствола давалась овальная форма, причемъ овалъ этотъ, начиная отъ дула, постепенно поворачивался въ одну сторону къ казнѣ, образуя какъ бы спираль (въ нашъ вѣкъ эта идея разработана на практикѣ въ Ланкастерскомъ и Витвортовскомъ оружіи).

Кромѣ того имѣлись еще мушкетоны и крѣпостныя ружья (калибръ 0,86—1 д.) для употребленія въ крѣпостяхъ, карабины (кал. 0,68), какъ вооруженіе кирасиръ (съ 1731 г.); ручныя мортирки, состоявшія изъ весьма короткаго ствола съ котлообразнымъ раструбомъ въ дулѣ, для помѣщенія ручной гранаты,—назначеніе этого оружія не выяснено (158). Относительно холоднаго и предохранительнаго оружія мы ограничимся лишь краткими замѣтками. До XVII стол. почти все наше предохранительное оружіе было заимствовано съ востока *), хотя не выходили изъ употребленія и прежніе доспѣхи, чисто кольчатые какъ панцырь и кольчуга.

---

*) *Предохранительное оружіе*: а) *головной уборъ*: *шишакъ*—родъ шлема, оканчивающійся кверху тонкой трубкой, шишомъ, съ яблокомъ на верху; *мисюрка*—низкій головной уборъ въ видѣ выпуклаго кружка съ сѣткой; *ерихонка* похожа на шишакъ, но съ наушниками и козырьками заднимъ и переднимъ, причемъ черезъ послѣдній проходила носовая стрѣлка; б) *доспѣхи*: *бахтерецъ*—длинная почти до колѣнъ (иногда лишь до плеча) кольчужная рубаха съ разрѣзомъ спереди отъ шеи до низа или на лѣвомъ боку и тогда безъ рукавовъ; части, покрывавшія грудь, спину и бока, изъ рядовъ продолговатыхъ, металлическихъ пластинокъ, соединявшихся кольцами; *байдана*, *бандана*, или *бодана*—кольчужная рубаха изъ болѣе крупныхъ плоскихъ колецъ; рукава до локтей; *юшманъ* или *юмшанъ* сходенъ съ бахтерцомъ и состоялъ изъ кольчужной рубахи съ набранными на груди, спинѣ и бокахъ круглыми и мелкими пластинками, но иной формы и иначе расположенными чѣмъ на бахтерцѣ; *кулякъ*—доспѣхъ изъ металлическихъ бляхъ, набиравшихся каждая отдѣльно на кожѣ, сукнѣ и бархатѣ, иногда сверху покрывался матеріей; имѣлся вырѣзъ для продѣванія головы и разрѣзъ съ боку, иногда съ желѣзными рукавами и мѣдной опушкой (соотв. запад. бригандинѣ); *тегиляй*—достояніе бѣдняковъ—длинно-полый распашной кафтанъ съ очень высокимъ стоячимъ воротникомъ, на чрезвычайно толстой простеганой подбивкѣ, въ которую часто вшивали обрывки кольчугъ, желѣзныхъ листовъ и т. п.; *батаревники* или бутурлыки—желѣзные наножники, защищавшіе ногу отъ колѣнъ до пятокъ, изъ трехъ выпуклыхъ соединенныхъ кольцами пластинъ.

Холодное оружіе: *кончаръ*, длинная шпага съ тонкимъ граненымъ остріемъ; *булава*—эмблема власти—жезлъ съ шаромъ на концѣ; *буздыханъ*, тоже булава, только съ яблокомъ, усаженнымъ гвоздями; *копья*; *кистенъ*—короткая палка, съ петлею на одномъ концѣ для продѣванія руки и съ металлическимъ грузомъ на другомъ. *Метательное* оружіе: *лукъ* съ *принадлежностями*; кайдалики—вѣроятно стрѣлы съ плоскими лезвіями; *томары*—стрѣлы затупленныя или совсѣмъ безъ металлическаго наконечника; *северги*—особый видъ стрѣлъ, у которыхъ наконечники имѣли долы; *колчанъ*—твердый или мягкій мѣшокъ для помѣщенія стрѣлъ; *тохтуй*—особый чахолъ, надѣвавшійся на колчанъ для предохраненія его отъ сырости. Все описанное вооруженіе, т. е. лукъ съ принадлежностями, имѣло общее названіе—*саадакъ*, *сагадакъ*, *сайдакъ*. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть *джидъ* и *джеридъ*—метательныя копья.

Въ холодномъ и метательномъ оружіи слѣды подобнаго вліянія тоже ясны. Съ XVII же столѣтія западный элементъ начинаетъ замѣтно обнаруживаться въ составѣ нашего вооруженія, появляются доспѣхи сплошные: зерцала и латы, хотя въ ограниченномъ числѣ, составляя предметъ снаряженія людей знатныхъ и царственныхъ особъ, кромѣ грубыхъ латъ употреблявшихся наемными чужеземцами. Въ холодномъ оружіи на ряду съ новыми терминами, какъ аллебарда, протазанъ, бандельеръ и пр., встрѣчаются бердыши, рогатины, совни, кончары (кончаръ—длинная шпага, оканчивавшаяся остріемъ) (159). При Петрѣ Великомъ, въ штатныхъ табеляхъ 1711 г., встрѣчается только два типа боеваго холоднаго оружія—*шпага* для пѣхоты и *палашъ* для драгунъ. Позже однако встрѣчаются еще *тесакъ* (вооружены въ 1756 г. полки обсерваціоннаго корпуса), *сабля* и *полусабля* (сабли у гусаръ, а полусабли при Аннѣ Ивановнѣ у нестроевыхъ). Кромѣ того оставалось еще въ употребленіи оружіе почетное: *протазаны, эспонтоны* и *аллебарды* *).

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о *копьяхъ*, которыя табелями (напр. 1720 года) раздѣлялись на пикинерныя и рогаточныя (для устройства рогатокъ передъ фронтомъ пѣхоты). Пикинерными копьями иногда, во время войны, вооружалась передняя шеренга пѣхоты, а въ мирное время они употреблялись при отправленіи караульной службы. Съ 1724 года копья содержатся уже не въ войскахъ, а въ складахъ на случай надобности.

Наконецъ, изъ предохранительнаго оружія въ это время приняты были только *кирасы* для учрежденныхъ въ 1731 г. кирасиръ; кирасы состояли изъ нагрудныхъ желѣзныхъ вороненыхъ латъ. (160).

Но не смотря на всѣ успѣхи въ теоріи и техникѣ, практика артиллеріи находилась еще въ младенческомъ состояніи, хотя къ лучшему уже сдѣланъ былъ большой шагъ впередъ. При значительномъ облегченіи вѣса орудій, они оказываютъ уже большее вліяніе на исходъ сраженій. Въ особенности Евгеній Савойскій отличался искусствомъ употребленія артиллеріи, которая слѣдуетъ у него всегда впереди линій, подготовляя успѣхъ дѣйствій пѣхотѣ и кавалеріи. Для того-чтобы показать какъ онъ умѣлъ искусно распоряжаться ею и вообще какъ исполнялись дѣйствія этого рода оружія въ бою со времени Тюренна, мы приведемъ примѣръ—сраженіе при Мальплакѣ въ 1709 г., гдѣ Вильяръ былъ разбитъ или лучше сказать принужденъ къ отступленію соединенною арміею Евгенія и Мальборо.

Желая помочь обложенному арміей Мальборо и слабо снабженному гарнизономъ и продовольствіемъ Монсу, Вильяръ съ 81 т. войскъ (120 бат., 260 эскадроновъ, 80 орудій), направился къ этому пункту, желая разбить Евгенія прикрывавшаго осаду. Но, выходя изъ дефиле между Ланьерскимъ и Сарскимъ (Теньерскимъ) лѣсомъ, Вильяръ наткнулся на всю союзную армію числомъ въ 117 т. (162 бат., 300 эск. съ 120 оруд.) (161), занявшую выходы изъ дефиле, деревни Онуа, Блареньи, и поставившую сильныя противъ него батареи. Вильяръ немедлен-

*) Протазаны носили офицеры, а аллебарды начальники изъ нижнихъ чиновъ Первые въ 1731 году уничтожены и замѣнены эспонтонами, которые въ свою очередь отмѣнены въ 1746 г., и взамѣнъ ихъ штабъ-и оберъ-офицерамъ даны фузеи со штыками.

но рѣшился принять оборонительное сраженіи, надѣясь на мѣстныя выгоды своей позиціи, которую онъ тотчасъ же началъ усиливать засѣками и укрѣпленіями. Позиція эта представляла равнину, версты въ 2

шириною, между двумя лѣсами незначительной длины и удобопроходимыми. Вильяръ полагалъ запять центромъ боеваго порядка равнину поперегъ 2 дорогъ, ведущихъ изъ Баве въ Монсъ, подавъ его назадъ, а фланги выдвинуть въ Теньерскій и Ланьерскій лѣса, чтобы обстрѣливать все пространство впереди центра перекрестнымъ огнемъ. Такимъ образомъ позиція его представляла бастіонный фронтъ, съ короткими флангами, доступъ къ которымъ затрудненъ былъ засѣками и многими рѣчками, текущими въ Онно; полевыя укрѣпленія набросаны были предъ центромъ и за лѣсомъ. Войска были расположены слѣдующимъ обра-

зомъ: 50 баталіоновъ, подъ начальствомъ маршала Буффлера, прибывшаго волоптеромъ на поле сраженія—въ правомъ лѣсу, въ двѣ линіи; 6 баталіоновъ въ маленькомъ промежуточномъ лѣскѣ впереди центра; 40 бат. въ центрѣ; 22 бат. (три бригады) въ лѣвомъ лѣсу, а за нимъ еще 12 батал. Наконецъ общій резервъ за центромъ составляла кавалерія, и главнымъ образомъ Maison du roi; остальная часть конницы—за лѣвымъ флангомъ; артиллерія искусно расположена въ линіяхъ, чтобы перекрестнымъ огнемъ обстрѣливать всю впередилежащую мѣстность.

Обрекогносцировавъ позицію, союзники, надѣясь на свое численное превосходство, отложили атаку до 11 сентября, когда къ нимъ должны были присоединиться 23 баталіона изъ Турнэ. Планъ ихъ былъ: угрожая правому крылу и центру французовъ, овладѣть лѣвымъ ихъ флангомъ, атаку котораго принялъ на себя принцъ Евгеній. При этомъ пѣхота Мальборо должна была атаковать лѣвый лѣсъ, а кавалерія поддерживать ее. По диспозиціи, отданной Евгеніемъ для его арміи, австрійская пѣхота должна была двинуться въ 3-хъ линіяхъ и наступать въ пространствѣ отъ праваго фланга Мальборо до крайняго лѣваго фланга непріятеля; кавалерія обоихъ крыльевъ Евгенія, сосредоточившись въ 2 колонны, должна была наступать правѣе кавалеріи Мальборо, чтобы овладѣть равниной, когда французы будутъ выброшены изъ лѣсу.

11-го сентября Евгеній, покровительствуемый туманомъ, подвигался сначала впередъ параллельно фронту Вильяра, затѣмъ лѣвое его крыло сдѣлало захожденіе лѣвымъ флангомъ впередъ, чтобы взять съ двухъ фасовъ засѣки лѣваго французскаго крыла. Первая атака 36 баталіоновъ Шуленбурга была остановлена огнемъ французовъ; тоже повторилось съ двумя послѣдующими атаками. Тогда батарея въ 35 орудій быстро вынеслась впередъ и покрыла лѣсъ и его защитниковъ градомъ снарядовъ. Но такъ какъ зашедшее правое крыло Евгенія подвергалось продольному огню французскаго центра, то онъ выдвинулъ противъ послѣдняго другую батарею въ 40 орудій, поставивъ въ прикрытіи большія массы кавалеріи. Въ тоже время массы его пѣхоты (Шуленбургъ, Лоттумъ) обходили лѣвое французское крыло по дорогѣ въ Блапжійскомъ лѣсу. Дѣйствіе артиллеріи Евгенія было превосходно, и французы, оказывавшіе рѣшительное сопротивленіе, должны были къ полудню, вслѣдствіе охвата ихъ крайняго лѣваго фланга и взятія съ тыла засѣкъ, отступить къ внутренней опушкѣ лѣса. Но присутствіе духа и находчивость талантливаго Вильяра даетъ временно другой оборотъ дѣлу; схвативъ 18 бат. изъ центра и 12 батал. изъ резерва лѣваго крыла, онъ всего съ 30 баталіонами не даетъ сформироваться войскамъ Евгенія, дебушировавшимъ въ безпорядкѣ изъ лѣсу, стремительною атакою вгонаетъ ихъ въ лѣсъ и снова овладѣлъ имъ. Къ несчастью для французовъ, при этой блестящей атакѣ Вильяръ былъ раненъ въ колѣно и принужденъ удалиться съ поля сраженія, равно какъ и генералъ Альберготи, командовавшій подъ его начальствомъ. Такъ какъ для по-

слѣдней атаки были взяты 18 баталіоновъ изъ лѣвой половины центра, то она осталась совершенно обнаженною отъ войскъ и отдѣленною значительнымъ промежуткомъ отъ выдвинувшихъ побѣдоносно войскъ лѣваго крыла. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Евгеній врѣзался въ промежутокъ со всею имѣвшеюся подъ рукою пѣхотою, овладѣлъ съ тылу внутреннею опушкою Теньерскаго лѣса и, выдвинувъ орудія, началъ громить продольно французскій центръ и лѣвое крыло.

Въ то время какъ это происходило, Мальборо (который долженъ былъ начать атаку голландской пѣхотой получасомъ позже Евгенія), вопреки диспозиціи, рѣшился стремительно атаковать правое крыло французовъ. Здѣсь также замѣчательно дѣйствіе французской артиллеріи, поставленной са засѣками Ланьерскаго лѣса. Принцъ Оранскій стремительно выбилъ французовъ изъ передовыхъ позицій, но затѣмъ, встрѣченный на самой близкой дистанціи густою картечью, былъ остановленъ, причемъ плотныя массы его пѣхоты сразу потеряли до 2000 челов. Повторенныя неоднократно въ теченіи 5 часовъ атаки Мальборо тоже были отбиты съ успѣхомъ; наконецъ голландцы остановились, но не сдѣлали шагу назадъ. Тогда 4 французскія бригады вышли стремительно изъ ретраншаментовъ, ударили въ штыки, смяли непріятельскія линіи и, захвативъ 12 орудій и 9 знаменъ, снова вернулись въ окопы.

Мальборо, прикрываясь кавалеріей, отвелъ разстроенныя войска назадъ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ праваго фланга союзниковъ заставилъ лѣвое крыло французовъ отступить изъ Теньерскаго лѣса. Тогда Евгеній двинулъ впередъ свою пѣхоту, поддержанную частью англійской и 20-ю эскадронами кавалеріи, и занялъ оставленные французами ретраншаменты. Проведя черезъ пѣхотные интервалы кавалерію, онъ бросилъ ее по двумъ направленіямъ: одну въ тылъ праваго французскаго крыла, другую прямо; первая имѣла успѣхъ, вторая была отброшена храброю кавалеріею Maison du roi, которая, въ свою очередь, въ запальчивости преслѣдованія, попала подъ огонь пѣхоты и должна была отойти назадъ; той-же участи подверглась затѣмъ и преслѣдовавшая французовъ австрійская кавалерія. Между тѣмъ Мальборо ввелъ въ дѣло всѣ свои резервы, и Буффлеръ, видя лѣвый флангъ отступающимъ, сталъ тоже отходить въ полномъ порядкѣ, прикрываясь отважными атаками кавалеріи (жандармы). Крылья французской арміи отступили эксцентрически — на Валансьенъ и Кенуа. Сраженіе было проиграно французами потому только, что поле битвы осталось за противниками; потери ихъ (11 т.) были незначительны въ сравненіи съ австрійцами (потерявшими 22,939), такъ что эта битва была славна для французовъ столь-же какъ и для союзниковъ ([162]).

Изъ этого сраженія мы можемъ видѣть характеръ современныхъ столкновеній, образъ дѣйствія пѣхоты и кавалеріи и главное то дѣятельное участіе, которое артиллерія начинаетъ принимать въ бою. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ участвовало въ битвѣ уже 200 орудій; примѣръ еще

бывшаго сосредоточенія массъ артиллеріи можетъ представить сраженіе при Петервардейнѣ въ 1691 г., гдѣ сосредоточена была батарея въ 80 орудій.

Но наибольшихъ успѣховъ достигла артиллерія во Франціи при генералъ-фельдцейхмейстерѣ Вальерѣ (1732 г.). Калибръ былъ окончательно принятъ за мѣру для опредѣленія всѣхъ частей орудія (даже фризовъ). Расположеніе цапфъ давало перевѣсъ казенной части надъ дульной въ $^1/_3$ вѣса орудія. Вмѣсто множества употреблявшихся до сихъ поръ калибровъ приняты 4 ф. 8, 12, 16 и 24 ф. пушки; артиллерія раздѣлена на полевую и осадную, къ которой причислены 2 послѣднихъ калибра; зарядъ для орудій большихъ калибровъ назначенъ въ $^1/_3$, для малыхъ въ $^2/_3$ вѣса снаряда; *) вѣсъ орудій былъ отъ 220 (24 ф.) до 280 (4 ф.) ядеръ; мортиры приняты 12 и 8 дюйм. 3 линіи, камнеметы 15 д.; гуабицы 8 дюйм. начали отливаться съ 1749 года; даны правила для пріемки орудій. Но при столькихъ улучшеніяхъ въ конструкціи орудій вовсе не были улучшены лафеты (двухстанинные съ передками и оглоблями; у нѣмцевъ съ дышлами), которые оставались тяжелыми и неповоротливыми, а потому артиллерія лишена была подвижности и не могла постоянно содѣйствовать прочимъ родамъ войскъ. Шведы ввели у себя 4 ф. пушки значительно легче французскихъ того же калибра (относительный вѣсъ 150); это орудіе было положено на лафетъ весьма удобный для прицѣливанія; подъемный винтъ подпиралъ казенную часть орудія и служилъ для быстраго измѣненія его возвышенія. Во время похода ящикъ съ зарядами помѣщался между станинами лафета. Передокъ былъ съ дышломъ, а не съ оглоблями. Эти подвижныя орудія, назначенныя для сопровожденія пѣхотныхъ полковъ, представляли идею спеціальной полевой артиллеріи. Они испытывались въ Франціи, но по рутинѣ были отвергнуты. При приготовленіи пороха, селитра подвергалась улучшенной рафинировкѣ; составъ пороха—75 ч. селитры, 12,5 ч. угля и 12,5 сѣры. Порохъ стали пробовать между прочимъ и *пробною мортиркою*, что давало возможность получать болѣе однообразно-дѣйствующій порохъ.

Артиллерія двигалась за арміею паркомъ, раздѣлявшимся на 3 бригады, которыя вовсе не имѣли нынѣшняго значенія, а каждая изъ нихъ составляла просто $^1/_3$ всего парка. Одна бригада состояла только изъ тяжелыхъ, а другія двѣ изъ легкихъ орудій; первая назначалась для центральной батареи и для осадъ, а прочія для фланговыхъ батарей.

Передъ вступленіемъ въ бой паркъ подвозился на разстояніе больше пушечнаго отъ непріятельской позиціи; тамъ отпрягали лошадей, придавали на орудіе по 12 ч. прислуги, раздавали имъ принадлежности

*) Французскіе артиллеристы, полагая что изготовленіе зарядовъ въ картузахъ повлечетъ за собою быструю ихъ растрату, долго сопротивлялись ихъ введенію и картузы были приняты только въ половинѣ XVIII столѣтія.

и снаряды по 20—25 на орудіе, и орудія на канатахъ двигались на позицію; проводники же, лошади и запасные лафеты оставались на мѣстѣ и къ нимъ приставлялись крѣпкіе караулы. Передвиженія орудій во время боя почти не существовало; резерва ея не имѣлось. Изъ современныхъ сочиненій по артиллеріи замѣчателенъ трудъ С. Реми: «Mémoires d'artillerie», отличающійся изяществомъ и ясностью изложенія, но не самостоятельный въ научномъ отношеніи и дающій мало выводовъ ([163]).

Составъ армій и совокупное расположеніе и дѣйствіе въ бою различныхъ родовъ войскъ.

Въ составѣ арміи по родамъ оружія противъ предшествовавшаго періода мы находимъ значительныя измѣненія. Причиною этого были успѣхи въ техникѣ, а вслѣдствіе этого и новыя развившіяся понятія объ лучшемъ употребленіи каждаго изъ родовъ войскъ. Преобладаніе кавалеріи въ составѣ армій въ эпоху Густава Адольфа обусловливалось дурнымъ устройствомъ пѣхоты, находившейся въ переходномъ состояніи между старою системою ея вооруженія пиками и начавшимъ болѣе и болѣе входить въ употребленіе огнестрѣльнымъ оружіемъ, а также и тяжестью и малоподвижностью орудій. По этимъ причинамъ и въ началѣ разсматриваемаго нами періода въ войнахъ Тюренна кавалерія была въ полтора раза болѣе пѣхоты.

Разсматривая въ отдѣльности тактическое устройство каждаго рода войскъ, мы видѣли какіе неравномѣрные шаги сдѣлали они въ вѣкъ Людовика XIV. Въ то время какъ пѣхота, отбросивъ мушкетъ и пику, вооружилась ружьемъ со штыкомъ и, такимъ образомъ, сосредоточила въ себѣ наступательную и оборонительную силу и пріобрѣла, благодаря многимъ тактическимъ усовершенствованіямъ, болѣе подвижности,—кавалерія продолжала еще атаковать рысью и противно свойствамъ своимъ полагала всю силу въ огнестрѣльномъ дѣйствіи, а не въ ударѣ. Артиллерія, при всѣхъ успѣхахъ въ техникѣ, не имѣла еще правильнаго тактическаго устройства, была мало подвижна. Такимъ образомъ, силою самыхъ обстоятельствъ, возвысилось значеніе пѣхоты передъ другими родами войскъ, чему способствовали и теоретическіе выводы лучшихъ тогдашнихъ писателей, полагавшихъ уже, согласно преданіямъ классической древности, что пѣхота, по многимъ качествамъ, должна составлять главную основу въ устройствѣ всякой арміи. Еще современникъ Генриха IV, одинъ изъ лучшихъ военныхъ писателей эпохи, герцогъ де Роганъ, авторъ «Guerre de montagne», имѣющей много интереса и въ наше время, опередивъ значительно свой вѣкъ понятіями о военномъ дѣлѣ, даетъ пѣхотѣ преобладаніе въ составѣ армій. По его мнѣнію, кавалерія должна составлять только $^1/_4$, а въ пересѣченныхъ странахъ даже $^1/_6$ долю противъ пѣхоты ([164]). Впрочемъ, на практикѣ

отношеніе кавалеріи къ пѣхотѣ измѣнялось въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ. Въ концѣ разсматриваемаго періода (1740 г.) коммиссія, собранная при австрійскомъ гофкригсратѣ, высказалась, что армія должна состоять на $^2/_3$ изъ пѣхоты и на $^1/_3$ изъ кавалеріи ([165]).

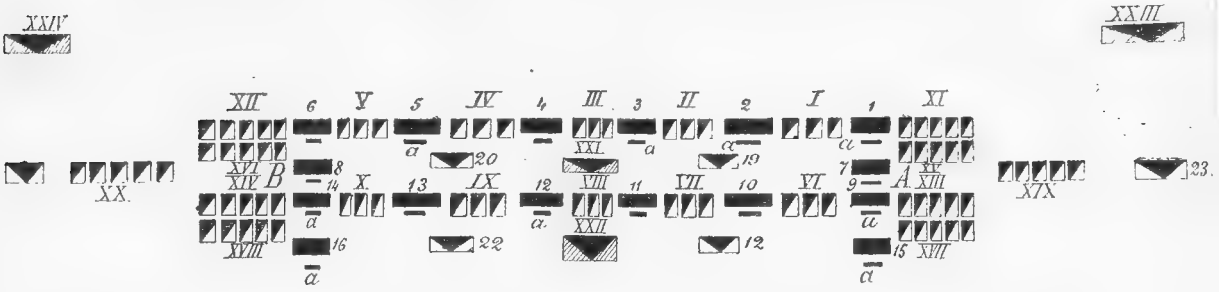
Возвышенію пѣхоты способствовалъ и характеръ войнъ вѣка Людовика XIV, когда инженерное дѣло, быстро двинувшись впередъ, измѣнило самый образъ веденія войнъ, обративъ ихъ въ войны оборонъ и осадъ крѣпостей. Къ тому же при новой системѣ вооруженныхъ силъ, при постоянной національной арміи, когда заботы объ ея содержаніи падаютъ на правительства, и въ экономическомъ отношеніи было выгоднѣе содержать болѣе пѣхоты, нежели кавалеріи. Дѣйствительно, разсматривая современный составъ армій, мы находимъ совершенное измѣненіе пропорціи мджду этими родами оружія; кавалерія составляетъ половину и даже $^1/_4$ противъ общаго числа пѣхоты; во Франціи въ 1672 г., кромѣ Королевскаго дома, пѣхоты было 134413, кавалеріи 30593, слѣдовательно пѣхоты въ $4^1/_2$ раза болѣе. Предъ войною за наслѣдство испанскаго престола (1701 г.) въ арміи императора было всего подъ ружьемъ 86 т., изъ нихъ 57 т. пѣхоты и 29 т. кавалеріи, слѣдовательно кавалеріи на половину менѣе противъ пѣхоты (Duvivier).

Количество *артиллеріи* при войскахъ тоже увеличивается, такъ что отношеніе ея къ прочимъ родамъ войскъ возрастаетъ и на 1 т. челов. полагается отъ 1 до 2-хъ орудій.

По окончаніи 30 лѣтней войны, войска строились обыкновенно въ боевой порядокъ такимъ образомъ, что пѣхота находилась въ серединѣ, въ двухъ тонкихъ линіяхъ (дистанція до 350 ш), а кавалерія по флангамъ, тоже въ двѣ линіи. Интервалы между баталіонами и эскадронами равны были протяженію фронта частей, но затѣмъ уменьшены въ 50—60 ш., такъ какъ не требовалось, чтобы баталіоны 2-й линіи проходили сквозь первую, а только чтобы эскадроны могли пройти между сосѣдними баталіонами; въ этомъ уже сказалось вліяніе идеи перемѣшиванія пѣхоты съ кавалеріею. Мушкетерскіе взводы часто располагались между эскадронами. Случалось, что третья масса составляла 3-ю линію и располагалась позади въ 500—600 ш., образуя нѣчто въ родѣ резерва, но такой резервъ былъ слабъ и по составу и по числительности. Фланги боеваго порядка старались примкнуть къ рѣкамъ, лѣсамъ, укрѣпленнымъ селеніямъ и т. п. ([166]).

Затѣмъ въ тактическомъ искусствѣ развивается все болѣе и болѣе преобладаніе *огнестрѣльнаго* элемента, который, совершенствуясь, постепенно вытѣсняетъ употребленіе холоднаго оружія, такъ что пѣхота, кавалерія и артиллерія дѣйствуютъ преимущественно пальбою. При переходѣ къ тонкому строю фронтъ боеваго порядка значительно удлинился противъ прежняго, а потому, при расположеніи конницы на флангахъ, послѣдняя оказывала уже меньше поддержки пѣхотѣ, особенно

ссли вспомнимъ, что въ прежнемъ боевомъ порядкѣ (напр. у Густава Адольфа) не вся конница помѣщалась на флангахъ, а часть ея располагалась за серединою каждой линіи пѣхоты. При такихъ условіяхъ постепенно назрѣла идея перемѣшиванія пѣхоты съ кавалеріею. Самымъ авторитетнымъ и талантливымъ сторонникомъ ея былъ Монтекукули.



Предложенный имъ боевой порядокъ былъ слѣдующій: пѣхота образовала центръ боеваго порядка, причемъ располагалась въ 2 линіи съ значительными интервалами между баталіонами, такъ чтобы можно было помѣстить въ нихъ кавалерію. За серединой каждаго баталіона, т. е. за его пикинернымъ дивизіономъ, помѣщались 2 взвода мушкетеровъ, выдѣленныхъ изъ ротъ, которые должны были, по возможности пользуясь мѣстными возвышеніями, вскакивая на повозки и т. п., стрѣлять поверхъ баталіона, или же употреблялись для другой службы. Въ интервалахъ между баталіонами 1-й и 2-й линій помѣщаются по 3 эскадрона кавалеріи; на наружномъ крылѣ каждой линіи—по 5 эскадроновъ, а за ними, въ видѣ резерва, еще по 5 эскадроновъ. Для охраненія фланговъ позади фланговыхъ баталіоновъ каждой линіи находилось по одному баталіону пѣхоты; для той же цѣли располагалось еще на флангахъ, противъ промежутка между двумя линіями, по 5 эскадроновъ. Между эскадронами, преимущественно на крыльяхъ, помѣщались мушкетерскіе взводы. Пѣхота строилась въ 6 шеренгъ, кавалерія въ 3 шеренги.

Кроатовъ и легкую конницу Монтекукули дѣлилъ на четыре части; изъ нихъ двѣ располагалъ за серединою 1-й и 2-й линіи пѣхоты, а двѣ другія помѣщалъ нѣсколько впереди оконечностей боеваго порядка; драгунъ онъ помѣщалъ частью за 1-й и 2-й линіями пѣхоты, а частью на наружныхъ флангахъ тѣхъ крайнихъ эскадроновъ, которые стояли противъ промежутка между 1-й и 2 й линіями. Артиллерія распредѣлялась по всей позиціи: тяжелая въ сторонѣ и впереди пѣхоты, а легкая между эскадронами и мушкетерскими взводами. Разстояніе между обѣими линіями простиралось до 300 ш., причемъ полагалось, что опрокинутая 1-я линія не можетъ тотчасъ увлечь за собою и вторую. Силу этого боеваго порядка Монтекукули видѣлъ въ томъ, что каждая его часть, состоя изъ всѣхъ родовъ оружія, пріобрѣтала большую твердость и устойчивость, а слѣдовательно и весь боевой порядокъ отличался тѣми же свойствами. Нетрудно догадаться, что Монтекукули пред-

почиталъ выжидать непріятельскую атаку на выгодной позиціи, противопоставляя ему сильный огонь, обезпеченный твердостью и непроницаемостью всего боеваго порядка. Атаковать же онъ полагалъ только непріятеля, находящагося на невыгодной позиціи, причемъ боевой порядокъ сохранялъ тотъ же составъ какъ и при оборонѣ. Основная идея его атаки заключалась въ томъ, чтобы *двигать впередъ линію огня*, сохраняя общую связь боеваго порядка, и въ этихъ видахъ кавалерія не должна была производить одновременной атаки, что лишало ее окончательно основныхъ ея боевыхъ свойствъ, причемъ даже разбитый непріятель преслѣдовался только легкой конницей. Этой послѣдней Монтекукули не придавалъ особаго значенія, а главное достоинство тяжелой конницы видѣлъ не въ способности къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а въ умѣньи давать отпоръ удару—отсюда понятно, что онъ дозволяетъ во время боя своей тяжелой конницѣ производить атаки только частями, не далѣе какъ на 60—100 шаговъ, противъ непріятельской кавалеріи, атакующей сосѣдній баталіонъ.

Не одинъ Монтекукули стоялъ за перемѣшиваніе кавалеріи съ пѣхотой; этимъ же средствомъ пользовались шведы противъ многочисленной и стремительной польской конницы, какъ напр. въ сраженіи при Чарновѣ въ 1655 г.

Пюйсегюръ тоже перемѣшиваетъ въ боевыхъ линіяхъ пѣхоту съ кавалеріей, располагая по перемѣнно эскадронъ кавалеріи и баталіонъ пѣхоты, на томъ основаніи, что крылья непріятельской линіи, состоящія только изъ кавалеріи, не рѣшатся атаковать эскадроны, перемѣшанные съ пѣхотою Такимъ образомъ, желали предохранить кавалерію отъ непріятельскихъ атакъ, забывая, что она сама есть наступательный родъ оружія.

Въ концѣ XVII столѣтія отступленія отъ общихъ пріемовъ употребленія конницы встрѣчаются рѣдко, какъ напримѣръ въ сраженіи при Фербелинѣ (1675 г.), гдѣ курфюрстъ Бранденбургскій разбилъ шведскую пѣхоту.

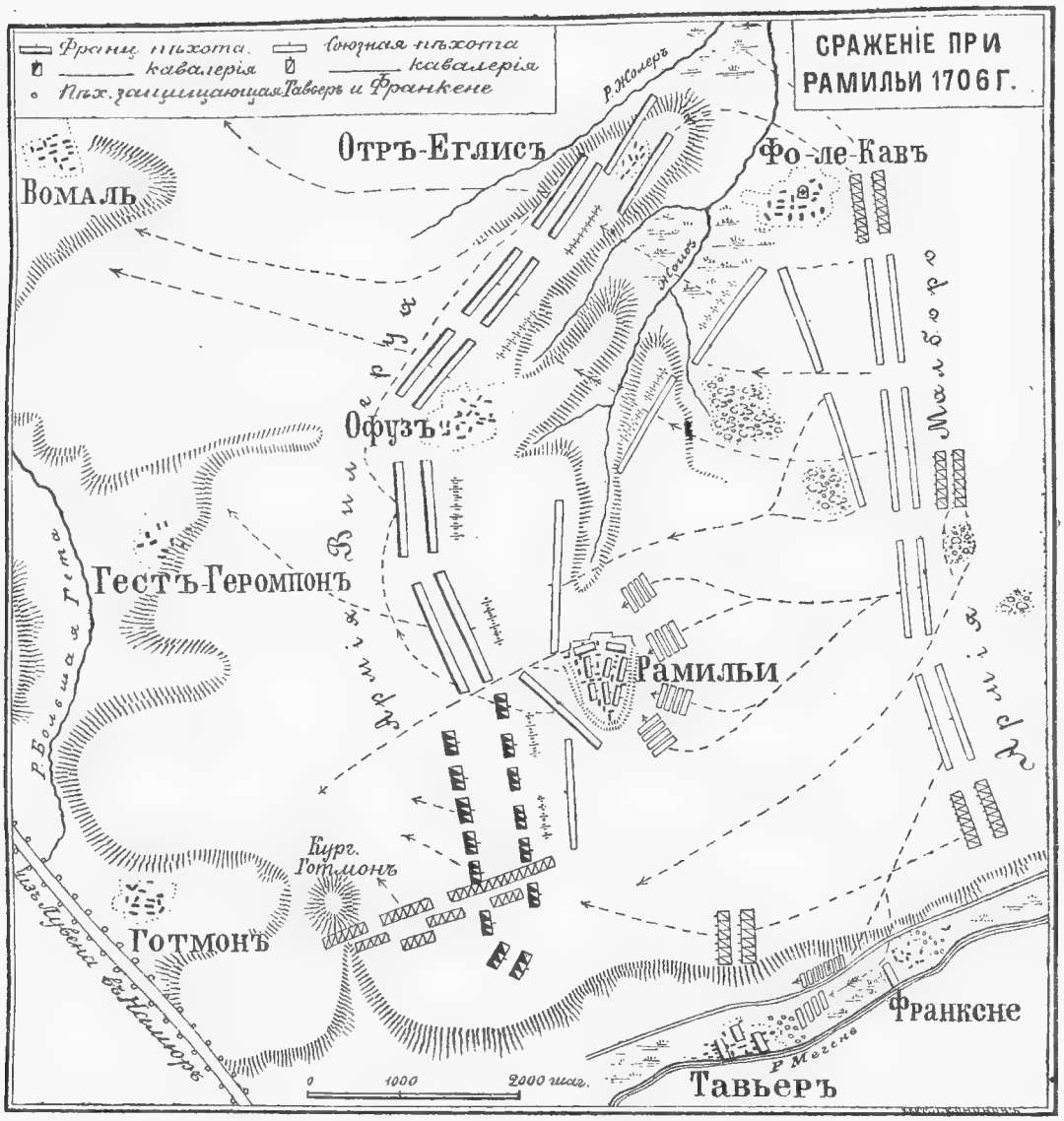
Примѣромъ употребленія вышеописаннаго боеваго порядка служитъ сраженіе при Сенъ-Готардѣ, въ Венгріи, данное Монтекукули туркамъ въ 1664 г. Въ диспозиціи отдано было приказаніе, при наступленіи кавалеріи не отдѣляться отъ пѣхоты и не производить атакъ на непріятеля, удаленнаго на разстояніе, превосходящее 300 шаговъ, и въ случаѣ удачи не преслѣдовать разбитаго непріятеля. Подобнаго рода тактика могла быть съ успѣхомъ употреблена противъ турокъ, имѣвшихъ преимущественно иррегулярную конницу, атаки которой не могли быть успѣшны противъ такого большаго каре, еще издали ослаблявшаго се своимъ огнемъ. Желаніе примѣнять подобный боевой порядокъ, въ подражаніе Монтекукули, на другихъ театрахъ войны, при другой обстановкѣ, вело иногда къ пораженіямъ. Такъ въ сраженіи при Альманцѣ, въ 1707 году, лордъ Гэллоуэй (Gallovay) расположилъ свою 33/т. армію

въ 2 линіи, поставивъ въ перемежку между каждыми 5 баталіонами по 5 эскадроновъ, и въ такомъ боевомъ порядкѣ двинулся на Бервика, расположеннаго, съ равносильною арміею, въ обыкновенномъ, нормальномъ боевомъ порядкѣ: пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ. При движеніи впередъ кавалерія естественно опередила пѣхоту, оставивъ въ боевой линіи значительные интервалы. Кавалерія Бервика, послѣ нѣсколькихъ удачныхъ атакъ, смяла англійскую, набросила ее при прослѣдованіи на пѣхоту и пронеслась въ ея интервалы въ то время, какъ французско-испанская пѣхота напала съ фронта и довершила пораженіе противника.—

Съ *изобрѣтеніемъ штыка* и распространеніемъ его, тактика измѣнилась, получилась возможность соединить въ пѣхотѣ дѣйствіе холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кавалерія отдѣлилась отъ пѣхоты и сосредоточилась на флангахъ, хотя все еще не имѣла самостоятельности и элементъ огнестрѣльный въ ней преобладалъ. Такимъ образомъ, для боя войска стали располагаться въ 2 линіи въ шахмантномъ порядкѣ, имѣя интервалы равныя частямъ: пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ; иногда же и въ большемъ числѣ линій, иногда и въ одну линію.

Резерва въ собственномъ смыслѣ (даже какъ части войскъ, назначающихся для смѣны разстроенныхъ линій и для всевозможныхъ случайностей) не существовало; иногда только отдѣляли часть кавалеріи, составлявшей какъ бы 3-ю линію. Впрочемъ Тюреннь и нѣкоторые другіе полководцы иногда ставили въ резервъ и пѣхоту. Артиллерію дробили по всему протяженію линіи по орудіямъ (нисколько не оставляя въ резервѣ), отчего, при неудачѣ 1-й боевой линіи, артиллерія часто доставалась въ руки непріятеля. Въ послѣдствіи однакоже начали собирать орудія и ставить ихъ на болѣе выгодныхъ мѣстахъ между частями пѣхоты. Обозы ставились за линіями, но замѣчательно, что Вилльруа помѣстилъ ихъ, въ сраженіи при Рамильи, между боевыми линіями. Примѣненія къ мѣстности при расположеніи вовсе не существовало, въ особенности если арміею командовали бездарные полководцы, что случалось весьма часто; оправданіемъ въ пораженіи вслѣдствіе этого служило слѣдованіе нормальному боевому порядку. Позицію обыкновенно старались занять за какимъ нибудь мѣстнымъ препятствіемъ, рѣкою или оврагомъ, избѣгая занятія селеній, лѣсовъ, какъ разстроивающихъ общій боевой порядокъ. Такъ въ сраженіи при Рамильи, въ 1706 году, Вилльруа расположилъ свою 62 т. армію (74 б., 128 эск. и 130 ор.) нисколько не примѣняясь къ свойствамъ весьма выгодной позиціи На командующихъ высотахъ р. Жоша расположилось лѣвое крыло французовъ, отъ Отръ-Эглиза до Офуза, а центръ отъ Офуза до Рамильи. Изъ пунктовъ впереди позиціи занято было только с. Рамильи 20 баталіонами плохихъ войскъ, иностранцевъ, набранныхъ частью даже между плѣнными. Между Офузомъ и Отръ-Эглизомъ собрано было около 60 орудій. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ

стало 20 эскадроновъ въ оврагѣ за болотисто-лѣсистой рѣчкой; остальная кавалерія и пять баталіоновъ пѣхоты заняли двухверстное пространство между Рамильи и Тавьеромъ, причемъ 100 эскадроновъ кон-



ницы расположились въ 2-хъ линіяхъ за высотой Готмонъ. Только съ приближеніемъ непріятеля были выдвинуты въ линіи 6 эскадроновъ; 5 полковъ драгунъ поставлены за правымъ флангомъ, а два баталіона пѣхоты заняли Тавьеръ, имѣя за собою въ резервѣ 3 баталіона; однимъ словомъ, войска были расположены такъ, какъ бы ихъ ставилъ самъ непріятель для возможно легкой побѣды. Забыли даже продѣлать проходы въ заборахъ для удобства передвиженія войскъ, такъ что каждая часть, будучи заключена въ ограду, не могла ни подать, ни получить своевременно помощи. Мальборо, приблизившись съ своею арміею, силою около 60,000 чел. (73 бат., 123 эск., 120 ор.), расположился первоначально въ обыкновенномъ нормальномъ боевомъ порядкѣ параллельно

фронту непріятельской, но, осмотрѣвъ расположеніе французовъ и оцѣнивъ значеніе высоты Готмонъ, господствовавшей надъ окрестной мѣстностью, рѣшился воспользоваться ошибками Вилльруа. Стянувъ всю армію въ нѣсколько линій противъ праваго крыла французовъ (на что употреблено 5 часовъ въ виду бездѣйствовавшаго Вилльруа), онъ овладѣлъ съ пѣхотою безъ труда селеніями Рамильи и Тавьеромъ, для защиты котораго поспѣшно спѣшились 14 эск. драгунъ, и затѣмъ кавалерія его проскакала въ интервалѣ между селеніями, ударила на кавалерію праваго французскаго крыла и, пользуясь численнымъ превосходствомъ, а также разстройствомъ непріятельской конницы (огнемъ пѣхоты, занявшей селенія), раздавила ее и бросилась на пѣхоту. Послѣдняя, будучи свидѣтельницею пораженія праваго фланга, не принимала почти участія въ дѣлѣ и, стѣсненная обозами, не могла маневрировать. Кавалерія лѣваго крыла вовсе не принимала участія въ дѣлѣ и только пыталась прикрыть отступленіе. Французская армія обратилась въ бѣгство, потерявъ около 15,000 чел., 50 орудій и всѣ свои обозы ([165]). Этого не было бы если-бы французы заняли селенія Тавьеръ и Рамильи сильною пѣхотою, укрѣпивъ пространство между ними, и не осудили бы свою кавалерію, вдвое превосходившую союзную, на бездѣйствіе, поставивъ ее въ оврагѣ. Вильяръ же, въ сраженіи при Мальплаке, какъ мы уже видѣли, хорошо воспользовался мѣстностью.

Не умѣя примѣняться къ мѣстности, современныя арміи однакожъ умѣли искусно примѣнять ее къ своему нормальному расположенію, постройкою укрѣпленій, которыя состояли большей частью изъ непрерывныхъ цѣпныхъ линій, возводившихся чрезвычайно быстро. Часто противникъ, подойдя къ такимъ линіямъ съ намѣреніемъ дать сраженіе, отказывался отъ него и отступалъ. Такъ, въ кампанію 1709 года Евгеній и Мальборо, превосходившіе армію Вильяра числительностью въ $1^1/_2$ раза, переправились черезъ Диль съ намѣреніемъ его атаковать; но Вильяръ занялъ линіи у La Bassée, сильно укрѣпивъ ихъ. Союзники принуждены были отказаться отъ своего намѣренія и обложили Турнэ. Частое уклоненіе отъ занятія мѣстныхъ предметовъ тѣмъ поразительнѣе со стороны тогдашнихъ тактиковъ, что примѣры удачной обороны селеній отдѣльныхъ строеній должны были бы сильно заявлять о пользѣ подобныхъ предметовъ, какъ твердыхъ пунктовъ въ боевыхъ линіяхъ. Такъ, напримѣръ, въ сраженіи при Неервинденѣ 1693 г., селеніе это, находившееся на оконечности праваго фланга, занятое пѣхотою принца Оранскаго, десять часовъ держалось противъ нѣсколькихъ усиленныхъ атакъ Люксамбурга. Въ итальянскую кампанію 1705 года, Евгеній Савойскій стоялъ въ лагерѣ при Гроваролo; 4 роты французскихъ (около 200 чел.) держались въ каменной фермѣ Боллина цѣлыя сутки (съ цѣлью воспрепятствовать непріятельскимъ фуражирамъ) противъ вдесятеро превосходнаго непріятеля и заставили его отступить (несмотря на то, что дворъ фермы былъ уже занятъ имперцами), благодаря гренадерамъ, запершимся въ голу-

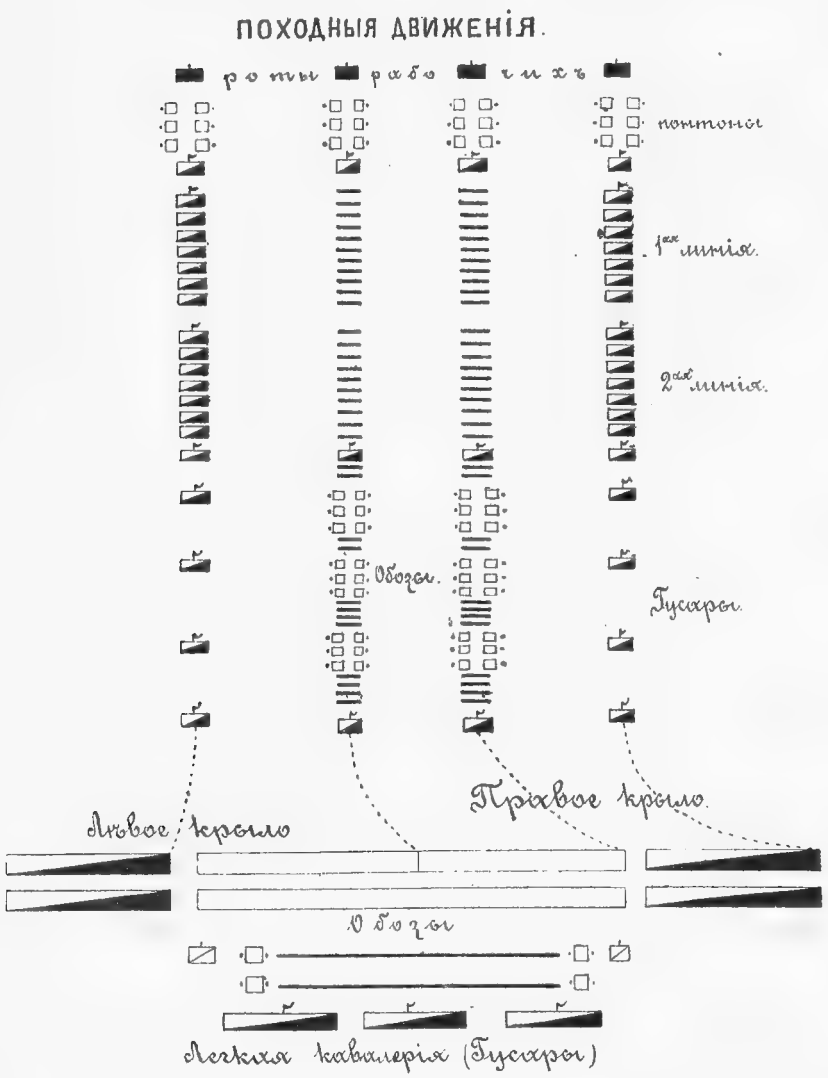
бятнѣ, какъ въ послѣднемъ редюитѣ ([169]). Это пренебреженіе къ занятію мѣстныхъ предметовъ явилось какъ неизбѣжное слѣдствіе стремленія сохранить правильный нормальный порядокъ, при получавшей все болѣе и болѣе права гражданства мысли объ исключительномъ дѣйствіи пѣхоты огнестрѣльнымъ оружіемъ. Даровитые военные люди—Фоларъ, послѣдователь его Мениль Дюранъ—при всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, совершенно были правы, защищая строй глубокій, потому что исключительное послѣдованіе тонкимъ линіямъ окончательно лишало армію подвижности. Таже тактика, уже доведенная до крайности, перешла и въ школу Фридриха, гдѣ, впрочемъ, этотъ недостатокъ примѣненія къ мѣстности, замѣнялся доведенною до тонкости быстротою эволюцій и вообще движеній. Часто однакоже причиною дурнаго расположенія войскъ были условія, вовсе отъ полководца не зависящія. Такъ, во французской арміи, при расположеніи ея въ лагерѣ и на полѣ сраженія, существовалъ родъ мѣстничества, расположенія полковъ по старшинству; тоже самое наблюдалось при расположеніи двухъ союзныхъ армій: напримѣръ, имперцы занимали всегда правое почетное крыло, союзники лѣвое, но притомъ такъ, что союзники не смѣшивались между собою, а каждая армія строилась въ нормальный боевой порядокъ, что вело часто къ пораженіямъ. Такъ, въ сраженіи при Гохштедтѣ въ 1704 г., союзная баварско-французская армія расположилась для боя каждая отдѣльно, вслѣдствіе чего центръ позиціи занятъ былъ кавалеріей и ея пораженіе рѣшило участь сраженія.

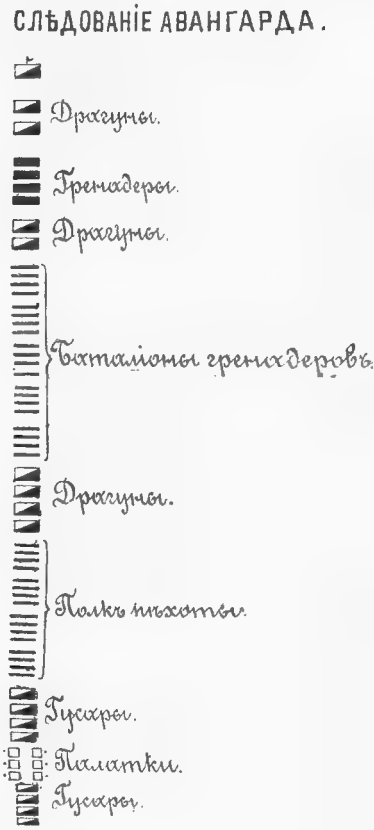
Походныя движенія совершались чрезвычайно медленно и производились колоннами, для чего обыкновенно перестраивались изъ боевыхъ линій. Но такъ какъ это перестроеніе требовало чрезвычайно много времени, то, гдѣ только позволяла мѣстность, обыкновенно двигались цѣлымъ боевымъ порядкомъ.

При слѣдованіи въ походѣ армія свертывалась или въ одну колонну, или въ нѣсколько. Обыкновенно слѣдовали въ 4-хъ колоннахъ, какъ показано на прилагаемомъ чертежѣ. Впереди слѣдовали рабочіе для исправленія дорогъ, за ними въ каждой колоннѣ отдѣленіе понтоннаго парка; въ двухъ среднихъ колоннахъ пѣхота, имѣя 1-ю боевую линію впереди, 2-ю сзади; въ 2-хъ крайнихъ—кавалерія, въ томъ же порядкѣ. Обозы слѣдовали за пѣхотою въ порядкѣ построенія своихъ частей справа на лѣво *). Иногда же движеніе совершалось въ 5 колоннахъ: артиллерія въ средней, двѣ ближайшія къ ней колонны изъ пѣхоты и двѣ даль-

*) Обозъ каждой части двигался подъ начальствомъ профоса. У австрійцевъ въ головѣ его ѣхала старѣйшая солдатская жена со значкомъ профоса, за ней слѣдовали другія солдатскія жены и дѣти, обозная прислуга съ багажемъ и заводными лошадьми, наконецъ, маркитантскій обозъ, подъ начальствомъ вагенмейстера ([170]).

нѣйшія изъ кавалеріи *). Въ такомъ порядкѣ Люксамбургъ подошелъ къ позиціи занятой Вальдекомъ у Флеруса. Впереди армій, при движе-





ніи ихъ впередъ, слѣдовали авангарды, составлявшіеся изъ отборныхъ войскъ. Порядокъ слѣдованія авангарда былъ слѣдующій: впереди драгуны съ поддерживавшими ихъ ротами гренадеръ, затѣмъ сводные батальоны гренадеръ, полкъ драгунъ, полкъ линейной пѣхоты и, наконецъ, обозы съ лагерными принадлежностями (палатками), безъ которыхъ войска не могли обходиться.

*) Фоларъ полагалъ, что, двигаясь для боя, «необходимо по возможности увеличивать число колоннъ для быстраго перестроенія въ боевой порядокъ; тогда необходимо и артиллерію распредѣлять въ нѣсколько колоннъ и даже выдѣлить часть ея бригадъ передъ головы пѣхотныхъ колоннъ, чтобы артиллерія могла своевременно занять мѣсто въ боевой линіи».

Расположеніе на бивуакахъ еще не было въ употребленіи, войска не только на дневкахъ, но и на каждомъ ночлегѣ, за неимѣніемъ строеній, располагались въ палаткахъ. Въ прикрытіе къ обозамъ назначалась всегда легкая кавалерія, на которую всегда смотрѣли съ пренебреженіемъ. При отступленіи порядокъ измѣнялся: пѣхота слѣдовала во всѣхъ колоннахъ впереди; кавалерія прикрывала ея маршъ *). Мѣры охраненія походныхъ движеній были чрезвычайно слабы. Впрочемъ, это не имѣло большихъ невыгодъ, потому что противникъ слѣдовалъ въ томъ же порядкѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы сейчасъ сказали, вообще не умѣли употреблять легкую кавалерію, сообразно ея значенію. Пѣхота и кавалерія слѣдовали во взводныхъ колоннахъ, слѣдовательно фронтъ равнялся отъ 18 до 24 рядовъ. Для того, чтобы построить боевой порядокъ изъ походныхъ колоннъ, лицемъ въ ту сторону, въ которую двигались, надобно было прежде сдѣлать захожденіе колоннами, выстроить колонну за колонною и, наконецъ, произвести захожденіе повзводно.

---

*) Нѣкоторыя интересныя подробности относительно походныхъ движеній встрѣчаются въ инструкціи, данной войскамъ въ Нидерландскую войну (1672 г.): «Войскамъ двигаться, на сколько окажется возможнымъ, въ 3-хъ линіяхъ; большей части артиллеріи и обозамъ находиться всегда въ серединѣ, причемъ хорошо, если между колоннами будетъ поддерживаться связь; если непріятель находится слѣва или справа, то необходимо имѣть съ той стороны кавалерійскіе или драгунскіе отряды, которые выдвигаются къ авангарду или флангамъ, чтобы оказать первое сопротивленіе, если непріятель покажетъ видъ атаки.

Если правѣе или лѣвѣе арміи имѣется рѣка или большой лѣсъ, недоступные для непріятеля, то на этомъ флангѣ удобно помѣстить артиллерію и обозы, а на противоположномъ сосредоточить войсковыя колонны. Когда непріятель удаленъ на нѣсколько переходовъ и страна бѣдна запасами, то колонны можно вести по дорогамъ болѣе между собою удаленнымъ, подъ руководствомъ и отвѣтственностью лагерныхъ маршаловъ (maréchaux de camp), которые приводятъ ихъ въ назначенный часъ къ пункту сосредоточенія, удаленному никакъ не болѣе суточнаго перехода.

Лагерные маршалы принимаютъ надлежащія мѣры для движенія колоннъ сообразно характеру страны, рекогносцируютъ дороги и другіе пути, чтобы никакая непредвидѣнная случайность не могла задержать движенія войскъ, ибо нѣтъ ничего труднѣе на войнѣ, какъ соединеніе нѣсколькихъ отрядовъ въ одномъ пунктѣ одновременно.

Каждый вечеръ вагенмейстеръ долженъ получить приказаніе квартирнаго маршала (maréchal des logis) отправиться въ надлежащее время, чтобы исправить дороги на сколько это необходимо, собрать гидовъ (вожатыхъ) и обозы вокругъ своего значка (fanion), а затѣмъ пропустить мимо себя обозы въ послѣдовательномъ порядкѣ: авангарда, главныхъ силъ и арьергарда. Капитанъ надъ вожатыми никогда не долженъ упускать изъ виду забирать въ городахъ и общинахъ людей хорошо знающихъ страну, требовать у нихъ именемъ короля говорить одну истину, угрожая, что малѣйшая ложь будетъ имъ стоить жизни.

Если страна пересѣченная дефиле и лѣсами—проходить дефиле, имѣя между своими баталіонами часть эскадроновъ, и, развернувшись вправо и влѣво отъ дефиле, останавливаться тамъ, чтобы содѣйствовать прохожденію кавалеріи и артиллеріи ([171]).

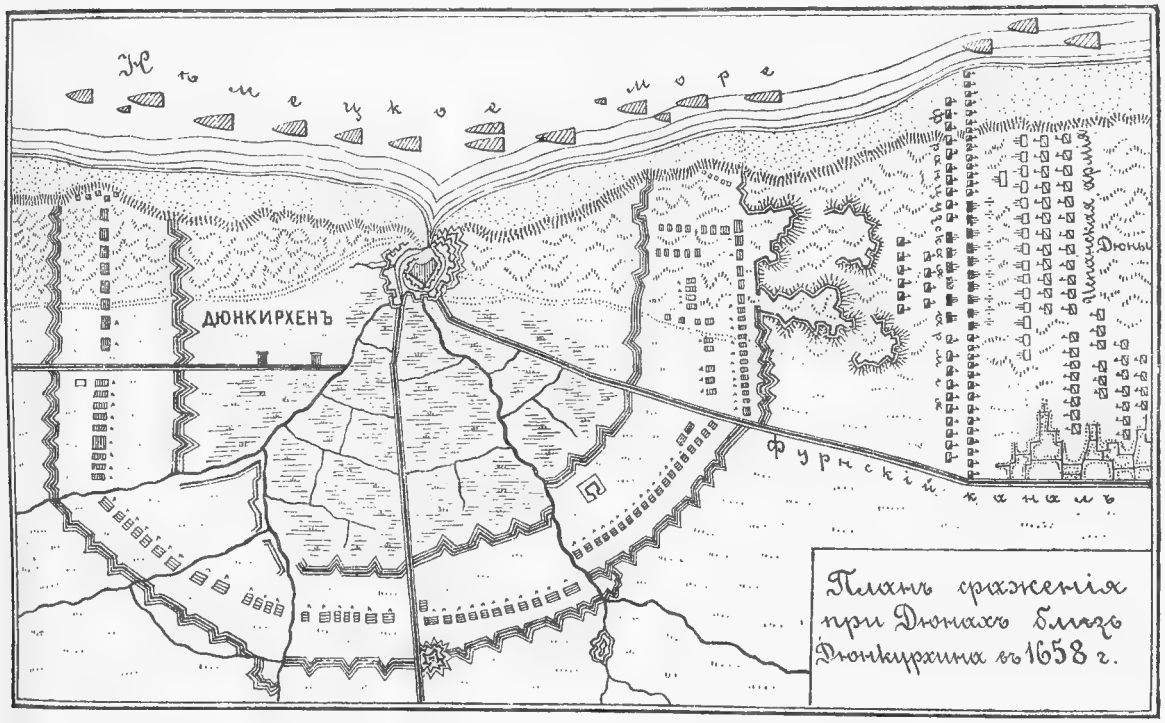
Такого рода передвиженія и построенія представляли большія затрудненія и предпріимчивый противникъ могъ воспользоваться этимъ съ большою выгодою. Примѣръ этого можетъ представить сраженіе при Шпейербахѣ. Въ кампанію 1703 года, въ то время какъ Вильяръ дѣйствовалъ на Дунаѣ, для прикрытія тыла его на Рейнѣ оставался маршалъ Тальяръ. Послѣдній обложилъ въ октябрѣ крѣпость Ландау. Принцъ Гессенскій рѣшился заставить его снять осаду и съ этою цѣлью переправился съ 29-ю баталіонами и 54-мя эскадронами (24 т. чел.) чрезъ Рейнъ ниже Шпейера, двинулся на Ландау, въ намѣреніи застать Тальяра въ расплохъ въ его линіяхъ и съ помощью гарнизона крѣпости раздавить его численнымъ превосходствомъ. Но Тальяръ, узнавъ о намѣреніи противника, рѣшился предупредить его и разбить на маршѣ. Оставивъ въ траншеяхъ часть войскъ для продолженія осады, онъ съ 28-ю баталіонами и 62-мя эскадронами (20 т. чел.) скрытно двинулся противъ принца Гессенскаго и засталъ его на переправѣ черезъ ручей Шпейербахъ. Чтобы не позволить ему выстроить боеваго порядка изъ походныхъ колоннъ и вообще воспользоваться безпорядкомъ у противника, происшедшимъ вслѣдствіе переправы, Тальяръ атаковалъ его въ походныхъ колоннахъ, смялъ дружнымъ ударомъ въ штыки непріятельскую пѣхоту и, развернувъ кавалерію *вправо* и *влѣво*, ударилъ ею на фланговыя колонны. Слѣдствіемъ этой смѣлости было полное пораженіе принца Гессенскаго, который потерялъ 5,500 убитыми, 3,500 плѣнными, 28 знаменъ, 33 штандарта и артиллерію. Французы потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми, такъ что Тальяръ могъ справедливо донести Людовику XIV, что его армія взяла болѣе знаменъ, чѣмъ потеряла рядовыхъ ([172]).

Вообще походныя движенія войскъ въ нѣсколькихъ колоннахъ были еще тѣмъ труднѣе, что приходилось для параллельнаго слѣдованія прокладывать новыя дороги; но такъ какъ проложеніе новыхъ путей могло открыть непріятелю направленіе движенія арміи, то часто, чтобъ его обмануть, прокладывали путь по ложнымъ направленіямъ, что еще болѣе затрудняло работу.

Бой обыкновенно начинался сближеніемъ противныхъ сторонъ на дистанцію пушечнаго огня, затѣмъ долго пристрѣливались и потомъ производили атаки, большею частью по всему фронту, равно раздѣленными силами. Характеръ боя заключался въ параллельномъ столкновеніи противниковъ,—причиною чего была малая подвижность армій, неспособность ихъ къ эволюціямъ. Партизанами подобнаго способа дѣйствій были многіе военно-ученые люди тогдашняго времени и въ особенности Фёкьеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ генераловъ эпохи. Вездѣ онъ проводитъ одну и ту же идею, что для успѣха необходимо *se deployer et se choquer de tout son front*. Непонятно какъ онъ могъ упорно защищать такую идею, которая отодвигала военное искусство къ самому первобытному его состоянію. Ясно, что при параллельномъ столкно-

веніи искусство полководца не имѣетъ мѣста; успѣхъ будетъ основываться или исключительно на перевѣсѣ въ силахъ или же на нравственныхъ качествахъ войскъ. Странно какъ Фекьеръ, изучая древнихъ, не замѣтилъ, что первый шагъ впередъ, сдѣланный въ военномъ искусствѣ, заключался именно въ томъ, чтобы противопоставить силѣ искусство, въ умѣньи найти слабое мѣсто въ расположеніи противника, въ атакѣ сосредоточенными силами. Отъ сраженія при Левктрахъ, гдѣ впервые употребленъ облическій фронтъ, во всѣхъ битвахъ Александра: при Граникѣ, Иссѣ, Арбеллахъ, въ римскихъ войнахъ—вездѣ употреблялся этотъ способъ дѣйствія, доставившій возможность уравновѣшивать искусствомъ перевѣсъ въ силахъ. Единственнымъ средствомъ для оправданія Фекьера можетъ служить современная тактика, считавшая верхомъ искусства исключительное преобладаніе огнестрѣльнаго дѣйствія, для чего требовались длинныя линіи, длинная позиція.

Впрочемъ, и въ эту эпоху мы находимъ нѣсколько превосходныхъ примѣровъ фланговыхъ атакъ. Такъ мы видѣли, что въ сраженіи при Рамильи Мальборо повелъ атаку на флангъ Вильруа, слѣдствіемъ чего было полное пораженіе французской арміи. Тотъ же маневръ еще ранѣе былъ употребленъ Тюреннемъ въ сраженіи при Дюнахъ въ 1658 г. и Люксамбургомъ при Флерусѣ въ 1690 г.



Въ войну Фронды, въ 1658 г., Тюреннь обложилъ Дюнкирхенъ и построилъ вокругъ него контрвалаціонныя и циркумвалаціонныя линіи. Испанская армія Донъ-Жуана австрійскаго двинулась противъ него

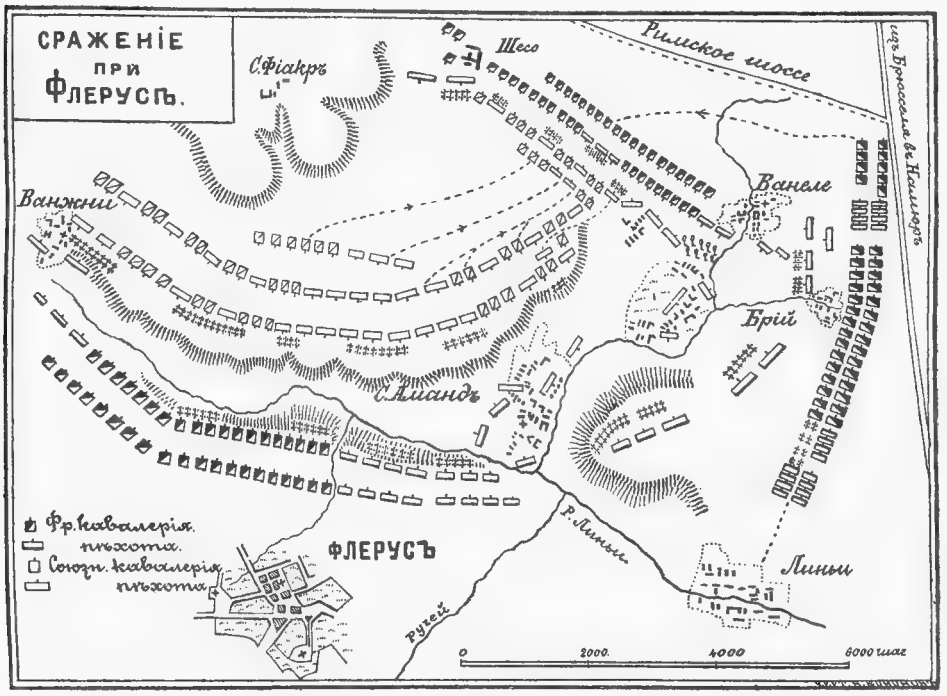
изъ Голландіи съ цѣлью заставить его снять осаду. Испанцы, въ числѣ 14 т. (8 т. кав.), заняли позицію противъ линій и заранѣе разсчитывали на побѣду, надѣясь на невыгодное положеніе Тюренна между ихъ арміею и осажденнымъ городомъ. Въ центрѣ позиціи они укрѣпили одну изъ самыхъ высокихъ дюнъ, бывшую ключемъ позиціи; за нею расположилась пѣхота во 2-й линіи, имѣя часть кавалеріи въ 3-й. На равнинѣ между Дюнами и Фурнскимъ каналомъ расположилась кавалерія подъ начальствомъ Конде (тогда изгнанника изъ Франціи). Не составивъ опредѣленнаго плана дѣйствій, испанцы простояли цѣлый день, ничего не предпринимая. Въ это время взятъ былъ французами въ плѣнъ одинъ испанскій пажъ и приведенъ къ Тюренню. На допросѣ, между прочимъ, онъ сообщилъ, не придавая этому никакой важности, что испанцы ожидаютъ большую часть артиллеріи только дня черезъ 2 или 3. Тюреннь заставилъ повторить 2 раза показаніе и потомъ снова спокойно заснулъ, рѣшивъ на завтра атаковать непріятеля, до прибытія его артиллеріи. На слѣдующій день Тюреннь вышелъ изъ линій въ боевомъ порядкѣ, имѣя кавалерію на правомъ флангѣ, но двигался такъ медленно, что 1 верста пройдена была имъ въ 3 часа. Цѣль этой медленности заключалась въ слѣдующемъ: въ то время какъ испанцы занимали позицію былъ морской приливъ, такъ что правый ихъ флангъ упирался въ море, которое было занято англійскимъ флотомъ Кромвеля, тогдашняго союзника Франціи; поэтому испанцы не могли замѣчать, что дѣлалось на лѣвомъ флангѣ Тюренна, гдѣ, за линіями пѣхоты, скрытая волнообразною мѣстностью дюнъ, поставлена была кавалерія Кастельно (Castelnau).

При отливѣ у подножія дюнъ образуется узкая полоса земли, имѣющей такой твердый грунтъ, что даже колесо повозки не оставляетъ слѣда, и такъ какъ песокъ тогда мокръ, то при движеніи не бываетъ даже пыли, которая могла бы открыть движеніе войскъ. Тюреннь, зная это свойство мѣстности, рѣшился имъ воспользоваться, съ тѣмъ чтобы по песчаному берегу обойти правое крыло испанцевъ, которые считали его совершенно недоступнымъ. Потому то онъ и медлилъ движеніемъ, ожидая пока образуется берегъ такой ширины, чтобъ 2 или 3 эскадрона могли идти по немъ развернутымъ фронтомъ. Соображенія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Какъ только англійская бригада Кромвеля атаковала съ фронта укрѣпленную испанцами дюну, Кастельно быстро пронесся по берегу, обскакалъ 1-ю линію испанцевъ и взнесся на дюны между 1-й и 2-й ихъ линіями. Пользуясь неожиданностью, онъ стремительно ударилъ на нихъ и смялъ. Безпорядокъ праваго крыла быстро сообщился и центру, тѣмъ болѣе, что англійскій флотъ открылъ сильную пальбу.

Одинъ Конде на лѣвомъ испанскомъ флангѣ держался превосходно, нѣсколько разъ сбилъ и смялъ французскую кавалерію и былъ бы въ Дюнкирхенѣ, еслибъ Тюреннь не поспѣшилъ къ своему правому флангу. Отступленіе центра и праваго крыла заставили и Конде участвовать въ

пораженіи. Побѣда Тюренна была полная: 4000 чел. взято ([173]) въ плѣнъ и вскорѣ Дюнкирхенъ сдался.

Въ 3-ю Нидерландскую войну, въ 1690 г., арміею, расположенною во Фландріи, командовалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ эпохи, Люксамбургъ, отличавшійся необыкновенною быстротою тактическихъ соображеній, искусствомъ маневрированія большими массами и рѣшительностью искать бой, когда, при тогдашней системѣ войнъ и осадъ, всѣ отъ него болѣе или менѣе уклонялись. Всѣ сраженія, данныя Люксамбургомъ, имъ выиграны, но онъ никогда не умѣлъ воспользоваться побѣдою.



Испанская армія принца Вальдека, силою въ 37 т. ч. (38 бат., 38 эск., 50 ор.), заняла довольно крѣпкую позицію близъ Флеруса; правый флангъ упирался въ селеніи Ванжени, лѣвый въ с. Аманъ, фронтъ прикрытъ былъ ручьемъ, текущимъ въ глубокомъ руслѣ. Артиллерія была выгодно поставлена передъ фронтомъ первой линіи; но неудобства позиціи заключались въ томъ, что лѣвое крыло могло быть обойдено. Когда французская армія, силою въ 39000 чел. (37 бат., 80 эскад., 70 оруд.), въ 5 колоннахъ (двѣ внѣшнія изъ кавалеріи, слѣдующія двѣ пѣхотныя и средняя изъ артиллеріи) приблизилась къ этой позиціи, Люксамбургъ, обрекогносцировавъ ее, рѣшился обойти непріятеля· 6 батал. французовъ заняли Флерусъ; въ тоже время пѣхота окаймила ручей, текущій отъ этой деревни къ Линьи, а кавалерія лѣваго фланга развернулась по обѣ стороны Флеруса. Три батареи, по 10 орудій каждая, расположились впереди этой линіи. Все наводило на мысль о фронтальной атакѣ. Между

тѣмъ Люксамбургъ лично сталъ во главѣ войскъ праваго фланга, оставшихся въ колоннахъ, и двинулся на линіи противъ лѣваго фланга непріятеля, прикрываясь высокими хлѣбами на пашняхъ и складками мѣстности. Противникъ, замѣтя, наконецъ, обходъ, выдвинулъ часть своей 2-й линіи подъ острымъ угломъ къ лѣвому флангу и поддержалъ ихъ изъ резерва. Люксамбургъ, предвидѣвшій возможность разрыва между своимъ обходившимъ правымъ флангомъ и центромъ, послалъ изъ 2-й линіи къ Ванеле и с. Аману 9 баталіоновъ; кромѣ того 30 орудій направили свой огонь на непріятельскій флангъ и уступъ. Высланная Вальдекомъ на лѣвый флангъ кавалерія была мгновенно опрокинута и разсѣяна французами. Между тѣмъ въ это время центръ и лѣвый флангъ французовъ были въ свою очередь разбиты и опрокинуты назадъ; но Вальдекъ, потерпѣвъ пораженіе на лѣвомъ флангѣ и опасаясь за сообщенія, не рѣшился преслѣдовать французовъ на своемъ правомъ флангѣ, а потому они вскорѣ тамъ собрались. Не выжидая новой атаки, принцъ Вальдекъ рѣшился предпринять отступленіе и сталъ стягиваться къ центру. Тогда оба фланга французовъ подались впередъ. 14 непріятельскихъ баталіоновъ образовали огромное каре; нѣсколько эскадроновъ пристроились на флангахъ; Люксамбургъ пододвинулъ свои войска и выставилъ нѣсколько орудій. Послѣ двукратной атаки непріятельская кавалерія была разсѣяна, а пѣхота частью истреблена, частью сдалась или разбѣжалась ([174]).

Такимъ образомъ, побѣдою Люксамбургъ обязанъ былъ своей фланговой атакѣ. Впослѣдствіи, когда позиціонная война сдѣлалась общею въ Европѣ, когда арміи стали располагаться на крѣпкихъ позиціяхъ, фронтъ которыхъ обыкновенно обезпечивался какимъ нибудь сильнымъ естественнымъ препятствіемъ, единственнымъ средствомъ для овладѣнія такими позиціями былъ обходъ ихъ съ фланга, какъ слабѣйшаго пункта. Фридрихъ Великій понялъ эту простую истину и на примѣненіи ея основана была вся тайна его побѣдъ, удивлявшихъ современниковъ. Преслѣдованіе разбитаго непріятеля производилось чрезвычайно слабо и нерѣдко даже способствовали отступленію, держась пословицы: *Il faut faire un pont d'or á l'ennemi qui se retire*. Оступающая армія большею частью двигалась линія черезъ линію.

Военныя дѣйствія продолжались обыкновенно только въ хорошее время года, а затѣмъ арміи располагались по квартирамъ. По словамъ Фридриха II «войну начинаютъ весной, а осенью занимаютъ зимнія квартиры»—правило, допускавшее нерѣдкія исключенія, особенно для отдѣльныхъ операцій, какъ, напримѣръ, нечаянное нападеніе на непріятельское квартирное расположеніе, захватъ крѣпости и т. п. Такія предпріятія тѣмъ чаще удавались, что войска, въ видахъ удобствъ продовольствія, занимали широкія квартиры. Для охраненія послѣднихъ принимались соотвѣтствующія мѣры. О характерѣ послѣднихъ даютъ понятія распоряженія Тюренна въ 1673 году. Разбивъ императорско-

бранденбургскую армію и прогнавъ непріятеля за Рейнъ, Тюреннь занялъ квартиры въ земляхъ епископа Мюнстерскаго. Для обезпеченія своего расположенія, онъ на передовомъ фронтѣ послѣдняго занялъ пѣхотою и кавалеріею всѣ города и прочно въ нихъ утвердился; къ каждому изъ таковыхъ былъ приписанъ окрестный раіонъ для сбора и покупки продовольствія. Тюреннь назначилъ общій сборный пунктъ, гдѣ выбралъ тщательно обрекогносцированную позицію; войска должны были, въ видахъ скорѣйшаго сосредоточенія, изучить пути, ведущіе къ этой позиціи отъ мѣстъ ихъ квартированія (Фёкьеръ).

При расположеніи въ палаткахъ, войска становились какъ въ боевемъ порядкѣ—въ 2 линіи, причемъ баталіоны и эскадроны второй линіи располагались противъ интерваловъ 1-й: офицеры часто помѣщались въ ближайшихъ селеніяхъ. Для обезпеченія войскъ высылали у французовъ впередъ цѣпь пѣхотныхъ полевыхъ карауловъ, силою около 50 челов. каждый, прикрывая ихъ выдвинутыми впередъ кавалерійскими авангардами. Еще далѣе впередъ выдвигалась легкая кавалерія и партизанскіе отряды для развѣдокъ, занятія дефиле, перехвата дезертировъ и т. п. Расположеніе главныхъ силъ прикрывалось часто ретраншаментами, хотя Тюреннь, Конде, Люксамбургъ никогда къ этому не прибѣгали *). Лагери отличались большою правильностью, прорѣзывались продольно и перпендикулярно улицами и т. п. ([176]).

Для лучшаго выполненія развѣдывательной службы въ австрійской арміи, Евгеній Савойскій образовалъ при каждомъ конномъ полку особую роту «Trupp» изъ отборныхъ людей, назначеніе которыхъ заключалось въ противодѣйствіи непріятельскимъ развѣдывательнымъ партіямъ, производствѣ набѣговъ и въ непосредственномъ наблюденіи непріятельскихъ главныхъ силъ. Иногда эти «Trupp» соединялись вмѣстѣ и образовали значительные отряды (до 4—5 тысячъ коней) подъ начальствомъ особаго генерала, съ тою цѣлью, чтобы, занявъ вблизи непріятельскаго лагеря выгодную позицію, наблюдать противника, препятствовать его движеніямъ и прикрывать движенія своихъ войскъ ([177]).

Намъ остается теперь сказать о тактическомъ искусствѣ *русскихъ войскъ*. Вопросъ о боевыхъ порядкахъ въ эпоху предшествовавшую Петру недостаточно разработанъ. Подъ вліяніемъ господствовавшаго въ нашей военной литературѣ отрицательнаго отношенія къ до—петровскому военному искусству (что обусловливалось главнымъ образомъ недостаточнымъ знакомствомъ съ дѣломъ), разсматриваемый вопросъ не считался достой-

*) Въ австрійской арміи для охраненія лагеря высылались на незначительное разстояніе полевые караулы силою въ 200—300 всадниковъ, подъ общимъ начальствомъ обервахтмейстера; отъ нихъ на ночь выставлялись посты изъ капрала и 5—6 нижнихъ чиновъ. При сближеніи съ непріятелемъ высылались еще впередъ на 1—2 часа разстоянія «форпосты» изъ 50—300 всадниковъ; каждый изъ этихъ постовъ связывался съ сосѣднимъ посредствомъ «партіи», высылалъ впередъ по дорогамъ разъѣзды и выставлялъ ведеты (1—2 всадника) ([175])

нымъ изслѣдованія и потому имѣются о немъ лишь самыя поверхностныя свѣдѣнія.

Собранныя на указанныя мѣста войска вмѣстѣ съ огнестрѣльнымъ нарядомъ поступали подъ главное начальство *воеводы большаго полку*. Отъ этаго большаго полку отдѣлялось часть войскъ въ *передовой полкъ* (авангардъ) и часть въ *сторожевой полкъ* (арьергардъ или резервъ арміи), которыми командовали особые воеводы, подчиненные воеводѣ большаго полку. Въ общемъ боевомъ порядкѣ пѣхота, образовавшая центръ, дѣйствовала повидимому пассивно и прикрывалась иногда гуляй городомъ. Активная дѣятельность принадлежала крыльямъ, гдѣ расположена была конница. Послѣдняя дѣйствовала по иррегулярному способу и въ случаѣ неудачи укрывалась за гуляй городомъ ([178]).

Относительно общаго боеваго порядка въ Уставѣ Воинскомъ говорится, что вблизи непріятеля, въ предвидѣніи столкновенія съ нимъ, войска двигаются по «ордеру баталіи, а пушки передъ корпусомъ де-баталіи съ нѣсколькими ящиками раздѣлены быть имѣютъ; кавалерія двигается обыкновенно по обоимъ крыльямъ, а всѣ войска въ двѣ линіи съ резервомъ». Затѣмъ объясняется, что на это положительныхъ правилъ нѣтъ, что «сіе все зависитъ отъ осторожности, искусства и храбрости генерала», который долженъ знать характеръ мѣстности, силы непріятеля и его «обыкновеніе» и сообразно этому «свое дѣло управлять надлежитъ».

Кромѣ Устава Воинскаго существуютъ еще нѣкоторые другіе матеріалы, дающіе возможность придти по разсматриваемому вопросу къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) число боевыхъ линій бывало и болѣе двухъ; съ другой стороны есть случаи, когда всѣ войска строились въ одну линію. Такъ въ 1706 году Петръ указывалъ Брюсу, что если мѣсто не позволитъ росположить войска по ордеру баталіи, то становились-бы: «позади одинъ другаго во столько линій, сколько ширина позволитъ». Въ первый періодъ боя подъ Лѣсной, до прибытія подкрѣпленій, Петръ расположилъ войска въ одну линію; 2) войскамъ указывалась необходимость взаимной выручки въ бою: «но крѣпко смотрѣть чтобъ, другъ друга секундовать», и если непріятель двинется противъ одного крыла, то другое должно было атаковать противника съ тылу и во флангѣ; 3) до Фридрихштадтскаго боя кавалерія строилась на флангахъ боевого порядка въ колоннахъ; впослѣдствіи, въ видахъ большей готовности конницы къ атакѣ, Петръ установилъ развернутый строй для боевой ея линіи, въ резервѣ-же она строилась въ колоннахъ; 4) резервъ по Уставу Воинскому долженъ прикрывать крылья артиллеріи и служить для помощи тамъ, гдѣ наиболѣе вѣроятенъ ударъ противника; 5) для обезпеченія фланговъ тонкихъ боевыхъ линій кромѣ кавалеріи Петръ пользовался какъ гренадерами, такъ и частными поддержками между линіями, подобно тому, какъ это рекомендовалъ и самъ практиковалъ Монтекукули; 6) относительно дѣятельности кавалеріи въ «регулахъ», данныхъ передъ

Фридрихштадтскимъ боемъ, указывалось, чтобы кавалерія не слишкомъ гналась за непріятелемъ, но, разбивъ его, собиралась въ эскадроны и двигалась въ порядкѣ; для преслѣдованія слѣдуетъ ограничиться высылкой лишь небольшихъ частей. Затѣмъ встрѣчается весьма важное указаніе, что, прогнавъ непріятельскую кавалерію, конница должна немедленно искать непріятельскую пѣхоту и атаковать ее во флангъ и тылъ ([179]).

Всѣ распоряженія по исполненію маршей съ развѣдками, охраненію войскъ въ лагеряхъ и на квартирахъ исходили отъ генералъ-квартирмейстера (имѣвшаго помощника, а въ каждой дивизіи по одному оберъ-квартирмейстеру). Чины квартирмейстерской части производили рекогносцировки, дѣлали кроки, составляли диспозиціи, заботились объ исправленіи путей и пр. Всѣ эти обязанности признавались «зѣло трудными». Предвидя разныя претензіи и неудовольствія противъ чиновъ квартирмейстерской части, особенно по отводу квартиръ, петровскій Уставъ указываетъ не обращать на это вниманія: «понеже таковому надлежимъ развѣ рожденну быть впредь, который-бы всѣмъ угодить могъ». Уставъ различалъ два рода походныхъ движеній: въ своей или дружественной странѣ, внѣ возможности встрѣчи съ непріятелемъ и вблизи противника.

Въ первомъ случаѣ высылался авангардъ и арьергардъ не свыше 12 человѣкъ съ капраломъ, а во второмъ двигались въ полной боевой готовности. Походный строй каждый разъ опредѣлялся генералъ-квартирмейстеромъ, причемъ вдали отъ непріятеля войска дѣлились на многія колонны, а вблизи шли возможно сосредоточенно, чтобы одна колонна могла помогать другой. Въ послѣднемъ случаѣ впереди слѣдовалъ авангардъ, значительно усиленный пѣхотою, легкою артиллеріею или половиною кавалеріи. За авангардомъ слѣдовала пѣхота, за нею полевая артиллерія, а остальная половина кавалеріи и обозъ—въ арьергардѣ. При фланговыхъ маршахъ требовалось, чтобы каждая колонна была самостоятельною и пушки были бы распредѣлены по пѣхотнымъ полкамъ ([180]).

Лагерное расположеніе и сторожевая служба въ основныхъ чертахъ были совершенно сходны съ западно-европейскими порядками, какъ это изложено выше. Въ заключеніе замѣтимъ, что армія образовалась изъ дивизій и должна быть такого состава, чтобы непріятеля «во всѣхъ дѣлахъ упреждать и всячески его искать опровергнуть.» Отдѣльныя части арміи назывались корпусами: *резерва* и *корволанта*. Корволантъ или легкій корпусъ выдѣлялся отъ арміи, въ составѣ 6—7 тысячъ пѣхоты и кавалеріи съ легкою артиллеріею, въ зависимости отъ условій мѣстности. Такой силы отрядъ могъ дѣйствовать повсюду свободно и назначался для разныхъ предпріятій въ тылу и на флангахъ непріятеля ([181]).

Инженерное искусство.

Въ началѣ XVII вѣка инженерное искусство находились еще въ младенческомъ состояніи и крѣпости не играли важной роли въ системѣ обороны государственныхъ границъ. Оборона крѣпостей, благодаря несовершенству средствъ атаки и тому, что жители принимали въ ней участіе, имѣла рѣшительный перевѣсъ надъ атакою. Итальянцы славились въ Евромѣ какъ лучшіе мастера въ инженерномъ дѣлѣ и большая часть крѣпостей выстроена была по такъ называемой «итальянской системѣ», состоявшей изъ длинныхъ куртинъ съ короткими флангами, доставлявшими трехъ-ярусную оборону, изъ короткихъ фасовъ, узкихъ и глубокихъ рвовъ и гласиса съ прикрытымъ путемъ съ плацдармами для вылазокъ; впослѣдствіи въ системѣ оборонительныхъ построекъ явились равелины съ редюитами. Осадныя работы заключались въ апрошахъ къ бастіонамъ, которыя велись безъ всякой системы; обороняющійся частыми вылазками уничтожалъ эти работы и такимъ образомъ, заставляя осаждающаго дѣлать ихъ вновь, задерживалъ его подъ огнемъ крѣпостныхъ верковъ. Когда апроши доходили до гласиса—обыкновенно производился штурмъ, гдѣ очевидно обороняющійся имѣлъ всѣ шансы на своей сторонѣ. Въ очерченномъ видѣ инженерное искусство находилось до половины XVII столѣтія. Такова была осада Тіонвиля въ 1643 принцемъ Конде. Впослѣдствіи, по примѣру древнихъ, для обезпеченія себя со стороны вылазокъ и со стороны противной арміи съ поля, начали строить длинныя циркумъ и контръ-валаціонныя линіи. Но когда крѣпости въ глазахъ военныхъ людей начали получать первенствующую важность на театрѣ военныхъ дѣйствій, когда цѣлыя войны начали заключаться въ осадѣ и оборонѣ крѣпостей, инженерное искусство не могло не сдѣлать быстрыхъ шаговъ впередъ, особенно когда опытъ многихъ осадъ, и въ особенности знаменитой осады Кандіи (1667—1669), доказалъ несостоятельность прежней системы укрѣпленія крѣпостей. Явились многіе талантливые представители инженернаго дѣла во Франціи, Голландіи и отчасти въ Германіи, предложившіе новыя системы для расположенія крѣпостныхъ построекъ—Паганъ, Вобанъ (1633—1707), Кегорнъ (1641—1704)—державшіеся прежнихъ итальянскихъ системъ бастіоннаго фронта; Римплеръ и Ландсбергъ—представители тенальныхъ фронтовъ. Мы не будемъ разбирать предложенныя ими системы, а замѣтимъ лишь, что вниманіе этихъ инженеровъ было обращено преимущественно: 1) на неудовлетворительное начертаніе крѣпостныхъ верковъ, въ особенности для веденія дальной артиллерійской обороны; 2) на необходимость надлежащаго закрытія каменныхъ одеждъ; 3) на устройство закрытыхъ помѣщеній противъ постоянно усиливавшагося дѣйствія навѣснаго огня и 4) на устройство, такъ сказать, отдѣльныхъ участковъ для послѣдовательной обороны и редюитовъ для внутренней обороны. Вѣкъ Людовика XIV—

вѣкъ быстраго движенія впередъ инженернаго искусства. Король любилъ войну осадъ, гдѣ жизнь его не подвергалась опасности, гдѣ онъ могъ выказать свои военныя познанія, блистать роскошью двора; въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался, въ особенности когда возлѣ него былъ Вобанъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ инженеровъ, сдѣлавшій совершенный переворотъ въ инженерномъ дѣлѣ, вслѣдствіе котораго атака получала рѣшительный перевѣсъ, который, не смотря на всѣ старанія послѣдующихъ инженеровъ возстановить равновѣсіе, остался до послѣдняго времени. Изобрѣтенная имъ атака, съ небольшими измѣненіями, существуетъ и до настоящаго времени.

Вобанъ, происходя изъ низкаго званія, для котораго въ тотъ вѣкъ закрыто было всякое поприще, вступилъ кадетомъ въ армію Конде и личными качествами заслужилъ офицерскій чинъ въ 1653 году; участвуя при осадахъ крѣпостей Ландресси и Конде, онъ пристрастился къ инженерному дѣлу. Блестящія его способности и знаніе дѣла обратили на себя вниманіе Лувуа и самого короля. Молодому инженеру поручили исправленіе старыхъ крѣпостей и впослѣдствіи постройку новыхъ. Сочиненіе его «Mémoires pour servir d'instruction dans la conduite des sièges» обратило на него вниманіе всей Европы. Знанія его обнаружились и на дѣлѣ, когда посредствомъ изобрѣтенныхъ имъ параллелей крѣпкій Мастрихтъ принужденъ былъ въ 1673 г. сдаться на капитуляцію, на 13 день по открытіи траншей. Съ 1667 г. Вобанъ завѣдуетъ всѣмъ инженернымъ дѣломъ во Франціи, самъ ведетъ всѣ осады и обороны. Но важнѣйшую реформу въ системѣ осадъ крѣпостей сдѣлалъ Вобанъ при осадѣ Ата въ 1697 г., гдѣ изобрѣтенный имъ, вмѣстѣ съ маршаломъ Катина, рикошетный огонь нанесъ рѣшительный ударъ оборонѣ. Вобаномъ построено 33 новыхъ крѣпостей, улучшено 300 старыхъ, причемъ онъ руководилъ 53 осадами. Къ инженерному корпусу стали имѣть невольное уваженіе и Людовикъ XIV еще болѣе возвысилъ его въ лицѣ представителя, сдѣлавъ Вобана въ 1703 г. маршаломъ Франціи.

Рѣшительные успѣхи, пріобрѣтенные атакою надъ обороною дали быстрый толчекъ крѣпостному искусству. Инженеры стали употреблять всѣ усилія, чтобы возстановить потерянное равновѣсіе. Самъ Вобанъ, въ изобрѣтенныхъ имъ траверсахъ, предложилъ средство для предотвращенія гибельнаго дѣйствія рикошетныхъ выстрѣловъ. Въ это же время является искусство дефилированія крѣпостныхъ построекъ. Впослѣдствіи Кармонтель и Мезьерская школа теоретически опредѣлили превышеніе верковъ; Монталамберъ съ тенальною своею системою предлагаетъ вмѣстѣ и казематы для закрытія орудій и прислуги отъ губительнаго огня осаждающаго. Но всѣ усилія систематиковъ оставались тщетными—оборона рѣшительно уступала атакѣ; неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого (такъ какъ крѣпости сдавались очень скоро по открытіи траншей), было отсутствіе надобности въ циркумъ и контрвалаціонныхъ линіяхъ, которыя въ послѣдній разъ являются при осадѣ Турина. Изъ усовершенствованій въ

атакѣ, кромѣ траншейныхъ кавальеровъ, нужно замѣтить употребленіе покрытой сапы, въ первый разъ изобрѣтенной при осадѣ Лиля въ 1708 г.

Самостоятельныхъ инженерныхъ войскъ во Франціи въ вѣкъ Людовика XIV не существовало, потому что минеры и саперы считались въ артиллерійскомъ корпусѣ. Офицеры этого корпуса состояли при штабахъ и раздѣлялись на ingénieurs directeurs, ingénieurs en chef, ingénieurs ordinaires; во главѣ ихъ находился commissaire général des fortifications и directeur général de fortifications. Существовалъ еще особый родъ инженеровъ, назначавшихся исключительно для укрѣпленія береговъ и состоявшихъ въ вѣдѣніи морскаго министерства; но со смертью Сеньелей (Seignelay) въ 1690 г. они перешли въ вѣдѣніе военнаго министерства и тогда только положено основаніе самостоятельному инженерному корпусу, употреблявшемуся какъ при осадѣ и оборонѣ крѣпостей, такъ и сопутствовавшему арміи въ полѣ, исправляя дороги и наводя мосты чрезъ рѣки ([182]).

Минное искусство, благодаря Вобану, изобрѣвшему камуфлеты, и Белидору, сдѣлало не менѣе быстрые шаги впередъ. При осадѣ Кандіи (1667—1669) въ первый разъ употреблены были контръ-мины. Минерныя войска уже давно существовали въ Турціи; во Франціи первая минерная рота сформирована была въ 1679 г. Гулономъ, участвовавшимъ въ оборонѣ Кандіи. Когда онъ перешелъ впослѣдствіи въ австрійскую службу, то и тамъ способствовалъ къ учрежденію минернаго корпуса. Потомъ во Франціи учреждены были 3 роты минеръ, но, какъ мы сказали выше, они состояли при артиллерійскомъ корпусѣ. Инженерный корпусъ въ Австріи учрежденъ при Карлѣ VI. Изъ современныхъ осадъ наиболѣе замѣчательна минною войною осада Турина въ 1706 г., гдѣ французы имѣли въ дѣлѣ 600 минеровъ, и осада Мальборо Турнэ ([183]), вскорѣ сдавшагося вслѣдствіе удачнаго употребленія минъ.

Такъ какъ въ разсматриваемую эпоху осада и оборона крѣпостей составляли важнѣйшія военныя операціи, то намъ необходимо подробнѣе остановиться на усовершенствованіи этого искусства Вобаномъ, геній котораго выдвинулъ инженерное дѣло на недосягаемую до тѣхъ поръ высоту.

При самомъ началѣ своей дѣятельности Вобанъ замѣтилъ важные недостатки тогдашняго способа веденія атаки, а именно: отсутствіе *связи* въ веденіи подступовъ, недостаточное развитіе въ послѣднемъ періодѣ сапныхъ работъ и *слишкомъ большую сосредоточенность* артиллеріи въ одномъ пунктѣ, которая вела преимущественно фронтальный бой. Вслѣдствіе этого Вобанъ при осадѣ Мастрихта въ 1673 г. *соединилъ подступы* между собою посредствомъ *параллелей*, изъ которыхъ первая должна была играть роль контрвалаціонной линіи и служить плацдармомъ для войскъ, а вторая имѣла значеніе линіи батарей. Благодаря этимъ усовершенствованіямъ атаки, крѣпость Мастрихъ сдалась на 10

день послѣ начала осады. *Разсредоточеніе* артиллеріи для *рикошетной* стрѣльбы съ наибольшимъ блескомъ заявило о себѣ въ 1697 г., при осадѣ кр. Атъ, когда въ нѣсколько дней было подбито 83 орудія; это былъ тріумфъ для Вобана, который въ своей системѣ расположенія батарей встрѣчалъ до тѣхъ поръ сопротивленіе и недовѣріе среди артиллеристовъ. Результаты своего обширнаго боеваго опыта Вобанъ изложилъ въ знаменитомъ сочиненіи: «Traité des sièges et de l'attaque des places». Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: Вобанъ требовалъ, чтобы, кромѣ *осаднаго* корпуса, имѣлся еще *обсерваціонный* корпусъ для обезпеченія осады извнѣ. Атакѣ должно предшествовать обложеніе крѣпости кавалеріей, въ 4—5 тыс. коней, причемъ слѣдовало по возможности захватить противника врасплохъ. Затѣмъ сама атака Вобана основывалась на началѣ *охвата*, въ противуположность тому, что было до него, когда артиллерійская и инженерная атаки сами охватывались крѣпостными верками. Далѣе методически расположеннымъ, безпрерывно подвигавшимся впередъ подступамъ, съ сильнымъ занятіемъ ихъ пѣхотою, Вобанъ придалъ *наступательный* характеръ, который прежде имѣли только батареи. Этому наступательному характеру отвѣчала теперь и артиллерійская атака, но не скученная, а раскинутая и охватывающая, чѣмъ и достигалось превосходство надъ противникомъ, а вовсе не многочисленностью орудій. Всѣмъ этимъ была парализована активная оборона пѣхоты, а артиллерійская атака, одновременно поражавшая бастіоны фронтальнымъ, фланговымъ и навѣснымъ огнемъ, быстро уничтожала дальнюю артиллерійскую оборону. Этимъ объясняется почему перевѣсъ перешелъ на сторону атаки, хотя таковой ощущался преимущественно въ первое время осады, и ближайшая оборона, когда атакующій самъ былъ охватываемъ, все еще была довольно сильной.

Относительно *обороны* мнѣнія Вобана представляютъ меньше интереса. Для пѣхоты онъ главнымъ условіемъ считалъ пассивную оборону главнаго вала и прикрытаго пути. Что же касается активной обороны, т. е. вылазокъ, то онъ относился къ нимъ отрицательно, и полагалъ, что ихъ слѣдуетъ производить «рѣдко и съ большою осторожностью», такъ какъ «гарнизонъ нужно сохранять для болѣе важныхъ дѣлъ». Вобанъ первый раздѣлилъ вылазки на большія и малыя, изъ которыхъ послѣднія назначалъ преимущественно противъ ближайшихъ работъ на глассисѣ. Что касается артиллеріи, то, какъ только опредѣлится фронтъ атаки, обороняющійся долженъ поставить всѣ орудія какими только можетъ располагать, но долженъ избѣгать борьбы непосредственно съ непріятельскими батареями. Затѣмъ Вобанъ рекомендовалъ усиленное употребленіе при оборонѣ мортиръ ([184]).

Впрочемъ, Вобану самому не приводилось ни разу обороняться, и оборона велась по извѣстнымъ строго выработаннымъ правиламъ. Губернаторъ крѣпости (комендантъ), при посредствѣ своего штаба, подготовлялъ все необходимое для обороны и для затрудненія приближе-

нія противника; въ то же время онъ принималъ всѣ необходимыя мѣры, чтобы держать въ рукахъ населеніе. Обращалось большое вниманіе на облегченіе вылазокъ противъ непріятельскихъ работъ. Оборона прикрытаго пути велась со всевозможнымъ упорствомъ, такъ какъ потеря его считалась прелюдіемъ сдачи крѣпости. Также отстаивался контръгардъ, гдѣ таковой прикрывалъ собою бастіонъ. Затѣмъ шла защита главной ограды крѣпости. Когда непріятель пробивалъ брешь, тогда на ней сосредоточивалось все искусство, все мужество обороняющагося, и она въ концѣ концовъ отстаивалась грудь къ груди въ отчаянномъ рукопашномъ бою *). Часто за брешью возводили ретраншаментъ или вырывали ровъ позади бреши, наполняя его горючими матеріалами ([185]).

Употребленіе *укрѣпленій въ полѣ* становится общимъ въ арміяхъ этого періода; укрѣпленія эти состояли большею частью изъ непрерывныхъ цѣпныхъ линій, которыми арміи старались прикрыть свой фронтъ, въ особенности въ войнѣ оборонительной. Замѣчательнѣйшими линіями были: между Шельдою и Ли въ 1695 г., вдоль Шпейербаха, 1705; между Вейсенбургомъ и Лаутербургомъ по Лаутеру, 1706; между Штольгофеномъ и Бюлемъ; Шварцвальдская линія герцога Виртембергскаго и пр. Линіи эти состояли изъ редановъ, редутовъ и штерншанцевъ, соединявшихся куртинами; впослѣдствіи редуты вытѣсняютъ всѣ прочіе роды укрѣпленій ([186]).

Такая система укрѣпленій, одинаково слабыхъ повсюду, была ошибкой того времени, но отвѣчала современнымъ стратегическимъ и тактическимъ понятіямъ. Линіи, служа для одной кампаніи, могли при надобности быть исправлены и найти примѣненіе въ новой войнѣ; онѣ, такъ сказать расчленяли театръ войны на нѣсколько операціонныхъ участковъ и заключали внутри себя заранѣе извѣстныя позиціи изъ-за которыхъ боролись и овладѣніе которыми давало видъ успѣха надъ непріятелемъ. Все это вполнѣ характеризуетъ методичность и медленность тогдашнихъ стратегическихъ операцій ([187]).

Во многихъ полевыхъ сраженіяхъ мы видимъ употребленіе линій укрѣпленій, какъ, напримѣръ, въ разсмотрѣнномъ нами сраженіи при Мальплаке. Петръ Великій, какъ увидимъ ниже, въ сраженіи при Полтавѣ впервые употребилъ отдѣльные редуты.

Понтонное искусство тоже подвинулось впередъ. Карлу XII приписываютъ первое наведеніе *понтоннаго моста поворотомъ*. Въ Голландіи изобрѣтены и введены во Франціи понтоны изъ красной мѣди ([188]); но

*) Кенси (Quincy) въ своей «Военной Исторіи Людовика Великаго» разсказываетъ, что при защитѣ Люксамбурга въ 1684 году, въ то время какъ французы бросились на брешь, 15 испанскихъ офицеровъ, всѣ на коняхъ, дебушировали изъ бреши въ ровъ и бросились въ атаку на французскихъ гренадеръ одной изъ атакующихъ колоннъ—всѣ эти офицеры были истреблены въ послѣдовавшемъ бою.

въ Германіи оставались по прежнему большіе деревянные, считавшіеся болѣе удобными для наведенія мостовъ на большихъ рѣкахъ, какъ, напримѣръ, на Рейнѣ и Дунаѣ.

Съ древнѣйшихъ временъ *въ Россіи* существовали *города, городки, остроги* и *острожки*. Важнѣйшіе города имѣли двѣ и болѣе оградъ, образовавшихся постепенно по мѣрѣ увеличенія населенія города. Внѣшнія ограды назывались окольнымъ градомъ, охабнемъ, кромомъ, а внутреннія дѣтинцемъ и кремлемъ. Остроги, встрѣчающіеся на границахъ съ народами малоискусными въ военномъ дѣлѣ, были населенными пунктами, обнесенными оградою изъ тына, заостреннаго сверху; ограды были земляныя, деревянныя и каменныя; первыя—самыя древнія. Для прикрытія войскъ, находившихся на деревянныхъ (вѣнчатыхъ) стѣнахъ, устраивали заборолъ, т. е. брустверъ (съ XVII столѣтія—обламъ, обломъ). Стѣны усиливались башнями, различной формы и въ нѣсколько этажей. Каменныя ограды упоминаются уже съ XI стол. Онѣ располагались полигонально, имѣли башни, были толщиною въ 9—14 и высотою 28—33 ф. и имѣли вершину прикрытую стѣнкою высотою 3—4 ф. Кромѣ воротъ ограды имѣли потайные ходы или *вылазы*. Впереди стѣны тянулся ровъ.

Введеніе огнестрѣльнаго оружія не много повліяло на устройство нашихъ оградъ: стѣны были нѣсколько понижены, но не утолщены. Но за то открытая оборона получила важныя улучшенія: явились въ стѣнахъ нижніе или подошвенные, средніе и верхніе бои. Нижній подошвенный бой состоялъ изъ ряда углубленій или нишей. Устройство средняго боя зависѣло отъ высоты ограды и онъ тоже состоялъ изъ нишей; наконецъ, верхній бой всегда былъ на вершинѣ, которая прикрывалась стѣнкой, сперва сплошной, а впослѣдствіи зубчатой; тамъ же устраивались навѣсныя стрѣльницы (косой бой). Сообщеніе съ вершиною стѣны производилось посредствомъ каменныхъ и деревянныхъ лѣстницъ (всходы, влазы). На вершинѣ стѣны дѣлалась крыша и этотъ крытый ходъ могъ дѣлиться перегородками, образуя *клѣти*. Башни были разнообразной формы, но круглыя и четыреугольныя предпочитались другимъ. Башни назначались не для фланговой обороны, а для усиленія обороны стѣны. На вершинѣ ихъ была площадка, прикрытая парапетомъ.

Ровъ, называвшійся въ старину *гроблею*, окружалъ каменную стѣну съ той стороны, которая была доступна атакѣ; онъ отдѣлялся отъ подошвы стѣны бермою въ 1—7 саж., что давало возможность обстрѣливать его фронтальнымъ огнемъ съ вершины стѣны. Монастырскія ограды, оказывавшія иногда врагу рѣшительное сопротивленіе, имѣли въ общемъ такое же устройство какъ городскія. Съ 1618 г. у насъ стали появляться земляныя ограды, заимствованныя изъ новѣйшей фортификаціи; способъ укрѣпленія принадлежалъ къ разряду голландскихъ системъ того времени и состоялъ изъ малыхъ бастіоновъ съ фланками, перпендикулярными къ длиннымъ куртинамъ; ровъ наполнялся водою; контръ-эскарпъ не имѣлъ гласиса. Описанный образецъ былъ одобренъ Михаиломъ Федоровичемъ. Впрочемъ, крѣпости новаго типа въ до-петровской Руси были лишь рѣдкимъ исключеніемъ.

Необходимо упомянуть о *сторожевыхъ линіяхъ*, игравшихъ весьма важную роль. Это были длинныя, непрерывныя линіи, причемъ на мѣстахъ открытыхъ онѣ состояли изъ вала со рвомъ впереди. Это—*валъ, черта*; въ странахъ лѣсистыхъ линіи образовались изъ лѣсныхъ заваловъ—это *засѣчныя линіи* или *засѣки* (9—30 саж.) По протяженію сторожевыхъ линій располагались города, городки, остроги, острожки, доставлявшіе имъ болѣе сильную самостоятельную оборону. Позади засѣчной линіи пролагалась дорога для удобнаго сообщенія между частями этой линіи.

Полевыя укрѣпленія съ древнѣйшихъ временъ были извѣстны нашимъ предкамъ и состояли изъ земляныхъ валовъ со рвомъ, полигональнаго или неправильнаго очертанія, сообразно видоизмѣненіямъ мѣстности. Иногда ограда усиливалась расположеніемъ на верху тына или кольевъ. Къ числу старинныхъ полевыхъ оградъ

слѣдуетъ отнести *осѣки* или ограды изъ срубленныхъ деревьевъ, устраивавшіяся вблизи лѣсовъ или въ лѣсахъ. Вообще полевые окопы имѣли преимущественно сомкнутое очертаніе и располагались для взаимной обороны, сообразно современнымъ понятіямъ. Съ развитіемъ огнестрѣльнаго оружія, орудія сначала помѣщались на мѣстномъ горизонтѣ; для прикрытія ихъ служили большіе туры, которые можно было возить въ обозѣ, такъ какъ число орудій для обороны окоповъ, было незначительно. Съ введеніемъ орудій на валу долженъ былъ вмѣсто тына и т. п. возводиться брустверъ; можно думать, что орудія помѣщались въ исходящихъ частяхъ укрѣпленій. Одновременно съ введеніемъ въ употребленіе орудій при оборонѣ полевыхъ окоповъ явилась у насъ весьма своеобразная подвижная ограда подъ названіемъ *гуляй-городъ* (или градъ-обозъ). Это былъ подвижный деревянный городокъ, слѣдовавшій за войсками въ обозѣ. Въ первый разъ о немъ упоминается въ 1530 году ([189]). Флетчеръ такъ описываетъ гуляй-городъ и его употребленіе: «Въ войнѣ оборонительной, или въ случаѣ сильнаго нападенія татаръ на русскую границу, войско сажаютъ въ походную или подвижную крѣпость (называемую вежа или гуляй-городъ), которая возится при немъ подъ начальствомъ воеводы *гулеваго* (или разъѣзднаго генерала). Эта походная или подвижная крѣпость такъ устроена, что, смотря по надобности, можетъ быть растянута въ длину на одну, двѣ, три, четыре, пять, шесть *), семь миль, именно на сколько ее станетъ. Она заключается въ двойной деревянной стѣнѣ, защищающей солдатъ съ обѣихъ сторонъ какъ съ тылу, такъ и спереди, съ пространствомъ около 3 ярдовъ между той и другой стѣной, гдѣ они могутъ не только помѣщаться, но также имѣютъ довольно мѣста, чтобъ заряжать свои огнестрѣльныя орудія и производить изъ нихъ пальбу, равно какъ и дѣйствовать всякимъ другимъ оружіемъ... Стѣны крѣпости смыкаются на обоихъ концахъ и снабжены съ каждой стороны отверстіями, въ которыя выставляются дула ружей, или какое либо другое оружіе. Ее возятъ вслѣдъ за войскомъ, куда бы оно ни отправлялось, разобравъ на составныя части и разложивъ ихъ на телѣги, привязанныя одна къ другой и запряженныя лошадьми, коихъ однако не видно, потому что онѣ закрыты поклажей какъ бы навѣсомъ. Когда привезутъ ее на мѣсто, гдѣ она должна быть поставлена (которое заранѣе избираетъ и назначаетъ гулевой воевода), то раскидываютъ, по мѣрѣ надобности, иногда на одну, иногда на двѣ, а иногда на три мили или болѣе. Ставятъ ее очень скоро, не нуждаясь притомъ ни въ плотникѣ, ни въ какомъ либо инструментѣ, ибо отдѣльныя доски такъ сдѣланы, чтобы прилаживать ихъ одну къ другой, что нетрудно понять тѣмъ, коимъ извѣстно, какимъ образомъ производятся всѣ постройки у русскихъ. Эта крѣпость представляетъ стрѣляющимъ хорошую защиту противъ непріятеля, особенно противъ татаръ, которые не берутъ съ собою въ поле ни пушекъ, ни другихъ орудій, кромѣ меча, лука и стрѣлъ. Внутри крѣпости ставятъ даже нѣсколько полевыхъ пушекъ, изъ коихъ стрѣляютъ, смотря по надобности» ([190]). Было ли это самостоятельное изобрѣтеніе русскихъ или предки наши заимствовали идею такого укрѣпленія у гусситовъ—трудно сказать, нельзя впрочемъ не замѣтить, что обозная крѣпость у Жижки состояла изъ *повозокъ*, съ прикрывающими подъ кузовомъ досками и обороняемыхъ людьми, помѣщавшимися частью на повозкахъ съ большими прикрывавшими ихъ щитами—павезами. Кромѣ того обозная крѣпость Жижки могла производить и наступательныя движенія, причемъ ей легко придавались самыя разнообразныя формы, обращавшія ее въ гибельный лабиринтъ для непріятеля, попавшаго внутрь ея. Такимъ образомъ, нашъ гуляй-городъ довольно существенно отличался отъ гуситской обозной крѣпости.

*) Такимъ образомъ, показаніе Флетчера противорѣчитъ предположенію Ласковскаго, будто-бы гуляй-городъ не могъ быть значительныхъ размѣровъ и служилъ лишь для прикрытія опорныхъ пунктовъ.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть объ употреблявшихся въ полевой войнѣ *гассарахъ*; гассаръ—это доски съ дверями (которыми прикрывались отъ непріятеля и сквозь отверстія которыхъ стрѣляли) или же подвижной тынъ съ бойницами.

Преградами служили еще *рогатки* и *быки* или наклонный палисадъ. Съ XVII столѣтія у насъ появляются полевые окопы новой фортификаціи, называемые *шанцами*. Вѣроятно они состояли изъ 4-угольныхъ редутовъ, имѣвшихъ небольшой толщины брустверъ, въ грудную высоту, у внутренней отлогости котораго помѣщался палисадъ; въ такомъ видѣ полевые редуты напоминали прежніе полевые остроги. При осадѣ русскими Смоленска въ 1632 году встрѣчается употребленіе окоповъ въ видѣ цѣпныхъ непрерывныхъ линій, составленныхъ изъ фронтовъ различнаго начертанія, а также сомкнутыхъ укрѣпленій съ бастіонами и полубастіонами.

Впрочемъ новыя укрѣпленія устраивались преимущественно иноземцами, служившими у насъ; сами-же русскіе нерѣдко обращались къ полевымъ городкамъ прежняго типа (осада Соловецкаго монастыря, 1677 г.).

Что касается *атаки укрѣпленныхъ городовъ*, то введеніе огнестрѣльнаго оружія не произвело въ теченіи долгаго времени никакихъ существенныхъ измѣненій въ ея старинныхъ пріемахъ. Объясняется это отсутствіемъ при осадной артиллеріи свѣдущихъ мастеровъ дѣла, слабымъ вооруженіемъ орудіями непріятельскихъ городовъ, что давало возможность съ успѣхомъ обращаться къ штурму, и недостаткомъ вообще инженерныхъ познаній. Такимъ образомъ, до Ивана Грознаго измѣнились только разрушительныя средства, но характеръ осадъ остался прежній. Подступивъ къ укрѣпленному городу, русскіе окружали его со всѣхъ сторонъ, размѣщали орудія въ отдѣльныхъ батареяхъ и открывали огонь по оградѣ. Нанеся непріятельской артиллеріи или городской оградѣ достаточный вредъ, обращались къ приступу. Въ случаѣ же невозможности произвести подобную атаку или же если желали избѣжать кровопролитія, замѣняли атаку блокадою, которую лѣтописцы обозначали выраженіемъ: «стать статьемъ на выстоянье». Произведенная Иваномъ IV осада Казани въ 1552 г. превосходила по искусству ея веденія не только всѣ предшествовавшія, но и послѣдовавшія осады. Въ этомъ блистательномъ подвигѣ русскихъ войскъ много принадлежало личному искусству царя. Предварительно онъ сооружилъ вблизи Казани укрѣпленный пунктъ—г. Свіяжскъ; это дало возможность войскамъ тамъ оставленнымъ, въ теченіи зимы, предшествовавшей осадѣ, покорить многія изъ племенъ Казанскаго царства, а войска, назначенныя для осады, нашли тамъ, послѣ продолжительнаго и труднаго похода, пріютъ. Предвидя заранѣе всѣ трудности овладѣнія Казанью, которая была не простымъ укрѣпленнымъ городомъ, а столицею царства, Иванъ собралъ многочисленныя войска и средства, вполнѣ отвѣчавшія важности предпріятія. Главныя дѣйствія атаки онъ основалъ на подкопахъ, неизвѣстныхъ татарамъ, и противъ которыхъ они ничего предпринять не могли. Затѣмъ царь рѣшительно направлялъ всѣ дѣйствія своею волею и придалъ имъ извѣстный порядокъ, послѣдовательность и направленіе.

Что касается инженернаго искусства въ этой осадѣ, то оно носитъ переходный характеръ отъ старыхъ къ новымъ пріемамъ. Для осады была употреблена многочисленная артиллерія и въ тоже время привезены были башни и другія старинныя принадлежности осады, уже оставленныя западными народами.

Вмѣсто циркумъ и контрвалаціонныхъ линій, входившихъ тогда въ употребленіе, русскіе прибѣгали къ тыну и турамъ. Тутъ въ первый разъ были употреблены траншеи и подступы велись весьма медленно и неискусно. Въ близкомъ разстояніи отъ городской стѣны была устроена громадная башня, которая съ большимъ удобствомъ, безопасностью и съ меньшей затратой силъ и средствъ могла бы быть замѣнена земляннымъ кавальеромъ. Въ послѣдующее время осады производились опять по старому способу. Михаилъ Федоровичъ, заимствуя многое у иностранцевъ, заботился также и о вызовѣ свѣдущихъ инженеровъ. Вскорѣ это средство

дало удовлетворительные результаты. Осады Смоленска (1632) и Риги (1656 г.) показываютъ, что русскіе достаточно усвоили себѣ западноевропейскіе пріемы осады («взять взятьемъ»). Если на практикѣ обнаруживались еще недостатки и несовершенства, то это объясняется недостатками теоретическихъ свѣдѣній, для развитія которыхъ не было ни школъ, ни печатныхъ пособій. *Оборона* укрѣпленныхъ городовъ въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ находилась на высокой степени совершенства. Весьма часто многочисленный непріятель, обладавшій огромными средствами для осады, отступалъ, не достигнувъ никакихъ успѣховъ въ своихъ предпріятіяхъ. Въ этомъ дѣлѣ главнѣйшую роль играли извѣстныя моральныя свойства русскаго народа, а затѣмъ и пріемы инженернаго искусства. Оборона почти всегда (начиная съ героическихъ дѣйствій Святослава подъ Доростоломъ), была наступательная, активная; вылазки принимали иногда характеръ сраженій, причемъ защитники дѣлились на двѣ части: одна обороняла стѣны, а другая ходила на вылазки. До начала осады исправляли всѣ поврежденія, заграждали ненужные и ограждали оставляемые выходы, заботились о водѣ, запасахъ, располагали искусственныя препятствія для удержанія непріятеля подъ выстрѣлами, жгли предмѣстья, жители которыхъ удалялись въ городъ и т. п. Не довольствуясь защитою заранѣе построенныхъ оградъ, сооружали во время осады, внутри города, другія временныя, за которыми защищались съ неменьшимъ упорствомъ. Огнестрѣльныя орудія, подобно метательнымъ машинамъ, помѣщались въ башняхъ закрыто и на платформахъ, такъ какъ стѣны по малой ширинѣ ихъ на верху были къ тому не пригодны. Для орудій самаго малаго калибра устраивали или малыя башни между большими, или подошвенный бой. Впослѣдствіи орудія помѣщались на раскатахъ, болѣе обширныхъ чѣмъ башни, но и на ихъ валгангахъ могло помѣщаться не больше орудій чѣмъ въ башняхъ, имѣвшихъ нѣсколько этажей (Смоленскъ въ 1651 г., при оградѣ въ 5 верстъ, имѣлъ на ней 106 орудій). Орудія были вообще малыхъ калибровъ, что объясняется тѣмъ, что дѣйствіе изъ такихъ орудій противъ приступа было легче нежели изъ тяжелыхъ; помѣщеніе большихъ орудій въ башняхъ могло казаться опаснымъ.

Большая часть городовъ имѣли служилыхъ людей, которые въ военное время причислялись къ гарнизону и распредѣлялись на равнѣ съ другими войсками. Это были: городовые стрѣльцы, пушкари, пищальники, затинщики, воротники, плотники, кузнецы, разсыльщики, а на сторожевыхъ линіяхъ—сторожи *). Вообще служилые люди въ городахъ и сторожевыхъ линіяхъ образовали родъ кадровъ, которые въ минуту опасности пополнялись городскими и окрестными жителями или войсками, приходившими на помощь. Всѣ защитники городовъ въ совокупности назывались *осадными людьми* и *сидѣльцами*. Они, какъ вышеупомянуто, раздѣлялись на 2 части. Въ большихъ городахъ оборона наружной награды ввѣрялась нѣсколькимъ воеводамъ, изъ которыхъ каждый вѣдалъ своею частью, подчиняясь главному воеводѣ. Каждый изъ такихъ участковъ дѣлился на меньшіе, ввѣрявшіеся головамъ: *осадным и объѣзжим* (первые имѣли большое значеніе и исполняли обязанности комендантовъ въ острогахъ). Снаряды подносили жители, не входившіе въ составъ гарнизона. Веденныя въ это время обороны Пскова, Троицкой лавры, Смоленска, показываютъ, что: 1) разбросанная и слабая артиллерія обороняющагося производила слабое дѣйствіе; 2) это обстоятельство еще болѣе побуждало къ вылазкамъ,

*) Засѣчные сторожа при засѣкахъ составляли военныя поселенія. Передъ засѣками, значительно впереди, выставлялись посты. Въ случаѣ опасности эта постоянная стража усиливалась *подымовными людьми*, которыхъ набирали изъ ближайшихъ селеній, а иногда и подходившими на помощь войсками. Засѣчные сторожа находились въ вѣдѣніи засѣчныхъ головъ, а главное начальство надъ засѣками ввѣрялось воеводамъ.

которыя отважно производились тамъ, гдѣ средства это позволяли; 3) подземная оборона играла большую роль во всѣхъ помянутыхъ осадахъ, причемъ при оборонѣ Смоленска она ведется русскими весьма искусно.

Иноземцы, пріѣзжавшіе къ намъ строить крѣпости, назывались *горододѣльцами*, а впослѣдствіи *инженерами*, только разъ встрѣчается названіе *городоваго смышленика*; поэтому ошибочно предполагаютъ, что у насъ были размыслы—названіе *Размысла* было дано Иваномъ IV одному иноземцу, принимавшему дѣятельное участіе въ осадѣ Казани въ 1552 г.; одно изъ современныхъ сказаній называло его даже: «дохтуръ именемъ Размыслъ» (191).

Петръ Великій въ своихъ преобразованіяхъ инженерной части въ Россіи, преслѣдовалъ слѣдующія основныя цѣли: 1) ввести во всеобщее употребленіе современный способъ укрѣпленій; 2) основать корпусъ собственныхъ инженеровъ; доставивъ имъ всѣ средства для теоретическаго и практическаго образованія; 3) примѣнить укрѣпленные пункты наивыгоднѣйшимъ образомъ къ оборонѣ государства; 4) популяризировать по возможности свѣдѣнія по инженерной части.

По обыкновенію Петръ началъ самъ съ тщательнаго изученія дѣла, первоначально подъ руководствомъ Тимермана и затѣмъ вскорѣ нашелъ довольно обширное практическое приложеніе своимъ знаніямъ въ потѣшныхъ играхъ, а потомъ въ маневрахъ, между которыми особенно извѣстенъ «Кожуховскій походъ». Эти маневры указываютъ, что въ инженерной техникѣ не только наши военачальники, но и иноземцы, бывшіе на нашей службѣ, отстали отъ запада и что изобрѣтенія и усовершенствованія предложенныя Вобаномъ были у насъ еще неизвѣстны. Послѣдовавшая въ 1695 г. первая осада Азова, является предпріятіемъ плохо соображеннымъ, задуманнымъ съ малыми матеріальными средствами и выполненнымъ съ малымъ знаніемъ дѣла. Крѣпость не была вполнѣ обложена и обороняющійся могъ получать подкрѣпленія во все время осады. Слабость осаднаго корпуса подвергала непріятельскимъ нападеніямъ его тылъ и сообщенія; не было людей достаточно свѣдущихъ въ дѣлѣ; траншейныя работы велись несообразно и вылазки непріятеля нашли себѣ мѣсто; подземныя работы велись неудовлетворительно. Не смотря на то, что власть объединялась формально въ рукахъ царя, но, вслѣдствіе его молодости и неопытности, въ осадномъ корпусѣ, раздѣленномъ на 3 самостоятельные отряда, не было единства въ дѣйствіяхъ. — Осада Азова въ 1696 г. тоже обнаружила недостатокъ въ свѣдущихъ инженерахъ, вслѣдсвіе чего Петръ, возвратившись въ Москву, распорядился отправкой заграницу молодыхъ дворянъ для изученія «инженерства». Лично Петръ совершенствовался въ познаніи дѣла во время своего путешествія заграницею. Но дѣло это шло медленно, а между тѣмъ вскорѣ открылась Сѣверная война, которая хотя дала обширную практику нашимъ войскамъ, но все таки пришлось вести это дѣло при весьма скудныхъ теоретическихъ познаніяхъ. Затѣмъ самый характеръ тогдашнихъ крѣпостныхъ оградъ много способствовалъ успѣш-

ному окончанію почти всѣхъ осадъ. Русскіе, пользуясь возможностью поражать съ дальняго разстоянія высокія каменныя стѣны, производили преждевременные обвалы, уничтожали огонь фланкирующихъ частей и тѣмъ избавлялись отъ производства вѣнчанія гласиса и постройки на немъ батарей, т. е. отъвсѣхъ ближайшихъ работъ, требовавшихъ большаго искусства. Окончательныя дѣйствія осадъ основывались на мужествѣ и храбрости войскъ, а не на инженерномъ искусствѣ; постоянно встрѣчаются штурмы при помощи лѣстницъ, сопровождавшіеся блестящими успѣхами, но стоившіе многихъ жертвъ. Тѣмъ не менѣе и эти ускоренныя осады были продолжительны—отъ недостатка въ орудіяхъ, несвоевременной ихъ доставки, дурной организаціи осадной артиллеріи и недостатка знающихъ людей. За неимѣніемъ собственныхъ инженеровъ, приходилось прибѣгать къ иностраннымъ. Выборъ ихъ зависѣлъ отъ многихъ случайностей и если Петръ говорилъ, что «доволенъ и тѣмъ, если, по примѣру апостоловъ, между одиннадцатью хорошими чужеземцами найдется одинъ негодяй», то на практикѣ это отношеніе сильно измѣнялось въ худшую сторону. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить и незнаніе иноземцами русскаго языка, и тогда станетъ понятнымъ, что въ царствованіе Петра эти иностранцы хотя и оказывали пользу какъ инженеры—строители, образователи юношества и т. п., но ни одинъ не пріобрѣлъ извѣстности какъ военный инженеръ. Весьма часто, не смотря на присутствіе не малаго числа иностранныхъ элементовъ, должности ихъ исправляли бомбардирные оберъ и унтеръ-офицеры, а также тѣ изъ офицеровъ, которые имѣли хотя кое какія познанія въ инженерномъ искусствѣ.

Что касается крѣпостей, построенныхъ Петромъ Великимъ, то онѣ имѣли характеръ болѣе временныхъ чѣмъ постоянныхъ укрѣпленій; это въ особенности выражалось небольшимъ протяженіемъ фронтовъ укрѣпленій, отсутствіемъ каменныхъ одеждъ и т. п. Петръ Великій, вводя въ употребленіе способы укрѣпленія новѣйшей фортификаціи, вовсе не держался ихъ рабски, а примѣнялъ лишь тамъ, гдѣ дѣйствительно этого требовала обстановка. Тамъ же, гдѣ необходимо было прикрыться отъ мало свѣдущихъ народовъ, онъ употреблялъ старинный способъ укрѣпленія (въ Воронежѣ—деревянный замокъ, въ Сибири—остроги и т. п.).

Ни одна изъ начатыхъ Петромъ крѣпостей не была вполнѣ окончена, вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ, денежныхъ недостатковъ и военныхъ успѣховъ, позволявшихъ разсчитывать болѣе на побѣды въ полѣ, нежели заботиться о крѣпостяхъ.

Со введеніемъ крѣпостей для защиты государства русскіе не отказались отъ употребленія прежнихъ средствъ укрѣпленныхъ линій и засѣкъ, подтвержденіемъ чему могутъ служить: возведеніе постоянной Царицынской линіи, постройка временныхъ линій и засѣки на юго-западной границѣ и, наконецъ, строгія приказанія о поддержаніи Тульскихъ засѣкъ ([192]).

Линіи эти долго еще носили прежній характеръ, т. е. состояли изъ

непрерывной ограды земляной или лѣсной, подкрѣпленной крѣпостцами, фельдшанцами, редутами и форпостами. Недостатки такихъ непрерывныхъ линій нынѣ хорошо извѣстны и нѣтъ надобности останавливаться на нихъ. Первый шагъ къ измѣненію характера въ расположеніи пограничныхъ линій, сдѣланъ былъ лишь при возведеніи Оренбургской (1739) и Сибирской (1752 г.) линій. Онѣ состояли изъ однихъ отдѣльныхъ опорныхъ пунктовъ, различной величины и силы, отстоявшихъ на столь близкомъ разстояніи другъ отъ друга, что дали возможность пограничной стражѣ охранять промежутки частыми конными разъѣздами ([193]).

Относительно *полевыхъ скоповъ* въ Петровскую эпоху слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на наступательный характеръ войнъ, веденныхъ Петромъ Великимъ, укрѣпленія этого рода находили довольно частое примѣненіе. Объясненія такому явленію слѣдуетъ искать въ томъ, что, преслѣдуя обширныя военно-политическія цѣли, Петръ долженъ былъ вести наступательныя войны, но съ другой стороны, имѣя армію молодую, имъ самимъ образованную и, въ лицѣ главнаго противника,— войска весьма искусныя, во главѣ которыхъ стоялъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ воиновъ, Петръ нерѣдко долженъ былъ занимать въ тактическомъ смыслѣ оборонительное положеніе.

Такимъ образомъ, Сѣверная война даетъ много случаевъ употребленія полевыхъ укрѣпленій. Такъ въ 1705 г., перенеся театръ войны изъ Прибалтійскаго края по направленію къ Польшѣ, русскіе, въ числѣ 35,000, расположились зимою на квартирахъ въ Литвѣ въ окрестностяхъ Гродно. Городъ этотъ назначенъ былъ мѣстомъ сбора войскъ, на случай наступательныхъ дѣйствій непріятеля, и устроенъ тамъ укрѣпленный лагерь. Ограда послѣдняго представляла цѣпную линію, хорошо приспособленную къ оборонѣ скатовъ и впередилежащей мѣстности; юго-восточная ея часть, какъ наиболѣе подвергавшаяся нападенію, заключала въ себѣ двойную линію укрѣпленій, изъ которыхъ внутренняя по мѣстному положенію, командовала внѣшней. На протяженіи восточной ограды находился сомкнутый окопъ для внутренней обороны лагеря. Въ составъ сѣвернаго и отчасти сѣверо-западнаго фронтовъ вошли частью отдѣльныя строенія, которыя были приспособлены къ оборонѣ. Часть лагеря, обращенная къ Нѣману, не была укрѣплена, но для обезпеченія перехода войскъ на лѣвый берегъ устроены были укрѣпленія. Монастыри и нѣкоторыя прочныя зданія, вѣроятно, входили въ систему внутренней обороны лагеря. Фронтъ позиціи представлялъ сильную перекрестную оборону для впереди лежащей мѣстности. Цѣпная непрерывная линія отвѣчала строгой оборонѣ, которая исключительно имѣлась въ виду въ настоящемъ случаѣ. Сила расположенія укрѣпленнаго лагеря заставила Карла XII отказаться отъ атаки его открытою силою, и онъ рѣшился обратиться къ маневру—отрѣзать русскимъ войскамъ сообщеніе съ Рос-

сію; но мудрыя распоряженія Петра спасли армію и ей удалось избѣжать катастрофы.

Съ перенесеніемъ театра войны на юго-западную границу, Петръ обратилъ вниманіе на приведеніе въ оборонительное положеніе, посредствомъ временныхъ укрѣпленій, болѣе открытой ея части между Псковомъ, Смоленскомъ, Брянскомъ и далѣе. Линіи эти, устроенныя въ 1706—1708 гг., состояли изъ засѣкъ въ 150—300 ш. шириною и сплошныхъ валовъ, прерываемыхъ лишь непроходимыми болотами и большими дорогами, причемъ проѣзды прикрывались лючетами или флешами, съ палисадами, рогатками и шлагбаумами. Позади линіи устроена была дорога шириною въ 90 ш. Для защиты этихъ громадныхъ линій назначалась стража изъ крестьянъ, вооруженныхъ косами, рогатками и т. п., и особый отрядъ изъ 5 т. пѣхоты и 3 т. кавалеріи. Линіи эти должны были охранять «не отъ стройнаго войска, но отъ набѣговъ» мелкихъ партій.

При Головчинѣ въ 1708 году, фронтъ позиціи былъ усиленъ укрѣпленіями, представлявшими въ общемъ начертаніи непрерывную линію ломаннаго расположенія, которое на всемъ протяженіи доставляло впередилежащей мѣстности сильную фронтальную, а мѣстами и фланковую оборону. Въ шести мѣстахъ линія поддержана была отдѣльно помѣщенными батареями. Линіи укрѣпленій, какъ-бы раздѣленныя на участки этими батареями, не примыкали къ нимъ непосредственно, но или простирались далѣе, или не доходили до нихъ, образуя удобные выходы для наступательныхъ дѣйствій войскъ. Всѣ укрѣпленія были отлично приспособлены къ сильному обстрѣливанію впередилежащей мѣстности, а отдѣльное расположеніе батарей, вполнѣ заслуживаетъ вниманія по цѣлесообразной его оригинальности и самостоятельному характеру, въ отличіе западно-европейскихъ образцовъ того времени.

Самостоятельность генія Петра выразилась вполнѣ при укрѣпленіи Полтавской позиціи. Тамъ, между прочимъ, было построено 6 редутовъ, въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другого. Во время сраженія въ нихъ находилось 2 баталіона, а позади ихъ часть кавалеріи. Перпендикулярно къ фронту редутовъ были построены еще 4 редута, одинъ передъ другимъ. Такимъ образомъ, общее расположеніе укрѣпленій отвѣчало какъ истиннымъ требованіямъ обороны, такъ и служило опорой при наступательномъ предпріятіи противъ шведовъ. Подробнѣе съ этой позиціей мы ознакомимся ниже, при описаніи Полтавскаго сраженія. Теперь же ограничимся лишь замѣчаніемъ, что такой способъ укрѣпленія позиціи представлялъ совершенно новое явленіе, вовсе неизвѣстное на западѣ (194).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ полевомъ окопномъ дѣлѣ Петръ Великій пользовался не только тѣми формами и системами укрѣпленій, которыя существовали на западѣ, но обнаружилъ вмѣстѣ съ тѣмъ такую самостоятельность въ этой отрасли военнаго искусства, которая была оцѣнена лишь впослѣдствіи. Первымъ, кто понялъ значеніе инженерной

подготовки Полтавскаго поля сраженія былъ извѣстный полководецъ, маршалъ Морицъ Саксонскій Въ его извѣстномъ сочиненіи: «Mes rêveries»(135), онъ даетъ слѣдующую оцѣнку петровскимъ редутамъ: «До Полтавскаго сраженія арміи Карла XII, шведскаго короля, были всегда (?) побѣдоносны. Превосходство ихъ надъ москвитянами почти невѣроятно: часто 10—12 т. шведовъ вытѣсняли изъ ретраншаментовъ 50—60—80 т. москвитянъ, разстроивали и разбивали ихъ. Шведы никогда не справлялись сколько русскихъ, но лишь гдѣ они. Царь Петръ, величайшій человѣкъ своего вѣка, противодѣйствовалъ съ постоянствомъ равнымъ величію его генія, неудачамъ этой войны и не переставалъ давать сраженія для того, чтобы дать боевую опытность своимъ войскамъ. Во время испытываемыхъ имъ неудачъ, шведскій король предпринялъ осаду Полтавы. Царь созвалъ военный совѣтъ, на которомъ мнѣнія раздѣлились. Одни желали обложить шведскаго короля арміей, которая должна устроить обширные ретраншаменты, чтобы заставить непріятеля отступить; другіе генералы желали выжечь страну на 100 лье кругомъ, чтобы заморить голодомъ шведскаго короля и его армію. Это мнѣніе, по моему, не было лучше, но царь къ нему склонялся. Нѣкоторые генералы говорили, что къ этому способу всегда можно будетъ прибѣгнуть, но что слѣдуетъ еще отважиться на битву, такъ Полтава можетъ пасть передъ настойчивостью короля, и онъ найдетъ тамъ большой магазинъ, который дастъ ему возможность пройти черезъ пустыню, которой намѣревались его окружить. Остановились на этомъ рѣшеніи. Тогда царь сказалъ: «такъ какъ мы рѣшились сражаться, то необходимо согласиться о способѣ и выбрать лучшій. Шведы пылки, хорошо дисциплинированы, хорошо обучены и искусны; наши войска обладаютъ стойкостью, но они не имѣютъ указанныхъ преимуществъ, поэтому необходимо сдѣлать послѣднія для шведовъ безполезными. Они часто форсировали наши ретраншаменты, и въ открытомъ полѣ наши войска всегда (?) терпѣли пораженія, благодаря искусству и ловкости, съ которой непріятель маневрировалъ; необходимо помѣшать этимъ маневрамъ и сдѣлать ихъ безполезными. Поэтому я полагаю приблизиться къ шведскому королю, соорудить вдоль фронта нашей пѣхоты нѣсколько редутовъ, съ глубокими рвами, снабдить ихъ пѣхотою и усилить палисадами; это требуетъ лишь нѣсколько часовъ работы и мы выждемъ непріятеля за этими редутами. Чтобы ихъ атаковать они должны будутъ разорваться; они при этомъ понесутъ потери, ослабѣютъ и придутъ въ безпорядокъ, когда мы ихъ атакуемъ. Такъ какъ несомнѣнно, что онъ сниметъ осаду и атакуетъ насъ лишь только увидитъ насъ на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него, то надо двинуться съ такимъ разсчетомъ, чтобы появиться въ виду его къ вечеру, дабы онъ отложилъ атаку до другого дня, а въ теченіи ночи мы соорудимъ редуты.» Такъ говорилъ русскій государь и весь совѣтъ съ нимъ согласился. Отданы были приказанія относительно марша, пушекъ, фашинъ, инструмента, рогатокъ, палисада

и т. д. 8-го (н. с.) іюля 1709 г. русскій царь къ вечеру появился въ виду шведскаго короля. Послѣдній, хотя былъ раненъ, объявилъ своимъ генераламъ, что на слѣдущій день намѣренъ атаковать армію москвитянъ. Не задолго до разсвѣта шведы построились и двинулись впередъ. Царь построилъ 7 (?) редутовъ вдоль фронта его пѣхоты; въ каждомъ изъ нихъ находились по 2 баталіона (?) пѣхоты; они были снабжены всѣмъ необходимымъ для обороны; вся пѣхота москвитянъ находилась посади, имѣя на флангахъ кавалерію. Не было однако возможности двинуться противъ московской пѣхоты, не взявъ редутовъ, такъ какъ нельзя было ихъ оставить позади себя, ни пройти между двумя, не рискуя понести значительный вредъ отъ ихъ огня. Ни шведскій король, ни его генералы, ничего не знавшіе объ этихъ распоряженіяхъ, поняли въ чемъ дѣло лишь тогда, когда уже носомъ уткнулись въ непріятеля; но такъ такъ машина была пущена въ ходъ, то не было уже возможности ее остановить и отказаться отъ принятаго рѣшенія. Оба крыла шведской конницы опрокинули сотвѣтствующіе москвитянъ и погнались слишкомъ далеко за ними. Центръ былъ остановленъ редутами. Шведы ихъ атаковали и, встрѣтивъ рѣшительное сопротивленіе.... овладѣли, наконецъ, тремя, но были отброшены съ большими потерями отъ прочихъ. Вся шведская пѣхота была разстроена атаками этихъ редутовъ, въ то время какъ московская въ полномъ порядкѣ созерцала это зрѣлище въ 200 шагахъ. Король и генералы шведскіе увидѣли свою погибель; бездѣятельность москвитянъ оставила имъ надежду на возможность отступленія, но нельзя было исполнить его въ порядкѣ, такъ какъ все было разстроено и разбито... Вскорѣ вся линія (русскихъ) двинулась въ отличномъ порядкѣ съ поднятыми пиками, чрезъ интервалы между редутами, которые оставались занятыми на случай отступленія... Вотъ какъ можно искусными распоряженіями повернуть къ себѣ счастіе.»— Въ этомъ описаніи Полтавскаго сраженія встрѣчаются существенныя фактическія погрѣшности, какъ мы это увидимъ ниже, но значеніе идеи Петра Великаго выяснено вѣрно.

Духъ и дисциплина войскъ.

Духъ и дисциплина войскъ, въ разсматриваемый періодъ времени представляютъ печальное явленіе. Вездѣ слышатся жалобы на упадокъ истинной военной доблести; грабежи, дезертирство, трусость передъ непріятелемъ свидѣтельствуютъ о печальномъ состояніи нравственнаго элемента въ войскахъ (Вильяръ говоритъ, что фуражировка около Нейбурга въ 1703 году стоила ему большаго числа людей, нежели Гохштетдское сраженіе); самыя тяжелыя наказанія, самые строгіе военные законы часто не въ силахъ были искоренить зло, пустившее глубокіе

корни и проистекавшее изъ состава войскъ, управленія ими и внутренняго ихъ быта.

Рекруты, поступавшіе по набору, тяготились службою, гдѣ они были отданы на полный произволъ начальниковъ; а вербованные — одни составляли подобіе тѣхъ кондотьери, которые служили по разсчету, изъ выгоды, другіе же, завлеченные обманомъ, бѣжали при первомъ удобномъ случаѣ. Главнымъ побужденіемъ къ вербовкѣ была склонность къ праздности, отвращеніе отъ труда съ примѣсью желанья щегольнуть военнымъ мундиромъ. Нѣкоторыя обстоятельства, связанныя съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ, тоже вліяли на ухудшеніе состава войскъ. Во избѣжаніе чрезвычайнаго истощенія производительныхъ силъ страны, государство должно было соблюдать величайшую экономію въ продовольствіи и одеждѣ войскъ, а потому ограничивали ихъ въ этомъ отношеніи крайней необходимостью; чтобы пополнить эти недостатки, солдаты должны были хлопотать о заработкѣ и исполнять самую черную работу у обывателей, а иногда обращались къ милостямъ и даже къ воровству. Такой дурной матеріалъ и плохое положеніе солдатъ вызвали чрезвычайно строгую дисциплину. Въ арміяхъ вошли въ употребленіе унизительныя наказанія, причемъ по привычкѣ оскорбительно относились и къ тѣмъ, кто заслуживалъ уваженія. Это, конечно, отталкивало отъ арміи лучшихъ людей. Вербовщики должны были обращаться къ самымъ безобразнымъ пріемамъ и мошенничествамъ для вербовки людей Щадя свое государство, старались вербовать за границей, а потому составъ людей былъ весьма разнообразный. При такихъ условіяхъ палка дѣлается главнымъ орудіемъ воспитанія войскъ и символомъ того презрѣнія, съ которымъ обращались съ простымъ солдатомъ, особенно въ Пруссіи. Такое положеніе вызвало въ свою очередь развитіе сильнаго дезертирства войскъ и мѣры для противодѣйствія ему. Въ гарнизонахъ одинъ родъ оружія наблюдалъ за другимъ, офицеръ за унтеръ-офицеромъ, послѣдній за солдатомъ; посредствомъ постоянныхъ перекличекъ удостовѣрялись что всѣ люди находятся на лицо; сигнальныя пушки стояли, чтобы стрѣлять въ случаѣ замѣченнаго дезертирства. Всѣ окрестности мѣста гарнизона приходили въ движеніе, крестьянъ обязывали ловить дезертировъ, назначали за это поимочныя деньги и устраивали цѣлую охоту на бѣглеца, котораго, въ случаѣ поимки, ожидало тяжелое наказаніе. При полевой службѣ, вокругъ биваковъ высылались патрули и разъѣзды, выставлялись посты, дѣлались безпрерывно переклички и т. п. Въ особенности всѣ эти мѣры были обширно развиты въ позднѣйшее время въ Прусской арміи. Можно ли было ожидать, чтобы такіе люди и въ такомъ нравственномъ положеніи могли возвыситься до понятія о воинской чести. Между офицеромъ и солдатомъ вырыта была пропасть, которая дѣлала послѣдняго чуждымъ первому ([196]). Такимъ образомъ, истиннаго понятія о дисциплинѣ и значеніи военнаго званія не было. Во Франціи полки обыкновенно получали молодые аристок-

раты, вовсе незнакомые со службою; люди богатые, они жили при дворѣ, почти не видали своихъ частей, являясь къ нимъ только ко времени военныхъ дѣйствій.

Во французской арміи, дисциплина упала особенно при Людовикѣ XV, этомъ королѣ, переходившемъ отъ созерцанія религіозныхъ церемоній къ разнузданному разврату, проводившемъ время въ тканьѣ ковровъ или выводѣ цыплятъ и предоставлявшемъ дѣла управленія государствомъ тому, кто могъ ихъ захватить. Роскошь царствовала повсюду. Генералы и офицеры имѣли громадные обозы, обѣды ихъ были настоящими пиршествами. Самъ Морицъ Саксонскій подавалъ примѣръ роскоши и кутежамъ, полагая, что французы могутъ не иначе работать какъ съ весельемъ. Въ его лагерѣ всегда находилась комическая опера, во время представленія которой не прекращалась отдача распоряженій по предстоявшимъ операціямъ *). Офицеры, слѣдуя модѣ и нравамъ женщинъ, бѣлились, румянились, накладывали себѣ мушки и дѣлались настолько рабами своей физіономіи, что опасались загара или обезпокоить какъ нибудь свою прическу. Послѣ этого понятно станетъ удивленіе пруссаковъ передъ тѣмъ чрезмѣрнымъ изобиліемъ одеколона, который найденъ былъ въ обозѣ французской арміи послѣ разбитія ея подъ Росбахомъ.

Маршалъ Ноайль писалъ въ 1735 г. объ итальянской арміи, что безпорядокъ въ ней былъ чрезвычайный. Капитаны, чтобы пользоваться солдатскимъ жалованьемъ, держали роты въ некомплектѣ, обманывая инспекторовъ и коммисаровъ. Нижніе чины, брошенные на произволъ своими офицерами, жили зимою въ монастырскихъ галлереяхъ или на папертяхъ; госпитали были лишены самаго необходимаго; люди предавались грабежамъ—они отрѣзывали женщинамъ пальцы и уши, чтобы снять съ нихъ драгоцѣнныя украшенія. Сами офицеры принуждены были иногда выкупать у своихъ солдатъ сворованныя у нихъ вещи ([197])

Въ германскихъ арміяхъ большинство начальниковъ считали ввѣренныя имъ части своими арендами, и, не имѣя уже возможности обогащаться на счетъ края, съ большимъ стараніемъ наживались отъ внутренняго хозяйства войскъ. Отъ этого положеніе солдатъ при тогдашней дисциплинѣ, становилось болѣе и болѣе тяжелымъ и невыносимымъ.

Въ основаніи тактическихъ понятій того времени лежало стремленіе дѣйствовать длинными линіями, для пораженія непріятеля сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Развернутыя линіи пѣхоты не могли ни дѣйствовать на мѣстности пересѣченной, ни безъ большихъ неудобствъ совершать передвиженія, или атаковать непріятеля холоднымъ оружіемъ. Конечно при этихъ условіяхъ нельзя было пользоваться различными выгодными для обороны мѣстными предметами, а потому, какъ мы знаемъ, на полѣ

*) Въ антрактахъ примадонна объявляла: «завтра, по случаю назначеннаго маршаломъ сраженія, представленія не будетъ, а послѣ завтра пойдутъ: Le coq du village и Les amours grivois».

сраженія старались избѣгать занятія подобныхъ пунктовъ и предпочитали открытыя пространства, стараясь обезпечить свои фланги какою-либо неприступною, по тогдашнимъ понятіямъ, мѣстностью, Очевидно, что индивидуальное развитіе солдата, его смѣтливость, сноровка и умственныя способности становились совершенно ненужными. На войска смотрѣли какъ на машины или на живое укрѣпленіе, предназначенное выдерживать какъ можно долѣе губительное дѣйствіе непріятельскаго огня; не въ силѣ натиска искали главную причину успѣховъ, а скорѣе въ пасивной стойкости массы. Къ чему-же при этихъ условіяхъ должна была стремиться дисциплина? Оставивъ въ сторонѣ развитіе нравственныхъ элементовъ въ солдатѣ, она должна была покорить его волю привычкѣ оставаться при всѣхъ обстоятельствахъ боя въ рядахъ, заставить его устремить все свое вниманіе на механическую ловкость заряжанія и скорость пальбы; дабы удовлетворить своему назначенію, человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться автоматомъ, недоступнымъ никакимъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ боя. При такихъ неестественныхъ требованіяхъ должны были употребляться и неестественныя средства; солдата съ утра до ночи учили разнымъ пріемамъ, а въ свободное время занимали чисткой оружія, одежды и обуви. Малѣйшія упущенія немедленно наказывались и наказанія были самыя строгія—тѣлесныя считались легкими. Всѣ эти невыгодныя условія быта нижняго чина понимались хотя и смутно тогдашними военными людьми, но большею частью не предпринималось никакихъ мѣръ для его улучшенія.

Главнѣйшія преступленія въ войскахъ, съ которыми *Петру* приходилось бороться, были: пьянство, буйство, насиліе надъ мирными жителями, уклоненіе отъ службы, лихоимство и казнокрадство. И въ до—петровской Руси существовали тѣ-же преступленія, причемъ правительство непрестанно преслѣдовало ихъ, часто суровыми наказаніями; но теперь, вслѣдствіе устройства регулярныхъ войскъ, явилось болѣе системы, послѣдовательности и настойчивости въ этихъ преслѣдованіяхъ. Главнымъ орудіемъ борьбы была прежде всего введенная Петромъ строгая дисциплина; затѣмъ положительное запрещеніе нижнимъ чинамъ заниматься торговлею вообще и въ особенности корчемствомъ, значительно ограничило пьянство, распущенность и своевольство солдатъ. Даже грабежу въ городахъ, взятыхъ приступомъ (что допускалось во всей Европѣ), положено было извѣстное ограниченіе артикулами, а иногда и личнымъ вмѣшательствомъ императора (Нарва). Благодаря этому, а также по самой натурѣ нашего народа, отношеніе русскихъ солдатъ къ мирнымъ жителямъ, по свидѣтельству Паткуля, было гораздо гуманнѣе нежели нѣмецкихъ солдатъ. Менѣе удачна была борьба Петра съ лихоимствомъ и казнокрадствомъ въ военномъ вѣдомствѣ—зло отъ котораго не менѣе страдали всѣ европейскія арміи, какъ въ разсматриваемую эпоху, такъ и въ гораздо позднѣйшія времена. Съ особенной энергіей Петръ преслѣдовалъ безвозмездное пользованіе начальниками трудами и услугами

подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ и всякаго рода поборы съ нихъ. Но главнымъ зломъ, постоянно свирѣпствовавшимъ въ нашей арміи и не только не уменьшившимся при Петрѣ, но значительно даже увеличившимся, были всякаго рода уклоненія отъ службы и особенно побѣги. Не смотря на льготность военной службы въ до—петровское время, уклоненія отъ службы были однимъ изъ самыхъ распространенныхъ у насъ преступленій. По этому понятно, что съ учрежденіемъ Петромъ регулярной арміи, со всѣми строгостями военной дисциплины и порядка, съ безкопечной службой и тяжелымъ обученіемъ, уклоненія отъ службы и побѣги увеличились въ чрезвычайнаго степени. Затѣмъ постоянныя войны требовали отъ государства чрезвычайнаго напряженія и усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ. Постоянная война вела за собою также возвышеніе налоговъ, что все вмѣстѣ взятое и привело къ развитію побѣговъ.

Съ другой стороны, тяжесть наказаній, угрожавшихъ бѣглымъ, ихъ укрывателямъ и недоносителямъ и приманка наградъ доносчикамъ, привели къ тому, что бѣглые, опасаясь возвращенія домой, скрывались въ глухихъ лѣсахъ, образовали тамъ шайки человѣкъ въ 100—200 и производили страшные грабежи и разбои. Такъ, по донесенію тверскаго воеводы, разбойники обступали Тверь со всѣхъ сторонъ и держали ее почти въ осадѣ. Также доносилъ московскій воевода, говоря, что шайки разбойниковъ грабили и жгли деревни у многихъ помѣщиковъ, а вблизи Мѣщовска ограбили монастырь и всѣхъ колодниковъ освободили изъ тюрьмы. Зло было велико и грозило даже самымъ основамъ государства—извѣстно, что въ бунтахъ въ Астрахани и на Дону бѣглые солдаты принимали дѣятельное участіе.

Такимъ образомъ, въ нашей арміи побѣги были повидимому развиты даже болѣе нежели въ западныхъ государствахъ. Кромѣ вышеуказанныхъ причинъ, имѣло еще важное значеніе то обстоятельство, что такъ или иначе, западныя арміи комплектовались добровольной (правда, иногда лишь по имени) вербовкой, а наша—насильственными рекрутскими наборами. Затѣмъ самый безграничный просторъ Руси, ея дремучіе, неизмѣримые лѣса, малонаселенность и болѣе слабая организація внутренней администраціи—могущественно содѣйствовали развитію побѣговъ въ арміи. За то на западѣ больше было развито дезертирство въ виду непріятеля, передача на его сторону ([198]).

Строевое и полевое обученіе войскъ.

Строевое обученіе войскъ стало вестись болѣе или менѣе правильно еще съ Морица Нассаускаго (конецъ XVI, начало XVII стол.); но пока войска формировались вербовкой спѣшно, лишь на время войны, трудно было установить это дѣло прочно. Обыкновенно держали дрессировщиковъ или дрессирмейстеровъ, которые, слѣдуя за войсками, должны были

обучать ихъ военному ремеслу. Состоя преимущественно изъ старыхъ капраловъ, часто пьяницъ, при отсутствіи всякаго участія въ дѣлѣ офицеровъ, они не могли ни пользоваться должнымъ авторитетомъ, ни достичь сколько нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Съ учрежденіемъ постоянныхъ войскъ явилось много времени, которымъ можно было воспользоваться для обученія войскъ, для подготовки ихъ къ *парадамъ*, начинавшимъ пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Вскорѣ даже для этого параднаго обученія было забыто полевое; передъ фиглярствомъ нерѣдко исчезали боевыя требованія. Вначалѣ обученіе было просто и заключалось въ изученіи пріемовъ владѣнія оружіемъ и простѣйшихъ движеній въ сомкнутомъ строѣ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ описаній Пюйсегюра. Такъ, при представленіи въ 1628 году Людовикомъ XIII принцессѣ Пьемонтской арміи, его войска (8 бат. и 16 эскадр.) были построены въ одну линію. По сигналу короля, батальоны и эскадроны, назначенные въ 1-ю линію, мгновенно двинулись впередъ и когда отошли на 300 ш., то за ними послѣдовала и 2-я линія. Дойдя до дороги, 1-я линія остановилась, 2-я вошла въ интервалы 1-й и всѣ войска составили снова одну линію. Все исполнено стройно съ точнымъ сохраненіемъ дистанцій. Затѣмъ послѣдовалъ залпъ мушкетеровъ и артиллеріи. Потомъ пѣхота повернула на право кругомъ, кавалерія заѣхала по эскадронно и войска двинулись снова въ двухъ линіяхъ, потомъ выстроились въ одну и произвели снова залпъ. Въ заключеніе послѣдовалъ церемоніальный маршъ, причемъ пѣхота прошла по дивизіонно (баталіонъ состоялъ изъ пикинернаго и двухъ мушкетерскихъ дивизіоновъ), а кавалерія по эскадронно.

Съ теченіемъ времени уставы и обученіе значительно усложняются. Пріемы къ концу столѣтія мало измѣнились, но команды изъ разсказовъ превратились въ командныя слова. Видоизмѣненіе пріемовъ обусловливались преимущественно уничтоженіемъ сошки у мушкетеровъ и принятіемъ кое гдѣ вмѣсто нихъ *рогатинъ*, которыя втыкались впереди мушкетеровъ для предохраненія отъ кавалерійскихъ атакъ. Введенъ былъ новый пріемъ *на караулъ* и носка оружія подъ лѣвою рукой, стволомъ впередъ, прикрывая полку отъ дождя, а также подъ правою рукою—на похоронахъ. Что касается *поворотовъ*, то они были чрезвычайно сложны, вслѣдствіе того, что произносились двойныя и тройныя команды, части которыхъ относились къ различнымъ частямъ роты, или войскъ вообще, какъ напримѣръ: «полурядами и четверть шеренгами во фронтъ, впередъ и назадъ, а также назадъ и впередъ.» Тоже самое вертѣчаемъ при *смыканіи* и *размыканіи*. Въ свою очередь и *вздваиваніе* могло исполняться впередъ и назадъ, направо и налѣво; причемъ оставались на мѣстѣ переднія или заднія шеренги, нечетные или четные ряды, и люди заднихъ или переднихъ шеренгъ, или же изъ четныхъ или нечетныхъ взводовъ вступали въ интервалы между оставшимися на мѣстѣ и т. д. Кромѣ вздваиванія была еще утроиваніе шеренгъ и рядовъ.

При *захожденіяхъ* встрѣчается тоже фокусничество, въ родѣ: «по полушереножно наружныя трети рядовъ впередъ и назадъ, влѣво и вправо, а также вправо и влѣво заходи.» Послѣ этого понятна и сложность контръмаршей рядами и пріемовъ пальбы. Все это штукмейстерство было лишь средствомъ для устройства такъ называемыхъ *оборонительныхъ* баталіоновъ (октогоновъ, крестообразныхъ построеній, каре и т. п.), на изобрѣтеніе которыхъ изощрялось все искусство тогдашнихъ вахтмейстеровъ. Нельзя себѣ представить той геометрической фигуры, которая не была бы примѣнена къ построенію оборонительнаго баталіона, составлявшаго вѣнецъ славы всякого фокусника-дрессировщика. Одинъ французскій офицеръ могъ выписать на плацу ногами своей части vive le roi.

Въ XVIII стол. огромное значеніе для строеваго обученія войскъ имѣлъ *Леопольдъ Дессаускій*. Обученная имъ прусская армія послужила вскорѣ образцомъ для всѣхъ прочихъ. Принцъ Л. Дессаускій успѣшно дѣйствовалъ съ бранденбургскими войсками еще въ войну за испанское наслѣдство. Отличаясь природнымъ умомъ и твердою волею, онъ этими качествами восполнялъ недостатки научнаго образованія. Плохое употребленіе кавалеріи въ его время не внушило ему уваженія къ этому роду оружія и онъ придавалъ особенное значеніе хорошей пѣхотѣ. Главную ея силу онъ полагалъ въ наступленіи въ сомкнутомъ строѣ, причемъ она могла производить быстрый огонь—это выгодно его отличало отъ многихъ современниковъ, поклонниковъ позиціонной, крѣпостной войны и бездѣятельнаго пребыванія на мѣстѣ. По этой причинѣ, а также вслѣдствіе вообще увеличенія числительности армій, кавалеріи стало относительно меньше въ прусской арміи и ея образованіе не дѣлало успѣховъ. Въ 1740 году на 47 т. пѣхоты приходилось 6 т. кавалеріи (8:1). Основаніе тактическаго образованія Леопольдъ полагалъ въ строгой дисциплинѣ, которая должна была отучить людей отъ всякаго проявленія собственной воли и сплотить въ одно механически-цѣлое; средствомъ для этаго были постоянныя ученья, всеобщая нивеллировка, полное однообразіе въ мысляхъ и движеніяхъ. Всякое отступленіе наказывалось, причемъ палка была главнымъ его средствомъ. Существеннымъ средствомъ для утвержденія тѣлеснаго и духовнаго однообразія въ баталіонахъ было *движеніе въ ногу*. Уже греки, римляне, швейцарцы 16-го и шведы 17-го столѣтія знали мѣрный шагъ, но, изобрѣтенный во Франціи, онъ только въ Пруссіи былъ вполнѣ выработанъ. Только двигаясь въ ногу можно было быстро наступать противъ непріятеля, совершать быстро, проворно, искусно всякія эволюціи и перестроенія. Впрочемъ шагъ былъ медленный (75—76 въ минуту) и иногда укорачивался ради стройности и единства движенія.

Леопольдъ уничтожилъ въ прусской арміи 4-ю шеренгу, какъ совершенно безполезную, даже думалъ ограничиться двумя для наибольшаго развитія огня при стрѣльбѣ; онъ же ввелъ въ прусской арміи желѣз-

ный шомполъ вмѣсто деревяннаго, настойчиво преслѣдуя идею скорой стрѣльбы, не вѣря въ мѣткость послѣдней и желая быть можетъ занять солдата въ бою. Леопольдъ удлинилъ горизонтальную шейку штыка, съ тою цѣлью, чтобы можно было заряжать съ примкнутымъ штыкомъ. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ странную комбинацію идей у Леопольда: онъ придаетъ большое значеніе штыку, какъ средству опрокинуть стойкаго противника, а потому былъ защитникомъ идеи быстраго энергическаго наступленія; съ другой стороны—онъ очень высоко цѣнилъ огонь, но, не вѣря въ его мѣткость, требовалъ скорой стрѣльбы и быстраго сближенія съ непріятелемъ. У другихъ идея важнаго значенія огня приводила къ предпочтенію оборонительнаго положенія, у Леопольда—къ совершенно обратному: онъ старался внести въ эволюціи пѣхоты быстроту и точность, чтобы можно было быстро развернуть двѣ сплошныя боевыя линіи пѣхоты, которыя должны направляться противъ непріятеля, не разстроивъ порядка слишкомъ сильнымъ огнемъ при движеніи.

Батальонъ имѣлъ два построенія — боевое и по ротно. Въ боевомъ строѣ баталіонъ раздѣлялся на 4 дивизіона, а каждый изъ послѣднихъ на 2 взвода. При построеніи по ротно, каждая изъ послѣднихъ дѣлилась на 4 полувзвода. Съ 1757 г. совершенно уничтожились различіе между обѣими формами строя и баталіонъ раздѣлялся на 5 дивизіоновъ, соотвѣтствовавшихъ ротамъ, или на 10 взводовъ. Пѣхота могла строить пустое каре, противъ кавалеріи, изъ полка, баталіона или нѣсколькихъ баталіоновъ. При пальбѣ первая шеренга становилась на колѣни, 2-я отставляла правую ногу на ступню вправо, а третья дѣлала полшага вправо. Стрѣльба производилась или на мѣстѣ, или въ движеніи, по баталіонно, по дивизіонно или по взводно. Пальба взводами производилась такимъ образомъ, что сперва поочередно стрѣляли всѣ нечетные взводы, затѣмъ стрѣляли въ томъ же порядкѣ четные взводы. При пальбѣ во время движенія, очередной взводъ дѣлалъ 3 большихъ шага впередъ, останавливался и стрѣлялъ, а баталіонъ укороченнымъ шагомъ подвигался впередъ. Затѣмъ выстрѣлившій попадалъ въ линію, а очередной выдвигался, какъ сказано, впередъ и т. д. При отступленіи очередной взводъ останавливался, стрѣлялъ, поворачивался кругомъ, входилъ въ линію баталіона, который укороченнымъ шагомъ отступалъ назадъ. При стрѣльбѣ по баталіонно и по дизивіонно все производилось въ такомъ же порядкѣ, какъ описано, только элементами дѣйствія были не взводы, а дивизіоны и баталіоны. Пальба рядами (по 2 ряда съ праваго фланга двухъ первыхъ шеренгъ) производилась только на парадахъ. За норму Леопольдъ принималъ, что при наступленіи пѣхота не открываетъ огня далѣе 200 ш. Такова была элементарная тактика Леопольда, который довелъ въ эволюціонномъ отношеніи прусскую пѣхоту до небывалаго совершенства ([199]).

Обученіе кавалеріи было тоже сложно; кромѣ обычныхъ построеній,

эскадроны тоже производили эволюціи, заключавшіяся въ удвоиваніи шеренгъ и рядовъ; они также обучались пальбѣ съ коня передъ атакой, производившейся медленно. Особенно любила такую стрѣльбу австрійская конница, не умѣвшая иначе справляться съ турецкой. При наступленіи стрѣльба производилась полушеренгами медленно двигавшагося эскадрона; при отступленіи двигались шахматами, для чего извѣстные взводы останавливались, стрѣляли, затѣмъ поворачивались, отходили, а потомъ исполняли тоже самое другіе, при этомъ, послѣ поворота, 3-я шеренга (не выстрѣлившая) быстро разсыпалась къ непріятелю, стрѣляла и затѣмъ скакала къ своимъ взводамъ. При атакѣ шли сначала рысью, съ 300 ш. переходили въ галопъ, потомъ стрѣляли и затѣмъ съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ продолжали атаку, не переходя въ карверъ. Гусары обучались дѣйствовать по иррегулярному способу. Мы уже упоминали, что противъ турокъ и татаръ австрійскіе полки строили конное каре, изъ котораго отстрѣливались *).

Въ концѣ XVII ст. во французской арміи появились первые признаки тѣхъ упражненій, которыя нынѣ называются *маневрами*. При Людовикѣ XIV въ мирное время иногда собирали войска въ лагеряхъ, которые однако имѣли характеръ скорѣе потѣшныхъ чѣмъ учебныхъ лагерей. Маневры, если и производились, то состояли большею частью въ нападеніяхъ на земляныя укрѣпленія и въ подражаніи отдѣльнымъ

---

*) Впрочемъ, и въ Австріи даже стали высказываться противъ пальбы въ кавалеріи съ коня. Такъ въ 1717 году ([200]) австрійской кавалеріи были указаны къ обязательному руководству между прочимъ слѣдующіе «пункты»: 1) всякое приказаніе старшаго начальника передается обстоятельно, безъ криковъ, чтобы излишней поспѣшностью и суетой не привести людей въ смущеніе; 2) ни одинъ офицеръ, ни одинъ нижній чинъ безъ полученія яснаго приказанія или крайней нужды не смѣетъ отлучиться со своего мѣста или присоединяться къ движущейся впередъ или отходящей части и ни въ какомъ случаѣ люди не должны слѣзать съ лошадей и предаваться грабежу; 3) конные полки не должны, за исключеніемъ совершенно неизбѣжныхъ случаевъ, стрѣлять, такъ какъ это дѣло пѣхоты; 4) интервалы, образуемые въ рядахъ первой линіи, заполняются безъ суеты ближайшими эскадронами; 5) при выдвиженіи впередъ 10—12 эскадроновъ сосѣдніе полки, примкнувъ и заполнивъ интервалъ, поддерживаютъ выдвинутые впередъ, а эти не должны на нихъ опрокидываться—для нихъ оставляются интервалы, пройдя которые они должны собраться и устроиться; 6) если эскадроны 1-й линіи, стоящіе между пѣхотой (при перемѣшиваніи), выдвинутся впередъ, то мѣста ихъ занимаютъ эскадроны 2-й линіи и поддерживаютъ ихъ; 7) при преслѣдованіи офицеры поддерживающихъ эскадроновъ не должны вести его далѣе встрѣчи съ сомкнутыми частями противника, чтобы не быть увлеченными опрокинутыми передовыми частями, а устроиться за ними и снова ихъ поддерживать; 8) поддерживающія части не должны слѣдовать непосредственно за поддерживаемыми, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ; 9) между эскадронами 1-й линіи имѣть интервалы не болѣе 10 шаговъ; между эскадронами 2-й линіи—можно имѣть болѣе значительные. Вторая линія должна находиться отъ 1-й въ такомъ разстояніи, чтобы не была увлечена послѣднею если та опрокинута.

дѣйствіямъ крѣпостной войны. Весь дворъ присутствовалъ въ качествѣ зрителей. Подобныя же упражненія, изъ подраженія французамъ, были введены въ Германіи. До Фридриха Великаго эти упражненія сохраняли свой первоначальный характеръ, хотя собственно строевое обученіе войскъ, какъ выше сказано, ушло весьма далеко въ своемъ развитіи.

Въ нашей военной литературѣ не имѣется ни одного систематическаго изслѣдованія относительно историческаго развитія полеваго обученія *русскихъ войскъ*. Не смотря на то, что вопросъ этотъ обѣщаетъ въ своей разработкѣ самые плодотворные результаты, такъ какъ въ ряду нашихъ военачальниковъ мы можемъ указать не только нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей на разсматриваемомъ поприщѣ, но и геніальнѣйшаго для всѣхъ временъ воспитателя и образователя войскъ — великаго Суворова, тѣмъ не менѣе печатные историческіе источники даютъ намъ только скудныя и отрывочныя данныя по интересующему насъ вопросу.

Намъ неизвѣстно существовали-ли какія либо полевыя упражненія, кромѣ обычныхъ строевыхъ ученій, въ нашихъ войскахъ до Петра Великаго.

Петръ I, знакомясь съ военнымъ искусствомъ у окружавшихъ его иностранцевъ, не ограничивался только теоретическимъ его изученіемъ, и желалъ, какъ и во всемъ, узнать дѣло практически во всѣхъ подробностяхъ. Наилучшимъ средствомъ для этого представились Петру товарищи его дѣтства и юности-потѣшные, игры съ которыми познакомили будущаго императора съ первыми пріемами военнаго искусства. Такимъ образомъ, сначала эти игры имѣли цѣлью, кромѣ собственно потѣхи, послужить для практическаго самообразованія Петра. Но этимъ дѣло не ограничилось; съ теченіемъ времени, съ возрастомъ царя, съ увеличеніемъ числа потѣшныхъ и, наконецъ, съ превращеніемъ ихъ въ самостоятельныя войсковыя части, упражненія уже служатъ средствомъ для обученія молодыхъ войскъ, для того, чтобы дать имъ возможность усвоить себѣ основанія европейскаго военнаго искусства; наконецъ, эти упражненія, маневры, «походы», даютъ возможность юному царю доказать всѣ преимущества образованнаго имъ войска надъ нейстройными толпами стрѣльцовъ. Таковъ многосторонній смыслъ военныхъ «походовъ» или маневровъ Петра. Было бы ошибочно думать, что цѣль ихъ заключалась только въ простой потѣхѣ или же въ томъ, чтобы дать случай «травить» стрѣльцовъ новыми войсками, какъ это полагаетъ одинъ изъ нашихъ историческихъ ([201]) писателей. Во всякомъ случаѣ какія бы цѣли Петръ ни ставилъ своимъ маневрамъ—«походамъ», но, по самому способу веденія ихъ, они несомнѣнно знакомили войска съ внѣшнею картиною боя (болѣе нежели нынѣшнія упражненія этого рода, такъ какъ допускалось, въ извѣстной мѣрѣ, опасное употребленіе снарядовъ при двустороннихъ упражненіяхъ), а также содѣйствовали усвоенію техническихъ пріемовъ по наводкѣ мостовъ, по возведенію, атакѣ и оборонѣ укрѣпленій, веденію минной войны и пр. Замѣчательно, что

возведеніе сильныхъ укрѣпленій, ихъ атака и оборона играютъ чрезвычайно важную роль во всѣхъ маневрахъ Петра. Повидимому это слѣдуетъ объяснить желаніемъ Петра изучить самому и обучить войска довольно сложной техникѣ этого дѣла; далѣе—стремленіемъ имѣть чисто военный, опредѣленный и реальный предметъ для операціи; желаніемъ вести продолжительныя упражненія, не удаляясь на значительное разстояніе и, наконецъ, что весьма важно, — духомъ времени, когда на всемъ западѣ свирѣпствовала болѣзненная страсть къ крѣпостной войнѣ, причемъ и учителя царя въ военномъ дѣлѣ придавали, вѣроятно, также чрезмѣрное значеніе такой системѣ веденія войны. Первые «походы» начались въ 1690 г. и продолжались до 1694 года включительно, закончившись знаменитымъ «Кожуховскимъ походомъ»; послѣ того молодыя войска оканчиваютъ свою мирную подготовку и въ скоромъ времени, а именно въ Азовскомъ походѣ, прилагаютъ результаты своего обученія къ операціямъ дѣйствительной войны, а затѣмъ начинаются славныя дѣянія петровской арміи въ Сѣверную войну.

Въ «походахъ« или маневровъ участвовали обыкновенно всѣ роды оружія — пѣхота, кавалерія, артиллерія и даже моряки, причемъ на одной сторонѣ были потѣшные полки съ придачею другихъ частей, а съ другой стрѣльцы, тоже съ придачей рейтарскихъ, гусарскихъ полковъ и пр. Каждою изъ сторонъ командовалъ особый «генералиссимусъ», а самъ Петръ исполнялъ обязанности подчиненнаго, второстепеннаго начальника.

Войска выступали въ походъ съ большимъ торжествомъ и двигались къ опредѣленнымъ пунктамъ, причемъ одна изъ сторонъ строила укрѣпленіе, «крѣпость», другая его атаковала. Но этимъ дѣло не ограничивалось: во первыхъ, разыгрывались предшествующія дѣйствія; такъ напримѣръ, наступающій форсировалъ переправу, вызывалъ обороняющагося на открытый бой и т. п.; во вторыхъ, во время осады, которая велась, по возможности, по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго искусства, съ примѣненіемъ минъ, обороняющійся производилъ частыя вылазки; затѣмъ слѣдовалъ штурмъ крѣпости, нападеніе на непріятельскій обозъ и т. п. Войска дѣйствовали тупыми копьями, бросали несnаряженныя ручныя, обыкновенныя и зажигательныя гранаты, хотя съ извѣстными предосторожностями, но тѣмъ не менѣе при этомъ не обходилось безъ увѣчій, даже и смертныхъ случаевъ; самъ царь не разъ подвергался опасности. При запальчивости сражавшихся, бой часто сильно разжигался и число жертвъ увеличивалось. Было бы несправедливо винить въ этомъ Петра, такъ какъ эти кровавые результаты ученья не противорѣчили нравамъ эпохи, и, кромѣ того, излишнее приближеніе такихъ мирныхъ упражненій въ картинѣ дѣйствительнаго боя находитъ себѣ оправданіе въ великихъ свойствахъ личнаго характера Преобразователя, не любившаго ни въ какомъ дѣлѣ останавливаться на полдо-

рогѣ и не задумывавшагося приносить и себя въ жертву этому дѣлу; о мстительной же «травлѣ» стрѣльцовъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ обѣ стороны, ихъ главнокомандующіе и самъ Петръ подвергались равной опасности *).

*) Для ближайшаго ознакомленія съ характеромъ и веденіемъ этихъ маневровъ можетъ служить описаніе важнѣйшаго изъ нихъ: «Кожуховскаго похода», но это слишкомъ бы распространило нашъ очеркъ, а потому мы разскажемъ вкратцѣ «второй Семеновскій походъ» 1691 г., руководствуясь почтеннымъ трудомъ г. Устрялова: «Исторія царствованія Петра Великаго» (202). Войска заблаговременно готовились къ великому и страшному бою. Для маневра они были расдѣлены на двѣ арміи: *нашу* подъ начальствомъ генералиссимуса Фридриха (кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій) и *непріятельскую*, подъ начальствомъ генералиссимуса Бутурлина. Въ составъ первой вошли полки: Преображенскій, Семеновскій, Лефортовъ, Бутырскій, 3—4 полка рейтаръ и отрядъ гусаръ; въ составѣ второй заключались стрѣлецкіе полки съ гусарами и рейтарами.

Генералиссимусъ Фридрихъ, получивъ извѣстіе, что непріятель вышелъ въ поле съ нѣсколькими тысячами пѣшихъ и конныхъ ратныхъ людей, въ намѣреніи дать съ ними бой, приказалъ укомплектовать рейтарскіе полки, и всѣмъ войскамъ 3 октября 1691 г. быть къ смотру въ стольный градъ свой Пресбургъ—земляное укрѣпленіе, сооруженное царемъ близъ села Преображенскаго. На 5 октября сказанъ походъ. Между тѣмъ наканунѣ генералъ-поручикъ избралъ мѣсто для укрѣпленія лагеря, измѣрилъ его и назначилъ гдѣ кому стать.

Рано утромъ вся *наша* армія выступила въ поле и въ тотъ же день заняла крѣпкую позицію на рѣчкѣ Красной близъ лѣса. *Непріятель*, находившійся въ дальнемъ разстояніи, ночью подступилъ ближе и около полуночи раскинулъ свой станъ въ полумилѣ отъ нашего лагеря. На зарѣ онъ выбрался изъ обоза «въ крѣпкомъ ополченіи», перемѣшавъ конницу между пѣхотою. Нашъ генералиссимусъ также вывелъ свое войско въ поле и приготовился къ битвѣ; пѣхоту поставилъ въ центрѣ, съ отрядомъ гусаръ впереди; на флангахъ конницу, съ частью пѣхоты, въ резервѣ—конные и пѣшіе баталіоны. Центромъ командовалъ генералъ Головинъ, правымъ крыломъ генералъ Гордонъ, лѣвымъ—генералъ Лефортъ. Когда обѣ арміи выстроились одна противъ другой въ боевомъ порядкѣ, «послѣ вытрубки, начали травиться», и завязалось сраженіе. Генералъ Гордонъ двинулъ свою конницу на лѣвое крыло непріятеля, смялъ его и отбилъ четыре знамени; пятое взяли гусарскіе палашники. Не столь удачна была атака генерала Лефорта на правое крыло; рейтары его встрѣтили упорное сопротивленіе и, не взирая «на жестокій напускъ», не могли сломить противника, который стоялъ крѣпко и бился храбро; послѣ многихъ усилій, они успѣли «оторвать» только часть праваго крыла и отступили съ излишнею поспѣшностью; непріятель воспользовался происшедшимъ отъ того въ рядахъ рейтаръ безпорядкомъ и ударилъ въ тылъ такъ стремительно, что Лефортъ не въ силахъ былъ остановить его, и на помощь нашему лѣвому крылу надлежало отрядить нѣсколько ротъ съ праваго; только тогда удалились враги, потерявъ нѣсколько знаменъ и булаву.

Послѣ кратковременнаго отдыха, непріятель самъ повелъ атаку; гусары его ударили на нашихъ и потерпѣли жестокій уронъ. Тогда генералиссимусъ Бутурлинъ прибѣгнулъ къ хитрости: изъявляя притворное намѣреніе примириться, онъ подъѣхалъ къ нашему войску, съ нѣсколькими отборными ротами конницы, тихо, какъ будто для переговоровъ, въ надеждѣ «исплошить» насъ, и вдругъ конница его врѣзалась въ наши полки, а самъ онъ кинулся на нашего военачальника, чтобы его «убить и тѣмъ всю армію обезглавить». Но при этомъ Бутурлинъ былъ взятъ въ

Едва были сформированы и подъучены новыя войска, какъ для нихъ началась школа непрерывнаго боеваго опыта, причемъ русское войско завоевало себѣ мѣсто въ ряду лучшихъ европейскихъ армій. Въ какомъ видѣ и въ какой системѣ продолжались послѣ Петра Великаго полевыя, маневренныя упражненія войскъ намъ неизвѣстно; но что они существовали, на это указываютъ отрывочныя данныя. Собственно «экзерциціи» или строевыя ученія производились болѣе или менѣе правильно согла-

---

плѣнъ, а войска его едва успѣли укрыться въ обозѣ. Ночью пришли къ непріятелю на подкрѣпленіе четыре полка пѣхоты. Тогда онъ утромъ прислалъ въ нашъ лагерь сказать, что опять хочетъ битвы. Конницѣ немедленно приказано выступить, а пѣхотѣ расположиться близъ лагеря, потому что и непріятельской пѣхоты въ тотъ день въ полѣ не было. Сраженіе завязалось около полудня. Съ обѣихъ сторонъ бились «накрѣпко». Мы, наконецъ, одолѣли, взяли множество знаменъ и загнали непріятеля въ лагерь. Онъ однакоже не унялся и ночью докучалъ намъ безпрестанными тревогами, такъ что мы принуждены были выслать нѣсколько конныхъ ротъ, которыя, разсѣявъ «подъѣздчиковъ», ударили подъ непріятельскій обозъ у самыхъ рогатокъ, взяли въ плѣнъ 7 человѣкъ, увели 3 лошади и возвратились въ цѣлости. Въ слѣдующій день войска двинулись другъ на друга; но проливной дождь, не переставшій ни на минуту, развелъ ихъ.

9 октября было рѣшительное дѣло. Обѣ арміи выступили въ поле на утренней зарѣ. Въ 8 часу непріятель пошелъ на насъ смѣло, съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить или погибнуть, и какъ въ то время поднялся жестокій вѣтеръ, то онъ сталъ заходить правымъ крыломъ, чтобы поставить насъ лицемъ прямо противъ вѣтру, чѣмъ надѣялся пріобрѣсть себѣ не малую выгоду при нападеніи. Угадавъ его мысль, нашъ полководецъ велѣлъ своему войску отступить нѣсколько вправо. Этимъ движеніемъ обнажился лѣвый флангъ нашъ и лагерь остался безъ защиты. Непріятель спѣшилъ воспользоваться нашею оплошностію, и полковникъ Турнеръ бросился съ полкомъ своимъ на нашъ лагерь, чтобы взять его и разорить. Генералиссимусъ не замедлилъ исправить свою ошибку; онъ послалъ на Турнера съ праваго фланга нѣсколько ротъ конницы, которыя ударили ему въ тылъ, солдатъ порубили (разумѣется, это фигурное выраженіе) и разсѣяли, а полковника взяли въ плѣнъ съ 4 знаменами.

Видя такую бѣду, вся непріятельская армія всколебалась и съ великимъ крикомъ всѣми силами, пѣхотою и конницею наступила на наше войско. Сраженіе сдѣлалось общимъ; но самый упорный бой былъ на лѣвомъ флангѣ, гдѣ генералъ Лефортъ конными и пѣшими полками «съ яростью» нападалъ на правое крыло непріятеля, между тѣмъ, какъ генералъ Головинъ своею пѣхотою тѣснилъ лѣвое. Тамъ и здѣсь враги стояли крѣпко, цѣлые пять часовъ, пока Головинъ не сломилъ лѣваго крыла; тогда уступило и правое. Непріятель обратился, наконецъ, въ бѣгство; наши, быстро преслѣдуя его, отрѣзали ему путь къ лагерю, загнали конницу въ прудъ, порубили пѣхоту, отбили всѣ пушки, знамена, повозки.

По окончаніи сраженія, побѣдители долго никакъ не могли найти ни своего, ни чужаго главнокомандующаго; никто не зналъ куда они дѣвались. Послѣ трехчасовыхъ поисковъ открылось, что генералиссимусъ Фридрихъ, увлеченный своею храбростью, съ немногими людьми прежде всѣхъ ворвался въ непріятельскій лагерь и тамъ, у шатра, ждалъ своихъ сподвижниковъ; а соперника его нашли кроющагося между «трупами» (т. е. якобы побитыми).

Это дѣло не обошлось безъ дѣйствительныхъ ранъ и увѣчья съ обѣихъ сторонъ; князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій заплатилъ жизнью, жестоко раненый въ правую руку, и скончался на 9 день.

сно уставамъ, но надо полагать, что на ряду съ ними велись и маневренныя занятія. По крайней мѣрѣ по свидѣтельству Нащокина «тогожъ лѣта (1740) гвардія была непрестанно въ экзерциціи и государыня всегда сама присутствовала при экзерциціяхъ, а въ Петергофѣ была земляная крѣпость, къ которой атакою приступъ былъ и такая чинена экзерциція, какъ натурально непріятельскій городъ атакуется и оборонятся долженъ» ([203]).

Характеръ столкновеній въ этотъ періодъ.

а) Очеркъ дѣйствій Тюренна въ 1674 г.

Прежде нежели мы коснемся теоретическаго разсмотрѣнія веденія войны въ тотъ періодъ, когда сильныя 100 т. арміи стараются, вслѣдствіе ложныхъ стратегическихъ идей, разрѣшать великіе вопросы войны только маневрами и самое большее—захватомъ какого либо уголка земли или крѣпости, бросимъ взглядъ на ту эпоху, когда военное искусство, благодаря геніальнымъ представителямъ, не только сдѣлало большій шагъ впередъ, но было выше понятій современниковъ, на тотъ полувѣкъ, который Гиберъ характеризуетъ слѣдующими словами: «ce fut le temps des grands généraux, commandant de petites armées et faisant de grandes choses» ([204]). Мы будемъ говорить о Тюреннѣ и достойномъ его противникѣ Монтекукули.

Генрихъ Латуръ д'Овернь виконтъ Тюреннь родился въ 1611 г. въ Седанѣ; мать его была Нассау-Оранская принцесса; его необыкновенныя способности не проявились сразу, но, впрочемъ, наклонности къ военному дѣлу у него обнаружились рано, причемъ Цезарь и Квинтъ Курцій были его любимыми писателями. Тѣмъ не менѣе онъ вовсе не предназначался къ военной службѣ. Но, чтобы показать свою способность къ перенесенію военныхъ трудностей, онъ проводилъ цѣлые дни зимой на валахъ Седана, гдѣ однажды его воспитатель, послѣ продолжительныхъ розысковъ, нашелъ его глубоко-спящимъ на пушечномъ лафетѣ. Въ 12 лѣтъ онъ лишился отца и въ слѣдующемъ году долженъ былъ отправиться со своею матерью въ Голландію, чтобы тамъ быть посвященнымъ въ военное дѣло своимъ дядей, знаменитымъ Морицомъ Оранскимъ. Въ 1625 году онъ сдѣлалъ первую свою кампанію въ качествѣ простаго солдата. Онъ отлично перенесъ всѣ трудности похода, но понесъ тяжелую потерю въ лицѣ своего дяди; его замѣнилъ младшій дядя, принцъ Генрихъ, давшій Тюренню въ командованіе роту, съ которой онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ осадахъ и дѣйствіяхъ противъ испанскаго полководца Спинолы. При всѣхъ этихъ случаяхъ Тюреннь обнаружилъ много ревности въ изученіи дѣла и чрезвычайную храбрость. Черезъ 5 лѣтъ онъ возвратился въ свое отечество, гдѣ ему данъ былъ чинъ полковника и пѣхотный полкъ въ командованіе.

Его мужество и искусство, особенно обнаружившіяся при атакѣ Ла-Мота, въ Лотарингіи, въ 1634 году, доставили ему званіе maréchal de camp. Послѣдующія событія Тридцатилѣтней войны только укрѣпляли репутацію Тюренна, причемъ онъ временно командовалъ арміей въ Италіи. Въ 1642 году онъ участвовалъ во походѣ въ Русильенъ и, глубоко цѣнимый Ришелье, онъ на 32 году свой жизни получилъ званіе маршала. Затѣмъ въ послѣдующихъ кампаніяхъ Тюреннъ оказалъ цѣлый рядъ отличій, особенно въ сраженіи при Нордлингенѣ. Принимая участіе въ войнѣ Фронды, онъ заставилъ своего достойнаго противника Конде оставить Францію. Въ послѣдующихъ дѣйствіяхъ особенно замѣчательны деблокада Арасса и взятіе Кенуа; наконецъ, въ 1658 г. Тюреннъ прославился извѣстнымъ уже намъ сраженіемъ при Дюняхъ, подготовившимъ Пиринейскій миръ. Наконецъ, наступило для него время отдыха послѣ едва прерываемой тридцатилѣтней дѣятельности.

Людовикъ XIV часто пользовался въ это время имъ для исполненія различныхъ дипломатическихъ порученій. Открывшаяся Нидерландская война представила поприще для наивысшаго проявленія генія этого полководца. Непріятельское ядро на поляхъ Засбаха (1675 г.) положило конецъ славной жизни героя. Тюреннъ былъ средняго роста, но чрезвычайно широкъ въ плечахъ. Его скромность и простота выражались не только въ костюмѣ, но и въ его манерѣ обращенія, хотя иногда въ немъ проявлялось тщеславное сознаніе его высокаго происхожденія. Онъ не мало старался пополнить въ зрѣломъ возрастѣ недостатки своего образованія, при этомъ говорилъ кратко, просто и вразумительно, сохраняя ледяное спокойствіе въ счастьи и несчастьи. Его военные таланты были менѣе блестящи нежели Конде. Генералъ Ламаркъ, сравнивая Конде и Тюренна, говоритъ что первый—*родился* полководцемъ, а второй—*сдѣлался* имъ; первымъ руководило вдохновеніе, вторымъ—разсудительность и плодотворные уроки прошлаго. Тюреннъ былъ чрезвычайно предусмотрителенъ и тщательно взвѣшивалъ всѣ обстоятельства, могущія имѣть значеніе, какъ, напримѣръ, мѣстный элементъ, состояніе непріятельской арміи, характеръ ея полководца и пр. Тюреннъ не былъ великимъ полководцемъ-завоевателемъ, но въ опредѣленной ему роли—превосходный вождь ([205]).

Современникъ (С. Эвремонъ) между прочимъ такъ говоритъ о Тюреннѣ: «съ большимъ числомъ войскъ, чего Тюреннъ не любилъ, онъ очень осторженъ; съ малымъ числомъ испытанныхъ, которымъ онъ вполнѣ довѣряетъ, *онъ предпринимаетъ легко то, что кажется невозможнымъ*. Репутація Тюренна тѣсно связана съ текущими дѣлами; въ его дѣйствіяхъ какъ будто нѣтъ ничего особеннаго. Все что говоритъ, пишетъ, дѣлаетъ Тюреннъ слишкомъ темно для тѣхъ, кто недостаточно проницателенъ. Природа дала ему бездну ума, способностей, достоинствъ, но въ немъ нѣтъ этого божественнаго огня генія, этого открытаго характера, этого легкаго ума, составляющаго блескъ и удоволь-

ствіе для окружающихъ. Нужно ему погибнуть, чтобъ показать чего онъ стоитъ; только послѣ смерти его оцѣнятъ достойно и справедливо. Наполеонъ говорилъ, что геній его и отвага росли съ годами. Скромный Тюреннь умѣлъ заслужить безсмертіе въ рядахъ французской арміи, въ особенности его любовью къ солдату и попечительностью о немъ въ тотъ вѣкъ, когда къ солдату относились съ величайшимъ пренебреженіемъ или равнодушіемъ; онъ съумѣлъ возвысить французскаго солдата въ собственныхъ глазахъ и тѣмъ двинуть его на подвиги невозможные. *Lachez la Pie* (любимая лошадь Тюренія) *elle nous conduira*, говорили его солдаты послѣ его смерти на засбахскихъ поляхъ, показывая этимъ глубокое уваженіе къ его памяти, когда генералы Лоржъ и Вобрёнъ спорили о командованіи ([206]). Тюреннь вдохнулъ во французскаго солдата тотъ высокій нравственный духъ, который не угасъ и въ минуты тяжелыхъ испытаній и воскресъ съ такою силою въ эпоху революціи. Чувство долга, которое было непонятно тогдашнимъ солдатамъ, частью силою оторванныхъ отъ сохи, частью же смотрѣвшихъ на военную службу какъ на выгодное ремесло, было обще въ его арміяхъ. Лучшею похвалою Тюренню можетъ служить и то, что Людовикъ XIV, завидовавшій славѣ своихъ генераловъ, преклонялся предъ достоинствами и заслугами Тюренія и отдалъ праху его царскія почести. Самъ Конде былъ порой его ученикомъ, слушался его разумныхъ совѣтовъ, далеко опережавшихъ понятія вѣка. Конде смотрѣлъ на армію какъ на орудіе для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей и не заботился каково это орудіе. Напротивъ, постоянною заботою Тюренія было усовершенствованіе этого орудія, чтобъ оно было хорошо не только въ его рукахъ, но и въ рукахъ менѣе даровитыхъ. Тюренню военное искусство одолжено многими важными усовершенствованіями, а потому походы его заслуживаютъ полнаго вниманія по научному достоинству и нельзя не раздѣлить мнѣнія Наполеона, причислявшаго Тюренія къ числу тѣхъ великихъ полководцевъ, которыхъ кампаніи должны быть настольною книгою всякаго образованнаго офицера. Какъ примѣръ для нашего военно-историческаго изслѣдованія, мы возьмемъ послѣднія его кампаніи, хотя и лишенныя эфектной обстановки по числу сражавшихся и по цѣли дѣйствій, тѣмъ не менѣе, высоко поучительныя уже и потому, что противниками Тюренія были герцогъ Лотарингскій и потомъ Монтекукули, лучшіе австрійскіе генералы эпохи, и въ особенности послѣдній, умѣвшій если не побѣждать своего геніальнаго противника, то по крайней мѣрѣ глубоко его уважать, какъ доказываютъ слова имъ сказанныя послѣ смерти Тюренія, что сошелъ *со сцены міра человѣкъ, дѣлавшій честь человѣчеству* ([107]).

Во 2-ю Нидерландскую войну въ 1674 г., Тюренню поручена была оборона Эльзаса, въ то время какъ Конде дѣйствовалъ въ Бельгіи, Шомбергъ въ Пиренеяхъ, а самъ король съ арміей выступилъ во Франшъ-Контэ.

Театръ военныхъ дѣйствій обнимаетъ бассейнъ Рейна между Базелемъ и Майнцемъ и восточныя части бассейновъ Роны и Мозеля. Въ очерченныхъ предѣлахъ Рейнъ въ своемъ теченіи принимаетъ съ лѣвой стороны притоки, вытекающіе изъ Вогезовъ и ихъ сѣвернаго продолженія. Эта горная цѣль образуетъ водораздѣлъ между Рейномъ съ одной стороны и Роной и Мозелемъ съ другой. Важнѣйшіе притоки Рейна слѣва суть: Илль (важные пункты: Мюльгаузенъ, Кольмаръ, Шлетштадтъ и Страсбургъ) съ Брейшемъ (Энцгеймъ) и Цорнъ (Цабернъ или Саверна). Восточную часть разсматриваемой *лѣвобережной* прирейнской страны, протяженіемъ въ длину 75 кил. и поперекъ въ 30, образуетъ Рейнская долина, ровная, перерѣзанная множествомъ небольшихъ рѣчекъ; страна населена и имѣется значительное количество дорогъ, связывающихъ различные пункты, а потому она удобопроходима во всѣхъ направленіяхъ. *Средняя* полоса—страна гористая, средней высоты, движеніе по ней менѣе удобно и болѣе возможно съ востока на западъ, нежели въ перпендикулярномъ направленіи. Наконецъ, *западная* часть разсматриваемаго раіона, образуемая западными склонами Вогезовъ и ихъ сѣвернаго продолженія, представляетъ возвышенную, холмистую страну, дороги идутъ преимущественно по долинамъ, но иногда перерѣзываютъ и плато. Участокъ на *правомъ берегу Рейна* вдвое меньше предъидущаго; онъ состоитъ изъ трехъ полосъ, которыя въ обратномъ порядкѣ представляютъ такія же свойства, какъ и разсмотрѣнныя выше. Шварцвальдъ и его продолженіе — Оденвальдъ — соотвѣтствуютъ Вогезамъ на противоположномъ берегу. Хребетъ Шварцвальда и его продолженія перерѣзывается многими притоками Рейна, берущими начало въ восточной части этихъ горъ. Между Энцой и Некаромъ находится пониженная полоса, имѣющая характеръ холмистой страны. Притоки Рейна съ правой стороны не менѣе многочисленны нежели съ лѣвой; важнѣйшіе изъ нихъ— Некаръ (пункты: Гейльброннъ, Гейдельбергъ, Мангеймъ), съ Энцой (Пфорцгеймъ) и Эльзенцомъ (Зинцгеймъ), Эльца, Кинцингъ (Оффенбургъ, Кель), Мургъ (Раштадтъ), Заальбахъ (Филипсбургъ), Леймбахъ (Вислохъ) ([208]) и пр.

Опасность, угрожавшая Франціи со всѣхъ сторонъ, при отпаденіи ея союзниковъ (курфюрста Кельнскаго, епископа Мюнстерскаго), заставила дѣйствовать всюду оборонительно, тѣмъ болѣе на Рейнѣ, гдѣ въ распоряженіи Тюренна отданъ былъ едва 12 т. корпусъ войскъ. Имѣя назначеніе оборонять все пространство рѣки отъ Базеля до Майнца, на протяженіи 300 верстъ, Тюреннъ занялъ центральную позицію у Саверны, сохраняя возможность препятствовать переправѣ противниковъ на любомъ пунктѣ, если не непосредственно, то маневрами на его пути сообщенія. Противъ него на другой сторонѣ Рейна, на среднемъ Некарѣ, находился 10 т. корпусъ имперскихъ войскъ принца Лотарингскаго и Капрары, имѣвшихъ намѣреніе перейти Рейнъ, чтобъ вторгнуться въ Эльзасъ, и только ожидавшихъ у Гейдельберга сильныхъ подкрѣп-

леній, ведомыхъ къ нимъ изъ Эгера Бурнонвиллемъ. Какъ только Тюреннь узналъ объ этомъ, онъ рѣшился предупредить соединеніе противниковъ и для того перейти Рейнъ и искать встрѣчи съ пр. Лотарингскимъ, справедливо разсчитывая, что наступательная оборона принесетъ несравненно болѣе выгодъ, нежели пассивное выжиданіе на лѣвомъ берегу приближенія превосходнаго по силамъ непріятеля.

Оставивъ въ Саверне (Цабернъ) маркиза Пюисье съ 1500 челов. пѣхоты, Тюреннь съ 6 тыс. кавалеріи и 3600 ч. пѣхоты двинулся черезъ Гагепау къ Рейну, гдѣ заранѣе, по его приказанію, противъ Филипсбурга наведенъ былъ графомъ Молеврье судовой мостъ. 14 іюня онъ перешелъ съ кавалеріей Рейнъ въ Филипсбургѣ, усилилъ свой отрядъ 1000 пѣхоты, 6 орудіями, 4 эскадронами кавалеріи и 60 драгунами, запасся трехдневнымъ продовольствіемъ и двинулся по направленію къ Гейдельбергу, приказавъ коменданту Филипсбурга половину отставшей пѣхоты оставить въ гарнизонѣ крѣпости, а половину отправить за нимъ. Въ то время какъ французская армія, слѣдовавшая на Гокенгеймъ, дѣлала привалъ у Офтерсгейма, верстахъ въ 18 сѣвернѣе Филипсбурга, передовые ея посты наткнулись на непріятельскій пѣхотный отрядъ въ 200 человѣкъ, занявшій лѣсной домъ и мосты противъ него на Ангельбахѣ. Тюреннь, узнавъ объ этомъ, немедленно послалъ своимъ подкрѣпленіе. Непріятель заперся въ дому, но вскорѣ, послѣ жаркаго дѣла, принужденъ положить оружіе. Перестрѣлка привлекла отрядъ пфальцкой кавалеріи, силою въ 150 челов., которая бросилась на французовъ, но вскорѣ наткнулась на ихъ авангардъ и была отброшена съ урономъ. Тюреннь съ своей стороны подумалъ, что вся непріятельская армія находится въ наступленіи и немедленно выстроилъ боевой порядокъ, чтобъ принять бой. Но такъ какъ непріятель не показывался, то Тюреннь продолжалъ движеніе чрезъ лѣсныя и горныя дефиле, надѣясь разбить противниковъ на маршѣ. Но герцогъ Лотарингскій и Капрара, узнавъ о приближеніи французовъ, рѣшились избѣгать боя и съ этою цѣлью перейти Неккаръ у Вимпфена и на правомъ его берегу выжидать присоединенія Бурнонвилля. Тюреннь, не подозрѣвая что непріятель находится у него на флангѣ, продолжалъ слѣдованіе къ Гейдельбергу и 15 дошелъ до Вислоха, въ $1^1/_2$ миляхъ къ югу отъ Гейдельберга; здѣсь, онъ узналъ отъ разъѣздовъ, посланныхъ вправо, объ истинномъ направленіи непріятеля, слѣдовавшаго чрезъ Зинцгеймъ къ Вимпфену, и немедленно повернулъ въ эту сторону, подкрѣпившись подошедшей къ нему пѣхотой въ числѣ 1500 челов. Герцогъ Лотарингскій хотѣлъ продолжать движеніе къ Неккару и только по настоянію Капрары, считавшаго позицію у Зинцгейма выгодною, рѣшился здѣсь остановиться, чтобъ принять бой, котораго Тюреннь такъ искалъ. Въ это время пѣхота Тюренна состояла изъ мушкетеровъ и пикинеровъ, такъ какъ ружье со штыкомъ не было еще введено въ употребленіе въ французской арміи, за исключеніемъ только гренадерскихъ ротъ; отношеніе

пикинеровъ къ мушкетерамъ, было какъ 1:3. Подобный составъ пѣхоты дѣлалъ необходимымъ присутствіе большаго числа кавалеріи. Пѣхота строилась въ 5 шеренгъ и дѣлилась на роты, баталіоны и бригады. Кавалерія была 2-хъ родовъ: *жандармы* (кирасиры) и *драгуны*; легкой кавалеріи у Тюренна не было. Кавалерія строилась въ 4 шеренги. У Капрары и герцога Лотарингскаго всего было 7600 чел. подъ ружьемъ Въ пѣхотѣ еще болѣе было пикинеровъ чѣмъ у Тюренна, вслѣдствіе этого число ея было весьма незначительно сравнительно съ кавалеріею. На 7 тыс. кавалеріи имѣлось только 1500 пѣхотинцевъ. Мушкетеры были еще вооружены тяжелыми мушкетами съ вилками и фитильными замками, потому огонь ихъ былъ слабъ; пикинеры же имѣли длинныя 15—18 футовыя пики и предохранительное оружіе: шлемы, грудныя и спинныя латы. Кавалерія состояла, какъ и у французовъ, изъ кирасиръ и драгунъ. Такимъ образомъ, по числительности, тактическому составу, вооруженію французскія войска стояли выше непріятельскихъ. Къ тому же, подъ руководствомъ такого полководца какъ Тюреннь, войска его были обучены лучше другихъ. Французы умѣли уже дѣйствовать въ разсыпную и потому на полѣ сраженіи искуснѣе своихъ противниковъ пользовались мѣстными выгодами. Кавалерію Тюреннь пріучалъ дѣйствовать болѣе холоднымъ оружіемъ, тогда какъ у имперцевъ она дѣйствовала исключительно почти пальбою. Пользуясь всѣми этими выгодами, Тюреннь былъ увѣренъ въ побѣдѣ, хотя эти выгоды уравновѣшивались избранною его противниками крѣпкою позицію.

Сраженіе при Зинцгеймѣ 16 іюня 1674 г. Позиція при Зинцгеймѣ представляла возвышенное плато съ крутыми покатостями къ югу, подножіе которыхъ омывается рѣчкою Эльзенцъ (Эльзацъ), текущею здѣсь съ востока на западъ. Рѣчка эта не широка, около 20 ф., и едва достигаетъ трехфутовой глубины; берега ея покрыты частымъ ивнякомъ и ольшаникомъ. Правый берегъ всюду командуетъ и по причинѣ крутыхъ покатостей трудно доступенъ, въ особенности для кавалеріи. Городъ Зинцгеймъ лежитъ у подножія высотъ на правомъ берегу рѣчки и форштадтомъ почти соединяется съ старымъ абатствомъ въ видѣ замка, находящимся на возвышенности, шагахъ въ 500 отъ города. Послѣдній окруженъ каменною стѣною съ 9-ю башнями и 4-мя воротами и узкимъ не глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою изъ Эльзенца. На лѣвомъ берегу рѣки противъ города находились виноградники съ прочною изгородью, весьма выгодною для обороны. Доступы на высоты праваго берега возможны только по короткой, но удобовосходимой лощинѣ, ведущей къ замку, и по оврагу, идущему отъ города въ сѣверномъ направленіи, дающему отъ себя удобовосходимыя вѣтви въ тылъ союзниковъ. Версты на $2^1/_2$ къ сѣверу отъ Зинцгейма начинаются лѣса, чрезъ которые проходятъ дороги, ведущія отъ Зинцгейма и Рорбаха въ Вайдштадтъ и къ Неккару.

Союзники заняли городъ и сады впереди него тысячью пѣхотинцевъ и 400 спѣшенными драгунами. Кавалерія же ихъ въ двухъ линіяхъ расположилась на плато, фронтомъ параллельно ручью Эльзенцъ, примыкая правымъ флангомъ къ замку, который по оплошности, а можетъ быть и по недостатку въ пѣхотѣ, не былъ занятъ.

Осмотрѣвъ расположеніе непріятеля, Тюреннь, не смотря на усталость войскъ и на силу позиціи, рѣшился немедленно ее атаковать. Превосходство въ количествѣ и качествѣ пѣхоты позволило ему разсчитывать на успѣхъ. Распоряженія для атаки заключались въ слѣдующемъ: 1300 челов. пѣхоты и 4 эскадрона драгунъ, подъ начальствомъ Гокенкура (Hocqiuncourt), составляя авангардъ, должны были выбить непріятеля изъ города и его предмѣстья; остальныя войска слѣдовали за нимъ въ двухъ линіяхъ—пѣхота въ срединѣ, кавалерія по флангамъ. Батарея въ 6-ть тяжелыхъ орудій поставлена была на оконечности праваго фланга, чтобы держать союзную кавалерію въ отдаленіи отъ края высотъ. Нападеніе на сады и виноградники произведено было съ необыкновеннымъ пыломъ, причемъ первыми взобрались справа на стѣны драгуны. Имперцы были мгновенно выбиты и принуждены отступить въ городъ. Французы на плечахъ ихъ ворвались туда же и, послѣ жестокаго $1^1/_2$-часоваго боя, городъ былъ въ ихъ рукахъ. Только 400 защит-

никовъ взяты были въ плѣнъ, прочіе же всѣ погибли, за исключеніемъ немногихъ успѣвшихъ уйти.

Пріобрѣтеніе Зинцгейма было важнымъ успѣхомъ—на него могъ опереться Тюреннь, чтобъ развернуть свою армію на противоположномъ берегу; оставалось еще овладѣть доступами на плато, что было не легко, еслибъ непріятель занялъ старый замокъ, командовавшій всею окрестностью; но по счастію этого не было сдѣлано. Пѣхотный отрядъ, показавшійся на краю высоты, вѣроятно съ цѣлью подкрѣпить войска въ Зинцгеймѣ, былъ быстро опрокинутъ. Замокъ былъ занятъ частью пѣхоты Тюренна, овладѣвшею городомъ, въ то время какъ другая часть занималась исправленіемъ полуразрушеннаго моста на Эльзенцѣ, нѣсколько выше (восточнѣе) города, что съ помощью принесенныхъ фашинъ было скоро исполнено. Въ то время какъ остальная армія начала переходить черезъ рѣку, Тюреннь самъ поѣхалъ впередъ, чтобы осмотрѣть расположеніе противниковъ.

Герцогъ Лотарингскій и Капрара, какъ только открытъ былъ артиллерійскій огонь съ лѣваго берега рѣчки, отвели кавалерію нѣсколько назадъ, чтобъ не подвергать ее напраснымъ потерямъ, и такимъ образомъ лишены были возможности знать что происходило въ Зинцгеймѣ. Это удаленіе позволило Тюренню сдѣлать слѣдующія распоряженія для занятія плато: часть пѣхоты двинута была имъ по оврагу, направляющемуся къ сѣверу отъ города, съ цѣлью занять изгороди, идущія вдоль него и поражать во флангъ непріятельскую кавалерію; 200 пѣхотинцевъ заняли виноградники на восточномъ склонѣ плато, поражая кавалерію съ другаго фланга; подъ прикрытіемъ ихъ огня кавалерія взобралась на плато, но, по тѣснотѣ пространства, принуждена была выстроиться въ 3 глубокихъ линіи, имѣя между эскадронами пѣхотные взводы. Артиллерія выдвинута была передъ фронтъ. Войска встрѣтили Тюренна, объѣзжавшаго линіи, громкими ура, выражая свой восторгъ бросаніемъ шапокъ кверху. Этотъ шумъ едва не повлекъ за собою гибельныхъ послѣдствій: артиллерійскія лошади, испуганныя шумомъ, бросились назадъ съ орудіями, произвели страшный безпорядокъ въ пѣхотѣ и кавалеріи и едва не опрокинули орудія въ Эльзенцъ; по счастію для французовъ имперцы не воспользовались этимъ; порядокъ скоро былъ возстановленъ и артиллерія заняла свои мѣста. Наконецъ кавалерія союзниковъ бросилась въ атаку; но, встрѣченная огнемъ съ двухъ фланговъ и пѣхотныхъ взводовъ, помѣщенныхъ между эскадронами, принуждена была отойти назадъ. Тюреннь воспользовался этимъ, чтобъ развернуть боевой порядокъ; для этого, оставляя на мѣстѣ лѣвое крыло, онъ выдвигалъ впередъ правое, состоявшее изъ пѣхоты, двигавшейся вдоль по оврагу. Кавалерія успѣла развернуться въ центрѣ въ 2 линіи. Имперцы бросились 2-й разъ въ атаку и сбили кавалерію праваго фланга, но, встрѣченные огнемъ пѣхоты изъ оврага, снова принуждены были отступить. Также неудачно кончилась и 3-я ихъ ата-

ка. Союзники начали отступать линія черезъ линію. Французы преслѣдовали ихъ до самого лѣса, гдѣ захвачено было нѣсколько раненыхъ и 40 повозокъ. Союзники поспѣшно отступили за Неккаръ. Тюреннь остановился у Вайдштадта верстахъ въ 4 отъ поля сраженія, и только легкія кавалерійскія партіи направлены были за бѣжавшимъ непріятелемъ и слѣдовали за нимъ до Гейльброна.

Такъ окончилось Зинцгеймское сраженіе, стоившее союзникамъ 2/т. убит. и ранеными и до 500 плѣнными. Потеря Тюренна была тоже значительна, въ особенности при штурмѣ города, и простиралась до 1100 человѣкъ.

Незначительное ни по числу сражавшихся, ни по матеріальнымъ потерямъ, ни по результатамъ, Зинцгеймское сраженіе чрезвычайно важно въ тактическомъ отношеніи, какъ далеко опередившее всѣ тогдашнія понятія объ образѣ дѣйствій войскъ въ бою. Замѣчательно какъ Тюреннь умѣлъ располагать различными родами оружія, сообразно мѣстности и потребности; они у него не составляли отдѣльныхъ эшелоновъ, а стройное цѣлое, части котораго взаимно содѣйствуютъ для достиженія общей цѣли. Выборъ пункта атаки на Зинцгеймъ вполнѣ удаченъ; хотя овладѣніе имъ было затруднительно, но Тюреннь понялъ, что это тактическій ключъ позиціи, съ занятіемъ котораго онъ могъ легко дебушировать на правый берегъ рѣчки. Не менѣе искусно расположеніе по флангамъ въ замкѣ и виноградникахъ отрядовъ пѣхоты—безопасное потому, что имперцы съ своей кавалеріей не могли тамъ дѣйствовать; въ высшй степени полезное, потому что эти два пункта образовали два крѣпкихъ бастіона, подъ перекрестнымъ огнемъ которыхъ могла развернуться кавалерія, уступавшая и по числительности и по вооруженію австрійской и притомъ по тѣснотѣ пространства находившаяся въ чрезвычайно невыгодномъ положеніи. Далѣе, наступленіе правымъ флангомъ впередъ—тоже заслуживаетъ вниманія. Замѣчательно, что боевой порядокъ Тюренна представлялъ рѣдкое исключеніе изъ общепринятыхъ правилъ. У него въ центрѣ была кавалерія, а по флангамъ пѣхота. Но этотъ боевой порядокъ обусловливался свойствами поля сраженія и составомъ арміи противника. Этою тайною примѣненія къ мѣстности обладали не многіе изъ современныхъ полководцевъ ([209]).

20 іюня Тюреннь, не рѣшаясь оставаться съ незначительными силами на правомъ берегу Рейна, перешелъ обратно Рейнъ въ Филипсбургѣ (гдѣ оставилъ взятые прежде 4 баталіона), чтобы не истощать магазиновъ этого города, служившаго ему базою при дѣйствіяхъ, и продовольствовать свою армію въ земляхъ курфюрста Пфальцкаго.

Расположившись у Лаксгейма, близъ Нейштадта, въ изобильной мѣстности, онъ высылалъ оттуда отряды на противоположный берегъ Рейна для сбора свѣдѣній о непріятелѣ и распространенія ложныхъ слуховъ.

Союзники, опасаясь новаго покушенія Тюренна на правый берегъ Рейна, по соединеніи съ Бурнонвилемъ укрѣпили все пространство вдоль

по Неккару отъ Ладенбурга до Рейна, усилили себя гарнизономъ Вормса и расположились въ числѣ 12000 у Ладенбурга на Неккарѣ. Тюреннь, получивъ подкрѣпленія, усилившія его армію болѣе чѣмъ до 16 т., рѣшилъ воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ и предпринялъ новую экспедицію за Рейнъ въ началѣ іюля. Сдѣлавъ для демонстраціи ложное движеніе, онъ снова переправился скрытно у Филипсбурга, усилился тамъ 2000 челов. и двинулся къ Гейдельбергу. Оставя вправо этотъ городъ, онъ переправился по устроенному имъ понтонному мосту чрезъ Неккаръ, верстахъ въ 6-ти выше Ладенбурга. Между послѣднимъ (слѣва) и Мангеймомъ (справа) сосредоточились вся имперская армія Бурнонвиля, усилившаяся подкрѣпленіями до 14 т., причемъ она укрѣпилась на занятыхъ позиціяхъ. Мѣсто, выбранное Тюреннемъ для переправы было столь выгодно, что Бурнонвиль не осмѣлился препятствовать его намѣренію и поспѣшно отступилъ чрезъ Дармштадтъ къ Майну, разсѣявъ пѣхоту по лѣсамъ и горамъ, чтобы ускорить движеніе. Французы, преслѣдуя непріятеля, захватили нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. Причины такого быстраго отступленія непонятны, потому что силы союзниковъ почти равнялись силамъ Тюренна. По всей вѣроятности, это должно приписать моральному вліянію предшествовавшихъ успѣховъ французскаго полководца,

Прогнавъ непріятелей за Майнъ, гдѣ они сосредоточились у Франкфурта, Тюреннь расположился на Неккарѣ и, по приказанію Лувуа, разорилъ совершенно владѣнія Пфальцкаго курфюрста, своего дяди, изъ Мангеймскаго замка смотрѣвшаго какъ пылали его города и села. Онъ послалъ вызовъ маршалу, который, конечно, не былъ принятъ. Тюреннь перешелъ обратно Рейнъ и сосредоточилъ свою армію, усилившуюся значительными подкрѣпленіями, въ окрестностяхъ Ландау.

Между тѣмъ и союзники, усилившись подкрѣпленіями до 35—36 т., рѣшились въ свою очередь перейти въ наступленіе, имѣя намѣреніе вытѣснить противника изъ Эльзаса. Съ этою цѣлію они, переправившись чрезъ Рейнъ въ Майнцѣ 30-го августа, направились къ Шпейеру. Тюреннь, силы котораго далеко уступали имперскимъ (всего 23 т.), рѣшился для защиты Эльзаса принять оборонительный бой, и съ этою цѣлью занялъ за ручьемъ Эрленбахъ, у городка Виндена, крѣпкую природою и усиленную мѣстными препятствіями позицію. Союзники, подойдя къ ней и видя ея силу, не рѣшились атаковать, тѣмъ болѣе, что должны были имѣть въ тылу двѣ сильныя крѣпости: Ландау и въ особенности Филипсбургъ. Людовикъ XIV, побуждаемый Лувуа, приказалъ Тюренню двинуться на защиту Лотарингіи; но французскій полководецъ представилъ противъ этого вѣскія возраженія, а именно: что, по позднему времени года, непріятель не въ состояніи предпринять операцію въ Лотарингію, что очистить занятую страну и предоставить ее непріятелю добровольно, имѣя достаточно войскъ (болѣе 20 т.), было бы неблагоразумно; что тогда крѣпости Филипсбургъ и Брейзахъ должны будутъ

сдаться и т. п. Мнѣніе Тюренна восторжествовало и онъ продолжалъ кампанію по своему плану. Между тѣмъ Бурнонвиль, командовавшій имперскою арміею, простоявъ лагеремъ 15 дней въ четырехчасовомъ разстояніи отъ французской арміи, въ плохихъ землянкахъ, составилъ удачный планъ проникнуть въ Эльзасъ въ тылу Тюренна черезъ мостъ у Страсбурга, гдѣ у имперцевъ было много приверженцевъ. Съ этою цѣлью онъ переправился обратно на правый берегъ Рейна, по заранѣе устроенному мосту въ Шпейерѣ, и пошелъ быстро къ Страсбургу. Тюреннъ, узнавъ объ этомъ, быстро двинулся къ Страсбургу, желая предупредить союзниковъ, но авангардъ его не былъ впущенъ въ городъ жителями. Тюреннъ принужденъ былъ занять позицію у Ванценау, къ сѣверу отъ Страсбурга въ 2-хъ миляхъ. 1-го октября союзники перешли Рейнъ въ Страсбургѣ, 3-го Илль и расположились за рѣчкою Брейшъ, въ деревняхъ Энцгеймѣ, Плаисгеймѣ и Гейспольцгеймѣ, фронтомъ къ сѣверу.

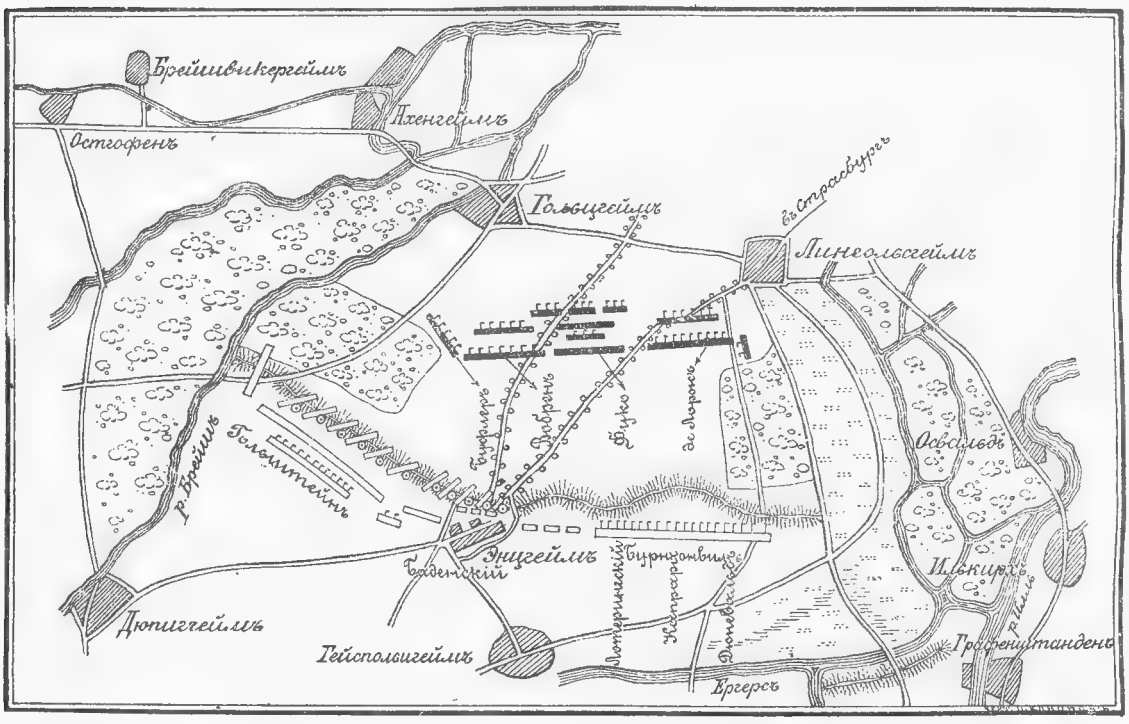
Тюреннъ, не желая отступленіемъ отдать въ руки союзниковъ Эльзасъ, рѣшился принять бой, не смотря на неравенство въ силахъ, разсчитывая на разногласіе между нѣмецкими генералами и желая предупредить соединеніе имперцевъ съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ. 2-го октября онъ послалъ впередъ три полка драгунъ съ приказаніемъ на всѣхъ гатяхъ и рѣкахъ, ведущихъ къ непріятельской позиціи, наводить мосты. Самъ же выступилъ въ полночь въ 3-хъ колоннахъ: въ средней пѣхота, въ лѣвой кавалерія и въ правой артиллерія и обозы, направляясь по размытымъ отъ дождей дорогамъ на Мутцигъ и Брейшъ. Оставивъ войска у Ахенгейма, Тюреннъ выѣхалъ впередъ къ авангарду, чтобъ обозрѣть непріятельскую позицію. Слѣдствіемъ этой рекогносцировки было то, что Тюреннъ рѣшился перейти Брейшъ, чтобы атаковать противника. Ахенгеймъ былъ занятъ отрядомъ драгунъ Буфлера, а у Гольцгейма приказано было строить мостъ. Гр Лоржъ направился туда со всѣми остальными драгунами. Произведя рекогносцировку, онъ нашелъ, что позади Гольцгейма простирается равнина, на которой имѣются только небольшіе непріятельскіе полевые караулы; благодаря этому селеніе безъ труда было занято драгунами и гренадерами, къ которымъ подошли 1,500 чел. пѣхоты. Прибывшій на мѣсто Тюреннъ приказалъ обозамъ остановиться у Ахенгейма, а остальнымъ войскамъ слѣдовать за авангардомъ. Перейдя здѣсь черезъ Брейшъ, французы немедленно выстроились въ боевой порядокъ. Только съ наступленіемъ ночи нѣмецкіе посты двинулись противъ Гольцгейма, но должны были отойти передъ превосходнымъ противникомъ. Бурнонвиль дѣйствовалъ нерѣшительно, а въ собранномъ имъ военномъ совѣтѣ, по обыкновенію, высказывались различныя мнѣнія. Наконецъ принято было среднее рѣшеніе: двинуться на слѣдующій день, 4 сентября, къ Гольцгейму и отбросить Тюренна за Брейшъ.

Тѣмъ не менѣе Бурнонвиль дѣйствовалъ такъ вяло и медленно, что

на слѣдующій день армія союзниковъ еще не успѣла изготовиться къ движенію какъ было получено извѣстіе о наступленіи Тюренна.

Французская армія состояла изъ 20 бат. пѣхоты и 73 эск. кавалеріи. Принимая баталіонъ въ 600 чел. и эскадронъ въ 130 лошадей, мы найдемъ числительность пѣхоты 12,000 чел., кавалеріи 9,490 и драгунъ 1,200 чел.; всего 22—23 тыс. съ 30 орудіями.

У союзниковъ было значительное превосходство въ числѣ войскъ—всего 32 т., въ томъ числѣ пѣхоты болѣе 17,000 чел. и кавалеріи 14,500 чел. при 58 орудіяхъ. Мѣстность поля сраженія замѣчательна въ томъ отношеніи, что обѣ арміи имѣли за собою пересѣченный лѣсистый и болотистый берегъ рѣки. Впереди с.с. Дютсгейма и Гольцгейма протекаетъ р. Брейшъ. Въ верстѣ восточнѣе Дютсгейма лежитъ довольно обширное кругообразное с. Энцгеймъ, окруженное заборами и глубокими канавами. Къ востоку и западу отъ него тянутся до Ильи и



Брейша обсаженныя заборомъ и деревьями канавы и дороги. Далѣе у Гольцгейма и Лингольсгеймапростирается равнина съ двумя лишь лѣсками—одинъ рѣдкій, тянется параллельно берегу Ильи, отъ рва до Лингольсгейма, другой въ 500 шаг. западнѣе Энцгейма и впереди рва—густой, длиною около 1000 ш. и шириною около 500 ш., примыкая непосредственно къ Брейшу. Правое крыло союзниковъ, подъ начальствомъ Бурнонвиля, состояло изъ императорской и лотарингской кавалеріи и расположилось восточнѣе Энцгейма до Лингольсгеймскаго лѣса. Центръ, подъ начальствомъ маркграфа Баденскаго, состоялъ изъ импе-

раторской и разныхъ городскихъ контингентовъ пѣхоты. С. Энцгеймъ—ключъ позиціи—было занято однимъ полкомъ съ 1 баталіономъ, 1 эскадропомъ и 4 орудіями: восточнѣе селенія расположены были, за заборами, два полка и одинъ баталіонъ. Остальная пѣхота и артиллерія—лѣвѣе селенія за рвами. Лѣвое крыло, подъ начальствомъ герцога Гольштейнъ-Плоэнскаго, состояло изъ люнебургскихъ войскъ, причемъ пѣхота расположилась за рвомъ у лѣска, а кавалерія, по недостатку мѣста,—за пѣхотою. Только небольшая ея часть стала рядомъ съ пѣхотою за лѣскомъ. Такимъ образомъ большая часть войскъ была вытянута въ одну линію и все расположеніе до извѣстной степени примѣнено къ мѣстности.

Тюреннь выстроилъ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ: *центръ* образовали 10 бат. въ первой и 8 бат. во второй линіи; между пѣхотными линіями стояло 5 эскадроновъ кавалеріи; *на лѣвомъ флангѣ* 31 эскадронъ въ 2-хъ линіяхъ, *на правомъ флангѣ* тоже 31 эскадронъ въ 2-хъ линіяхъ, 8 эскадр. драгунъ маркиза Буфлера образовали крайнее правое крыло, 4—лѣвое крыло боеваго порядка, который, какъ мы видимъ, по причинѣ равнинной мѣстности, былъ симметриченъ и нормаленъ. 2 баталіона и 6 эскадроновъ образовали резервъ за центромъ. Особенностью въ расположеніи Тюренна было то, что между эскадронами кавалеріи въ первой линіи поставлено было по 15 мушкетеровъ для приданія кавалеріи оборонительной силы; до 30 орудій расположено предъ фронтомъ.

Французскія войска выстраивались въ боевой порядокъ при сильномъ туманѣ, не позволявшемъ различать предметы на самомъ ближнемъ разстояніи; потомъ этотъ туманъ обратился въ сильный дождь, продолжавшійся безпрерывно почти цѣлый день; наконецъ, въ 8 ч. утра Тюреннь двинулся впередъ въ боевомъ порядкѣ. У праваго лѣска показались два непріятельскихъ кавалерійскихъ отряда, которые были прогнаны артиллерійскими выстрѣлами; затѣмъ маркизъ Буфлеръ, командовавшій драгунами праваго фланга, выѣхалъ впередъ едва съ 50 драгунами и удостовѣрился, что лѣсокъ не занятъ противникомъ. Тогда движеніе боеваго порядка продолжалось и французская армія вышла на линію лѣска. Буфлеръ снова отправился на рекогносцировку, но, по причинѣ тумана, ничего не могъ видѣть. Французская армія остановилась и Тюреннь снова послалъ впередъ Буфлера. Слѣдуя по опушкѣ лѣса къ Энцгейму, Буфлеръ наткнулся на 2 баталіона двигавшихся съ лѣваго непріятельскаго крыла къ лѣску. Повернувъ назадъ, Буфлеръ немедленно спѣшилъ свои 8 эскадроновъ и повелъ ихъ въ лѣсъ, чтобы предупредить имперцевъ. Тюреннь отправилъ ему въ подкрѣпленіе всѣ отряды мушкетеровъ (ок. 500 чел.), находившихся между эскадронами праваго крыла, съ нѣсколькими орудіями. Жаркій бой загорѣлся въ лѣсу, но въ непродолжительномъ времени союзники были изъ него выбиты съ потерей артиллеріи. Этимъ дѣло не окончилось; лѣсокъ былъ слишкомъ важенъ для имперцевъ, чтобъ оставить его въ рукахъ французовъ, а потому они нѣсколько разъ еще

предпринимали атаку съ намѣреніемъ имъ овладѣть. Въ свою очередь Тюреннь постепенно подкрѣплялъ сражавшихся въ лѣсу, наконецъ, введя туда 8 баталіоновъ 2-й линіи центра и 2 баталіона, находившихся въ резервѣ, выбилъ, послѣ двухчасоваго боя, имперцевъ изъ лѣска; при одной изъ атакъ цѣлый баталіонъ союзниковъ былъ окруженъ и захваченъ въ плѣнъ. Новая попытка имперцевъ (люнебургцевъ) къ атакѣ была отражена при помощи кавалеріи праваго крыла, причемъ противникъ отброшенъ за ровъ. Но въ свою очередь и французы не могли дебушировать изъ лѣсу подъ перекрестнымъ огнемъ выгодно расположенной имперской артиллеріи. Тюреннь рѣшился атаковать позицію люнебургцевъ и с. Энцгеймъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ артиллеріи выдвинуться впередъ для подготовки атаки и послалъ на лѣвый флангъ за подкрѣпленіями. Между тѣмъ Бурнонвиль, державшійся до тѣхъ поръ пассивно, рѣшился, наконецъ, выслать нѣсколько баталіоновъ и орудій для поддержки люнебургцевъ. Предпринятая тамъ атака была отбита французами и такъ какъ ни одна изъ сторонъ не могла выбить другую съ позиціи, то вскорѣ дѣло перешло здѣсь въ перестрѣлку. Въ то же время Бурнонвиль, замѣтивъ что французы ослабили себя въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, рѣшился атаковать своей кавалеріей праваго крыла (Капрара) находившіеся въ центрѣ 7 баталіоновъ пѣхоты, ударивъ на нихъ съ фронта и съ лѣваго ихъ фланга. Покончивъ съ пѣхотой, Капрара долженъ былъ броситься на лѣвое непріятельское крыло, которое въ то же время предположено атаковать пятью полками кавалеріи, направленными черезъ Лингольсгеймъ лѣсомъ.

Капрара двинулъ свою тяжелую конницу (18 эск.), черезъ 2 отверстія въ заборахъ, на равнину, быстро перестроился и приказалъ 1-й линіи броситься на французовъ съ фронта, а самъ съ 12 эскадронами повернулъ влѣво, чтобы атаковать Фуко съ фланга и тыла. Но Фуко своевременно замѣтилъ эту атаку и приказалъ мушкетерамъ, отдавъ залпъ, скрыться въ каре, построенныя пикинерами, а находившимся въ первой линіи двумъ и во 2-й пяти эскадронамъ прикрыть пѣхоту. Вслѣдствіе этого первая линія Капрары, не доскакавъ 30 шаговъ до лѣса копій французской пѣхоты, повернула назадъ. Самъ Капрара хотя опрокинулъ французскую конницу, но атака его во флангъ и тылъ французской пѣхоты потерпѣла полную неудачу. Тогда, собравъ свои эскадроны, онъ понесся противъ кавалеріи лѣваго крыла французовъ, но, встрѣченный контръ-атакой де-Лоржа, былъ отброшенъ въ полномъ безпорядкѣ. Французы, гоня австрійскихъ латниковъ, опрокинули и разсѣяли одинъ непріятельскій баталіонъ, выдвинувшійся на равнину, но затѣмъ, встрѣченные огнемъ непріятельской пѣхоты, повернули назадъ. Австрійская кавалерія, направленная черезъ лѣсъ, двигаясь по трудно-проходимой дорогѣ, запоздала прибытіемъ, а затѣмъ была отражена огнемъ французской пѣхоты и атакой конницы Лоржа.

Сраженіе безпорно было выиграно французами, успѣвшими овладѣть

лѣсомъ на правомъ ихъ флангѣ и отбившими имперскую кавалерію на лѣвомъ. Но Тюреннь съ наступленіемъ ночи отдалъ приказаніе отступить обратно къ Ахенгейму, гдѣ находился его обозъ. Арьергардъ же французскій оставался на полѣ сраженія. Въ свою очередь союзники, ничего не подозрѣвая объ отходѣ Тюренна, тоже отошли за Илль ([210]).

Разсматривая дѣйствія Тюренна, можно замѣтить, что стратегическимъ ключемъ позиціи имперцевъ было правое крыло, потому что тамъ лежалъ путь отступленія на Стасбургъ. Атакуя правый флангъ, Тюреннь отрѣзалъ бы союзниковъ отъ мостовъ и ставилъ ихъ въ опасное положеніе. Атака ведется вяло, по частямъ, но постепенно вся армія принимаетъ въ ней участіе; центръ и лѣвое крыло ослабляются. Касательно союзниковъ нужно замѣтить, что расположеніе ихъ на позиціи было далеко не искусно; оставленіе незанятыми обоихъ лѣсковъ, находившихся передъ флангами, было важнымъ упущеніемъ, свойственнымъ впрочемъ всѣмъ современнымъ посредственнымъ тактикамъ, хлопотавшимъ только о симметричности боеваго порядка, о равненіи линій. Идея маневра на лѣвый флангъ Тюренна, ослабленный усиленною атакою на правомъ, заслуживаетъ вниманія, но для достиженія успѣха нужно было перейти въ наступленіе всѣмъ правымъ флангомъ и центромъ, а не нѣсколькими эскадронами, не успѣвшими ничего сдѣлать. Успѣховъ французовъ на лѣвомъ имперскомъ флангѣ нечего было бояться, потому что превосходство въ силахъ и въ особенности въ артиллеріи не дозволяло французамъ сдѣлать лишній шагъ впередъ; такая атака вѣроятно принесла бы за собою самые рѣшительные результаты. Нельзя не замѣтить также, что союзники несвоевременно отступили съ поля сраженія, которое не было еще ими окончательно проиграно, когда много войскъ еще не принимало участія въ дѣлѣ. Въ стратегическомъ отношеніи Эпигеймское сраженія не повлекло за собою важныхъ результатовъ, потому что союзники вскорѣ соединились съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ и армія ихъ возросла до 55 т. Войска же Тюренна съ подошедшими подкрѣпленіями едва усилились до 30 т. Казалось, что при такомъ превосходствѣ союзниковъ въ силахъ цѣль войны—занятіе Эльзаса—должна была бы быть достигнута. Тюреннь очень хорошо это понималъ и, не имѣя возможности дать сраженіе, старался по крайней мѣрѣ въ пособіяхъ мѣстныхъ найти равновѣсіе съ противниками, обращаясь къ укрѣпленнымъ позиціямъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ укрѣпить Саверну и Гагенау, откуда онъ получалъ продовольствіе, и занялъ сильную позицію за рѣкою Цорнъ. Тюреннъ важно было выиграть время, потому что, по позднему времени года, скоро противники должны были расположиться на зимнихъ квартирахъ. Къ тому же онъ зналъ, что, по случаю вторженія шведовъ, курфюрстъ долженъ былъ отдѣлиться, чтобы поспѣшить на защиту родовыхъ владѣній. Между тѣмъ въ лагерѣ союзниковъ существовало полное разногласіе на счетъ того, что имъ слѣдовало предпринять; наконецъ они потянулись къ рѣки Цорнъ, но не рѣшились атаковать Тюренна въ его крѣпкой позиціи и повернули

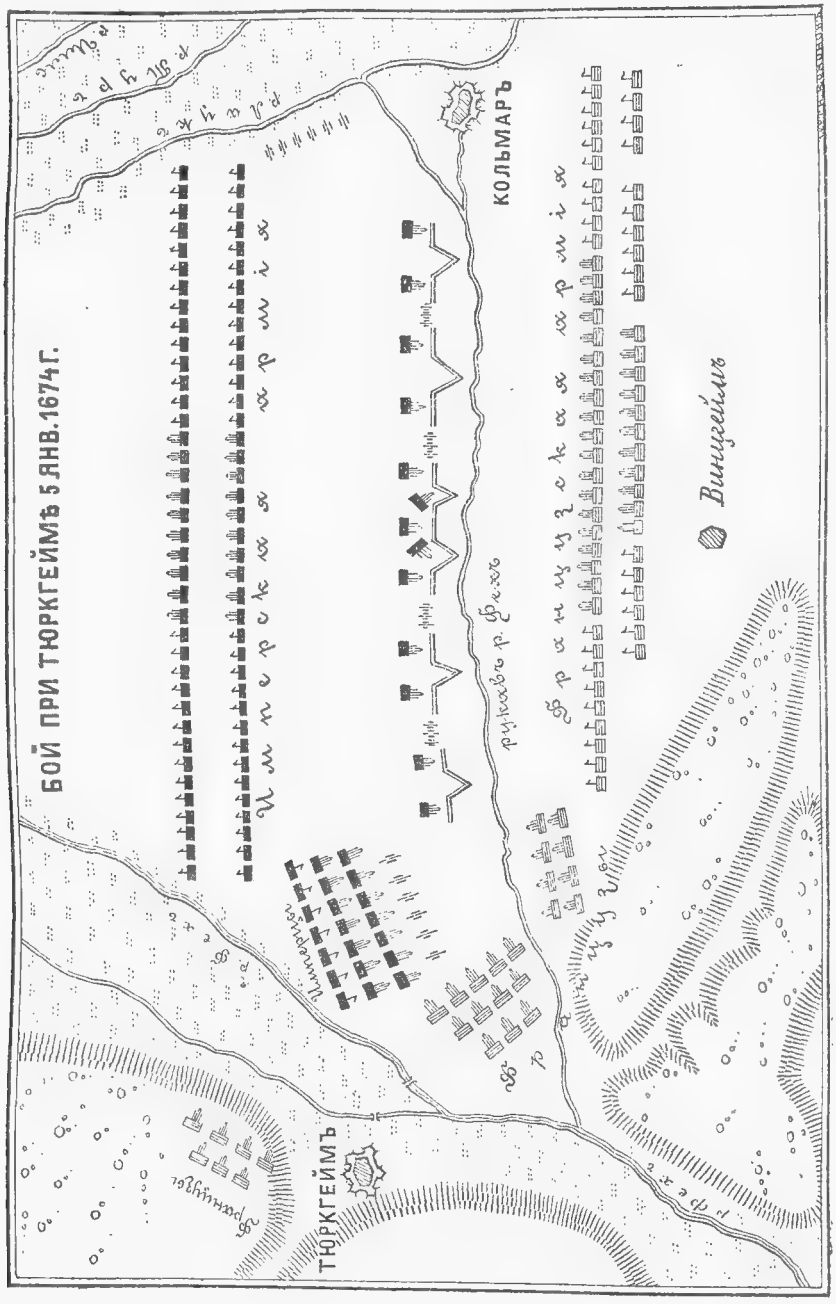
обратно къ Страсбургу. Тюреннь задумалъ планъ совершеннаго изгнанія союзниковъ изъ Эльзаса и сообщилъ его королю; но для исполненія такого плана было необходимо, чтобѣ союзники расположились по квартирамъ. Съ этою цѣлью онъ показалъ видъ, что тоже располагается на зимовку между Саверною и Гагенау. Союзники послѣдовали его примѣру и растянули свою армію на зимнія квартиры между Вогезами и верхнимъ Рейномъ, отъ Бенфельда до Бельфора. Главная квартира курфюрста была въ Кольмарѣ.

Тогда Тюреннь приступилъ къ исполненію свою плана. Въ началѣ декабря онъ внезапно оставилъ свои зимнія квартиры и отступленіе изъ Эльзаса въ Лотарингію черезъ Люцельштейнъ. Но какъ только онъ перешелъ Вогезы, то быстро повернулъ на югъ и, слѣдуя по западному склону Вогезовъ чрезъ Саарбургъ и Бюкара, дошелъ до Ремиремона, гарнизонъ котораго отступилъ въ Эльзасъ. Тюреннь постарался ввести противника демонстраціями у главныхъ вогезскихъ проходовъ въ заблужденіе; кромѣ того, чтобы непріятель принялъ движеніе на югъ за желанье расширить квартирный раіонъ, маршалъ пріостановился въ окрестностяхъ Ремиремона съ 17 по 23-е число и расположилъ главную квартиру близъ С. Набора. Дороги, завалепныя сначала снѣгами, сдѣлались непроходимыми вслѣдствіе наступившей оттепели. Это обстоятельство слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ дѣйствій маршала. Наконецъ Тюреннь двинулся черезъ Шампань и Вольдуа и 27-го появился передъ Бельфоромъ, т. е. на лѣвомъ флангѣ расположенія союзниковъ. Послѣдніе, обезпокоенные этимъ движеніемъ, начали стягивать войска на болѣе тѣсные квартиры.

Въ Бельфорѣ Тюреннь узналъ, что непріятельскимъ войскамъ было назначено собраться къ Кольмару и Альткирхену. Вслѣдствіе этого онъ направлялся къ Мюльгаузену, желая отрѣзать послѣднія; для большей быстроты движенія, онъ оставилъ назади пѣхоту и пошелъ съ одною кавалеріею. У Мюльгаузена, 29 декабря, французскій авангардъ наткнулся на непріятельскій отрядъ рѣшившійся принять бой, чтобы дать время войскамъ собраться въ квартиръ. Но, послѣ жаркаго дѣла, онъ былъ сбитъ; а на слѣдующій день взятъ былъ французами въ плѣнъ, въ замкѣ Бурштадтѣ, у Мюльгаузена, цѣлый нѣмецкій пѣхотный полкъ силою въ 900 челов. Тюреннь нашелъ 5-го января главныя непріятельскія силы сосредоточенными на укрѣпленной позиціи за протокомъ рѣки Фехты, во многихъ мѣстахъ котораго существовали броды, но главнѣйшія переправы были испорчены союзниками. Лѣвое крыло (войска вел. курфюрста) обезпечивалось Кольмаромъ, укрѣпленія котораго оборонялись артиллеріей, правое же крыло (войска имперскія, лотарингскія, мюнстерскія и люнебургскія) висѣло на воздухѣ. Его нельзя было протянуть до Тюркгейма, который заняли двумя баталіонами, очутившимися такимъ образомъ отдѣльно, въ верстѣ отъ праваго фланга арміи. Послѣдняя выстроилась въ 2 линіи, имѣя пѣхоту въ центрѣ, кавалерію по флангамъ

и за серединою резервъ изъ пѣхоты и кавалеріи. Общая числительность войскъ простиралась до 33 т. чел.—

У Тюренна, съ прибывшими изъ Франшъ-Конте подкрѣпленіями, было до 30000 челов. Французы двигались къ непріятелю тремя колоннами,



по, убѣдившись въ рискованности атаки съ фронта, Тюреннъ рѣшился обойти союзниковъ съ праваго ихъ фланга, черезъ Тюркгеймъ. Развернувъ въ двѣ линіи правую и среднюю колонны, состоявшія преимущественно изъ кавалеріи, маршалъ приказалъ лѣвой колоннѣ, изъ 4 бата-

ліоновъ и нѣсколькихъ эскадроновъ, двинуться черезъ Винценгеймъ на Тюркгеймъ *). Самъ Тюреннь направился съ обходной колонной Фуко, поручивъ демонстрацію съ фронта де-Ложу.

Видя это, союзники отправили къ Тюркгейму, изъ резерва и 2-ой линіи, 12 батал., 30 эскадроновъ и 6 орудій; но когда они прибыли туда, то городъ, покинутый слабымъ гарнизономъ, былъ уже въ рукахъ французовъ, переправившихся черезъ р. Фехту. Тѣснимыя постепенно Тюреннемъ, названныя войска тоже отступили къ главнымъ силамъ, которыя демонстраціями Ложа были прикованы къ ихъ позиціи до ночи. Союзники потеряли до 900 ч., а французы около 200.—Тюреннь намѣревался дать на другой день рѣшительное сраженіе, но получилъ донесеніе что противникъ почью отступилъ на Шлетштадтъ. Курфюрстъ тяготился безполезной для него и сѣверныхъ князей Германіи войной; имперцы были утомлены неудачнымъ съ самаго начала для нихъ зимнимъ походомъ; между начальниками господствовалъ полный разладъ, такъ что и самъ упадшій духомъ Бурнонвиль только и помышлялъ о скорѣйшемъ переходѣ на правый берегъ Рейна черезъ Шлетштадтъ и Страсбургъ. Артиллерія и обозы заранѣе были отправлены водою по р. Иллю къ тому же пункту.

Затѣмъ курфюрстъ перешелъ обратно черезъ Рейнъ и занялъ зимнія квартиры на правомъ берегу рѣки. Такимъ образомъ цѣль дѣйствій—оборона Эльзаса—была совершенно достигнута Тюреннемъ.

Тюреннь не счелъ нужнымъ мѣшать этому отступленію и отвелъ свою армію (вслѣдствіе разоренія Эльзаса) на зимнія квартиры въ Лотарингію. Разсматривая кампанію 1674 г. съ стратегической точки зрѣнія, мы видимъ съ обѣихъ сторонъ ограниченность цѣли дѣйствій, которая, въ свою очередь, обусловливалась незначительностью дѣйствовавшихъ армій, такъ какъ дѣйствія въ Эльзасѣ считались второстепенными. Незначительность армій не позволила ставить широкую цѣль дѣйствій и заставляла избѣгать сраженій, потому что потеря армій могла повлечь за собою потерю провинціи. Но, не смотря на это, мы видимъ, что Тюреннь рѣшительно переходитъ 2 раза въ наступленіе и ищетъ сраженій, что обусловливалось разсчетомъ—бить непріятеля превосходными силами до присоединенія къ нему подкрѣпленій.

---

*) Этотъ маневръ казался столь необыкновеннымъ, что одинъ изъ участниковъ рѣшился высказать свое удивленіе маршалу: «осмѣливаюсь доложить, что всѣ мы въ безпокойствѣ относительно приказаннаго намъ марша, а также въ виду того, что мы идемъ для того, чтобы уткнуться носомъ въ эту гору, напирая одни на другихъ.—Дѣйствительно, отвѣчалъ Тюреннь—вы не неправы, но я полагаю, что непріятельская армія, имѣющая передъ собою Тюркгеймскій ручей, а свой лѣвый флангъ у Кольмара, гдѣ находятся ея боевые припасы и продовольствіе, не оставитъ такое выгодное расположеніе, чтобы броситься на меня; съ другой стороны, противникъ не можетъ занять Тюркгеймъ иначе какъ отдѣльнымъ отрядомъ, и тогда, овладѣвъ этимъ пунктомъ, какъ я попытаюсь это сдѣлать тотчасъ, я открываю себѣ путь къ его флангу и тылу» ([211]).

Въ 1-й разъ онъ переходитъ Рейнъ, чтобы разбить Капрару и Лотарингскаго до прибытія къ нимъ подкрѣпленій, справедливо разсчитывая, что пассивная оборона не даетъ рѣшительныхъ результатовъ, и достигаетъ цѣли блестящимъ образомъ въ сраженіи при Зинцгеймѣ, — и это движеніе Наполеонъ называетъ превосходнымъ. 2-й разъ, не смотря на превосходство въ силахъ противниковъ, онъ смѣло атакуетъ ихъ при Энцгеймѣ до присоединенія къ нимъ курфюрста Бранденбургскаго; хотя въ дѣйствіяхъ предшествовавшихъ можно замѣтить, что Тюреннь не занялъ Страсбурга, пункта чрезвычайно важнаго для непріятеля, потому что жители его расположены были къ имперцамъ, которые могли здѣсь дебушировать на лѣвый берегъ Рейна. Эта оплошность не была поспѣшно исправлена и герцогъ Бурнонвиль предупредилъ Тюренна въ Страсбургѣ только 6-тью часами.

Ограниченность цѣли дѣйствій, кромѣ незначительной числительности армій, обусловливалась и способами ихъ продовольствія исключительно изъ магазиновъ, почему они не могли далеко удаляться отъ своихъ базисовъ.

Когда союзники, по соединеніи съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ, получили рѣшительное превосходство въ силахъ надъ противникомъ, Тюреннь благоразумно переходитъ къ оборонительной системѣ дѣйствій, къ системѣ крѣпкихъ природою позицій, которыя онъ усиливаетъ еще болѣе препятствіями мѣстными. Наконецъ, послѣдній его планъ внезапнаго нападенія на зимнія квартиры непріятеля превосходенъ по смѣлости и быстротѣ соображенія, хотя на исполненіе можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Тюреннь достигъ бы, по замѣчанію Наполеона, болѣе рѣшительныхъ результатовъ, еслибъ онъ дебушировалъ изъ Вогезовъ не на лѣвый флангъ, а на центръ или еще рѣшительнѣе на правый флангъ квартирнаго расположенія противниковъ, отрѣзывая ихъ совершенно отъ Страсбурга, гдѣ сосредоточены были жизненные и боевые припасы. Маршъ отъ Бельфора до Кольмара Наполеонъ находитъ слишкомъ медленнымъ. Въ Бельфоръ Тюреннь прибылъ 27-го декабря, а Тюркгеймское сраженіе далъ 5-го января. Такимъ образомъ, на переходъ этого 36-верстнаго пространства Тюреннь употребилъ 9-ть дней. Разъ какъ его маршъ былъ открытъ, нельзя было уже терять ни одной минуты и слѣдовало пользоваться внезапностью. Это пространство можно было, какъ говоритъ Наполеонъ([212]), пройти въ 3 дня и тогда достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ; армія курфюрста Бранденбургскаго не успѣла бы сосредоточиться къ бою у Кольмара, который могъ бы быть опаснымъ для Тюренна, еслибъ имперцы умѣли воспользоваться крѣпостью своей позиціи, превосходствомъ въ силахъ при труднопроходимости Тюркгеймскаго ручья, раздѣлявшаго двѣ части арміи Тюренна.

Кампанія 1675 года въ Эльзасѣ.

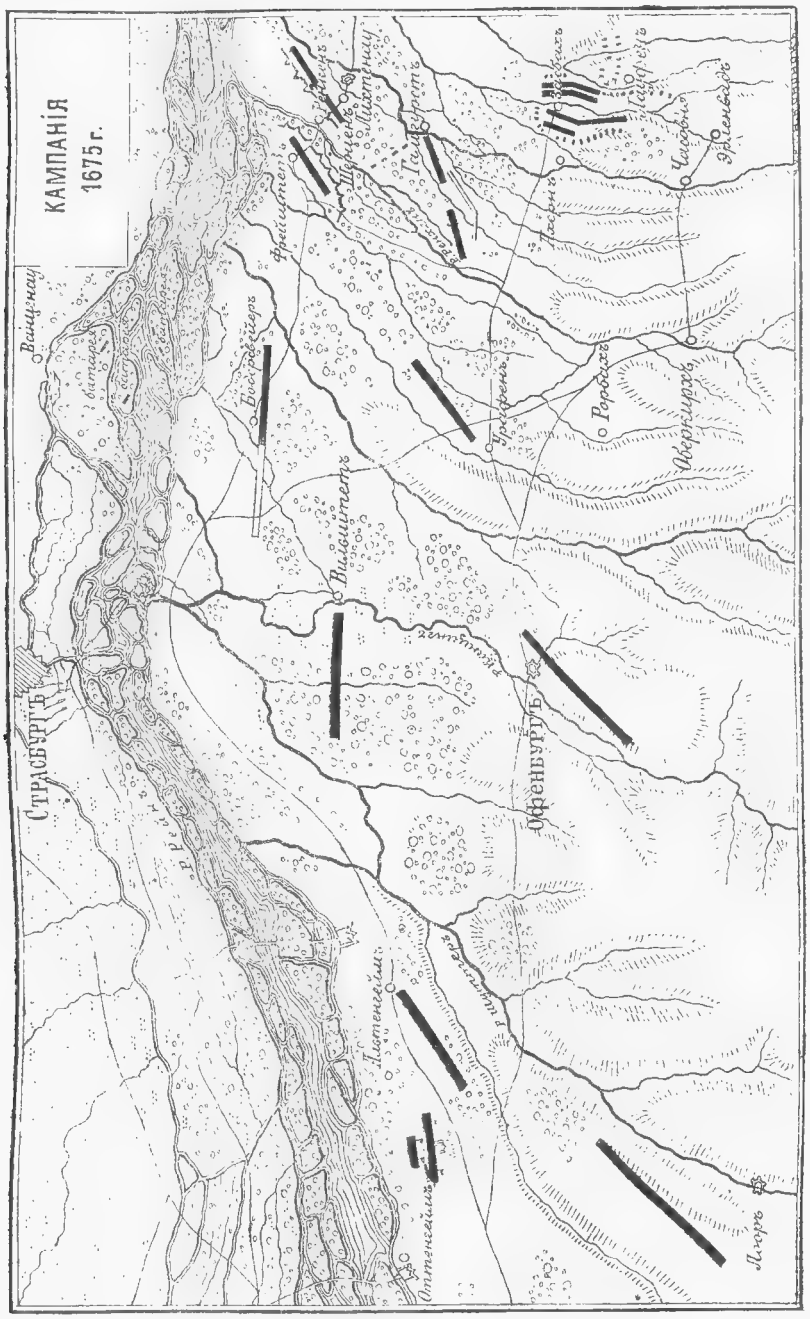
Въ началѣ кампаніи 1675 года Монтекукули, смѣнившій Великаго Курфюрста, имѣлъ приказаніе исправить его ошибки, завоевать Эльзасъ, и для достиженія этой цѣли ему ввѣрена была армія, имѣвшая до 26 т. подъ ружьемъ (12 т.,, пѣхоты и 14 т. кав.)

Тюреннь имѣлъ 22 т. (12 т. пѣх. и 10 т. кав.) О количествѣ орудій въ обоихъ арміяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Хотя Тюреннь и уступалъ силами Мантекуколи, но онъ имѣлъ важное преимущество надъ противникомъ въ томъ, что армія его состояла изъ войскъ одной націи, была испытана въ школѣ долгаго военнаго опыта и притомъ подъ руководствомъ такого искуснаго учителя, каковъ былъ Тюреннь. Фекьеръ, одинъ изъ замѣчательныхъ современныхъ писателей, скупой вообще на похвалы, не можетъ нахвалиться составомъ этой арміи; высокимъ нравственнымъ духомъ, господствовавшимъ въ ней, увѣренностью въ непобѣдимости, которая не оставила ее въ минуты испытаній, когда неспособность высшихъ начальниковъ, послѣ смерти Тюренна, ставила ее въ опасное положеніе (поведеніе французскаго арьергарда въ бою при Альтенгеймѣ) ([213]).

Кампанія началась тѣмъ, что Монтекукули поспѣшно двинулся къ Страсбургу, желая предупредить въ немъ Тюренна. Но послѣдній также поспѣшно подошелъ къ нему со стороны Нанси и угрожалъ жителямъ города бомбардированіемъ въ случаѣ нарушенія нейтралитета и пропуска чрезъ него австрійскихъ войскъ. Не успѣвъ занять города, строго охраняемаго противникомъ, Монтекукули рѣшился отвлечь его оттуда маневромъ. Съ этою цѣлью, оставивъ 6 т. отрядъ пр. Байретскаго у Офенбурга, бывшаго пунктомъ складовъ его боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, онъ со всею арміею потянулся внизъ по Рейну къ Филипсбургу, показывая намѣреніе приступить къ осадѣ этой крѣпости. Но Тюреннь, занявъ Страсбургъ, не дался въ обманъ и спокойно оставался на своихъ позиціяхъ у Страсбурга. Тогда Монтекукули пошелъ далѣе внизъ по Рейну, переправился черезъ него у Шпейера, угрожая осадою Ландау, Савернѣ и Гагенау. Тюреннь не трогался съ мѣста. Но потомъ, зная характеръ противника, чрезвычайно осторожнаго, въ особенности когда дѣло касалось сообщеній, Тюреннь рѣшился переправиться на правый берегъ Рейна, надѣясь этою диверсіею заставить его возвратиться туда же. Съ этою цѣлью высланный имъ отрядъ Вобрена устроилъ мостъ на Рейнѣ у мѣстечка Оттенгейма, верстахъ въ 12 выше Страсбурга, снабдилъ его прочнымъ тетъ-де понтомъ и оставилъ въ немъ нѣсколько баталіоновъ. Тюреннь съ арміею, уступавшею по числительности арміи Монтекукули, двинулся къ Вильдштедту. Совершивъ трудный маршъ, онъ занялъ этотъ городъ, укрѣпилъ тамъ старый замокъ, заложилъ магазинъ и расположился отъ Вильдштедта

до Экартсвейера фронтомъ къ сѣверу. Разсчеты Тюренна вполнѣ оправдались. Монтекукули, послѣ нѣсколькихъ дней выжиданій, принужденъ былъ уступить инціативу своему противнику и, не рѣшаясь атаковать Тюренна на его сильной позиціи, перешелъ обратно Рейнъ и располо-



жился у Оффенбурга, въ 5 верстахъ отъ французовъ. Позиція Тюренна была опасна: въ тылу его находился непріязненный Страсбургъ и Рейнъ, переправа черезъ который находилась на флангѣ въ Оттенгеймѣ, гдѣ могъ его предупредить Монтекукули движеніемъ изъ Оффенбурга. Но вы-

годное въ оборонительномъ отношеніи топографическое свойство обѣихъ рѣкъ, Шуттера и Канцига, образующихъ выпуклыя дуги къ сторонѣ непріятеля, давая Тюренню возможность двигаться по ихъ хордамъ, въ то время, какъ противникъ долженъ былъ слѣдовать по окружности, позволяло предупреждать непріятеля на всѣхъ пунктахъ переправы. Это свойство мѣстности было весьма удачно угадано Тюреннемъ, основавшемъ на немъ всю систему обороны. Но, однакожъ, еслибы Монтекукули произвелъ маршъ на Оттенгеймъ болѣе поспѣшно, то Тюреннь былъ бы поставленъ въ весьма опасное положеніе, что замѣчаетъ Наполеонъ въ своихъ комментаріяхъ на этотъ походъ Тюренна. Но Монтекукули не воспользовался выгодами своего расположенія и вмѣсто того, чтобъ быстро исполнить этотъ маршъ, онъ пошелъ первоначально къ *Лору*. Тюреннь, увѣдомленный объ этомъ, послалъ немедленно къ Альтенгейму Лоржа съ 8 бат., 34 эскадр. и 6 орудіями, усилилъ мостовой гарнизонъ нѣсколькими баталіонами, а самъ, выждавъ окончательнаго выясненія намѣреній противника, двинулся затѣмъ къ Альтенгейму, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Вильштедтѣ и выдвинувъ Лоржа нѣсколько южнѣе Оттенгейма. Замѣтя опасность, которой подвергались его мосты, заставляя его чрезмѣрно удлинять фронтъ, онъ велѣлъ перевести ихъ къ Альтенгейму, въ разстояніи около 8 верстъ отъ Страсбурга. Видя неудачу въ своихъ намѣреніяхъ, Монтекукули вернулся обратно къ Оффенбургу. Такимъ образомъ онъ не извлекъ для себя никакихъ выгодъ изъ крайне рискованнаго положенія Тюренна, который, будучи численно слабѣе австрійскаго полководца, имѣлъ въ тылу Рейнъ, ненадежный Страсбургъ и оба фланга угрожаемыми. Съ переводомъ мостовъ къ Альтенгейму, положеніе Тюренна значительно улучшилось, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ продовольственномъ отношеніяхъ. Страна въ окрестностяхъ Оффенбурга была уже истощена долгимъ пребываніемъ войскъ, а потому недостатокъ продовольствія, а также желаніе захватить Страсбургъ, заставили австрійскаго главнокомандующаго перейти въ Урлоффенъ, оставя въ Оффенбургѣ Капрару съ 5000 человѣкъ. Но Тюреннь зорко за нимъ слѣдилъ и, дабы лишить продовольствія австрійцевъ, имѣвшихъ въ тылу страну гористую и скудную, перешелъ Кинцигъ и расположился на позиціи у Бодерсвейера. Терпя недостатокъ въ продовольствіи, Монтекукули перешелъ на правую сторону Ренхена и въ одинъ переходъ фланговымъ маршемъ дошелъ до устья этой рѣки, гдѣ и расположился у Шерцена, опираясь правымъ флангомъ въ Рейнъ, имѣя въ виду получить съѣстные припасы, заказанный имъ мостъ и боевые снаряды изъ Страсбурга водою.

Тюреннь расположился противъ него за рѣчкою Ренхенъ на позиціи у Н. Фрейштедта. Въ этихъ растянутыхъ (до 35 в.) позиціяхъ, противники простояли около 3-хъ недѣль. Тюреннь, узнавъ, что Монтекукули ожидаетъ по Рейну мостъ и припасы изъ Страсбурга, воспользовался свойствами мѣстности между Фрейштедтомъ и Ванценау, гдѣ Рейнъ пред-

ставлялъ множество острововъ, изъ которыхъ 3 по величинѣ своей удобнѣе были для занятія: онъ приказалъ немедленно овладѣть ими и построить батареи, чтобъ перекрестнымъ ихъ огнемъ обстрѣливать фарватеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ устроить эстакаду, притянуть къ Вапценау часть гагенаузскаго гарнизона и занять сосѣдніе острова 500 мушкетеръ.

Монтекукули и на этотъ разъ принужденъ былъ отказаться отъ исполненія своихъ надеждъ. Но и положеніе Тюренна не было блестяще. Лагерь его былъ болотистый, нездоровый, и войска его начали сильно страдать вслѣдствіе непрестанныхъ дождей, въ особенности кавалерія по недостатку въ фуражѣ. А между тѣмъ къ имперцамъ подошло подкрѣпленіе въ 3000 чел. Чтобы заставить Монтекукули сойти съ позиціи, Тюреннъ рѣшился обойти его лѣвый флангъ и отрѣзать отъ Оффенбурга. Съ этою цѣлью, оставивъ въ укрѣпленной фрейштадтской позиціи 8 батал., 3 эскадрона и 6 орудій подъ начальствомъ де-Лоржа, онъ пошелъ съ остальною арміею вверхъ по *Ренхену*, переправился 23 іюля чрезъ эту рѣчку въ бродъ у Вагсгурста и по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ дошелъ до *Гамгурста*.

Монтекукули замѣтилъ однако, что французскіе посты на Ренхенѣ усилились; не зная намѣренія противника, онъ рѣшился произвести наступательное движеніе, которому долженъ былъ оказать содѣйствіе и Капрара изъ Оффенбурга. Отдана была сложная диспозиція, причемъ Капрара съ 3000 чел. и герцогъ Лотарингскій съ 4000 драгунъ должны попытаться сбить къ Вагсгурсту аванпосты праваго французскаго крыла, а самъ главнокомандующій двинется съ главными силами къ Фрейштедту, повидимому лишь для рекогносцировки Тюренна и воспрепятствованія ему поддержать правый флангъ. Имперцы тронулись ночью съ 23-го на 24-ое, причемъ герцогъ Лотарингскій наткнулся на передовые французскіе отряды, встрѣтилъ неожиданно сильное сопротивленіе и затѣмъ узналъ что противъ него находится самъ маршалъ. Воспользовавшись туманомъ, герцогъ отступилъ. Что-же касается Капрары, то, получивъ своевременно свѣдѣнія о сосредоточеніи у Вагсгурста значительныхъ непріятельскихъ силъ, онъ отошелъ къ Оффенбургу. Такимъ образомъ планъ Монтекукули совершенно разстроился. Между тѣмъ, когда погода разъяснилась, Тюреннъ продолжалъ сосредоточеніе къ Гамгурсту; 24-го числа французская армія расположилась фронтомъ на сѣверъ, правымъ флангомъ къ деревнѣ Нидеръ-Ахернъ, за рѣкою Ахеръ. Такимъ образомъ французы сдерживали имперцевъ съ фронта, угрожали ихъ лѣвому флангу и преграждали пути къ Страсбургу. Такъ какъ притомъ Тюреннъ сильно укрѣпился, то Монтекукули не рѣшился его атаковать, и, опасаясь потерять свои сообщенія, выступилъ ночью съ 25 на 26-ое изъ лагеря у Ренхенлоха и двинулся къ Оттерсвейеру, гдѣ занялъ позицію въ ожиданіи Капрары. Тюреннъ, полагая что противникъ намѣренъ перейти въ Швабію, рѣшался преградить ему путь и, отозвавъ

изъ Фрейштедта Лоржа, двинулся 27-го іюля на разсвѣтѣ изъ Гамгурста къ Оттерсвейеру. У Нидеръ-Засбаха онъ наткнулся на передовые непріятельскіе посты. Вскорѣ завязалась между обѣими сторонами канонада. Тюреннь намѣревался дать рѣшительный бой, но въ то время какъ онъ выѣхалъ для осмотра непріятельской позиціи, ядро, пущенное съ имперской батареи, убило его на-повалъ ([214]), на 64 году славной жизни въ то время, когда лѣта, нисколько не ослабивъ его умственныхъ способностей, напротивъ, возвысили ихъ долгимъ и славнымъ опытомъ, когда геній его вполнѣ развился и возмужалъ, что доказываютъ разсмотрѣнныя нами двѣ послѣднія, самыя блестящія изъ всѣхъ его кампаній.

Послѣ его смерти произошло разногласіе въ командованіи двухъ его генераловъ Лоржа и Вобрена, и армія, послѣ славнаго для нея сраженія при *Альтенгеймѣ*, принуждена была перейти обратно за Рейнъ. Тюреннь въ эту кампанію, по словамъ Наполеона, явился несравненно выше своего талантливаго противника: 1) не подчинившись его иниціативѣ, не смотря на превосходство его въ силахъ, оставаясь спокойнымъ въ своемъ лагерѣ, у Страсбурга, въ то время какъ Монткекукули дѣлалъ диверсіи, безполезно утомлявшія его армію; 2) заставилъ его подчиниться собственной иниціативѣ, смѣло перейдя Рейнъ и ставъ между Страсбургомъ и арміей противника; 3) обнаружилъ глубокое знаніе театра войны и умѣнье имъ воспользоваться въ расположеніи за Шуттеромъ и Кинцингомъ; 4) отрѣзалъ его отъ Страсбурга и отъ Офенбурга; 5) не допустилъ къ нему подвозовъ изъ перваго пункта; 6) наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе идея обхода Шерцепской позиціи, вслѣдствіе чего Монтекукули готовился совершенно оставить долину Рейна. Наполеонъ ставитъ въ упрекъ полководцу неправильное расположеніе мостовъ у Оттенгейма, которое повлекло бы за собою гибель арміи, еслибы противъ него былъ болѣе рѣшительный полководецъ, какъ, напримѣръ, принцъ Конде *) ([215]).

*) Извѣстный военный писатель Гиберъ говоритъ, что въ эту кампанію Тюреннь командовалъ арміей въ 26000, а Монтекукули въ 30000. Такимъ образомъ послѣдній могъ дѣйствовать наступательно; онъ дѣйствительно старается перейти р. Рейнъ и проникнуть въ Эльзасъ. Страсбургъ открыто склоняется на его сторону, представляя ему легкое средство для дебушированія. Что же дѣлаетъ Тюреннь? Вмѣсто того чтобы слѣдовать обычной рутинѣ, т. с. защищать переправу черезъ охраняемую рѣку, въ особенности столь значительную какъ Рейнъ, онъ самъ ее переходитъ и располагается между Страсбургомъ и Альтенгеймомъ. Онъ выбираетъ текущую въ крутыхъ берегахъ, глубокую р. Штуттеръ своею оборонительною линіею, замѣчая выгоды направленія ея теченія. Въ этихъ счастливыхъ природныхъ средствахъ его геній находитъ основы для обороны. Хотя Рейнъ находится у него въ тылу, но, имѣя передъ собою такое препятствіе какъ Шуттеръ, онъ можетъ не обращать вниманія на Рейнъ. Двинется-ли Монтекукули выше или ниже для переправы черезъ послѣдній—онъ нападетъ на него во время переправы или займетъ оборонительное положеніе, упираясь правымъ или лѣвымъ флангомъ въ Рейнъ, имѣя противоположный у Шуттера. На этомъ-то ограниченномъ пространствѣ, длиною 25—30 в. и глубиною 15—18 в., оба полководца въ теченіи 5 недѣль истощали во взаимной борьбѣ всѣ средства военнаго искусства ([216]).

Гохштедское сраженіе 1704 года.

Мы видѣли изъ походовъ 1674 и 1675 гг. тактическій составъ армій и характеръ столкновеній въ ту эпоху, когда постоянныя арміи были еще учрежденіемъ новымъ, когда, вслѣдствіе малыхъ успѣховъ въ техникѣ огнестрѣльнаго оружія, пѣхота состояла еще изъ мушкетеровъ и пикинеровъ, и вслѣдствіе этого не могла играть важной роли и оказывать сильнаго вліянія на ходъ боя, а потому въ составѣ армій она придавалась только на половину противъ кавалеріи и даже менѣе. Но тѣмъ не менѣе, когда этою арміею командовалъ Тюреннь, мы видимъ въ ней такіе замѣтные шаги впередъ въ искусствѣ, которые были недоступны современникамъ, опередивъ далеко вѣкъ, и послѣ Тюренна были совершенно забыты. Его арміи искусно примѣнялись къ мѣстности поля сраженія, не связывая себя нормою боевыхъ порядковъ; каждый родъ оружія былъ употребляемъ сообразно современному его назначенію и всѣ они направлялись съ единствомъ и искусствомъ къ достиженію одной общей, положенной полководцемъ цѣли.

Со времени смерти Тюренна протекло до разсматриваемаго нами сраженія почти 30 лѣтъ. Много было сдѣлано успѣховъ въ техникѣ оружія, а вслѣдствіе этого и въ тактическихъ пріемахъ. Вся пѣхота вооружилась ружьемъ со штыкомъ и, пріобрѣтя такимъ образомъ наступательную и оборонительную силу, заняла въ составѣ армій первенствующее мѣсто; она строится уже въ 4 шеренги и лучше дѣйствуетъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Кавалерія тоже дѣлаетъ замѣтный шагъ впередъ.

Въ стратегическомъ отношеніи, арміи, значительно увеличившись въ числѣ, могутъ имѣть и болѣе широкую цѣль для дѣйствій, а не занятіе какого либо города или близкой пограничной провинціи.

Казалось бы, что тактика и стратегія должны были бы двинуться быстро впередъ; но мы видимъ, что они развились совершенно на ложныхъ началахъ. Истинныя начала тактическаго и стратегическаго искусства, которыя здраво развивались въ арміи Тюренна, были забыты. Въ тактикѣ господствуетъ увлеченіе огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, на которомъ основываютъ весь успѣхъ боя. Тонкія линіи изгнали колонны и дѣйствія холоднымъ оружіемъ—эти могущественныя средства для рѣшенія участи боя, не смотря на блестящіе примѣры ихъ пользы, какъ показало сраженіе при Шпейербахѣ въ 1703 году, не смотря на сильную оппозицію многихъ талантливыхъ ученыхъ, какъ, напр., Фоларъ. Это увлеченіе тонкими линіями повлекло за собою всѣ послѣдствія, которыхъ нужно было ожидать. Они потребовали длинныхъ позицій, непремѣнно съ какимъ либо препятствіемъ впереди и съ недоступными флангами; арміи вслѣдствіе этого сдѣлались еще менѣе подвижны, чѣмъ прежде. Здравыя идеи Тюренна о совокупномъ употребленіи всѣхъ ро-

довъ оружія сообразно ихъ истинному назначенію и свойствамъ мѣстности были забыты. Эти элементы разъединились. При тонкихъ линіяхъ не могло и существовать идеи примѣненія къ мѣстности, занятія мѣстныхъ предметовъ, оказывающаго такое громадное вліяніе на участь боя. Исключительною заботою начальниковъ было держаться нормальнаго боеваго порядка, что даже при неудачѣ могло ихъ оправдать. Это рабское послѣдованіе уставнымъ правиламъ часто противорѣчило всякому здравому смыслу, какъ напримѣръ, въ сраженіи, которое мы намѣрены разсмотрѣть, и позднѣе въ сраженіи при Рамильи. Гохштедтское сраженіе было первымъ тяжелымъ ударомъ для Франціи и ея короля.

Въ 1704 году положеніе Франціи было опасно. Изъ союзниковъ у нея оставался одинъ только Баварскій курфюрстъ, приносившій союзу больше вреда нежели пользы, потому что при полномъ безсиліи онъ требовалъ присутствія французскихъ войскъ для защиты собственныхъ его родовыхъ владѣній. Герцогъ Савойскій Викторъ-Амедей отсталъ отъ союза съ Франціей и перешелъ на сторону ея враговъ.

Австрія могла располагать всѣми своими силами, потому что возстаніе въ Венгріи, благодаря энергіи Евгенія Савойскаго, было усмирено. Война могла быть тѣмъ еще рѣшительнѣе, что она перенесена была на одинъ театръ. Мальборо, Евгеній Савойскій и принцъ Баденскій искусными маршами соединились вмѣстѣ, чтобы нанести первоначально рѣшительный ударъ Баварскому курфюрсту и тѣмъ заставить его отказаться отъ союза съ королемъ Франціи.

Въ половинѣ іюля расположеніе воюющихъ армій на Верхнемъ Рейнѣ было слѣдующее:

Курфюрстъ Баварскій, разбросавъ всю свою армію по гарнизонамъ Баваріи и, оставшись только съ 5 бат. и 28 эск. баварцевъ, вмѣстѣ съ вспомогательною французскою арміею Марсеня, расположился въ упрѣпленномъ лагерѣ у Аугсбурга. Мальборо, вмѣстѣ съ принцемъ Баденскимъ перешелъ Дунай и, видя недоступность позиціи противника, расположился противъ него у Фридсберга, а кавалерію всю послалъ жечь и опустошать Баварію, чтобъ отклонить этимъ средствомъ ея государя отъ союза съ Франціей.

Евгеній Савойскій находился на Рейнѣ за Штольгофенскими линіями; противъ него были въ нижнемъ Эльзасѣ маршалы Вильруа и Тальяръ и отрядъ Коаньи. Узнавъ о бѣдствіяхъ Баварскаго курфюрста, Людовикъ XIV приказалъ Тальяру идти на соединеніе съ Баварскимъ курфюрстомъ и Марсенемъ.

Оставя Вильруа и Коаньи съ 56 баталіонами и 60 эск. противъ Штольгофенскихъ линій, Тальяръ съ 40 батал. и 60 эск. (26 тыс.) отборныхъ войскъ перешелъ Рейнъ 1-го іюля въ Страсбургѣ и чрезъ Офенбургъ, Мескирхъ и Ульмъ перешелъ 3 августа къ Аугсбургу, гдѣ и соединился съ курфюрстомъ Баварскимъ, силы котораго возросли до 84 бат. и 143 эскадр. (57 тыс. войскъ) изъ которыхъ только 5 бат. и

23 эск. баварскихъ; но курфюрстъ послалъ приказаніе прочимъ своимъ войскамъ спѣшить на соединеніе съ арміей. Съ такими силами можно было предпринять рѣшительное наступленіе противъ Мальборо. Но принцъ Евгеній зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ. Узнавъ о маршѣ Тальяра, онъ оставилъ подъ начальствомъ принца Нассаускаго въ Штольгофенскихъ линіяхъ 21 тыс. войскъ, а самъ съ остальными 16 тыс. поспѣшилъ чрезъ Ротвель въ Диллингенъ на соединеніе съ товарищемъ. Въ этотъ послѣдній пунктъ онъ прибылъ 4-го августа ([217]).

6-го августа курфюрстъ Баварскій съ Марсенемъ рѣшились отойти изъ своего укрѣпленнаго лагеря, перейти на лѣвый берегъ Дуная и, заставивъ послѣдовать за собою противниковъ, перенести войну изъ Баваріи. Французско-баварская армія 10 августа переправилась черезъ Дунай у Лаувингена. Это движеніе достигло цѣли. Мальборо перешелъ къ Рейну, чтобы быть ближе къ Евгенію и вмѣстѣ прикрыть осаду Ингольштадта, начатую принцемъ Баденскимъ съ 22 бат. и 40 эскадронами.

Евгеній расположился на Мюнстерѣ за ручьемъ Кассельбахъ и съ приближеніемъ французской арміи готовился отступить къ Донауверту. Но 11-го утромъ онъ получилъ первое подкрѣпленіе отъ Мальборо, а 11-го вечеромъ къ нему присоединилась вся армія Мальборо—что въ общемъ довело числительность союзниковъ до 64 баталіоновъ, 166 эскадроновъ и 5 орудій, всего 52,000 человѣкъ ([218]).

11-го числа, въ день соединенія противниковъ, французы ничего не предпринимали, кромѣ легкой рекогносцировки, произведенной съ частью кавалеріи лично Тальяромъ.

Имперцы имѣютъ уже въ этотъ періодъ времени кавалерію въ составѣ арміи не на половину, а только треть; во французской арміи вѣроятно еще менѣе; въ числѣ орудій французы имѣли преимущество также какъ и въ томъ, что армія ихъ состояла изъ войскъ одной націи; баварцевъ всего было 9 тыс., тогда какъ у противниковъ армія имѣла самый пестрый составъ; не говоря уже о контингентахъ множества мелкихъ германскихъ владѣльцевъ, союзная армія главнымъ образомъ состояла изъ собственно имперскихъ войскъ, пруссаковъ, англичанъ, голландцевъ, или нанятыхъ Голландіею войскъ, и датчанъ. Казалось, что при такомъ составѣ войскъ, различнаго тактическаго образованія, съ различными цѣлями, при множествѣ отдѣльнымъ самостоятельныхъ начальниковъ, слѣдовало-бы ожидать полнаго разногласія при столкновеніи интересовъ, но этого не было. Надъ ними были двѣ разумныя воли великихъ полководцевъ, дѣйствовавшихъ съ рѣдкимъ единодушіемъ и тѣмъ устранявшіе зло разнороднаго состава армій, тогда какъ во французской арміи, при національномъ ея единствѣ, господствовало разногласіе между маршалами и курфюрстомъ, разногласіе принесшее за собою самые гибельные плоды. Лучшими войсками по тактическому устройству были войска

прусскія, благодаря своему Великому курфюрсту, бывшему хорошимъ самостоятельнымъ организаторомъ.

Евгеній Савойскій былъ родомъ французъ, сынъ графа Суассанскаго и племянницы кардинала Мазарини. Его предназначали первоначально къ духовному званію, но это не согласовалось съ стремленіями молодаго Евгенія, съ раннихъ лѣтъ посвятившаго себя изученію дѣяній великихъ полководцевъ. Людовикъ XIV и въ особенности его министръ Лувуа, видя его слабое сложеніе, отказали ему въ командованіи полкомъ, который тотъ требовалъ, какъ это часто дѣлалось въ ту эпоху. Евгеній, съ многими французскими дворянами, предложилъ свою шпагу императору Леопольду, который благосклонно его принялъ и въ 1683 году отправилъ въ походъ противъ турокъ. Здѣсь обнаружились блестящія военныя способности Евгенія, доставившія ему командованіе драгунскимъ полкомъ и потомъ чинъ генерала имперской арміи. Людовикъ XIV издалъ въ это время указъ, что всѣ французы, служащіе въ иностранныхъ арміяхъ, считаются изгнанниками. Это рѣшило судьбу Евгенія, посвятившаго съ этой минуты жизнь и способности новому отечеству. Леопольдъ употреблялъ его для многихъ дипломатическихъ порученій и между прочимъ къ Савойскому двору, гдѣ Евгеній выказалъ столько ума и искусства дипломата, что склонилъ герцога Савойскаго къ союзу съ имперіей и потомъ получилъ начальство надъ войсками, посланными къ нему въ помощь. 3 похода, гдѣ онъ явился уже вполнѣ самостоятельнымъ начальникомъ, развили его блестящія дарованія полководца, такъ что въ 30 лѣтъ онъ уже получилъ фельдмаршальскій жезлъ. Людовикъ XIV поздно замѣтилъ свою ошибку, увидѣлъ какого онъ опаснаго врага нашелъ въ Евгеніѣ, и, чтобы привлечь его снова во французскую службу, предлагалъ ему маршальскій жезлъ во Франціи и управленіе Лангедокомъ. Но онъ отвергъ эти поздніе предложенія и остался на службѣ Австріи, умѣвшей его достойно оцѣнить. Евгеній въ свою очередь умѣлъ оправдать довѣріе новаго своего отечества и отличился въ сраженіи при Центѣ, на Тейсѣ (1697 г.), хотя быстрое его возвышеніе навлекло ему много враговъ и завистниковъ. Послѣ блестящихъ его турецкихъ походовъ онъ вернулся въ Вѣну, гдѣ на досугѣ снова предался изученію классиковъ, до тѣхъ поръ пока вспыхнувшая война за наслѣдство испанскаго престола не призвала его снова на военное поприще для командованія арміею въ Италіи. Здѣсь онъ нашелъ пищу для своихъ блестящихъ способностей въ борьбѣ съ такими людьми какъ Катина, въ кампаніи 1701 г. Въ 1702 году онъ захватилъ нечаяннымъ нападеніемъ Кремону и въ ней главнокомандующаго Вильруа. Труднѣе было бороться съ Вандомомъ. Въ слѣдующемъ году Евгеній назначенъ президентомъ Гофкрихсрата и посланъ на усмиреніе возставшій Венгріи, что исполнено было съ блестящимъ успѣхомъ. Но верхомъ его славы была кампанія 1706 г., гдѣ Евгеній, отбросивъ рутину маневровъ, безполезныхъ передвиженій, господствовавшихъ въ образѣ веденія войны, не ставитъ себѣ узкой цѣли—завоеванія какой либо крѣпости, что было обще, а задумываетъ смѣло покореніе цѣлой Италіи и достигаетъ этого самымъ блестящимъ успѣхомъ. Смѣлости цѣли соотвѣтствовала и рѣшительность исполненія *).

Позднѣе онъ также счастливо боролся и съ внѣшними врагами Австріи во Фландріи и съ внутренними при австрійскомъ дворѣ. Въ 1708 г. одержана имъ побѣда при Уденардѣ; въ 1709 г. сраженіе при Мальплаке не менѣе для него было славно. Евгенію принадлежитъ планъ вторженія въ сердце Франціи, планъ непо-

*) По возвращеніи въ Вѣну Евгеній какъ дворомъ такъ и населеніемъ былъ встрѣченъ съ величайшимъ энтузіазмомъ, причемъ императоръ замѣтилъ: «я имъ доволенъ во всѣхъ отношеніяхъ, только не въ томъ, что онъ себя слишкомъ выставляетъ».

нятный для современниковъ при тогдашней системѣ веденія войнъ, не осуществившійся вслѣдствіе перемѣнъ политическихъ обстоятельствъ, склонившихся въ пользу Франціи. Затѣмъ послѣ Утрехтскаго мира жизнь его полна какъ военной славы, такъ и высокой правительственной дѣятельности. Въ первомъ отношеніи замѣчательны его турецкія войны, въ особенности сраженіе при Петервардейнѣ и осада Бѣлграда въ 1717 г. (Пассаровицкій миръ). Во второмъ въ особенности Евгеній замѣчателенъ какъ искусный правитель Италіи. Вообще не было сдѣлано ни одного государственнаго акта безъ совѣта Евгенія, авторитету котораго, справедливо заслуженному, не могли не поклониться. Въ 1736 году кончилась его полная славы жизнь, возвысившая Австрію, такъ что Фридрихъ II, очерчивая его политическую дѣятельность, говоритъ: «онъ былъ собственно императоромъ; послѣ него (1736 г.) начались смуты и сплетни министровъ, зависть и происки къ преобладанію генераловъ, приведшіе государство въ упадокъ» ([220]).

Евгеній безспорно принадлежитъ къ числу великихъ полководцевъ. Кампаніи его вообще и въ частности кампанія 1706 г., съ которою мы еще короче познакомимся, были образцами искусства, въ особенности при сопоставленіи ее съ тогдашними понятіями объ образѣ веденія войны. Наполеонъ совѣтуетъ ихъ изучать и причисляетъ Евгенія къ тѣмъ семи великимъ полководцамъ, по дѣйствіямъ которыхъ можно учиться высшей части искусства—умѣнью соображаться со средствами и обстоятельствами. Отличительными чертами его характера была рѣшительность, основанная на глубокомъ знаніи дѣла и обстоятельствъ, на умѣньи соображать и основывать дѣйствія свои на характерѣ противника, въ чемъ онъ сходствовалъ съ Тюреннемъ. Евгеній обладалъ изобрѣтательностью, находчивостью новыхъ средствъ. Его хладнокровіе, присутствіе духа въ самыя критическія минуты было необыкновенно, такъ что современники удивлялись какъ въ такомъ слабомъ тѣлѣ могъ заключаться такой великій духъ. Кромѣ всѣхъ этихъ качествъ Евгеній обладалъ рѣдкою способностью, даромъ говорить съ солдатомъ, снискать его довѣріе, хотя это было въ высшей степени трудно, при пестромъ составѣ его армій, принимая во вниманіе, что въ австрійскихъ рядахъ онъ былъ чужестранцемъ. Блескъ и слава, приданныя имъ австрійскому оружію, дорого впрочемъ стоили странѣ.

Другой великій полководецъ, другъ и спутникъ Евгенія въ его походахъ, былъ Іоаннъ Чер̀чилль герцогъ Мальборо (род. 1650 г.), уступавшій однако далеко Евгенію въ способностяхъ полководца.

Мальборо получилъ воспитаніе сначала дома, а затѣмъ въ школѣ, гдѣ пристрастился къ чтенію Вегеція. Онъ впрочемъ никогда не отличался познаніями и, будучи однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ ораторовъ страны, не умѣлъ правильно писать даже на своемъ родномъ языкѣ. Его страсть къ военному дѣлу проявлялась въ столь рѣшительной формѣ, что уже на 16 году жизни герцогъ Іоркскій опредѣлилъ его офицеромъ въ гвардію, а участіе въ стычкахъ съ маврами въ Танжерѣ дало ему вскорѣ чинъ капитана и роту въ одномъ изъ полковъ отправленномъ Карломъ VI на службу Людовику XIV. Здѣсь Мальборо служилъ подъ начальствомъ Конде и Тюренна и обнаружилъ чрезвычайное мужество, вызвавшее личныя похвалы Людовика. Только въ 1677 г. онъ возвратился на родину, гдѣ занималъ придворныя и государственныя должности и участвовалъ въ политическихъ и военныхъ смутахъ страны. Война за испанское наслѣдство представила обширное поприще для проявленія и развитія его военныхъ дарованій. Разсматривая его какъ полководца, мы находимъ въ немъ неутомимую дѣятельность, безпредѣльную храбрость, проницательный взглядъ, необыкновенное умѣніе замѣчать и пользоваться ошибками противника, безграничную заботливость о солдатѣ, въ свою очередь питавшемъ къ нему полное довѣріе и любовь; и вмѣстѣ съ тѣмъ, главное, — необыкновенное счастіе во всѣхъ его предпріятіяхъ, что такъ часто не доставало и болѣе его талантливымъ полководцамъ. Мальборо

замѣчателенъ какъ искусный дипломатъ; его даръ слова, любезность его обращенія привлекали къ нему всѣхъ; но съ этими качествами соединялись и многіе недостатки, какъ непомѣрное честолюбіе, скупость, корыстолюбіе; высокія мѣста имъ занимаемыя служили только къ увеличенію колоссальнаго его богатства, что и было частью причиною его паденія. Онъ умеръ въ 1722 г. ([221]).

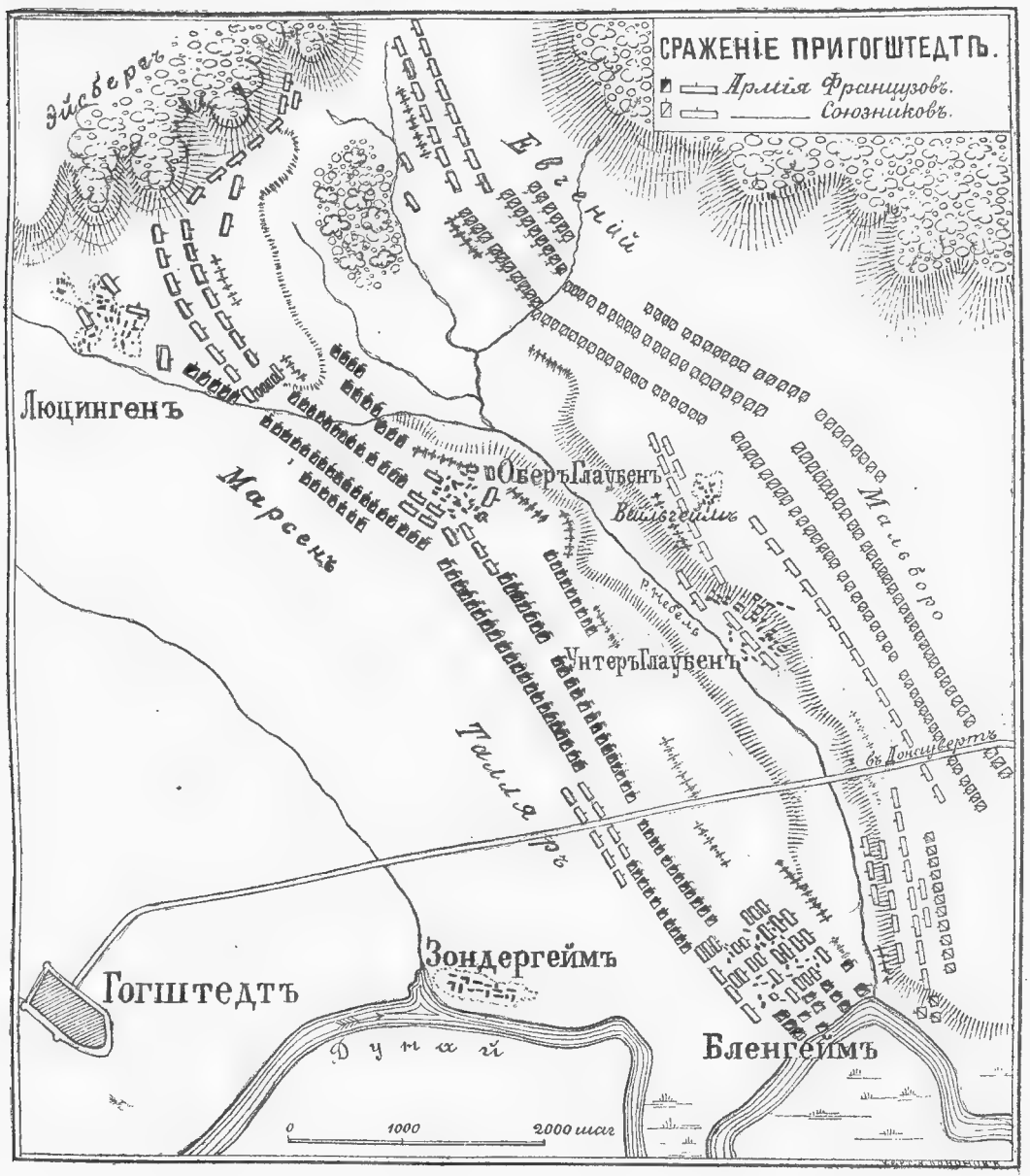
12-го августа Тальяръ, Марсень и курфюрстъ, не зная о соединеніи Мальборо съ Евгеніемъ, предположили сдѣлать нападеніе на союзниковъ и съ этою цѣлью двинулись впередъ, овладѣли послѣ жаркаго сопротивленія укрѣпленнымъ замкомъ Гохштедтомъ и потомъ заняли позиціи: Тальяръ въ Блиндгеймѣ (Бленгеймъ), имѣя по флангамъ кавалерію, Марсень съ курфюрстомъ лѣвѣе отъ Оберъ-Глаугейма до Лютцингена, имѣя тоже кавалерію по флангамъ; такимъ образомъ каждая армія расположилась въ отдѣльный нормальный боевой порядокъ, вслѣдствіе чего центръ образовала кавалерія. Дювивье оправдываетъ маршаловъ въ этомъ расположеніи тѣмъ, что они думали, что непріятель начинаетъ отступленіе къ Нордлингену, въ чемъ они еще болѣе убѣдились, видя передъ собою отрядъ кавалеріи по направленію Швенингена и слыша шумъ работъ въ лѣсу на лѣво, а потому расположились на ночлегъ въ описанномъ нами порядкѣ, предполагая продолжать наступленіе на слѣдующій день. То что они видѣли была рекогносцировка, произведенная лично Мальборо и Евгеніемъ, и приготовленіе дорогъ въ лѣсу, для задуманной ими атаки на французовъ. Трудно вполнѣ согласиться съ этимъ мнѣніемъ Дювивье и полагать, что стукъ топоровъ въ лѣсу могъ заставить маршаловъ предполагать со стороны непріятеля отступленіе, а не обратное дѣйствіе. Знали-ли они или нѣтъ о его близкомъ присутствіи во всякомъ случаѣ ночлежное ихъ расположеніе можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что каждый изъ нихъ хотѣлъ командовать своею частью и не подчинялся другому.

Собственно не расположеніе кавалеріи въ центрѣ слѣдуетъ считать капитально ошибкою со стороны маршаловъ. Бываютъ иногда обстоятельства, которыя требуютъ даже подобнаго расположенія, какъ напримѣръ въ 1809 г., при первой переправѣ черезъ Дунай, Наполеонъ занялъ на флангахъ позиціи селенія Аспернъ и Эсслингенъ, каждый дивизіею пѣхоты, а въ центрѣ между ними (пустомъ) помѣщалась кавалерія; но подобное расположеніе обусловливалось свойствами мѣстности и количествомъ войскъ находившимися въ распоряженіи императора въ первую минуту переправы; центръ былъ пустъ отъ пѣхоты, но безопасенъ, потому что разстояніе между Асперномъ и Эсслингеномъ такъ мало, что доступы къ нему обстрѣливались перекрестнымъ огнемъ изъ селеній и притомъ фланги были недоступны—крѣпкія селенія, съ каменными строеніями и редюитами ихъ составлявшими, непосредственно почти примыкали къ Дунаю. Подъ Бауценомъ центръ былъ пустой, но за нимъ стояла превосходная кавалерія, которой у Наполеона почти не было.

Здѣсь же было не то; расположеніе союзниковъ обусловливалось не

свойствами мѣстности, не глубокимъ знаніемъ употребленія каждаго рода оружія по назначенію, а исключительно рабскимъ послѣдованіемъ нормальному боевому порядку.

Позиція, на которой расположилась французско-баварская армія, представляла много выгодныхъ условій для обороны. Передъ всѣмъ фрон-



томъ ея течетъ ручей Небельбахъ въ довольно узкой, шаговъ въ 60, но трудно-проходимой болотистой долинѣ. Лѣвый берегъ, на которомъ расположились французы, хотя не много, но командуетъ правымъ. Фланги ея недоступны, примыкая съ одной стороны къ Дунаю, съ другой къ лѣсистымъ крутымъ высотамъ Гольдберга и Эйхберга. Въ случаѣ неудачи армія сзади этой позиціи могла найти нѣсколько новыхъ

за ручейками, бѣгущими въ крутыхъ оврагахъ, параллельно Небельбаху.

Вдоль позиціи союзниковъ находились 3 крѣпкихъ пункта: на правомъ флангѣ *) селеніе Блиндгеймъ, съ прочными каменными строеніями, удобными для обороны, и тѣмъ болѣе выгодное для занятія, что возлѣ находились при двухъ мельницахъ удобные переходы черезъ Небельбахъ; въ центрѣ, въ разстояніи $2^1/_3$ верстъ отъ Блиндгейма, селеніе Оберъ-Глаугеймъ. Между обоими селеніями Небельбахъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ лѣсистые островки. Наконецъ на лѣвомъ флангѣ, у подножія лѣсистаго Эйхберга, въ нѣкоторомъ разстояніи за ручьемъ,— селеніе Лютцингенъ, въ 2-хъ верстахъ отъ Оберъ-Глаугейма; слѣдовательно длина позиціи была около $4^1/_2$ верстъ, т. е. не растянута для 60 т. арміи, въ особенности при тонкихъ линіяхъ, тогда господствовавшихъ. Какъ мы видимъ позиція была чрезвычайно удобна для обороны, еслибъ она занята была надлежащимъ образомъ, еслибъ даже французы не призвали на помощь пособіе искусства. Деревня Унтеръ-Глаугеймъ, лежащая на лѣвомъ берегу въ исходящемъ углу рѣки, могла-бы служить превосходнымъ передовымъ пунктомъ для обстрѣливанія доступовъ къ фронту позиціи. Но ничего этого не было сдѣлано и только Тальяръ при приближеніи непріятеля бросилъ въ Блиндгеймъ всю первую линію пѣхоты (18 бат.). 13 августа, въ 2 часа утра, когда густой туманъ, покрывавшій поле сраженія, началъ расходиться, данъ былъ сигналъ въ союзной арміи приготовиться къ нападенію. Лѣвымъ крыломъ, состоявшимъ изъ $^2/_3$ войскъ, командовалъ Мальборо, правымъ изъ остальной трети, по обычаю тогда существовавшему, что имперцы занимали почетный правый флангъ—Евгеній. Въ 3 ч. утра начали движенія Евгеній и Мальборо, каждый въ 4-хъ колоннахъ, первый правѣе (западне) второй—лѣвѣе. Обѣ внѣшнія колонны въ каждомъ крылѣ состояли изъ пѣхоты, а внутреннія изъ кавалеріи, причемъ колонны шли въ порядкѣ боевыхъ линій и слѣдовательно при перестроеніи въ боевой порядокъ кавалерія должна была образовать центръ, а пѣхота фланги. Передовые эскадроны были снабжены фашинами для облегченія перехода черезъ рвы и болотистыя мѣста. Девятая колонна, состоявшая изъ 9 батал., была притянута на лѣвый берегъ Дуная и прикрывала крайне лѣвое крыло.

Въ 6 часовъ, подъ прикрытіемъ цѣпи конныхъ стрѣлковъ, достигла союзная армія Швенингена, а Евгеній съ Мальборо во главѣ 40 эскадроновъ продолжали движеніе къ Небельбаху, чтобы осмотрѣть расположеніе противниковъ. Ихъ сопровождалъ прусскій генералъ—маіоръ Нацмеръ, который еще въ прошломъ году участвовалъ въ несчастной битвѣ Штирума противъ Вильяра на томъ же самомъ полѣ сраженія. Слѣдствіемъ этой рекогносцировки была диспозиція, данная къ нападе-

*) При впаденіи Небельбаха въ Дунай.

нію. Дювивье говоритъ, что случайно, а не заранѣе задумано, по свойству такого же нормальнаго порядка въ союзной арміи, какъ и во французской, пѣхота Мальборо находилась у деревни Унтеръ-Глаугейма, противъ лѣваго фланга Тальяра, занятаго кавалеріею; но Дювивье, какъ французъ, кажется, въ этомъ случаѣ пристрастенъ. Самыя свойства мѣстности должны были показать Мальборо, что Унтеръ-Глаугеймъ самый удобный пунктъ для перехода черезъ ручей, который здѣсь образуетъ исходящій уголъ, удобно обстрѣливаемый перекрестнымъ огнемъ съ батарей, поставленныхъ у Вейльгейма и на большой Донаувертской дорогѣ.

Замѣчательно въ союзной арміи, что при отдачѣ диспозиціи въ бою каждый колонный начальникъ получилъ лично отъ главнокомандующаго объясненіе той роли, для которой онъ назначался въ сраженіи. Со стороны французовъ все было спокойно, какъ будто ихъ генералы не подозрѣвали близкаго нападенія. Только въ 7 час., когда туманъ, покрывавшій поле сраженія, разсѣялся, замѣтили они приближеніе союзниковъ. Первыя принятыя ими мѣры заключались въ слѣдующемъ: баварскій авангардъ, предавъ огню Швеннебахъ, Вейльгеймъ и Бергаузенъ, переправился на правую сторону Небельбаха, затѣмъ немедленно отозвана была кавалерія, посланная на рекогносцировку. Тальяръ, командовавшій правымъ флангомъ (42 бат., 60 эск.), поставилъ свой вагенбургъ въ лощинѣ между Блиндгеймомъ и Дунаемъ, барикадировавъ его и поручивъ охраненіе 4 драгунскимъ полкамъ. Селеніе Блиндгеймъ, окруженное изгородью и каменными стѣнами, занято всего пѣхотою первой линіи, 18 бат., одна мельница на Небельбахѣ и отдѣльныя строенія впереди сожжены; другая-же занята баталіономъ пѣхоты; въ резервъ за селеніемъ поставлено 9 бат. пѣхоты и (сѣверо-западнѣе) 8 эск. кирасиръ (жандармовъ). Всего такимъ образомъ около Блиндгейма сосредоточено было до 10 т. войскъ. Лѣвѣе до самаго Унтеръ-Глаугейма развернулись четыре бригады кавалеріи (40 эскадроновъ) въ двѣ линіи а за этой кавалеріей, довольно далеко за оврагомъ остальные 15 баталіоновъ (3 бригады) праваго крыла. Распоряженіе непонятное; пѣхота поставлена за кавалеріей и осуждена вполнѣ на бездѣйствіе; кавалерія-же, подверженная безполезно огню непріятельской пѣхоты, не могла вредить ей и мѣшать совершить переправу чрезъ болотистый ручей. Для обстрѣливанія подступовъ къ Блиндгейму и открытаго промежутка противъ Швейпингена поставлена батарея изъ четырехъ 24 ф. орудій; для обстрѣливанія пути къ Унтеръ-Глаугейму—батарея изъ 4-хъ 8 ф. пушекъ; передъ жандармами—тоже батарея изъ 4-хъ тяжелыхъ пушекъ. Остальныя орудія праваго крыла были распредѣлены при войсковыхъ частяхъ. Но еще непонятнѣе расположеніе лѣваго крыла французской арміи Марсеня. Вмѣсто того, чтобы сосредоточить большую часть пѣхоты въ Оберъ-Глаугеймѣ и такимъ образомъ помочь правому флангу, образовавъ съ Блиндгеймомъ два твердыхъ бастіона, куртина между которыми была бы трудно доступна, селеніе Оберъ-

Глаугеймъ (Оберъ-Глаубенъ) было занято чрезвычайно слабо пѣхотою; непосредственно къ кавалеріи Тальяра примыкала часть кавалеріи (32 эск.) Марсеня; селеніе Оберъ-Глаугеймъ было занято пѣхотою, лѣвѣе которой расположилась французская и баварская конница; наконецъ къ лѣвому флангу послѣдней примыкала остальная пѣхота (17 бат.); Артиллерія выставила по фронту нѣсколько тяжелыхъ батарей, особенно у Оберъ-Глаугейма и Лютцингена. Такимъ образомъ, французо-баварцы нѣсколько отступили отъ нормальнаго боеваго порядка, но вполнѣ неосновательно, поставивъ на флангахъ пѣхоту, а въ центрѣ кавалерію. На правомъ флангѣ это обусловливалось свойствами мѣстности, на лѣвомъ расположеніе пѣхоты совершенно ошибочно. Если Марсенъ боялся съ этой стороны обхода, то кавалерія тамъ поставленная точно также не дозволила бы непріятелю этого сдѣлать, встрѣчая его усиленными атаками; пѣхота-же несравненно больше принесла-бы пользы, еслибы непосредственно примкнула къ Тальяру. Артиллерія разбросана по всему фронту, но особенно сильныя батареи поставлены у Лютцингена, Оберъ-Глаугейма, противъ большой дороги и близь Блиндгейма (Бленгеймъ). При расположеніи принятомъ французскою арміею, способъ дѣйствія союзниковъ опредѣлялся самъ собою: направить атаку на центръ, сбить кавалерію его защищавшую и такимъ образомъ, разрѣзать французскую армію пополамъ, что и намѣревались сдѣлать союзники, въ особенности, какъ мы замѣтили выше, когда имъ представлялся удобный пунктъ для перехода въ Унтеръ-Глаугеймѣ. Мальборо расположилъ свою армію слѣдующимъ образомъ: между деревнею Вейльгеймомъ и большою дорогою—26 бат. въ 2 линіи и за ними тоже въ 2 линіи 71 эскадронъ; пространство отъ большой дороги до Дуная занято, подъ начальствомъ генерала Кутса, 20 бат. въ 4 линіи и 15 эск. въ 2 линіи; часть кавалеріи оставлена для прикрытія обозовъ.

Въ 8 час. французская батарея около Блиндгейма первая открыла огонь по войскамъ Кутса. Мальборо въ свою очередь, чтобы заставить ихъ молчать и покровительствовать переходу чрезъ ручей, вывезъ предъ линіи свои батареи и вскорѣ жаркая канонада загремѣла по своей линіи; подъ прикрытіемъ этого огня Евгеній совершалъ свое фланговое движеніе, чтобы вступить въ линіи противъ Марсеня. Пока совершалось это движеніе, наводилось 5 мостовъ и исправлялись къ нимъ дороги. Мальборо вслѣдъ служить обѣдню передъ фронтомъ своихъ войскъ и самъ причастился. Вслѣдствіе сильнаго огня французскихъ батарей, Евгеній принужденъ былъ сдѣлать чрезвычайно трудное движеніе, по едва проходимымъ тропинкамъ на пересѣченной мѣстности, такъ что онъ выровнялся въ линію только послѣ полудня. Около часу Кутсъ началъ атаку на Блиндгеймъ; пѣхота его, не смотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, храбро перешла ручей, овладѣла мельницею и уже штурмовала Блиндгеймъ, но была отъ него отбита съ потерею около $^1/_3$ людей; кавалерія французскаго резерва ударила во флангъ, пе-

ребросила ее обратно за ручей и преслѣдовала на ту сторону; но, въ свою очередь, встрѣченная огнемъ пѣхоты заднихъ линій, принуждена была вернуться на свое мѣсто, преслѣдуемая зарвавшейся англійской кавалеріей, которая, попавъ подъ флапговый огонь пѣхоты и атакованная свѣжими французскими эскадронами, была опрокинута назадъ.

Не смотря на первую неудачу, союзники сдѣлали еще нѣсколько разъ нападеніе на Блиндгеймъ, но всѣ ихъ атаки были отбиты съ огромною потерею. Тогда только Мальборо увидѣлъ свою ошибку и рѣшился перемѣнить пунктъ нападенія, направивъ атаку на лѣвое крыло Тальяра отъ Унтеръ-Глаугейма. Вскорѣ 2 моста были готовы въ этомъ пунктѣ, болотистыя мѣста завалены фашинникомъ и, подъ перекрестнымъ огнемъ сильныхъ батарей, поставленныхъ на большой дорогѣ и у Вейльгейма, пѣхота Мальборо начала переправу и прочно, утвердившись на правомъ берегу, стала подаваться впередъ. Кавалерія прошла чрезъ интервалы 2-й линіи пѣхоты, затѣмъ, прикрывшись наѣздниками, перешла ручей и по мѣрѣ того какъ 1-я линія пѣхоты выигрывала пространство на правомъ берегу, она выстроилась лѣвѣе ея и потомъ понеслась съ намѣреніемъ взять французскую кавалерію праваго крыла съ фланга, но, встрѣченная съ тыла и съ фланга убійственнымъ огнемъ изъ Блиндгейма, не выдержала удара французской конницы и была опрокинута въ совершенномъ безпорядкѣ; англійская пѣхота въ свою очередь остановила огнемъ своимъ преслѣдованіе французовъ. Нѣсколько разъ подобныя кавалерійскія схватки возобновлялись съ перемѣннымъ успѣхомъ по мѣрѣ того какъ подходили къ англичанамъ подкрѣпленія съ лѣваго берега Небельбаха; 150 эскадроновъ дрались на пространствѣ между Оберъ-Глаугеймомъ и Блиндгеймомъ.

Тальяръ собралъ всю свою кавалерію и, подкрѣнивъ ее 10 бат. пѣхоты, повелъ лично отчаянную атаку, которая удалась блестящимъ образомъ. Кавалерія непріятельская была сбита и переброшена обратно за ручей, но въ свою очередь и французская кавалерія пріостановлена была огнемъ пѣхоты. Положеніе Тальяра становилось опаснымъ; онъ ввелъ въ дѣло всѣ свои войска, а между тѣмъ къ Мальборо подходили новыя подкрѣпленія. Тальяръ послалъ просить у Марсеня помощи, говоря, что онъ не ручается удержаться на позиціи противъ превосходнаго непріятеля, но послѣдній отказалъ на отрѣзъ, сообщая что у него у самаго много дѣла и мало войскъ. А между тѣмъ англійская кавалерія, подъ прикрытіемъ пѣхоты, снова выстроилась и понеслась съ новымъ пыломъ на французскую. Утомленные французкіе эскадроны, не выдержавъ сильнаго натиска, въ полномъ безпорядкѣ опрокинуты и преслѣдуемы до самаго Гохштедта. 10 баталіоновъ остались одни на обширномъ полѣ битвы въ центрѣ и вскорѣ раздавлены численнымъ превосходствомъ англичанъ. Французскаго центра не существовало. Мальборо врѣзался въ него, отдѣляя войска находившіяся въ Блиндгеймѣ отъ арміи Марсеня. Храбрый, но несчастный Тальяръ, находившійся въ центрѣ, когда

участь его рѣшилась, бросился къ Блиндгейму, безъ адъютантовъ, которые всѣ были перебиты, по близорукости наткнулся на англійскую кавалерію, которую онъ принялъ за французскую, и взятъ былъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ Евгеній на правомъ флангѣ имѣлъ менѣе успѣха. Всѣ его атаки на Оберъ-Глаугеймъ и Лютцингенъ, не смотря на храбрость прусской пѣхоты, были отбиты съ большими потерями. Кромѣ силы позиціи, французы здѣсь превосходили противника числительностью. Но Евгеній принесъ громадную пользу Мальборо уже тѣмъ, что, повторяя безпрестанно атаки, удержалъ всю армію Марсеня, не позволивъ ему послать ни одного баталіона на помощь Тальяру. Наконецъ Мальборо, уничтоживъ центръ французовъ, пришелъ на помощь товарищу, и около 7 часовъ вечера повелъ вмѣстѣ съ Евгеніемъ атаку на Оберъ-Глаугеймъ. Но курфюрстъ и Марсень, видя пораженіе праваго крыла, не выждали этой атаки и начали отступленіе въ большомъ порядкѣ, почти не преслѣдуемые союзниками, въ трехъ колоннахъ, и остановились поздно ночью у Гохштедта, собирая бѣглецовъ.

Въ то время какъ это происходило въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ, 27 старыхъ баталіоновъ и 12 эскадроновъ съ 40 оруд., стоявшихъ у Блиндгейма, ничего не предпринимали ни для помощи товарищей, ни для соединенія съ ними. Съ высоты Блиндгеймской колокольни генералы оставались спокойными зрителями пораженія центра, какъ будто ожидая, когда очередь дойдетъ до нихъ. Наконецъ эта минута наступила. Мальборо окружилъ селеніе со всѣхъ сторонъ и потребовалъ сдачи. Храбрый Клерамбо, отбившій столько атакъ, по несчастью былъ убитъ. Оставшійся графъ Бланзакъ, котораго имя исторія сохранила для вѣчнаго безчестія, созвалъ военный совѣтъ, на которомъ такіе же малодушные генералы какъ онъ самъ единодушно рѣшили положить оружіе и сдаться, не предпринимая ничего для спасенія чести оружія. Солдаты съ яростью принуждены были покориться этому рѣшенію малодушныхъ начальниковъ. Наварскій полкъ со стыда разбилъ въ дребезги оружіе и разорвалъ въ клочки знамена.

Такъ окончилось Гохштедтское сраженіе, первое сильное пораженіе нанесенное арміи Людовика XIV. Союзники потеряли 12584 чел. (4635 убитыми и 7676 ранеными). Потери французской арміи несравненно большія; она лишилась болѣе половины своего состава—до 28 тыс., въ томъ числѣ болѣе 11200 плѣнными. Около 150 оруд., 135 знаменъ и штандартовъ, 3600 палатокъ, 5400 провіантскихъ повозокъ достались въ руки побѣдителей. ([222]).

Но союзники, по обычаю того времени, умѣвъ побѣдить, не умѣли воспользоваться своею побѣдою; довольные трофеями, ими пріобрѣтенными, они не умѣли развить своего успѣха настойчивымъ преслѣдованіемъ Марсеня и курфюрста, которыхъ положеніе было еще тѣмъ затруднительнѣе, что имъ надлежало переправиться послѣ пораженія че-

резъ Дунай. Они совершили это благополучно и, оставивъ гарнизонъ въ Ульмѣ, успѣли соединиться съ вышедшимъ имъ на встрѣчу маршаломъ Вилльруа. Мы уже говорили объ ошибкахъ, сдѣланныхъ французскою арміею въ отдѣльномъ расположеніи ея въ двухъ частяхъ. Всякій полководецъ, при каждомъ своемъ дѣйствіи, долженъ задать себѣ вопросъ, какъ говоритъ Наполеонъ, разбирая дѣйствія Альвинци въ сраженіи при Риволи, что будетъ съ нимъ, если непріятель застигнетъ его въ такомъ расположеніи. Маршалы должны были бы отвѣтить себѣ, что они будутъ разбиты. Когда присутствіе непріятеля было открыто, было только 7 час., атака начата только въ первомъ—5 час. времени слишкомъ было достаточно для того, чтобы исправить ошибочность расположенія, а между тѣмъ маршалы не дѣйствовали единодушно; каждый изъ нихъ заботится только о себѣ, располагаясь совершенно отдѣльно. Тальяръ видѣлъ выгоду въ занятіи Блиндгейма и спѣшилъ бросить въ него столько войскъ, сколько только могъ; если-бы было можно, какъ говоритъ Дювивье, онъ бы помѣстилъ тамъ всю свою армію. А между тѣмъ это массированіе войскъ на одномъ пунктѣ было ошибкою. Пользуясь мѣстною крѣпостью Блиндгейма, можно было отбить всѣ атаки, на него направленныя, съ несравненно меньшими силами. Маршалъ и курфюрстъ, вмѣсто того, чтобы примкнуть непосредственно къ Тальяру, еще болѣе отъ него отдаляются, стягивая всю пѣхоту къ крайнему лѣвому флангу и оставляя пустымъ центръ, занятый одною кавалеріею. Вотъ гдѣ главная ошибка въ расположеніи, ошибка, которая сейчасъ должна была броситься въ глаза и менѣе талантливому противнику нежели Мальборо. Но, какъ кажется, Дювивье правъ, говоря, что англійскій полководецъ не замѣтилъ съ перваго раза ошибочности французскаго расположенія. Это доказываютъ его усиленныя, дорогостоившія, безуспѣшныя атаки на Блиндгеймъ.

Принужденный наконецъ отъ нихъ отказаться, онъ началъ искать другаго средства для успѣха и повелъ атаку на центръ. Пѣхота его въ первую минуту переправы не встрѣтила никакого опротивленія и утвердилась прочно на правомъ берегу Небельбаха. Съ этой минуты участь боя была рѣшена; кавалерія перешла ручей подъ ея прикрытіемъ, численнымъ превосходствомъ своимъ раздавила мужественно дравшуюся французскую кавалерію и стала между двумя отдѣльными частями французской арміи. Евгеній ничего не могъ сдѣлать противъ превосходныхъ силъ Марсеня. Такова общая участь параллельныхъ столкновеній, при большемъ или меньшемъ равенствѣ въ тактическомъ устройствѣ войскъ. Здѣсь нѣтъ мѣста искусству; физическая сила беретъ свои права. Вообще въ распоряженіяхъ союзныхъ генераловъ, въ день Гохштедтскаго сраженія, мало замѣтно искусства. Готовясь къ бою, они не собрали всѣхъ силъ, которыми могли располагать, оставя противъ Ингольштадта 17 тыс. войскъ принца Баденскаго, и такимъ образомъ добровольно лишили себя превосходства въ

силахъ надъ противникомъ, вступили въ бой съ равными шансами на успѣхъ и даже неравными, потому что французы имѣли на своей сторонѣ силу позиціи, которая, будучи занята правильно, дорого-бы стоила союзникамъ. Затѣмъ, не зная еще расположенія французовъ, по характеру самой мѣстности, по свойству самой позиціи, примыкавшей правымъ флангомъ къ Дунаю, союзники должны были предпочтительно обратить вниманіе на лѣвый флангъ французовъ, бывшій стратегическимъ ключемъ позиціи, сосредоточить противъ него большую массу войскъ и ограничиваться только демонстраціями противъ праваго, гдѣ находился крѣпкій Блиндгеймъ. Сбивъ лѣвый флангъ французовъ, союзники могли припереть ихъ къ Дунаю, гдѣ не было мостовъ, и тѣмъ поставить его въ самое критическое положеніе. Вмѣсто того союзники стягиваютъ большую массу войскъ противъ праваго фланга, ставятъ кавалерію возлѣ Дуная, гдѣ она остается праздною, и вообще ищутъ параллельнаго столкновенія, рискуя за это сильно пострадать, какъ показала атака Блиндгейма. Прорвавши центръ, Мальборо опять дѣйствуетъ вяло, не пользуется выгодами своего положенія. Вмѣсто того чтобы взять во флангъ и тылъ армію Марсеня и поставить его въ безвыходное положеніе, онъ ведетъ атаку на Оберъ-Глаугеймъ и тѣмъ даетъ возможность Марсеню отступить безъ потерь; едва не выпускаетъ войскъ оставшихся въ Блиндгеймѣ, и только ихъ настойчивость въ желаніи положить оружіе доставляетъ ему легкій трофей. Если Марсень при дурномъ своемъ расположеніи не заботился о томъ, что дѣлается у него на флангѣ, будучи исключительно занятъ отраженіемъ атакъ неутомимаго своего противника съ арміею въ $1^1/_2$ раза его превосходнѣе, то можно его упрекнуть зачѣмъ онъ не перешелъ рѣшительно въ наступленіе, когда Евгеній, введя въ дѣло всѣ свои войска, находился въ критическомъ положеніи и просилъ поминутно помощи у своего товарища. Но Марсень заботится только о томъ, чтобы самому не быть битымъ, тогда какъ его успѣхъ могъ бы совершенно измѣнить положеніе дѣлъ, въ особенности если-бы войска, остававшіяся въ Блиндгеймѣ, приняли дѣятельное участіе въ битвѣ. Во время прорыва центра, побѣда еще не была окончательно рѣшена. Потери союзниковъ едва-ли не были еще болѣе и фланговый ударъ 15 тыс. войскъ, одушевленыхъ успѣхомъ, могъ бы рѣшить дѣло въ пользу французовъ. Но здѣсь мы замѣчаемъ необыкновенное явленіе во французской арміи: 15 тыс. войскъ спокойно смотрятъ на пораженіе центра и не только ничего не предпринимаютъ для спасенія товарищей, но и для спасенія собственной чести, славы своего оружія. Малодушные начальники не находятъ въ сердцѣ своемъ ни одной струны, звучавшей благороднымъ порывомъ, и безъ стыда подписываютъ свое униженіе, когда дорога къ отступленію была открыта. Войска принимаютъ это униженіе, стыдъ, кладя оружіе.

Мы видѣли, что и Мальборо дѣйствовалъ не безупречно; но за то дѣйствія Евгенія, при той роли, на которую онъ былъ осужденъ—бороться

съ противникомъ въ $1^1/_2$ раза превосходнымъ, при крѣпкой его позиціи, заслуживаютъ полнаго вниманія. Евгеній не даетъ противнику покоя, постоянно держитъ его въ напряженномъ состояніи, не позволяетъ отдѣлить баталіона для помощи товарищу и тѣмъ даетъ Мальборо возможность располагать боемъ по произволу. Союзныхъ полководцевъ можно упрекнуть въ томъ, что, разбивъ противника, они не умѣли воспользоваться своею побѣдою, довершивъ пораженіе непріятеля, на что полное превосходство ихъ въ силахъ, при невыгодахъ положенія Марсеня, принужденнаго переправляться въ виду ихъ черезъ Дунай, давало полную возможность. Вмѣсто того, они остаются спокойно на позиціи, не думая нисколько развить своего успѣха настойчивымъ преслѣдованіемъ противника.

Разсмотрѣвъ упадокъ въ военной системѣ и тактическомъ искусствѣ войскъ послѣ смерти Тюренна, разсмотримъ упадокъ и въ стратегическомъ искусствѣ, выразившійся въ образѣ веденія войнъ и въ особенности въ войну за наслѣдство испанскаго престола.

Образъ веденія войны въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій въ западной Европѣ. Важность значенія крѣпостей, укрѣпленныхъ пунктовъ и лагерей. Общій характеръ наступательныхъ и оборонительныхъ войнъ.

Учрежденіе постоянныхъ армій, прогрессивно возроставшихъ и достигшихъ при Людовикѣ XIV во Франціи колоссальныхъ размѣровъ, измѣнивъ всѣ дотолѣ существовавшія понятія о способахъ продовольствія ихъ въ мирное и военное время, не могло не отразиться и на образѣ веденія войны. Въ прежнее время, когда войска состояли изъ наемныхъ дружинъ, содержаніе которыхъ обходилось дорого, полководецъ долженъ былъ ставить себѣ задачею достиженіе въ короткое время самыхъ рѣшительныхъ результатовъ, потому что арміи, которыми онъ командовалъ, были у него въ службѣ извѣстный только срокъ. Войны были рѣшительнѣе и потому, что въ тогдашнее время полководецъ могъ имѣть болѣе широкую, рѣшительную цѣль, не стѣсняясь заботами о продовольствіи войскъ, такъ какъ существовалъ обычай, что война должна питать войну. И дѣйствительно мы видимъ смѣлые и рѣшительные походы Валленштейна, Тилли, Густава Адольфа, Баннера, Торстенсона и др.

Но подобныя средства продовольствія оказывались достаточными только для небольшихъ армій; когда онѣ увеличивались, край быстро истощался и, приходя въ совершенное раззореніе, не могъ удовлетворять потребностямъ. Учрежденіе постоянныхъ армій и въ особенности быстрое возростаніе ихъ числительности потребовало пріисканія новаго болѣе надежнаго средства для обезпеченія ихъ существованія въ мирное и военное время. По примѣру, поданному Франціей, арміи начали довольствоваться исключительно изъ магазиновъ, которые учреждались по-

преимуществу въ крѣпостяхъ и укрѣпленныхъ пунктахъ. Новая система довольствія войскъ не могла не отразиться на самомъ образѣ веденія войны. Полководецъ, въ особенности при значительной числительности его армій, былъ совершенно связанъ своими магазинами, не смѣя далеко отъ нихъ удалиться, не имѣя въ виду другихъ средствъ продовольствія. Если же онъ отъ нихъ удалялся, то долженъ былъ вести запасы съ собою, что еще болѣе должно было увеличить его и безъ того огромные обозы, а слѣдовательно лишить окончательно армію подвижности.

Связанный въ своихъ соображеніяхъ магазинами, полководецъ не могъ преслѣдовать какую нибудь рѣшительную цѣль: уничтоженіе арміи противника, занятіе его столицы. Узкость, ограниченность цѣли дѣйствій, занятіе какой либо пограничной провинціи для доставленія многочисленной кавалеріи фуража, отбитіе непріятельскаго магазина, занятіе его крѣпости, явились необходимымъ послѣдствіемъ новой системы продовольствія войскъ. Такъ въ 3-ю Нидерландскую войну Люксамбургъ направлялъ свои дѣйствія преимущественно къ Брюсселю или къ морю, гдѣ были въ изобиліи пастбищныя мѣста. Такъ какъ съ потерею магазиновъ, располагаемыхъ въ тылу, армія принуждена была къ отступленію, то верхомъ искусства считалось лишить непріятеля его магазиновъ, а слѣдовательно дѣйствовать на сообщенія противника, не потерявъ собственныхъ. Въ 1673 году, Тюреннъ, потерявъ, вслѣдствіе измѣны принца—епископа Вюрцбургскаго, обозъ къ нему слѣдовавшій у воротъ Вюрцбурга, принужденъ былъ удалиться за Рейнъ, а Монтекукули могъ чрезъ это удаленіе соединиться съ голландцами. Такимъ-то образомъ началась война маневровъ, гдѣ употреблялись всѣ утонченности искусства, распространеніе ложныхъ слуховъ, нечаянныя нападенія, скрытые обходы, чтобы достигнуть предположенной цѣли, безъ вступленія въ бой съ противникомъ. Подобное маневрированіе, утомлявшее безъ пользы арміи, явилось какъ подражаніе Тюренню и Монтекукули, вслѣдствіе увлеченія формою, а не смысломъ ихъ дѣйствій. Самъ Тюреннъ считалъ сраженія единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ достиженію предположенной цѣли и настойчиво искалъ ихъ, если это было необходимо; кампанія 1674 г. лучше всего это доказываетъ. Монтекукули тоже говорилъ, что безъ боя побѣдить нельзя. Кампанія 1675 года, гдѣ все дѣло рѣшилось одними маневрами, увлекла современниковъ, считавшихъ ее образцомъ искусства, забывая что она все таки рѣшилась бы боемъ, къ которому Тюреннъ готовился у Заасбаха, еслибы ядро не поразило его при рекогносцировкѣ позиціи противника. За исключеніемъ немногихъ, какъ напримѣръ Люксамбурга, по свойству самыхъ его тактическихъ дарованій искавшаго постоянно боя, талантливаго Вильяра, глубоко понимавшаго искусство геніальнаго Евгенія Савойскаго,—всѣ менѣе даровитые полководцы старались рабски подражать Тюренню и Монтекукули, по крайней мѣрѣ въ формѣ ихъ дѣйствій. Быстрое увеличеніе постоянныхъ

армій во Франціи казалось бы должно было вызвать стремленіе къ достиженію на войнѣ болѣе рѣшительныхъ результатовъ, а между тѣмъ мы видимъ, что сила ихъ теряется въ безполезныхъ маневрахъ. Но изъ предпосланнаго нами очерка тактическаго устройства армій въ этотъ періодъ мы видѣли, что въ то время, когда маневры были въ такомъ уваженіи, арміи вовсе не были способны къ маневрированію, будучи мало подвижны, въ особенности при безмѣрно увеличившемся числѣ обозовъ. Самые успѣхи въ техникѣ оружія, повели къ неразумному увлеченію огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ пѣхоты, а вслѣдствіе этого къ исключительному употребленію тонкаго строя. Тонкій строй, при значительной силѣ армій, потребовалъ длинныхъ линій, а такъ какъ эти линіи были слабы по всему протяженію и въ особенности съ фланговъ, то онъ требовалъ по необходимости сильныхъ позицій, прикрытыхъ съ фронта и фланговъ естественными препятствіями или укрѣпленіями. Наступающій, подойдя къ такой позиціи, не рѣшаясь ее атаковать, избѣгалъ боя и старался заставить непріятеля оставить занятую имъ позицію угрозами дѣйствій на его сообщенія. Такимъ образомъ вторую причиною нерѣшительности дѣйствій, кромѣ способа продовольствія изъ магазиновъ, было самое тактическое устройство армій, увлеченіе тонкими линіями, повлекшія за собою, такъ называемую, *войну позиціонную*, которая дѣлается общею въ Европѣ до самаго появленія Фридриха II, доказавшаго несостоятельность подобнаго способа дѣйствій.

Составъ армій имѣлъ не менѣе сильное вліяніе на медленность, нерѣшительность дѣйствій, въ особенности въ войну за наслѣдство испанскаго престола. Вся почти Европа вооружилась противъ Франціи, каждая изъ державъ послала въ общее союзное войско свой контингентъ, съ своимъ особеннымъ начальникомъ. Разногласіе въ интересахъ государствъ, предпринимавшихъ общую войну, влекло за собою разногласіе въ видахъ генераловъ, командовавшихъ ихъ войсками, потому не могло быть единства мысли, необходимаго для всякаго успѣха, въ особенности когда арміями командовало нѣсколько генераловъ съ равною властью. Тюреннь, понимая вполнѣ правила соображать свои дѣйствія съ характеромъ противника, умѣлъ всегда извлекать выгоды изъ этого недостатка въ единствѣ командованія въ арміи его противниковъ. Разсматривая управленіе арміями въ описываемый нами періодъ времени, мы указали на тотъ вредъ, который проистекалъ изъ желанія центральной власти руководить военными дѣйствіями до мелочей; гофкригсратъ въ Австріи, министръ Лувуа во Франціи — довели эту систему распоряженія дѣйствіями изъ кабинета до крайнихъ границъ, заставляя полководцевъ испрашивать у Двора разрѣшенія на каждый шагъ, который они намѣревались сдѣлать. Такимъ образомъ, полководецъ обращался въ пассивную машину, исполнявшую только приказанія свыше, а не внушенія своего разума. Примѣненіе къ обстоятельствамъ и времени не могло имѣть мѣста; дарованія, осужденныя на такую жалкую роль, или

сбрасывали иго, дѣйствуя на свой страхъ по собственному соображенію, или же оставляли армію, давая мѣсто посредственностямъ, которыя, не находя отвѣта въ собственной головѣ на многообразные вопросы, порождаемые войною, старались рабски подражать дѣйствіямъ великихъ полководцемъ, подводя ихъ подъ извѣстныя, опредѣленныя правила

Появленіе великихъ людей всегда оставляетъ глубокіе слѣды въ умахъ современниковъ и потомковъ, ведя ихъ къ безотчетному подражанію. Не понимая того, что дѣйствія эти обусловливались совокупностью всѣхъ возможныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ причинъ, не входя въ анализъ этихъ дѣйствій, въ анализъ причинъ ихъ производившихъ, систематически увлекаются наружною формою этой дѣятельности и, видя въ ней причину успѣховъ, создаютъ правила для дѣйствій, какъ непремѣнное условіе успѣховъ. Дѣйствія Густава Адольфа въ Тридцатилѣтнюю войну, рѣзкое различіе между ними до и послѣ Брейтенфельдскаго сраженія, успѣхи его, поражавшіе современниковъ, не могли не произвести переворота въ военномъ дѣлѣ и увлечь за собою толпу подражателей, старавшихся облечь въ систему сводъ наружныхъ примѣтъ его дѣйствій.

До Брейтенфельдскаго сраженія, при вступленіи въ Германію, Густавъ Адольфъ, вслѣдствіе политическихъ и административныхъ соображеній, дѣйствуетъ чрезвычайно осторожно, медленно, старается прочно утвердиться въ странѣ посредствомъ занятія крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ; избѣгая боя, старается занимать сильныя позиціи. Напротивъ, послѣ Брейтенфельдскаго сраженія дѣйствія быстры, смѣлы и рѣшительны. Изъ этого образа дѣйствій, обусловливавшагося обстоятельствами, въ которыхъ находился шведскій король, систематически вывели слѣдующее заключеніе, какъ неизмѣнное правило для дѣйствій: для успѣшнаго достиженіи цѣли наступательныхъ дѣйствій, должно прочно утвердиться въ странѣ, *занятіемъ всѣхъ расположенныхъ въ ней крѣпостей*, а для быстроты дѣйствій имѣть въ составѣ арміи болѣе кавалеріи. Отсюда предпочтеніе, которое даютъ осадной войнѣ, предпочтеніе разомъ двинувшее назадъ стратегію, какъ искусство веденія войны, и напротивъ возвысившее до такой степени инженерное дѣло. Когда у Людовика XIV были Тюреннь и Конде, побѣда была неразлучна съ французскими знаменами. Но когда эти великіе люди сошли съ политической сцены, когда искусство начало приходить въ упадокъ, недостатокъ талантовъ пришлось замѣнить количествомъ войскъ. Людовикъ XIV создаетъ колоссальныя арміи, какъ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Но вскорѣ и иностранныя государства, быстро увеличивъ числительность армій; имѣли равные шансы для борьбы. Тогда Людовикъ, боясь перемѣны счастія, заранѣе ищетъ предотвратить опасность иностраннаго вторженія, уставивъ всю границу и въ особенности фландрскую рядомъ крѣпостей. На дѣлѣ множество крѣпостей, снабженныхъ сильными гарнизонами, приноситъ вмѣсто пользы вредъ, уменьшая чи-

слительность подвижныхъ силъ, которыя составляютъ истинную опору государства, и тѣмъ парализуетъ возможность наступательныхъ дѣйствій. Какой процентъ подвижныхъ силъ поглощали крѣпости—рельефно указываетъ примѣръ 1692 года. Франція въ этотъ годъ была атакована со всѣхъ сторонъ: но средства ея были громадны. Она располагала 446,500 сухопутныхъ войскъ; но вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою массою силъ, чтобъ раздавить противниковъ, французское правительство бросаетъ по гарнизонамъ 139,500 чел., слѣдовательно около $^1/_3$ силъ, и тѣмъ добровольно лишаетъ себя иниціативы въ дѣйствіяхъ, ограничивается обороною, и не можетъ остановить герцога Савойскаго, во главѣ 50 т. арміи наведшаго ужасъ на Дофинэ и Провансъ и отступившаго не предъ оружіемъ французовъ, а вслѣдствіе развившейся въ его арміи оспы. Въ войну за наслѣдство испанскаго престола еще рѣзче можно видѣть пагубное вліяніе крѣпостей и весь вредъ принятой тогда системы—считать занятіе крѣпостей надежнымъ средствомъ для государственной безопасности. Предъ Гохштедтскимъ сраженіемъ, когда Мальборо перешелъ Рейнъ и вторгнулся въ предѣлы Баваріи, курфюрстъ Баварскій, надѣясь спасти свое государство крѣпостями, разбросалъ по нимъ всю свою 60 т. армію и оставилъ у себя подъ рукою только 5 баварскихъ баталіоновъ и 33 эскадрона ([223]). Тѣмъ не менѣе, участь Баваріи рѣшилась въ Гохштедтскомъ сраженіи, крѣпости послѣдовательно сдались побѣдителю и курфюрстъ лишился своихъ владѣній на цѣлыя 10 лѣтъ. Другіе были бы результаты, еслибы вмѣсто разброски по крѣпостямъ, армія его была присоединена къ Тальяру и Марсеню—баваро-французы были бы такъ сильны, что принудили бы Евгенія и Мальборо ограничиться обороною.

Остановили ли въ 1706 г. 33 крѣпости, которыя Франція имѣла въ Италіи, смѣлый маршъ Евгенія на Туринъ, когда тотъ не послѣдовалъ обычаю, совѣтовавшему прежде всего овладѣть крѣпостями для прочнаго утвержденія въ странѣ, и, слушаясь голоса собственнаго генія, искалъ покоренія страны не въ завоеваніи крѣпостей, а въ пораженіи арміи, составлявшей истинную силу государства, разсчитывая вѣрно, что съ пораженіемъ ея и крѣпости будутъ въ его власти. И разсчеты геніальнаго полководца вполнѣ оправдались ([224]). Остатки разбитой французской арміи вошли въ предѣлы Франціи, крѣпости Италіи сдались побѣдителю и Людовикъ XIV считалъ себя счастливымъ отдать остальныя съ условіемъ, что гарнизонамъ ихъ дозволено будетъ вернуться во Францію. Много можно представить изъ войны за наслѣдство испанскаго престола примѣровъ вреднаго вліянія, которое производили крѣпости на образъ самыхъ дѣйствій, придавая имъ характеръ нерѣшительности, съуживая еще болѣе цѣли, съ которыми полководцы вступали въ кампанію.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ вывести слѣдующее заключеніе. Большее число крѣпостей, которыми унизаны были границы Франціи, было

вредно въ отношеніи обороны и наступленія, потому что, требуя много войскъ для содержанія гарнизоновъ, оно ослабляло армію дѣйствующую въ полѣ, которая есть истинная опора государства. Какъ только армія бывала разбита, крѣпости, при рѣшительномъ перевѣсѣ, данномъ Вобаномъ атакѣ надъ обороною, не могли долго держаться, склады и гарнизоны въ нихъ находившіеся доставались въ руки побѣдителей. Такимъ образомъ бой, хотя современные полководцы, за исключеніемъ весьма немногихъ даровитыхъ, придавали ему мало значенія, имѣлъ весьма важныя послѣдствія въ стратегическомъ отношеніи. Но главное зло, которое принесли за собою крѣпости, это стѣсненіе сферы операцій, заключеніе стратегіи какъ искусства въ узкія рамки осадныхъ войнъ, гдѣ нѣтъ пищи способностямъ и таланту, гдѣ все дѣло заключается въ превосходствѣ числительности армій, въ большихъ матеріальныхъ средствахъ, въ послѣдованіи извѣстнымъ разъ принятымъ законамъ.

Узкость, ограниченность цѣли дѣйствій являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этой системы. Полководецъ не долженъ былъ думать о завоеваніи провинціи, страны, уничтоженіи арміи противника, для чего требовалось умѣнье оцѣнить характеръ театра дѣйствій, характеръ противника, средства, которыми онъ располагаетъ, всѣ обстоятельства и находить приличный для достиженія предположенной цѣли способъ дѣйствій. Этотъ способъ дѣйствій давался ему готовый, облеченный въ непреложный законъ, потому что и цѣль дѣйствій была постоянная—завоеваніе крѣпостей *). Опытъ испанской войны показалъ, что крѣпости въ *измѣнствѣ* равно вредны какъ при оборонѣ, такъ и при наступленіи; уменьшая своими гарнизонами силу постоянной арміи, какъ главнаго орудія для достиженія предположенныхъ цѣлей, какъ въ войнѣ наступательной, такъ и оборонительной, стѣсняютъ самую сферу дѣйствій. Излишняя важность, которую придавали крѣпостямъ, едва не погубила Францію. Тотъ же фактъ повторился впослѣдствіи въ поразительныхъ размѣрахъ. С. Сюзаннъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ генераловъ республики и имперіи, замѣчаетъ, что въ 1814 году, когда союзники овладѣли столицею Франціи, 300,000 французовъ безплодно занимали гарнизонъ въ 80-ти крѣпостяхъ, какъ самой Франціи, такъ и завоеванныхъ странъ; армія, дѣйствовавшая въ полѣ, далеко была малочисленнѣе всѣхъ этихъ гарнизоновъ вмѣстѣ взятыхъ, и въ то время какъ она нуждалась въ боевыхъ и жизненныхъ припасахъ, крѣпости были снабжены ими въ изобиліи. Наполеонъ погибъ и разрушилась

*) Замѣчательно мнѣніе о крѣпостяхъ Тюренна писавшаго Конде: «предпринимайте поменьше осадъ и давайте побольше сраженій. Когда вы доведете вашу армію до численнаго и качественнаго превосходства надъ непріятельской, когда вы такимъ образомъ сдѣлаетесь господиномъ въ полѣ, тогда селенія будутъ для васъ крѣпостями. Не забывайте, что ошибаются, видя больше чести въ трудномъ овладѣніи укрѣпленнымъ городомъ, нежели въ легкомъ завоеваніи области» (225).

его имперія; тогда какъ еслибъ эти 300,000 употребленныхъ такъ непроизводительно, стянуты были бы на защиту Франціи, ея сердца—столицы, то успѣхъ борьбы былъ бы еще сомнителенъ.

Такимъ образомъ образъ веденія войны въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, принявъ характеръ нерѣшительности, обусловливался главнѣйшимъ образомъ слѣдующими данными: 1) способомъ продовольствія войскъ изъ магазиновъ, что влекло за собою медленность дѣйствій, ограниченность цѣли ихъ; важность дѣйствій на сообщенія, войну маневровъ; 2) тактическимъ составомъ и устройствомъ войскъ; предпочтеніе, отдаваемое огнестрѣльному дѣйствію, влекло за собою малую подвижность армій; слабость тонкихъ линій безъ резерва старались усилить крѣпостью позиціи, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего явилась *война позиціонная*; 3) значеніемъ, которое придавали крѣпостямъ, вслѣдствіе ложно понимаемаго образа дѣйствій Густава Адольфа. Совокупность всѣхъ этихъ элементовъ, при неважности боя, на который смотрѣли какъ на средство второстепенное для достиженія извѣстныхъ цѣлѣй, а не какъ на главное могущественное средство для рѣшенія вопросовъ войны, при неумѣніи оцѣнивать относительную выгоду театровъ дѣйствій, при общемъ обыкновеніи становиться рано на зимнія квартиры и поздно съ нихъ сниматься, при стремленіи обусловить каждое дѣйствіе извѣстными правилами,—все это, придавъ войнамъ характеръ нерѣшительности, вялость, двинуло стратегію какъ искусство назадъ, въ особенности, если поставить его въ параллель съ тѣми истинными началами прогресса, которые выказывали Тюреннь и Конде въ своихъ походахъ. Теперь посмотримъ какъ всѣ эти элементы вмѣстѣ отражались на самомъ образѣ дѣйствій, для чего мы представимъ характеръ какъ наступательныхъ, такъ и оборонительныхъ современныхъ войнъ.

Образъ дѣйствій наступающаго въ разсматриваемый нами періодъ времени, вслѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ нами причинъ, былъ медленный и осторожный. Наступающій прежде всего прочно старался устроить пограничный свой театръ дѣйствій заложеніемъ магазиновъ, снабженіемъ крѣпкихъ пунктовъ сзади его лежащихъ всѣми предметами довольствія жизненными и боевыми, улучшеніемъ и обезпеченіемъ сообщеній съ ними. Когда это было сдѣлано, тогда только онъ рѣшался двинуться впередъ, направляясь къ ближайшей непріятельской крѣпости. Подходя къ ней, армія наступающаго раздѣлялась на двѣ части: одна съ осаднымъ паркомъ немедленно располагалась для осады крѣпости, строя вокругъ нея контравалаціонныя, а для огражденія съ поля—циркумвалаціонныя линіи; другая же часть арміи, двигаясь далѣе впередъ, въ видѣ обсерваціоннаго корпуса, располагалась на главныхъ путяхъ, ведущихъ отъ непріятеля къ осажденной крѣпости, прикрывая себя съ его стороны укрѣпленною линіею, позиціею или лагеремъ.

Въ случаѣ приближенія непріятеля дѣйствовали двояко, или осаждающій корпусъ, оставивъ въ линіяхъ необходимую только часть войскъ,

спѣшилъ на встрѣчу непріятелю и разбивалъ его въ полѣ или же принималъ бой въ линіяхъ. Очевидно, что первый способъ дѣйствій имѣлъ преимущество передъ вторымъ, потому что, въ случаѣ потери боя въ полѣ, наступающій только принуждаемъ былъ къ снятію осады крѣпости, тогда какъ, принимая бой въ линіяхъ, при длинѣ ихъ, повсюду съ слабымъ фронтомъ, имѣя гарнизонъ крѣпости въ тылу, осаждающій рисковалъ потерею всей арміи, какъ и доказала туринская катастрофа 1706 года.

Но впослѣдствіи успѣхи, сдѣланные въ инженерномъ искусствѣ, изобрѣтеніе параллелей и рикошетныхъ выстрѣловъ, введеніе въ употребленіе бомбардированія осажденныхъ городовъ, давъ рѣшительный перевѣсъ атакѣ надъ обороною, ускоривъ взятіе крѣпости, повело къ уничтоженію циркумъ и контрвалаціонныхъ линій. Взятіе крѣпости ослабляло побѣдителя болѣе чѣмъ побѣжденнаго, потому что для занятія ея онъ долженъ былъ отдѣлить достаточно сильный гарнизонъ, а гарнизонъ взятой крѣпости, по странному обычаю того времени, въ большей части случаевъ, не считался военно-плѣннымъ, а ему предоставлялась полная свобода отступить и присоединиться къ своей арміи. Такъ въ 1654 году Тюреннь отложилъ производство атаки на осажденный имъ Аррасъ до того времени, пока непріятель не овладѣлъ принадлежавшею французамъ крѣпостью Стэне и сдавшійся гарнизонъ ея не пришелъ къ нимъ на подкрѣпленіе. Наступающій имѣлъ предъ собою и ту выгоду, что онъ могъ увеличивать себя гарнизонами проходимыхъ имъ по дорогѣ крѣпостей. Подобный образъ дѣйствій былъ общъ на всѣхъ театрахъ войны и въ особенности въ Нидерландахъ. Репутація хорошаго, искуснаго полководца пріобрѣталась только на этомъ театрѣ войны, хотя самый большой успѣхъ здѣсь ограничивался взятіемъ одной или нѣсколькихъ крѣпостей. Рѣшительныхъ результатовъ кампаніи нельзя было здѣсь ожидать какъ по множеству крѣпостей, такъ по необыкновенной пересѣченности края, перерѣзаннаго многими рѣками и каналами; тѣмъ болѣе что противники всегда находили въ случаѣ неудачъ могущественнаго союзника въ наводненіяхъ. А между тѣмъ здѣсь всегда сосредоточивалась самая большая масса войскъ, безплодно терявшаяся въ осадахъ и оборонахъ крѣпостей.

Система дѣйствій обороняющагося заключалась въ томъ, чтобъ не допустить наступающаго предпринять осаду крѣпости, для чего лучшимъ средствомъ считалось дѣйствовать на его сообщенія. Но если обороняющійся въ этомъ не успѣвалъ, тогда всѣ усилія его клонились къ оттѣсненію обсерваціоннаго корпуса, ибо по понятію того времени, какъ только этотъ корпусъ былъ оттѣсненъ, осаждающая армія, изъ опасенія быть разбитою, немедленно снимала осаду, какъ бы ни были сильны ея линіи. Атаковать же позиціи наступающаго, при существовавшемъ тогда обычаѣ уклоняться отъ боя, обороняющійся рѣшался только при значительномъ превосходствѣ въ силахъ.

При оборонѣ страны или провинціи обыкновенно фронтъ дѣйствій прикрывали какимъ либо сильнымъ естественнымъ препятствіемъ, большою рѣкою, хребтомъ горъ; если же страна не представляла такихъ выгодныхъ мѣстныхъ условій для обороны, то воздвигали препятствія искусственныя; какъ мы уже замѣтили, говоря объ инженерномъ дѣлѣ въ этотъ періодъ, обороняющіяся арміи прикрывались цѣлыми непрерывными линіями изъ укрѣпленій засѣкъ и канавъ. Въ такомъ случаѣ оборона была совершенно пассивная. Не зная въ какомъ пунктѣ наступающій намѣренъ будетъ атаковать, обороняющаяся армія по всему пространству оборонительной линіи дробилась на малые отряды, что впослѣдствіи повело къ такъ называемой *кордонной системѣ*. Одинъ изъ стратегическихъ писателей, Вагнеръ, справедливо сравниваетъ подобный образъ дѣйствій съ малою войною, веденною цѣлыми арміями.

Такому образу дѣйствій слѣдовали даже лучшіе полководцы, какъ напр. Вандомъ, всегда дробившій армію на малые отряды. Наступательной обороны въ собственномъ смыслѣ не существовало; образчики ея показывалъ только Тюреннь, когда въ 1674 и 1675 г., для обороны Эльзаса и недопущенія союзниковъ къ Страсбургу, нѣсколько разъ переходилъ Рейнъ и, разбивъ противниковъ, возвращался обратно, и талантливый Вильяръ, рѣдко подчинявшійся рутинѣ, всегда слѣдовавшій вдохновенію своего таланта, никогда не утомлявшій армію безполезными маневрированіями, всегда ставившій широкую цѣль и неотступно, рѣшительно ей слѣдовавшій. Въ то время, какъ всѣ современные полководцы дѣйствовали ощупью, дробили силы, Вильяръ, далеко опередивъ свой вѣкъ, всегда старался держать ихъ сосредоточенными. Въ то время, какъ всѣ полководцы эпохи избѣгаютъ боя, онъ постоянно ищетъ его, понимая всю важность его для рѣшенія вопросовъ войны, и что еще выше—умѣетъ пользоваться побѣдою, развивая успѣхъ преслѣдованіемъ, что было рѣшительно не въ обыкновеніи въ эту эпоху. Люксамбургъ, другой не менѣе замѣчательный полководецъ Франціи въ эту эпоху, не уступалъ Вильяру въ способностяхъ тактическихъ; можетъ быть, въ этомъ отношеніи онъ даже былъ и выше его, но какъ стратегъ былъ ниже; ища постоянно боя и не будучи ни разу побѣжденъ, онъ не умѣлъ извлекать изъ него выгодъ. Конечно, представленный нами общій характеръ веденія войны, какъ наступательной, такъ и оборонительной, измѣнялся болѣе или менѣе, а иногда принималъ и противоположное направленіе, что обусловливалось и политическими обстоятельствами, и свойствами театра дѣйствій, составомъ арміи и личными качествами главнокомандующихъ.

Чтобы подкрѣпить выводы нами сдѣланные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, еще нагляднѣе познакомиться съ образомъ веденія войны въ очерченный періодъ, мы разсмотримъ и такого рода дѣйствія, которыя рельефностью своею, разнообразіемъ и особенными свойствами обращаютъ на себя особенное вниманіе: таковы дѣйствія Евгенія Савойскаго въ 1701

году, Вандома въ 1702 г., кампанія 1706 г. принца Евгенія Савойскаго въ Италіи и Денепская операція Вильяра въ 1712 г.

Въ тоже самое время, идеи, господствовавшія съ такою силою на западѣ, вовсе не имѣли подобнаго значенія въ восточной Европѣ, гдѣ въ это время появляется, съ одной стороны, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ полководцевъ, Карлъ XII, а съ другой—Великій Петръ выдвигаетъ на всемірное поприще постепенно преобразуемую имъ Россію и въ этомъ стремленіи сталкивается съ Карломъ XII. Завязавшаяся между ними борьба, окончившаяся паденіемъ могущества Швеціи, наполняетъ собою всю исторію европейскаго востока за это время. Событія Сѣверной войны не только съ политической точки зрѣнія, но и въ смыслѣ развитія военнаго искусства представляютъ важный интересъ, а потому мы и на нихъ остановимся.

Замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія въ продолженіи войны за наслѣдство испанскаго престола. — Походъ Евгенія Савойскаго въ Италію въ 1701 году. — Дѣйствія Вандома въ Италіи въ 1702 г.— Очеркъ кампаніи принца Евгенія Савойскаго въ Ломбардіи и Піемонтѣ въ 1706 г. — Денепская операція Вильяра въ 1712 году.

Какъ только сошелъ въ могилу, въ ноябрѣ 1700 года, слабый тѣломъ и духомъ Карлъ II, Людовикъ XIV возложилъ корону Испаніи на внука своего герцога Анжуйскаго. Императоръ протестовалъ, но, не будучи достаточно сильнымъ, чтобы тотчасъ же вступить въ борьбу съ могущественнымъ королемъ Франціи, онъ ограничился объявленіемъ войны Испаніи, а между тѣмъ искалъ союзниковъ для новой борьбы. Онъ имѣлъ на своей сторонѣ имперію, курфюрста Палатина, домъ Ганноверскій, Франконію и Швабію, зависѣвшія отъ принца Баденскаго, курфюрстовъ Саксонскаго и Люксамбургскаго. Курфюрстъ Бранденбургскій давалъ ему 8000 превосходныхъ войскъ въ честолюбивомъ стремленіи получить титулъ короля. На сторонѣ императора была Голландія, естественный врагъ Франціи, и Англія, оскорбленная тѣмъ, что Людовикъ XIV самовольно назначалъ ей короля, признавъ законнымъ наслѣдникомъ англійской короны сына Іакова II. Коалиція была грозная, но съ своей стороны и король Франціи располагалъ не менѣе могущественными матеріальными и нравственными средствами. Борьба съ Франціей, умѣвшей въ Нидерландскія войны противостоять усиліямъ всей соединенной Европы, выказавшей въ нихъ такія громадныя силы, которымъ по справедливости могла удивляться Европа, была тѣмъ труднѣе, что теперь на сторонѣ Франціи была Испанія со всѣми ея обширными владѣніями, Неаполемъ и Сициліей, герцогствомъ Миланскимъ, Тосканою и Сардиніею. Герцогъ Савойскій отдавалъ свои войска въ ея распоряженіе, Мантуя и Парма пристали къ союзу Людовика XIV.

Папа, Модена, Лукка, республики Венеціанская и Генуэзская готовы были ему содѣйствовать. Не менѣе сильные союзники были у Людовика XIV въ Германіи—курфюрстъ Баварскій, братъ его, курфюрстъ Кельнскій, епископъ Ліежскій, герцогъ Вольфенбютельскій доставили ему передовыя позиціи въ Германіи. Венгры и протестанты въ Германіи, готовые подъ вліяніемъ побужденій Франціи подняться, были опасными внутренними врагами императору. Кромѣ преимущества въ силахъ, Людовикъ XIV имѣлъ ту выгоду надъ противниками, что вооруженія его были совершенно окончены, въ то время какъ враги его далеко не были готовы къ войнѣ. На этомъ слѣдовало основать первоначальный планъ дѣйствій: необходимо было воспользоваться выгодами иниціативы и нанести рѣшительный ударъ (пока противники приготовятся къ войнѣ) Австріи, сосредоточивъ противъ нея большую массу войскъ, и ограничиваясь только оборонительными дѣйствіями на прочихъ театрахъ, тѣмъ болѣе что Баварія давала превосходную наступательную передовую позицію къ сердцу имперіи. Подобный разсчетъ долженъ былъ обусловливаться самыми свойствами противниковъ. Англія была внѣ ударовъ Франціи; пользуясь превосходствомъ своего флота, сухопутныя ея силы, въ случаѣ пораженія, всегда могли сѣсть на суда и высадиться въ другомъ мѣстѣ. Голландія находилась при тѣхъ же условіяхъ. Могущество ея основывалось на всемірной морской торговлѣ, а не на силѣ территоріи, на ея золотѣ, покупавшемъ десятки тысячъ нѣмецкихъ солдатъ. Кромѣ того, перерѣзанная большими рѣками, каналами, усѣянная крѣпостями, на каждомъ шлгу могшими остановить противника, наконецъ, имѣя, какъ послѣднее средство, шлюзы, поднявъ которые, она могла потопить страну и побѣдителей волнами океана, Голландія была почти неуязвима и Франція не могла здѣсь достигнуть никакихъ рѣшителъныхъ результатовъ.

Напротивъ, имперія, государство территоріальное, могла быть поражена въ самое сердце. Оттуда выходили тучи солдатъ, вызываемые золотомъ Англіи и Голландіи. Поражая ее, Франція лишала другихъ соперниковъ главнаго средства войны—людей. Къ тому же этого легко было достигнуть: Франція имѣла два превосходныхъ передовыхъ плацдарма: Баварію и Италію. Выйдя изъ нихъ французско-испанскія арміи могли соединиться въ Вѣнѣ и тамъ предписать миръ Европѣ. Но Людовикъ XIV не умѣлъ, или, лучше сказать, не хотѣлъ воспользоваться выгодами своего положенія. Онъ не хотѣлъ начинать войну первый, щадя общественное мнѣніе Европы, называвшей его завоевателемъ. Занявъ чрезъ посредство баварскаго курфюрста нѣсколько крѣпостей во Фландріи (Ньюпортъ, Уденардъ, Шарлеруа, Намюръ), въ Италіи—Мантую, Кремону и др. пункты, стянувъ, по мысли Вильяра, большую часть войскъ въ Испанскіе Нидерланды, онъ приказалъ на всѣхъ театрахъ ограничиваться строго оборонительными дѣйствіями, надѣясь достигнуть вѣрнѣе своихъ видовъ переговорами. Этимъ рѣшеніемъ Лю-

довикъ потерялъ всѣ выгоды упрежденія въ дѣйствіяхъ и, можетъ быть, подписалъ всѣ послѣдующія несчастія Франціи. Не о переговорахъ нужно было думать, а о томъ, какъ бы нанести рѣшительный ударъ противникамъ, которыхъ онъ засталъ въ расплохъ; во враждебности же ихъ расположенія нельзя было и сомнѣваться. Добровольное бездѣйствіе должно было ихъ ободрить, разсчитывая на слабость Франціи, и приготовиться къ борьбѣ рѣшительной. Вскорѣ эта основная ошибка принесла плоды, которыхъ слѣдовало ожидать. Собравъ и устроивъ войска въ Германіи и Голландіи, союзники успѣли раздавить герцога Вольфенбютельскаго, принудили курфюрста Кельнскаго отложиться отъ союза и направили большія силы въ Италію, гдѣ Франція, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать наступательно или по крайней мѣрѣ выставить значительный корпусъ войскъ, достаточно сильный, чтобы обезпечить передовыя позиціи по Адижу, а съ ними безопасность всей соединенной Италіи, заняла ее сравнительно малымъ числомъ войскъ.

Итальянскій *театръ войны*, по топографическимъ свойствамъ и удобопроходимости мѣстности, можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе раіоны (см. карту сѣв. Италіи):

1. *Южный склонъ Альповъ*, спускающійся къ долинѣ р. По террассами — страна сильно пересѣченная, горная, плодородная, малопроходимая.

2. *Равнина до лѣваго берега р. По* и часть праваго берега — обработана, населеніе зажиточное, даже богатое, путей много, но мѣстность закрытая.

3. *Сѣверный склонъ Апенинъ*—населеніе рѣдкое, бѣдное, продовольственныхъ запасовъ мало, дороги плохія. Отроги горъ между Піаченцею и Вогерою подходятъ близко къ По и образуютъ *Страдельское дефиле*; отъ впаденія же Танаро къ западу, между р. По и Танаро простирается холмистая, богатая страна Манфератъ. Равнина представляетъ ту именно мѣстность, на которой преимущественно разыгрались кампаніи 1701, 1702 и 1706 гг. Страна эта мало отличалась въ то время въ культурномъ отношеніи отъ теперешней Верхней Италіи. И тогда широкія, хотя менѣе удобныя дороги шли между кустами и деревьями, закрывавшими часто обзоръ въ сторочы, и тогда между дорогами тянулись богатыя хлѣбныя, кукурузныя и рисовыя поля, причемъ послѣднія были окружены и перерѣзаны цѣлою системою широкихъ канавъ; на другихъ же поляхъ виднѣлось по всѣмъ направленіямъ безчисленное множество насажденій тутовыхъ деревьевъ. По полямъ разбросаны были каменныя фермы, хутора, построенные часто въ нѣсколько этажей, съ плоскими крышами; селенія были тѣсны, но часто весьма массивной постройки. Жизненная и торговая артерія этой садоподобной мѣстности—*р. По*, принимаетъ съ лѣвой стороны много водообильныхъ притоковъ; многіе изъ нихъ въ нижнемъ теченіи судоходны и представляютъ большія затрудненія при переправѣ. Что же ка-

сается устройства мостовъ, то въ то время эта операція облегчалась имѣвшимся повсюду значительнымъ запасомъ большихъ и малыхъ судовъ. Всѣ притоки правой стороны носятъ характеръ горныхъ рѣчекъ. Удобопроходимые и едва замѣтные въ сухое время, они становятся непроходимыми при таяніи снѣговъ и послѣ большихъ дождей, и въ это время не допускаютъ устройства переправы, причемъ вода поднимается внезапно, часто въ нѣсколько часовъ на нѣсколько саженъ. Уровень р. По, въ зависимости отъ этихъ быстрыхъ перемѣнъ, иногда быстро поднимался на нѣсколько саженъ и тогда устройство мостовъ весьма затруднительно. Въ обыкновенное время рѣка судоходна для тяжело нагруженныхъ судовъ. Въ этомъ отношеніи р. По имѣла въ ту эпоху важное значеніе какъ коммуникаціонная и операціонная линія, хотя, при разныхъ обстоятельствахъ войны, арміи находились въ разномъ положеніи относительно этой рѣки.

Вторую, хотя и менѣе важную, линію для арміи, двигающейся изъ Тироля, представляетъ р. Эчъ или *Адижъ*. Эта рѣка по быстротѣ допускаетъ сплавное судоходство, но въ верхнемъ теченіи въ Тиролѣ, по малой глубинѣ и ширинѣ, не имѣетъ ни тактическаго значенія, ни значенія коммуникаціонной линіи. Лучшую коммуникаціонную линію, для арміи наступающей изъ Тироля, представляетъ озеро *Гарда и р. Минчіо*, по которымъ могли ходить весьма большія суда, между тѣмъ, какъ по Адижу плавали большею частью только баржи и плоты. Рѣки Оліо, Адда и Тичино, хотя судоходны, но ими мало можно было пользоваться какъ коммуникаціонными линіями, вслѣдствіе направленія ихъ теченія. Весьма развитая система каналовъ увеличивала значеніе судоходныхъ рѣкъ, какъ путей подвоза. Арміи закладывали магазины у рѣкъ или у моря, а рѣки способствовали передвиженію этихъ запасовъ на дальнія разстоянія, чего нельзя было достигнуть одними повозками. Большія *болотистыя низменности* по р. Минчіо и между рр. Эчъ и По и въ то время еще мало были осушены, хотя осушка эта была начата еще въ глубокой древности. Болотистыя пространства около Мантуи имѣли стокъ прямо въ По по каналу Авали, который доходилъ до Боргофорте. Къ С. В. и В. отъ р. По, замѣчательна болотистая долина *р. Тартаро*, длиною въ 24 и шириною въ 6 верстъ, извѣстная подъ названіемъ Volli grandi Veronesi.

Менѣе замѣчательныя болота находились во владѣніяхъ Феррары и Ровиго, простираясь до большихъ болотъ, тянущихся вдоль берега Адріи, при впаденіи Адижа въ По. Между двумя рукавами р. По была также сѣть каналовъ для осушки. По и Эчъ соединялись судоходнымъ каналомъ *Біанко*, который шелъ отъ Кастаньяро ниже Леньяго, на Треченто, у р. Тартаро, и далѣе въ окрестности Полезелы, гдѣ происходитъ первое соединеніе съ р. По, а потомъ мимо Адріи въ Каванеллу. Весьма богаты были каналами Ломбардія, области: Венеціанская, Парма и Модена. Долина р. По въ то время была трудно доступна со стороны

Франціи, Швейцаріи и Тироля, вслѣдствіе плохаго устройства дорогъ. Главнѣйшими торговыми *путями* были морскіе изъ Марселя и Тулона въ Геную и Финале. Торговля также провела дороги черезъ Альпы и война послѣдовала за ней, но всетаки эти пути были весьма неудобны. Важнѣйшіе были слѣдующіе:

1. Изъ Тортоны въ Геную.

2. Отъ верховьевъ По и Стуры черезъ Мондови, Чеву и Савону или черезъ Гарсіо въ Альбенку; изъ Кони черезъ Col di Tende (одна изъ лучшихъ) въ Ниццу, или далѣе вверхъ по Стурѣ къ сѣверу отъ Colle della Maddalena въ долину р. Дюрансъ.

Изъ Турина черезъ Сузу, Mont Genèvrce въ Бріансонъ и въ долину Дюрансы.

4. Изъ Турина черезъ Сузу и М. Сенисъ.

5. Изъ долины Роны черезъ Симплонъ въ Арону на Лаго-Маджіоре.

6. Старинная дорога изъ Комо черезъ Лугано Белинцону въ С.Готардъ; изъ долины Тичино въ дилину Рейсы и въ Куръ.

7. Изъ Бергамо около Форте Фюэнте, черезъ Сплюгенъ въ Куръ.

8. Изъ Бергамо черезъ Піаццу въ Борміо и далѣе въ Боценъ (плохая даже лѣтомъ).

9. Самая лучшая дорога вдоль Адижа въ Верону изъ Тріента,— эта важнѣйшая коммуникаціонная линія верхней Италіи съ Германіею.

10. Далѣе къ востоку еще идетъ плохая тропа изъ Тріента въ долину Сугана и далѣе въ долину Бренты и къ Бассоно. Верхняя Италія сама очень была богата путями. Прекрасныя дороги, встрѣчаемыя теперь, и тогда въ общемъ были таковыми же. Главнѣйшія сообщенія были хороши во всякое время и во всякую погоду, но второстепенныя дороги были трудно проходимы въ дурную погоду, и часто при продолжительныхъ дождяхъ непроходимы, при этомъ нерѣдко вдоль дорогъ шли водяныя широкія канавы, не дозволявшія сворачивать въ стороны. Три главныя дороги проходили по всему театру отъ востока къ западу.

1. Сѣверная: Верона-Миланъ—Туринъ.

2. Средняя: Леньяго—Мантуя—Павія.

3. Древняя Strada Emiliana, на правомъ берегу По, отъ Балоньи на Модену — Парму — Піаченцу — Страделлу—Тортону—Александрію—Туринъ.

Къ нимъ примыкало и пересѣкало ихъ много другихъ хорошихъ дорогъ.

Большая часть мостовъ были пловучіе, но встрѣчались и каменные.

Города были почти всѣ *укрѣплены*; верки ихъ были весьма разнообразны, отмѣчая собою различныя эпохи развитія инженернаго искусства; но были и укрѣпленія вполнѣ соотвѣтствовавшія характеру веденія войны той эпохи. *Верона*, не смотря на ея важное стратегическое положеніе и имѣвшіеся тамъ мосты черезъ Адижъ, какъ принадлежавшая нейтральной Венеціи, не играла важной роли въ эти войны и ею

не овладѣла ни одна сторона. Тѣснина «*Кіуза-венета*» была не болѣе какъ каменнымъ домомъ, расположеннымъ между обрывами контрфорсовъ Альпъ и р. Эчъ, на лѣвомъ ея берегу. *Пескіера*, по обѣ стороны Минчіо, имѣла бастіонное очертаніе съ водяными рвами; *Ровіго*—бастіонное очертаніе, заслуживающее вниманіе. *Мантуа* фланкировала всякое наступленіе отъ р. Адижа къ р. Минчіо. Сама крѣпость расположена была на озерѣ и доступна только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; къ сѣверу доступъ къ мостамъ прикрывала Citadella, къ востоку—укрѣпленный Giorgio, къ западу—горнверкъ. *Гаито* также былъ укрѣпленъ. *Боргофорте* имѣлъ хорошо приспособленныя къ оборонѣ строенія. *Кастильоне* имѣлъ значеніе, какъ особенно сильно укрѣпленный пунктъ, хотя его укрѣпленія состояли только изъ сильной стѣны и фланкировались башнями; редюитъ его былъ расположенъ на возвышенномъ пунктѣ. *Кремона* имѣла стѣны бастіоннаго начертанія съ водяными рвами, съ равелинами и прикрытымъ путемъ; редюитъ города, Санта Кроче, былъ также построенъ въ старомъ стилѣ. Мостъ у Кремоны имѣлъ тетдепонъ. При восточномъ выходѣ Страдельскаго дефиле лежалъ укрѣпленный пунктъ С. *Джіовани* и *Піаченца*. Кромѣ того имѣлось множество другихъ укрѣпленій.

Не смотря на богатство страны, правильное *довольствіе* войскъ встрѣчало затрудненія. Скота было совершенно достаточно, но хлѣбъ и овесъ можно было добывать только за большія деньги; хорошаго сѣна почти невозможно было достать на мѣстѣ и приходилось его доставлять изъ сосѣднихъ странъ или изъ Германіи и Франціи.

Относительно симпатій народонаселенія можно сказать, что въ общемъ народы Италіи, среди шума войны, оставались безучастными зрителями борьбы и жаждущими прибыли поставщиками.

Операціи находили препятствія въ особенностяхъ *культурной обработки полей*, т. е. въ такихъ тактическихъ элементахъ, съ которыми военныя воззрѣнія того времени не особенно эластично могли согласоваться.

Хотя подчасъ мѣстность и дозволяла употребленіе кавалеріи, но это было только исключеніемъ. Закрытая, сильно пересѣченная мѣстность, со множествомъ дорогъ, канавъ, рвовъ, малыхъ прочныхъ фермъ или отдѣльныхъ домовъ представляла всѣ выгоды для малой войны, разыгрывать же сраженія по принятымъ принципамъ того времени не было возможности: тяжелая линейная тактика и понятія времени не дозволяли даже немедленно и рѣшительно преслѣдовать послѣ побѣды. Поэтому кампаніи того времени имѣютъ свои дни славы и побѣды, но мы не замѣчаемъ въ нихъ такихъ успѣховъ, которые были бы подготовлены соотвѣтственными комбинаціями и искуснымъ пользованіемъ какъ особенностями мѣстнаго элемента, такъ и боевыхъ свойствъ войскъ, и которые были бы довершены рѣшительнымъ преслѣдованіемъ.

Кампанія 1701 года.

Извѣстіе о завѣщаніи Карла II, не смотря на то, что оно давно ожидалось, застало императорскую армію въ полной неготовности.

Въ Вѣнѣ существовали двѣ равносильныя партіи мира и войны, но въ концѣ концовъ послѣдняя взяла верхъ и тогда уже стали думать о средствахъ для войны. Изданъ былъ законъ о налогахъ на имущество; причемъ каждый, обладавшій болѣе 1000 гульденовъ, долженъ былъ внести $^1/_{100}$ часть своего достоянія; но этихъ денегъ могло хватить только на предварительныя приготовленія и стратегическое сосредоточеніе арміи. Силы императора въ численномъ отношеніи значительно уступали французскимъ, а потому осторожный Людовикъ Баденскій и Капрара были противъ немедленной войны, но Евгеній и Комерси доказывали, что съ успѣхомъ явятся и союзники.

Идея войны была ясна—необходимо было овладѣть испанскими владѣніями и прежде всего Миланомъ, Неаполемъ и Испанскими Нидерландами. На Рейнѣ не желали дѣлать захватовъ, такъ какъ тамъ не было испанскихъ владѣній, но наступленіе французовъ нужно было предупредить и задержать. Операціи въ Нидерландахъ, по отдаленности этихъ провинцій, были затруднительны для имперскихъ войскъ, а потому этотъ театръ былъ предоставленъ голландцамъ и англичанамъ. На Рейнѣ поднялись на помощь контингенты Германскаго союза, которымъ необходимо было придать нѣсколько имперскихъ войскъ. Только въ Италіи имперская армія должна была дѣйствовать, притомъ наступательно, одна безъ союзниковъ, вслѣдствіе чего главнокомандующимъ тамъ былъ назначенъ Евгеній Савойскій.

Мобилизація арміи встрѣчала весьма большія затрудненія, во 1-хъ, отъ недостатка денегъ, во 2-хъ, вслѣдствіе тяжело неподвижнаго механизма государственнаго управленія. Прежде всего рѣшено было довести составъ пѣхотныхъ полковъ, назначаемыхъ въ Италію, до 4-хъ баталіоновъ съ гренадерскою ротою; пѣхотный полкъ слѣдовательно долженъ былъ состоять изъ 16 мушкетерскихъ ротъ (рота 150 челов.) и 1 гренадерской роты (100 челов.) Такимъ образомъ, было мобилизовано 14 пѣх. полковъ; впослѣдствіи были приведены на военную ногу еще два полка.

Въ кавалеріи вмѣсто полковъ изъ 10 ротъ въ 5 эскадронахъ слѣдовало сформировать по 12 ротъ въ 6 эскадроновъ, полкъ числительностью въ 1000 челов. Первоначальное пополненіе лошадьми возложено было на полки; впослѣдствіи-же это взялъ на себя поставщикъ еврей. Люди вербовались полками.

Матеріалъ для полевой артиллеріи ожидался изъ Богеміи, Рааба и Вѣны, но мобилизація этого рода оружія двигалась весьма медленно, вслѣдствіе большаго недостатка денегъ; запаздывали покупкой лошадей, наймомъ людей и т. д.

Шанцеваго инструмента готоваго не было. 6 штукъ мѣдныхъ понтоновъ начали также только готовить, равно какъ и 50 холщевыхъ понтоновъ де Гютема. Набраны были минерная рота и полевое хлѣбопекарное отдѣленіе. Обозъ и формированіе транспортовъ возложено было по контракту на подрядчика. Для санитарной службы была придана походная $^1/_2$ аптека, на 2-хъ повозкахъ, съ полевымъ аптекаремъ и полевымъ медикомъ, которые заявили при самомъ сформированіи о крайней бѣдности этихъ средствъ.

Между тѣмъ французы успѣли уже занять нидерландскія крѣпости и овладѣть Италіею. Можно было ожидать, что они скоро перенесутъ войну въ предѣлы земель Австрійскаго дома, и потому Евгеній торопилъ высылкой хотя части войскъ, чтобы удержать непріятеля.

Нужно было также войти въ согласіе съ Тиролемъ о проходѣ арміи и учрежденіи 2-хъ магазиновъ въ Ровередо и Боценѣ, чего и удалось наконецъ достигнуть. Учреждены были еще магазины на берегу Истріи и Фріуля для доставки въ армію провіанта по Адріи и По, но подобнаго рода подвозъ былъ малонадеженъ, вслѣдствіе двойственной политики Венеціи. Отъ нея также требовали прохода войскъ, и только послѣ долгихъ колебаній, съ обязательствомъ немедленной уплаты за все слѣдуемое, достигли такого согласія. Послѣ долгихъ переговоровъ также было получено разрѣшеніе прохода войскъ черезъ Зальцбургъ и Баварію; но послѣдняя не допускала прохода артиллеріи, иначе какъ водою, и когда она, не смотря на это, двинулась сухимъ путемъ—грозила сломать всѣ мосты на дорогѣ; только благодаря энергіи Евгенія всѣ эти затрудненія были мало по малу устранены. Когда же наконецъ назначенныя войска двинулись и прибыли въ Тироль, оказался полнѣйшій недостатокъ огнестрѣльныхъ припасовъ и только по усиленнымъ требованіямъ войска получили нѣсколько пороху изъ Инсбрукскаго склада и съ этими припасами выиграли первое сраженіе. Вообще недостатокъ не только запасовъ, но и денегъ ощущался въ такой степени, что даже Евгеній не былъ увѣренъ, можетъ-ли онъ разсчитывать получить аккуратно его личное жалованье. Для увеличенія боевыхъ средствъ были наняты за милліонъ талеровъ и назначены въ Италію 6000 датскихъ войскъ.

Сила Италіанской арміи:

а) *Готовые къ выступленію*

25 батал. пѣхоты.	7 полковъ	15700
18 эскадроновъ	3 полка кирасиръ. . .	3000
18 »	3 полка драгунъ . . .	3000
Артиллерія	26 полковыхъ орудій.	

Сила полковъ: пѣхотнаго 2500, кавалерійскаго 1000.

б) *Для усиленія Италіанской арміи.*

19 баталіоновъ.	8 полковъ	11600 ч.

36 эскадроновъ	6 кир. полковъ. . .	6000 ч.
6 »	1 драг. полкъ . . .	1000 ч.
2 гусарскихъ эск. Дека		400 ч.

32 полковыхъ орудія, 12—24 фунтовыхъ, 4 мортиры, 6 скорозарядныхъ орудій. Эти послѣднія части прибывали въ теченіи кампаніи, такъ что съ началомъ войны армія имѣла 32100 челов. и увеличилась въ теченіи кампаніи до 48600 челов. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые полки были въ составѣ 16 мушкетерскихъ и 1 гренадерской роты, другіе въ меньшемъ. Вслѣдствіе пересѣченнаго театра войны Евгеній желалъ имѣть меньшія тактическія единицы въ кавалеріи и потому изъ каждаго полка выдѣлилъ лучшихъ людей и соединилъ по полкамъ въ особые эскадроны, подъ названіемъ «трупсъ», назначавшіеся большею частью для авангардной и сторожевой службы.

Франція сдѣлала громадныя приготовленія къ войнѣ, не испытывая тѣхъ затрудненій какъ Австрія, такъ что уже въ январѣ войска могли начать движенія. Прежде всего было приказано сформировать 100 новыхъ однобатальонныхъ полковъ, всего 58,500 чел. и мобилизовать 57 милиціонныхъ баталіоновъ всего 33300; кавалеріи 14 полковъ кирасиръ и 6 полковъ драгунъ — 16000. Помощію этихъ новыхъ формированій армія французовъ могла быть доведена до 250,000 чел.

Опредѣлена была поголовная подать съ 1 января 1701 года на все время предстоящей войны на всѣхъ французовъ, за исключеніемъ духовенства, отъ котораго былъ полученъ подарокъ въ 1700000 руб.

Въ испанскихъ владѣніяхъ также дѣлались большія приготовленія, какъ въ самой Испаніи, такъ и въ провинціяхъ: въ Нидерландахъ, Миланѣ и Неаполѣ; всего было приказано выставить еще 24 баталіона по 600 челов., что съ существовавшими давало 15,900 ч. пѣхоты и 5000 кавалеріи, 1000 драгунъ; въ Италіи изъ этого числа находилось 6300 пѣх. и 3100 кавалеріи.

Баварскій курфюрстъ въ Нидерландахъ сформировалъ армію въ 15 тыс. чел.; отъ Савойи ожидалось 10 тыс. ч., такъ что всего у французовъ должно было быть 315 тыс. человѣкъ.

Что касается выбора главнокомандующихъ, то старшій, Буфлеръ, былъ назначенъ въ Нидерланды, такъ какъ тамъ ожидалось рѣшеніе войны.

На Рейнъ, гдѣ разсчитывали, благодаря Баваріи и Кельну, на легкую побѣду, былъ назначенъ любимецъ Виллеруа. Въ Италію сначала предназначался Тессе, но когда пришло извѣстіе, что императорскою арміею будетъ командовать Евгеній, то туда былъ назначенъ Катина.

Первоначально, въ Италію, подъ начальствомъ Тессе, были посланы 40 батал. и 56 эскадроновъ, впослѣдствіи прибавили еще 25 батал., 20 эскадроновъ всего 65 бат. и 76 эскадр.—около 43 тыс.

Войска, назначенныя для вступленія въ Италію, должны были со-

средоточиться въ Дофинэ, Провансѣ и Франшъ—Контэ и двигаться черезъ Швейцарію и Пьемонтъ по назначенію; но чтобы не стѣсняться въ началѣ операцій разными договорами, приказано было собрать въ Тулонѣ и Марселѣ транспортный флотъ и, не ожидая сосредоточенія всей арміи, перевезти для подкрѣпленія испанскихъ войскъ въ Италіи 9900 чел. пѣхоты и 450 коней (14 пѣх. бат. и 2 пол. кавалеріи).

Тессе еще въ декабрѣ 1700 года поѣхалъ въ Миланъ и Туринъ, чтобы все приготовить къ вступленію войскъ и уговорить герцога Савойскаго присоединиться къ союзу. Кромѣ того онъ обрекогносцировалъ укрѣпленные пункты границы и дороги черезъ горные перевалы, которыми могли воспользоваться имперцы для вступленія въ Италію. Изъ осмотра ихъ онъ пришелъ къ слѣдующему убѣжденію:

1) Дорога изъ Тріента къ Ровередо и Веронѣ самая удобная для движенія и самая опасная для обороны Италіи.

2) Изъ сѣвернаго Тироля путь вверхъ по Инну и Энгадину въ Чіавенту и въ Миланъ велъ черезъ Граубинденъ и былъ запертъ замкомъ Фуэнте.

3) Изъ Тріента во владѣнія Бергамо и Бресчіи — затруднительный для прохода и потому невѣроятный путь наступленія.

4. Путь черезъ Фріуль велъ во владѣнія Венеціи и при пользованіи имъ нарушался ея нейтралитетъ.

7-го и 8-го января первыя французскія войска начали посадку въ Антибѣ и Монако, а вскорѣ за ними послѣдовали остальныя. Войска высаживались въ Финале, а затѣмъ далѣе двигались черезъ Александрію въ Миланскія владѣнія, куда прибыли 3-го января. Вторая колонна войскъ, назначенныхъ для дѣйствія въ Италію, должна была первоначально двинуться черезъ Швейцарію и Пьемонтъ, какъ только получится разрѣшеніе этихъ государствъ; но вскорѣ пѣхота была направлена въ Тулонъ и двинулась по пути первой колонны. Изъ кавалеріи 48 эскадроновъ направлены были къ границѣ Піемонта и авангардъ ихъ около 12 февраля подошелъ къ границѣ, остальные прибыли туда только въ мартѣ. Вмѣстѣ съ этими войсками двинулись и лошади для артиллеріи, а орудія въ числѣ 30 должны были быть получены изъ испанскихъ арсеналовъ въ Миланѣ. До этихъ поръ герцогъ Савойскій не соглашался на проходъ французскихъ войскъ и самъ поставилъ на военную ногу только 16 бат. и 1500 кав., но вскорѣ Тессе угрозою заставилъ его согласиться на все. Въ это время получено было извѣстіе о назначеніи Катина главнокомандующимъ, подчиненнымъ герцогу Савойскому.

Между тѣмъ войска двигались впередъ и въ мартѣ заняли Медоле, Сольферино, Вольту, Куртатоне и др. Относительно австрійцевъ имѣлись свѣдѣнія, что 2000 чел. находятся въ южномъ Тиролѣ и что движеніе ихъ въ Италію неизбѣжно, причемъ дорогой изъ Граубиндена они, по ея труднопроходимости, не воспользуются; затѣмъ у нихъ

остаются еще 2 дороги: по долинѣ Адижа и черезъ Фріуль. Ежели имперцы пойдутъ на Фріуль, то венеціанцы должны взяться за оружіе и соединиться съ французами или войти въ соглашеніе и союзъ съ имперцами и тогда французы могли также не обращать вниманія на венеціанскіе города Верону и Пескіеру или, овладѣвъ ими и упираясь на Мантую на Адижѣ, преградить путь къ Милану. Если бы при этомъ непріятель перешелъ По, для движенія къ Неаполю, то не трудно было бы и здѣсь ему воспрепятствовать, перейдя черезъ По у Гуасталлы. Но самый вѣроятный путь для наступленія—вдоль Адижа, и его то необходимо было запереть, а потому французскіе генералы полагали сосредоточить армію на Минчіо, занявъ большинствомъ пѣхоты позицію между Гардскимъ озеромъ и Адижемъ, на высотѣ Кіузы, и нѣсколькими постами мѣстность впереди до Инканале. 7 апрѣля прибылъ Катина вполнѣ согласился съ мнѣніемъ своихъ генераловъ относительно позиціи у Кіузы. Онъ получилъ приказаніе держаться строго оборонительныхъ дѣйствій.

Въ первыхъ числахъ мая около 25 бат. испанцевъ и французовъ, сосредоточились около Гоито, а 6-го мая было занято Инканале; главная квартира расположилась въ Риволи. Пескіера тоже была занята и укрѣплена. Катина въ полной увѣренности, что наступленіе противника произойдетъ по правому берегу Адижа, привелъ свое расположеніе у Инканале, Монте-Бальдо и Риволи въ сильно оборонительное состояніе, занявъ также и укрѣпивъ Феррару. 45 эскадроновъ были сосредоточены къ С. В. отъ Кремоны на правомъ берегу Оліо. Дорога изъ Тріента къ Лаго д'Идра казалась на столько мало вѣроятной, какъ путь наступленія имперцевъ, что была занята только 1 баталіономъ.

Занятая позиція у Риволи дѣйствительно была весьма сильной и выгодной въ стратегическомъ отношеніи. Впослѣдствіи и Наполеонъ считалъ ее самымъ выгоднымъ пунктомъ для прегражденія доступовъ изъ Тироля въ Италію.

Получивъ извѣстіе, что имперская армія собирается и начнетъ скоро наступленіе, Катина приказалъ всѣмъ войскамъ сосредоточиться у Гоито и выдвинулъ еще 3 баталіона въ Феррару. Планъ Катина состоялъ въ слѣдующемъ: удерживая позицію у Риволи, двинуть войска во всѣ горные проходы къ западу до оз. Комо. Сила соединенной испанско-французской арміи въ это время доходила всего до 40 т. (8,800 кавалеріи).

Отправляя Евгенія въ Италію, гофкригсратъ далъ ему слѣдующую инструкцію: войти въ Италію по какой нибудь дорогѣ и двинуться между По и Альпами къ Милану. Помощь, ежели нужно, будетъ выслана отъ арміи. Всѣмъ областямъ, расположеннымъ къ имперіи, приказано было оказывать покровительство, а къ непріязненно настроеннымъ—относиться строго, особенно въ этомъ смыслѣ имѣть въ виду владѣнія герц. Мантуанскаго; въ общемъ рекомендовалась строгая дисциплина, чтобы

пріобрѣсти симпатіи жителей. Мѣстомъ сбора арміи назначенъ былъ Ровередо.

Принцъ Евгеній прибылъ къ арміи 20 мая. Планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій уже созрѣлъ у него, требовалось только дополнить его рекогносцировками. Какъ расположеніе французовъ въ общемъ, такъ и данное Катина приказаніе не переходить Адижа въ уваженіе венеціанскаго нейтралитета—было извѣстно Евгенію.

Наступленіе на фронтъ французской арміи было безразсудно и даже въ случаѣ успѣха не обѣщало важныхъ результатовъ; оставалось еще 2 пути: 1-ый—черезъ Гардское озеро,—хотя болѣе удобный, но ставилъ все въ зависимость отъ исхода сраженія; при неудачѣ его армія оказалась бы въ самомъ критическомъ положеніи и безъ пути отступленія и резервовъ; 2-й по восточному берегу Адижа, черезъ Тридентскія альпы—болѣе затруднительный, но болѣе вѣрный. Первою дорогою онъ не пренебрегалъ и воспользовался ею какъ увидимъ для демонстраціи.

Приступлено было къ рекогносцировкѣ дорогъ къ Виченцѣ. Еще глубокій снѣгъ лежалъ на высотахъ и ни одна повозка не проходила по тѣмъ тропамъ, по которымъ Евгеній хотѣлъ направить свою армію. Для демонстраціи исправлялись дороги къ Торболе у Гардскаго озера; передъ фронтомъ производились постоянныя рекогносцировки; въ Риволи и Торболе заготовлялись лодки и суда. Вслѣдствіе всего этого Катина ожидалъ атаки если не противъ его лѣваго крыла, то во всякомъ случаѣ съ фронта и усилилъ еще свои укрѣпленія. Между тѣмъ рекогносцировки къ востоку отъ Адижа выяснили слѣдующее: немного южнѣе Ровередо впадаетъ въ Адижъ горный потокъ—Лена, состоящій изъ 2 потоковъ, соединяющихся невдалекѣ отъ Ровередо: одинъ, болѣе сѣверный, по долинѣ Тераньёле, течетъ на западъ, другой болѣе южный—по долинѣ Val Arsa. Крутые, голые обрывы составляютъ берега этихъ рѣчекъ и только ближе къ верховьямъ горы становятся болѣе пологими и является растительноеть. Дороги, идущія здѣсь,—не болѣе какъ тропы; поднимаясь круто до 5000 футъ, онѣ затѣмъ спускаются въ долины притоковъ Адижа. Спускъ также крутой и обрывистый, но здѣсь уже дуютъ теплые вѣтры и растительность болѣе разнообразная и богатая. Далѣе обѣ эти дороги соединяются. Болѣе близкой была дорога параллельная Адижу по Val Fredda, и въ это время она настолько была заброшена, что на нее французы не обратили вниманія, не смотря на то, что она проходила невдалекѣ отъ ихъ расположенія, по лѣвому берегу Адижа. Эта дорога представляла тоже весьма труднопроходимую тропу и, круто спускаясь, доходила до Чіовани и Бреоніо. 26 мая Евгеній рѣшилъ обойти черезъ эти горы расположеніе французовъ у Кіузы. О непріятелѣ имѣлись свѣдѣнія, что онъ укрѣпляетъ все сильнѣе свою позицію Монте-Бальдо и протянулъ ее отъ Адижа до Гардскаго озера, сосредоточивъ здѣсь почти всю свою армію. Были посланы рабочіе изъ солдатъ и крестьянъ, въ числѣ 3 т. чело-

вѣкъ, въ горные проходы, чтобы сдѣлать дороги болѣе удобными, расширить ихъ, устроить мосты, сдѣлать подъемы и спуски болѣе удобными. За недостаткомъ минеровъ, работа двигалась весьма медленно и мало было надежды окончить ее къ тому дню, когда Евгеній хотѣлъ начать наступленіе. Французы ничего не знали объ этихъ грандіозныхъ работахъ. Были также заготовлены вьюки для перевозки продовольствія. Вся пѣхота придвинута ближе къ границѣ и собиралась у Ала. Въ это время получено было извѣстіе, что французы двинули еще 3000 челов. для усиленія своего лѣваго крыла—слѣдовательно опасались за высадку со стороны озера. Чтобы занять непріятеля съ фронта, оставленъ былъ Гуттенштейнъ съ нѣсколькими баталіонами и ополченія сосѣднихъ тирольскихъ областей. По данному ordre de bataille, пѣхота должна была слѣдовать въ 2-хъ колоннахъ: одна черезъ Val Fredda, а другая отъ Пери прямо въ горы; 20 разобранныхъ полковыхъ орудій приказано тащить на веревкахъ; кавалерія направлена на Val Тераньёле.

Рано утромъ выступилъ Пальфи съ 3 кав. полками (3 т. кав.) и 6 орудіями, имѣя цѣлью движенія Леньяго. Преданія говорятъ, что онъ двинулся черезъ Val Arsa; вся же остальная кавалерія направилась по дорогѣ, указанной въ диспозиціи. Пальфи долженъ былъ собрать значительное количество судовъ, чтобы устроить мостъ на Адижѣ, гдѣ укажутъ обстоятельства.

У Гуттенштейна оставались 4 баталіона разныхъ полковъ и 10 драгунъ, что признавалось вполнѣ достаточнымъ, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы французы, оставивъ свои сильныя позиціи, двинулись бы впередъ, имѣя на флангѣ всю армію Евгенія.

Евгеній прибылъ 28-го мая въ Бреоніо, куда успѣли подойти также обѣ колонны, направленныя черезъ Val Fredda и Пери, т. е. всего 8,200 челов.; передвиженіе орудій встрѣтило большія затрудненія, такъ что только къ 30-му мая вся артиллерія собралась въ Бреоніо. Задержанный высокой водой у Адижа, Евгеній продолжаетъ дальнѣйшее наступленіе только 4 іюня. Катина, узнавъ 28 мая о движеніяхъ имперцевъ, приказалъ всей своей пѣхотѣ изъ Гоито двинуться къ Адижу, а кавалеріи поспѣшить сосредоточиться у Виллафранки. Всѣ суда и лодки приказано собрать на правый берегъ Адижа. Вообще у Катина начинаетъ замѣчаться большая робость въ распоряженіяхъ и уже высказываются опасенія, которыя онъ выразилъ въ письмѣ Людовику: «нужно ожидать, что сдѣлаетъ непріятель». Онъ началъ уже думать, что Евгеній двинется, удерживая его у Адижа, черезъ Виченцу и Венеціанскія владѣнія, къ р. По и далѣе въ Неаполь. Въ то же время онъ также опасался вступленія арміи имперцевъ черезъ горные проходы въ Миланъ и требовалъ присылки войскъ, чтобы образовать двѣ арміи: одну для защиты р. По и нижняго Адижа, другую противъ горныхъ проходовъ. Людовикъ послалъ ему еще 11 баталіоновъ и собралъ резервъ въ Франшъ-Контэ изъ 9 бат. и 20 эскадроновъ.

Распредѣленіе имперцевъ къ 6 іюня: Гуттенштейнъ противъ Монте-Бальдо—5 бат. 100 драгунъ; главныя силы Евгенія у Мартино, $16^1/_2$ тысячъ и 20 орудій; около Леньяго-Пальфи съ 2500 кав. Въ движеніи на присоединеніе къ арміи—6 бат. и 5 кав. полковъ и 1 бат. въ Ровередо для прикрытія обозовъ и парковъ, всего 3700 пѣх. и 5000 кав. Головныя части (3 бат.) этихъ войскъ ожидались въ Ала къ 8 іюня и были переданы въ распоряженіе Гуттенштейна, у котораго къ этому числу собралось 4800 чел. У французовъ произошли между тѣмъ къ 6-му іюня слѣдующія перемѣны: у Риволи остались 8700 чел., у Феррары 1 батал., у Буссоленго 2300 чел., близь Вероны главныя силы (у Ca-di-David) Катина—18 тыс., у Оппеано (примѣрно противъ Альбаредо) Тессе: съ 10 тыс.; наконецъ въ Мантуѣ 4 тыс.; войска герцога Савойскаго двигались на присоединеніе. Катина желалъ этимъ распредѣленіемъ достичь быстраго сосредоточенія своихъ войскъ и сопровождать Евгенія при его движеніи вдоль Адижа, но въ то же время онъ опасался за Риволи и ожидалъ, что имперцы, наступая оттуда, могутъ поставить его въ затруднительное положеніе—отсюда разброска его войскъ. Такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы занять центральную позицію (если уже Катина не рѣшался перейти Адижъ), откуда и предпринять наступленіе въ благопріятную минуту противъ переправляющагося противника, французскій полководецъ растягивается по Адижу кордономъ, желая все защищать.

Между тѣмъ Евгеній перешелъ съ авангардомъ въ Арколе и затѣмъ приказалъ готовить мостъ черезъ Адижъ ниже Леньяго у Кастельбальдо на весьма выгодномъ мѣстѣ, имѣя рѣку Тартаро и каналъ Біанко естественными тет-де-понами.

Хотя Катина считалъ себя слабѣе Евгенія, но все-таки опасался вывести войска изъ Риволи; когда же онъ узналъ о переправѣ черезъ Адижъ, то послалъ 3 бат. въ Остилію и Pont del Molino, чтобы прикрыть съ этой стороны Мантуанскія владѣнія. Узнавъ о переправѣ части имперцевъ у Кастельбальдо, Катина, оставивъ въ Ca-di-David отрядъ Водемона, выступилъ въ Оппеано и 17 іюня, соединившись съ Тессе (силою всего въ 30 тыс.), двинулся въ St. Pietro di Legnago. 18 іюня высланъ былъ въ Карпи С. Фремонъ съ сильнымъ отрядомъ, а ночью занятъ нѣсколькими ротами Кастаньяро, для воспрепятствованія постройкѣ непріятелемъ мостовъ.

Французы устроили мостъ у Буссоленго и переправили на лѣвый берегъ Адижа небольшой отрядъ, который впрочемъ былъ остановленъ въ его дальнѣйшемъ движеніи. Вскорѣ и мостъ черезъ Біанко у Канда былъ тоже готовъ и всѣ находившіеся южнѣе Вероны имперскія войска получили приказаніе двинуться къ Кастельгугліельмо. Вобонъ же съ 1000 всадниками былъ посланъ для демонстраціи къ р. По, съ приказаніемъ переправиться у Понтелагоскуре и, если представится возможность, сдѣлать набѣгъ. Катина еще 28-го узналъ о переправѣ войскъ

черезъ каналъ и на созванномъ военномъ совѣтѣ рѣшено оставаться на занимаемыхъ мѣстахъ, пока намѣренія имперцевъ болѣе выяснятся. Катина, получивъ извѣстіе о появленіи отряда Вобона, еще болѣе растянулся вправо и отправилъ черезъ Остилію кавалерійскій отрядъ, а 1 баталіонъ послалъ въ Мирандолу на соединеніе съ бывшимъ уже тамъ отрядомъ (4 бат.). Узнавъ, что Евгеній сталъ будто бы лагеремъ у Фиккороло (на р. По) и что собираются суда для устройства переправы, Катина все болѣе высказывалъ опасенія относительно перехода черезъ По всей арміи; въ то же время и французы начали постройку моста у Остиліи куда долженъ былъ отправиться Тессе съ 6 бат. изъ Піетро ди-Леньяго.

Все до сихъ поръ предпринятое Евгеніемъ могло только подтвердить для Катина мысль, что приготовленія имперцевъ дѣлаются для переправы черезъ р. По, и онъ наконецъ согласился снять отрядъ у Риволи. Такое обнаженіе Альпійскихъ проходовъ имѣло лишь временный характеръ и изъ ожидаемыхъ подкрѣпленій должна была быть сформирована новая армія для обороны этихъ путей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катина приказалъ Праконталю (съ 8 бат. и 300 кав.) перейти въ Остилію на правый берегъ По и двигаться къ Стеллатѣ (при впаденіи Панаро въ По). Самъ главнокомандующій отправился туда же, чтобы ускорить постройку моста.

8-го іюля вечеромъ отданъ былъ по имперской арміи приказъ для ночнаго движенія; только старшіе генералы знали о его цѣли. Между 2—3 часами ночи колонны прибыли къ переправамъ (при впаденіи Тартаро въ Біанко); французы ничего объ этомъ не знали. Ночь была темная и дождливая. Въ 2—3 часа началась переправа; правая колонна прошла безъ затрудненія, но лѣвая, раздѣленная на двѣ части, попала въ очень пересѣченную мѣстность и опоздала на столько, что обѣ колонны уже не шли на одной высотѣ, какъ было предположено.

Голова первой колонны у Кастаньяро наткнулась на небольшой французскій отрядъ и опрокинула его; передъ Карпи преслѣдованіе было остановлено, такъ какъ опасались, что къ французамъ успѣли уже прибыть подкрѣпленія и Евгеній желалъ прежде всего привести войска въ порядокъ. Дѣйствительно Тессе, услышавъ перестрѣлку у Карпи, лично поспѣшилъ туда, приказавъ дежурнымъ частямъ слѣдовать за нимъ; по дорогѣ онъ узналъ о ходѣ боя и приказалъ всѣмъ войскамъ передвинуться къ Бартоломеа. Въ распоряженіи Фремона, когда онъ былъ отброшенъ къ Карпи, оставались только 5 кав. полковъ, изъ которыхъ два полка драгунъ, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности находилась въ пѣшемъ строю. Находившійся на лѣвомъ крылѣ имперцевъ кирасирскій полкъ Нейбурга быстро подвинулся впередъ, но былъ взятъ во флангъ французскимъ драгунскимъ полкомъ д'Альберти и рѣшительно опрокинутъ; подержанный затѣмъ кирасирами Вобона и частью пѣхоты, онъ наконецъ отразилъ эту атаку.

Храбрыя, но немногочисленныя войска Тессе стали отступать изъ Карпи, прикрываясь драгунами. Такимъ образомъ блестящая стратегическая комбинація Евгенія была завершена прорывомъ у Карпи французскаго расположенія. Французы съ самаго начала кампаніи были сильнѣе имперцевъ; они владѣли всѣми проходами въ Италіи и такимъ сильнымъ депо какъ крѣпость Мантуя. Базируясь на Минчіо и По, они обладали полной свободой движеній; ихъ продовольствіе было вполнѣ обезпечено, благодаря расположенію къ нимъ венеціанскаго правительства и вліянію папы. Если этотъ прорывъ не повлекъ за собою еще болѣе рѣшительнаго пораженія слабыхъ французскихъ отрядовъ, то это объясняется только храбростью войскъ, безъ чего, по словамъ самого Катина, «трудно сказать чѣмъ-бы все кончилось», подкрѣпленій и денегъ посылалось довольно—однимъ словомъ все было дано, чтобы выиграть кампанію. Евгеній, напротивъ, кромѣ своей собственной сильной воли и въ половину слабѣйшей арміи, ничего не имѣлъ: при такихъ условіяхъ другой полководецъ началъ бы оборонительную войну въ горахъ Тироля, опираясь на этотъ преданный народъ. Евгеній отлично понималъ, что только въ одной иниціативѣ лежитъ все его могущество. Мы видимъ съ его стороны постоянныя дѣйствія, движеніе впередъ; со стороны же французовъ полная пассивность (обусловливаемая отчасти данными свыше приказаніями), угрозы безъ серьезнаго желанія дать сраженіе. Самую строгую оцѣнку своимъ дѣйствіямъ даетъ самъ Катина въ письмѣ 11 іюля: «мы принуждены ожидать, что предприметъ непріятель». Стремленія Евгенія во всю кампанію клонились къ тому, чтобы разъединить силы непріятеля, и такимъ образомъ въ рѣшительныя минуты имѣть превосходныя силы на рѣшительномъ пунктѣ. Демонстраціи у Гардскаго озера удержали главныя силы у Монте-Бальдо, пока принцу не удалось достичь Адижа. Благодаря этому смѣлому движенію черезъ горы, Евгенію удалось овладѣть весьма важной, глубоко вдающейся въ театръ войны линіею. Педантическая критика порицала Евгенія за то, что онъ не обезпечилъ при этомъ движеніи свои сообщенія, но счастливое право военнаго генія заключается именно въ томъ, что онъ рискуетъ и что его рискъ влечетъ за собою успѣхъ съ магическою силою.

Катина, убѣдившись, что Евгеній не думаетъ о переходѣ черезъ По, дѣлаетъ всѣ распоряженія къ скорѣйшему сосредоточенію войскъ. Къ 10 числу у Ногары собралось всего до 19 т. Притянувъ къ себѣ еще часть войскъ, онъ 12 іюля, выступивъ изъ Ногары черезъ Тартаро и ломя за собою всѣ мосты, направился на Валеджіо. Ожидая столкновенія, Евгеній двинулся 10 іюля въ двухъ колоннахъ на Піетро ди Леньяго, но не нашелъ непріятеля. Притянувъ съ праваго берега р. По Вобона, Евгеній 11-го іюля далъ своимъ войскамъ дневку, поджидая артиллерію и обозъ. Рекогносцировки этого дня указали на присутствіе непріятеля у Ногары. Евгенію прежде всего надлежало опять открыть свои непосредственныя сообщенія съ Тиролемъ. Движеніе его вдоль

Адижа было необходимо, чтобы скорѣе возстановить сообщенія и соединиться съ Гуттенштейномъ, потому что Катина, ставъ на ихъ пути соединенія, могъ принудить Евгенія къ сраженію въ невыгодномъ положеніи или заставить отойти обратно черезъ Адижъ. У Катина можно было считать въ это время около 38,000 чел. Евгеній же въ день сраженія могъ бы при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ собрать только 29000 чел. Изъ Ногары еще Катина могъ перерѣзать путь Евгенію и кажется у него была эта мысль, но послѣдній не пошелъ на Мантую, какъ этого ожидали французы, и рѣшилъ двинуться на Оппеано. Инициатива для Катина снова была потеряна.

Гуттенштейну, занявшему Кіузу по отступленіи французовъ, приказано было слѣдовать къ Буссоленго, передвинуть туда же на плотахъ и баркахъ запасъ хлѣба и овса изъ Ала и устроить тамъ мостъ черезъ Адижъ. 15 іюля ожидали сраженія, потому что кавалерія Гуттенштейна въ этотъ день появилась у Виллафранки. Сначала Катина хотѣлъ занять этотъ пунктъ, но потомъ, думая, что Евгеній предупредитъ его тамъ, рѣшилъ выжидать его приближенія. 15 іюля Евгеній, узнавъ о распоряженіяхъ французовъ, остановился лагеремъ у Виллафранки. Ночью присоединился къ нему Гуттенштейнъ, оставивъ одинъ баталіонъ у Буссоленгскаго моста. Евгеній сосредоточилъ всего 33 тыс. и 70 орудій. Всю ночь на 16-е іюля французская армія стояла подъ ружьемъ и только 16 подъ вечеръ отошла въ трехъ колоннахъ въ Мармироло, гдѣ остановилась, имѣя лѣвый флангъ у Минчіо. Катина полагалъ такимъ расположеніемъ прикрыть Мантую и препятствовать переходу Евгенія черезъ Минчіо; но въ послѣднемъ отношеніи онъ ошибся; чтобы препятствовать переходу черезъ Минчіо было одно только средство — дать сраженіе Евгенію у Виллафранки. Уже 17-го іюля началъ Евгеній рекогносцировать р. Минчіо, и изъ этихъ рекогносцировокъ выяснилось расположеніе непріятеля, находившагося большею частью у Гоито. На собранномъ военномъ совѣтѣ Евгеній предполагалъ двинуться къ р. Минчіо, имѣя въ виду, что база его въ Тиролѣ, слѣдовательно онъ, при малочисленности войскъ, не можетъ далеко уйти; это мнѣніе было принято всѣми, тѣмъ болѣе что рѣшеніе кампаніи заключалось въ занятіи Милана.

Наступленіе было назначено на 22 іюля, но неустройство продовольственной части заставило Евгенія выждать движеніемъ. Катина приказалъ устроить три моста недалеко отъ расположенія своей арміи и взорвалъ каменный мостъ у Валеджіо. Лѣвое его крыло протянулось до Пескіеры. Часть его силъ (11500) расположились у Боргетто, а главныя силы у Мармироло и Гоито. Вся армія къ 25 іюля состояла изъ 46 тыс. (въ томъ числѣ 10 тыс. кав.). Какъ кажется Катина думалъ расположеніемъ у Мармироло и занятіемъ праваго берега нѣсколькими отрядами заставить Евгенія искать переправы не ниже Пескіеры; при

этомъ, въ случаѣ наступленія Евгенія, атаковать его на переправѣ. 25 іюля прибылъ герцогъ Савойскій.

26 іюля войскамъ Евгенія выданъ былъ провіантъ, патроны и диспозиція для движенія къ Минчіо. Лѣвое крыло направилось на Виллафранку, С. Лучію и Саліонце двумя колоннами. Пунктъ переправы, Ала-Кіара, лежалъ выше Саліонце. Пальфи имѣлъ приказаніе съ 12 трупсъ (1200 чел.) прикрыть движеніе слѣва и произвести наступленіе къ непріятельскому лагерю, чтобы его встревожить. Съ солнечнымъ восходомъ прибыли къ Минчіо авангарды, около 6—7 часовъ утра—главныя силы, а къ 12 часамъ дня окончена постройка мостовъ и къ ночи всѣ войска были переправлены, не встрѣтивъ сопротивленія со стороны непріятеля, не смотря на то, что весь переходъ совершился на ихъ глазахъ. Для прикрытія моста оставлено было нѣсколько артиллеріи и пѣхоты; остальныя войска были отведены въ лагерь между Понти и Пескіерою, гдѣ расположились въ боевомъ порядкѣ. Узнавъ о переправѣ, Катина созвалъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено: не препятствовать совершенно переправѣ. Только 30 іюля французы двинулись въ Вольту. Даже расположенные у Валеджіо 11 тыс. челов. получили приказаніе не атаковать противника.

Найти оправданіе бездѣйствію французовъ трудно. Главную причину нужно искать въ двойственности командованія арміею, при томъ, какъ говорятъ, Катина хотѣлъ втянуть Евгенія въ окрестности Бресчіи, чтобы быть увѣреннымъ, что онъ не замышляетъ ничего противъ Неаполя. Во всякомъ случаѣ дѣйствія Катина совершенно не отвѣчали обстановкѣ. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь превосходствомъ своихъ войскъ, атаковать Евгенія и отбросить его за Адижъ, онъ спокойно остается на позиціи и позволяетъ противнику совершить фланговый маршъ, который выводитъ его изъ затруднительнаго положенія, дозволяетъ возстановить сообщенія и угрожать французской арміи обходомъ ея лѣваго фланга. Недовольный Людовикъ XIV писалъ своему маршалу: «Вы потеряли случай разбить непріятеля до прибытія въ Дезенцано; его армія проходила въ двухъ миляхъ отъ вашей, постоянно выставляя свой флангъ. Я ожидалъ каждую минуту извѣстія о сраженіи, которое не могло не быть удачнымъ, еслибы вы захотѣли употребить въ дѣло какъ слѣдуетъ войска..... я приказываю вамъ сражаться.»

Евгеній, не понимая бездѣйствія французовъ, все 29-е іюля оставался въ лагерѣ въ полной готовности къ бою.

Наконецъ онъ рѣшился двинуться въ направленіи къ Кастельгофредо, черезъ Вольту, Гавріану и Сольферино, когда получено было извѣстіе о движеніи французской арміи 30 іюля къ Вольтѣ.

Былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ предложенъ вопросъ: поспѣшить ли къ рѣкѣ Оліо, или къ Бресчіи черезъ Кастильоне, куда шли на встрѣчу французы; рѣшено двинуться впередъ къ Милану. Евгеній вполнѣ воспользовался выгодами своего положенія и рѣшился по-

стоянно обходить лѣвый флангъ французской арміи, и такимъ образомъ одними моневрами заставить ее безъ боя оставлять послѣдовательно оборонительныя линіи по Минчіо, Кіезѣ и пр. Здѣсь видны его глубокіе стратегическіе разсчеты, знаніе театра дѣйствій и умѣнье имъ пользоваться. Рѣки сѣверной Италіи, впадающія въ По, всѣ текутъ въ юго-восточномъ направленіи, образуя такимъ образомъ острые углы съ теченіемъ рѣки По, направляющейся къ востоку. Занимая верховья этихъ рѣкъ, Евгеній заставлялъ противника, располагавшагося на среднемъ и нижнемъ теченіи, опасаться потери сообщеній съ Миланомъ и Туриномъ и возможности быть отброшеннымъ въ cul de sac, образуемый болотистою долиною По и рѣкъ въ нее впадающихъ. Черезъ 100 лѣтъ, нашъ великій полководецъ Суворовъ, дѣйствуя на томъ-же театрѣ войны, имѣлъ подобный же операціонный планъ, основанный на вѣрномъ знаніи театра войны. Имперцы съ утра 31-го іюля выступили въ 2 колоннахъ на Дезенцано; Вобонъ остался для прикрытія обоза съ полкомъ пѣхоты и 2 кав. полками, которые, медленно двигаясь, какъ будто вызывали французовъ на наступленіе, такъ какъ этотъ фланговый маршъ совершался на ихъ глазахъ; но Катина того-же 31-го іюля двинулся тоже на западъ и, не смотря на ночной маршъ, утромъ 1 августа дошелъ только до Сольферино. Евгеній того-же числа двинулся на Лонато, также двумя колоннами, и сталъ лагеремъ около Каминело. При этомъ движеніи онъ выигрывалъ новую коммуникаціонную линію на Тироль по долинѣ Кіезы и занималъ такое положеніе, что Катина долженъ былъ опасаться за Оліо. Катина же, выславъ въ Мантую подкрѣпленія (такъ что тамъ находились теперь 6.500 чел.), перешелъ въ Медоле, а затѣмъ въ Аквафреда, занявъ Кастильоне небольшимъ отрядомъ. Это движеніе на Аквафреда объясняется тѣмъ, что Катина, вслѣдствіе недостатка продовольствія, рѣшилъ переправиться черезъ Кіезу у Азолы и черезъ Оліо у Каннето и потомъ, двигаясь вверхъ по рѣкѣ, опять войти въ соприкосновеніе съ Евгеніемъ. Между тѣмъ какъ Катина думалъ объ отступленіи, имперская кавалерія начала его тѣснить; 4 августа небольшой отрядъ подошелъ къ Кастильоне и началъ его бомбардировать—городъ сдался. Кастельгофредо тоже немедленно открылъ свои ворота кавалеріи. Такое движеніе къ юго опять смутило Катина, который, опасаясь за Мантую, приказалъ арміи остановиться. Послѣдняя въ этотъ день начала было переправу черезъ Оліо и заняла, по его мнѣнію, фланговую позицію на р. Кіезѣ (между Каннето и Акванегра) относительнаго мнимаго пути наступленія Евгенія къ Мантуѣ и р. По (но въ сущности подставляла свой обнаженный лѣвый флангъ австрійцамъ).

Евгеній во все это время оставался на мѣстѣ, задерживаемый затрудненіями по продовольствію; затѣмъ, узнавъ объ остановкѣ французовъ и ихъ возвращеніи къ р. Кіезѣ, послалъ туда отрядъ для рекогносцировки, а часть кавалеріи къ Кіари и Палаццоло, чтобы поднять

возстаніе въ Миланскихъ владѣніяхъ. 7-го августа Катина перешелъ Оліо и остановился въ Кастельфранко.

Между тѣмъ Карлъ Водемонъ собралъ всѣ подошедшія подкрѣпленія и войска бывшія въ его распоряженіи въ Миланскихъ владѣніяхъ, у Вапріо, на р. Аддѣ, чтобы по возможности задержать имперцевъ въ случаѣ наступленія ихъ къ Милану.

Евгеній, узнавъ о дѣйствительномъ отступленіи французовъ черезъ Оліо, рѣшилъ передвинуться въ Вигицолло, гдѣ остановился на 10 августа; этимъ движеніемъ онъ совершенно ввелъ въ заблужденіе Катина, который и оставался все 9-е число безъ нужды въ Кастельфранко. Онъ послалъ только войскамъ у Вапріо приказаніе слѣдовать къ нему на соединеніе. До этого его намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы сосредоточить всѣ войска, двинуться вверхъ по р. Оліо къ Сонцино, перейти тамъ Оліо и далѣе Кіезу и двинуться опять къ Медоле. Этотъ планъ, ни на чемъ не основанный, былъ слѣдствіемъ плохой развѣдки французской кавалеріи, а жители, которые не были расположены къ французамъ, также не доставили свѣдѣній. Катина еще не зналъ о движеніи Пальфи къ Паллацоло и о томъ что Евгеній самъ уже перешелъ Кіезу,—по имѣвшимся у французовъ свѣдѣніямъ, Евгеній находился у Лонато. 10-го августа Катина двинулся и достигъ на слѣдующій день Скандоляры, т. е. сдѣлалъ въ два дня 24 версты, что очень мало, если онъ желалъ перейти черезъ Оліо раньше приближенія Евгенія. Тамъ онъ узналъ о движеніи Евгенія и Пальфи. Это заставило его отказаться отъ принятаго наступательнаго плана и онъ ограничился желаніемъ сосредоточить армію у Сонцино, куда и прибылъ 15 августа, расположившись тамъ лагеремъ у Романенго. У союзниковъ въ это время было: у Романенго болѣе 38,000 чел., у Вапріо около 12000 чел., всего 50 тыс.; по крѣпостямъ разбросано 22,000 чел. У Евгенія почти всѣ войска въ лагерѣ у Вигицоло—32,000 ч., и одинъ только баталіонъ находился въ Кастильоне, а 1000 кав. у Палацоло.

Евгеній, узнавъ о движеніи Катина вверхъ по р. Оліо, рѣшился сблизиться съ нимъ и двинулся къ Ураго на Оліо. Имперская кавалерія стала переходить большими отрядами черезъ Оліо, причемъ у нея ежедневно происходили стычки съ французской конницей. Планъ Евгенія состоялъ въ томъ, чтобы устроить на р. Оліо промежуточный базисъ, заложить магазинъ въ Паллацоло и затѣмъ, согласно разъ принятому рѣшенію, двинуться впередъ черезъ р. Адду. Катина между тѣмъ притянулъ Тессе изъ Вапріо, но ослабилъ себя на рѣшительномъ пунктѣ высылкой въ помощь герцогу Мантуанскому 2 кав. полковъ. 22-го августа прибылъ на смѣну Катина новый главнокомандующій, любимецъ Людовика, Вильруа.

Оцѣнку дѣятельности Катина далъ самъ Людовикъ XIV въ письмѣ къ нему: «Вы все боитесь отдалиться отъ продовольственныхъ вашихъ запасовъ. Имперцы дѣйствуютъ въ странѣ имъ неизвѣстной; однако ни-

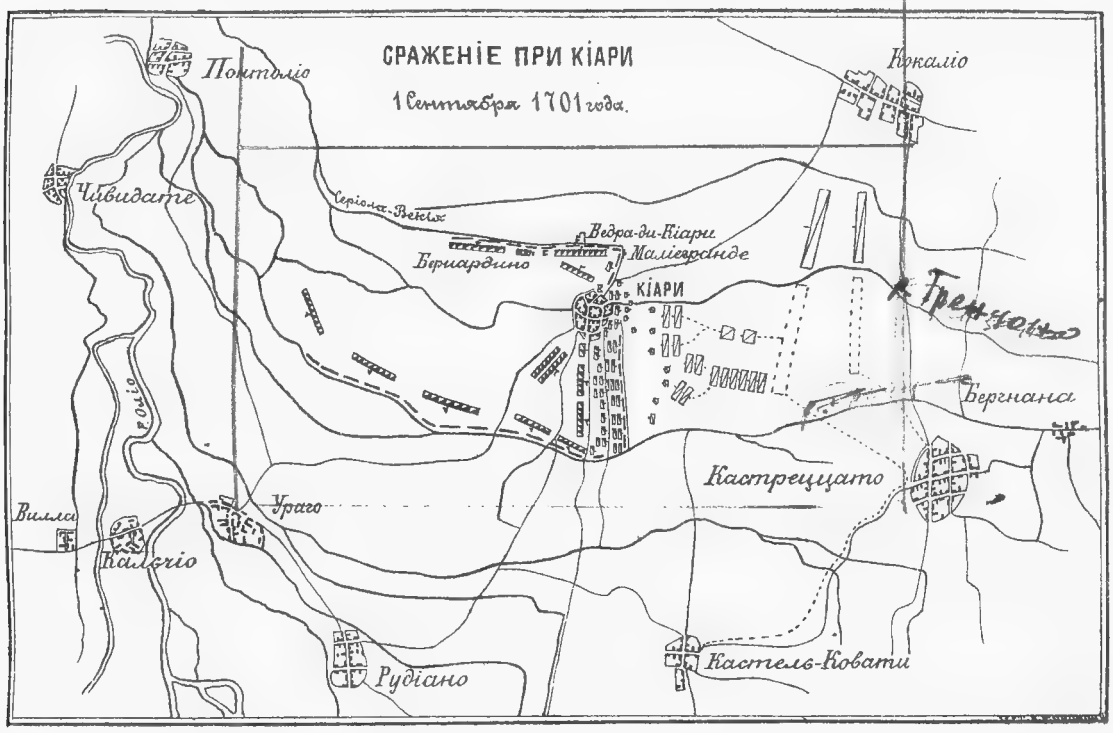
что ихъ не останавливаетъ. Вы же имѣете вблизи города и главныя рѣки; вся страна за васъ. Я вамъ уже говорилъ, что вы имѣете дѣло съ противникомъ молодымъ, предпріимчивымъ. Онъ дѣйствуетъ противъ правилъ войны; вы хотите имъ слѣдовать, а между тѣмъ позволяете ему дѣлать то, что онъ хочетъ». (Дювивье).

Вильруа собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено ночью съ 28 на 29-е августа перейти въ наступленіе; причемъ имѣлось въ виду переправиться черезъ Оліо у Пуленго, чтобы двинуться впередъ въ направленіи къ лѣвому крылу имперцевъ. Въ своемъ донесеніи къ королю, онъ полагалъ успѣхъ болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, считая въ своей арміи всего 38000 чел. и, кромѣ того, въ Мантуѣ, Пичигетонѣ и др. около 8 т. При арміи находились 44 орудія и мостовыя принадлежности; войска были обезпечены продовольствіемъ на 8 дней; дороги исправлялись, какъ для движенія впередъ, такъ и на случай отступленія. Праконталь съ 4 бат. и 10 эскадр. направленъ въ Понтоліо, чтобы угрожать правому флангу имперцевъ. 28-го августа двинулись войска въ 4 колоннахъ къ Оліо, а на слѣдующій день перешли рѣку. 30 августа, узнавъ что Евгеній отступаетъ по направленію къ Бресчіи, французы продвинулись въ С. В. направленіи, желая преградить ему путь; но получивъ извѣстіе, что Евгеній отступаетъ на Ровато, Вильруа протянулъ свое правое крыло до Бергнаны на каналѣ Тренцано и приказалъ устроить черезъ него мостъ. Вильруа имѣлъ намѣреніе выдвиженіемъ своего праваго крыла отрѣзать Евгенія отъ Бресчіи и отбросить его въ горы. Евгеній обо всѣхъ приготовленіяхъ къ движенію французовъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія и приказалъ Вобону скорѣе присоединиться къ нему.

Сраженіе у Кіари 1-го сентября. Евгеній не могъ со своею малочисленною арміею воспрепятствовать переходу французскихъ войскъ черезъ Оліо, тѣмъ болѣе, что рѣка въ этомъ мѣстѣ проходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ; но когда онъ узналъ о переходѣ у Пуленго, то перемѣнилъ фронтъ и изъ расположенія фронтомъ къ рѣкѣ, откинувъ назадъ свой лѣвый флангъ, перешелъ на новую позицію, фронтомъ на югъ, т. е. къ непріятелю. Пальфи приказано было присоединиться съ 4000 кав. По прибытіи онъ былъ усиленъ еще кавалерійскимъ полкомъ и 12 «трупсъ», и поставленъ подъ угломъ къ общему расположенію—фронтомъ на востокъ, по направленію къ Кіари и далѣе. Кіари (хотя венеціанскій городъ, но признанъ былъ открытымъ) былъ занятъ пѣхотнымъ полкомъ Гуттенштейна и 2 гренадерскими ротами. Двумъ пѣхотнымъ полкамъ, двигавшимся изъ Тироля на подкрѣпленіе, было сообщено объ общемъ положеніи дѣлъ и Евгеній приказалъ имъ двинуться вдоль горъ къ Паллаццоло и оттуда уже искать съ нимъ соединенія—онъ предвидѣлъ уже желаніе французовъ атаковать его съ востока.

Лѣвое крыло имперцевъ, между тѣмъ, все болѣе оттягивалось назадъ и составило уступной къ востоку фронтъ, упираясь на лѣво въ гор. Кіари; правое крыло еще оставалось въ положеніи фронтомъ къ югу.

Передъ лѣвымъ флангомъ шла ирригаціонная канава, которую приказано было протянуть до Тренцано и сзади ея набросать брустверъ высотою до 6; кромѣ того на этомъ фронтѣ нѣсколько домовъ и церковь приведены были въ оборонительное состояніе и заняты пѣхотою. Въ эту линію введено было около 30 орудій. Городъ Кіари также былъ приведенъ въ оборонительное состояніе и занятъ 2 бат. Гуттенштейна съ артиллеріей. 31 августа и правое крыло передвинулось къ этому фронту и пѣхота стала въ 2 линіи. Нѣсколько кавалерійскихъ полковъ расположились въ третьей линіи. Остальные кавалерійскіе полки стояли сзади р. Тренцано, фронтомъ на югъ. Французы въ этотъ день расположились лагеремъ между Рудіано и Кастрецато. Изъ диспозиціи,



отданной Вильруа для движенія, видно, что вся армія подвигалась впередъ въ боевомъ порядкѣ къ р. Тренцано, черезъ которую должны были быть построены 5 мостовъ; перейдя черезъ рѣку, первая линія должна была остановиться и выжидать переправы артиллеріи со 2-й линіей. Въ 10 часовъ утра явился Вильруа передъ фронтомъ имперцевъ для рекогносцировки. Онъ былъ въ полной увѣренности, что передъ нимъ не вся армія Евгенія, а только часть ея, оставленная тамъ для прикрытія отступленія, а что Евгеній самъ съ большей частью своихъ войскъ отступалъ уже къ Бресчіи, и его никакъ въ этомъ не могли разувѣрить, указывая на длинный фронтъ, занятый имперскою арміею. Между тѣмъ французы, пройдя Тренцано, продвигались все далѣе къ сѣверу, такъ что, наконецъ, Кіари приходился противъ ихъ лѣваго

фланга. Вильруа такимъ образомъ совершилъ полный фланговый маршъ передъ фронтомъ имперцевъ. Лѣвое крыло состояло изъ ирландскихъ и французскихъ баталіоновъ въ первой линіи и изъ французскихъ во второй линіи; въ составѣ его входило 6 бригадъ (29 бат.)

Имперцы стояли неподвижно, укрытые брустверами. Вильруа остался вѣренъ разъ принятому рѣшенію и хотѣлъ овладѣть Кіари. Ключемъ позиціи Евгенія былъ укрѣпленный гор. Кіари. Къ сѣверу отъ города лежалъ замокъ удобный для обороны; къ сѣверо-востоку и югу расположены каменные дома и мызы, изъ которыхъ значительнѣйшіе, а также церковь, были приведены въ оборонительное положеніе и укрѣплены. Вся окрестность города носила характеръ сильно обработанной страны, поля усѣяны шелковичными деревьями и изрѣзаны ирригаціонными каналами. Болѣе слабое и короткое лѣвое крыло протянулось до Серріолы-векіи, образуя уступъ налѣво назадъ, и стояло по Vedra di Chiari, у Бернардинскаго монастыря, фронтомъ на сѣверъ. Въ $2^1/_2$ часа дня французы начали наступленіе, причемъ двѣ бригады атаковали лежавшіе впереди города укрѣпленія и дома; за этими бригадами слѣдовали уступомъ назадъ за лѣвымъ флангомъ еще двѣ, атакуя укрѣпленія къ югу отъ города. Лѣвымъ крыломъ атакующихъ командовалъ герцогъ Савойскій, правымъ — Вильруа. Послѣ упорной обороны имперцы были выброшены изъ передовыхъ позицій. Тогда полковникъ Даунъ съ однимъ баталіономъ Гуттенштейна и 3 ротами бросился впередъ на встрѣчу французамъ. Эта контръ-атака послѣдовала противъ крайняго праваго фланга французовъ и произведена была съ сѣвернаго конца города. Другая контръ атака, противъ лѣваго фланга передняго уступа, произведена была войсками, занимавшими южную окраину города.

Тогда Вильруа приказалъ двинуться впередъ еще двумъ бригадамъ и піемонтской гвардіи. Тессе произвелъ съ 9 эскадронами отчаянную, но безполезную атаку на занятыя опять имперцами дома; онъ былъ опрокинутъ и участь боя на этомъ участкѣ была рѣшена: имперцы все болѣе и болѣе выигрывали пространство, выбивая французовъ изъ занятыхъ ими домовъ штыками. Между тѣмъ двѣ французскія пѣхотныя бригады атаковали 6 баталіоновъ, стоявшихъ къ югу отъ Кіари. Французовъ подпустили на близкій выстрѣлъ и встрѣтили ихъ такимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, что они въ безпорядкѣ отступили. Бой продолжался всего 2 часа, причемъ со стороны французовъ участвовали только 19 бат. Вильруа, не преслѣдуемый австрійцами, отступилъ, увидѣвъ, что вся армія Евгенія на полѣ сраженія и убѣдившись въ силѣ непріятельской позиціи. Потери австрійцевъ убитыми и ранеными простирались до 120 челов.; французы потеряли около 2000 челов. Разсматривая описанный бой, мы видимъ, что Евгеній притягиваетъ на поле сраженія всѣ войска, бывшія въ его распоряженіи, подготовляетъ поле сраженія въ инженерномъ отношеніи, при этомъ весьма замѣчательно

занятіе имъ передовыхъ укрѣпленныхъ пунктовъ и переходъ частями въ наступленіе. Французы имѣютъ только $^4/_5$ всѣхъ войскъ, атакуютъ только 19 бат., т. е. $^1/_3$ наличныхъ войскъ и тѣ вводятся въ бой по частямъ.

Къ 6 сентября французы расположились на линіи Ураго-Кастрецато, имѣя передъ фронтомъ двѣ глубокія канавы. На правомъ берегу Оліо было занято Кальціо и нѣсколько замковъ и селеній. Черезъ Оліо построенъ мостъ и исправлены броды для кавалеріи. Такъ какъ подобнымъ расположеніемъ не прикрывались Миланскія владѣнія, то рѣшено было выставить на Аддѣ отдѣльный отрядъ (20 эск. и 4 бат.). Евгеній имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о передвиженіи непріятельской арміи, но не рѣшился атаковать ее на маршѣ. Дни проходили и ни одна изъ армій не произвела рѣшительнаго движенія. Евгеній, будучи слабѣе войсками, не желалъ оставить свои укрѣпленныя позиціи. Вилльруа ожидалъ случая вызвать Евгенія въ поле. Имперцы продолжали свои набѣги на фланги и тылъ французовъ. 15 октября Вильруа и герцогъ Савойскій произвели рекогносцировку имперцевъ, результаты которой убѣдили ихъ въ невозможности атаки позицій, занятыхъ Евгеніемъ. О намѣреніяхъ Евгенія они не имѣли никакихъ свѣдѣній. Послѣдній, имѣя вдвое слабѣйшую армію, не могъ выйти изъ своего укрѣпленнаго лагеря, а близость непріятельской арміи лишала его возможности обратиться къ тѣмъ смѣлымъ рѣшеніямъ, которыя побѣдоносно провели его черезъ Альпы, Адижъ, Минчіо, Кіезу къ Оліо. До сихъ поръ вопросъ о продовольствіи не особенно его безпокоилъ; положеніе имперцевъ еще было довольно благопріятно, ихъ моральное превосходство надъ непріятелемъ было еще сильно, недоставало только необходимыхъ подкрѣпленій. Вильруа съ своей стороны разсчитывалъ выждать отступленія и тогда напасть на имперцевъ. Его продовольствіе было хорошо обезпечено. Герцогъ Савойскій настаивалъ на необходимости перейти обратно черезъ Оліо, чтобы надежнѣе прикрывать Миланъ, но Вильруа не соглашался; онъ съ каждымъ днемъ становился нетерпѣливѣе, не зная чѣмъ бы заставить Евгенія начать движеніе.

Наступили холода и дожди. У имперцевъ строились землянки и продолжались мелкіе набѣги. Между тѣмъ вопросъ объ обезпеченіи продовольствіемъ имперской арміи становился болѣе и болѣе настоятельнымъ. Окрестности лагеря были ис тощены. Приходилось посылать фуражировочные отряды за 25—30 верстъ отъ лагеря. Но Евгеній поддерживалъ себя мыслію, что положеніе французовъ не легче. Хотя набѣги и продолжались, но они, вслѣдствіе бурной погоды, плохого состоянія дорогъ и утомленія кавалеріи, становились все рѣже. Часть артиллерійскихъ запасовъ Евгеній послалъ въ Кастильоне, но артиллерію оставилъ пока при себѣ. Вильруа, вслѣдствіе затрудненія въ продовольствіи и чтобы стать на прямомъ пути между имперскою арміею и Миланомъ, наконецъ рѣшилъ покинуть лагерь и занять квартиры между Оліо и Серіо (притокъ Адды). Приго-

товленія къ оставленію лагеря дѣлались такъ тайно, что Евгеній ничего не могъ узнать и только въ ночь съ 12 на 13 (послѣ 70 дней стоянки) съ аванпостовъ пришло извѣстіе о шумѣ въ непріятельскомъ лагерѣ, и утромъ 13 ноября увидѣли, что вся французская армія перешла черезъ Оліо и находится въ полномъ отступленіи. Немедленно же были посланы войска для преслѣдованія, но было поздно. Въ 4 часа утра арьергардъ французовъ перешелъ рѣку въ 3-хъ колоннахъ. Французы отступили къ Ю. З. отъ Санцино.

Евгеній началъ также дѣлать немедленныя приготовленія къ занятію зимнихъ квартиръ. Для того-же, чтобы не вполнѣ бездѣйствовать во время этой стоянки онъ рѣшилъ двинуться внизъ по р. Оліо, стать между Мантуею и французскою арміею и вполнѣ окружить эту крѣпость. Стремясь внизъ по Оліо, Евгеній снялъ нѣсколько французскихъ постовъ, подошелъ къ По, захватилъ Боргофорте, Остилію и Понтемолино, чтобы имѣть сообщеніе съ лѣвымъ берегомъ рѣки, гдѣ захвачено было Гуастало и въ особенности Мирандола, богатая запасами. Овладѣвъ такимъ образомъ всею Мантуанскою областью, за исключеніемъ Мантуи и Гоито, Евгеній безопасно расположился на зимнихъ квартирахъ, прикрываясь Минчіо и По и имѣя передовые посты на Оліо. Французы стали на зимнихъ квартирахъ за Оліо, имѣя главную квартиру въ Кремонѣ.

Разсматривая дѣйствія обѣихъ сторонъ послѣ боя у Карпи, можно замѣтить, что энергическое рѣшеніе французскаго главнокомандующаго еще разъ могло поставить Евгенія въ весьма опасное положеніе и въ лучшемъ случаѣ заставить его обратно перейти черезъ Адижъ. Еслибы Катина, удерживая за собою переходъ черезъ Минчіо и оставляя на Монте-Бальдо лишь столько войскъ сколько нужно было для удержанія Гуттенштейна, остальныя-же сосредоточилъ на высотахъ у Кустоцы и устроилъ бы у Буссоленго мостъ, по которому онъ могъ бы произвести во всякое время нападеніе на путь отступленія Евгенія,—то на этотъ маневръ у него, двигаясь черезъ Изоло-делла-Скала и Виллафранку, имѣлись сутки, а принимая во вниманіе неустройство продовольственной части у Евгенія—2 дня (40 верстъ). Въ этомъ случаѣ Евгеній долженъ былъ-бы его атаковать при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ или перейти обратно черезъ Адижъ.

Быстрое движеніе Евгенія на Повельяно ясно показываетъ, что онъ сознавалъ эту опасность, но надѣялся настичь французскую армію раньше и принудить ее дать ему сраженіе у Виллафранки, т. е. при выгодныхъ для него мѣстныхъ условіяхъ (равнина удобная для превосходной имперской кавалеріи). Катина же принялъ самое злосчастное стратегическое рѣшеніе, занявъ угрожающее фланговое положеніе у Гоито. Движеніемъ на Повеліано, Евгеній открылъ свои сообщенія съ Тиролемъ; французы очищаютъ Монте-Бальдо и Евгеній соединяется съ Гуттенштейномъ, имѣя вполнѣ свободныя сообщенія съ базою. При движеніи къ Минчіо, опять занятое французами, угрожающее фланговое положеніе

имѣло слѣдствіемъ то, что переходъ черезъ эту рѣку удался Евгенію безъ боя и потерь. Евгеній двигается далѣе вдоль подошвы Альпъ, чтобы имѣть постоянный путь отступленія, обезпеченное сообщеніе съ Германіей и обходить своего противника. Кромѣ того, движеніе впередъ по испанскимъ владѣніямъ доставляло ему обезпеченное продовольствіе, которое онъ не могъ имѣть въ венеціанскихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе недостатка денегъ. Побѣдою при Кіари Евгеній достигъ апогеи этого похода. Съ момента, когда Евгеній, вслѣдствіе слабости своей арміи, долженъ былъ отказаться отъ иниціативы и довольствоваться удержаніемъ пріобрѣтеннаго (потому что онъ не могъ рѣшиться принять сраженіе въ полѣ), успѣхъ безповоротно долженъ былъ бы перейти на сторону французовъ. Если они не съумѣли извлечь выгоды изъ своего положенія, то это должно объяснить тѣмъ вліяніемъ, которое на нихъ имѣлъ лично Евгеній и принятый тогда обычай становиться на зимнія квартиры. Держаться имперцамъ на верхнемъ Оліо не было возможности по продовольственнымъ соображеніямъ; движеніе-же впередъ было невозможно, пока французамъ открыта была дорога на Минчіо, такъ какъ сообщенія Евгенія съ Тиролемъ были бы тогда въ опасности и кромѣ того въ Вѣнѣ все еще мечтали о движеніи въ Неаполь, а потому имперскій полководецъ долженъ былъ открыть себѣ дорогу къ р. По. Это движеніе къ По обезпечивалось теченіемъ р. Оліо, и вотъ принцъ занимаетъ всѣ пункты вдоль этой рѣки, всѣ мосты и кромѣ того становится между Мантуею и главною французскою арміею.

Овладѣвъ Сераліо (треугольникъ между Минчіо, Мантуей, Боргофорте и По), и отдѣливъ отрядъ Траутмансдорфа къ с. отъ Мантуи, онъ вполнѣ окружалъ эту крѣпость, такъ что можно было разсчитывать еще въ теченіе зимы овладѣть ею. Еслибы Мантуя пала, а движеніе на Неаполь не понадобилось, то изъ этого положенія ничего не мѣшало Евгенію весною перейти къ верхнему Оліо, продолжать движеніе къ Милану и Пармѣ и овладѣть всею верхнею Италіею

Кампанія 1702 года.

Союзъ императора съ морскими державами (Нидерландами и Англіею) состоялся наконецъ 7-го сентября 1701 года. Государства начали группироваться и хотя война формально еще не была объявлена, къ концу 1701 года, но на италіанскомъ театрѣ она была въ полномъ разгарѣ. Кампанія 1702 года началась объявленіемъ войны со стороны союзниковъ 15 мая. Въ Италію были посланы войска въ общемъ численно превосходившія армію Евгенія. Въ самой Германіи курфюрстъ Кельнскій, открылъ свои крѣпости французамъ и его братъ, курфюрстъ Баварскій готовилъ войска, чтобы присоединиться къ фркнцузамъ.

16 марта 1702 года умеръ англійскій король Вильгельмъ—душа

коалиціи, но вскорѣ королева Анна объявила, что она останется на сторонѣ коалиціи. Со стороны императора все было сдѣлано, чтобы привлечь на свою сторону курфюрста Баварскаго, но напрасно; онъ оставался вѣрнымъ союзникомъ Франціи. Не такъ удачно дѣйствовали французскіе посланники на ландтагахъ: франконскій, швабскій, верхнерейнскій и куръ—рейнскій округа, соединившись въ Нордлингенѣ на общемъ конгрессѣ, обѣщали свою помощь императору. Для начальствованія надъ арміею въ Германіи, куда входили такимъ образомъ значительные контингенты германскихъ владѣній, былъ назначенъ римскій король Іосифъ, ему въ помощь Людовикъ Баденскій. Здѣсь слѣдовало защищать границу Германіи, т. е. германскіе интересы, между тѣмъ какъ въ Италіи главнѣйшимъ образомъ защищались габсбургскіе интересы. Германская армія была расположена у Ландау, обстрѣливая эту крѣпость, баварцы двинулись къ Ульму и овладѣли имъ. Въ Англіи происходила борьба между тори и вигами, но Франція, признавъ Іакова III королемъ Англіи, возбудила страсти противъ себя, и 17 января парламентъ ассигновалъ 7 милліоновъ ф. стерлинговъ на войну. Начались приготовленія; 106 кораблей, 57 т. сухопутныхъ войскъ и 40 т. матросовъ были наняты въ Англіи и Даніи. Въ Голландіи смерть Вильгельма едва было не разстроила всѣ надежды на союзъ, но въ концѣ концовъ Генеральные штаты 8 мая 1702 года объявили войну. Въ Италіи только Неаполь остался вѣрнымъ императору. Но во Франціи не было уже той увѣренности въ успѣхъ какъ годъ назадъ, потому что почти вся долина р. По была въ рукахъ имперцевъ; ощущался также недостатокъ въ деньгахъ и для добычи ихъ приходилось обращаться къ самымъ разнообразнымъ источникамъ, какъ, напримѣръ, возведенію около 200 челов. въ дворянское достоинство. 1702 годъ вполнѣ раскрылъ военно-политическое положеніе сторонъ въ борьбѣ за испанское наслѣдство. На сторонѣ *императора* стояли *открыто и съ военною помощью* Англія, Нидерланды, Франконская, Швабская, Вестфальская, Оберъ и Куръ—Рейнскія области римской имперіи и курфюрстъ Пфальцскій; дали свои *войска въ наемъ*: Пруссія, Саксонія Данія и многія другія, мелкія княжества; *пассивно* передались на сторону императора въ Италіи: герцоги Гуастальскій, Моденскій и герцогиня Мирандольская. На сторонѣ *Франціи* были: Испанія со своими владѣніями въ Италіи и въ Нидерландахъ, герцогъ Савойскій, курфюрстъ Баварскій и Кельнскій, герцоги Мантуанскій, Пармскій и Кастильонскій; поддерживали *нейтралитетъ*, болѣе склонный къ сторонѣ Франціи,—папа и Венеціанская республика; Швейцарія отдавала войска въ *наемъ* обѣимъ сторонамъ; только одни турки, прежніе постоянные союзники Франціи, отдыхали. На сѣверѣ Европы также происходила борьба между Россіей, Польшей и Швеціей.

Для веденія войны, по исчисленіямъ гофкаммеръ, необходимо было до $20^1/_2$ мил. гульденовъ; между тѣмъ прямые налоги давали только

12 мил. и то невѣрныхъ; остальное нужно было добыть чрезвычайными мѣрами, преимущественно увеличеніемъ податей на 5%; но вообще всѣ доходы поступали въ казначейство очень туго или вовсе туда не поступали, поэтому заключенъ былъ заемъ у еврея Оппенгеймера въ 7 милл. (за 12%), которые онъ долженъ былъ выдать въ теченіи 10 мѣсяцевъ. Въ мартѣ *Австрія* имѣла въ Италіи 48 б. и 60 эск., при 74 орудіяхъ *всего 49000 ч.* Въ обозѣ считалось 600 лошадей и 1512 воловъ; имѣлись также понтонные парки, инженерное отдѣленіе, полевой госпиталь и аптеки; магазины находились въ Боценѣ, Ровередо, Мезолѣ (при впаденіи По) и Ценгѣ (у кроатскаго берега). Принцъ Евгеній и Людовикъ Баденскій жаловались на недостатокъ вооруженія, огнестрѣльныхъ припасовъ, денегъ и провіанта, а также на то, что не были присланы обѣщенныя подкрѣпленія; требовали укомплектованія людьми и лошадьми. Послѣ долгихъ переговоровъ удалось наконецъ Евгенію добыть отъ гофкрихсрата согласіе на отсылку въ Италію 9200 рекрутъ, но они начали прибывать только позднимъ лѣтомъ и осенью. Относительно лошадей для обоза и кавалеріи были заключены контракты съ Оппенгеймеромъ. На него же возложена была поставка по контрактамъ провіанта.

Во Франціи вновь организованы 100 баталіоновъ. Сословія и цехи должны были выставить ихъ и одѣть. Для кавалеріи оказался недостатокъ лошадей, оттого и не было въ кавалеріи новыхъ формированій. Начальствовали надъ арміями въ Италіи—Вильруа, въ Нидерландахъ внукъ короля—герцогъ Бурбонскій и маршалъ Буфлеръ, на Рейнѣ—Катина. Для дѣйствій въ полѣ были назначены значительныя силы, возросшія въ концѣ года до 355 бат. и 340 эск. или 217,600 пѣхоты и 40,800 кавалеріи. Испанцы, пользуясь субсидіями французовъ, выставили $32^1/_2$ т. челов., а Пьемонтъ $4^1/_2$ т. челов. Изъ числа этихъ войскъ находились *въ Италіи* французовъ 49000 пѣхъ и 13000 конницы, испанцевъ и пьемонтцевъ болѣе 13000, а всего около *76000* (кавалеріи 15700 чел.).

Имперскія войска въ началѣ 1702 года *) были расположены по квартирамъ въ районѣ къ западу до р. Оліо, отъ Остіано до устья этой рѣки, долѣе по р. Кростоло къ югу до линіи Новеллара—Мирандола; къ востоку до р. Тіоне (впадающей въ Тартаро) и къ сѣверу—до линіи Валеджіо-Кастиліоне. Сообщеніе черезъ р. По производилось по мосту у Боргофорте. Главная квартира въ С. Бенедетто.

Главная квартира французовъ находилась въ Кремонѣ, а все расположеніе западнѣе Оліо (только въ Мантуѣ находился Тессе съ 6200 чел.).

Всего, какъ выше сказано, было на италіанскомъ театрѣ у союзниковъ 76,000; у Евгенія едва 49,000.

Начало 1702 года особенно было бѣдственно для имперцевъ въ продовольственномъ отношеніи. Вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, магазины были не полны и не могли быть наполнены. Изъ Фріуля также не

*) См. карту похода 1702 г.

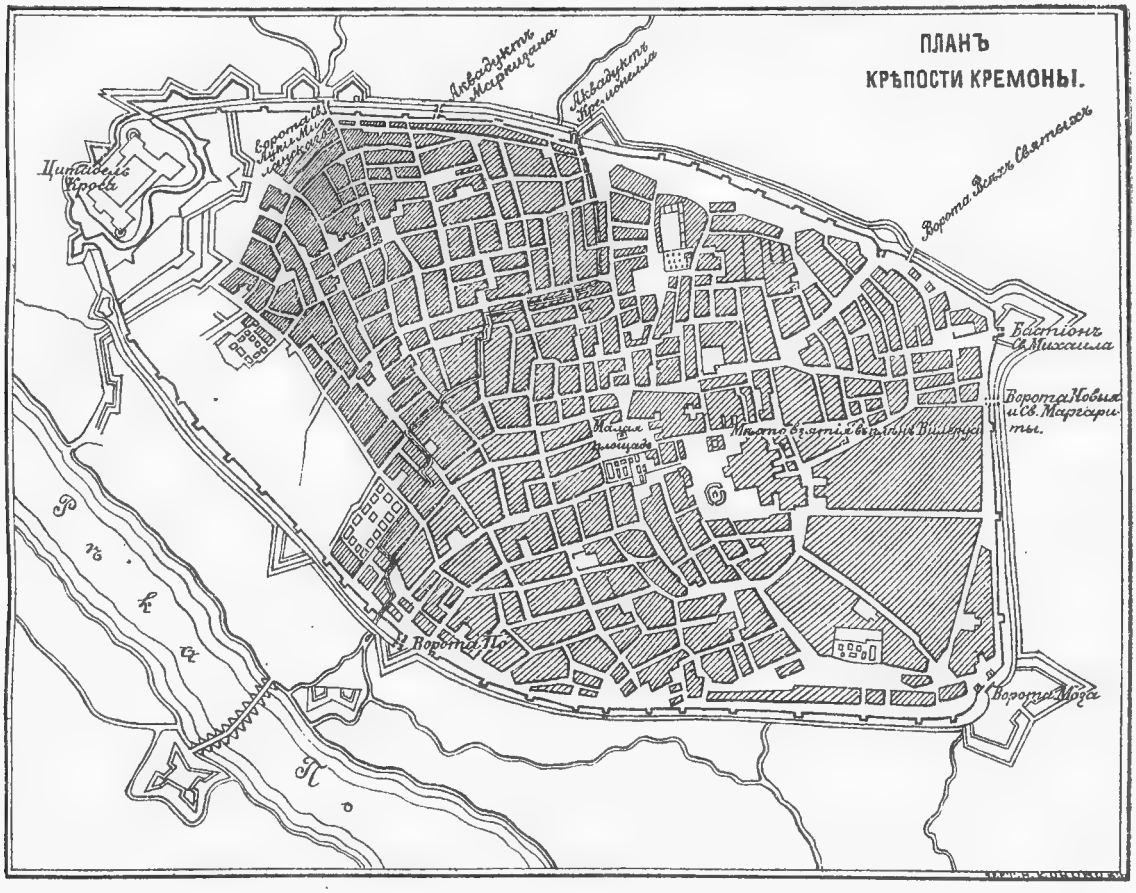
могли быть привезены запасы, потому что нижнее По и Адріатическое море находились во власти французскихъ каперовъ; поэтому первою заботою Евгенія было расширеніе квартирнаго раіона для улучшенія продовольствія арміи; онъ вошелъ также въ сношенія съ Пармою и Моденою, требуя отъ послѣдней зимнихъ квартиръ, продовольствія и передачи крѣп. Бресчелло (опорный пунктъ на правомъ берегу р. По). Герцогъ соглашался, но опасался мести французовъ, а потому пришлось исполнить демонстративную угрозу. 5 января отрядъ Евгенія прибылъ къ воротамъ крѣп. Бресчелло и, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, пунктъ этотъ сдался и былъ занятъ небольшимъ горнизономъ. Занятіемъ Бресчелло пріобрѣталось для продовольствія пространства между Энцею и Кростоло и кромѣ того можно было оттуда вліять на Парму и противодѣйствовать французскому отряду на правомъ берегу По у Колорно.

Общее положеніе дѣлъ казалось для Вильруа вполнѣ удовлетворительнымъ и хотя онъ опасался за Неаполь, но надѣялся искать рѣшенія войны исключительно въ долинѣ По.

Въ концѣ января онъ полагалъ начать новыя операціи. Разсчитывая, что его подкрѣпленія прибудутъ ранѣе чѣмъ ожидаемыя Евгеніемъ, Вильруа хотѣлъ заставить Евгенія снять блокаду Мантуи, затѣмъ онъ полагалъ усилиться отрядомъ Тессе и заставить принца оставить По и перейти обратно Минчіо. Между тѣмъ Евгеній вздумалъ еще до прибытія подкрѣпленій къ французамъ нанести противнику ударъ. Еще въ концѣ прошедшаго года удалось Коммерси войти въ тайное соглашеніе съ священникомъ въ Кремонѣ (Antonio Cosoli). При посредствѣ его Евгеній узналъ о существованіи сухого подземнаго хода изъ крѣпостнаго рва въ погребъ дома Козоли. Хотя и французы объ этомъ знали, но не наблюдали входа. Евгеній вознамѣрился этимъ путемъ ввести незамѣтно въ Кремону войска. 30-го января Водемону приказано было двинуться по правому берегу По къ Кремонѣ, съ отрядомъ изъ 2 т. пѣх. и 2400 ч. кавалеріи, а Крихбаумупослать изъ Боргофорте въ Кампителло 300 челов. и гренадерскую роту; въ тоже время Штарембергъ долженъ былъ съ $2^1/_2$ тыс. пѣхоты и 1 тыс. коней слѣдовать на Остіано; 30 января войска двинулись по назначенію. При отрядѣ Штарембергъ находился самъ Евгеній. Изъ Остіано войскамъ приказано было выступить спустя часъ послѣ заката солнца (до Кремоны 20 килом.), а Водемону поручено напасть на предмостное укрѣпленіе и взять мостъ у Кремоны. Штарембергъ долженъ былъ съ помощью Козоли вторгнуться въ городъ и подать руку Водемону. Остіано выбранъ былъ исходнымъ пунктомъ сѣвернаго отряда, потому что войска отряда Креки (10 т.) находились южнѣе направленія Остіано—Кремона и можно было надѣяться совершить ночной переходъ незамѣтно. О цѣли движенія никто въ отрядѣ не зналъ; французамъ было извѣстно, что войска собираются у Остіано, но для какой цѣли—они не знали; однако 31-го января Креки было приказано собрать его отрядъ; 2000 чел. изъ Кремонскаго гарнизона

получили приказаніе быть готовыми къ выступленію, но, благодаря скрытности всей операціи, о главной цѣли непріятеля не догадывались.

Городъ Кремона лежалъ на берегу р. По, въ то время ближе нежели теперь, но между городомъ и рѣкою было всетаки еще пространство до 375 шаговъ. Укрѣпленія города состояли изъ хорошо сохранившейся стѣны и рва, который могъ быть наполненъ водою. Въ С. З. части города находился крѣпкій замокъ; нѣкоторыя части фронтовъ имѣли прикрытый путь, на правомъ берегу было предмостное укрѣпленіе. Передъ нѣкоторыми воротами имѣлись также укрѣпленія. Ворота были слѣдующія: С. Лукка (Миланскія), съ укрѣпленіемъ впереди, Маркизана, Кремонелла и Ogni—Santi—на сѣверномъ фронтѣ; далѣе: бастіонъ S. Michel, ворота Маргериты—на восточномъ фронтѣ, ворота Mossa—въ юго-



восточномъ углѣ (открытыя); ворота По съ мостомъ впереди. Улицы города были широкія; строенія массивныя. Французскій главный караулъ находился на Piazza Piccolo (ближе къ юго-восточной части города). Въ городѣ находилось 12 бат. пѣхоты и часть кавалеріи. Каналъ, ведущій въ домъ Козоли, имѣлъ $1^1/_4$ ширины и вышину въ ростъ человѣка. Всѣ ворота были заняты караулами въ 20—25 челов.; наружные патрули кругомъ города не ходили; ночь была темная и шелъ малень-

кій дождь. Штарембергъ поспѣшилъ впередъ и остановился въ разстояніи 1 версты отъ города въ хуторѣ; войска подошли, когда стало разсвѣтать, такъ какъ были задержаны плохою дорогою, что повлекло за собою потерю драгоцѣннаго времени. Однако нужно было немедленно двинуться далѣе. О Водемонѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній. Между 5—6 часами первый отрядъ, въ 200 челов., вошелъ въ каналъ, ведущій въ домъ Козоли (сѣв. часть города); за этимъ отрядомъ должны были слѣдовать два такихъ же. Пока всѣ эти 600 человѣкъ не собрались въ домѣ священника, все должно было быть тихо (сигналъ 3 поровыхъ вспышки). Предметы дѣйствій были опредѣлены каждому отряду—нападеніе на главный караулъ, захватъ губернатора, воротъ По и пр. Отрядъ кирасиръ и гусаръ остался за городомъ и посылалъ во всѣ стороны разъѣзды. Въ 7 часовъ утра всѣ передовые отряды собрались во дворѣ дома священника; уже совершенно разсвѣло, но въ городѣ было тихо. Наконецъ имперцы двинулись. Ворота Маргериты были взяты и караулъ перебитъ; затѣмъ отряды отправились по назначенію. Вильруа при первыхъ выстрѣлахъ проснулся; быстро одѣвшись, онъ сѣлъ на коня, и, спѣша собрать сколько нибудь людей, старался перейти въ замокъ, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ на случай тревоги. До сихъ поръ онъ не вѣрилъ, что имперцы въ городѣ, а думалъ что вспыхнуло возстаніе, но вскорѣ, узнавъ въ чемъ дѣло, поспѣшилъ къ главному караулу, но здѣсь былъ окруженъ нѣмецкими солдатами, которые, не зная его, стащили съ лошади и взяли въ плѣнъ. Теперь тревога успѣла распространиться по всей Кремонѣ. Со всѣхъ сторонъ спѣшили французскіе офицеры и солдаты къ своимъ сборнымъ пунктамъ. Нѣкоторымъ изъ высшихъ генераловъ удалось пробиться въ замокъ и когда пришла вѣсть о плѣненіи Вильруа, то ген.-лейт. Ревель принялъ начальствованіе надъ войсками. Было около 9 часовъ, когда пѣхота, стоявшая въ замкѣ, начала наступать. Одинъ изъ полковыхъ командировъ назначилъ случайно въ это утро смотръ своему полку и когда началась тревога, то полкъ стоявшій на готовѣ немедленно двинулся по направленію къ главному караулу; наткнувшись на кирасиръ, французы осыпали ихъ градомъ пуль и заставили отступить; но выбить имперцевъ изъ домовъ вокругъ главной площади и караула имъ не удалось. Между тѣмъ дѣла у воротъ По шли для имперцевъ весьма неудовлетворительно. Отрядъ, прибывъ къ воротамъ, не могъ ими овладѣть, состоя лишь изъ кавалеріи, и потому выжидалъ прибытія пѣхоты, которая, натыкаясь вездѣ на непріятельскіе отряды, съ трудомъ продвигалась впередъ. Въ то время, когда французы были отбиты у главной гауптвахты, пѣхота имперская еще не успѣла подойти къ кирасирамъ, а между тѣмъ къ воротамъ уже приближались 2 гренадерскихъ баталіона.

У воротъ По произошла ожесточенная схватка, и австрійцы были опрокинуты. Между тѣмъ Ревель, собравъ свои войска, рѣшилъ, удерживая 2-мя баталіонами улицы, ведущія къ центру города, продви-

нуться вдоль ограды, угрожая пути отступленія Евгенія. Имперцы стали постепенно отступать. Дѣло уже было къ полудню, но о Водемонѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній; его еще не было и ворота По не были взяты; положеніе Евгенія становилось затруднительнымъ; онъ думалъ поднять жителей, но неудачно.

Овладѣть воротами По было необходимо, такъ какъ, наконецъ, показалась колонна Водемона. Между тѣмъ, французскій генералъ съ войсками, бывшими на правомъ берегу По, отступалъ и сжегъ мостъ, такъ что когда Водемонъ въ 1 часъ дня прибылъ, то переправа оказалась невозможной. Евгеній рѣшился отступить; онъ сильно занялъ улицы и дома ближайшіе къ воротамъ Маргериты и приказалъ своимъ войскамъ отходить, увѣдомивъ Водемона объ отступленіи; къ 5 часамъ онъ очистилъ городъ, не будучи преслѣдуемъ французами.

Неудачный исходъ этого предпріятія нужно приписать, во первыхъ, храброму сопротивленію французовъ, а затѣмъ цѣлой массѣ случайностей: именно задержкѣ на пути, вслѣдствіе чего нападеніе произошло днемъ, а не ночью, какъ предполагалось; затѣмъ тому обстоятельству, что 2 французскіе баталіона были въ сборѣ и могли въ полномъ составѣ и порядкѣ двинуться противъ имперцевъ. Самый составъ отряда Евгенія былъ неправильный: кавалерія въ городѣ не могла дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ, какъ пѣхота; наконецъ, движеніе производилось въ 2-хъ колоннахъ, раздѣленныхъ рѣкой По и цѣлымъ отрядомъ Креки; а потому трудно было разсчитывать, чтобы они прибыли одновременно.

Евгеній въ ту же ночь отошелъ къ Остіано. Отступленіе его было въ высшей степени опасно, такъ какъ онъ могъ ежечасно ожидать нападенія со стороны Креки, стоявшаго съ 23 бат. и 12 эскадронами (10 т.) на южномъ Оліо. Но предпріятіе Евгенія было такъ столько неожиданно и смѣло, что Креки совершенно растерялся. Онъ въ этотъ день, вслѣдствіе полученнаго приказанія, дѣйствительно сосредоточился; ему трудно было предположить, что Евгеній могъ предпринять фланговый маршъ мимо 10 т. отряда, чтобы напасть на 6 т., защищавшихъ Кремону; но когда онъ получилъ извѣстіе о нападеніи, то дѣйствительно двинулся ночью по направленію къ Кремонѣ. Высланный имъ на рекогносцировку офицеръ извѣстилъ его о занятіи города Евгеніемъ и Креки немедленно отступилъ къ нижнему Оліо, имѣя намѣреніе, оставивъ свой обозъ, прорваться черезъ имперцевъ, облагавшихъ Мантую и соединиться съ Тессе. Во время приготовленія къ этому онъ узналъ о спасеніи Кремоны.

Начальствованіе надъ французскою арміею получилъ Карлъ Водемонъ. Онъ немедленно распорядился усилить гарнизонъ Кремоны и придвинулъ часть кавалеріи изъ Монферата къ р. Аддѣ. Креки было приказано удерживать нижн. Оліо, но онъ, оставивъ гарнизоны въ нѣкоторыхъ пунктахъ, подъ начальствомъ Герберштейна, сосредоточилъ

свой отрядъ у La Motta. Евгеній же, узнавъ объ этомъ, приказалъ немедленно овладѣть нижнимъ Оліо и 4-го февраля занялъ оставленные французами пункты и даже Казальмаджіоре; при этомъ захвачено было значительное количество провіанта, фуража и пороху, что было весьма кстати. Креки между тѣмъ вошелъ въ Кремону. 7-го февраля онъ получилъ приказаніе Водемона удерживать нижнее Оліо, но, считая себя черезчуръ слабымъ и зная, что имперцы уже заняли всѣ укрѣпленія и пункты по правому берегу, онъ не исполнилъ этого приказанія. Между тѣмъ по приказанію Водемона былъ построенъ еще мостъ черезъ По у Страделлы. Съ занятіемъ имперцами переправы черезъ нижнее Оліо, падала сама собою оборонительная линія этой рѣки, причемъ имперцы всегда могли перейти въ наступленіе черезъ сред. Оліо, не опасаясь упорнаго сопротивленія французовъ.

Между тѣмъ, Ѳома Водемонъ, послѣ неудачнаго нападенія на Кремону, также началъ отходить, взявъ по пути штурмомъ Буссето.

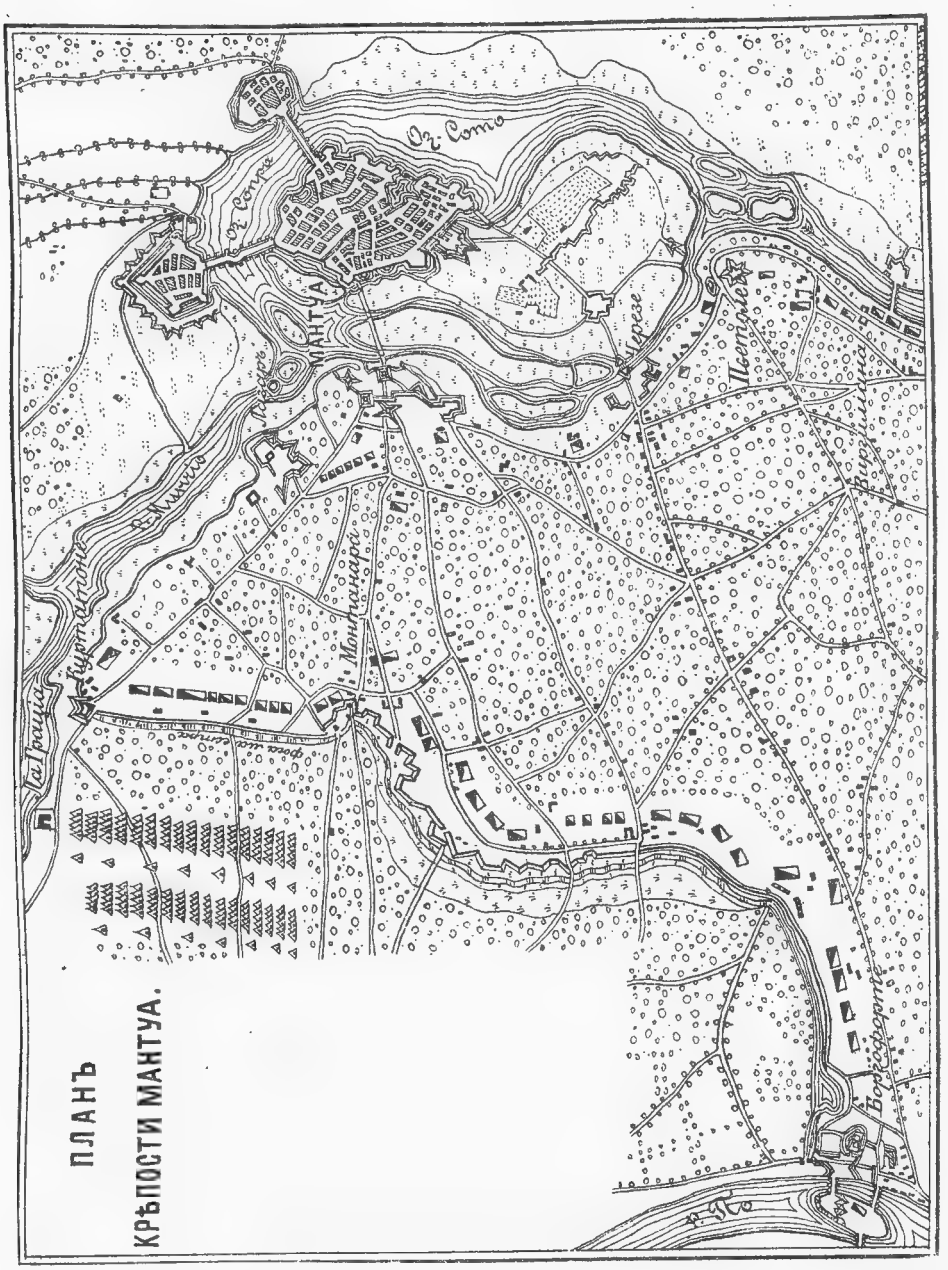
Впечатлѣніе, произведенное нападеніемъ на Кремону, было громадно и хотя предпріятіе не удалось, но распространило панику во французскихъ войскахъ. Въ военномъ отношеніи Евгеній расширилъ свой квартирный раіонъ, какъ по правому, такъ и по лѣвому берегу По, такъ какъ 9 февраля французы очистили даже Монтичелло (на правомъ берегу По). Чтобы еще полнѣе воспользоваться благопріятными нѣмцамъ обстоятельствами, Евгеній немедленно послалъ герцогу Пармскому приглашеніе сдать Піаченцу, а для подкрѣпленія этого требованія особому отряду приказано было приготовиться къ выступленію. Въ отвѣтъ на это Пармское правительство передало Піаченцу папѣ; тогда Евгеній приказалъ вышеупомянутымъ войскамъ двинуться во владѣнія Пармы. Такое разбросанное положеніе имперцевъ не могло долго продолжаться; но пока не прибыли французскія подкрѣпленія, рѣшено было оставаться въ этомъ расположеніи и сосредоточиться лишь въ случаѣ наступленія французовъ, а между тѣмъ сборомъ контрибуцій и фуражировками наказать герцога Пармскаго.

Блокада Мантуи. Крѣпость Мантуи съ С., С. В и В. отдѣляется отъ окружающей мѣстности Верхнимъ, Среднимъ и Нижнимъ озерами, образуемыми р. Минчіо. Къ югу и западу отъ нея простирались болотистыя пространства съ водяными рвами.

Сообщеніе города съ окрестностями производилось по плотинамъ, прикрытымъ укрѣпленіями Цитадели и С. Джіорджіо. Къ югу плотина вела черезъ островъ Черезе въ Боргофорте. На западѣ плотина проходила черезъ нѣсколько широкихъ канавъ на С. Лазаро и Куртатоне въ Кремону. Мосты всѣ были каменные съ подъемными частями. Самой доступной была западная сторона.

На южной и восточной сторонѣ находились внутреннія, окруженною стѣною, гавани. Западный и южный фронты состояли изъ

4-хъ бастіоновъ. Подступы къ Черезе были прикрыты тенальными укрѣпленіями на островѣ.



ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ МАНТУА.

Блокада Мантуи была малоуспѣшна; провіанта въ городѣ имѣлось больше чѣмъ полагалъ Евгеній, и Тессе еще долго могъ держаться. Блокадныя войска были расположены черезчуръ далеко, чтобы прервать сообщенія города съ окрестностями и не допустить подвоза провіанта въ крѣпость. Необходимо было приблизиться къ городу и непосредственно запереть выходы.

Главную атаку имперцы могли вести съ западной стороны, откуда она была легче, нежели въ другомъ направленіи. Уже 13 февраля Ев-

геній овладѣлъ выходомъ Черезе и люнетомъ Лацаро, но осадныя работы были взяты подъ дѣйствительный огонь съ крѣпости и имперцы должны были въ ночь съ 14—15 февраля оставить уже занятыя ими позиціи. Послѣ этого Тессе разрушилъ работы имперцевъ.

Въ блокадномъ отрядѣ Траутмансдорфа происходили недоразумѣнія между нимъ и датскими генералами. Дѣйствительно датчане оказались совершенно неумѣлыми въ осадныхъ работахъ и ежедневно цѣлыми десятками дезертировали къ французамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ датчане, сберегая свои войска, избѣгали стычекъ съ французами.

Между тѣмъ получены были извѣстія о назначеніи Вандома главнокомандующимъ французской арміи и о прибытіи къ нему подкрѣпленій; сдѣлалось также извѣстнымъ о желаніи герцога Анжуйскаго прибыть къ арміи, а также что французы полагаютъ начать кампанію двумя арміями, по обѣ стороны р. По, и что первая ихъ цѣль будетъ заключаться въ снятіи осады Мантуи. Евгеній, вслѣдствіе далеко выдвинутаго расположенія отряда Ѳомы Водемона, приказалъ построить еще другой мостъ черезъ р. По, вѣроятно около Гуасталлы и Бресчелло.

18-го февраля Вандомъ прибылъ къ арміи. Герцогъ Вандомъ, начавшій свое военное поприще въ школѣ Тюренна, отличался быстрымъ военнымъ взглядомъ, храбростью, рѣшительностью и хладнокровіемъ въ рѣшительныя минуты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, основой его характера была безпечность, лѣнь. Дѣятельность его простиралась рѣдко далѣе выиграннаго поля сраженія и только трудныя критическія обстоятельства могли пробудить въ немъ энергію. Избавившись отъ нихъ, онъ снова становился беззаботнымъ и лѣнивымъ.

Относительно перехода въ наступленіе по южному берегу р. По Людовикъ XIV ничего не имѣлъ, и, предоставивъ полную волю Вандому, обратилъ его вниманіе только на необходимость освобожденія Мантуи; но Вандомъ еще не имѣлъ достаточно провіанта, чтобы бросить его въ Мантую, а безъ этого вся операція могла бы оказаться безплодной. Движеніе же вдоль По давало возможность сплава судовъ по р. По и очищало отъ непріятеля Пармскія владѣнія.

Идея наступленія Вандома состояла въ слѣдующемъ: Альберготти съ 3600 пѣх. и 1400 кавалеріи переправляется у Кремоны. Вандомъ съ 12,000 пѣх. и 3800 кав.—у Ваккарицы, затѣмъ оба отряда соединяются у Фіоренцоллы и слѣдуютъ далѣе на Сандонино. Противъ Остіано долженъ былъ вести демонстрацію Ревель изъ Кремоны. Но этотъ планъ вызвалъ въ Парижѣ опасенія; особенно боялись за войска на лѣвомъ берегу По и потому Вандомъ вынужденъ былъ оставить тамъ еще болѣе войскъ *).

*) Общее распредѣленіе силъ было слѣдующее:

На *лѣвомъ берегу* По, подъ начальствомъ Водемона, 34 бат., 39 эск.—13,500 пѣх. 400 кав.; на *правомъ берегу* По, подъ начальствомъ Вандома, 38 бат., 59 эск.—16,500 пѣх., 6000 кав.; у *Мантуи*-Тессе—14 бат., 12 эск.—5600 пѣх., 700 кав. у Ревеля—13 бат., 10 эск.—5200 пѣх., 1000 кавал.

Наступленіе назначено на 26-е марта; но операціи по деблокированіи Мантуи предполагалось начать не ранѣе начала мая, когда будетъ собранъ необходимый провіантъ и фуражъ. Въ это время еще прибыло 6000 рекрутъ, т. е. все что было обѣщано, такъ что силы французской арміи простирались до 56 тысячъ. Евгенію было обѣщано также подкрѣпленіе новыми войсками и укомплектованія, которыя должны были прибыть къ концу марта. Что же касается занятія Піаченцы, то, не желая разрыва съ папою, на это въ Вѣнѣ не согласились; Мантую же требовали занять непремѣнно. Между тѣмъ Евгеній не могъ начать бомбардированія Мантуи имѣвшимися 4 мортирами съ ничтожнымъ запасомъ пороха. Такъ какъ при этомъ по недостатку денегъ имперскій полководецъ не могъ купить продовольствія, а подвозъ изъ магазиновъ производился по той же причинѣ медленно, то онъ вынужденъ былъ кормить армію фуражировками и контрибуціями и держать войска на широкихъ квартирахъ.

Между тѣмъ Мантуанскій гарнизонъ 13 и 19 марта произвелъ двѣ весьма удачныхъ вылазки противъ Траутмансдорфа по направленію къ Кастильоне, вслѣдствіе чего ему было приказано собрать свои разбросанныя войска, чтобы противодѣйствовать французамъ. Пытаясь пройти впередъ и дойдя почти до цитадели Мантуи, Траутмансдорфъ былъ отброшенъ французами съ чувствительною потерею, и послѣ того выбралъ болѣе сосредоточенное расположеніе.

Наступленіе французовъ. Съ 18-го марта французы начали стягиваться въ Страделлѣ, переходя черезъ мостъ у Джіакомо и направлясь къ р. Тидоне.

Ѳома Водемонъ сталъ отходить, прикрываясь кавалеріею. 30 марта Вандомъ дошелъ до р. Нуры, гдѣ остановился, убѣдившись, что нападеніе на выдвинутый отрядъ Ѳомы Водемона не удалось и приказалъ даже Альберготти вернуться въ Кремону и отослать свою кавалерію въ распоряженіе Праконталя, которому было приказано формировать транспорты съ провіантомъ для Мантуи, изъ которыхъ первый, въ числѣ 300 повозокъ, уже 26 марта отправленъ въ Сонцино. Между тѣмъ оказалось, что Вандому трудно было довольствовать значительную армію на правомъ берегу р. По, поэтому онъ оставилъ у себя только 25 баталіоновъ и 33 эскадрона и рѣшилъ отложить движеніе впередъ до мая. Евгеній не зналъ чѣмъ объяснить такую остановку Вандома.

6-го апрѣля армія французовъ на правомъ берегу р. По передвинулась на одинъ переходъ къ востоку. Мостъ изъ Джіакомо былъ переведенъ къ пункту впаденія Адды въ р. По, къ Кастельнуово Бока д'Адда (противъ Монтичеллы), и какъ только онъ былъ готовъ, вся почти кавалерія и часть пѣхоты съ праваго берега перешли на лѣвый. Того же числа Вандомъ отправился къ Водемону и было у нихъ рѣшено начать наступательныя дѣйствія для снятія блокады Мантуи съ 45 тыс., оставивъ въ гарнизонахъ сзади только 7600 че-

ловѣкъ. Мѣстомъ сбора для арміи было назначено теченіе р. Дельмоны къ востоку отъ Кремоны; оттуда армія должна была двинуться къ Робекко и перейти Оліо. Для наблюденія за нижнимъ Оліо долженъ былъ быть оставленъ отрядъ въ 3500 человѣкъ съ 4-мя орудіями. У Кремоны, на правомъ берегу р. По, было приказано устроить укрѣпленный лагерь на 5000 человѣкъ. Нужно было спѣшить съ началомъ дѣйствій, потому что наступала теплая погода и можно было опасаться, что уровень рѣкъ сильно поднимется вслѣдствіе таянія снѣга въ горахъ.

Евгеній оставался въ прежнемъ положеніи. Между тѣмъ на Адріатическомъ морѣ и по нижнему По явился подъ испанскимъ флагомъ пиратъ и этимъ прекращена была возможность доставки провіанта изъ Фріуля. Магазинъ Евгенія въ Мезолѣ также находился въ опасности быть захваченнымъ. И хотя Евгеній обратился къ папскому легату Феррары, прося защитить нейтральное положеніе теченія р. нижняго По, но на это не получилъ отвѣта, такъ что сообщенія съ Мезолой становились крайне неправильными и небезопасными, не смотря на то, что для защиты магазина былъ посланъ отрядъ. Въ общемъ у Евгенія въ магазинѣ въ Мезолѣ и закупками было обезпечено довольствіе 40 тыс. человѣкъ до конца іюня. Наконецъ, получивъ извѣстіе, что французы перешли въ наступленіе, Евгеній немедленно приказалъ Траутмансдорфу снять обложеніе Мантуи и стать въ наблюдательной позиціи у Брузакане (вѣроятно къ югу отъ Мантуи), а главнымъ силамъ сосредоточиться (22—24 тыс. чел.) у Кампителло.

О непріятелѣ имѣлись свѣдѣнія, что онъ двигается къ верхнему Оліо. Евгеній полагалъ, что французы или атакуютъ его съ фронта или, задерживая на Оліо, пошлютъ отрядъ для освобожденія Мантуи; въ послѣднемъ случаѣ грозила опасность сообщеніямъ Евгенія съ р. Минчіо и базой. Въ разсчетѣ на самое худшее, приказано было Траутмансдорфу по снятіи блокады Мантуи захватить Говерноло. Тогда Евгеній, при неудачѣ на р. Минчіо, имѣлъ бы еще обезпеченный путь черезъ По и въ крайнемъ случаѣ черезъ Адижъ. Между тѣмъ стали приходить извѣстія, что французы появлялись уже за Оліо — слѣдовательно Евгеній былъ обойденъ; поэтому онъ 16 мая опять направилъ всѣ войска къ Коннето и сталъ на позиціи перпендикулярно къ р. Оліо, фронтомъ на сѣверо-западъ. Такъ какъ сообщенія Евгенія были въ опасности, то движеніемъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, онъ ихъ вѣрнѣе бы сохранилъ, но при этомъ отдавалъ непріятелю По и долженъ былъ бы снять блокаду Мантуи. Евгенію казалось наиболѣе благоразумнымъ удерживаться на р. По, чтобы имѣть возможность долѣе продолжать войну. Владѣя переправой на р. По, онъ могъ дѣйствовать на обоихъ берегахъ. Поэтому онъ, не теряя ни минуты, спѣшитъ въ Сераліо (треугольникъ между Мантуей, Боргофорте, Минчіо и По), куда прибылъ 18 мая и сталъ лагеремъ. Остіана была очищена. Такимъ образомъ Евгеній прикрывалъ переправу черезъ По у Боргофорте, соеди-

нился съ Траутмансдорфомъ и не снялъ блокады Мантуи. При данныхъ обстоятельствахъ верхнее Минчіо не могло быть защищаемо.

Въ это время Коммерси былъ назначенъ командовать войсками на лѣвомъ берегу р. Минчіо; ему ставились слѣдующія цѣли: обложить Мантую съ сѣверной и восточной сторонъ, затруднять сообщенія между Гоито и Мантуей и отразить нападеніе французской полевой арміи, въ случаѣ ежели бы она хотѣла перейти черезъ верхнее Минчіо. Для этой цѣли ему были предоставлены 10 батал. и 26 эск. — 7600 челов.

Главная задача французской арміи заключалась въ освобожденіи Мантуи. Необходимо было перейти Оліо, но при этомъ удерживать переправу черезъ По у Кремоны, чтобы имѣть возможность въ случаѣ надобности перемѣнить операціонное направленіе съ лѣваго на правый берегъ р. По или для дѣйствія по двумъ операціоннымъ линіямъ.

Вандомъ полагалъ перейти черезъ среднее Оліо. Можно было предположить, что имперцы не въ состояніи были защитить столь длинный фронтъ; направленіе черезъ среднее Оліо было кромѣ того кратчайшимъ къ сообщеніямъ Евгенія.

11 мая изъ французскаго лагеря выступилъ Альберготти со всѣми гренадерами и Креки съ 6-ю драгунскими полками. Этотъ отрядъ, составляя авангардъ арміи и демонстрируя къ Кремонѣ, долженъ былъ повернуть къ Бордолано и по возможности скорѣе овладѣть мѣстомъ переправы. Праконталю съ 3500 чел. поручено демонстрировать противъ Каннето и Остіано, составляя фланговое прикрытіе арміи при движеніи къ среднему Оліо. Когда вся армія переправится черезъ Оліо— онъ долженъ былъ къ ней приблизиться на одинъ переходъ. Обозъ былъ отправленъ въ Лоди. 12 мая вечеромъ выступилъ Вандомъ съ главными силами и 13-го вечеромъ уже былъ въ Бордолано, сдѣлавъ переходъ въ 50 слишкомъ верстъ въ 24 часа. Утромъ 15 мая армія начала переправу и Вандомъ со всѣми гренадерами, 10 драгунскими полками и 20 орудіями двинулся въ Манербіо, овладѣлъ мостомъ черезъ Меллу и расположилъ свои войска на лѣвомъ берегу. Къ 17-му вся армія расположилась у Пральбойно. Евгеній отступилъ къ Кампителло. Вандомъ послалъ немедленно Праконталя въ Кремону, опасаясь, что Евгеній, сосредоточившись на нижнемъ Оліо, перейдетъ въ наступленіе къ Кремонѣ.

На слѣдующій день французы передвинулись въ Изареллу, выславъ отрядъ для занятія Каннето (которымъ и овладѣли) и авангардъ къ Кіезѣ. Къ 23 мая Евгеній съ арміею занялъ оборонительную линію за Fossa Maestra, которая тянется отъ Куртатоне до Боргофорте. 23 мая Вандомъ дошелъ до р. Минчіо и занялъ правымъ крыломъ Ривальту, лѣвымъ Гоито. Весь лѣвый берегъ былъ очищенъ имперцами. Коммерси расположился лагеремъ у Черезе. Затѣмъ Вандомъ вошелъ въ Мантую. Онъ желалъ атаковать теперь имперцевъ съ 2 сторонъ и запереть Евгенія въ пространствѣ между Минчіо, По и Fossa Maestro, причемъ Карлъ Водемонъ долженъ былъ собрать у Кремоны сильный отрядъ и,

двинувшись по правому берегу р. По, угрожать Бресчелло и предмостному укрѣпленію у Боргофорте. Но прежде чѣмъ начать операціи противъ Евгенія, онъ хотѣлъ овладѣть Кастильоне, занятымъ имперцами, что и было исполнено особымъ отрядомъ 1го іюня. Паденіе Кастильоне было крайне ощутительно для Евгенія. Сообщенія его съ Гардскимъ озеромъ прерваны, вся страна до Минчіо въ рукахъ французовъ, и хотя ему осталась еще одна дорода для сообщенія по Адижу, но и она находилась въ большой опасности. И такъ въ самое короткое время имперская армія потерпѣла сильныя неудачи. Мантуя была освобождена и сообщенія съ базою въ опасности, а Евгеній со всѣхъ сторонъ оказался окруженнымъ непріятелемъ, потому что и герцогъ Пармскій открыто сталъ на сторону французовъ. Между тѣмъ, простоявъ 8 дней на мѣстѣ и давъ имперцамъ время усилиться укрѣпленіями, Вандомъ рѣшился 3-го іюня двинуться далѣе и затѣмъ сталъ передъ имперцами окапываться, причемъ желалъ также оттѣснить ихъ съ лѣваго берега Минчіо и занять всѣ переправы на нижнемъ теченіи этой рѣки. Карлъ Водемонъ съ 3000 челов. отправился въ Кремону, гдѣ онъ долженъ былъ подкрѣпиться баталіонами, прибывавшими съ Филиппомъ Анжуйскимъ, двинуться на правый берегъ р. По и тамъ начать свои операціи. Дѣйствуя такимъ образомъ, Вандомъ надѣялся заставить Евгенія очистить Сераліо и перейти черезъ р. По, что ему казалось весьма важнымъ въ виду того, что онъ опасался за Мантую, которая, въ случаѣ его отступленія, могла, по его мнѣнію, держаться не болѣе 14 дней. Потерявъ 8 дней въ бездѣйствіи и въ осадахъ маленькихъ городовъ, французская армія 3 іюня начала дальнѣйшее наступленіе и, занявъ Ле-Граціе, расположилась такъ: правое крыло на разстояніи 2500 шаговъ отъ имперцевъ у Монтанаро; центръ у Ле-Граціе; лѣвое крыло въ двухъ миляхъ отъ Ривальты. Праконталь съ 4000 и 4 орудіями въ Мармироло (ослабленіе главныхъ силъ), гдѣ и укрѣпился. Такимъ образомъ обѣ арміи стояли одна противъ другой въ разстояніи полуорудійнаго выстрѣла, но мѣстность ихъ взаимно скрывала. Ежели бы въ это время Вандомъ, при превосходствѣ своихъ силъ, произвелъ нападеніе на лѣвое крыло имперцевъ къ Боргофорте вмѣстѣ съ сильной вылазкой изъ Мантуи, то онъ поставилъ бы Евгенія въ отчаянное положеніе.

Но въ скоромъ времени Вандомъ опять взялся за свой старый планъ, т. е. частью войскъ держаться у Ривальты, а другою перейти черезъ По.

Въ виду этого Евгеній распорядился усилить гарнизонъ Бресчелло до 3600 челов. Бездѣйствіе Вандома объясняется тѣмъ, что онъ ожидалъ прибытія Филиппа Анжуйскаго и не зналъ будетъ ли онъ командовать арміею. Такъ какъ у Вандома вполнѣ уже созрѣлъ планъ наступать по обоимъ берегамъ р. По, то были сдѣланы только предварительныя распоряженія о движеніи на другой берегъ рѣки 43 баталіоновъ и 75 эскадроновъ (около 37 т., не считая прибывающихъ еще испанскихъ войскъ). При этомъ онъ желалъ переправить эти войска черезъ

По у Казальмаджіоре, демонстрируя противъ Гуастало и Бресчелло и двигаясь сосредоточенными силами на Боргофорте и Солето. Ежели, противъ всѣхъ ожиданій, Евгеній бросился бы противъ наступающей французской арміи, то Сераліо былъ бы оставленъ и Тессе, который предназначался командовать арміею на лѣвомъ берегу, долженъ былъ вмѣстѣ съ Мантуанскимъ гарнизономъ тоже двинуться на Боргофорте и тамъ занять сильно укрѣпленную позицію, ежели бы ему не удалось совершенно очистить Сераліо отъ имперцевъ.

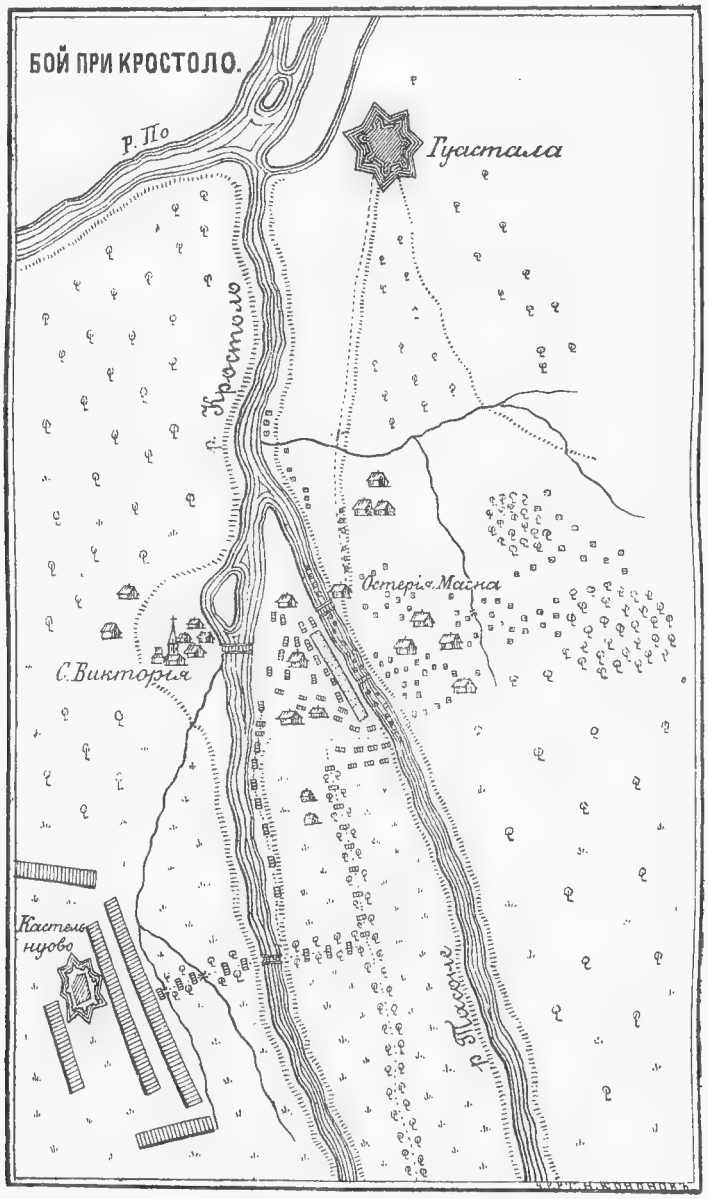
Людовикъ уже въ началѣ 1702 года приказалъ своему внуку, вновь избранному королю, явиться въ армію, чтобы самому себѣ завоевать государство. 3-го іюня онъ прибылъ въ Кремону. Послѣ свиданія съ Вандомомъ, планъ послѣдняго былъ принятъ, причемъ Вандомъ долженъ былъ командовать на правомъ берегу р. По 41 баталіономъ, 83 эскадронами и 57 орудіями (38 т.), а Водемонъ остаться на лѣвомъ берегу съ 50 бат., 96 эскадр. и 35 оруд. (33 т.), т. е. обѣ арміи были почти одинаковой силы и каждая порознь почти равна арміи Евгенія. Операція перехода черезъ р. По одною половинною арміи, особенно при такомъ энергичномъ непріятелѣ какъ былъ Евгеній, имѣла свою опасную сторону. Евгеній стоялъ сосредоточенно въ Сераліо и въ 3 перехода могъ быть около Гуасталы или на р. Энцѣ. Вандому же для движенія къ Кремонѣ и далѣе до р. Энцы требовалось не менѣе 5 дней, т. е. въ распоряженіи Евгенія было цѣлыхъ два дня, въ теченіи которыхъ ему противостояла только половина французской арміи.

Изъ арміи, имѣвшей переправиться черезъ По, 20 баталіоновъ и 40 эскадроновъ должны были дойти только до Казальмаджіоре и тамъ остановиться, пока другая половина у Кремоны порейдетъ черезъ рѣку По и дойдетъ до высоты Казальмаджіоре по правому берегу. Этимъ отчасти исправлялось опасное положеніе половины арміи у Ривальты, потому что изъ Казальмаджіоре можно было поспѣть туда въ одинъ усиленный переходъ, причемъ тогда въ распоряженіи Водемона было-бы 50 т. войскъ. Когда же и эти войска переправятся черезъ По, то армія Вандома будетъ находиться всего въ разстояніи одного перехода отъ р. Энцы, а Евгеній едва ли уже бросится на Водемона; скорѣе можно было предположить, что онъ поспѣшитъ на правый берегъ По, узнавъ о приближеніи французовъ къ линіи Таро и о постройкѣ моста у Казальмаджіоре. У Ривальты французы начали усиливать укрѣпленія и по уходѣ половины арміи должны были занять позицію: лѣвымъ крыломъ у Ле-Граціе, правымъ у р. Озоне.

8 іюля выступила головная часть арміи, назначенная для дѣйствія на правомъ берегу р. По.

Послѣ выступленія аріергарда Вандома изъ лагеря у Ле-Граціе, Евгеній вполнѣ ориентировался въ общемъ положеніи дѣла и немедленно сдѣлалъ распоряженіе относительно устройства тетдепона у Борго форте на 6000 человѣкъ. 3 кавалерійскимъ полкамъ Висконти было

приказано двинуться къ Бресчелло и наблюдать линію р. Энцы. 21 іюля должны были двинуться черезъ Боргофорте къ Кростоло 4 баталіона пѣхоты и 2 полка драгунъ. Между тѣмъ получено было извѣстіе о приближеніи непріятеля и о томъ, что Висконти отошелъ къ р. Кростоло и С. Виторіи. Евгеній приказалъ ему немедленно построить у послѣдняго пункта предмостное укрѣпленіе и спѣшить туда вышеозначеннымъ 2 полкамъ кавалеріи и 4 баталіонамъ, а также изготовиться къ походу 5 батал. и 2 кавал. полкамъ; но Висконти не исполнилъ приказанія объ устройствѣ предмостнаго укрѣпленія.



Бой у С. Виторіи (Кростоло) 26 іюля. Всего въ направленіи Виторіи было двинуто 11—12 тыс. Между тѣмъ въ ночь на 26 іюля, получено было извѣстіе, что Висконти совершенно разбитъ. Въ 10 вер-

стахъ къ югу отъ Гуастало на обоихъ берегахъ р. Кростоло, которая имѣетъ здѣсь довольно высокіе берега, лежитъ маленькое мѣстечко Виторія. Церковь и большая часть домовъ находится на лѣвомъ берегу рѣки. Невдалекѣ отъ этого пункта впадаетъ въ эту рѣку, р. Тассоне. Дорога изъ Гуастало въ Реджіо переходитъ каменный мостъ на р. Тассоне у небольшой деревни Остеріа-Магна, около Виторіи; южнѣе моста отъ этой дороги идетъ вѣтвь на западъ, переходя черезъ р. Кростоло по мосту, связывающему обѣ половины С. Виторіи; другой мостъ черезъ Кростоло находится южнѣе и лежитъ на дорогѣ въ Кастельнуово; южнѣе деревни Остерія-Магна имѣется еще мостъ черезъ Тассоне. Въ общемъ мѣстность представляетъ рисовыя поля, перѣзанныя канавами съ тутовыми деревьями, перевитыми лозою, — слѣдовательно развертываніе войскъ и обзоръ были затруднительны.

Висконти съ отрядомъ въ 2800 челов. съ 21 іюля расположился въ остромъ углѣ, образуемомъ впаденіемъ Тассоне въ Кростоло тыломъ къ обоимъ мостамъ черезъ р. Тассоне, имѣя впереди себя мостъ черезъ Кростоло и селеніе Виторію. Евгеній, отлично сознавая опасное положеніе этого отряда, приказалъ было Висконти отступить во время къ Тассоне, а однимъ изъ пѣхотныхъ полковъ, которые должны были прибыть, устроить и занять укрѣпленіе на р. Кростоло. Замѣчательно, что не было принято никакихъ мѣръ охраненія, хотя австрійцы отлично знали о присутствіи цѣлой арміи французовъ въ разстояніи отъ 20 до 25 верстъ.

Между тѣмъ 25 іюля Вандомъ придвинулъ армію въ Серболо на р. Энцѣ. Узнавъ о расположеніи у Кростоло кавалерійскаго отряда имперцевъ, онъ съ отрядомъ въ 17 эскадроновъ и 14 гренадерскихъ ротъ, двинулся къ Кастельнуово на р. Кростоло. Къ своему удивленію онъ нашелъ мостъ не занятымъ и, узнавъ отъ священника о расположеніи и силахъ имперцевъ, пригласилъ Филиппа Анжуйскаго поспѣшить ему на помощь съ остальною кавалеріею, чтобы одержать первую побѣду. Вандомъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части; одна должна была двинуться по правому берегу р. Кростоло, другая по дорогѣ Реджіо-Гуасталло. Лѣвая колонна Альберготти состояла изъ 6 спѣшенныхъ эскадроновъ, 2 гренадерскихъ ротъ и 4 эскадроновъ карабинеровъ. Правая колонна изъ 11 эскадроновъ и 12 гренадерскихъ ротъ. Колонны эти наткнулись прежде всего на полевой караулъ въ 100 челов., отступавшихъ шагомъ, чтобы дать время отряду изготовиться. Лошади отряда Висконти паслись у р. Тассоне. Люди бросились къ лошадямъ, часть спѣшенныхъ заняла группу домовъ, запиравшихъ дорогу, но французскіе гренадеры выбили ихъ оттуда. Собравшіеся всадники бросились на встрѣчу непріятелю, но залпы гренадеръ ихъ опрокинули, а атака 8 эскадроновъ Альберготти, восточнѣе дороги, на правый непріятельскій флангъ довершила дѣло. Разбитые имперцы отступали въ полнѣйшемъ безпорядкѣ къ мостамъ черезъ Тассоне; но мосты были запружены обо-

зами, которые, спѣша и мѣшая другъ другу, загородили дефиле. Кавалерія бросилась съ высокаго берега въ Тассоне, чтобы переплыть, причемъ многіе утонули или убились. Между тѣмъ въ Гуастало пришло извѣстіе о нападеніи французовъ. Больной Коммерси собралъ что можно было изъ войскъ и, выславъ впередъ 2 драгунскихъ полка, которые тамъ находились, поспѣшилъ самъ съ 2 пѣхотными полками на поле сраженія. Драгуны прибыли какъ разъ въ то время, когда французская кавалерія переходила уже на правый берегъ Тассоне по южному мосту. 2 эскадрона, спѣшившись, двинулись къ этому мосту и захватили его, отразивъ одну атаку французовъ. Такимъ образомъ, удалось спасти остатки имперскихъ полковъ, хотя обозъ весь достался въ руки французовъ.

Висконти отступалъ къ Гуастало; пѣхота прибыла только къ концу боя. Имперцы потеряли до 800 человѣкъ и 13 штандартовъ. Французы, по ихъ показанію, около 120—150. Евгеній, узнавъ о пораженіи, поспѣшилъ лично въ Гуастало, приказавъ 2 полкамъ пѣхоты и 1 кавалерійскому полку двинуться къ Люцарѣ. Но движенія непріятеля въ слѣдующіе дни заставили всѣ эти войска уйти обратно въ Боргофорте. Евгеній видѣлъ передъ собою двѣ непріятельскія арміи, изъ которыхъ одна, подъ начальствомъ нерѣшительнаго Водемона, стояла въ сильно укрѣпленной позиціи, а потому съ этой стороны нечего было опасаться нападенія; между тѣмъ другая обходила Бресчелло, атаковала у Виторіи и быстро двигалась въ Боргофорте. Вообще въ этой арміи была видна сильная направляющая воля. Необходимо было принять рѣшеніе и быстро его привести въ исполненіе. Евгеній рѣшается оставить Сераліо, сосредоточиться въ Боргофорте и дѣйствовать противъ южной арміи, прежде чѣмъ обѣ они могли настолько сблизиться, чтобы дѣйствовать во взаимной связи.

Движеніе должно было совершиться по возможности тихо въ ночь съ 31 іюля на 1-е августа.

Въ лагерѣ у Боргофорте Евгеніемъ изданы были боевыя инструкціи войскамъ, причемъ заслуживаетъ особаго вниманія, обращеніе *къ моральной* сторонѣ подчиненныхъ *).

---

*) 1) Офицеры должны помнить, что полки находящіеся въ Италіи—лучшіе въ арміи императора, выигравшіе уже не одно сраженіе не только съ французами въ этомъ и прошломъ году, но и съ турками, чѣмъ заслужили вѣчную славу, честь и репутацію у всѣхъ народовъ. Я самъ велъ эти полки не разъ въ бой и увѣренъ, что всѣ отъ генерала до рядоваго исполнятъ въ предстоящемъ сраженіи свой долгъ; при этомъ слѣдуетъ помнить, что и непріятель будетъ исполнять свой долгъ и драться отчаянно, такъ какъ здѣсь тоже лучшіе полки французовъ. Въ виду этого полагаю необходимымъ напомнить:

2) Почаще осматривать ружья и снабдить солдатъ своевременно патронами.

3) Пѣхотнымъ офицерамъ слѣдить, чтобы огонь не открывался безъ ихъ приказанія.

Изъ Виторіи Вандомъ, выдѣливъ отряды для занятія Карпи, Реджіо, Кореджіо и пр., двинулся на Новелару и Фабрико, гдѣ узналъ объ оставленіи имперцами Сераліо и что войска Водемона заняли Монтанаро и Куртатоне, а Цурлаубенъ выходы изъ Праделлы и Черезы. Вандомъ желалъ идти на встрѣчу имперцамъ, но предварительно полагалъ усилиться частью войскъ Водемона, а до того времени оставался въ бездѣйствіи.

Имперская армія, оставивъ свои позиціи въ Сераліо, въ ночь съ 31 іюля на 1-е августа, заняла лагерь на правомъ берегу р. По. Главная квартира—въ Солето. На лѣвомъ берегу р. По, въ Боргофорте, оставались 12 батал. и 100 кавалеристовъ. 4 августа Водемонъ двинулся внизъ по Fossa-maestra, который затѣмъ и перешелъ. Особому отряду С. Фремона приказано было спускать по р. По бревна и барки, чтобы разрушить мостъ, но это не удалось. Фремонъ нашелъ далеко входящій въ По лѣсъ у впаденія Fossa-maestra, откуда можно было обстрѣливать мостъ. Эту позицію, на разстояніи 200—100 шаговъ отъ Боргофорте, онъ занялъ, вооружилъ тяжелой артиллеріей изъ Мантуи и началъ обстрѣливать съ 12-го августа мостъ и Боргофорте. Удержаніе моста становилось затруднительнымъ, хотя высокія суда были замѣнены низкими, а самый мостъ переведенъ ниже по теченію. Съ прибытіемъ отъ Водемона 7000 подкрѣпленія, во французскомъ лагерѣ начали дѣлать приготовленія къ дальнѣйшему движенію къ рѣкѣ Таліатѣ.

Сраженіе у Люцары. 15 августа утромъ Вандомъ приказалъ своей арміи двинуться далѣе, надѣясь 16-го августа напасть на имперцевъ; въ тоже время Водемонъ долженъ былъ атаковать Боргофорте.

Въ часъ ночи выступила армія и во главѣ ея самъ Вандомъ съ 24-мя гренадерскими ротами первой линіи и двумя драгунскими полками. Правая колонна, подъ начальствомъ Филиппа Анжуйскаго, составляла войска первой линіи; лѣвая колонна, подъ начальствомъ Тессе,—войска второй линіи. Въ 8 часовъ утра прибылъ Вандомъ въ Люцару и былъ встрѣченъ огнемъ отряда въ 400 челов., успѣвшихъ занять замокъ этого мѣстечка. Вандомъ потребовалъ сдачи и, получивъ отказъ, приказалъ окружить этотъ отрядъ.

---

4) Въ случаѣ атаки непріятельской кавалеріи, пѣхотѣ не пугаться и помнить что она имѣетъ штыкъ.

5) Наша кавалерія должна атаковать съ саблями въ рукахъ, вездѣ и всегда когда только представится удобный случай,—все равно кавалерію или пѣхоту.

6) При атакѣ кавалеріи держаться вмѣстѣ и только отъ фланговыхъ эскадроновъ должны высылаться разъѣзды, чтобы безпокоить непріятеля.

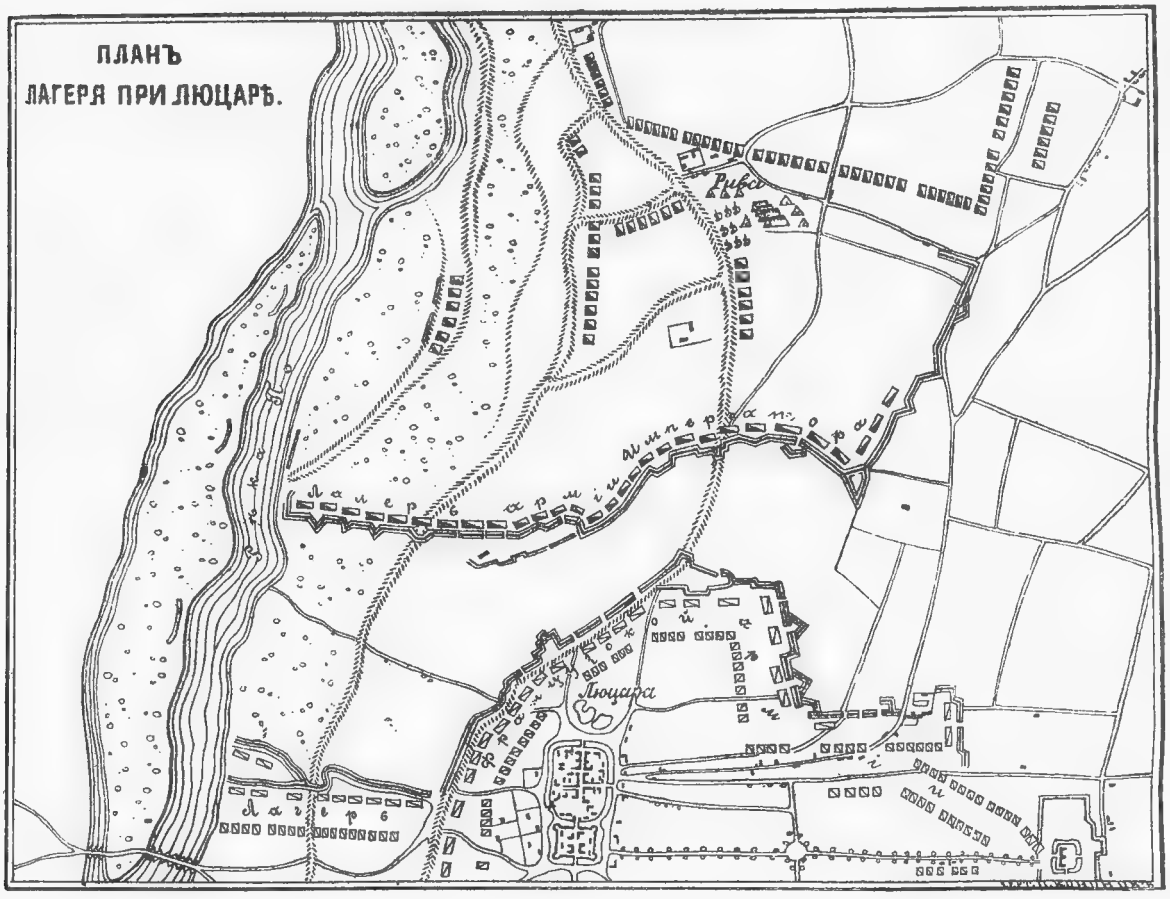
7) Между эскадронами и баталіонами держать интервалъ въ 40 ш. и никакъ не меньше чтобы избѣжать столкновенія.

8) Вторая линія находится сзади на дистанціи не менѣе 600 шаговъ и имѣетъ удвоенные интервалы между частями.

9) Никто не долженъ отходить отъ своего знамени.

10) Никто не смѣетъ предаваться грабежу или слѣзать съ лошади, пока все не будетъ окончено.

У Гуастало По почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на С. до впаденія р. Оліо, гдѣ принимаетъ направленіе на востокъ. Изъ Боргофорте вели двѣ хорошія дороги: одна черезъ Сузару, другая западнѣе. Эти обѣ дороги къ югу отъ Тоссини идутъ по низменности, перерѣзанной канавой, причемъ въ концѣ дорога и канава подходятъ очень близко одна къ другой и идутъ параллельно. Еще имѣлось третье сообщеніе по плотинѣ вдоль р. По. Между Гуастало и Ривой отъ большой плотины отдѣляется меньшая въ Ю. З. направлсніи, такъ что между Люцарою и р. По находятся двѣ плотины почти параллельныя. Около Ривы эти плотины были соединены еще двумя поперечными плотина-



ми. Мѣстность между р. По и малой плотиной была луговая. Рѣка По двумя островами дѣлилась на нѣсколько рукавовъ. Рива представлялась группой домовъ съ каменною оградою. Въ 100 шагахъ къ сѣверу находилась усадьба Гуизато, къ югу отъ Ривы лежали двѣ маленькія каменныя постройки. Въ1200 ш. къ С. В. отъ Люцары—монастырь съ оградою, Зегарба, а въ 2000 ш. къ В.—замокъ Томба. Сама Люцара состояла изъ 2-хъ группъ—города и замка, но замокъ не составлялъ одной массивной постройки, а нѣсколько, которыя были окружены запущенною, развалившеюся отчасти оградою и водянымъ рвомъ. Мостъ велъ въ городъ, рас-

положенный къ С.; городская стѣна и ровъ находились въ еще болѣе разоренномъ видѣ. Нѣсколько домовъ тянулись по дорогѣ на Сузару до самаго монастыря. Мѣстность была засажена тутовыми деревьями, обвитыми лозами, что, вмѣстѣ съ множествомъ канавъ и плотинъ, затрудняло движеніе и вообще мѣстность не способствовала дѣйствію кавалеріи.

Хотя Вандомъ и полагалъ, что сраженіе произойдетъ только 16-го августа, но, вслѣдствіе близости непріятеля, нужно было для бивуакированія на 15-е озаботиться о мѣрахъ предосторожности. Поэтому Вандомъ распорядился устроить вдоль фронта, къ сѣверу отъ Люцары, укрѣпленія, имѣя въ общемъ фронтъ на С. и С. В., Главная плотина дѣлила французское расположеніе на два крыла. Меньшая плотина позволяла расположить войска подъ угломъ впередъ такъ, чтобы они фланкировали непріятеля, наступающаго между ними и главнымъ валомъ. Засѣки должны были защищать лѣвый флангъ войскъ, поставленныхъ подъ угломъ.

Въ этомъ положеніи французская армія могла своимъ лѣвымъ крыломъ также прикрывать мѣсто переправы къ юго-западу отъ Люцары, которую предполагалось построить, спустивъ сюда мостъ изъ Казальмаджіоре.

Медленно подходили французскія войска. Около 10 часовъ утра получено было извѣстіе изъ Люцары, что показались имперцы.

Евгеній 13 августа, вполнѣ убѣдившись въ намѣреніяхъ непріятеля, стоялъ въ Содето готовый къ движенію. Имперская кавалерія всѣ эти дни дѣлала набѣги и рекогносцировки и доходила даже до Кростоло, но еще не было вполнѣ извѣстно направленіе французской арміи.

Ночь на 15-е августа прошла спокойно. Австрійская конница плохо развѣдывала, такъ что ночное движеніе французовъ осталось для имперцевъ тайною—ихъ кавалерія до утра нигдѣ не натыкалась на двигавшіяся французскія колонны. Только къ 10 часамъ утра пришло первое извѣстіе о наступленіи французовъ. Тогда Евгеній, полагая напасть на французовъ неожиданно, двинулся въ 2-хъ колоннахъ: первая боевая линія шла въ лѣвой колоннѣ, черезъ Табеллино, къ Люцарѣ, къ востоку отъ плотины, вторая боевая линія—въ правой колоннѣ, вдоль р. По, къ западу отъ плотины. Сила арміи, за исключеніемъ оставленныхъ для прикрытія лагеря,—32 бат., 76 эск. и 56 орудій; 10955 чел. пѣх., 8688 чел., кав., всего 19643. Отношенія силъ французовъ къ имперскимъ—3:2.

Евгеній находился въ головѣ лѣвой колонны. Послѣдняя выступила раньше, хотя ей предстояла болѣе короткая дорога и болѣе удобная, такъ что правая, при приближеніи лѣвой къ Люцарѣ, отстала на $1^1/_2$ час.

Узнавъ о движеніи имперцевъ, Вандомъ немедленно поскакалъ на встрѣчу своей арміи; необходимо было поставить ее въ боевой порядокъ; времени терять было нельзя. Когда онъ прибылъ въ Люцару, тамъ находилось еще немного его войскъ. Сначала, не зная о движеніи правой колонны имперцевъ, онъ хотѣлъ воспользоваться главной плоти-

ной, какъ брустверомъ, такъ какъ нечего было опасаться за пространство между этой плотиной и р. По, но, не смотря на это, онъ направилъ первыя прибывшія войска (пѣх. полкъ Піемонтъ) въ угловое свое расположеніе на С. В.; лѣвый флангъ прикрылъ 4-я эскадронами кавалеріи, вслѣдъ за которыми былъ посланъ еще пѣхотный полкъ, расположившійся лѣвѣе полка Піемонтъ. Между тѣмъ подошла главная часть лѣвой колонны на высоту Люцары и отъ нея была выдвинута черезъ плотину бригада Дюго, примкнувшая къ правому флангу полка Піемонтъ. Затѣмъ стали подходить и другія части. Бригада Дюго стояла въ вершинѣ входящаго угла. Генералъ Альберготти распорядился установкою пѣхоты между плотиною и р. По; пѣхота строилась въ одну боевую линію, такъ какъ части прибывали крайне медленно. Позади лѣваго крыла поставлена была кавалерія, всего 2400 коней. Къ востоку отъ плотины войска были размѣщены генераломъ Креки. На плотинѣ поставлена батарея, которая могла стрѣлять по обѣ стороны плотины. Вмѣсто второй линіи Вандомъ приказалъ позже прибывавшимъ войскамъ образовать два резерва по обѣ стороны Люцары.

Евгеній, узнавъ о такомъ расположеніи французовъ и о присутствіи здѣсь всѣхъ силъ Вандома, остановилъ лѣвую колонну въ $^1/_2$ часѣ къ С. отъ Люцары, чтобы выждать прибытіе колонны Коммерси, а самъ отправился на рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Только въ $4^1/_2$ часа пополудни правая колонна подошла на одну высоту съ лѣвой. Такимъ образомъ не исполнилось желаніе Евгенія произвесть нечаянное нападеніе. Нечего было думать о правильномъ построеніи боеваго порядка, потому что для этого нужно было совершить фланговые марши, что при такой близости непріятеля трудно было исполнить. При данныхъ обстоятельствахъ Евгеній распорядился построить все лѣвое крыло изъ войскъ лѣвой, а правое изъ войскъ правой колонны.

Выдвинутое лѣвое крыло французовъ тотчасъ же обратило на себя вниманіе Евгенія, потому что, наступая имъ, французы могли ему отрѣзать путь отступленія въ Солето; вслѣдствіе этого Евгеній приказалъ своему правому крылу наступать противъ лѣваго французовъ, для чего усилилъ его 9 баталіонами и 8 эскадронами. Противъ батареи на плотинѣ были поставлены 4 орудія. Часть драгунъ заняли Риву.

Хотя Коммерси передъ атакой произвелъ рекогносцировку, но надо полагать не замѣтилъ тѣхъ войскъ, которыя были поставлены уступомъ къ общему фронту французовъ и принялъ бригаду Дюго за крайній лѣвый флангъ.

Пересѣченная мѣстность препятствовала дѣйствію кавалеріи, а потому вся тяжесть боя легла на пѣхоту; конница оставалась на флангахъ.

Крайнее лѣвое крыло составляли драгуны, и сзади, уступомъ на лѣво, Водемонъ со своею кавалеріею.

Коммерси получилъ приказаніе по данному Евгеніемъ пушечному сигналу начать атаку въ 5 часовъ. Въ теченіи цѣлаго часа продолжа-

лась канонада, а затѣмъ, около 6-ти часовъ, двинулось правое крыло имперцевъ, причемъ въ узкомъ пространствѣ между р. По и плотиною трудно было развернуться, а канавы и валы затрудняли путь и задерживали наступленіе. Вслѣдствіе такой пересѣченности мѣстности сраженіе вскорѣ разбилось на нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ.

Первые баталіоны имперцевъ съ нѣсколькими эскадронами двинулись въ атаку, но, встрѣченные непріятелемъ съ фрочта и поражаемые съ фланга полками Піемонтъ и Marine, они, понеся значительныя потери, должны были отступить, особенно когда былъ смертельно раненъ Коммерси. Баталіоны полковъ Бальи и Герберштейна по неизвѣстной причинѣ, также направились на тотъ же входящій уголъ французскаго расположенія и фланговымъ огнемъ упомянутыхъ двухъ полковъ отброшены съ большими потерями.

Только появленіе Евгенія останавливаетъ бѣгущіе баталіоны; поддержанные новыми подкрѣпленіями, они снова двигаются въ атаку, но снова отброшены. Въ третій разъ полкъ Гуттенштейна, двигается впередъ и австрійцамъ удается наконецъ дойти до линіи французскаго расположенія, но Безонъ съ 4 кавалерійскими полками произвелъ блестящую атаку, опрокинулъ австрійцевъ и остановилъ ихъ наступленіе. Къ 9 часамъ вечера, на этомъ пунктѣ бой началъ ослабѣвать.

На лѣвомъ флангѣ имперцевъ графъ Штарембергъ также перешелъ въ наступленіе. Лѣвый флангъ охранялъ Водемонъ съ 17 эскадронами; сзади пѣхоты въ резервѣ стали 8 эскадроновъ. Эта атака была встрѣчена спѣшившими кавалеристами и отбита. Тогда Водемонъ со своею кавалеріею произвелъ атаку въ охватъ праваго фланга французовъ; но, взятый самъ во флангъ однимъ баталіономъ и жандармами, былъ опрокинутъ и далъ тылъ; французы остановили свое наступленіе и отошли за Томбу, удерживая за собою монастырь.

О дальнѣйшемъ продолженіи боя нельзя было думать за темнотою ночи и усталостью войскъ, но обѣ арміи ожидали продолженія боя на слѣдующій день. Всю ночь работали, чтобы привести вновь занятыя позиціи въ оборонительное положеніе.

Французы потребовали отъ Водемона присылки еще 10 баталіоновъ, которые и прибыли, но Водемонъ настолько былъ ослабленъ, что ничего не могъ предпринять противъ Боргофорте. Къ имперцамъ также прибыли 2 баталіона и 2 гусарскихъ полка. По австрійскимъ даннымъ они потеряли около 2700 чел., а французы около 5000 челов.

У французовъ участвовало въ бою 40% войскъ бывшихъ на полѣ сраженія, у имперцевъ 49%. На главномъ пунктѣ (лѣвый флангъ французовъ) у Вандома—5900 изъ 29000—20%; у Евгенія 11.500 изъ 19.600—59%; на полѣ сраженія у французовъ 29.000—35%, у имперцевъ 19.100—65%.

16-го августа утромъ обѣ арміи находились въ полной готовности начать новый бой. Евгеній при своемъ численномъ меньшинствѣ не могъ

рѣшиться на наступательный бой, тѣмъ болѣе, что за ночь французы укрѣпились также какъ и имперцы. Французы съ своей стороны также не рѣшались произвести атаку, и обѣ арміи приступили къ усовершенствованію своихъ укрѣпленій. Въ теченіи дня шла только артиллерійская канонада. Имперскія войска, расположенныя въ Люцарѣ (400 ч.), сдались въ этотъ день, не надѣясь на выручку. При взаимномъ укрѣпленій позицій старались, ломая фронтъ, становиться на продолженіи расположенія частей непріятельской арміи. Укрѣпленія французовъ состояли изъ рва съ брустверомъ и многими проходами для вылазокъ, прикрытыхъ реданами; они шли отъ моста черезъ р. По вдоль дороги въ Люцару, далѣе вдоль главнаго вала на 500 с. къ С. В. отъ Люцары, здѣсь, образуя плацдармъ, линія поворачивала подъ острымъ угломъ въ южномъ направленіи и далѣе шла на востокъ къ Томбѣ, которая была приведена въ оборонительное состояніе. Во многихъ мѣстахъ фланкируемыхъ имперцами устроены были траверсы. Войска расположились вдоль этихъ линій. На большомъ островѣ на р. По были построены 3 батареи, которыя фланкировали расположеніе имперцевъ. Линія послѣднихъ шла перпендикулярно къ р. По до меньшей плотины, откуда отходила къ Зегарбѣ и къ главному валу, гдѣ была устроена батарея, затѣмъ, окружая французскій входящій уголъ, укрѣпленія шли на разстояніи 300 шаговъ и далѣе подъ острымъ угломъ въ С. В. направленіи, кончаясь у домиковъ. Въ этихъ укрѣпленіяхъ также было устроено много траверсовъ.

Продовольствіе имперцы получали изъ Боргофорте и Остиліи.

Между тѣмъ у Боргофорте французы подступили къ самому укрѣпленію и строили батарею параллельно дорогѣ въ Куртатоне, на правомъ берегу Fossa-maestra, и перпендикулярно къ дорогѣ Мантуя-Боргофорте. Отправивъ около 4 т. чел. Вандому, Водемонъ, имѣя 9 т. чел. (5 т. пѣх.), отошелъ нѣсколько отъ Боргофорте.

18 августа собрался у французовъ военный совѣтъ. Мнѣнія относительно дальнѣйшихъ дѣйствій расходились; одни предлагали притянуть еще войска на правый берегъ и осадить Гуастало, другіе — отослать войска Водемону и осаждать Боргофорте, третьи думали притянуть еще войска отъ Водемона и искать новаго боя, который Евгеній долженъ былъ-бы принять безъ укрѣпленнаго фронта и тыломъ къ р. По. Осада Гуастало могла имѣть успѣхъ, но оказывала малое вліяніе на общій ходъ операцій. Атака Боргофорте была болѣе важна, но могла затянуться на долго. Третье рѣшеніе могло-бы имѣть весьма важныя послѣдствія, но въ этомъ случаѣ можно было опасаться, что Евгеній, какъ только французы очистятъ Сераліо и все сосредоточатъ для атаки, перейдетъ черезъ По въ одинъ переходъ и, занимая центральное положеніе, будетъ защищать рѣку. Вандомъ склонялся къ послѣднему рѣшенію, но Филиппъ Анжускій, по совѣту нѣкоторыхъ генераловъ, не согласился на это и приказалъ

возобновить осаду Боргофорте, отправивъ опять часть войскъ на лѣвый берегъ По.

Стратегическое пололоженіе арміи такимъ образомъ осталось прежнее.

Однако 28 августа французы сняли осаду Боргофорте, сомнѣваясь въ ея успѣхѣ, Гуастало-же сдалось французамъ. Положеніе Евгенія въ лагерѣ подъ Люцарою становнлись отчаянное; его солдаты были оборваны, безъ сапогъ, платья, пищи, между лошадьми оказался сильный падежъ (до 6000 лошадей пало). Особенное вниманіе Евгенія было обращено на Бресчелло и Остилію; послѣдняя была особенно важна какъ единственный исходный пунктъ для сообщенія съ базою, хотя довольствіе войскъ Евгенія и было основано на фуражировкахъ, такъ какъ съ базы онъ почти ничего не получалъ; здѣсь опять его выручала кавалерія, которая ежедневно возвращалась въ лагерь съ большими запасами.

Между тѣмъ Вандомъ снова обратился къ плану обхода лѣваго фланга Евгенія, и 18 сентября послалъ 4 бат. въ Карпи, чтобы устроить тамъ печи и заложить магазинъ.

Настало уже осеннее время. Дороги испортились. По высоко поднялась, такъ что нѣкоторые полки должны были перемѣнить лагерныя стоянки. Французы уже отправили свою тяжелую артиллерію въ Кремону, а также транспорты съ больными и войсковыми тяжестями—все это предвѣщало, что они вскорѣ оставятъ лагерь. Вдругъ получено было извѣстіе, что французы въ 3 часа утра 5 ноября оставили лагерь и расположились въ боевомъ порядкѣ въ разстояніи около $2^1/_2$ верстъ отъ прежняго лагеря, а въ 8 часовъ въ 3-хъ колоннахъ двинулись далѣе, въ направленіи къ Руджіоло.

Дѣйствительно Вандомъ рѣшилъ привести въ исполненіе свой планъ обхода лѣваго фланга Евгенія и приказалъ въ этотъ же день, 5 ноября, атаковать Боргофорте частью гарнизона изъ Мантуи; французская армія, пройдя 12 верстъ, остановилась у Реджіоло на р. Таліатѣ, гдѣ простояла весь день 6 ноября.

Евгеній полагалъ, что это отступленіе предпринято съ цѣлью расположенія войскъ на зимнихъ квартирахъ, а потому и онъ намѣревался сдѣлать то же, и въ этихъ видахъ 6 ноября большая часть обоза и артиллеріи были отправлены имъ къ Боргофорте, въ бывшій лагерь у Солето, куда утромъ 7 выступила вся армія. Но, не успѣвъ еще прибыть туда, онъ получилъ новыя свѣдѣнія о движеніи непріятеля, а именно, что французы въ этотъ день 7 ноября, передвинулись вправо, захвативъ мостъ у Бонданело, и расположились лагеремъ между Бонданело и Маглі́ей. Теперь онъ ясно понялъ, что имѣетъ дѣло съ наступательнымъ, а не отступательнымъ движеніемъ французовъ и что вся операція клонится къ отрѣзанію его отъ р. Секіи и занятію раіона между р. Секіей и Панаро, т. е. его квартирнаго расположенія. Евгеній немедленно рѣшился двинуться самъ на встрѣчу противнику и искать съ нимъ боя,

а потому направилъ всѣ свои войска къ р. Секіи. Во главѣ арміи шли 5 пѣхотныхъ полковъ и вся кавалерія; остальные слѣдовали сзади. Дороги отъ дождя сдѣлались трудно проходимыми, но, какъ только 8-го вечеромъ прибыли первыя войска въ С. Сиро, немедленно были переправлены на правый берегъ р. Секіи 4 полка кавалеріи съ приказаніемъ задержать переправу французовъ, пока не подоспѣютъ остальныя подходившія войска.

Французы, узнавъ о прибытіи имперцевъ 8-го въ С. Сиро, видѣли, что имъ теперь не удастся движеніемъ изъ Бонданело къ Бенедето удержать Евгенія у Боргофорте—Солето, а также, что они не успѣютъ разорить выбранныя имъ квартиры между р. Панаро и Секіею. Между тѣмъ безъ боя нельзя было устроить переправу; движеніе къ р. По тоже должно было вести къ бою. Такъ какъ при этомъ Евгеній, владѣя мостомъ у С. Сиро, могъ занять весьма выгодную позицію между По и Секіею, имѣя передъ французами Fossa grando, то Вандомъ не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы атаковать противника и потому рѣшилъ отказаться отъ предпринятой имъ операціи. Вскорѣ пришло извѣстіе, что французская армія раздѣляется и двигается для занятія зимнихъ квартиръ, а потому Евгеній приказалъ и своимъ войскамъ стать по квартирамъ. 13 ноября Вандомъ отступилъ къ Фабрико. Онъ хотѣлъ передъ окончаніемъ кампаніи еще овладѣть Боргофорте и занять весь западный берегъ р. Секіи. 14-го ноября взято было Боргофорте, а затѣмъ въ декабрѣ пало и Говерноло, чѣмъ была закончена кампанія 1702 г. Евгеній отправился въ Вѣну, сдавъ жалкіе остатки своей арміи Штарембергу.

Кампанія эта, славная для Вандома, дѣлаетъ не менѣе чести Евгенію, не смотря на превосходство противника въ силахъ, успѣвшему удержаться въ непріятельской странѣ. Разбирая эту кампанію, мы найдемъ маршъ Вандома къ Гоито превосходнымъ; намѣреніе его искать сраженіе, чтобы выгнать противника изъ Ломбардіи вполнѣ цѣлесообразно; раздѣленіе силъ, чтобы разомъ отрѣзать оба пути отступленія Евгенію, представляло опасность. Затѣмъ Вандомъ бездѣйствовалъ послѣ Люцарскаго сраженія, когда онъ значительно превосходилъ противника силами (вліяніе двоевластія). Дѣйствія Евгенія послѣ неудачнаго нападенія на Кремону обличаютъ высокія его способности полководца. Всякій другой, при такомъ значительномъ превосходствѣ противника въ силахъ, имѣя въ тылу Мантую съ сильнымъ гарнизономъ, не рѣшился бы держаться впереди Минчіо и вѣроятно удалился бы за Минчіо и Адижъ, тѣмъ болѣе, что противною арміею командовалъ такой искусный полководецъ, какъ Вандомъ. Евгеній не отступаетъ ни шагу и не принимаетъ безъ выгодныхъ шансовъ боя. Почти подъ пушками непріятельской Мантуи, онъ занимаетъ превосходную стратегическую позицію, которая доставляетъ ему неисчислимыя выгоды. Владѣя обоими берегами По, онъ могъ, въ случаѣ покушенія непріятеля отрѣзать ему путь сообщенія съ Тиро-

лемъ, продовольствоваться изъ Мирандольскихъ магазиновъ; въ случаѣ движенія противника для прерванія его сообщеній съ послѣдними, онъ могъ базироваться на Тироль. Отъ атаки открытою силою онъ былъ обезпеченъ природною крѣпостью позиціи и силою своихъ ретраншаментовъ. Кромѣ того, при первомъ или второмъ способѣ дѣйствій, самъ Евгеній могъ угрожать сообщеніямъ противника съ Миланомъ. Еслибы непріятель раздѣлилъ свои силы съ цѣлью разомъ отрѣзать Евгенія отъ обоихъ основаній дѣйствій, то обширность укрѣпленной позиціи заставляла непріятельскія части далеко отдѣляться одна отъ другой и Евгеній, пользуясь сосредоточенностью своего положенія, могъ бить каждаго порознь. Когда это дѣйствительно случилось, онъ смѣло двинулся на Вандома и, ища боя, намѣревался нечаянно напасть на противника (Люцара), что однако ему не удается. Наконецъ, не смотря на неравенство въ силахъ по вторичномъ соединеніи Водемона съ Вандомомъ, онъ успѣваетъ удержаться въ Мирандольской провинціи, содержа армію на счетъ непріятельской страны.

Кампанія принца Евгенія Савойскаго въ Ломбардіи и Пьемонтѣ въ 1706 году.

Теперь мы приступимъ къ разсмотрѣнію той кампаніи, которая по смѣлости соображенія плана дѣйствій и по рѣшительности въ его исполненіи совершенно выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и показываетъ болѣе нежели въ другомъ случаѣ блестящія стратегическія способности Евгенія, въ дѣйствіяхъ своихъ далеко опередившаго современныя понятія объ образѣ веденія войны. Съ другой стороны кампанія 1706 года можетъ еще рельефнѣе показать какъ нераціональна была, принятая Франціею, а за нею всѣми, система обороны границъ рядомъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ.

Успѣхи, пріобрѣтенные Евгеніемъ, бросаются тѣмъ болѣе въ глаза, что онъ далеко уступалъ французамъ въ числѣ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, но какъ истинно великій полководецъ искусными маневрами при каждомъ столкновеніи онъ превосходилъ противниковъ въ силахъ и тѣмъ приготовлялъ себѣ шансы для успѣха, какъ впослѣдствіи Наполеонъ, чрезъ 100 лѣтъ, въ началѣ кампаніи 1796 года. Положеніе Франціи въ началѣ 1706 года было далеко не дурное, не смотря на отложеніе герцога Савойскаго и потерю Баваріи въ предшествовавшую кампанію; союзники были удержаны на Рейнѣ, во Фландріи и въ Италіи, гдѣ, благодаря талантливому Вандому, французы послѣ битвы при Кассано имѣли рѣшительный перевѣсъ надъ противниками. Неудачи въ Испаніи были поправимы, тѣмъ болѣе что Людовикъ XIV могъ располагать независимо отъ моряковъ 300 т. сухопутныхъ войскъ. Но вмѣсто того, чтобъ воспользоваться этою массою силъ и употребить ихъ сооб-

разно важности различныхъ театровъ военныхъ дѣйствій, онъ раздробилъ силы равномѣрно по всѣмъ границамъ, предполагая на всѣхъ театрахъ войны дѣйствовать наступательно, и, что еще хуже, во главѣ арміи во Фландріи поставленъ былъ бездарный Вильруа, а въ Италіи, какъ мы увидимъ ниже, герой Гохштедта, Марсень; способности Вильяра, лучшаго полководца Франціи въ эту эпоху, употреблены были непроизводительно на Рейнѣ, гдѣ цѣль дѣйствій была весьма ограничена. Подобныя распоряженія не замедлили принести гибельные плоды. Вильруа разбитъ былъ на голову Мальборо при Рамильи, Италія была невозвратно потеряна. Успѣхи Вильяра на Рейнѣ и Бервика въ Испаніи не вознаграждали неудачъ на главныхъ театрахъ войны.

1706 годъ былъ тяжелымъ годомъ для Франціи; успѣхъ, который поперемѣнно переходилъ на сторону воюющихъ державъ, явно склоняется на сторону враговъ Людовика XIV; Франція истощается въ своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствахъ и быстро близится къ неминуемой катастрофѣ.

Лувуа уже не было въ живыхъ. Военнымъ министромъ во Франціи былъ бездарный Шамильяръ, который, не имѣя административныхъ талантовъ Лувуа, продолжилъ систему своего предшественника, вмѣшиваясь въ распоряженія полководцевъ, стѣсняя ихъ инструкціями изъ Парижа и такимъ образомъ парализуя самыя лучшія ихъ распоряженія. Переписка Вильяра и Вандома лучше всего это показываетъ. Такъ въ дѣйствіяхъ въ Италіи эта система едва не повлекла за собою катастрофы еще въ 1705 году. Шамильяръ предложилъ раздѣлить армію, дѣйствовавшую въ Италіи, на двѣ части: одна подъ непосредственнымъ начальствомъ Вандома, должна была ограничиться противъ Евгенія строго оборонительными дѣйствіями, прикрывая осаду Турина, порученную другой арміи, Лафельяда, превосходной по силамъ.

Такимъ образомъ главнымъ предметомъ дѣйствій былъ Туринъ *); второстепенная роль представлялась арміи, дѣйствующей въ полѣ и уступавшей по силамъ Евгенію. Тщетно Вандомъ писалъ, что Туринъ падетъ самъ собою, если армія Евгенія будетъ разбита, и напротивъ—осада будетъ безуспѣшна, если прикрывающій ея корпусъ будетъ разбитъ. «Напрасно думаютъ объ осадѣ Турина въ то время какъ дѣла здѣсь (на Аддѣ) не въ безопасности. Это значитъ подвергнуться неминуемому пораженію. Если моя армія будетъ разбита, армія дѣйствующая въ Пьемонтѣ подвергнется такому же безсилію, на которое вы меня осуждаете. Я не могу согласиться на дѣло противное службѣ короля и его славѣ. Пришлите мнѣ немедленно подкрѣпленія, которыя я требовалъ». Но требованія Вандома были напрасны. И только рѣшительность и смѣлость французскаго главнокомандующаго и увѣнчавшій эту смѣлость успѣхъ при Кассано спасли французскую армію.

*) См. карту похода 1706 г.

Въ началѣ 1706 года положеніе герцога Савойскаго и имперскихъ войскъ въ Италіи не только не улучшилось съ 1705 года, но становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ и, не смотря на вновь сдѣланные наборы, войска герцога и Штаремберга, расположенныя подъ Туриномъ, состояли не болѣе какъ изъ 25 т. Графъ Ревентлау, командовавшій въ отсутствіе Евгенія, имѣлъ подъ ружьемъ около 16 т. и расположенъ былъ по западной сторонѣ Гардскаго озера. Квартирное его расположеніе было чрезвычайно растянуто; подкрѣпленія, которыми предположено было усилить итальянскую армію, находились еще въ слѣдованіи; французы имѣли, напротивъ того, до 90 т. войскъ въ Италіи: Лафельядъ съ половиною войскъ осаждалъ Туринъ, слѣдуя плану Шамильяра, а остальныя войска частью расположены были по крѣпостямъ, частью же, 48 т., занимали квартирное расположеніе противъ войскъ Ревентлау.

Вандомъ, прибывъ раннею весною изъ Парижа въ Миланъ, рѣшился воспользоваться превосходствомъ своихъ силъ и отступленіемъ Евгенія, чтобъ вытѣснить имперскія войска изъ Италіи и тѣмъ облегчить Лафельяду покореніе Турина. Распустивъ слухъ о своей болѣзни и о томъ, что французскія войска, утомленныя походомъ прошлаго года, должны отдыхать цѣлую весну и ожидать подкрѣпленій и, обманувъ такимъ образомъ бдительность имперцевъ, Вандомъ скрытно собралъ до 36 т. войскъ въ Кастильоне и быстро двинулся на квартирное расположеніе Ревентлау; но мѣстныя препятствія, встрѣченныя на пути, замедлили его маршъ и тѣмъ дали время имперцамъ стянуть разсѣянныя силы къ Кальчинато. Вандомъ атаковалъ, разбилъ ихъ на голову и съ потерею $4^1/_2$ т. отбросилъ въ Ровередо. Италія такимъ образомъ была очищена; надлежало теперь запереть доступы въ нее по долинѣ Адижа. Фекьеръ справедливо говоритъ, что слѣдовало развить успѣхъ наступленіемъ къ Ровередо. Вандомъ не дѣйствовалъ съ должною настойчивостью, когда онъ могъ даже,ославъ отрядъ къ восточному берегу Гардскаго озера, отрѣзать путь отступленія Ревентлау и заставить его положить оружіе.

Въ то время, когда бѣглецы сбирались въ Ровередо, въ этотъ городъ прибылъ Евгеній изъ Вѣны съ незначительными подкрѣпленіями. Собравъ рѣзсѣянныя свои войска и ободривъ ихъ, Евгеній двинулся къ Сало, въ намѣреніи остановить маршъ французовъ на Тріентъ. Но, встрѣтивъ упорное сопротивленіе и угрожаемый обходомъ съ праваго фланга, онъ принужденъ былъ отступить.

Обогнувъ съ сѣвера Гардское озеро, онъ спустился по Адижу и занялъ позицію на лѣвомъ его берегу у Вероны. Альберготти съ 16 т. войскъ, посланный Вандомомъ на перерѣзъ его пути, не умѣлъ исполнить своего назначенія. Вандомъ въ свою очередь расположился вдоль Адижа, охраняя цѣпью отрядовъ все пространство отъ Сало до Бадіа. Въ такомъ расположеніи оба противника простояли конецъ мая и весь іюнь мѣсяцъ въ совершенномъ бездѣйствіи; Евгеній, ожидая подкрѣпленій изъ Германіи, Вандомъ съ цѣлью дать время Лафельяду овладѣть

Туриномъ. Подобное бездѣйствіе непонятно въ такомъ полководцѣ, какъ Вандомъ, при значительномъ его превосходствѣ въ силахъ; отославъ часть войскъ на помощь Лафельяду, онъ имѣлъ еще болѣе 40000 подъ ружьемъ, тогда какъ его противникъ, по прибытіи въ Верону, едва имѣлъ (съ подкрѣпленіями) до 29000 войскъ. Между тѣмъ Лафельядъ съ 44 т. войскъ (68 баталіон. 80 эскадр.) обложилъ Туринъ съ лѣваго берега По, окруживъ его контръ и циркумвалаціонными линіями; сообщеніе-же города съ правымъ берегомъ оставлено было безъ вниманія. Въ опасеніи быть въ немъ запертымъ, герцогъ Савойскій оставилъ подъ начальствомъ графа Дауна въ городѣ до 20 тыс. войскъ (12 нѣмецкихъ батальоновъ, 17 савойскихъ и 1600 спѣшенныхъ кавалеристовъ) и вышелъ изъ него съ 8 т. (4 т. пѣхоты и столько же кавалеріи). Лафельядъ, оставивъ большую часть войскъ подъ Туриномъ, съ остальными пошелъ за герцогомъ, но тотъ, отступивъ по направленію къ Карманьолѣ, ушелъ въ горы, гдѣ усилился подоспѣвшими ополченіями до 12 т. Тогда Лафельядъ началъ правильную осаду, имѣя 110 тяжелыхъ орудій и 59 мортиръ.

Подобное положеніе дѣлъ и усиленная просьба герцога заставили, наконецъ, Евгенія выйти изъ бездѣйствія. Въ концѣ іюня у него было уже 38 т. подъ ружьемъ и кромѣ того 10 т. гессенцевъ находились въ слѣдованіи къ нему на подкрѣпленіе. Необходимость поспѣшить на помощь Турина и отдаленіе гессенцевъ, заставили Евгенія не откладывать долѣе исполненіе задуманнаго имъ плана освобожденія савойской столицы. Планъ его заключался въ томъ, чтобъ, бросивъ сообщенія съ Тиролемъ, идти правымъ берегомъ По какъ можно поспѣшнѣе на соединеніе съ герцогомъ Савойскимъ и затѣмъ, опередивъ французскую армію, стоявщую на Адижѣ, дать подъ Туриномъ рѣшительное сраженіе Лафельяду. Конечно, планъ этотъ былъ чрезвычайно смѣлымъ. Приходилось бросить сообщенія и искать новой базы на правомъ берегу По и кромѣ того, не имѣя ни правильно устроенныхъ парковъ, ни госпиталей, двигаться по мѣстности чрезвычайно пересѣченной, гдѣ предпріимчивый противникъ могъ остановить его на каждомъ шагу. Но Евгеній долженъ былъ рѣшиться на это крайнее средство, видя затруднительное положеніе Турина и боясь, что съ его паденіемъ и герцогъ Савойскій можетъ отказаться отъ австрійскаго союза.

Пробиться чрезъ линію растянутыхъ по Адижу постовъ при такомъ противникѣ, какъ Вандомъ, было еще опаснѣе. Удачное исполненіе задуманнаго плана обусловливалось скрытностью первой операціи, состоявшей въ обходѣ праваго фланга французской линіи. Оставивъ на Адижѣ противъ французовъ до $8^1/_2$ т. войскъ, которыя должны были вскорѣ усилиться 10 т. гессенцевъ, Евгеній съ остальными 34 т. спустился быстро внизъ по Адижу, прогнавъ французскій постъ здѣсь находившійся, какъ въ кампанію 1701 г., къ мѣстечку Бадіа, переправился чрезъ Адижъ, а въ мѣстечкѣ Полицеллѣ чрезъ По, и остановился въ Мо-

денскихъ владѣніяхъ въ мѣстечкѣ Санта Біана на Панаро. Обойденная съ фланга французская армія не могла держаться на линіи Адижа и отступила за Минчіо. Съ этой минуты проявляется нерѣшительность въ рядахъ французовъ. Причиною ея было удаленіе Вандома, назначеннаго главнокомандующимъ въ Нидерланды, чтобы поправить тамъ довольно критическое положеніе дѣлъ, вслѣдствіе пораженія Вильруа при Рамильи. Выборъ ему преемниковъ въ командованіи арміею былъ вполнѣ не удаченъ. Хотя герцогъ Орлеанскій пользовался любовью и уваженіемъ всего народа и войска и обладалъ рѣшительностью, смѣлостью и здравымъ смысломъ, но ему недоставало опытности, въ особенности противъ такого противника, какъ Евгеній. Чтобы пополнить этотъ недостатокъ, Версальскій Дворъ назначилъ въ совѣтники молодому принцу, такъ плохо выказавшагося при Гохштедтѣ, Марсеня, опытнаго въ пораженіяхъ. Подобное назначеніе было тѣмъ вреднѣе, что Марсень имѣлъ тайное полномочіе отъ короля въ случаѣ разногласія въ мнѣніяхъ принимать неограниченную власть надъ арміей.

Бездарность Марсеня обнаружилась тотчасъ по принятіи командованія надъ итальянской арміей.—Вмѣсто того, чтобы, пользуясь превосходствомъ силъ, сосредоточенностью ихъ, немедленно обратиться на какую либо изъ частей арміи Евгенія, раздѣленныхъ рѣкою По и разбить ее до прибытія другой и такимъ образомъ, сохраняя иниціативу въ дѣйствіяхъ, заставить Евгенія дорого поплатиться за раздѣленіе силъ, принцъ Орлеанскій и Марсень сами раздѣлились на двѣ части. Оставивъ Медави съ 10 тыс. войскъ на Минчіо противъ принца Ангальтскаго, успѣвшаго соединиться съ гессенцами, и усиливъ гарнизоны Гоито и другихъ пунктовъ, французскіе полководцы съ 26 тыс. войскъ (40 бат. и 80 эскад.) перешли на правый берегъ По и расположились за р. Секкіей, недалеко отъ ея впаденія въ По, при мѣстечкѣ С. Бенедетто. Позиція эта, хотя крѣпкая природою, лежала на флангѣ Евгенія, не заграждая ему пути. Кажется французскіе главнокомандующіе разсчитывали, что Евгеній, опасаясь за сообщенія, не рѣшится оставить у себя на флангѣ непріятельскую армію.

Необходимость овладѣть нѣсколькими пунктами въ Пармскихъ владѣніяхъ для помѣщенія госпиталей и армейскихъ депо и выждать прибытія принца Гессенскаго удержали принца Евгенія отъ дальнѣйшаго слѣдованія къ Турину до половины августа.

Подойдя къ позиціи французовъ и найдя ее чрезвычайно сильною, Евгеній не рѣшился ее атаковать съ праваго фланга, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе французовъ, приказалъ принцу Гессенскому дѣйствовать наступательно противъ Медави на Минчіо. Вскорѣ имперцы овладѣли на флангѣ французовъ Карпи, Реджіо, Корреджіо и Пармою. Въ тоже время принцъ Гессенскій форсировалъ переправу на Минчіо у Валеджіо, овладѣлъ Гоито и заставилъ Медави отступить въ Кастильоне.

Устрашенные его успѣхами, не зная въ точности о силахъ двухъ

отдѣльныхъ дѣйствующихъ имперскихъ армій, а главное, опасаясь за сообщенія съ Миланомъ, Марсень и принцъ Орлеанскій рѣшились двинуться на помощь Медави. Перейдя на лѣвый берегъ По, они направились на Гоито, но опоздали. Гоито было уже взято имперцами. Такимъ образомъ, укрѣпленные пункты и крѣпости не оказывали никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій, только приносили вредъ, ослабляя армію, дѣйствующую въ полѣ. Еслибъ изъ 33-хъ крѣпостей, занятыхъ гарнизонами въ числѣ 20 тыс., большая часть была бы срыта и гарнизоны ихъ усилили французскую армію, то Медави могъ бы удержаться на линіи Минчіо, превосходя противниковъ въ силахъ и имѣя на флангѣ такую сильную крѣпость, какъ Мантуя. Что касается Марсеня и принца Орлеанскаго, то переходъ ихъ на лѣвый берегъ По оказался совершенно напраснымъ и они упустили удобный случай обрушиться всею массою войскъ на Евгенія, двигавшагося смѣло между долиною По и Аппенинами; при численномъ превосходствѣ силъ, они, въ случаѣ успѣха, отрѣзывали его отъ сообщеній съ герцегомъ Савойскимъ и съ устроеннымъ имъ въ Мирандольскихъ владѣніяхъ базисомъ и отбрасывали въ горы. Для этого, конечно, требовалась рѣшительность дѣйствій и быстрый взглядъ, умѣющій обнять положеніе дѣлъ и воспользоваться его выгодами. Между тѣмъ удаленіе ихъ на лѣвый берегъ По открыло Евгенію путь къ Турину, который едва держался противъ Лафельяда. Но при этомъ движеніи приходилось преодолѣвать большія мѣстныя затрудненія. Время стояло жаркое; русла многихъ рѣчекъ, пересѣкающихъ долину праваго берега рѣки По, при первомъ сильномъ дождѣ, какъ всѣ горные потоки, могли быстро наполниться водою и тѣмъ остановить маршъ Евгенія; пересохшіе ручьи часто не доставляли воды при бивакированіи. Къ тому же нужно было слѣдовать какъ можно поспѣшнѣе впередъ, чтобы пройти не менѣе важное препятствіе, дефиле у Страделлы, гдѣ отроги Аппенинъ близко подходятъ къ По и гдѣ маленькій непріятельскій отрядъ могъ остановить движеніе цѣлой арміи. Дѣйствительно, герцогъ Орлеанскій, понявъ, но уже поздно, свою ошибку и зная о стратегическихъ выгодахъ Страдельской позиціи, быстро слѣдовалъ къ ней съ 32 тыс. арміей по лѣвому берегу По, въ намѣреніи предупредить тамъ имперцевъ.

Услышавъ объ этомъ, Евгеній, предоставивъ собственнымъ силамъ принца Гессенскаго, притянулъ къ себѣ принца Ангальтскаго и для овладѣнія Страдельскимъ проходомъ немедленно послалъ форсированнымъ маршемъ 3 драгунскихъ полка, 8 баталіоновъ и 6 орудій въ числѣ 7 тыс. и самъ выступилъ съ передовымъ отрядомъ, со всею кавалеріею, оставивъ назади пѣхоту, за неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, двигавшуюся весьма медленно. Быстрота марша передовыхъ отрядовъ дала имъ возможность предупредить въ Страделлѣ только нѣсколькими часами сильный французскій отрядъ, посланный Марсенемъ съ тою же цѣлью. Давъ дневку здѣсь своимъ войскамъ, чтобы выслать присоединенія от-

ставшей пѣхоты, Евгеній быстро слѣдовалъ на Вогеру, прошелъ между крѣпостями Тортоной и Александріей, занятыми сильными французскими гарнизонами, и чрезъ Асти дошелъ 2-го сентября до Карманьолы, гдѣ соединился съ вышедшимъ къ нему на встрѣчу герцогомъ Савойскимъ. Силы ихъ, за отдѣленіемъ войскъ въ занятые въ тылу пункты и за отставшими при форсированномъ маршѣ, простирались до 36 тыс.

Между тѣмъ Марсень съ герцогомъ Орлеанскимъ, усиливъ Медавы до 15 тыс. войскъ и оставивъ гарнизоны въ Мантуѣ и Остиліи, слѣдовали не менѣе форсированными маршами по лѣвому берегу По на помощь Турину, параллельно Евгенію, такъ что находились противъ Страделлы, когда чрезъ нее проходили имперскія войска. Не успѣвъ преградить путь противнику, они направились къ Турину, куда прибыли 28 августа. По соединеніи съ Лафельядомъ силы французской арміи подъ Туриномъ возросли до 60 тыс. Съ такими силами, превосходившими вдвое противниковъ, французскіе полководцы, дѣйствуя смѣло, могли достигнуть самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Бросивъ свои сообщенія съ Мирандолою, основаніемъ своихъ дѣйствій, оставивъ въ тылу крѣпости, занятыя сильными французскими гарнизонами, не пріобрѣтя новаго основанія дѣйствій, по бѣдности страны, въ которой онъ теперь расположился, имѣя въ тылу и на флангѣ горы, Евгеній находился въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что ему не откуда было ожидать помощи, тогда какъ французы по близости къ своимъ границамъ могли усилиться подкрѣпленіями. Только политическія обстоятельства, боязнь лишиться союзника въ герцогѣ Савойскомъ, заставили его рѣшиться на такое предпріятіе, исходомъ котораго долженъ быть бой подъ стѣнами Савойской столицы. Между тѣмъ осада подвигалась весьма медленно, потому что Лафельядъ, бывшій въ ссорѣ съ Вобаномъ, отвергалъ пособіе его искусства, надменно хвастаясь что онъ возьметъ городъ á la Coehorn; онъ стоялъ за энергическую осаду цитадели, ограничиваясь наблюденіемъ на правомъ берегу По. Другіе полагали одновременно осаждать цитадель и городъ. Между тѣмъ Вобанъ, считая такое предпріятіе безразсуднымъ, высказался за рѣшительную осаду Капуцинской горы. Предпринятыя по настоянію Лафельяда дѣйствія шли весьма медленно; онъ отговаривался недостаткомъ силъ, за отдѣленіемъ значительныхъ подкрѣпленій въ дѣйствующую армію.

Туринъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. По, при впаденіи въ него Доры. Съ запада и юга подходятъ къ нему отроги главнаго хребта Альпійскихъ горъ. Правый берегъ командуетъ лѣвымъ и на одномъ изъ его возвышеній, называемомъ Капуцинскою горою, расположенъ былъ тетъ-де-понъ, прикрывающій мостъ на По. Укрѣпленія города состояли изъ бастіонныхъ фронтовъ съ демилюнами, равелинами и контргардами. Каждый фронтъ имѣлъ редюитъ и прикрытый путь и былъ приспособленъ къ минной войнѣ. Въ юго-западной части находилась обширная и сильно укрѣпленная цитадель. Траншеи, открытыя еще съ

мая мѣсяца, ведены были противъ цитадели и прилегавшаго къ ней съ западной стороны контргарда; циркумъ и контрвалаціонныя линіи, начиная отъ устья Стуры, тянулись по правому ея берегу, пересѣкали потомъ Дору, Верхній По, и, огибая Капуцинскую гору, оканчивались на правомъ берегу По, противъ самого устья Доры. При подобномъ протяженіи линій трудно было укрѣпиться вездѣ съ одинаковою силою, такъ что мѣстами, напр. между Стурою и Дорою, укрѣпленія состояли изъ землянаго вала весьма слабой профили съ мелкимъ рвомъ впереди, безъ всякой фланговой оборопы. Обширность линій не дозволяли занять ихъ по всему протяженію достаточно сильно. Но между тѣмъ положеніе гарнизона, оборонявшаго Туринъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ, становилось день ото дня затруднительнѣе. Изъ числа войскъ, оставленныхъ герцогомъ Савойскимъ, насчитывалось не болѣе трети; продовольственные и военные запасы были истощены, госпитали наполнены больными и ранеными; на помощь герцога Савойскаго не было никакой надежды; принцъ Евгеній съ мая мѣсяца обѣщалъ прибыть въ скоромъ времени, но наступилъ и сентябрь мѣсяцъ, а его не было. Жители, лишенные сообщенія съ окрестными селеніями и терпѣвшіе недостатокъ во всемъ, роптали и готовы были передать городъ непріятелю. Но Даунъ оставался непоколебимъ въ рѣшеніи защищаться до послѣдней крайности. Когда пробита была брешь въ демилюнѣ и двухъ смежныхъ контргардахъ, Марсень и принцъ Орлеанскій произвели штурмъ, но два раза мужественно были отбиты храбрымъ гарнизономъ. Принцъ Евгеній стоялъ въ 2-хъ миляхъ отъ города; имѣя хорошихъ шпіоновъ, онъ получалъ самыя подробныя свѣдѣнія о непріятелѣ, его укрѣпленіяхъ и намѣреніяхъ. На основаніи собранныхъ данныхъ, онъ составилъ предположеніе, переправившись чрезъ По выше Турина, обойти городъ съ юго-западной стороны и атаковать самую слабѣйшую часть линій между Стурою и Дорою. Въ то же время 6 тыс. савойская милиція должна была сдѣлать демонстрацію съ праваго берега По, стараясь ввести въ городъ обозъ съ продовольствіемъ, а графъ Даунъ, котораго принцъ Евгеній черезъ шпіоновъ успѣлъ увѣдомить о своихъ намѣреніяхъ, услышавъ пальбу со стороны Стуры,—произвести вылазку и атаковать французовъ съ тыла. Хотя предположеніе было хорошо соображено, но нельзя не сказать, что оно было въ высшей степени смѣло. Бросая всѣ свои сообщенія и заходя въ тылъ превосходной въ числѣ непріятельской арміи, Евгеній ставилъ на карту судьбу своей арміи, судьбу Италіи. Становясь тыломъ къ хребту горъ, отдѣляющему Италію отъ Франціи, онъ въ случаѣ неудачи могъ быть отброшенъ на нихъ и совершенно погибнуь. Но многіе историки замѣчаютъ, что онъ основалъ планъ свой на знаніи характера противника, до тѣхъ поръ не обнаружившаго ни предпріимчивости, ни единства въ дѣйствіяхъ. Конечно, еслибъ принято было мнѣніе принца Орлеанскаго—выйти всею массою силъ изъ линій и искать рѣшительнаго боя въ полѣ, тогда, при двой-

номъ превосходствѣ французовъ въ числѣ, при хорошихъ качествахъ ихъ войскъ, имперцы могли быть совершенно раздавлены и отброшены въ горы. Чрезъ 100 лѣтъ Наполеонъ, повидимому, находился въ такомъ же положеніи, когда онъ зашелъ въ тылъ Меласу при Маренго, но, бросивъ сообщенія съ Франціей, онъ могъ опереться, въ случаѣ неудачи, на Швейцарію, занятую французскими войсками и на войска, оставленныя на Тессино на лѣвомъ берегу По. Конечно, атакуя линію между Стурою и Дорою, Евгеній достигалъ болѣе рѣшительныхъ результатовъ, нежели, напримѣръ, при атакѣ Капуцинской горы; блистательный успѣхъ былъ наградою его смѣлаго рѣшенія.

Появленіе савойской милиціи близъ Капуцинской горы заставило герцога Орлеанскаго и Марсеня переправить на правый берегъ до 20 тыс. войскъ подъ начальствомъ Альберготти, но вскорѣ получено было извѣстіе о переправѣ Евгенія чрезъ По. Это поселило нерѣшительность во французскихъ начальникахъ. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ. Герцогъ Орлеанскій предложилъ, пользуясь превосходствомъ силъ, идти на встрѣчу непріятеля и вступить въ бой. «Если, говорилъ онъ, разобьемъ мы, армія принца Евгенія погибла и Туринъ сдастся завтра; если же мы будемъ разбиты, отойдемъ къ Турину и будемъ держаться въ укрѣпленныхъ линіяхъ». Предложеніе чрезвычайно здравое, вполнѣ оправдывавшееся обстоятельствами, въ которыхъ находились противники. Но Марсень находилъ его слишкомъ рискованнымъ и предлагалъ выжидать непріятеля въ линіяхъ, не слушая возраженій французскаго герцога, говорившаго, что для защиты линій, не зная въ какомъ пунктѣ онѣ будутъ атакованы, придется раздробить силы и подвергнуться частнымъ пораженіямъ; между тѣмъ, при этомъ способѣ дѣйствій, упускается случай вступить въ бой съ непріятелемъ при самыхъ невыгодныхъ для него обстоятельствахъ. Большая часть генераловъ поддержала мнѣніе герцога. Тогда Марсень предъявилъ имъ повелѣніе за подписью короля, въ которомъ Людовикъ XIV приказывалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ безпрекословно исполнять волю Марсеня. Пришлось по необходимости повиноваться. Оскорбленный повелѣніемъ короля, герцогъ Орлеанскій хотѣлъ немедленно оставить армію, но, снисходя на просьбы генераловъ, согласился оставаться до окончанія дѣла, не дѣлая никакихъ уже распоряженій и дѣйствуя какъ частный начальникъ. Нерѣшительность начальниковъ начала отражаться и на войскахъ. Полныя энергіи, жаждавшія боя, они теперь стали приходить въ уныніе, осужденныя на пассивное выжиданіе въ линіяхъ, несогласное съ характеромъ французскаго солдата.

Между тѣмъ принцъ Евгеній безпрепятственно обошелъ Туринъ по отлогостямъ горъ, захватилъ транспортъ съ провіантомъ и запасами, слѣдовавшій къ французамъ изъ Сузы, и 7 сентября, выступивъ 8 колоннами, прибылъ на высоты, спускающіяся пологимъ скатомъ между Стурою и Дорою къ укрѣпленнымъ линіямъ и Турину. Господствовавшая

мѣстность позволяла ему обозрѣть не только все расположеніе непріятельской арміи, но и приготовленія, производимыя Дауномъ въ крѣпости для вылазки. Замѣтивъ нестройныя и безпорядочныя передвиженія французскихъ войскъ, онъ обратился къ герцогу Савойскому со словами: «мнѣ кажется, что эта армія въ половину уже разбита», и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ своей арміи спускаться въ долину и начать атаку, согласно отданной имъ наканунѣ диспозиціи. Диспозиція эта заключалась въ слѣдующемъ: «войска спускаются въ долину 8-ми колоннами (двѣ фланговыя изъ кавалеріи; двѣ среднія изъ артиллеріи). Приблизясь болѣе нежели на разстояніе пушечнаго выстрѣла къ укрѣпленіямъ, правыя четыре колонны развертываются влѣво и составляютъ первую линію; лѣвыя четыре вправо и составляютъ вторую линію; фланги линіи, для обезпеченія ихъ отъ обходовъ, должны быть примкнуты къ рѣкамъ Дорѣ и Стурѣ; разстояніе между линіями отъ 300 до 400 шаговъ. Въ линіяхъ между частями войскъ сохранять интервалы, равные частямъ, какъ для помѣщенія артиллеріи, такъ и взаимнаго поддержанія линіи. Въ головѣ каждой колонны слѣдуютъ сводные гренадерскіе батальоны, составленные изъ гренадерскихъ ротъ, отдѣленныхъ отъ своихъ батальоновъ, которые и начинаютъ атаку. По взятіи первой линіи укрѣпленій, первая линія пѣхоты останавливается въ ожиданіи приказаній и пропускаетъ впередъ кавалерію, которая преслѣдуетъ отступающаго непріятеля сколько возможно. Артиллерія слѣдуетъ за пѣхотою; обозы остаются позади за лѣвымъ крыломъ арміи. Правымъ крыломъ командуетъ принцъ Саксенъ-Готскій, центромъ Ребиндеръ, а лѣвымъ крыломъ принцъ Ангальтскій».

Эта диспозиція заслуживаетъ полнаго вниманія по своей краткости, ясности, опредѣленности и хорошо знакомитъ съ образомъ построенія войскъ въ бою, принятымъ въ это время. Даунъ съ своей стороны уговорилъ жителей, которые только могли носить оружіе, замѣнить собою войска охраняющія стѣны, собралъ весь гарнизонъ и намѣревался сдѣлать сильную вылазку въ Верчельскія ворота на лѣвый берегъ Доры. Марсень продолжалъ передвигать войска; но, желая при этомъ занять линіи повсему ихъ протяженію, могъ соединить между Стурою и Дорою не болѣе 8 т. Понимая, что эти силы недостаточны, онъ потребовалъ 12 т. войскъ отъ Альберготти; но послѣдній, испуганный демонстраціею савойской милиціи, не исполнилъ его приказанія.

Имперцы начали атаку флангами; но правое ихъ крыло, встрѣтивъ упорное сопротивленіе, нѣсколько отступило; лѣвое также заколебалось. Принцъ Евгеній во время подкрѣпилъ оба крыла войсками второй линіи и бой загорѣлся на всемъ протяженіи между Стурою и Дорою. На лѣвомъ флангѣ наконецъ имперцы прорвали циркумвалаціонную линію французовъ, а затѣмъ такой же успѣхъ имѣли и въ центрѣ и на правомъ крылѣ. Занявъ укрѣпленія, пѣхота первой линіи остановилась, пропустила впередъ кавалерію, которая, пользуясь разстройствомъ непрія-

теля, произвела блестящую атаку. Даунъ съ 7 т. сдѣлалъ вылазку и ударилъ на непріятеля съ тыла. Французы были окончательно разстроены и опрокинуты. Въ паническомъ страхѣ, ни мало не сопротивляясь, они обратились въ бѣгство. Напрасно Марсень и герцогъ Орлеанскій старались ихъ остановить; оба они были тяжело ранены; Марсень попался въ плѣнъ. Съ потерею начальниковъ исчезъ послѣдній порядокъ и французская армія, зажигая окрестные загородные дома, переправилась на правый берегъ Доры, бросила въ траншеяхъ всю свою осадную артиллерію и нестройными толпами начала отступать къ Пиньеролю. Распространившійся по берегамъ Доры пожаръ охватилъ пламенемъ домъ, въ которомъ лежалъ раненый Марсень и онъ погибъ въ ту самую минуту, когда собирался писать въ Парижъ о своемъ пораженіи.

Принцъ Евгеній не преслѣдовалъ разбитую армію, отчасти по причинѣ большихъ потерь и сильнаго утомленія войскъ, отчасти же и потому, что онъ опасался, чтобы превосходящая еще силами отступающая непріятельская армія, приведенная въ отчаянное положеніе, не рѣшилась бы защищаться до послѣдней крайности. Замѣтивъ же, что она вмѣсто того, чтобъ, перейдя По выше Турина, слѣдовать на Казале и перенести театръ дѣйствій на средній По, на соединеніе съ Медави, направилась къ Пиньеролю, добровольно отрѣзывая себя отъ войскъ дѣйствующихъ на Минчіо, онъ сказалъ герцогу Савойскому: Oh! pour le coup l'Italie est à nous et cette conquête ne nous doit rien couter!»

Альберготти съ своими 40 батальонами съ Капуцинской горы видѣлъ пораженіе товарищей, но ничего не предпринималъ для ихъ спасенія. Дождавшись развязки дѣла, онъ переправился чрезъ По и отступилъ также къ Пиньеролю. Потеря французовъ простиралась до 10 т. убитыми, ранеными и плѣнными; до 10 т. лошадей, весь осадный паркъ и обозы достались въ руки побѣдителей. Принцъ Евгеній имѣлъ на другой день торжественный въѣздъ въ Туринъ и донесъ о своей побѣдѣ императору и его союзникамъ. «Я предчувствовалъ пораженіе, писалъ съ своей стороны герцогъ Орлеанскій Людовику XIV, но виновникъ уже заплатилъ своею жизнью».

Французская армія продолжала отступать и, тревожимая при проходѣ чрезъ горы нападеніями горныхъ жителей, вышла изъ Пьемонта и расположилась на зимнихъ квартирахъ въ Савойѣ. Союзная же армія, пробывъ недѣлю въ Туринѣ, чтобъ дать отдыхъ войскамъ, раздѣлилась на двѣ части: принцъ Евгеній отправился для покоренія крѣпостей въ Миланскихъ владѣніяхъ, а герцогъ Савойскій въ Пьемонтѣ.

Между тѣмъ на Минчіо дѣла французовъ шли успѣшно. Принцъ Гессенскій, овладѣвъ Гоито, осадилъ съ 18 т. Кастильоне. Медави, не смотря на превосходство противника въ силахъ, рѣшился идти на выручку Кастильоне. Въ головѣ 13 т. онъ двинулся отъ Мантуи чрезъ Гвидиццоло. Принцъ Гессенскій вышелъ на встрѣчу и расположился въ равнинѣ, опираясь лѣвымъ флангомъ на Сольферино; въ центрѣ стояла пѣ-

хота, по флангамъ кавалерія. У Медави въ центрѣ 1-ой линіи стали 14 бат. и 13 оруд., а на обоихъ крыльяхъ по 7 эскадроновъ, между которыми поставлены гренадеры. Во второй линіи, въ центрѣ,—8 батальоновъ; 6 эскадр. на правомъ крылѣ и 7 на лѣвомъ; 3 эскадрона въ резервѣ. Столкновеніе было совершенно параллельно и началось канонадой и стрѣльбой съ обѣихъ сторонъ, затѣмъ гессенцы двинулись въ атаку и потѣснили центръ первой линіи противника и даже захватили орудія; но затѣмъ дѣло приняло внезапно иной оборотъ, когда на лѣвомъ крылѣ французская конница стремительно бросилась на противника и совершенно его разсѣяла; тогда и французская пѣхота обѣихъ линій центра ударила на имперцевъ, которые, не выдержавъ стремительнаго удара, обратились въ бѣгство. Имперцы понесли значительныя потери и принуждены были оставить Гоито и перейти на лѣвый берегъ Минчіо. По обычаю времени Медави не довершилъ пораженія преслѣдованіемъ. Но этотъ блестящій успѣхъ не могъ вознаградить неудачи на главномъ театрѣ дѣйствій.

Людовикъ XIV, не успѣвъ подкрѣпить войска Медави и не находя другихъ средствъ спасти ихъ, потому что принцъ Евгеній, покоривъ большую часть крѣпостей, отрѣзывалъ имъ сообщеніе съ Франціей, принужденъ былъ вступить въ переговоры, окончившіеся договоромъ 13 марта 1707 года, по которому французы сдали имперскимъ войскамъ всѣ занимаемыя ими въ Италіи крѣпости, за исключеніемъ Сузы; испанскія и швейцарскія войска объявлены военно-плѣнными; французскія же, въ числѣ 20 т., получили свободный пропускъ во Францію.

10 т. корпусъ, отряженный въ Неаполь, овладѣлъ этою провинціею.

Италія такимъ образомъ была безвозвратно потеряна для Людовика XIV и Филиппа V.

Разсматривая съ стратегической точки зрѣнія операціи Евгенія, нельзя не удивляться смѣлости и рѣшительности его дѣйствій, искусно задуманному и такъ смѣло и рѣшительно исполненному плану его дѣйствій.

Подобный образъ дѣйствій тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ имѣлъ мѣсто въ ту эпоху, когда боязнь за сообщенія играла весьма важную роль, дѣлая по необходимости дѣйствія нерѣшительными. Важность политической и военной цѣли оправдывала рѣшимость Евгенія бросить сообщенія съ Тиролемъ, потомъ съ Мирандолою, гдѣ былъ устроенъ имъ продовольственный базисъ. Не такъ какъ всѣ полководцы эпохи, Евгеній не занимается безполезною осадою крѣпостей. Онъ разсчитываетъ, что 33 крѣпости, занятыя французами, падутъ сами собою, если онъ достигнетъ главной цѣли—пораженія французской арміи на рѣшительномъ пунктѣ театра дѣйствій. Для достиженія этой цѣли онъ держитъ войска въ совокупности, отдѣливъ только необходимую часть силъ для произведенія диверсіи, чтобъ обмануть непріятеля и заставить его открыть дорогу по правому берегу По. Достигнувъ этого, онъ уже неуклонно стремится къ цѣли дѣйствій, смѣло проходитъ между первоклассными крѣпостями, Але-

ксандріей и Тортоной, и, соединясь съ герцогомъ Савойскимъ, идетъ на Туринъ, гдѣ и достигаетъ рѣшительнаго успѣха, дѣйствуя съ тою-же отвагою. Затѣмъ полное покореніе Италіи со всѣми ея крѣпостями было достойною наградою соображеній великаго полководца. Мы уже сказали нѣсколько словъ объ ошибочности распоряженій французскихъ полководцевъ. Гибельная система довѣрять судьбу страны бездарностямъ, а также раздѣленіе власти главнокомандующаго и здѣсь принесла плоды. Еслибъ исполнено было предложеніе герцога Орлеанскаго, то Евгеній могъ легко подвергнуться пораженію, такъ какъ французская армія превосходила его вдвое. Отступленіе къ Пиньеролю, вмѣсто средняго По, можно только оправдать безпорядками, происшедшими въ арміи вслѣдствіе потери начальниковъ.

Стратегическія соображенія Вильяра при Денонѣ въ 1712 году *).

1706 годъ былъ переломомъ въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола. Послѣ побѣды при Рамильи и блестящей итальянской кампаніи принца Евгенія, счастье явно переходитъ на сторону враговъ Франціи, которая уже перестаетъ мечтать о наступательныхъ дѣйствіяхъ, для чего потеряны были ею передовыя позиціи въ Баваріи и Ломбардіи, и должна заботиться исключительно о защитѣ своихъ границъ. Въ 1707 году непріятели вторгаются въ южные предѣлы государства и осаждаютъ Тулонъ; въ 1708 г. во Фландріи французы проигрываютъ сраженіе при Уденардѣ, въ 1709 г. счастіе снова имъ измѣняетъ при Мальплаке. Исторія переговоровъ, начатыхъ въ 1709 г., въ томъ видѣ какъ оно раскрывается оффиціальными французскими актами, доказываетъ совершенное изнуреніе Франціи въ 1711 году. Хотя смерть германскаго императора Іосифа, паденіе министерства торіевъ, представляли много благопріятныхъ шансовъ для перемѣны политики воюющихъ противъ Франціи державъ, но открытые въ Утрехтѣ переговоры о мирѣ тянулись въ ожиданіи успѣховъ военныхъ дѣйствій той или другой стороны. Союзники сосредоточили большія силы во Фландріи въ началѣ 1712 г., съ цѣлью исполнить предложенный Евгеніемъ планъ дѣйствій, по которому слѣдовало искать мира въ столицѣ Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ склонить этимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій на свою сторону Англію, готовую совершенно отъ нихъ отдѣлиться. Императоръ, которому наконецъ развязаны были руки усмиреніемъ Венгріи, послалъ въ Голландію всѣ войска, которыми могъ располагать. Генеральные штаты съ своей стороны не щадили издержекъ. Армія, собранная во Фландріи между Дуэ и Бушеномъ, подъ начальствомъ принца Евгенія, простиралась до 133 тыс. (180 бат. и 250 эск.), считая въ томъ числѣ

*) См. отчетную карту.

18 бат. и 16 эск. англійскихъ. Большая часть крѣпостей, и между прочими важная по стратегическому своему значенію Дуэ въ предѣлахъ Франціи, были захвачены въ предшествовавшія кампаніи.

Положеніе Франціи было опасно. Казалось монархія, столь гордая, располагавшая когда-то судьбами Европы, въ эпоху избытка матеріальныхъ и духовныхъ силъ, готова была пасть подъ ударами враговъ. Таланты Евгенія какъ полководца еще болѣе усиливали опасность. Но въ эти-то минуты тяжелаго испытанія проявилось все величіе души Людовика XIV. Старый 70-тилѣтній король призвалъ къ себѣ Вильяра и, подъ бременемъ испытанныхъ имъ превратностей судьбы и семейныхъ несчастій, сказалъ ему: «Богъ меня наказываетъ—я это вполнѣ заслужилъ; но отложимъ домашнія несчастія и посмотримъ, что можно сдѣлать, чтобы предотвратить таковыя для государства». Затѣмъ, объявивъ Вильяру о назначеніи его главнокомандующимъ, выразилъ ему свое полное довѣріе; но наученный горькимъ опытомъ, король предвидѣлъ возможность неудачи и спросилъ маршала, что дѣлать ему лично, если его послѣдняя армія будетъ разбита и дорога къ Парижу будетъ открыта непріятелю? Вильяръ молчалъ. Тогда Людовикъ сказалъ: «въ ожиданіи вашего мнѣнія, я вамъ выскажу свое... Я знаю р. Сомму—она трудно-проходима; тамъ есть крѣпости; я полагаю отправиться въ Перрону или въ С. Кантэнъ, соберу тамъ всѣ войска, какими буду располагать, сдѣлаю вмѣстѣ съ вами послѣднее усиліе и погибну или спасу государство, такъ какъ я никогда не соглашусь допустить непріятеля приблизиться къ моей столицѣ». Вильяръ отвѣчалъ: «наиболѣе смѣлыя рѣшенія часто наиболѣе благоразумны; я не вижу болѣе благороднаго, чѣмъ то, къ которому склонны ваше величество; но я надѣюсь на милость Божію, которая избавитъ насъ отъ такой крайности».

Вильяръ принадлежалъ къ числу высокоталантливыхъ полководцевъ и хотя на его дѣйствіяхъ замѣтенъ отпечатокъ господствовавшихъ стратегическихъ понятій того времени, тѣмъ не менѣе это былъ полководецъ проницательный, рѣшительный, рѣдко подчинявшійся рутинѣ и слѣдовавшій вдохновенію своего таланта. Онъ никогда не утомлялъ свои войска безполезными маневрированіями, ставилъ себѣ широкія цѣли и рѣшительно стремился къ ихъ достиженію. Въ то время, какъ другіе полководцы дробили свои войска, онъ держалъ ихъ сосредоточенными, вопреки получаемымъ имъ совѣтамъ и опредѣленнымъ указаніямъ. Въ 1705 г., когда ему предложили командовать итальянскою арміею вмѣсто Вандома, онъ писалъ: «пусть лучше назначатъ Марсеня; *онъ не отступитъ отъ даваемыхъ ему повелѣній, а я дѣйствую сообразно моимъ собственнымъ понятіямъ и обстоятельствамъ*; уважаю Вандома, но у каждаго свой обычай; отъ любитъ разсѣивать свои силы, *а я предпочитаю держать ихъ въ совокупности*» и т. д. Въ то время, какъ многіе полководцы эпохи избѣгали боя, Вильяръ постоянно ищетъ его, понимая всю его важность для рѣшенія вопросовъ войны; кромѣ того онъ

умѣетъ пользоваться побѣдою, развивая ея успѣхъ преслѣдованіемъ, что было не въ обычаяхъ того времени. Вотъ почему Вильяръ удостоивался у потомковъ названія «предтечи Наполеона».

Между тѣмъ съ октября мѣсяца политическое положеніе западной Европы значительно измѣнилось. Въ Англіи взяла верхъ партія тори, искусно руководимая С. Джономъ, будущимъ лордомъ Болингброкомъ; Мальборо былъ въ полной немилости; лишенный командованія, онъ долженъ былъ защищать свои административныя распоряженія противъ тяжкихъ обвиненій; общественное мнѣніе высказывалось противъ этой малополезной войны, причемъ находили, что со смертію Іосифа I и вступленіемъ на императорскій престолъ Карла VI уже не Франція, а Австрія угрожала интересамъ Англіи. По всѣмъ этимъ причинамъ С. Джонъ вступилъ въ тайные переговоры съ французами; эти переговоры привели къ выработкѣ прелиминарныхъ условій мира между Англіей и Франціей и рѣшенію созвать въ Утрехтѣ конгрессъ съ цѣлію всеобщаго примиренія. Вѣнскій дворъ, узнавъ объ этомъ, пустилъ все въ ходъ, чтобы остановить эти мирныя теченія, и отправилъ въ Лондонъ Евгенія, разсчитывая на его искусство и вліяніе, чтобы побудить Англію къ войнѣ; но Евгеній испыталъ совершенную неудачу въ этой миссіи и возвратился въ Брюссель почти въ то самое время, когда Вильяръ прибылъ въ Камбре.

Переговоры Франціи съ Англіей привели къ тому, что герцогу Ормонду, командовавшему англійскими войсками, дано было секретное предписаніе не дѣйствовать наступательно, а потомъ и прекратить военныя дѣйствія. За то французскій король долженъ былъ признать мирныя условія 1711 года и уничтожить укрѣпленія Дюнкирхена; Филиппъ V долженъ былъ отречься отъ французской короною.

Но тѣмъ не менѣе военныя дѣйствія открылись весною. Вильяръ поспѣшилъ къ арміи, сосредоточенной между верховьями Шельды и Скарпы и считавшей подъ ружьемъ до 93 тыс. (140 бат. и 230 эск.),

Важность вопросовъ, которые должна была рѣшить предстоявшая кампанія, когда дѣло шло о судьбѣ самой Франціи, колоссальность развитыхъ воюющими державами средствъ; борьба двухъ такихъ противниковъ, какъ Евгеній и Вильяръ, равно искусныхъ и далеко опередившихъ въ образѣ дѣйствій современныя понятія о военномъ дѣлѣ, наконецъ, особенность самого театра дѣйствій, заставлявшаго и этихъ великихъ полководцевъ подчиняться во многомъ общей, господствовавшей рутинѣ, наконецъ, особенность въ тактическомъ отношеніи сраженія при Денен̀ѣ, придаютъ кампаніи 1712 г. много научнаго интереса и заставляютъ обратить на нее особенное вниманіе.

Мы уже замѣтили, говоря вообще объ образѣ веденія войны въ эпоху Людовика XIV, о той важности, которую, вслѣдствіе маніи вѣка къ осаднымъ войнамъ, придавали театру дѣйствій въ Нидерландахъ, считая его лучшею школою для полководцевъ. Но съ другой стороны мы

замѣтили, что, не смотря на то, что обѣ воюющія стороны сосредоточивали здѣсь весьма значительныя силы, характеръ войнъ былъ медленный и нерѣшительный, причинами чего были: 1) мѣстность края, перерѣзанная теченіемъ большихъ рѣкъ, покрытая лѣсами и болотами, затруднявшими наступательныя дѣйствія; 2) множество крѣпостей, расположенныхъ рядами на пространствѣ между Рейномъ и сѣверными границами Франціи, и укрѣпленныхъ линій, тянувшихся отъ Мааса за рѣкою Мозелемъ и Дилемъ по Шельдѣ и за Брюггскимъ каналомъ; 3) армія союзниковъ составлялась изъ войскъ разныхъ государствъ, подъ командою нѣсколько частныхъ начальниковъ, не всегда подчинявшихся главнокомандующему; 4) голландское правительство стѣсняло распоряженія полководцевъ,имѣя въ виду, чтобы при неудачѣ рѣшительныя дѣйствія не открыли непріятелю пути въ собственные предѣлы Голландіи. Предметами дѣйствія были крѣпости или укрѣпленные большіе города; время проходило въ осадѣ и оборонѣ ихъ, а дѣйствія собственно въ полѣ ограничивались по большей части прикрытіемъ осадъ, покушеніями на сообщенія противника, малою войною. Часто арміи, расположившись за укрѣпленными линіями, не рѣшались атаковать другъ друга и проводили большую часть кампаніи въ бездѣйствіи.

Послѣ успѣховъ 1709 и 1710 годовъ союзникамъ удалось совершенно вытѣснить французовъ изъ Испанскихъ Нидерландовъ, а въ 1711 овладѣть крѣпостью Бушенъ въ тогдашнихъ французскихъ владѣніяхъ.

Евгеній въ первыхъ числахъ мая прибылъ къ арміи, расположенной между Дуэ и Бушенемъ и считавшей подъ ружьемъ около 134 тыс., но въ это время герцогъ Ормондъ уже получилъ секретное предписаніе, о которомъ мы говорили выше, отъ своего двора. Версальскій кабинетъ увѣдомилъ о томъ же Вильяра.

Евгеній зналъ объ этомъ, а потому рѣшился нанести какъ можно быстрѣе рѣшительный ударъ въ сердце Франціи. Французская армія была расположена на линіи Аррасъ—Камбрэ—Ландреси, причемъ главныя силы и главная квартира находились въ Камбрэ. Линія эта была вполнѣ искусственная; ни рѣки, ни горные хребты ее не усиливали. Во всемъ сѣверо-восточномъ участкѣ Франціи, всѣ рѣки, за рѣдкимъ исключеніемъ, имѣютъ направленіе перпендикулярное границѣ и ихъ долины обозначаютъ собою пути для вторженія вглубь страны. Между этими естественными путями, долины Шельды и Самбры особенно замѣчательны; обѣ онѣ упираются въ одно плато, отъ котораго, въ свою очередь, отходитъ долина Уазы и приводитъ побѣдоносную армію прямо къ Парижу. Этотъ то путь и намѣтилъ себѣ Евгеній. По обычаю того времени, чтобъ двинуться въ пространство между верховьями Шельды и Самбры, слѣдовало предварительно взять крѣпости Валансіеннъ, Мобежъ, Камбре, Кенуа и Ландреси, лежавшія на пути. Но Евгеній справедливо разсчиталъ, что осада этихъ крѣпостей потребуетъ слишкомъ много времени, которое съ большею выгодою, пользуясь значительнымъ превосходствомъ силъ,

можно употребить въ полѣ, а потому онъ рѣшился ограничиться только покореніемъ Кенуа и Ландреси, необходимыхъ по его мнѣнію для обезпеченія сообщеній. Валансіеннъ, мѣшавшій его транспортамъ подыматься до Бушена, онъ сильно наблюдалъ. Маршіенъ на Скарпѣ былъ общимъ складочнымъ пунктомъ; огромныя морскія суда, баландры, нагруженныя хлѣбомъ, боевыми припасами, осадными орудіями, свободно туда подымались отъ Антверпена. Старинный лагерь Вильяра у Денена, былъ расширенъ, усиленъ, усовершенствованъ и связанъ съ Маршіеномъ двумя линіями валовъ, между которыми двигались свободно транспорты. Два моста у Денена связывали болотистыя берега глубокой Шельды; на правомъ берегу рѣки шла новая, укрѣпленная линія, направлявшаяся къ р. Экальону, долина которой выводила къ Кенуа. Параллельно Экальону течетъ другая небольшая рѣка—Селль, впадающая въ Шельду почти у Денена. Обѣ эти рѣчки не широки, но глубоки, въ крутыхъ берегахъ, такъ что проходимы только по мостамъ. Мѣстность ровная и открытая, способствующая маневрированію значительныхъ армій, но затрудняющая скрытныя предпріятія. Только въ направленіи къ Ландреси рельефъ принимаетъ болѣе опредѣленныя формы и очертанія.

Согласно принятаго плана, послѣ нѣсколькихъ демонстрацій, чтобъ удержать французовъ на р. Сансе, Евгеній оставилъ въ Дененѣ 13 голландскихъ баталіоновъ и 30 эскадроновъ, подъ начальствомъ Элбемарле (Albermarle), перешелъ 26 мая со всею арміею Шельду между крѣпостью Бушенемъ и рѣкою Селль и занялъ позицію впереди послѣдней на холмистыхъ плато, упираясь правымъ флангомъ въ Невиль, лѣвымъ въ Вильеръ. Евгеній притянулъ къ себѣ и англійскія войска, командующій которыми герцогъ Ормондъ, посвященный въ тайны дипломатическихъ переговоровъ, клонившихся къ миру, а съ другой стороны, побуждаемый Евгеніемъ, находился въ затруднительномъ положеніи. Вильяръ съ 93 т., расположенный между Сансе и Скарпою, какъ только узналъ о движеніи противника, самъ послѣдовалъ за нимъ и расположился за Шельдою близь Камбрэ, имѣя лѣвый флангъ у Сансе, а правый протянувъ до Гоннекура. Евгеній, не смотря на то, что имѣлъ на флангѣ Вильяра, все таки хотѣлъ, двинувшись къ верховьямъ Шельды, идти въ глубь Франціи. Съ этою цѣлью Евгеній предложилъ Ормонду быстро двинуться противъ лѣваго фланга Вильяра, обойти и атаковать его съ фланга и тыла, но Ормондъ колебался и рѣшилъ выжидать приказаній изъ Лондона. Это сильно раздражало Евгенія и голландскихъ депутатовъ; произошла бурная сцена, причемъ Ормондъ выразилъ согласіе поддержать союзную армію, если она предприметъ атаку. Между тѣмъ и Вильяръ не былъ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; инструкціи короля строго воспрещали ему всякія наступательныя операціи. При такихъ обстоятельствахъ, не надѣясь на активное содѣйствіе Ормонда, Евгеній послѣдовательно перешелъ рѣки Селль и Экальонъ и обложилъ 8 іюня Кенуа, прикрывая осаду арміею, расположенною

вдоль Экальона до Денена и далѣе до Маршіена. Ормондъ не далъ ничего изъ своихъ войскъ Евгенію, но утвердился у Като-Камбрези, между Вильяромъ и осаждающимъ. Наконецъ, прелиминарный договоръ между англичанами и французами былъ заключенъ, о чемъ немедленно 2 іюня было сообщено Вильяру. Послѣдній явился въ главную квартиру союзниковъ и предложилъ имъ снять осаду Кенуа, грозя въ противномъ случаѣ увести съ собою всѣ войска, бывшія на жалованіи Англіи. Но предложеніе его не встрѣтило ни малѣйшаго сочувствія, а часть его войскъ, состоявшая не изъ англичанъ, выразила желаніе остаться на службѣ у союзниковъ, такъ что онъ могъ увести съ собою почти только собственно англійскій корпусъ, т. е. ок. 12 т. чел. Армія Евгенія сократилась до 118 т. ч. (160 б., 228 эск.). Партизанскій отрядъ въ 1200 коней, посланный Евгеніемъ, прошелъ всю Пикардію и Шампань, распространяя повсюду грабежемъ ужасъ. Безпрепятственное его возвращеніе лучше всего показываетъ въ какомъ положеніи находилась тогда Франція, когда какіе нибудь 1000 человѣкъ могли безнаказанно предавать страну грабежу и пламени.

Между тѣмъ гарнизонъ Кенуа сдался и Евгеній, настойчиво продолжая держаться перваго плана, приступилъ 17 іюля къ осадѣ Ландреси.

Вильяръ все это время простоялъ въ бездѣйствіи за Шельдою, вслѣдствіе инструкцій двора, приказывавшаго ограничиваться маневрами до отдѣленія англичанъ отъ союзниковъ. Успѣхи Евгенія подъ Кенуа и осада Ландреси напугали версальскій дворъ. Людовикъ требовалъ, чтобы Вильяръ защищалъ Ландреси во чтобы то ни стало и искалъ боя съ противникомъ, для чего двинулся-бы къ р. Селль. Подобные-же совѣты подавалъ и военный министръ. Между тѣмъ при движеніи къ Ландреси комуникаціонная линія Евгенія находилась въ весьма невыгодномъ и опасномъ положеніи, причемъ его главные запасы находились верстахъ въ 35 отъ фланга арміи. Сознавая это, Евгеній желалъ измѣнить свою операціонную линію, для чего перенести базисъ въ Кенуа и имѣть путь отступленія на Монсъ и Атъ, но голландское правительство этому воспротивилось. Невыгоды положенія Евгенія понимались и въ Парижѣ, причемъ военный министръ указывалъ на это, но полагалъ, что слѣдовало попытаться отрѣзать сообщенія Евгенія только особымъ отрядомъ. Эти указанія были сдѣланы Вильяру еще 1-го іюля; но пока союзная армія была сосредоточена у Кенуа и Валансіенна атака комуникаціонной линіи была совершенно невозможна. Евгеній съ высотъ Керененга, въ 4 верстахъ отъ Денена, могъ слѣдить за всѣми движеніями Вильяра и своевременно ввести въ укрѣпленныя линіи достаточное для ихъ защиты число войскъ. По этимъ соображеніямъ парижскій проектъ, какъ Вильяромъ такъ и собраннымъ имъ военнымъ совѣтомъ, былъ единодушно отвергнутъ. Такимъ образомъ оставалось исполнить приказаніе короля—двинуться къ верхнему Селлю и тамъ искать боя съ противникомъ, не допуская

его къ осадѣ Ландреси. Тѣмъ не менѣе Вильяръ, у котораго быть можетъ уже назрѣвала идея рѣшительнаго удара Евгенію, неохотно приступилъ къ выполненію указанной ему операціи. Выступивъ 19-го числа, онъ на слѣдующій день подошелъ къ Като-Камбрези и расположилъ свою армію по р. Селль, выжидая атаки Евгенія. 21-го онъ ограничился высылкой кавалерійскихъ развѣдочныхъ партій и отправился самъ на рекогносцировку расположенія Евгенія, который обложилъ Ландреси 34 баталіонами и 30 эскадронами, заключившимися въ циркумъ и контръ-валаціонныя линіи, а остальная часть арміи, подъ личнымъ его начальствомъ, прикрывала осаду, расположившись на удобной позиціи правымъ флангомъ къ Бермерену, центромъ у Пуа и лѣвымъ флангомъ у Самбры, имѣя позади Мормальскій лѣсъ. Фронтъ прикрывался р. Экальономъ и небольшимъ лѣсомъ у Ландреси. Промежутокъ между этимъ лѣсомъ и Самброй былъ загороженъ линіей укрѣпленій, снабженныхъ артиллеріей. Вильяръ понялъ, что онъ прибылъ слишкомъ поздно, чтобы воспрепятствовать осадѣ Ландреси и испрашивалъ у двора новыхъ приказаній. Въ ожиданіи возвращенія курьера, Вильяръ сталъ, по его словамъ, пріискивать средство, которое, за невозможностью дать сраженіе въ открытомъ полѣ, было-бы столь же гибельно для непріятеля. Его мысль была привлечена къ Маршіену. Вскорѣ онъ получилъ отвѣтъ короля, который извѣщалъ, что такъ какъ Вильяръ считаетъ неудобоисполнимой идею атаки Маршіена для того, чтобы перерѣзать сообщенія Евгенія, то онъ повторяетъ ему прежній свой приказъ—воспрепятствовать осадѣ Ландреси. Въ то-же время военный министръ Вуазенъ писалъ гр. Броліо, что, по его мнѣнію, атака Денеискихъ укрѣпленій представляетъ наиболѣе выгодъ, и просилъ сообщить объ этомъ Вильяру.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Вильяръ окончательно остановился на этой мысли *) и отдался ей со свойственной ему энергіей, дѣятельностью и проницательной предусмотрительностью **). Но эта операція, чрезвычайно хорошо задуманная, представляла большія затрудненія въ исполненіи. Нужно было переправиться чрезъ Шельду между крѣпостями Бушенъ и Денен, занятыми имперцами и находившимися въ 2-хъ миляхъ (14 верстъ) разстоянія одна отъ другой, имѣть въ тылу Дуэ съ

*) Мнѣніе, что будто-бы идея атаки Денеискихъ укрѣпленій принадлежитъ Монтескье, совершенно опровергнуто, по архивнымъ документамъ, г. де Вогюе.

**) Напомнимъ, что сообщенія Евгенія съ Маршіеномъ производились сухопутно на разстояніи 20 верстъ до Шельды и затѣмъ черезъ мосты въ Денен и Пруви. Въ первомъ пунктѣ мостъ былъ обезпеченъ предмостнымъ укрѣпленіемъ на лѣвомъ берегу рѣки. Сильные посты разставлены были въ Мортанѣ, С. Аманѣ и Ганонѣ на Скарпѣ. На пространствѣ между Маршіеномъ и Денеиомъ возведены непрерывные земляные валы, усиленные по мѣстамъ редутами,—родъ земляиаго капонира, какъ замѣчаетъ Наполеонъ. Линіи эти названы были *большою парижскою дорогою* (grand chemin de Paris). Чтобы обезпечить ихъ Евгеній помѣстилъ въ Маршіенѣ 4 т. и около 11 т. подъ начальствомъ Элбермарле въ Денен ([227]).

8 т. гарнизономъ, а въ случаѣ неудачи Вильяръ могъ быть отрѣзанъ отъ сообщеній съ Франціей; дорога къ Парижу открывалась Евгенію. Для успѣха требовалась быстрота и рѣшительность, а главное—скрытность первоначальной операціи наведенія мостовъ на Шельдѣ. Планъ этотъ Вильяръ хранилъ въ величайшей тайнѣ. Чтобъ обмануть Евгенія на счетъ своихъ намѣреній, онъ направилъ своихъ гусаръ къ р. Селль, противъ фронта имперской арміи, съ приказаніемъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не переходилъ на ту или другую сторону, и въ то-же время графъ Коаньи посланъ былъ съ частью понтоннаго парка къ Ландреси съ приказаніемъ заготовить мостъ и фашины, какъ будто въ намѣреніи атаковать линіи подъ этою крѣпостью *); часть войскъ получила приказаніе слѣдовать туда же. Евгеній дался въ обманъ. Узнавъ о приближеніи французовъ къ Ландреси, онъ послалъ туда 10 баталіоновъ и придвинулъ правое свое крыло ближе къ этой крѣпости.

Какъ только Вильяръ узналъ объ успѣхѣ своихъ соображеній, онъ немедленно направилъ 23 іюля вечеромъ 30 батальоновъ съ понтоннымъ паркомъ къ Невилю (на разстояніи одного лье ниже Бушеня), съ приказаніемъ немедленно приступить тамъ къ наводкѣ мостовъ. 30 эскадроновъ кавалеріи лѣваго крыла, подъ начальствомъ Брольо, должны были прикрывать движеніе перваго отряда, слѣдуя вдоль р. Селль; вслѣдъ за ними направилась и вся армія въ нѣсколькихъ колоннахъ; графу же Коаньи приказано было продолжать диверсію противъ Ландреси и атаковать циркумвалаціонныя линіи. Чтобы изъ крѣпости Бушена не успѣли увѣдомить Евгенія, Вильяръ тѣсно обложилъ этотъ городъ, приказавъ въ то же время гарнизону Валансьенна содѣйствовать главной арміи.

24 іюля въ 8 часовъ утра мосты были готовы и часть французской пѣхоты и кавалеріи успѣла переправиться, не будучи открыта непріятелемъ и затѣмъ направилась къ Парижской дорогѣ. Наконецъ прискакало нѣсколько непріятельскихъ эскадроновъ, но, не успѣвъ остановить переправу, принуждены были быстро отступить въ линіи. Для защиты укрѣпленій было едва 10 слабыхъ баталіоновъ, подъ начальствомъ графа Доны. Еще наканунѣ, на замѣчаніе Альберготти о трудности атаки непріятельскихъ укрѣпленій Вильяръ, возразилъ: «отдохните нѣсколько часовъ. Завтра въ 3 ч. утра вы узнаете, въ самомъ ли дѣлѣ непріятельскія линіи такъ крѣпки, какъ вы полагаете».

Французская армія, полная энергіи и довѣренности къ вождю, быстро двинулась къ Парижской дорогѣ. Альберготти просилъ приготовить фашины, чтобы заполнить рвы, но Вильяръ, увидя подходившія непріятельскія войска, замѣтилъ: фашинами послужатъ тѣла тѣхъ нашихъ людей, которые первыми упадутъ въ ровъ. Укрѣпленія были мгновенно

*) «Двинуться туда со всею поспѣшностью, такъ какъ дѣло не терпитъ отлагательства».

взяты и уничтожено до 500 человѣкъ, конвоировавшихъ транспортъ изъ Маршіена. Вильяръ расположился перпендикулярно къ большому Парижскому пути, входя въ связь лѣвымъ крыломъ съ вышедшимъ изъ Валансьенна гарнизономъ. Однако жъ дѣло было далеко не окончено: предмостное укрѣпленіе не было еще взято. Евгеній могъ перейти р. Селль, напасть на хвостъ еще не перешедшей вполнѣ чрезъ Шельду арміи и сбросить ее въ рѣку, отрѣзывая Вильяра отъ основанія его дѣйствій. Маршалъ приказалъ хвосту своихъ войскъ перестроиться въ боевой порядокъ и войти немедленно въ прошлогоднія циркумвалаціонныя линіи Бушена, гдѣ держаться во что бы то ни стало, а самъ, собравъ всѣ остальныя войска, приготовился къ немедленному нападенію на Денень. Около 1-го часа облака пыли, показавшіяся со стороны Ландреси, извѣстили маршала о приближеніи Евгенія. Но уже было поздно. Маршалъ Монтескье повелъ атаку на Денень. Замѣчательно построеніе имъ принятое. Гиберъ разсказываетъ, что незадолго до Денепскаго сраженія, знаменитый Фоларъ, долгое время находившійся въ немилости при французскомъ дворѣ, представилъ королю, что причиною неудачъ французовъ былъ строй, принятый во французской арміи, исключительное предпочтеніе огнестрѣльнаго дѣйствія, слѣдовательно тонкимъ линіямъ, и пренебреженіе колоннами. Французское правительство отправило его во Фландрію къ Вильяру, которому онъ предложилъ знаменитую свою колонну, примѣненною Монтескье при атакѣ Денепскаго предмостнаго укрѣпленія. Но предоставимъ лучше разсказывать самому Фолару, бывшему очевидцемъ дѣла.

«Маршалъ Монтескье построилъ 40 батальоновъ не въ нѣсколько линій, по обыкновенному способу, когда нельзя сражаться длиннымъ фронтомъ; но поставилъ ихъ одинъ въ хвостѣ другого, *почти въ колонну*, еслибъ не были въ 4 шеренги и не на дистанціяхъ, чтобъ имѣть вѣсъ и силу моихъ колоннъ. Какъ бы то ни было, этотъ маршалъ, получивъ приказаніе, становится въ головѣ пѣхоты, идетъ прямо на укрѣпленія и овладѣваетъ ими безъ всякой почти потери» ([228]). Въ укрѣпленіи завязалась жестокая рукопашная свалка; но союзники не выдерживаютъ натиска. Часть ихъ бросается въ безпорядкѣ на мостъ, который рушится подъ бѣгущими и повозками обоза. Часть ихъ бросается ниже, чтобъ искать спасенія чрезъ мостъ въ Пруви; но мостъ этотъ былъ уже занятъ французскимъ отрядомъ, такъ что они принуждены были положить оружіе. Пораженіе союзниковъ было полное. Почти никто изъ участвовавшихъ въ защитѣ Денена не успѣлъ спастись. Нѣсколько генераловъ, 189 офицеровъ и 2962 нижнихъ чиновъ взяты въ плѣнъ. Множество офицеровъ и солдатъ утонули въ Шельдѣ. Французамъ весь этотъ блестящій успѣхъ стоилъ не болѣе 500 человѣкъ. Едва было окончено дѣло, какъ прибылъ принцъ Евгеній, направившійся къ Пруви, чтобъ здѣсь форсировать переправу чрезъ Шельду, но, встрѣченный сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ съ лѣваго берега рѣки

и потерявъ еще до 800 человѣкъ, онъ принужденъ былъ начать отступленіе и возвратился обратно въ свой лагерь при Ландреси.

Такъ кончилась знаменитая Денская битва, рѣшившая судьбу кампаніи, произведя разницу, какъ говоритъ маршалъ Морицъ Саксонскій, болѣе нежели въ 100 батальоновъ въ числительности воюющихъ армій, покрывшая французскую армію славою и доставившая ея талантливому полководцу почетнѣйшій титутъ спасителя отечества.

Вильяръ превосходно воспользовался своею побѣдою. 26 іюля Брольо овладѣлъ всѣми постами по Скарпѣ, Мортанемъ, Ганономъ и С. Аманомъ, и взялъ 1500 ч. въ плѣнъ. 30 сдался Маршіенъ маршалу Монтескье съ гарнизономъ въ 4 т.; всѣ огромные склады, находившіеся въ этомъ городѣ, также какъ и суда, были взяты. Между прочими запасами найдено 200 орудій.

Всѣми этими дѣйствіями армія Евгенія уменьшилась на 25 батал. и 10 эскадр. (16 т. челов.). Вильяръ въ свою очередь, со времени перемирія съ англичанами, не опасаясь за приморскіе пункты, приказалъ гарнизонамъ ихъ слѣдовать на соединеніе съ арміей, что доставило ему лишнихъ 50 батал., а вслѣдствіе этого уже большее превосходство въ силахъ надъ противникомъ. Онъ имѣлъ уже до 120 тыс. (190 бат. и 250 эскадр.), тогда какъ армія Евгенія уменьшилась до 100 тыс. (135 бат., 220 эскадр.)

Съ этими силами Вильяръ рѣшился двинуться теперь на освобожденіе Ландреси, но Евгеній уже снялъ осаду этого города и, бросивъ всю осадную артиллерію въ Кенуа, усиливъ гарнизонъ этой крѣпости, направился къ Монсу.

Тогда Вильяръ, пользуясь выгоднымъ своимъ положеніемъ между Шельдою и Скарпою, рѣшился приступить къ осадѣ Дуэ и началъ строить линіи. Узнавъ объ этомъ, Евгеній изъ Монса, чрезъ Турнэ, поспѣшилъ на помощь къ осажденной крѣпости. Вильяръ, расположившись за каналомъ Дуэ, не позволилъ къ ней подойти. 8-го сентября, чрезъ 25 дней по открытіи траншей, сдался Дуэ съ 14 баталіонами его защищавшими. Евгеній отступилъ къ Турнэ. Пользуясь этимъ, Вильяръ быстро двинулся къ Кенуа, чтобъ, обложивъ этотъ городъ, захватить въ немъ осадную артиллерію, оставленную Евгеніемъ. Евгеній проникъ его намѣреніе и двинулся на помощь, но и здѣсь опоздалъ. Неутомимый противникъ уже успѣлъ стать съ большею частію артиллеріи между нимъ и осажденнымъ Кенуа на крѣпкой и еще усиленной укрѣпленіями позиціи за р. Гонно. Кенуа сдался 4-го октября на капитуляцію съ гарнизономъ въ 8 тыс. чел. и 100 орудій. 18 октября сдался обложенный французами Бушенъ. Эти дѣйствія были послѣдними. Въ концѣ октября Евгеній отправился на зимнія квартиры къ Брюсселю, а Вильяръ расположилъ войска свои по границамъ. Такъ кончилась эта блестящая для французовъ Денская кампанія, въ которой они выиграли блестящее сраженіе, овладѣли 3-мя важными крѣпостями, 2-мя

укрѣпленными лагерями, 53 батальонами, обширными магазинами, множествомъ обозовъ и запасовъ для производства 3-хъ осадъ ([229]).

Разсматривая кампманію 1712 года съ стратегической точки зрѣнія, мы находимъ много въ высокой степени поучительнаго въ дѣйствіяхъ обоихъ великихъ полководцевъ. Какъ планъ Евгенія, вторгнуться въ предѣлы Франціи, чтобъ рѣшительнымъ ударомъ окончить войну, такъ и съ другой стороны рѣшеніе короля съ силами, уступавшими силамъ союзниковъ, искать спасенія государства не въ пограничныхъ крѣпостяхъ, а въ рѣшительной битвѣ,—заслуживаютъ полнаго вниманія.

Но нельзя не замѣтить, что Евгеній отдалъ дань вѣку и тѣмъ потерялъ драгоцѣнное время для исполненія своего плана, приступая къ осадѣ крѣпостей Кенуа и Ландреси. Были-ли эти крѣпости на столько важны, чтобы жертвовать для нихъ временемъ, терять войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать время противнику усилиться и въ особенности выждать успѣха переговоровъ, веденныхъ съ Англіею? Евгеній объ этомъ зналъ, слѣдовательно долженъ былъ торопиться нанесеніемъ рѣшительнаго удара. Онъ превосходилъ противника 25 т. войскъ, а слѣдовательно могъ съ вѣроятностью разсчитывать на успѣхъ. Приносили-ли крѣпости ту пользу, которую ожидалъ отъ нихъ Евгеній? Очевидно нѣтъ. Кромѣ того что по взятіи ихъ онъ долженъ былъ ослабить свою армію отдѣленіемъ въ нихъ гарнизона,—онѣ отнимали отъ него драгоцѣнную иниціативу въ дѣйствіяхъ, перенося его въ узкую сферу прикрытія осады. Личный опытъ войны 1706 г. краснорѣчивѣе всего говорилъ, что 33 крѣпости не спасли Италію, когда французская армія была разбита подъ Туриномъ, и сдались безусловно на капитуляцію. Обезпечивали-ли крѣпости тылъ наступающей армій? Нѣтъ. Самъ Евгеній въ 1706 году проходилъ спокойно линію первоклассныхъ крѣпостей, которыя не оказывали рѣшительно никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій. Тоже самое повторилось въ этой самой кампаніи: кавалерійскій имперскій отрядъ прошелъ всю Шампань и Лотарингію, наполненныя крѣпостями, безъ всякаго сопротивленія со стороны послѣднихъ. Въ ту же кампанію, французскій партизанскій отрядъ, въ продолженіе осады Дуэ, перешелъ за Мозель въ тылъ расположенія союзниковъ, достигъ Роттердама, взялъ 2 голландскихъ города, навелъ на всю страну страхъ и вернулся невредимъ, хотя ему приходилось проходить мимо многочисленныхъ крѣпостей съ сильными гарнизонами, которые оставались спокойными зрителями. Наконецъ необходимости брать Кенуа и Ландреси не было никакой уже и потому, что Евгеній имѣлъ и безъ того много крѣпостей въ тылу съ сильными гарнизонами и въ расположеніи своемъ между Шельдою и Скарпою онъ имѣлъ на флангахъ двѣ сильныя крѣпости Дуэ и Бушенъ, а запасы продовольствія получались изъ Англіи и Турнэ. Удаляясь къ Ландреси и Кенуа, онъ предоставлялъ крѣпости на произволъ непріятеля, а главное—оставлялъ основаніе дѣйствій на флангѣ, чѣмъ и воспользовался талантливый его противникъ. Правда, что, перенося театръ

дѣйствій къ Кенуа и Ландреси, Евгеній намѣревался перемѣнить и операціонную линію, направляяся на Монсъ и Атъ, но былъ въ этомъ стѣсненъ распоряженіями голландскаго правительства. Впрочемъ и мѣры его для обезпеченія сообщенія съ Маршіеномъ нераціональны. Наполеонъ говоритъ ([230]), что ошибки заключались въ слѣдующемъ: 1) транспортное сообщеніе съ Маршіеномъ производилось ежедневно, безъ конвоя, въ довѣріи къ линіямъ, слишкомъ обширнымъ, а потому слабымъ и дурно охраняемымъ, и 2) въ томъ, что прикрывающій отрядъ, или, лучше сказать, резервъ помѣщенъ былъ на лѣвомъ берегу Шельды, удаленный отъ главныхъ силъ на 3 мили и отдѣленный отъ нихъ большою рѣкою.

Если уже Евгеній долженъ былъ оставаться при сообщеніяхъ съ Маршіеномъ, то, по мнѣнію великаго полководца, слѣдовало: 1) вовсе не строить большой Парижской дороги и производить сообщеніе только транспортами разъ въ мѣсяцъ, что было совершенно достаточно; 2) обезпечить Денеискій мостъ сильнымъ укрѣпленіемъ, безопаснымъ отъ нападенія, резервъ же поставить на правомъ берегу Шельды, чтобы онъ былъ въ близкомъ сообщеніи съ лагеремъ.

Дѣйствія Вильяра во время осады крѣпостей Евгеніемъ вполнѣ сообразные обстоятельствамъ. Онъ уступалъ противнику въ числѣ, а потому, хотя и имѣлъ полномочіе отъ короля вступить въ рѣшительную битву,—не рѣшался на нее безъ благопріятныхъ шансовъ для успѣха.

Когда же англичане отдѣлились отъ Евгенія и онъ принужденъ былъ оставить гарнизонъ въ покоренномъ Кенуа, Вильяръ, какъ всѣ великіе полководцы, считающій каждый лишній батальонъ выгоднымъ шансомъ для успѣха, дѣйствуетъ уже рѣшительнѣе. Не зная о намѣреніяхъ противника, онъ, чтобы удостовѣриться, смѣло переходитъ чрезъ Шельду и занимаетъ позицію противъ Евгенія на Селлѣ, вызывая его на битву. Если-же бы Евгеній вздумалъ обходить правый флангъ его расположенія, перейдя въ наступленіе уже съ равными силами, онъ могъ отбросить противника при удачѣ въ болотистыя мѣстности страны верховьевъ Самбры и Уазы. Видя что противникъ остается спокойнымъ на своихъ линіяхъ и на крѣпкой позиціи, Вильяръ самъ ищетъ боя. Фронтальная атака, при равныхъ силахъ, не могла представить надежды на успѣхъ. Вильяръ, осматривая расположеніе противника, находитъ въ немъ больное мѣсто и немедленно рѣшается имъ воспользоваться; какъ истинно талантливый полководецъ, онъ придаетъ крѣпостямъ надлежащее значеніе. Онъ не боится того, что въ Дуэ и Бушенѣ 12000 ч. гарнизона, что такія же силы находятся и въ Денеиѣ, а можетъ быть именно и разсчитывалъ, что повидимому сила этого четыреугольника должна была удалять опасенія непріятелей. Онъ смѣло бросается на него, обманувъ предварительно бдительность Евгенія диверсіею на Ландреси, переправляется въ виду Бушена и Денена чрезъ Шельду, прорываетъ Парижскую дорогу, штурмуетъ Дененъ и заставляетъ гарнизонъ его положить оружіе до прибытія Евгенія. Разсчеты его оправдались блестящимъ образомъ; крѣ-

пости, во взятіи которыхъ прошли цѣлыхъ двѣ кампаніи, стоившія такъ дорого, не принесли рѣшительно никакихъ процентовъ съ потраченнаго на нихъ такого огромнаго капитала. Замѣчательно, что Вильяръ ничѣмъ не пренебрегъ для обезпеченія успѣха и лучше распорядился нежели Евгеній, притянувъ къ себѣ въ рѣшительную минуту гарнизонъ Валансьенна. Наконецъ можно указать, что какъ только Евгеній узналъ о движеніи Вильяра къ Денену, ему не слѣдовало идти на помощь Денену и искать возлѣ этого пункта рѣшительной битвы. Несравненно было бы опаснѣе для Вильяра, если-бы австрійскій главнокомандующій бросился всею массою силъ на Бушенъ, разбилъ бы оставленный въ линіяхъ этой крѣпости французскій отрядъ и, опираясь на Бушенъ и Дуэ, отбросилъ бы противника въ cul de sac, образуемый теченіемъ Скарпы и Шельды, отрѣзывая его отъ сообщеній съ Франціею. Еслибъ войска имперскія не спаслись отъ пораженія, то эту неудачу Евгеній могъ вознаградить у Бушена и вмѣстѣ съ тѣмъ поставить противника въ самое опасное положеніе. Онъ не показалъ обычной своей рѣшительности, поспѣшивъ къ Денену, гдѣ, не принеся никакой пользы, былъ только свидѣтелемъ пораженія Элбермарле. Наконецъ движеніемъ на Бушенъ онъ могъ спасти Маршіенъ, гдѣ находились всѣ склады его запасовъ.

Дененское пораженіе совершенно измѣнило характеръ дѣйствій. Иниціатива переходитъ совершенно на сторону Вильяра, уравновѣшивающагося окончательно силами со своимъ противникомъ. Но Вильяръ не довѣряетъ и этому. Онъ ищетъ перевѣса въ силахъ для успѣха надъ такимъ противникомъ, какъ Евгеній; онъ знаетъ что отъ его дѣйствій зависитъ судьба монархіи, а потому не пренебрегаетъ ничѣмъ для успѣха и дѣлаетъ превосходное распоряженіе о присоединеніи къ себѣ гарнизоновъ съ приморскихъ пунктовъ, по заключеніи мира съ Англіей, оказавшихся безполезными въ приморскихъ крѣпостяхъ.

Вильяръ пользуется побѣдою, захвативъ Маршіенъ и другіе пункты по Скарпѣ. Затѣмъ, узнавъ о томъ, что Евгеній вернулся къ Ландреси, онъ рѣшается заставить его снять осаду этого города. Но еслибъ 30-го вечеромъ, по взятіи Маршіена, онъ двинулся быстро на Валансіеннъ, чтобы выйти Евгенію въ тылъ на Баве, и, отрѣзавъ его отъ сообщеній, поставить въ безвыходное положеніе, то онъ бы достигъ самыхъ рѣшительныхъ результатовъ. Испанскіе Нидерланды вѣроятно опять достались бы Франціи. Но здѣсь Вильяръ сдѣлалъ ошибку, которую такъ часто дѣлали современные полководцы, предпочитая взятіе крѣпости уничтоженію арміи противника. Въ то время, какъ онъ приступилъ къ осадѣ Дуэ, Евгеній благоразумно отступилъ къ Монсу, бросивъ всю осадную артиллерію въ Кенуа.

Но тотъ же принципъ сохраненія крѣпостей спасъ Вильяра. Евгеній, опасаясь потерять ихъ, усилилъ гарнизоны ихъ и, ослабивъ такимъ образомъ свою армію, сдѣлался пассивнымъ зрителемъ дѣйствій Вильяра,

который въ свою очередь вмѣсто того, чтобы, пользуясь превосходствомъ въ силахъ, бить противника въ полѣ, начинаетъ осаждать крѣпости. Странная аномалія въ дѣйствіяхъ, объясняемая этимъ непонятнымъ esprit de possession de places, которое такъ уже вошло въ рутину, что ему отдавали дань самые знаменитые полководцы эпохи.

Замѣчательно, что Вильяръ нѣсколько отступилъ отъ обыкновеній своего времени. Онъ не представлялъ свободы гарнизонамъ взятыхъ имъ крѣпостей Маршіена, Дуэ, Кенуа и Бушена, разсчитывая справедливо, что, и безъ того ослабляя свою армію отдѣленіемъ во взятыя крѣпости гарнизоновъ, онъ усиливаетъ непріятельскую. Эти крѣпости такимъ образомъ ослабили армію Евгенія 34 баталіонами и потеря ихъ, стоившихъ имперцамъ прежде нѣсколькихъ кампаній, произошла вслѣдствіе одного выиграннаго сраженія. Денен ское сраженіе, какъ мы замѣтили выше, замѣчательно и въ тактическомъ отношеніи какъ первое примѣненіе, хотя уродливое, идеи Фолара о колоннахъ.

Такова блестящая Денен ская кампанія, въ которой Вильяръ спасъ короля и Францію своими талантами и умѣньемъ воспользоваться ошибками такого геніальнаго противника какъ Евгеній. Послѣдствія ея замѣчательны. Она возбудила энергію и мужество французскаго солдата, ослабила духъ непріятелей, привыкшихъ въ продолженіе 9-ти лѣтъ къ безпрерывнымъ побѣдамъ; наконецъ она ускорила заключеніе Утрехтскаго мира, который прекратилъ войну за наслѣдство испанскаго престола.

Петръ Великій въ борьбѣ съ Карломъ XII.

Полтавское сраженіе 27 іюня 1709 г.

Петръ въ своихъ стремленіяхъ къ преобразованію Россіи встрѣчалъ не только внутреннія, но и внѣшнія препятствія. Страдавшая безначаліемъ Польша и сильнѣйшая сѣверная держава Швеція отдѣляли Россію отъ всѣхъ образованныхъ державъ западной Европы. Русскій царь искалъ туда выхода,—море было лучшимъ путемъ, а потому Петръ рѣшился отнять у шведовъ захваченныя ими нѣкогда наши прибалтійскія области. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ союзъ съ датскимъ королемъ и курфюрстомъ саксонскимъ Августомъ, только что избраннымъ тогда въ польскіе короли. Окончательно союзъ бытъ заключенъ въ 1699 г., но продолжавшіеся переговоры съ Турціею препятствовали открытію войны. Наконецъ, 18-го августа 1700 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о заключеніи перемирія съ Турціею на 30 лѣтъ и на другой же день обнародовано (подъ разными мелкими предлогами) объявленіе войны противъ Швеціи. Такъ положено было начало великой борьбѣ на сѣверѣ двухъ державъ, изъ которыхъ одна геніемъ Петра выдвинута была въ рядъ первостепенныхъ европейскихъ госу-

дарствъ, и весь обширный Востокъ Европы былъ отнынѣ включенъ въ систему европейскихъ государствъ, видоизмѣнивъ всѣ отношенія западныхъ государствъ, а другая отодвинута въ одинъ изъ самыхъ скромныхъ уголковъ политическаго мира, благодаря столь-же эфемерности ея могущества, сколько и бѣдствіямъ, испытаннымъ ею въ продолжительной войнѣ, веденной при совершенномъ истощеніи силъ страны, королемъ полководцемъ, воевавшимъ преимущественно ради войны. Самый характеръ этой Великой Сѣверной войны опредѣляется въ значительной степени личнымъ характеромъ двухъ величайшихъ ея дѣятелей—Карла XII и Петра Великаго, а потому оцѣнка ея можетъ быть сдѣлана правильно лишь въ связи съ изученіемъ этихъ двухъ полководцевъ.

17-го іюня 1682 г. у шведской королевской четы, Карла XI и Ульрики Элеоноры (датская принцесса), родился сынъ—будущій король-полководецъ Карлъ XII. Отецъ, сознавая недостатки своего образованія, старался дать таковое въ возможно обширныхъ размѣрахъ, своему сыну, нравственное воспитаніе котораго велено было подъ ближайшимъ руководствомъ матери. Но вскорѣ различныя обстоятельства (смерть матери и др.) помѣшали его воспитанію и научнымъ занятіямъ и уже съ пятнадцати лѣтъ Карлъ сталъ тщательно заниматься военными упражненіями, а затѣмъ на маневрахъ и смотрахъ съ увлеченіемъ предавался своему любимому дѣлу. Въ 1697 году скончался Карлъ XI и пятнадцатилѣтній сынъ его вступилъ на престолъ, но до совершеннолѣтія короля страна управлялась регентствомъ. Начались безконечныя придворныя интриги и соперничество партій, каждая изъ которыхъ старалась перетянуть короля на свою сторону. Кончилось однако тѣмъ, что уже въ ноябрѣ 1697 г. Карлъ XII былъ единодушно провозглашенъ совершеннолѣтнимъ. Юный король былъ слишкомъ молодъ, чтобы заниматься важными административными и политическими дѣлами, его гораздо болѣе увлекали смотры, парады и т. п., а между тѣмъ гроза уже собиралась надъ Швеціей. Россія, Данія, Польша, Бранденбургъ втайнѣ соглашались относительно войны со Швеціей. По наружности, впрочемъ, все пока обстояло благополучно. Августъ отправилъ къ Карлу поздравленіе съ вступленіемъ на престолъ; Петръ заключилъ дружественный союзъ со шведскимъ королемъ и получилъ отъ него ружья и пушки, а три дня спустя подписалъ съ Августомъ договоръ о наступательномъ союзѣ. Данія тоже пристала къ этому союзу. Бранденбургъ по наружности лишь соблюдалъ строгій нейтралитетъ; ливонскіе дворяне, раздраженные чрезмѣрною строгостью шведскаго правительства, завели тайную переписку съ Россіею и Польшей. Вѣсть о неожиданной войнѣ произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе на шведскій народъ, который единодушно рѣшился поддерживать своего юнаго короля. Въ свою очередь Карлъ XII, нисколько не смущаясь грозившими опасностями, намѣревался прежде всего напасть на Данію. Онъ быстро вооружилъ

флотъ и отправилъ на немъ туда часть арміи, а самъ въ апрѣлѣ 1700 г. покинулъ столицу, которую ему не суждено было болѣе увидѣть.

Дѣйствуя съ чрезвычайной быстротой и энергіей, Карлъ XII одержалъ первую побѣду надъ нѣсколькими наскоро сформированными непріятельскими отрядами. Миръ былъ вскорѣ подписанъ.

Затѣмъ являлся вопросъ противъ кого двинуться: противъ Петра или Августа? Послѣднему не удалось вторженіе въ Ливонію и потому можно было пока его не опасаться. Гораздо страшнѣе казалась могучая Россія. Не открывая никому своихъ намѣреній, Карлъ поспѣшно посадилъ войска на суда и направился прямо на Перновъ, гдѣ высадился и затѣмъ двинулся къ осажденной русскими Нарвѣ. Шведы одержали блестящую побѣду надъ нашей наскоро сформированной, плохо обученной арміей, которая притомъ занимала сильно растянутую позицію, плохо укрѣпленную земляными верками.

Но эта блестящая побѣда открыла глаза Петру на состояніе его арміи и на характеръ полководца, съ которымъ ему приходилось вести борьбу. Съ этого времени Петръ принимаетъ цѣлый рядъ послѣдовательныхъ и въ высшей степени цѣлесообразныхъ мѣръ для подготовки себѣ окончательнаго успѣха. Многія изъ лицъ, окружавшихъ Карла, умоляли его не затѣвать новой войны съ Польшей, тѣмъ болѣе, что Августъ, устрашенный быстрыми успѣхами шведовъ, видимо склонялся къ миру; но Карлъ не могъ допустить мысли, чтобы одинъ изъ его враговъ ускользнулъ отъ готовившейся ему участи, а потому сталъ готовиться къ третьему походу. Передъ открытіемъ польской кампаніи силы шведовъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Ливоніи было расположено 28,500 чел. пѣхоты, 16000 драгунъ и другихъ частей кавалеріи на квартирахъ; въ Помераніи, Веймарѣ и Бременѣ около 20000 чел., дома тоже около 20000 челов., всего до 90000 чел., болѣе половины которыхъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ короля, занимали восточную границу шведскихъ владѣній. Въ началѣ декабря 1700 г., Карлъ, съ частью войскъ, двинулся на югъ этой провинціи, гдѣ занялся устройствомъ квартиръ. Такое неблагоразумное промедленіе дало время Россіи и Польшѣ возобновить свой союзъ. При этомъ Августу удалось значительно усилить свою партію въ Польшѣ. Только въ началѣ лѣта 1701 г. Карлъ во главѣ 20,000 чел. выступилъ въ Курляндію, смѣло перешелъ черезъ Двину, отбросилъ непріятеля въ середину Польши, но не послѣдовалъ за нимъ, а повернулъ къ границамъ Литвы и поставилъ условіемъ мира—низверженіе съ престола Августа. Неурядицы и борьба партій въ Польшѣ повидимому благопріятствовали видамъ шведскаго короля. Знаменитые своимъ родомъ и богатствами Сапѣги, а за ними и многіе другіе магнаты открыто перешли на сторону Карла XII. Въ мартѣ 1702 г. шведы вторглись въ предѣлы Польши, овладѣли Варшавой почти безъ сопротивленія, а Августъ бѣжалъ на югъ. Подъ Калишемъ онъ былъ разбитъ и искалъ убѣжища сперва въ Сандомірѣ, а затѣмъ въ Торнѣ,

гдѣ къ нему присоединился отрядъ саксонцевъ. Краковъ съ восторгомъ принялъ шведскаго короля, который сдѣлался обладателемъ обѣихъ столицъ и всей страны. Не касаясь послѣдующихъ военныхъ дѣйствій, замѣтимъ, что въ 1704 г. на генеральной конфедераціи въ Варшавѣ было объявлено, что король Августъ отрекается отъ престола, вмѣсто котораго былъ избранъ сеймомъ Станиславъ Лещинскій. Но это далеко не успокоило страны и борьба продолжалась. Между тѣмъ, пока Карлъ XII распоряжался въ Польшѣ, гоняясь за эфемерными цѣлями и не оцѣнивъ ни величія Петра, ни силъ Россіи, русскій царь успѣлъ сдѣлать обширныя завоеванія, заложилъ Петербургъ и обнаруживалъ твердыя намѣренія укрѣпиться на берегахъ Балтійскаго моря. Карлъ-же, вмѣсто того чтобы торопиться на защиту прибалтійскихъ губерній, гонялся за Августомъ, который тогда только согласился признать себя лишеннымъ польскаго престола, когда Карлъ XII вторгся, наконецъ, въ Саксонію. Миръ былъ заключенъ въ Альтранштадтѣ, и тогда наступилъ чередъ войны съ Россіею. Въ распоряженіи короля находилось 44,000 отлично обученныхъ, закаленныхъ въ бояхъ солдатъ. Медленно Карлъ XII собирался въ походъ. Только въ концѣ 1707 г., оставивъ для охраны Станислава Лещинскаго 8000 чел., Карлъ XII съ 36000 двинулся противъ русскаго царя, приказавъ въ то же время Левенвольду съ 10,000 чел. изъ Курляндіи и Ливоніи слѣдовать къ нему на присоединеніе. Русская армія находилась въ это время въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ и, благодаря замѣчательнымъ мѣрамъ, указаннымъ Петромъ, о чемъ будетъ сказано ниже, благополучно стала отступать, опустошая передъ шведами страну. Карлъ XII желалъ двинуться на Москву, но явились предложенія со стороны измѣнившаго Петру малороссійскаго гетмана Мазепы, и Карлъ рѣшился двинуться сперва въ Украйну и, опираясь уже на этотъ базисъ, направиться къ Москвѣ. Въ концѣ концовъ Карлъ XII былъ разбитъ въ 1709 г. на голову подъ Полтавой и долженъ былъ бѣжать въ Турцію, которую не переставалъ возбуждать къ войнѣ съ Россіей. Продолжительное отсутствіе Карла XII и успѣхи русскихъ позволили Августу въ 1709 г. свергнуть Лещинскаго, а Даніи разорвать мирный договоръ со Швеціей. Турція объявила, наконецъ, Россіи войну, которая приняла для насъ неблагопріятный оборотъ, но тѣмъ не менѣе Петру удалось въ 1711 г. избѣгнуть катастрофы и ускользнуть изъ рукъ враговъ. Карлъ XII былъ въ отчаяніи отъ такого исхода дѣла. Онъ еще два года оставался въ Турціи, но дружба къ нему султана постепенно ослабѣвала и онъ ясно далъ понять королю, что пора бы ему отправиться домой; когда же Карлъ XII на отрѣзъ отказался уѣхать и заперся въ Бендерахъ, то султану пришлось прибѣгнуть къ силѣ. 14000 янычаръ и татаръ съ 14 орудіями осадили городъ. Карлъ съ горстью тѣлохранителей защищался какъ левъ впродолженіи цѣлыхъ сутокъ; но когда пламя охватило занимаемый имъ домъ, то онъ выскочилъ на дворъ и былъ схва-

ченъ. Еще болѣе легендарный характеръ имѣетъ эпизодъ возвращенія Карла XII въ шведскія владѣнія. Добровольный изгнанникъ, король, въ сопровожденіи только двухъ преданныхъ людей, мчится черезъ степи и лѣса, преслѣдуемый наемными убійцами, избѣгаетъ населенныхъ мѣстъ, голодный ночуетъ подъ открытомъ небомъ. Оба его спутника заболѣваютъ въ дорогѣ; онъ ихъ бросаетъ, несется далѣе одинъ и, наконецъ, прибываетъ 11 ноября 1714 г. въ Стральзундъ. Хотя Швеція была страшно истощена войною, но тѣмъ не менѣе Карлъ не обращалъ ни на что вниманія и продолжалъ стремиться къ осуществленію своихъ излюбленныхъ цѣлей—низверженію Августа, уничтоженію Петербурга и ограниченію свободныхъ учрежденій Швеціи. Въ то же время датчане, саксонцы, пруссаки и русскіе, узнавъ о прибытіи Карла XII въ Стральзундъ, осадили городъ и хотя король защищался съ чрезвычайной энергіей, но долженъ былъ капитулировать и заключить невыгодный для Швеціи миръ. По прибытіи въ отечество, Карлъ избралъ своей резиденціей Лундъ и совершенно забылъ объ огражденіи своей границы отъ Россіи, а весь отдался новой идеѣ—завоеванію Норвегіи, противъ которой предпринялъ двѣ кампаніи и велъ неустанную борьбу пока, наконецъ, былъ убитъ подъ стѣнами крѣпости Гильдсклёвъ въ 1718 году. Такова внѣшняя исторія походовъ этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго воина. Остается очертить его личность какъ человѣка, тактика и полководца. Небольшаго роста, съ темносиними проницательными глазами, орлинымъ взглядомъ и рѣзко очерченными губами—таковъ былъ по внѣшности Карлъ XII. По своимъ привычкамъ это былъ спартанецъ: чрезвычайно умѣренный въ пищѣ, не требовательный относительно всякихъ удобствъ жизни, такъ что спалъ на соломѣ и притомъ очень мало (въ послѣдніе годы онъ съ 2-хъ часовъ ночи уже былъ за работою), онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія и съ 13 лѣтъ не зналъ никакой болѣзни. Одежда его также была проста: кафтанъ, камзолъ, грубая войлочная шляпа и высокіе ботфорты съ громадными шпорами составляли обычный костюмъ короля-воина. Карлъ XII былъ равнодушенъ къ успѣхамъ, стоекъ въ несчастьи, хладнокровенъ при неудачахъ. Прямота его характера и отвращеніе ко лжи могли войти въ поговорку. Онъ былъ очень строгъ, но не жестокъ. Карлъ писалъ всегда краткимъ сжатымъ слогомъ, но послѣ Полтавскаго сраженія его умственныя способности были повреждены. Книги серьезнаго содержанія вмѣстѣ съ шахматами составляли единственное его развлеченіе въ промежутки между воинскими занятіями. Карлъ еще въ отроческомъ возрастѣ сдѣлался королемъ и, получивъ въ безотчетное распоряженіе всѣ средства страны, со страстью предался осуществленію своихъ любимыхъ мечтаній, т. е. завоеваніямъ, что и сдѣлало его воиномъ-авантюристомъ.

У Карла XII были горячіе поклонники, но ему не удалось создать ни одного дипломата, ни одного полководца, способнаго продолжать начатое имъ дѣло.

«Жизнь Карла закончилась вмѣстѣ съ нимъ» сказано было въ его надгробной рѣчи.

Что касается Карла XII какъ *тактика*, то отчасти самыя требованія времени сдѣлали изъ него по преимуществу *кавалерійскаго генерала*, причемъ находчивость, быстрота движеній и необыкновенный пылъ при атакѣ—были выдающимися его достоинствами. Благодаря этому шведская кавалерія пріобрѣла всемірную извѣстность и послужила впослѣдствіи образцомъ Цитену и Зейдлицу. Когда Карлъ XII двинулся въ Саксонію у него было на 44000 человѣкъ—25000 кавалеріи; такъ какъ при этомъ часть пѣхоты была разбросана по крѣпостямъ, то отсюда видно, что въ сраженіяхъ со стороны шведовъ дѣйствовала главнѣйшимъ образомъ кавалерія. Что касается шведской пѣхоты, то и этотъ родъ оружія еще со времени Густава Адольфа пользовался хорошей славой. Карлъ XII пріучилъ ее вѣрить въ силу штыка, благодаря которому шведская пѣхота одерживала нерѣдко блестящія побѣды. Хотя пика въ его время была уже введена въ западной Европѣ, но Карлъ XII удерживалъ ее въ своей пѣхотѣ, какъ надежное средство противъ атакъ конницы, и дѣйствительно шведская пѣхота стойко выдерживала атаки польской и русской кавалеріи. Карлъ XII не былъ охотникомъ до стрѣльбы, особенно на дальнія дистанціи, и приказывалъ своимъ людямъ беречь заряды до тѣхъ поръ пока послѣ залпа можно было уже непосредственно принять наступающаго на пики. У Карла XII пѣхота и кавалерія всегда взаимно поддерживали другъ друга и это доходило даже до крайности, когда Карлъ XII перемѣшивалъ съ конницей небольшія части мушкетеровъ. Вообще Карлъ XII не подчинялся тактическому методизму его времени и уже по одному своему пылкому характеру не могъ слѣдовать той размѣренности и внѣшней правильности въ тактическихъ пріемахъ, которыя господствовали на западѣ. Любимымъ его пріемомъ былъ дружный быстрый натискъ противъ непріятельскаго центра. Пѣхота обыкновенно строилась у него въ 6 шеренгъ, развернутымъ фронтомъ. Артиллеріи Карлъ XII не придавалъ большаго значенія, вслѣдствіе ея тогдашняго техническаго несовершенства, тяжести и неповоротливости.

Въ своей арміи Карлъ XII умѣлъ внушить къ себѣ безграничное, слѣпое довѣріе, да и въ народѣ осталась несравненно болѣе сказаній о солдатѣ-королѣ, нежели о его предкѣ, геніальномъ полководцѣ Густавѣ Адольфѣ ([231]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что Карлъ XII въ смыслѣ развитія тактическаго искусства не сдѣлалъ ничего выдающагося. Правильное употребленіе и веденіе имъ кавалеріи, сообразно свойствамъ этого рода оружія, обусловливались гораздо болѣе свойствами его пылкаго, необузданнаго характера, нежели какими либо искусными тактическими комбинаціями. А чрезмѣрное значеніе, приданное имъ этому роду оружія и развитіе его на счетъ пѣхоты, едва-ли можетъ быть признано шагомъ

впередъ въ смыслѣ развитія истинныхъ началъ тактики. Остается сказать нѣсколько словъ о Карлѣ XII какъ о стратегикѣ.

Въ его время, какъ мы знаемъ, на западѣ господствовалъ въ военномъ искусствѣ методизмъ, величайшая осторожность и правильность въ веденіи военныхъ операцій. Карлъ XII явился выразителемъ иного, совершенно противоположнаго принципа—принципа рѣшительности. Въ то время, какъ на западѣ маневрированіе пріобрѣло огромное значеніе и цѣнность, причемъ бывали цѣлыя кампаніи, рѣшенныя безъ боя; для Карла XII бой значилъ все и маневрированіе являлось лишь въ видѣ исключенія. Намѣтивъ себѣ цѣль, Карлъ XII быстро къ ней устремлялся, немедленно вступалъ въ бой и велъ его съ чрезвычайнымъ напряженіемъ и пылкостью. Не смотря на такую рѣшительность, Карлъ XII не умѣлъ цѣнить элемента времени: то онъ въ суровое время года, пренебрегая всякими невзгодами, устремляется къ цѣли, которая нерѣдко отъ него удаляется, то безъ всякой надобности предается продолжительному бездѣйствію ради какихъ либо второстепенныхъ, ничтожныхъ соображеній (1705—остановка у Варшавы въ ожиданіи коронаціи Лещинскаго). Умѣнье выбрать предметъ дѣйствій не всегда ему дается: онъ не оцѣниваетъ значенія такого противника какъ Петръ съ его могучими средствами; два года гоняется безплодно за Августомъ пока, наконецъ, догадывается нанести ему ударъ въ самое чувствительное мѣсто—Саксонію и пр. Наконецъ Карлъ XII не всегда принималъ надлежащія мѣры къ обезпеченію своихъ операцій устройствомъ базы, коммуникаціонной линіи и пр., проходя по странѣ какъ «корабль по морю», по замѣчанію Клаузевица.

Пока успѣхъ сопутствовалъ ему до тѣхъ поръ всѣ недостатки его стратегическихъ комбинацій скрадывались одерживаемыми побѣдами; но за то послѣ первой серьезной неудачи онъ сразу лишился всей арміи и результатовъ, достигнутыхъ его завоеваніями.

Однимъ словомъ Карлъ XII какъ полководецъ является весьма рѣшительнымъ, но лишеннымъ способности всесторонихъ соображеній и умѣнья вѣрно оцѣнить обстановку, т. е. качествъ, отличающихъ всѣхъ истинно-великихъ полководцевъ.

Обращаясь отъ Карла XII къ Петру, намъ нѣтъ надобности во внѣшнемъ ходѣ событій искать матеріала для характеристики личности великаго Императора, достаточно извѣстной всякому русскому. Поэтому мы остановимся на болѣе спеціальныхъ вопросахъ: выяснимъ какія средства были созданы Петромъ для поднятой имъ борьбы и какъ онъ воспользовался всѣми ими для этой борьбы въ качествѣ полководца. Рѣшительный и энергичный царь не сразу оцѣнилъ всю трудность борьбы съ противникомъ, да притомъ никто не могъ предполагать въ восемнадцатилѣтнемъ юношѣ—королѣ тѣхъ необыкновенныхъ воинскихъ доблестей, которыя онъ обнаружилъ, ставъ во главѣ своей арміи. По этимъ причинамъ Петръ, выбравъ первоначальнымъ предметомъ дѣйствій Нарву,

двинулъ туда свою 35-тысячную армію, въ составѣ которой были лишь два гвардейскихъ да Лефортовъ полки достаточно обученные, а остальные состояли большею частью изъ рекрутъ, не имѣвшихъ никакой боевой опытности. Погромъ, испытанный нашими войсками подъ Нарвой, указывалъ на недостатки тогдашней петровской арміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенныя доблести, проявленныя въ томъ же сраженіи наилучше обученными и дисциплинированными полками, ясно свидѣтельствовали Петру въ какомъ направленіи слѣдовало идти, чтобы подготовить надежную вооруженную силу.

Петръ вполнѣ воспользовался нарвскимъ урокомъ, этимъ, по его словамъ «младенческимъ играніемъ», чтобы развить и усовершенствовать армію, дать ей постепенно серьезное обученіе и, идя послѣдовательно-неуклонно къ поставленной цѣли, сломить врага, пользуясь даннымъ имъ же урокомъ. Геній Петра и его великіе труды принесли обильные плоды *).

Какія же средства были постепенно подготовлены Петромъ для рѣшительной борьбы съ Карломъ? Въ теченіи пяти лѣтъ, протекшихъ со времени Нарвы, Петръ, плохо оцѣненный Карломъ, умѣлъ не только завоевать нужнѣйшія для него непріятельскія области, но и создать сильную регулярную армію, численность которой къ концу 1706 г. простиралась до 90,000 чел. Препятствія, которыя пришлось для этого преодолѣть, были чрезвычайны.

Рекрутскіе наборы, не смотря на богатство этого источника, были весьма тяжелы для населенія и не давали всего необходимаго, какъ по

---

*) Лучше всѣхъ самъ Петръ въ его «журналѣ» опредѣляетъ значеніе нарвска, го пораженія. «Шведы подъ Нарвою надъ нашими войсками викторію получили что безспорно; но надлежитъ разумѣть надъ какими войсками оную получили. Только одинъ старый Лефортовскій полкъ былъ, а два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова и тѣ полевыхъ боевъ, а наипаче съ регулярными войсками, никогда не видывали. Прочіе же полки, какъ офицеры такъ и рядовые, самые были рекруты, да къ тому голодъ былъ, понеже за великими грязьями, провіанта привозить было невозможно. Единымъ словомъ сказать можно: все то дѣло яко младенческое играніе было, а искусства ниже вида. Какое же удивленіе старому, о бученному, практикованному войеку, надъ такими неискусными сыскать викторію. Правда, сія побѣда во время зѣло печальна была и чувствительна, яко отчаянная всякія впредь надежды и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но когда о томъ подумать, то во истину не гнѣвъ Божій, но милость Божію должны мы исповѣдать. Ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, бывшимъ въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ, какъ воинскихъ такъ и политическихъ, то въ какую бѣду оное счастье насъ низринуть могло, также какъ шведовъ уже давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ (которыхъ французы бичемъ нѣмецкимъ называли) подъ Полтавою столь жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низомъ къ верху обратило. Но когда мы сіе несчастье (или лучше сказать великое счастіе) подъ Нарвою получили, то неволя лѣность отогнала и къ трудолюбію и искусству день и ночь прилежать принудила и войну вести уже съ опасеніемъ и искусствомъ вѣлела».

недостатку точныхъ свѣдѣній о населеніи государства, такъ и вслѣдствіе недостатковъ устройства внутренняго управленія, причемъ самыя строгія предписанія правительства оставались нерѣдко безъ исполненія.

Поэтому на ряду съ рекрутскими наборами приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ (наборъ въ солдаты всѣхъ годныхъ бывшихъ московскихъ стрѣльцовъ, вольноотпущенныхъ и кабальныхъ, оставшихся послѣ смерти помѣщиковъ; сборъ съ приходскихъ священниковъ и дьяконовъ извѣстнаго числа драгунскихъ лошадей—напр., 1 лошадь съ 200 дворовъ прихода—и т. п.).

Для комплектованія арміи офицерами, Петръ имѣлъ обширный источникъ – русское дворянство, которое привлечено имъ на постоянную службу и правильно подготовлено къ ней, не смотря на отвращеніе къ службѣ въ регулярныхъ войскахъ. Мѣры, принятыя въ этомъ отношеніи Петромъ, были настолько успѣшны, что потребность въ иноземныхъ офицерахъ чувствовалась все менѣе и менѣе, такъ что съ 1706 г. ихъ уже принимаютъ лишь съ разборомъ и притомъ безъ повышенія въ чинѣ. Обученіе войскъ сдѣлало замѣчательно быстрые успѣхи, чему содѣйствовали, какъ изданные въ разное время уставы и инструкціи, такъ въ особенности личный надзоръ царя, который ежегодно по нѣсколько разъ осматривалъ полки и обращалъ строгое вниманіе на достигнутые ими результаты; обезпеченіе всѣхъ матеріальныхъ нуждъ арміи составляло также предметъ энергичной заботливости государя. Это было тѣмъ труднѣе, что при прежней системѣ люди сами заботились о своемъ продовольствіи и снаряженіи; съ учрежденіемъ же регулярной арміи попеченію о всѣхъ этихъ нуждахъ перешло на правительство. Сначала ружья и сукно выписывались изъ Голландіи, но, во первыхъ, это обходилось дорого; во вторыхъ, послѣ нарвскаго погрома голландцы, опасаясь мести Карла XII, вовсе отказались доставлять эти предметы изъ за заграницы. Тогда государь обратился къ средствамъ собственной страны.

При его покровительствѣ и содѣйствіи улучшены были сперва частные заводы, а затѣмъ учреждены и казенные. Съ другой стороны овцеводство и развитіе суконнаго производства сдѣлали, подъ руководствомъ кн. Меньшикова, быстрые успѣхи, такъ что въ 1705 г. Петръ, говоря о русскихъ сукнахъ, писалъ: «изъ нихъ и я сдѣлалъ къ празднику кафтанъ». Заботливость царя о продовольствіи людей была безпредѣльна. Чтобы испытать достаточенъ-ли назначенный солдату паекъ, государь принялъ на себя всѣ обязанности солдатской службы и, работая цѣлый мѣсяцъ наравнѣ съ солдатами, довольствовался исключительно однимъ пайкомъ. Для помощи больнымъ и раненымъ, Петръ выписывалъ врачей, учреждалъ госпитали и аптеки и т. п. Ничто не ускользало отъ его всеобъемлющаго вниманія, и онъ самъ заботился даже объ устройствѣ бань для войскъ. Столь же широкія и всесторонніе мѣры были приняты для укорененія дисциплины въ арміи, для поднятія ея нравственнаго духа. Въ послѣднемъ отношеніи царь старался постепенно воспитать

армію въ школѣ малыхъ, но вѣрно обезпеченныхъ успѣховъ, чтобы дать ей увѣренность въ собственныхъ силахъ, въ возможности бороться съ искуснымъ, превосходно обученнымъ противникомъ. Вскорѣ рядъ частныхъ успѣховъ могъ доказать государю вѣрность избраннаго имъ способа боеваго воспитанія его арміи (Нотебургъ, Ніеншанцъ, Дерптъ, Нарва).

Пѣхота дѣлилась на двухбаталіонные полки (въ Преображенскомъ полку 4, а въ Семеновскомъ и еще въ четырехъ армейскихъ полкахъ по 3 баталіона); въ каждомъ баталіонѣ (ок. 600 чел.) 4-ре роты фузилерныхъ и еще въ полку 1 гренадерская. Двѣ трети люди баталіона были вооружены ружьями со штыками, а остальная треть—пиками и шпагами. Строилась пѣхота въ 4-ре шеренги.

Кавалерія состояла исключительно изъ драгунъ и конныхъ гренадеръ. Полкъ, числительностью около 1000 чел., дѣлился на 10 ротъ. Драгуны были вооружены палашами или саблями и фузеями (нѣкоторые карабинами), а конные гренадеры имѣли еще ручныя гранаты. Конница строилась развернутымъ фронтомъ въ 3 шеренги. Въ эволюціонной способности конница наша не уступала западно-европейской, а въ боевыхъ дѣйствіяхъ превосходила ее, такъ какъ царь воспретилъ стрѣльбу съ коня передъ атакою, что, какъ извѣстно, практиковалась повсюду (за исключеніемъ Швеціи).

Артиллерія раздѣлялась на полковую и главную (батарейную). Полковая состояла изъ 3 ф. пушекъ, полагавшихся по 2 на баталіонъ. Каждому драгунскому полку придано было по одной $^1/_2$ пуд. гаубицѣ съ конною прислугою. Главная артиллерія состояла изъ бомбардирской роты Преображенскаго полка и изъ артиллерійскаго полка. Въ бомбардирской ротѣ состояло 4 пушки 6 ф. и 6 мортиръ. Артиллерійскій полкъ раздѣлялся на 6 канонирскихъ ротъ, но число орудій въ немъ не было опредѣлено. Къ полку причислялись еще: минерная рота, инженерная и понтонная команды. Не смотря на заботы государя, артилерія наша въ своемъ усовершенствованіи отставала отъ другихъ родовъ оружія еще болѣе нежели въ другихъ государствахъ. Главная артиллерія была дурно устроена и мало подвижна, такъ что сильно отставала отъ войскъ. Въ 1704 г., когда армія пришла къ устью Наровы, при ней находились только двѣ пушки, которыя разорвало послѣ первыхъ же выстрѣловъ. Артиллерія возилась на обывательскихъ подводахъ, но въ 1706 г. государь приказалъ для этой потребности набрать 6000 рекрутъ. Въ западныхъ государствахъ батарейная артиллерія еще очень долго перевозилась подрядчиками.

Образуя армію, Петръ подготовлялъ ей и искусныхъ военачальниковъ, какъ Шереметевъ и особенно Меньшиковъ. Въ своихъ инструкціяхъ и наставленіяхъ, даваемыхъ арміи, Петръ во многомъ былъ выше тогдашнихъ понятій о военномъ искусствѣ ([232]). Беря образцомъ Европу, Петръ, при его геніальномъ самобытномъ умѣ, конечно, не могъ быть

слѣпымъ подражателемъ. Мелочный педантизмъ, односторонность и искусственный методизмъ, царствовавшіе въ тактическихъ и стратегическихъ понятіяхъ западно-европейцевъ, были отвергнуты Петромъ, который требовалъ дѣйствій соображенныхъ съ обстановкой, а не условныхъ, нормальныхъ операцій; цѣли ставилъ важныя, не питая предразсудковъ о преувеличенномъ значеніи крѣпостей и т. п.

Такимъ образомъ онъ готовился окончательно исполнить данное имъ обѣщаніе по полученіи извѣстія о нарвскомъ пораженіи: «спасибо брату Карлу. Будетъ время, и мы ему отплатимъ за уроки». Поплатившись нарвскимъ пораженіемъ за несоотвѣтственность рѣшительныхъ дѣйствій при тогдашнихъ условіяхъ, Петръ переходитъ къ осторожности въ дѣйствіяхъ, но осторожности не боязливой, а разсчитанной, уступающей мѣсто, при вѣрныхъ шансахъ успѣха, рѣшительности. Только рядъ такихъ успѣховъ могъ постепенно воспитать нравственный духъ арміи. Съ этою цѣлью, Петръ, пользуясь отсутствіемъ Карла XII, оставившаго въ Ингерманландіи и Лифляндіи 15,000 чел., противъ которыхъ мы имѣли 30,000 Шереметева у Пскова и 10,000 Апраксина въ Новгородѣ и Ладогѣ (впослѣдствіи еще болѣе), приказываетъ производить набѣги, сначала избѣгая боя, а лишь для опустошенія непріятельской страны и захвата добычи, а затѣмъ уже и съ непремѣнною цѣлью боя, при, по крайней мѣрѣ, двойномъ превосходствѣ силъ. Благодаря такой превосходно разсчитанной системѣ дѣйствій, уже въ 1701 г. Шереметевъ разбилъ шведовъ при Эрестферѣ, а въ 1702 г., онъ же, при Гумельсгофѣ и Апраксинъ на р. Ижорѣ.

Послѣ того Петръ переходитъ еще къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ: штурмуетъ Нотебургъ (Шлиссельбургъ), сильный своимъ мѣстоположеніемъ, беретъ въ 1703 г. бомбардировкой Ніеншанцъ, основываетъ Петербургъ и пр., такъ что въ 1704 г., владѣя уже всею Ингерманландіею, заставляетъ пасть, наконецъ, и Нарву. Въ 1705 г. Петръ готовился продолжать свои завоеванія и овладѣть Кексгольмомъ и Выборгомъ, но необходимость помочь союзнику, польскому королю, заставила сосредочить къ Полоцку до 50,000 чел. Карлъ XII, оцѣнивъ, наконецъ, важность Саксоніи, двинулся туда изъ Польши и отрѣзалъ Августа, находившагося съ войсками у Кракова, отъ сообщеній съ Саксоніею.

Петръ, желая оказать содѣйствіе Августу, направилъ въ сентябрѣ 1705 г. свою армію отъ Полоцка въ Гродно. Узнавъ объ этомъ, Карлъ XII оставилъ Рейншильда съ 1,200 въ Силезіи, а съ остальными 40,000 (20 т. шведовъ и 20 т. поляковъ) двинулся къ Варшавѣ, гдѣ оставался до глубокой осени въ ожиданіи коронаціи Станислава Лещинскаго. Союзники, не ожидая рѣшительныхъ дѣйствій въ такое время года, заняли широкія квартиры отъ Пултуска на Тыкочинъ до Гродно. Но какъ только замерзли рѣки и озера Карлъ XII быстро дви-

нулся впередъ на Венгровъ, Брянскъ въ обходъ Тыкочина, въ разсчетѣ разорвать широкое квартирное расположеніе союзниковъ.

Однако, не смотря на замѣчательную быстроту этого движенія, большая часть нашихъ войскъ, а именно до 30,000 чел. (45 бат. и 6 драг. полковъ), успѣли собраться въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, а конница, стоявшая у Ломжи, сосредоточилась подъ начальствомъ Меньшикова у Минска. При такихъ условіяхъ Карлу XII приходилось или штурмовать нашъ лагерь, или же прибѣгнуть къ маневрамъ и попытаться отрѣзать сообщенія русской арміи. Вопреки своему обыкновенію Карлъ XII прибѣгнулъ къ послѣднему средству, не рѣшаясь атаковать наши сильныя укрѣпленія. При такомъ обходѣ нашей позиціи Карлъ могъ также открыть сообщенія съ Левенгауптомъ, занимавшимъ Ригу, т. е. пріобрѣталъ новый базисъ, что исключало всякій почти рискъ въ его операціи. Переправясь въ 3-хъ верстахъ выше Гродно, Карлъ сталъ на вилейской и минской дорогахъ, блокируя наше расположеніе. Командовавшій арміей за отсутствіемъ Петра, находившагося съ осени по важнымъ государственнымъ дѣламъ въ Москвѣ,—Августъ, видя затруднительное ея положеніе, сдалъ начальство фельдмаршалу Огильви, а самъ съ кавалеріей двинулся къ Варшавѣ, разсчитывая разбить Рейншильда и собрать около 30,000 чел., съ которыми двинуться на помощь къ Гродно. Между тѣмъ наша армія была обложена и вскорѣ начала ощущать голодъ. Положеніе ея становилось критическимъ и могло окончиться полной катастрофой. Въ такомъ положеніи Петръ проявляетъ по истинѣ геніальную творческую дѣятельность для спасенія созданной имъ и успѣвшей уже заявить себя въ бояхъ арміи. Такъ какъ Карлъ XII расположился по сѣверную сторону Гродно, а южная сторона оставалась свободной, то Петръ рѣшился устроить хотя бы временный базисъ и съ этою цѣлью приказалъ 15,000 казакамъ Мазепы стать у Слуцка и другому ихъ отряду такой же числительности у Бреста, производить оттуда поиски къ Гродно, безпокоить шведовъ и доставлять продовольствіе въ лагерь. Таковы были мѣры, указанныя для дѣйствій по южную сторону Гродно. Но Петръ не оставилъ безъ вниманія и сѣверной стороны, гдѣ находился Карлъ съ его главными силами.

Въ интересахъ Петра, было, во первыхъ, оттянуть непріятеля по возможности далѣе отъ лагеря, а, во вторыхъ, затруднить и его сообщенія съ базой. Съ этою цѣлью государь приказалъ: 1) Бауру съ 6-ю драгунскими полками расположиться на дорогѣ изъ Вильны въ Полоцкъ и тревожить тылъ шведовъ и 2) Розену, стоявшему въ Митавѣ, наблюдать за Левенгауптомъ, находившимся въ Ригѣ, и препятствовать его соединенію съ Карломъ. Эти мѣры имѣли чрезвычайно важное значеніе, сдѣлавъ впослѣдствіи возможнымъ знаменитое отступленіе нашей арміи изъ Гродно. Дѣйствительно Карлъ XII, отрѣзанный отъ сообщеній съ Левенгауптомъ и безпокоимый съ тылу, началъ ощущать

затрудненія въ продовольствіи и долженъ былъ постепенно отодвигаться отъ укрѣпленнаго лагеря и такимъ образомъ ослаблять его блокаду. Между тѣмъ, вслѣдствіе пораженія Шуленбурга при Фрауштадтѣ, Августъ повелъ собранныя имъ войска къ Кракову и такимъ образомъ исчезла всякая надежда на спасеніе нашей арміи при его содѣйствіи: оставалось одно средство—отступленіе. При извѣстной рѣшительности и быстротѣ шведскаго короля, исполненіе подобной операціи было бы рѣшительно невозможно, во первыхъ, безъ тѣхъ подготовительныхъ дѣйствій, которыя выше указаны, и безъ тѣхъ предусмотрительныхъ мѣръ, которыя были намѣчены Петромъ для непосредственнаго исполненія отступленія.

Карлъ XII, вслѣдствіе дѣйствій въ его тылу нашей конницы, ощущая недостатки въ продовольствіи, постепенно отодвигалъ свою блокадную линію и стоялъ верстахъ въ сорока къ сѣверу отъ укрѣпленнаго лагеря. Это уже до нѣкоторой степени обезпечивало скрытность отступленія; затѣмъ необходимо было выбрать время и направленіе.

Въ этихъ отношеніяхъ Петръ совѣтывалъ Огильви двинуться тогда, когда начнетъ вскрываться Нѣманъ (у шведовъ былъ въ Орлѣ, верстахъ въ 3-хъ выше Гродно, временный мостъ, который не могъ выдержать напора льда, а у русскихъ въ Гродно постоянный мостъ), бросить артиллерію и, перейдя на лѣвый берегъ рѣки, двинуться между Брестомъ и Пинскомъ, «чтобы обойти верховья Припети, и, оставя ее въ лѣвой рукѣ, идти къ Кіеву или къ Чернигову, и сперва зѣло поспѣшно день другой идти, чтобы непріятель не догналъ, а когда зайдете за Пинскъ, гдѣ рѣка Припеть начинается, тогда можно вамъ идти по волѣ, ибо непріятель сію рѣку (ради ея болотъ) перейтить и вамъ переду занять не можетъ; а сзади съ пѣхотою не поспѣетъ, а съ одною конницею будетъ безсиленъ».

Огильви вышелъ изъ Гродно 30 марта, въ тотъ самый день, какъ тронулся Нѣманъ, и двинулся на Брестъ, а затѣмъ на Ковель къ Кіеву. Карлъ XII, задержанный сорваннымъ мостомъ, могъ выступить только 3-го апрѣля и двинулся на перерѣзъ нашей арміи къ Пинску. Но дурныя дороги и непроходимыя припетскія болота затруднили его маршъ и изнурили армію до такой степени, что по прибытіи къ Пинску онъ долженъ былъ дать ей отдыхъ.

Наша армія прибыла благополучно и почти безъ потерь къ Кіеву. Такимъ образомъ въ этомъ походѣ Петръ чрезвычайно вѣрно оцѣнилъ обстановку и, не смотря на рѣдкое искусство въ дѣйствіяхъ его противника, цѣлымъ рядомъ геніально-соображенныхъ мѣръ вывелъ армію изъ крайне труднаго, критическаго положенія ([233]).

Карлъ XII, простоявъ около мѣсяца въ Пинскѣ и столько-же около Луцка, двинулся въ Саксонію, заставилъ Августа отказаться отъ польской короны въ пользу С. Лещинскаго и заключить, въ г. Альтранштедтѣ, миръ 25 сент. 1706 г. Петръ Великій, при первомъ извѣстіи о движеніи Карла въ Саксонію, приказалъ всей арміи двинуться изъ Кіева

на Волынь, а 20000 конницы Меньшикова идти по слѣдамъ шведскаго короля и перейти Вислу, чтобы соединиться съ Августомъ (въ то время какъ его уполномоченные подписывали мирныя условія, Августъ съ 15000 польскихъ войскъ находился въ Литвѣ) и снова овладѣть Польшею, гдѣ Карлъ XII оставилъ Мардефельда съ 8000 чел. Не смотря на крайне двуличное поведеніе Августа, почти не принимавшаго участія въ сраженіи, Мардефельдъ былъ совершенно разбитъ 18 октября при Калишѣ, гдѣ его польская и шведская конница была опрокинута, а шведская пѣхота, въ числѣ 4000 чел., окружена со всѣхъ сторонъ и, послѣ упорнаго сопротивленія, положила оружіе. Августъ, извиняясь передъ Карломъ въ своемъ невольномъ участіи въ бою, отослалъ войска Меньшикова на зимнія квартиры въ Галицію, въ окрестности Жалкіева, а самъ отправился къ Карлу съ просьбой не уничтожать заключеннаго трактата ([234]).

Между тѣмъ Карлъ XII какъ бы позабылъ о Петрѣ и цѣлый годъ простоялъ безъ надобности въ Саксоніи, давая время государю принять всѣ необходимыя мѣры по случаю вторженія шведовъ въ Россію. Наши войска находились въ двухъ пунктахъ: пѣхота, подъ начальствомъ Шереметева, около Острога на Волыни, а кавалерія Меньшикова у Жолкіева.

Петръ прибылъ къ войскамъ и всю зиму и лѣто 1707 г. пробылъ въ Польшѣ для поддержанія партіи Августа; но партія эта не только не крѣпла, а постепенно ослабѣвала, вслѣдствіе чего на военномъ совѣтѣ въ Жолкіевѣ было опредѣлено, согласно мнѣнію Шереметева: 1) при наступленіи Карла XII отступать къ границамъ Россіи, не принимая боя, такъ какъ на расположеніе жителей Польши трудно было разсчитывать, что, при неудачномъ исходѣ сраженія, могло имѣть крайне неблагопріятныя послѣдствія; 2) при отступленіи опустошать край, чтобы лишить шведовъ всякихъ средствъ продовольствія, постоянно тревожа непріятеля легкими отрядами и задерживая его въ опустошенной странѣ, что, при принятой Карломъ XII системѣ веденія войны (исключительно средствами края), должно было поставить его въ высшей степени трудное положеніе и заставить прибѣгнуть къ созданію громадныхъ, малоподвижныхъ транспортовъ. Хотя такой планъ несомнѣнно почти обѣщалъ успѣхъ, но, щадя свои области, обреченныя на опустошеніе, Петръ обратился къ Карлу съ мирными предложеніями, готовый уступить всѣ завоеванія кромѣ Ингріи. Но Карлъ гордо отвергъ эти предложенія, говоря, что онъ будетъ въ Москвѣ условливаться о мирѣ и назначилъ впередъ коменданта въ Москву. Узнавъ объ отказѣ шведскаго короля, Петръ замѣтилъ: «братъ мой Карлъ думаетъ быть Александромъ, но не найдетъ во мнѣ Дарія». Въ предвидѣніи вторженія Петръ приказалъ усилить укрѣпленія Смоленска, Пскова и Новгорода, укрѣпить Великія Луки, устроить предмостное укрѣпленія въ Копысѣ и даже, на случай самого неблагопріятняго оборота войны, укрѣпить Москву. Кромѣ того,

какъ указано было ранѣе, граница защищалась возведенной нѣсколько ранѣе укрѣпленной линій отъ Пскова черезъ Смоленскъ, Брянскъ и далѣе; но Петръ вовсе не думалъ растягивать за этой линій своихъ войскъ, какъ это дѣлалось въ разсматриваемое время на западѣ, а полагалъ только дать пограничному населенію возможность останавливать нападенія небольшихъ шведскихъ и польскихъ партій, пробиравшихся ради хищническихъ цѣлей.

Карлъ XII, усиливъ свою армію наборами въ Померанін и Саксоніи, въ концѣ августа 1707 г, двинулся въ предѣлы Польши и, дойдя до Познани, снова остановился, чтобы выждать подкрѣпленій, слѣдовавшихъ къ нему изъ Швеціи. Наша армія передвинулась, Меньшиковъ съ кавалеріею сталъ въ окрестностяхъ Варшавы, а Шереметевъ съ пѣхотою около Слуцка. Прикрытіе Волыни и Подоліи принялъ на себя сторонникъ Августа, коронный гетманъ Синявскій, собравшій до 15,000 челов. Съ наступленіемъ осени Петръ приказалъ своей арміи расположиться въ окрестностяхъ Минска и Гродно, но едва Висла покрылась льдомъ, какъ Карлъ XII перешелъ ее и черезъ дикія лѣса Мазовіи, направился на Гродно и затѣмъ къ Лидѣ и Сморгоню, разчитывая настичь русскую армію. Но повсюду онъ находилъ лишь опустошенную страну, испорченныя дороги, сорванные мосты и легкіе отряды конницы, которые при его приближеніи отступали. Суровое время года заставило наконецъ Карла расположиться на квартирахъ у Сморгоня. Русскіе заняли квартиры за рр. Улою и Березиною, отъ Череи до Лукомли. Силы Карла XII въ Литвѣ (между м. Долгиновымъ, Радошковичами и Борисовымъ) простирались до 35000 челов; кромѣ того до 14,000 чел. Левенгаупта находились въ Ригѣ; 12000 Любекера въ Финляндіи (для дѣйствій противъ Петербурга); 8000 въ Польшѣ, въ распоряженіи короля Станислава; всего до 70,000 челов., не считая гарнизоновъ въ крѣпостяхъ Лифляндіи и Померанін и резервовъ въ Швеціи. Числительность русскихъ войскъ, стоявшихъ противъ Карла XII, простиралась до 60,000 чел.; около 22,000 чел. находилось въ Ингерманландіи для защиты завоеванныхъ провинцій и болѣе 10,000 чел. занимали гарнизоны въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Азовѣ. Всего числительность русскихъ силъ простиралась до 90,000 чел., изъ которыхъ на главномъ театрѣ находилось $^2/_3$.

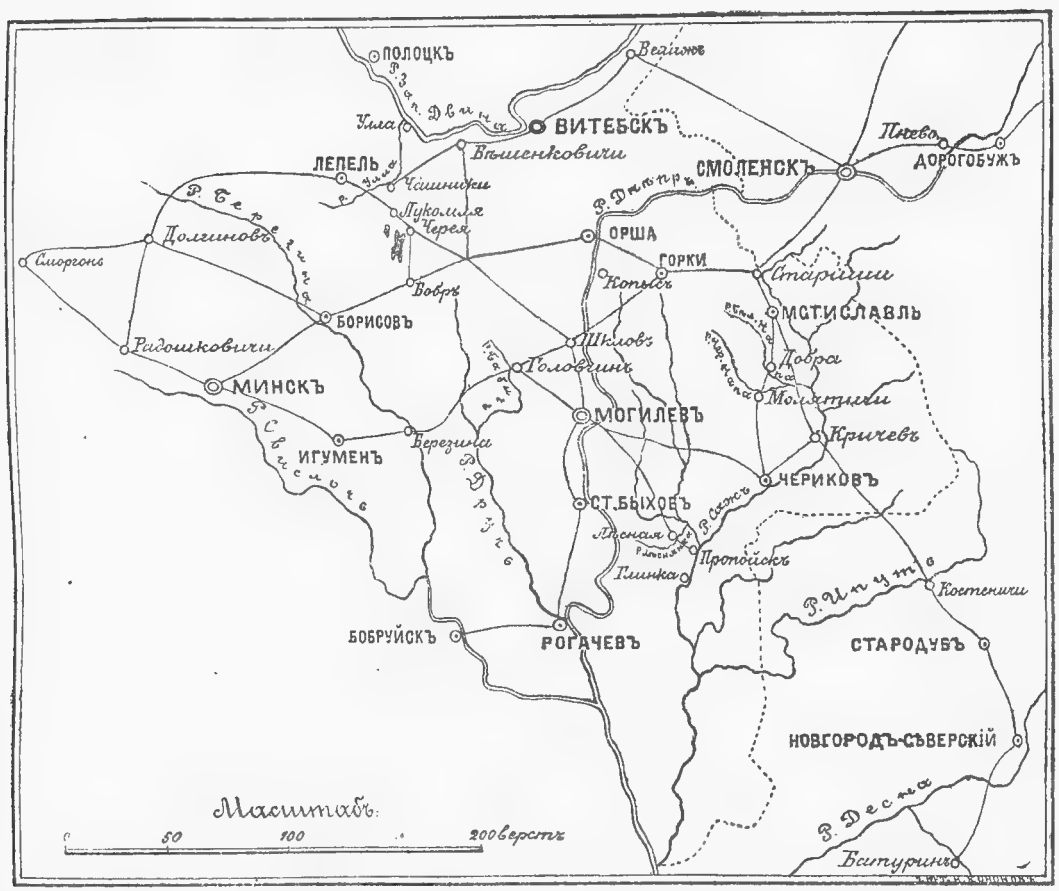
Трудность борьбы для Петра увеличивалась бунтомъ на Дону, для подавленія котораго пришлось отрядить около 6000 регулярныхъ войскъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стали доходить извѣстія объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана Мазепы. Хотя Петръ не вѣрилъ этимъ слухамъ, но они въ дѣйствительности были истинны. Прельщенный обѣщаніями титула князя Сѣверскаго и воеводства въ Польшѣ, старикъ гетманъ вошелъ въ преступныя сношенія со шведскимъ королемъ и обѣщалъ передать ему всѣ крѣпости Малороссіи, снабжать шведскую армію продовольствіемъ и присоединиться къ ней со всѣми казаками.

Отъѣзжая отъ арміи въ Петербургъ, Петръ поручилъ начальствованіе ею Шереметеву.

Передъ отъѣздомъ государь собралъ въ Бѣшенковичахъ военный совѣтъ, чтобы опредѣлить планъ дѣйствій въ случаѣ дальнѣйшаго наступленія шведовъ. Карлъ XII могъ двинуться къ Двинѣ, присоединить къ себѣ Левенгаупта и Любекера и, образовавъ болѣе чѣмъ шестидесятитысячную армію, направиться на Москву. Путь этотъ былъ самый вѣрный для успѣха, но отдаленный.

Далѣе Карлъ XII могъ двинуться на Москву по кратчайшему направленію на Смоленскъ и присоединить къ себѣ Левенгаупта. Наконецъ Меньшиковъ, сомнѣвавшійся уже въ вѣрность Мазепы, предвидѣлъ возможность движенія Карла на Украйну, тѣмъ болѣе, что Турція вооружилась и готова была нарушить съ нами миръ.



Чтобы предупредить непріятеля на вѣроятнѣйшихъ путяхъ наступленія, Петръ приказалъ къ началу весны сосредоточить главныя силы арміи между Чашниками и Улою, а кавалеріи расположиться у Череи.

Для защиты переправъ черезъ Березину приказано по всей рѣкѣ размѣстить отряды казаковъ и калмыковъ, а въ Борисовѣ поставленъ болѣе сильный отрядъ изъ 8 конныхъ и 1 пѣхотнаго полковъ подъ начальствомъ Гольца. Наблюденіе за Левенгауптомъ поручено Бауру, въ

Полоцкѣ, съ 5000 драгунъ. При движеніи Карла къ Пскову наша армія, передвинувшись вправо, должна была предупредить его въ Полоцкѣ или Динабургѣ; при движеніи его къ Смоленску, можно было предупредить его у Копыса. Заслоняя путь, указывалось избѣгать генеральнаго сраженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать шведовъ на всѣхъ переправахъ и крѣпкихъ мѣстахъ, а гдѣ представится возможность—нападать превосходными силами на отдѣльныя части непріятельской арміи. Страну не опустошать, но съ приближеніемъ непріятеля всѣмъ жителямъ уходить въ лѣса со всѣми запасами и стадами, зарывъ въ ямы всѣ припасы и имущество, которые нельзя взять съ собою ([235]).

Избранное русскими генералами расположеніе, отвѣчая обстановкѣ, какъ она имъ обрисовывалась, не отвѣчало лишь движенію Карла XII прямо на крартирное расположеніе русскихъ; причемъ въ послѣднемъ случаѣ наша армія имѣла путь отступленія по крайне мало населенной и бѣдной странѣ на Великія Луки.

Обращаясь къ оцѣнкѣ плановъ Карла XII, слѣдуетъ замѣтить, что онъ могъ: 1) двинуться въ Ингерманландію, отнять сдѣланныя тамъ Петромъ и чрезвычайно цѣнимыя имъ завоеванія, въ особенности Петербургъ, и затѣмъ уже двинуться къ Москвѣ; 2) дѣйствовать непосредственно противъ русской арміи, разбить ее или гнать по Смоленско-московской дорогѣ, чтобы, овладѣвъ столицей, тамъ искать мира и удовлетворенія своихъ требованій.

Конечно, трудно сказать что либо положительное о результатахъ подобной кампаніи. Предполагая однако ея даже вполнѣ удачной для шведовъ, все таки нельзя не замѣтить, что при извѣстной непреклонности характера Великаго Петра, при сознанной имъ важности владѣнія балтійскимъ побережьемъ для связи съ Европою и при тѣхъ громадныхъ средствахъ, которыя давала ему обширная страна для борьбы съ непріятелемъ,—миръ со шведами могъ-бы быть лишь болѣе или менѣе продолжительнымъ перемиріемъ, которое тотчасъ-же было нарушено царемъ, какъ только онъ собрался бы съ новыми силами и явился-бы благопріятный къ тому случай. А потому, для достиженія болѣе прочныхъ и серьезныхъ интересовъ, шведскій король долженъ былъ ставить себѣ цѣлью не только побѣдить русскаго царя, разбить его армію и овладѣть столицею, но на долго, *въ самомъ корнѣ подорвать могущество и силу русскаго государства.* Къ этому повидимому представлялась возможность. Малороссійскій гетманъ Мазепа, договоромъ, заключеннымъ съ Карломъ XII, обязался предоставить шведамъ всю Сѣверскую область съ ея крѣпостями, пока гетманъ соберетъ и привлечетъ къ себѣ малороссійскихъ, бѣлгородскихъ и донскихъ казаковъ и заключитъ союзъ съ калмыцкимъ ханомъ. Послѣ того шведскій король со своими союзниками предполагалъ двинуться изъ Сѣверской области на Москву, причемъ гетманъ долженъ былъ снабжать армію продовольствіемъ. Любекеру (въ случаѣ надобности, съ гарнизонами Риги и Ре-

веля) приказано овладѣть Ингерманландіею, срыть Петербургъ и двинуться въ Новгородскую и Псковскую области. Король Станиславъ обязывался вторгнуться одною арміею на Смоленскъ, а другою на Кіевъ, причемъ, по особому договору, Мазепа передавалъ во власть Польши обѣ половины Украйны ([236]).

Таковъ былъ грандіозный планъ Карла XII. Не вдаваясь въ подробную оцѣнку этого плана, замѣтимъ лишь, что, какъ показали событія, онъ основанъ былъ на шаткихъ данныхъ. Карлъ XII, повѣривъ заявленіямъ одного лишь гетмана и не имѣя никакихъ серьезныхъ свѣдѣній о настроеніи страны, такъ недавно, путемъ кровавыхъ войскъ оторвавшейся отъ католической Польши, а нынѣ снова предлагаемой ей въ даръ гетманомъ,—бросился, очертя голову, въ опасное и великое по замыслу предпріятіе; расчзеты его на содѣйстіе Любекера и Станислава также были весьма гадательны, а потому и неудивительно, что все предпріятіе завершилось для шведовъ полнѣйшей катастрофой.

Такова была обстановка передъ началомъ знаменитой кампаніи 1708 года. Потерявъ въ бездѣйствіи, какъ это часто случалось, напрасно время, Карлъ XII собралъ свои войска въ окрестностяхъ Минска и, съ запасомъ трехмѣсячнаго довольствія, двинулся 7 іюня къ Березинѣ. Левенгаупту приказано было съ военными запасами, присланными изъ Швеціи, и съ возможно большимъ количествомъ запасовъ, собранныхъ въ Лифляндіи и Курляндіи, слѣдовать къ Могилеву на соединеніе съ главными силами короля; наконецъ Любекеру приказано было вторгнуться съ 15000 въ Ингерманландію, разорить Петербургъ и устремиться къ Новгороду. Получивъ свѣдѣніе, что въ Борисовѣ находится нашъ сильный отрядъ, Карлъ повернулъ вправо къ м. Березину, гдѣ и переправился безпрепятственнно.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, наша армія передвинулась влѣво, чтобы преградить шведамъ путь у м. Головчина. Занятая тамъ позиція была весьма неудобна, да и войска распредѣлены были на ней неискусно. Опрокинутая въ послѣдовавшемъ 3-го іюля бою, но не преслѣдуемая противникомъ, наша армія отошла за Днѣпръ. Карлъ XII занялъ Могилевъ и простоялъ тамъ 4 недѣли въ тщетномъ ожиданіи Левенгаупта, напрасно лишь истощая свои запасы, что и заставило его наконецъ продолжать наступленіе. Выступивъ изъ Могилева въ началѣ августа, Карлъ XII направился къ Черикову, а затѣмъ, по правому берегу Сожи къ Мстиславлю, испытывая задержки, лишенія, въ совершенно опустошенной странѣ, и нападенія нашихъ легкихъ войскъ. Наша армія, постепенно отступая передъ непріятелемъ, не упустила случая, пользуясь разброской шведовъ (ради добычи фуража), напасть неожиданно 30 августа на часть непріятельской арміи у *с. Добраго* и нанести имъ пораженіе.

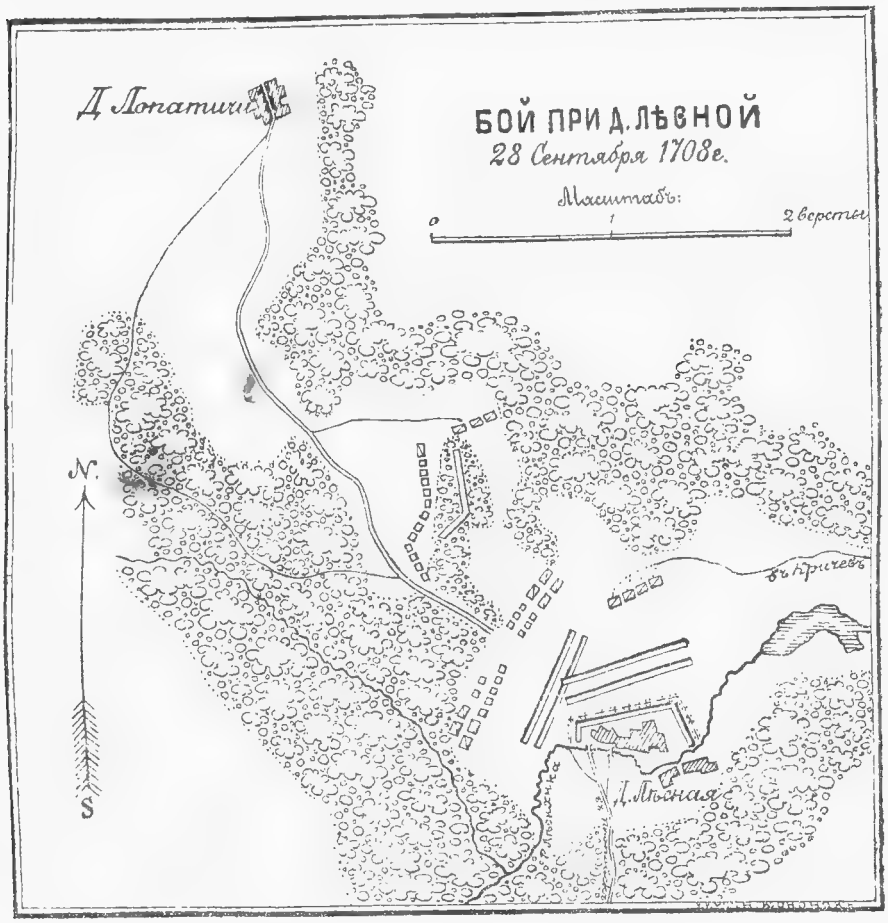
Тѣмъ не менѣе, слѣдуя принятому плану, русскіе постепенно отступали передъ противникомъ, который къ 10 сентября достигъ с. Ста-

ришъ. Испытывая нужду, не имѣя свѣдѣній о Левенгауптѣ, Карлъ XII, упрашиваемый Мазепой поспѣшить скорѣе въ Украйну (чтобы Петръ не открылъ замысловъ гетмана), простоявъ пять дней въ Старишахъ, двинулся на Украйну, вопреки совѣтамъ его генераловъ, предлагавшихъ возвратиться къ Могилеву и ждать тамъ Левенгаупта. Семь дней двигались шведы (испытывая величайшія затрудненія и питаясь лишь мясомъ) отъ р. Сожи къ Ипути, гдѣ у Костеничей шведскій король простоялъ двѣ недѣли, напрасно поджидая Левенгаупта.

Между тѣмъ, Петръ, узнавъ о направленіи принятомъ Карломъ на Украйну, приказалъ генералу Ифланду съ отрядомъ драгунъ опередить шведовъ, замедлять ихъ движеніе и истреблять передъ ними всѣ средства довольствія; генералу Бауру съ 5000 драгунъ слѣдовать за шведами съ тыла, а фельдмаршалу Шереметеву съ главными силами слѣдовать лѣвѣе, прикрывая предѣлы Россіи. Въ тоже самое время государь, узнавъ о приближеніи Левенгаупта къ Днѣпру, рѣшился дѣйствовать противъ шведскаго генерала самымъ рѣшительнымъ образомъ и, съ этою цѣлью, собравъ подъ своимъ начальствомъ до 12000 чел. (въ ошибочномъ разсчетѣ что у противника всего 8, а не 15 тыс., какъ было на самомъ дѣлѣ, выступилъ 15 сентября изъ Соболева (гдѣ были главныя силы), имѣя пѣхоту посаженную на лошадей и вьючный обозъ. Въ тоже самое время Левенгауптъ, съ обозомъ въ 7000 повозокъ, выступилъ изъ Череи, переправился 22-го сентября черезъ Днѣпръ у Шклова и направился къ Пропойску, о чемъ Петръ узналъ не отъ своей конницы, а совершенно случайно. Дѣлая усиленные переходы, Петръ уже 25 сентября настигъ арьергардъ Левенгаупта. Узнавъ, что противникъ гораздо сильнѣе нежели предполагалось, государь рѣшилъ отложить пока нападеніе, а тѣмъ временемъ усилиться, для чего приказалъ Бауру (назначенному преслѣдовать Карла XII съ тыла), идти изъ Кричева съ 8 драгунскими полками на соединеніе съ нимъ, а двумъ остальнымъ полкамъ (Фастманъ) слѣдовать по лѣвому берегу Сожи, чтобы отрѣзать непріятелю на переправѣ отступленіе.

На собранномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было ждать Баура два дня, по истеченіи коихъ во всякомъ случаѣ атаковать непріятеля, успѣхъ надъ которымъ приводилъ къ чрезвычайно важнымъ результатамъ, а неудача не имѣла бы опасныхъ послѣдствій, по невозможности Левенгаупту, связанному обозами, преслѣдовать наши войска. Въ теченіи назначенныхъ двухъ дней Левенгауптъ успѣлъ отступить къ д. Лѣсной, а авангардъ его достигъ Пропойска. Хотя Бауръ не подошелъ, но согласно принятаго рѣшенія, Петръ 28 сентября двинулся къ д. Лѣсной. Между тѣмъ Левенгауптъ, получивъ свѣдѣнія, что мостъ въ Пропойскѣ уничтоженъ и что на противоположномъ берегу Сожи видны значительныя русскія силы (два полка драгунъ Фастмана), подкрѣпивъ свой авангардъ, отправилъ къ Пропойску половину транспорта, а остальныя повозки—около 3000—расположилъ вагенбургомъ впереди д. Лѣсной, ты-

ломъ къ Лѣснянкѣ (237). Позиція Левенгаупта представляла собою небольшую поляну, окружавшую д. Лѣсную съ сѣвера и сѣверо-запада; въ послѣднемъ направленіи поляна соединялась прогалинами съ другою поляною, замыкавшеюся съ сѣвера деревнею Лопатичи. Впереди главной позиціи (д. Лѣсной) шведы имѣли еще передовую у перелѣска,



въ одной верстѣ впереди Лѣсной. Черезъ р. Лѣснянку устроено было нѣсколько переправъ. Передовая позиція была занята 6-ю баталіонами. Русскія войска двигались по лѣсной дорогѣ, отдѣляющейся у с. Лопатичи къ ю. з., такъ какъ болота и испорченныя переправы мѣшали движенію по большой дорогѣ, для прикрытія которой назначено было 1000 драгунъ. Въ головѣ шли: два гвардейскихъ полка, Ингерманландскій пѣхотный баталіонъ, Астраханскій и Невскій драгунскіе полки, причемъ, вслѣдствіе пересѣченной мѣстности, приказано было спѣшиться какъ пѣхотѣ, такъ и драгунскому полку, послѣ чего они перестроились въ боевой порядокъ въ одну линію (остальные драгуны еще не подошли). Едва окончилось перестроеніе, какъ шведы вышли изъ лѣса и атаковали наше лѣвое крыло (ингерманландцы и невскіе драгуны). Притянувъ влѣво гвардейцевъ и астраханцевъ, Петръ рѣшительно атаковалъ шведовъ и оттѣснилъ ихъ на главную позицію,

причемъ захвачено у непріятеля два орудія. Такъ какъ къ этому времени подошли остальные наши драгунскіе полки, то Петръ двинулся для атаки главной непріятельской позиціи, причемъ при выходѣ изъ лѣса былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ и контръ-атаками шведовъ. Послѣ крайне ожесточеннаго боя, шведы къ тремъ часамъ пополудни, потерявъ 8 орудій были отброшены къ своему лагерю Съ обѣихъ сторонъ, какъ бы по взаимному уговору, бой прекратился на два часа. Въ пять часовъ пополудни прибылъ Бауръ и сталъ на лѣвомъ флангѣ, что дало возможность взять оттуда два драгунскихъ полка и перевести на правый флангъ, послѣ чего съ нашей стороны атака возобновилась. Открывъ сначала сильную ружейную пальбу, русскіе затѣмъ бросились со штыками и шпагами въ рукопашную. Послѣ упорнаго сопротивленія лѣвый флангъ шведовъ былъ опрокинутъ и разбитъ и путь отступленія ихъ—дорога на Пропойскъ—былъ въ рукахъ русскихъ; но къ этому времени прибылъ заблаговременно потребованный Левенгауптомъ авангардъ изъ Пропойска и шведамъ удалось прикрыть свой путь отступленія. Тѣмъ не менѣе они потеряли лагерь и, скрывшись за вагенбургомъ, отражали огнемъ атаки русскихъ. Ночь и сильная вьюга прекратили бой. Левенгауптъ, маскируясь бивачными огнями, ночью еще отступилъ на Пропойскъ, оставивъ на мѣстѣ раненыхъ, вагенбургъ и орудія. Прибывъ къ Пропойску и узнавъ, что мостъ чересъ р. Сожь сломанъ, Левенгауптъ вынужденъ былъ сжечь остальную часть своего транспорта и, отдавъ лошадей пѣхотѣ, двинулся внизъ по правому берегу р. Сожи. 29-го на разсвѣтѣ, узнавъ объ отступленіи непріятеля, Петръ выслалъ Флуга съ нѣсколькими полками драгунъ, частью казаковъ и калмыковъ для преслѣдованія. Флугъ настигъ часть арьергарда у Пропойска и разбилъ его, но Левенгауптъ съ 5—6 т. челов. спасся и, переправившись черезъ р. Сожь, верстахъ въ 15-ти южнѣе Пропойска (у д. Глинки), двинулся на соединеніе съ королемъ, котораго, черезъ 12 дней труднаго марша, нагналъ въ Раховѣ.

Петръ приказалъ Меньшикову съ остальною кавалеріею слѣдовать въ Украйну къ главной арміи, а самъ съ пѣхотою 2-го октября двинулся къ Смоленску—по причинамъ, которыя до сихъ поръ не выяснены. Только 20-го октября пѣхота изъ Смоленска направилась въ Малороссію.

Матеріальныя, а особенно моральныя послѣдствія побѣды при Лѣсной (названной Петромъ матерью побѣды Полтавской) были громадны. Левенгауптъ потерялъ весь транспортъ, всю артиллерію и около $^2/_3$ всѣхъ своихъ войскъ. Наши потери простирались до 4000 человѣкъ. Въ тактическомъ отношеніи это сраженіе указываетъ на замѣчательные успѣхи русскихъ войскъ, которыя дрались тутъ уже «солдатскимъ строемъ».

Войска были построены въ общепринятомъ тогда боевомъ порядкѣ—двѣ тонкія линіи, пѣхота въ центрѣ, кавалерія по флангамъ, причемъ двигались къ непріятелю, сохраняя строгій порядокъ; на разстояніи мушкетнаго выстрѣла они останавливались для производства частаго

огня изъ сомкнутаго строя («зальфы»), а затѣмъ бросались въ штыки (238). «Тутъ первая солдатская проба была», говоритъ Петръ въ своемъ журналѣ.

Съ другой стороны нечего и говорить какой страшный ударъ былъ нанесенъ Карлу XII подъ Лѣсной; въ особенности невознаградимой для него была потеря боевыхъ припасовъ, восполнить которые онъ уже не имѣлъ никакой возможности.

Между тѣмъ Малороссія не послѣдовала примѣру своего гетмана и осталась вѣрной Россіи. Первый примѣръ этому подалъ въ Стародубѣ полковникъ Скоропадскій, который принялъ въ городѣ Ифланда и рѣшился защищаться противъ шведовъ. Карлъ XII вынужденъ былъ продолжать свой маршъ къ Новгороду-Сѣверскому, но и тамъ предупрежденъ былъ русскими, причемъ жители Сѣверской области съ приближеніемъ шведовъ оставляли свои жилища, угоняя скотъ и увозя запасы. Самъ гетманъ, обманутый въ своихъ разсчетахъ, оставивъ въ Батуринѣ сильный гарнизонъ, явился къ Карлу всего съ 4—5 тысячами казаковъ. Узнавъ объ измѣнѣ Мазепы, Петръ тотчасъ обнародовалъ манифестъ и призвалъ малороссіянъ къ избранію новаго гетмана, которымъ сталъ Скоропадскій. Въ тоже время Меньшиковъ взялъ приступомъ Батуринъ и истребилъ его, для примѣра, вмѣстѣ съ населеніемъ. Такимъ образомъ шведскій король лишился этого важнѣйшаго опорнаго пункта въ странѣ. Узнавъ объ этомъ, Карлъ XII повернулъ къ югу и занялъ въ половинѣ ноября Гадячъ и Ромны, гдѣ наконецъ нашелъ необходимые запасы и расположился на зимнихъ квартирахъ между Гадячемъ, Ромнами, Лохвицею и Прилуками *).

*) Любекеръ въ Ингерманландіи также не имѣлъ успѣха и, терпя во всемъ крайній недостатокъ, долженъ былъ посадить свои войска на суда и увезти ихъ моремъ въ Финляндію, причемъ часть этихъ войскъ была во время амбаркаціи атакована и разбита русскими.

Съ другой стороны Петръ привелъ свою армію въ Лебединъ, занялъ гарнизономъ Полтаву и расположилъ отрядъ въ Нѣжинѣ и Миргородѣ, окружая шведовъ съ трехъ сторонъ и безпрерывно тревожа ихъ набѣгами. Нападенія не ограничивались мелкими партіями—иногда ихъ предпринимали и главныя наши силы, что заставляло шведовъ сосредоточиваться, производить движенія и пр.

При чрезвычайно суровости погоды, такія тревоги для шведовъ, во всемъ нуждавшихся и не снабженныхъ соотвѣтственно теплой одеждой и обувью, были въ высшей степени изнурительны. Потери ихъ были гораздо больше нежели наши, да притомъ и вознаградить ихъ не было никакой возможности. ([239]).

Съ наступленіемъ весны Карлъ XII, опасаясь чтобы разлившіяся рѣки не раздѣлили его арміи, стянулъ свои войска и занялъ болѣе сосредоточенное расположеніе между Пселомъ и Ворсклою въ раіонѣ Будище (глав. квартира)—Опошня—Рѣшетиловка. Русскія войска группировались въ двухъ массахъ: одна, подъ начальствомъ Шереметева, находилась за р. Хоролемъ, а другая, подъ начальствомъ кн. Меньшикова,—на лѣвомъ берегу Ворсклы въ окрестностяхъ Миргорода.

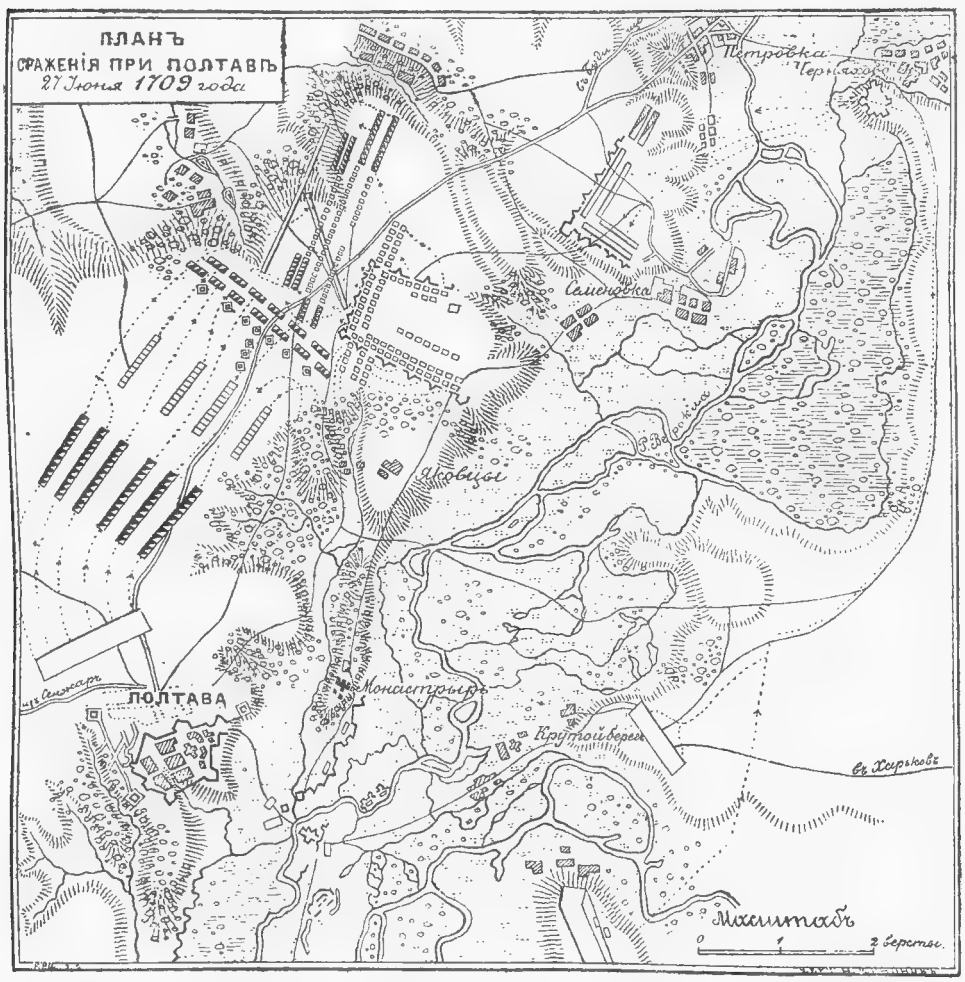
Попытки Мазепы возмутить Малороссію остались безуспѣшными, но гетману удалось привлечь на сторону шведскаго короля запорожскихъ казаковъ, изъ которыхъ 8000 чел., подъ начальствомъ кошеваго атамана Гордѣенки, выступили изъ Сѣчи на присоединеніе къ королевской арміи. Разбивъ по пути нашъ отрядъ въ три драгунскихъ полка, они 26 марта присоединились къ шведамъ. Какъ ни радовался Карлъ XII этой помощи, но она не была существенной въ виду предстоявшей трудной борьбы, а между тѣмъ шведская армія ощущала крайнюю потребность въ порохѣ и снарядахъ, пополнить которые было невозможно. Въ такомъ положеніи Карлъ XII могъ успокоивать себя только надеждами на помощь Турціи, съ которой имѣлъ сношенія, и на прибытіе короля Станислава съ польскою арміею и шведскимъ корпусомъ Крассова; но Турція не рѣшилась нарушить миръ съ Россіею, а король Станиславъ и Крассовъ были удержаны успѣшными дѣйствіями гетмана Синявскаго и отряда Гольца, который посланъ былъ туда Петромъ еще осенью 1708 г. для поддержанія Августа. Нѣкоторыя совѣтовали шведскому королю отступить на Волынь, чтобы соединиться съ Крассовымъ и Станиславомъ, но при этомъ приходилось пройти огромныя пространства, переправиться черезъ Днѣпръ, на которомъ не имѣлось мостовъ,—и все это совершить подъ ударами превосходной числомъ и уже заявившей себя подъ Лѣсной русской арміи.

Карлъ XII не соглашался съ такими предложеніями и рѣшился оставаться, въ ожиданіи осуществленія своихъ надеждъ, въ Украйнѣ.

Такъ какъ при этомъ скорое наступленіе весны позволяло открыть походъ, то Карлъ рѣшился осадить Полтаву, чтобы не оставаться въ полномъ бездѣйствіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, овладѣвъ крѣпостью, пріобрѣсти

выгодный опорный пунктъ. 30 апрѣля Карлъ, въ сопровожденіи старшихъ начальниковъ и подъ прикрытіемъ отряда казаковъ, отправился къ Полтавѣ для рекогносцировки этого пункта.

Полтава лежитъ на правомъ, крутомъ и высокомъ берегу р. Ворсклы, въ которую съ лѣвой стороны впадаетъ, противъ города, р. Коломакъ. Сліяніе рѣкъ образуетъ много рукавовъ, текущихъ въ широкой, низменной, болотистой съ заливными долинѣ. Укрѣпленія Полтавы, выстроенныя для защиты отъ татарскихъ набѣговъ, состояли изъ земляного вала съ деревянною одеждою и съ палисадомъ. Зимою, по приказанію Петра, они были усилены наружными пристройками. Гарнизонъ, подъ начальствомъ храбраго и распорядительнаго коменданта, полковника Келина, состоялъ изъ 4200 регулярныхъ войскъ и 2600 вооруженныхъ жителей; съѣстныхъ припасовъ было въ изобиліи, боевыхъ недостаточно.



Шведская армія, стягиваясь къ Полтавѣ, блокировала ее съ праваго берега Ворсклы и затѣмъ начала осаду.

Въ тоже самое время Меньшиковъ со своими войсками двинулся по лѣвому берегу Ворсклы и расположился противъ Полтавы.

Намѣреваясь усилить гарнизонъ послѣдней, Меньшиковъ показалъ видъ, что желаетъ (15 мая) переправиться выше и ниже Полтавы. Развлекая такимъ образомъ вниманіе непріятеля, онъ двинулъ отрядъ въ 900 чел. пѣхоты, который, по указанію одного крестьянина, пробрался черезъ болота и вошелъ въ городъ. Для обезпеченія сообщенія съ городомъ, Меньшиковъ приказалъ возвести редутъ противъ моста черезъ Ворсклу, а король, для противодѣйствія этимъ намѣреніямъ, тоже построилъ редутъ на берегу рѣки у подошвы высоты, на которой лежитъ Полтава, чѣмъ прервалъ сообщенія города съ Меньшиковымъ.

Въ это время государь, находясь въ Воронежѣ, гдѣ занимался вооруженіемъ флота на случай разрыва съ Турціею, узнавъ объ осадѣ Полтавы приказалъ Шереметеву присоединиться къ Меньшикову и содѣйствовать всѣми силами освобожденію города. Вслѣдствіе этого Шереметевъ перешелъ Пселъ и Ворсклу и присоединился къ Меньшикову 26 мая, послѣ чего русская армія сильно укрѣпилась въ своемъ расположеніи, распространяя свои верки на значительное разстояніе вдоль рѣки. Въ тылу шведской арміи, на правомъ берегу Псела, были оставлены казаки Скоропадскаго и нѣсколько драгунскихъ полковъ, съ приказаніемъ устроить, для перехода въ наступленіе, нѣсколько мостовыхъ укрѣпленій на рѣкѣ. Между тѣмъ осада при помощи запорожцевъ продолжалась и къ половинѣ мая траншеи доведены были до контръэскарпа. Шведы нѣсколько разъ требовали у коменданта сдачи, на что слѣдовалъ рѣшительный отказъ и вылазки; съ своей стороны шведы предпринимали штурмы и 1-го іюня, когда гарнизонъ занятъ былъ тушеніемъ пожара, произведеннаго въ городѣ непріятельскими бомбами, знамя шведовъ развѣвалось даже на крѣпостномъ валу; тѣмъ не менѣе всѣ эти штурмы были отбиваемы мужественнымъ гарнизономъ. 1-го іюня прибылъ къ арміи Петръ и открылъ сношенія съ городомъ посредствомъ пустыхъ бомбъ со вложенными въ нихъ записками. Обрадованные жители и войска поклялись въ церкви драться до послѣдней капли крови и казнить всякаго, какъ измѣнника, кто предложитъ сдачу города.

Въ тоже время государь приказалъ усилить работы на р. Ворсклѣ, а, для отвлеченія вниманія непріятеля, Скоропадскому перейти Пселъ и нападать на тылъ шведовъ. Съ тою же цѣлью приказано было двумъ отрядамъ перейти Ворсклу выше и ниже города. Узнавъ объ этомъ, Карлъ выслалъ выше Полтавы фельдмаршала Рейншильда, а самъ двинулся противъ отряда, направленнаго ниже города. Въ то время, какъ король осматривалъ расположеніе русскихъ, одинъ казакъ, съ противоположнаго берега рѣки, выстрѣломъ раздробилъ ему ногу. Это обстоятельство заставило оба шведскіе отряда возвратиться обратно. Тѣмъ не менѣе всѣ покушенія наши подойти къ Ворсклѣ остались безуспѣшными, такъ какъ этому мѣшали непроходимыя болота и укрѣпленія, выстроенныя шведами на правомъ берегу рѣки; а между тѣмъ Полтава была близка къ паденію, вслѣдствіе истощенія силъ гарнизона

и недостатка пороха. Въ такихъ обстоятельствахъ, Петръ Великій, такъ долго избѣгавшій генеральнаго боя, рѣшился наконецъ всѣми силами атаковать противника, чтобы взятіемъ Полтавы не дать ему возможности еще долго держаться въ Украйнѣ и не произвести неблагопріятнаго для насъ моральнаго впечатлѣнія на малороссіянъ.

Вслѣдствіе такихъ соображеній Петръ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ предстоящей рѣшительной битвѣ. Извѣстивъ гарнизонъ о своемъ рѣшеніи, онъ приказалъ гетману Скоропадскому двинуться на соединеніе съ нимъ черезъ Сорочинцы и Будище; самъ-же съ арміей выступилъ изъ лагеря при Крутомъ берегѣ и, слѣдуя вверхъ по Ворсклѣ, прибылъ въ Черняхово, гдѣ уже стоялъ заранѣе высланный отрядъ Ренне и приготовлена была переправа, прикрытая нѣсколькими редутами.

20-го іюня армія перешла рѣку и окопалась между деревнями Петровкой и Семеновкой. Оставленныя русскими укрѣпленія на Ворсклѣ противъ Полтавы были разорены шведами. 21-го числа Карлъ XII, получивъ ложное извѣстіе о приближеніи русскихъ, построилъ свою армію въ боевой порядокъ вблизи города; въ тоже время отрядъ, оставленный подъ Полтавою, сдѣлалъ приступъ. Шведы надѣялись на дѣйствіе своей мины, подведенной подъ валъ, но она была разряжена, подобно прежнимъ, и штурмъ былъ отбитъ, хотя противникъ дважды взбирался на валъ. Къ этому времени возвратились въ главную квартиру короля его уполномоченные изъ Турціи и Польши съ неблагопріятными для него извѣстіями, что Турція повидимому рѣшилась соблюдать миръ съ Россіей, а, съ другой стороны, что король польскій, удерживаемый Синявскимъ и Гольцемъ, находился въ Великой Польшѣ, не имѣя никакихъ средствъ соединиться съ Карломъ XII. Такимъ образомъ одна лишь побѣда могла обезпечить отступленіе шведовъ изъ Украйны. Но прежде чѣмъ вступить въ бой, король рѣшился, чтобы пріобрѣсти болѣе свободы въ дѣйствіяхъ, сдѣлать еще одно отчаянное усиліе къ овладѣнію Полтавой. 22-го іюня шведы двинулись на штурмъ, продолжавшійся съ величайшимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ цѣлый день.

Гарнизонъ отбилъ всѣ нападенія непріятеля. Утомленные шведы должны были отступить съ потерею около 1675 чел.; русскіе лишились 880 чел. Послѣ этого вся шведская армія сосредоточилась по сѣверной сторонѣ города для противодѣйствія русскимъ, а въ траншеяхъ остались (съ неудовольствіемъ) только запорожцы.

25-го іюня Петръ Великій передвинулъ русскую армію еще версты на 3 внизъ по Ворсклѣ. Новый лагерь, прислоненный тыломъ къ рѣкѣ и тщательно укрѣпленный, расположенъ былъ на равнинѣ, имѣвшей около $2^1/_2$ верстъ въ длину и ширину; къ востоку эта равнина была ограничена рѣкою Ворсклою, съ сѣвера она отдѣлялась лощиной отъ другой равнины, гдѣ находился прежній лагерь (по переходѣ черезъ Ворсклу); западная сторона замыкалась большимъ лѣсомъ, а къ югу находился другой лѣсъ, простиравшійся до Полтавскаго монастыря. Между этими лѣсами былъ

промежутокъ около 2-хъ верстъ, который государь приказалъ преградить шестью редутами, построенными въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одинъ отъ другаго. Такое расположеніе укрѣпленій было совершенно необыкновеннымъ въ то время, при господствѣ сплошныхъ непрерывныхъ линій.

Семнадцать полковъ русской конницы были поставлены въ двѣ линіи за этими редутами. Остальные 6 полковъ драгунъ были отряжены далѣе вправо для связи съ гетманомъ Скоропадскимъ, еще не соединившимся съ арміею. Вся пѣхота, числомъ въ 56 баталіоновъ, заняла укрѣпленный лагерь, и кромѣ того два баталіона назначены были для обороны редутовъ. Общая числительность русскихъ войскъ—58 батал., 24 полка кавалеріи (изъ нихъ 6 въ отдѣлѣ) при 72 орудіяхъ, полагая баталіонъ въ 500 чел. и драгунскій полкъ въ 800 ч —простиралась до *47500 чел.*, въ томъ числѣ $18^1/_2$ т., кавалеріи, изъ нихъ 6 полковъ драгунъ (ок. 5 т.), назначенныхъ для связи съ гетманомъ, не приняли участія въ Полтавскомъ сраженіи.

Желая по возможности обезпечить себѣ шансы успѣха въ предстоявшемъ рѣшительномъ столкновеніи, Петръ выжидалъ прибытія Скоропадскаго съ казаками и 30000 калмыковъ, шедшихъ съ приволжья, вслѣдствіе договора, заключеннаго съ ихъ ханомъ Аюкою. Нападеніе было назначено на 29-е число, когда должны были прибыть ожидавшіяся подкрѣпленія.

26-го іюня Петръ выѣхалъ для обозрѣнія позиціи и приказалъ усилить ее еще 4-мя редутами, расположенными перпендикулярно къ линіи первыхъ шести редутовъ. Идея такого укрѣпленія позиціи была вполнѣ самостоявельна и заслуживаетъ полнаго вниманія. Редуты эти должны были задержать и разстроить атакующаго непріятеля при наступленіи, разрывая его боевой порядокъ на двѣ части, и въ тоже время, при наступательныхъ дѣйствіяхъ русской арміи, они имѣли бы для нея значеніе опорныхъ пунктовъ.

Въ этомъ образцѣ мы имѣмъ единственный примѣръ въ военной исторіи *наступательной укрѣпленной позиціи*. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя два изъ названныхъ редутовъ не были окончены ко дню сраженія, тѣмъ не менѣе идея Петра дала на практикѣ превосходные результаты. Такъ готовился къ бою русскій государь.

Что касается шведскаго короля, то единственная принятая имъ мѣра для обезпеченія отступленія заключалась въ томъ, что онъ размѣстилъ вдоль по Ворсклѣ, отъ Полтавы до Переволочны, четыре полка, силою около 500 чел. каждый, но такъ какъ шведы не имѣли моста на Днѣпрѣ вблизи Переволочны, то выдѣленіе упомянутыхъ отрядовъ напрасно лишь ослабляло шведскую армію передъ сраженіемъ. Числительность ея простиралась до 26,000 чел. (26 бат., 22 полка кавалеріи), кромѣ запорожцевъ.

Карлъ XII, узнавъ что Петръ ожидаетъ подкрѣпленій, рѣшился

атаковать его до прибытія послѣднихъ. 27 іюня, въ 2 часа утра, шведскій король двинулъ свою армію. Впереди шла, въ 4-хъ колоннахъ, пѣхота, долженствовавшая атаковать редуты; за нею двигалась кавалерія въ шести колоннахъ; при этихъ войскахъ находилось всего 4 орудія,—прочія, по недостатку пороха, оставлены въ траншеяхъ у Полтавы. Для охраненія обоза и осадныхъ работъ назначены были запорожцы, 2 баталіона пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Карлъ XII, страдая отъ раны, не могъ сидѣть на лошади и приказалъ везти себя въ качалкѣ, запряженной лошадьми; ободряя людей, онъ весело шутилъ съ ними и приглашалъ офицеровъ на пиръ въ шатрахъ московскаго царя, напоминалъ имъ Нарву и проч. Русскій же царь воодушевлялъ свои войска своимъ безсмертнымъ приказомъ: «Воины, пришелъ часъ, который рѣшитъ судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за родъ свой, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. Не должна васъ смущать слава непобѣдимости непріятеля, которой ложь вы доказали не разъ своими побѣдами. Имѣйте въ сраженіи передъ собою правду и Бога защитника вашего, а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи, для благосостоянія вашего». Объѣзжая полки, государь собиралъ офицеровъ, напоминалъ имъ ихъ долгъ и отдавалъ приказанія. «Порадѣйте-жъ товарищи—говорилъ государь—вѣра, церковь и отечество этого отъ васъ требуютъ». Восторженные клики войскъ были отвѣтомъ на слова царя.

Еще до солнечнаго восхода завязался бой на передовыхъ редутахъ; два изъ нихъ, не оконченные, были скоро взяты, но остальные представили упорное сопротивленіе непріятельскимъ нападеніямъ, причемъ конница поддерживала защищавшую укрѣпленія пѣхоту и имѣла нерѣдко въ отдѣльныхъ схваткахъ успѣхъ надъ непріятелемъ. Карлъ XII двинулъ впередъ всю свою конницу, причемъ въ интервалахъ между редутами завязалось упорное кавалерійское дѣло. Меньшиковъ, Ренне, Бауръ лично водили полки въ атаку. Такъ какъ шведская конница могла бы быть поддержана своею пѣхотою, а русская противодѣйствовала ей лишь собственными силами, потому что наша пѣхота находилась за окопами въ лагерѣ, то Петръ приказалъ Бауру (Ренне раненъ, подъ Меньшиковымъ убиты двѣ лошади) отступать черезъ равнину, стараясь уклонить свой правый флангъ назадъ, а лѣвый примкнуть къ лагерю, который такимъ образомъ служилъ осью при перемѣнѣ фронта конницею. Замѣтивъ это и встрѣчая упорное сопротивленіе у редутовъ, Карлъ XII рѣшился пройти въ интервалы между ними, непосредственно за кавалеріею. Не смотря на огонь изъ редутовъ, шведская пѣхота смѣло двинулась насквозь, но при этомъ правый ея флангъ проходилъ не далѣе какъ въ 30-ти саженяхъ отъ укрѣпленнаго лагеря. Пользуясь этимъ, русскіе открыли сильный фланговый картечный огонь изъ расположенныхъ тамъ батарей. Приведенные этимъ въ безпорядокъ и смя-

теніе, шведы отошли влѣво къ опушкѣ лѣса и, выйдя изъ подъ выстрѣловъ, расположились параллельно нашему лагерю и почти перпендикулярно линіи прежняго фронта, гдѣ приведены были постепенно въ порядокъ. Но не вся шведская армія прошла между редутами. Генералъ Роосъ, начальствовавшій крайней правой колонной, продолжалъ атаку находившихся противъ него редутовъ и, по неизвѣстнымъ причинамъ, не двинулся вмѣстѣ съ остальными войсками черезъ интервалы. Вслѣдствіе этого 6 баталіоновъ и 10 эскадроновъ Рооса отдѣлились отъ арміи и окончательно оторвались отъ нея, когда она свернула, какъ упомянуто выше, влѣво, что дѣлало положеніе этой колонны крайне опаснымъ. Замѣтя это, Петръ немедленно отрядилъ Меньшикова съ 5-ю баталіонами и 5 драгунскими полками для атаки Рооса. Колонна послѣдняго, утомленная рѣшительнымъ сопротивленіемъ редутовъ и разстроенная ихъ огнемъ, отступила въ лѣсъ, къ югу. Тамъ она была настигнута Меньшиковымъ, который нанесъ ей рѣшительное пораженіе, истребивъ большую ея часть. Для преслѣдованія остатковъ, онъ назначилъ пѣхоту подъ начальствомъ Ренцеля, а самъ съ конницей возвратился назадъ. Роосъ искалъ спасенія въ редутахъ, прикрывавшихъ осадныя работы подъ Полтавою, но былъ тамъ окруженъ Ренцелемъ и вынужденъ положить оружіе со всѣми войсками, назначенными для охраненія траншей. Во время этихъ событій, Петръ на главномъ пунктѣ боя, въ ожиданіи атаки короля, вывелъ часть своей пѣхоты изъ лагеря и поставилъ ее по обѣ стороны, чтобы броситься съ фланговъ на шведовъ, когда они устремятся на лагерь съ фронта. Но вскорѣ государь замѣтилъ, что вмѣсто атаки шведы стараются прежде всего о возстановленіи порядка, разстроеннаго сильнымъ огнемъ нашихъ батарей. Государь приказалъ въ 6 ч. утра выйти изъ лагеря остальнымъ частямъ пѣхоты, оставивъ для его охраненія 9 баталіоновъ съ нѣсколькими стами человѣкъ, собранныхъ изъ разныхъ полковъ (изъ нихъ впослѣдствіи отряжено было 3 баталіона для занятія Полтавскаго монастыря и возстановленія сообщенія съ городомъ). Армія наша построилась къ бою впереди лагеря. 42 баталіона образовали центръ подъ начальствомъ Шереметева. При этомъ замѣчательно распоряженіе Петра, въ видахъ наилучшаго достиженія взаимной выручки, чтобы въ каждомъ полку одинъ баталіонъ (или 2 — въ трехбаталіонныхъ полкахъ) находился въ 1-й, а одинъ—во 2-й линіи, которая притомъ была расположена гораздо далѣе отъ 1-й, чѣмъ это было повсюду принято въ то время, и такимъ образомъ можно было, въ случаѣ неудачи, смѣнить 1-ю линію. Кавалерія стала по флангамъ: на правомъ 11 полковъ и лейбъ-эскадронъ Меньшикова, подъ начальствомъ Баура, а на лѣвомъ 6 полковъ, подъ начальствомъ Меньшикова, которые передвинулись съ праваго фланга позади пѣхотныхъ линій. Артиллерія изъ 72 орудій, подъ начальствомъ генерала Брюса, была распредѣлена по фронту.

Шведская армія послѣ пораженія Росса состояла уже лишь изъ

18—20 т., а потому Карлъ, чтобы не быть охваченнымъ съ фланговъ и нанести сразу возможно сильный ударъ, помѣстилъ почти всю свою пѣхоту въ одну линію, съ небольшими лишь резервами, а кавалерія стала по флангамъ въ 2 линіи. Правымъ флангомъ командовалъ Рейншильдъ, лѣвымъ Левенгауптъ. Больной, въ качалкѣ, Карлъ XII приказалъ вести себя передъ баталіонами праваго фланга. Русская армія двинулась впередъ; ея примѣру послѣдовали шведы. Въ 9 ч. утра обѣ стороны сошлись на близкій ружейный выстрѣлъ и открыли жестокій огонь. Воодушевленный присутствіемъ короля правый флангъ шведовъ стремительно бросился на наше лѣвое крыло и потѣснилъ баталіонъ Новгородскаго полка, но образовавшійся опасный промежутокъ быстро былъ заполненъ баталіономъ 2-й линіи, двинутымъ впередъ государемъ. Петръ, воодушевляя войска, самъ подвергался величайшей опасности: одна пуля пробила его шляпу, другая ударила въ грудь, но была удержана нагруднымъ крестомъ, третья найдена въ арчакѣ. Карлъ XII тоже не щадилъ себя; почти вся его свита была перебита; его качалка разбита, такъ что, не смотря на страданія, онъ долженъ былъ сѣсть верхомъ на лошадь. Съ той и съ другой стороны около получаса длилась упорная рукопашная схватка. Ослабленные предварительно и разстроенные огнемъ нашей артиллеріи шведы не могли долго сопротивляться. Когда-же были охвачены съ фланговъ нашей конницей, а съ фронта взяты въ штыки, то вдругъ были опрокинуты на всѣхъ пунктахъ (почти безъ участія нашей 2-й линіи) и въ безпорядкѣ отброшены къ лѣсу въ тылу ихъ. Все поле покрылось трупами шведовъ и въ 11 ч. утра шведская армія нестройными толпами бѣжала къ своему лагерю, тщетно ища тамъ спасенія.

Самъ Карлъ XII, подъ которымъ была убита лошадь, едва не попался въ плѣнъ. Выславъ для преслѣдованія конницу, онъ самъ возвратился въ лагерь. Къ вечеру-же для дальнѣйшаго преслѣдованія были отправлены гвардейскіе пѣхотные полки на коняхъ и 10 драгунскихъ полковъ. Въ бою подъ Полтавою мы лишились 1344 убитыми и 3292 ранеными. Шведовъ убитыхъ найдено на мѣстѣ 9234 чел. и взято въ плѣнъ 2874 чел. (въ томъ числѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ и 4 генерала). Кромѣ того намъ досталось 137 знаменъ и штандартовъ, 4 пушки и пр.

28-го числа Петръ отправилъ князя Меньшикова принять начальство надъ войсками, назначенными для преслѣдованія непріятеля. Меньшиковъ 30 іюля прибылъ къ Переволочнѣ, гдѣ, въ углу, образуемомъ сліяніемъ Ворсклы и Днѣпра, увидѣлъ остатки шведской арміи. Шведы еще наканунѣ прибыли сюда, но не нашли никакихъ средствъ для переправы. Нѣсколько челноковъ послужили лишь для Карла XII, который съ 200 чел. отборной пѣхоты и 800 чел. кавалеристовъ перебрался за Днѣпръ. Ему послѣдовалъ Мазепа съ преданными казаками и запорожцами, числомъ до 1000 чел. Этотъ отрядъ отправился степью къ

турецкой границѣ. Начальство надъ остатками шведской арміи поручено было Левенгаупту, которому Карлъ XII приказалъ стараться пробраться въ Крымъ. Но еслибы шведамъ и удалось перебраться черезъ Днѣпръ, то они неминуемо погибли бы отъ голода въ безлюдной степи. А между тѣмъ подошедшій Меньшиковъ требовалъ сдачи, грозя въ противномъ случаѣ истребленіемъ. Левенгауптъ счелъ себя вынужденнымъ положить оружіе. 5353 пѣх. и арт.. 10521 конницы, 28 орудій съ 127 знаменами и штандартами были взяты отрядомъ Меньшикова. 1-го іюня прибылъ къ Переволочнѣ Петръ и выслалъ отряды за Днѣпръ для преслѣдованія Карла XII. Послѣдній едва спасся при переправѣ черезъ р. Бугъ; большая же часть его конвоя была настигнута и истреблена или взята въ плѣнъ. Въ половинѣ іюля наши войска выступили изъ Украйны ([240]).

Разсматривая походъ, завершившійся рѣшительнымъ погромомъ шведовъ подъ Полтавою, мы остановимся лишь на тѣхъ сторонахъ описанныхъ событій, которыя имѣютъ значенія съ *точки зрѣнія развитія военнаго искусства.* Мы не возьмемъ на себя полной критической оцѣнки дѣйствій обѣихъ сторонъ, для чего нѣтъ и достаточнаго фактическаго матеріала, вслѣдствіе весьма недостаточной научной разработки Сѣверной войны, кромѣ того, повторяемъ, для нашихъ цѣлей это было бы совершенно излишнимъ.

Мѣры, принятыя Петромъ для обороны государства, были указаны нами ранѣе и тамъ же дана имъ оцѣнка. Напомнимъ лишь, что Петръ не искалъ спасенія за длинными оборонительными линіями, какъ это было на западѣ, а, сооружая таковыя, придавалъ имъ лишь цѣну, какъ нѣкоторой преградѣ противъ мелкихъ шаекъ; рѣшенія-же кампаніи онъ искалъ въ полѣ, въ столкновеніи арміи, какъ наиболѣе полной выразительницы народной или государственной силы и энергіи. Кромѣ того онъ глубоко оцѣнилъ всѣ особенныя стратегическія выгоды нашей страны, какъ необъятнаго, бѣднаго экономически и культурно, театра войны и сообразно этому рѣшился (куда-бы ни направился непріятель) втянуть противника въ глубину территоріи, чтобы возможно дальше отвлечь его отъ всѣхъ его средствъ и способовъ, ослабить матеріально и нравственно, чѣмъ и подготовить всѣ шансы окончательной борьбы въ свою пользу. Такова была естественная, вполнѣ сообразная обстановкѣ стратегія Петра Великаго. Не смотря на ея естественность и кажущуюся простоту, она была плодомъ вдохновенія его военнаго генія и вовсе не соотвѣтствовала стратегическимъ понятіямъ того времени, когда господствовали преимущественно пограничныя войны. Впрочемъ значеніе такой стратегической комбинаціи, соображенной съ территоріальными и культурными условіями нашего отечества, и до сихъ поръ, быть можетъ, не вполнѣ сознано и на памяти живущаго поколѣнія Россія выдержала трудную, неудачную борьбу, когда ея вооруженныя силы были искусственно притянуты къ отдаленнѣйшему на границѣ пункту

(Севастополь), съ паденіемъ котораго была сломлена народная энергія и проиграна кампанія.

Рѣшившись на подобный способъ веденія войны, соображенной вмѣстѣ съ тѣмъ съ характеромъ враждебнаго полководца, обладавшаго громадными военными инстинктами, но сумасброда, лишеннаго высшаго военнаго смысла, Петръ Великій постоянно уклоняется отъ боя, желая возможно дальше затянуть непріятеля и возможно больше ослабить его до рѣшительнаго столкновенія. Его повидимому крайняя осторожность въ этомъ отношеніи обусловливалась громаднымъ, какъ говоритъ Морицъ Саксонскій—«невѣроятнымъ», тактическимъ превосходствомъ шведской арміи, опытной, съ боевыми традиціями отъ временъ Густава Адольфа, состоявшей изъ закаленныхъ въ бояхъ ветерановъ, воспитанныхъ рядомъ блестящихъ побѣдъ и предводимыхъ обожаемымъ королемъ-полководцемъ. Петръ могъ противоставить этой страшной силѣ молодую, едва сколоченную, едва обученную регулярную армію, самой знаменательнѣйшей боевой традиціей, которой былъ нарвскій погромъ...

При такихъ условіяхъ «излишняя» осторожность Петра становится вполнѣ понятной и законной. Рѣзкое отличіе въ смыслѣ тактической подготовки двухъ армій вполнѣ объясняетъ также и какъ-бы нѣкоторую первоначальную робкую осторожность нашей конницы, ея неискусство въ развѣдывательной службѣ, особенно если мы вспомнимъ, что и въ настоящее время развѣдывательная дѣятельность конницы представляетъ болѣе отрицательныхъ, нежели положительныхъ образцовъ. Но уклоненіе отъ боя не составляетъ абсолютной системы дѣйствій русской арміи и мы вскорѣ замѣчаемъ весьма серьезныя ея попытки къ частному переходу въ наступленіе (бой при С. Добромъ). Когда-же Петръ Великій замѣчаетъ раздѣленіе непріятельскихъ силъ, причемъ одна изъ частей (Левенгауптъ) образуетъ нѣчто въ родѣ резерва и подвижнаго базиса главной части арміи, то рѣшается обрушиться на первую, не смотря на предполагаемое имъ превосходство непріятельскихъ силъ. Побѣда подъ Лѣсной увѣнчиваетъ вѣрный разсчетъ и рѣшимость Государя, подготовляя морально и матеріально полтавскій погромъ. Таковъ стратегическій смыслъ кампаніи 1708 года, которая представляется намъ однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ военнаго искусства и какъ по замыслу, такъ и по выполненію превосходитъ большую часть кампаній современныхъ Петру Великому.

Своеобразіе театра войны и всѣхъ условій обстановки опредѣляетъ собою своеобразіе этой кампаніи, въ которой проявился вполнѣ самостоятельный творческій геній Петра и подражать кому бы то ни было ему было не въ чемъ и не для чего.

Останавливаясь затѣмъ на Полтавскомъ сраженіи, мы прежде всего замѣтимъ, что оно вполнѣ вызывалось обстановкой и должно было дать рѣшительный результатъ кампаніи. Петръ Великій, избѣгавшій всячески столкновенія съ Карломъ XII, рѣшается, наконецъ, самъ двинуться

противъ него и атаковать своего до тѣхъ поръ непобѣдимаго соперника.

Понимая всю важность этого рѣшающаго акта, Петръ сосредоточиваетъ все что только можно къ бою и только вслѣдствіе лишь того обстоятельства, что Карлъ XII предупреждаетъ его атакою, къ русской арміи не успѣваютъ подойти ко дню боя казаки, калмыки и часть драгунъ; тѣмъ не менѣе Петръ выдвигаетъ $42^1/_2$ тысячи противъ 25 тыс., съ громаднымъ при томъ превосходствомъ артиллеріи. Но «невѣроятное» тактическое превосходство непріятеля заставляетъ его подвигаться осторожно, пользуясь всѣми средствами инженернаго искусства *).

Затѣмъ постройка редутовъ и оригинальная комбинація ихъ была плодомъ вполнѣ самостоятельнаго творчества Петра Великаго, для котораго въ этомъ смыслѣ западно-европейское военное искусство не представляло совершенно подобныхъ образцовъ.

Эта замѣчательная тактически-фортификаціонная комбинація оцѣнена нами выше **).

Во время боя, занявъ сперва оборонительное положеніе, Петръ затѣмъ отлично оцѣниваетъ обстановку и переходитъ въ наступленіе сперва

*) Нѣкоторые упрекаютъ Петра за яко-бы необдуманную смѣлость его перехода черезъ Ворсклу, причемъ русская армія становилась тыломъ къ рѣкѣ, что грозило катастрофой при неудачи. Высказывающіе подобное мнѣніе забываютъ, что Петръ перешелъ рѣку съ тою цѣлью, чтобы двинуться къ Полтавѣ и самому атаковать Карла XII. И общее положеніе дѣлъ, и значительное превосходство силъ, (да еще ожидалось соединеніе со Скоропадскимъ и калмыками), и нѣкоторая уже тактическая опытность русской арміи, одержавшей нѣсколько побѣдъ надъ шведами—все давало право на такое рѣшеніе. Въ оборонительномъ-же бою, за укрѣпленіями, Петръ вполнѣ могъ разсчитывать на успѣхъ; даже небольшой гарнизонъ Полтавы отбивалъ всѣ приступы непріятеля, и послѣдовавшее генеральное оборонительно-наступательное сраженіе потребовало участія лишь конницы и одной почти первой линіи пѣхоты. При такихъ условіяхъ едва-ли можетъ быть рѣчь о рискованности положенія русской арміи передъ сраженіемъ.

**) По поводу Полтавы Роканкуръ говоритъ: «Столь рѣшительная побѣда надъ наилучше дисциплинированными европейскими войсками не была-ли извѣстнымъ предзнаменованіемъ того, что современемъ сдѣлаютъ русскіе? Въ тоже время сдѣланныя ими распоряженія не были-ли предупрежденіемъ и урокомъ для другихъ націй? Дѣйствительно слѣдуетъ отмѣтить этимъ сраженіемъ новую тактическую и фортификаціонную комбинацію, которая была реальнымъ прогрессомъ для той и другой. Царь, отстранивъ рутину, которая съ давнихъ временъ принуждала арміи оставаться неподвижными за ретраншаментами въ длинныхъ линіяхъ, прикрылъ фронтъ своей пѣхоты (?) редутами, отдѣленными значительными интервалами и занятыми 2 баталіонами каждый (?); этимъ именно способомъ, до тѣхъ поръ не употреблявшимся, хотя одинаково удобнымъ для наступленія и обороны, должна была быть уничтожена вся армія авантюриста Карла XII. Маршалъ Саксонскій, вдохновленный воспоминаніями о Полтавѣ, написалъ о превосходствѣ редутовъ главу, которую цитировали всѣ авторы и которая не мало способствовала оставленію длинныхъ линій, чтобы вмѣсто того укрѣплять лишь нѣкоторые пункты; при такой системѣ полетъ доблести ничѣмъ не сдерживается и можно извлекать больше выгодъ изъ мѣстныхъ предметовъ» ([241]).

противъ одной оторвавшейся части (колонна Рооса), а затѣмъ противъ главной арміи, причемъ въ рѣшительную минуту на рѣшительномъ пунктѣ самъ является во главѣ войскъ, не задумываясь жертвовать самимъ собою.

Въ нравственномъ отношеніи Петръ, воспитавшій въ строгой дисциплинѣ, заботливой выучкѣ и школѣ нѣкотораго боеваго опыта свою армію, напутствуетъ ее въ бой приказомъ, который останется однимъ изъ величайшихъ образцовъ и безсмертнымъ памятниковъ величія души этого необыкновеннаго Отца—отечества.

Рѣшительный бой завершается преслѣдованіемъ разбитой арміи, что тоже не соотвѣтствовало понятіямъ времени, когда отступающему строили «золотые мосты».

Въ общемъ Великій Петръ въ вопросѣ комплектованія арміи, въ ея организаціи (напр. вся кавалерія изъ драгунъ; попытки устройства конной артиллеріи); въ рѣшеніи основныхъ стратегическихъ вопросовъ, въ тактическихъ комбинаціяхъ (отдѣльные редуты, наступательная оборона, атака кавалеріи въ карьеръ, безъ пальбы съ коня, а лишь съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ и пр.) нерѣдко далеко опережалъ свое время и являлся вполнѣ самостоятельнымъ творцомъ.

Молодое русское военное дѣло временъ великаго императора уже представляло собою неумирающіе образцы, знаменующіе собою ступени въ развитіи военнаго искусства вообще. Это было замѣчено, какъ знаменитымъ маршаломъ Морицомъ Саксонскимъ, такъ и однимъ изъ французскихъ военныхъ писателей (Роканкуръ), съ грустью сознающимся что Франція временъ Людовика XIV, обладавшая всѣми способами и средствами для развитія военнаго дѣла, должна была поучаться на отдаленномъ востокѣ, гдѣ молодая, едва созданная армія являлась орудіемъ осуществленія военнаго прогресса, созданнаго учрежденіями и дѣятельностью перваго императора *).

Заключеніе.

Изложенные выше подробно факты и соображенія о состояніи всѣхъ отраслей военнаго дѣла и военнаго искусства въ вѣкъ Людовика XIV и Петра Великаго приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Съ постепеннымъ усиленіемъ центральной государственной власти и сосредоточеніемъ государствъ наемныя арміи оказываются мало при-

*) «Какъ бы то ни было, достойно сожалѣнія, что въ теченіи періода, когда мы владѣли всѣми средствами совершенствованія и опытомъ, пріобрѣтеннымъ цѣною столькихъ жертвъ и пролитой крови, все это было потеряно для Франціи. Чувство, порождаемое этимъ размышленіемъ, тѣмъ прискорбнѣе, что именно съ этого времени въ Пруссіи и Россіи мы видимъ опыты, прогрессъ и развитіе моральныхъ и матеріальныхъ силъ, дѣйствіе которыхъ намъ пришлось впослѣдствіи испытать» ([243]).

годными и слишкомъ дорогими, при рѣшеніи обширныхъ политическихъ цѣлей, вслѣдствіе чего идея національныхъ, постоянныхъ войскъ, комплектуемыхъ по обязательному набору, постепенно пріобрѣтаетъ все больше и больше приверженцевъ. Но практическое осуществленіе этой идеи въ западной Европѣ весьма урывочно, неполно и примѣняется большею частью лишь къ войскамъ внутренней службы или милиціямъ. Въ такомъ разрѣшеніи вопросъ остается до революціи 1789 года.—Въ Россіи въ до-петровскую эпоху главную составную часть вооруженныхъ силъ составляютъ ополченія; какъ боевой элементъ они были, конечно, малопригодными; въ западной-же Европѣ ополченіе совсѣмъ уже не созывается, а когда подобная попытка была сдѣлана во Франціи, то созванныя толпы оказались никуда негодными. Что же касается нашихъ стрѣльцовъ и частей, организованныхъ изъ русскаго населенія по нѣмецкимъ образцамъ, то они были менѣе опытны въ военномъ дѣлѣ нежели западно-европейскіе наемники, но за то гораздо болѣе благонадежны, какъ слуги своего государя. Главный же недостатокъ ихъ заключался въ ложности основной идеи ихъ устройства, какъ кастоваго войска. Реформа Петра Великаго, со всѣми свойствами *общеобязательной воинской повинности*, разрѣшаетъ вопросъ о комплектованіи арміи на такихъ широкихъ началахъ какъ нигдѣ на западѣ. Рядомъ съ этимъ установлены были нѣкоторыя основанія, пригодныя въ примѣненіи къ вербовочнымъ войскамъ, но сильно повредившія арміи, комплектовавшейся по обязательной повинности, а именно: безсрочность дѣйствительной военной службы и отдача въ рекруты за преступленія. Послѣдствія этихъ началъ указаны въ текстѣ.

2) Снабженіе войскъ всѣми видами довольствія переходитъ постепенно въ руки правительствъ, а потому войска въ эту эпоху являются несравненно лучше обезпеченными нежели въ предшествующую, когда самъ солдатъ долженъ былъ заботиться о себѣ, имѣть свое собственное хозяйство. Въ смыслѣ обезпеченія всѣхъ нуждъ арміи заходятъ даже слишкомъ далеко и принятая исключительно система довольствія войскъ изъ магазиновъ имѣетъ весьма вредное вліяніе. Разсчитывая только на собственныя средства въ тылу арміи и исключая всякія соображенія о средствахъ театра войны, поставили стратегію въ слишкомъ безусловную зависимость отъ продовольственныхъ соображеній и съузили ея цѣли и задачи. Впрочемъ въ тоже самое время, вслѣдствіе скудости финансовыхъ средствъ, быстроты развитія вооруженныхъ силъ до непомѣрныхъ размѣровъ и несовершенствъ администраціи, солдатъ былъ довольствуемъ весьма неудовлетворительно. Въ Россіи порядокъ и система довольствія были приблизительно устроены также какъ и на западѣ, но съ рѣшительнымъ преобладаніемъ поставокъ натурою отъ земли. Магазинная система вовсе не имѣла у насъ въ эту эпоху такого преобладающаго значенія какъ на западѣ.

3) Система высшаго военнаго управленія методично и въ подроб-

ностяхъ разрабатывается во Франціи и служитъ во многомъ образцомъ для другихъ европейскихъ государствъ. Въ Россіи она сперва носитъ весьма своеобразный отпечатокъ, въ зависимости отъ устройства нашихъ старинныхъ вооруженныхъ силъ, а при Петрѣ устанавливается система коллегіальнаго управленія арміи—механизмъ неповоротливый, тяжеловѣсный, дѣйствующій исправно лишь подъ руководствомъ могучаго императора. Во всемъ прочемъ система высшаго управленія арміею сходна съ западно-европейской. Особенно замѣчательно развитіе центральныхъ органовъ управленія вооруженныхъ силъ во Франціи (министерство) и въ Австріи (гофкригсратъ), принесшихъ много пользы арміямъ въ смыслѣ упорядоченія во всѣхъ отношеніяхъ ихъ военнаго устройства, но въ тоже время давшихъ печальные примѣры крайне вреднаго вліянія ихъ, вслѣдствіе вмѣшательства въ направленіе и ходъ военныхъ операцій.

Военная іерархія и чинопроизводство страдаютъ на западѣ отъ постепеннаго развитія пустыхъ чиновъ и отъ исключительнаго господства производства по старшинству—недостатки совершенно чуждые русской петровской арміи. Вполнѣ оригинальная, въ высшей степени замѣчательная система производства достойнѣйшихъ, по избранію товарищей, установленная Петромъ Великимъ, въ практическомъ приложеніи, съ теченіемъ времени, оказалась неудобной.

4) Устройство военно-судебной части, военное судопроизводство и система наказаній повсюду носятъ печать средневѣковой жестокости, безжалостнаго отношенія къ виновному и тѣхъ унизительныхъ взглядовъ на солдата, которые могли образоваться лишь при условіяхъ тогдашней системы комплектованія армій. Въ до-петровской Руси спеціальнаго военнаго законодательства не существовало, а въ системѣ наказаній царствовалъ произволъ, регулируемый преимущественно лишь обычаемъ. Петръ Великій въ своемъ военномъ законодательствѣ слѣдуетъ лучшимъ европейскимъ образцамъ, которые самостоятельно перерабатываетъ, и первый въ свое время высказываетъ мысль, что лучше оправдать 10 виновныхъ, нежели казнить одного невиннаго.

5) Въ устройствѣ и организаціи войскъ сдѣланъ въ разсмотрѣнную эпоху громадный шагъ впередъ. Арміи становятся постоянными, содержимыми въ значительности и въ мирное время. Они становятся могущественнымъ орудіемъ верховной власти, получаютъ правильное устройство, содержаніе и обученіе. Всѣ отрасли военно-административной службы въ своемъ началѣ или восходятъ до этой эпохи или получаютъ прочное, широкое развитіе въ это время. То что было лишь намѣчено въ прежнее время теперь получаетъ рѣзкія, опредѣленныя формы и полное содержаніе, сообразно потребностямъ многочисленныхъ, постоянныхъ регулярныхъ армій. Военно-административная организація широкой сѣтью раскидывается надъ всею вооруженною силою.

Что касается устройства войскъ по родамъ оружія, то пѣхота организуется окончательно въ баталіоны, полки и бригады. Въ военное

время нѣсколько послѣднихъ соединяется подъ начальствомъ генералъ-лейтенантовъ, а въ русской арміи появляются уже дивизіи. Впрочемъ эти организаціонныя единицы высшаго порядка устанавливаются недостаточно прочно, особенно на западѣ. Еще менѣе такая организація находитъ примѣненія въ кончицѣ, которая образуетъ роты, эскадроны и полки, соединяемыя случайно въ единицы высшаго порядка. При многочисленности тогдашнихъ армій такая незаконченность представляетъ несомнѣнно ощутительныя неудобства и указываетъ на несовершенство войсковой организаціи. Въ тактическомъ отношеніи пѣхота, вооружившись ружьемъ со штыкомъ, дѣлаетъ громадный шагъ впередъ. Уничтожается потребность въ двухъ родахъ пѣхоты—легкой и тяжелой, мушкетеровъ и пикинеровъ; повсюду видимъ одну пѣхоту, универсальную, пригодную для всякаго боеваго назначенія. Конница весьма разнообразна. По прежнему есть тяжелая, средняя и легкая кавалерія (наименѣе цѣнимая), причемъ средняя особенно умножается. Въ эту именно эпоху драгуны (тоже типъ универсальной конницы) вездѣ увеличиваются въ числѣ, а въ Россіи при Петрѣ они являются почти исключительнымъ родомъ кавалеріи (за исключеніемъ казаковъ, способныхъ ко всякаго рода боевой дѣятельности, и небольшой части гусаръ).

Артиллерія совершенствуется въ своей матеріальной части, но все таки мало подвижна, не имѣетъ точныхъ правилъ и средствъ для стрѣльбы, болѣе поэтому полезна при оборонительныхъ и крѣпостныхъ операціяхъ нежели при наступательныхъ полевыхъ. Но весьма важное усовершенствованіе ея заключается въ правильной организаціи ея личнаго состава, на чисто войсковыхъ началахъ.

6) Тактическое искусство принимаетъ весьма одностороннее направленіе въ своемъ развитіи. Огнестрѣльный бой, вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ оружейной техники, получаетъ слишкомъ преобладающее значеніе; такъ что даже на штыкъ смотрятъ какъ на оборонительное, а не наступательное оружіе. Вслѣдствіе всего этого пѣхота строится въ сплошныя тонкія линіи и занимаетъ позиціи сильно прикрытыя съ фронта. Примѣненія къ мѣстности почти не существуетъ внѣ этого исключительнаго и односторонняго пользованія ею. При такихъ условіяхъ въ дѣйствіяхъ пѣхоты много пассивности; активная роль лежитъ главнымъ образомъ на конницѣ, которая сосредоточивается въ массахъ на флангахъ боеваго порядка и играетъ сравнительно бо́льшую роль нежели это мы видимъ въ правильно организованныхъ и функціонирующихъ арміяхъ. Не смотря на такое значеніе и роль конницы, она придерживается прежней ложной системы дѣйствій, основанной на пальбѣ съ коня и сдержанныхъ аллюрахъ. Исключеніе представляетъ лишь шведская и русская конница и частью кавалерія «Королевскаго военнаго дома» во Франціи, производящія стремительныя атаки въ бою съ саблями наголо.

Въ боевыхъ порядкахъ господствуетъ тонкое построеніе въ двѣ ли-

ніи развернутыхъ баталіоновъ и эскадроновъ (на крыльяхъ). Симетрія имѣетъ при этомъ значеніе, и вліяніе ея замѣчается даже при распредѣленіи офицеровъ въ частяхъ, не соображенномъ съ боевыми потребностями, а удовлетворяющемъ лишь требованіямъ симетріи. Общаго резерва въ боевомъ порядкѣ почти вовсе не существуетъ и нѣтъ никакой части для усиленія боеваго порядка, парированія случайностей, постепеннаго развитія боя и т. д. Отсюда—господство параллельныхъ столкновеній по всему фронту, что одно уже отодвигало тактическое искусство далеко назадъ. Недостатки такихъ боевыхъ построеній и системы дѣйствій были лишь впослѣдствіи сознаны Фридрихомъ Великимъ и въ этомъ заключалась тайна его побѣдъ.

7) Инженерное искусство дѣлаетъ въ фортификаціонномъ отношеніи большой шагъ впередъ во Франціи при Вобанѣ. Но особенно колоссальный успѣхъ замѣтенъ въ искусствѣ атаки крѣпостей, наступательный характеръ котораго былъ развитъ Вобаномъ (параллели, рикошетный выстрѣлъ, охватъ противника) до высшей степени. Полевое военно-инженерное искусство принимаетъ одностороннее направленіе, примѣняясь къ требованіямъ современной стратегіи и тактики, вслѣдствіе чего появляются непрерывныя, тянувшіяся на огромномъ пространствѣ, оборонительныя линіи, одинаково сильныя или одинаково слабыя по всему протяженію, причемъ характеръ ихъ вполнѣ пассивный. Въ долговременной фортификаціи Россія не даетъ намъ самостоятельныхъ образцовъ, и въ этомъ отношеніи пользуется западно-европейскимъ искусствомъ. Но за то въ полевой фортификаціи Петръ Великій обнаружилъ геніальную изобрѣтательность и далъ единственный въ своемъ родѣ образецъ укрѣпленной наступательно-оборонительной позиціи (Полтава).

8) Стратегическое искусство, по сравненію съ эпохой Густава-Адольфа, постепенно падаетъ, вслѣдствіе принятой системы довольствія изъ магазиновъ, пристрастія къ методизму, и стремленія необыкновенно усилившейся центральной военно-административной власти къ руководству издали стратегическими операціями, вмѣшиваясь во всѣ подробности ихъ веденія. Отсюда — ничтожность цѣли дѣйствій, отсутствіе смѣлыхъ вторженій, господство пограничныхъ крѣпостныхъ войнъ, гдѣ все подчиняется опредѣленнымъ даннымъ, разсчету, а стратегія заключена въ узкія рамки, полетъ стратегическаго генія не имѣетъ простора. Дѣйствія на сообщенія, вслѣдствіе магазинной системы довольствія, и позиціонно-маневренная война, по тактическимъ свойствамъ войскъ и изъ ложнаго подражанія Тюренню и Монтекукули, пріобрѣтаютъ преобладающее значеніе. Бой отходитъ на второй планъ, главное—маневры. Въ дѣйствіяхъ Петра Великаго мы не видимъ увлеченія ложнымъ методизмомъ. Операціи ведутся строго сообразно обстановкѣ и завершаются рѣшительнымъ столкновеніемъ, превосходно подготовленнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Противникъ Петра

тоже не методикъ, но уже нѣчто совершенно противоположное — сумасбродъ, дѣйствующій очертя голову.

Въ стратегической оборонѣ замѣчается на западѣ стремленіе къ разброскѣ войскъ, что постепенно привело къ *кордонной* системѣ, разрушенной лишь долго спустя побѣдами Бонапарта.

ОЧЕРКЪ

военной литературы первой половины XVIII столѣтія, въ главнѣйшихъ ея представителяхъ.

Высокое политическое значеніе Франціи при Людовикѣ XIV, безпрерывныя войны, веденныя въ это царствованіе, блестящее состояніе общей литературы—неизбѣжно имѣли сильное вліяніе и на оживленіе интереса къ теоретическому изученію военнаго дѣла. Движеніе въ этомъ смыслѣ, начавшееся въ западной Европѣ съ эпохи возрожденія, никогда не прекращалось; но въ первую половину XVIII столѣтія оно пріобрѣтаетъ небычную силу, и военная литература начинаетъ широко развиваться. Печальное состояніе арміи и военнаго искусства того времени, о чемъ сказано выше, заставляетъ современниковъ невольно переноситься мыслью къ отдаленнымъ временамъ классической древности и тамъ искать для себя образцовъ и необходимыхъ указаній. Греческіе и римскіе писатели тщательно изучаются лучшими военными людьми эпохи, о которой мы говоримъ, и служатъ имъ авторитетными источниками для установленія часто не только основныхъ началъ, но и деталей теоріи военнаго дѣла. Франція, дававшая въ это время тонъ западной Европѣ во всѣхъ отношеніяхъ государственной, политической и общественной жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ отличалась и наибольшимъ богатствомъ военной литературы. Такимъ образомъ изученіе твореній главнѣйшихъ военныхъ писателей Франціи того времени послужитъ намъ достаточнымъ источникомъ для ознакомленія съ состояніемъ и развитіемъ идей въ первой половинѣ XVIII столѣтія, по отношенію къ военному дѣлу.

Фекьеръ (1648—1711 г.).

Фекьеръ началъ службу въ рядахъ французской арміи солдатомъ. Во время войны 1672—1673 г. онъ состоялъ адъютантомъ при Люксамбургѣ; затѣмъ принималъ болѣе или менѣе значительно участіе во многихъ войнахъ и дослужился до чина генералъ-лейтенанта. Въ войнѣ за испанское наслѣдство онъ не участвовалъ, впавши въ немилость короля за слишкомъ рѣзкую критику нѣкоторыхъ генераловъ. Въ 1701 году Фекьеръ удалился въ Амстердамъ, гдѣ и напечаталъ свое сочиненіе: «Memoires de M. le Marquis de Feuguiére e. t. c.», появившееся въ свѣтъ 20 лѣтъ спустя послѣ его смерти. Фекьеръ имѣлъ много враговъ, потому что рѣзко бичевалъ современные ему пороки и недостатки и строго

требуя дисциплины, съ твердостью самъ ее подерживалъ. Къ сожалѣнію неудачи по службѣ и немилости короля сдѣлали Фекьера несправедливымъ въ оцѣнкѣ современниковъ. Сужденія о послѣднихъ подчиняются у него страстямъ, обусловливаемымъ его личными отношеніями. Такъ, напримѣръ, описывая сраженіе при Рамильи, Фекьеръ одобряетъ Мальборо за то, что послѣдній повелъ атаку въ колоннахъ. Но говоря о блестящемъ для французовъ дѣлѣ при Шпейербахѣ, онъ находитъ, что Тальяръ слишкомъ быстро появился предъ противникомъ и относитъ это сраженіе къ категоріи *нечаянныхъ нападеній*, причемъ по его мнѣнію *внезапно былъ застигнутъ* не принцъ Гессенскій (разбитый на голову), а *Тальяръ, потому что атаковалъ противника прямо въ походныхъ колоннахъ*! Такое противорѣчіе въ сужденіяхъ объясняется только слѣпой ненавистью Фекьера къ Тальяру. Разсуждая о сраженіи при Мальплаке (1709 г.), Фекьеръ невольно признаетъ косвенный боевой порядокъ, а между тѣмъ основное требованіе всѣхъ его разсужденій о боѣ заключается въ томъ, чтобы войска непремѣнно *разворачивались и становились всѣмъ фронтомъ*, т. е. вели-бы параллельный бой. Потому онъ съ упорствомъ отказываетъ въ названіи *сраженій* тѣмъ столкновеніямъ, въ которыхъ не было выполнено упомянутое условіе. Между тѣмъ замѣчательнѣйшія битвы въ исторіи опровергаютъ излюбленное правило Фекьера и не встрѣчается даже примѣра *одновременнаго* столкновенія двухъ армій *всѣмъ фронтомъ*. При *Арбеллахъ* Александръ удерживаетъ свой лѣвый флангъ и атакуетъ персовъ правымъ; при *Тунисѣ* Ксантиппъ атакуетъ оба фланга Регула и оставляетъ противъ центра только слоновъ. При *Каннахъ* Анибалъ имѣетъ дѣло лишь съ центромъ римской арміи. Главныя сраженія, данныя Тюренемъ, — всѣ въ этомъ же родѣ. Всѣ эти факты были извѣстны Фекьеру, но пристрастная и ложно направленная мысль обходила ихъ. Говоря о сраженіи при Кастильоне (выигранномъ въ 1706 г. Медави), онъ замѣчаетъ: «*Этотъ день ознаменованъ однимъ изъ величайшихъ событій, такъ какъ обѣ арміи атаковали всѣмъ фронтомъ*»; но, вспомнивъ свои личные счеты, прибавляетъ «*хотя онѣ не вступили въ бой одновременно всѣмъ фронтомъ*».

Каріонъ Низасъ справедливо при этомъ замѣчаетъ, что добросовѣстный послѣдователь Фекьера могъ бы спросить у своего учителя сколько именно людей съ каждой стороны должны столкнуться, чтобы бой пріобрѣлъ право называться сраженіемъ, ибо, при неопредѣленности этого условія, ударъ двухъ эскадроновъ или батальоновъ, сталкивающихся всѣмъ фронтомъ, могъ бы называться сраженіемъ, тогда какъ столкновеніе двухъ стотысячныхъ армій, гдѣ съ каждой стороны приняли бы участіе въ дѣлѣ 30—40 тысячъ, не удостоилось-бы этого названія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда Фекьеръ спокоенъ духомъ и не увлекается пристрастіемъ или закоренѣлыми предразсудками, тамъ мысль его отличается ясностью, точностью и блескомъ внѣшняго выраженія. Это можно видѣть, напр., тамъ, гдѣ онъ говоритъ о Конде, Тюреннѣ и Люксамбургѣ и пр., которымъ, какъ сошедшимъ уже тогда со сцены, онъ отдаетъ полную справедливость.

Указанныя достоинства его таланта проявляются и въ изслѣдованіяхъ совершенно другого рода, а именно въ топографическомъ описаніи Пьемонта, которое, отличаясь полнотой при краткости, можетъ быть названо вмѣстѣ съ тѣмъ, урокомъ военнаго искусства, по одной изъ важнѣйшихъ его отраслей. Во всякомъ случаѣ Фекьеръ рѣдко возвышается до *обширныхъ обобщеній*, чаще всего онъ останавливается на своихъ личныхъ мнѣніяхъ, привязывается къ фактамъ и мелочнымъ де-

талямъ. Такъ, напримѣръ, онъ справедливо вооружается противъ недостаточности состава полка въ одинъ баталіонъ и находитъ, что полки эти, не превосходящіе числительностью 500 чел., разоряютъ государей одними своими штабами. Но рядомъ съ этимъ *для увеличенія числа офицеровъ*, онъ желаетъ, чтобы роты пѣхоты состояли изъ 50 чел. и не упоминаетъ вовсе объ унтеръ-офицерахъ, составляющихъ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ въ личномъ составѣ войскъ. Фекьеръ негодуетъ на страшно увеличившееся въ его время количество отдѣльныхъ частей, имѣвшихъ столь слабую числительность, что онѣ представляли лишь таблицу номенклатуры безъ всякаго почти реальнаго содержанія, но все это не приводитъ къ опредѣленнымъ и точнымъ выводамъ относительно организаціи войскъ, къ изслѣдованію боеваго и административнаго значенія баталіона и опредѣленію на основаніи этихъ условій его состава и числительности.

Однообразная *мундирная одежда* войскъ была во время Фекьера новостью, но уже при самомъ началѣ ея введенія давали себѣ чувствовать различныя злоупотребленія въ этомъ дѣлѣ, исходившія отъ ложно понимаемыхъ условій красоты. «Обмундировка пѣхотинца, говоритъ Фекьеръ, должна быть хороша, *но проста, безъ украшеній и не затруднять его при исполненіи всѣхъ служебныхъ обязанностей*. Къ чему снаряжать его ненужной тяжестью и заставлять постоянно носить вещи, которыя годятся только для наряда въ день смотра? Развѣ человѣкъ имѣетъ на столько силъ, что не нужно ихъ беречь? И если скажутъ, что эти украшенія вѣсятъ немного, то я отвѣчу, что во всякомъ случаѣ онѣ занимаютъ мѣсто, которымъ солдатъ съумѣлъ бы лучше воспользоваться Не лучше ли если-бы во Франціи отдѣлались отъ того, что называютъ *хорошій видъ* въ одеждѣ солдата».

Подобно Монтекукули, Фекьеръ полагаетъ, что *оборонительная война* требуетъ болѣе искусныхъ соображеній нежели наступательная и что при оборонительной войнѣ нужно имѣть болѣе кавалеріи, «потому что она (т. е. оборонительная война) троякаго рода: или совершенно непредвидѣнная, или плохо подготовленная, или сдѣлавшаяся оборонительною, вслѣдствіе пораженій». *Сосредоточеніе армій* передъ войною, говоритъ онъ, зависитъ отъ характера послѣдней. *При оборонительной войнѣ* крѣпости слѣдуетъ занимать пѣхотою; кавалерію имѣть внѣ ихъ для того, чтобы подавать помощь угрожаемымъ пунктамъ, охранять транспорты, нападать на противника при его фуражировкахъ и захватывать непріятельскіе транспорты. Что касается сосредоточенія *для наступленія*, то авторъ останавливается преимущественно на совѣтахъ по обложенію и осадѣ крѣпостей; для этого онъ рекомендуетъ прежде всего демонстраціями отвлечь отъ крѣпости вниманіе противника, затѣмъ быстро охватить ее кавалеріею, а потомъ и пѣхотой. Далѣе онъ указываетъ необходимость выбора позицій для арміи, удобныхъ въ продовольственномъ отношеніи.

Относительно *маршей* Фекьеръ говоритъ, что они должны производиться въ зависимости отъ условій страны, времени, намѣреній, удаленія противника и т. п. Вообще же онъ замѣчаетъ, что двигаться слѣдуетъ въ томъ порядкѣ какъ придется расположиться въ лагерѣ или сражаться. Онъ не даетъ правилъ на всякіе случаи, а лишь общія руководящіе основанія и разбираетъ обстановки маршей. *Относительно атаки оборонительныхъ линій, прикрывающихъ страну*, Фекьеръ говоритъ, что къ этимъ линіямъ стали часто прибѣгать съ тою цѣлью, чтобы воспрепятствовать сбору контрибуцій, содѣйствовать производству послѣд-

нихъ въ непріятельской странѣ, облегчать сообщеніе между укрѣпленными пунктами безъ конвоя и т. п. Но Фекьеръ опровергаетъ всѣ эти доводы и находитъ, что упомянутыя линіи вредны въ оборонительномъ отношеніи. Во первыхъ, армія, расположенная за линіями, можетъ выйти изъ нихъ только узкимъ фронтомъ, тогда какъ противникъ, подошедши къ нимъ, пользуется полною свободою движеній и можетъ производить ихъ самымъ смѣлымъ образомъ; во вторыхъ, обширныя линіи влекутъ необходимость расположенія войскъ по всему ихъ фронту, что обусловливаетъ собою всегдашнее раздробленіе армій и легкость прорыва линіи. Однимъ словомъ замѣчаетъ онъ: «армія, стѣсненная въ движеніяхъ, всегда слабѣе той, которая исполняетъ ихъ свободно и безъ всякаго опасенія».

Относительно дѣйствія въ *циркумвалаціонныхъ линіяхъ* Фекьеръ ставитъ правиломъ никогда не ожидать противника за этими линіями, такъ какъ свобода передвиженій всегда на сторонѣ подходящихъ войскъ, а запертыя въ циркумвалаціонныхъ линіяхъ стѣснены въ движеніяхъ и не имѣютъ надлежащаго простора для своихъ дѣйствій. Въ вѣкъ господства маневровъ, дѣйствій на сообщенія, Фекьеръ, подобно огромному большинству своихъ современниковъ, полагаетъ, что *бой долженъ даваться не иначе, какъ только по настоятельной необходимости или по самымъ важнымъ причинамъ.*

Пюйсегюръ (1655—1743 г.).

Маркизъ Пюйсегюръ вступилъ въ 1677 г. на службу въ пѣхотный королевскій полкъ, въ которомъ дослужился до чина подполковника.

Въ 1696 г. онъ былъ уже генералъ-квартирмейстеромъ, а въ 1704 г. генералъ-лейтенантомъ. Людовикъ XIV питалъ большое уваженіе къ его военнымъ дарованіямъ и принималъ его совѣты при составленіи плановъ кампаніи. Въ 1724 г. Пюйсегюръ сдѣланъ былъ маршаломъ. Послѣдними годами своей жизни онъ воспользовался, чтобы свести вмѣстѣ все написанное имъ о военномъ дѣлѣ въ сочиненіи, появившееся въ 1748 г., подъ заглавіемъ «*Art de la guerre*».

Въ этомъ сочиненіи Пюйсегюръ съ величайшею энергіею сражается съ грубыми предразсудками и злоупотребленіями своего времени. Онъ говоритъ, что могъ бы давнымъ давно развить свои принципы, «но, прибавляетъ, когда исполняешь нисшія должности и желаешь примѣнить къ дѣлу пріобрѣтенныя съ большимъ трудомъ знанія, то находишь множество старшихъ, считающихъ для себя это обидою. Такимъ образомъ, заключаетъ онъ, поневолѣ приходится молчать; и старые обычаи всегда существуютъ». Долгимъ опытомъ и наблюденіемъ Пюйсегюръ пришелъ къ убѣжденію, что большая часть того чему обучали войска въ его время было «непримѣнимо на дѣлѣ». «Въ этомъ—замѣчаетъ онъ—сознаются; но такъ какъ не знаютъ какъ дѣлать иначе, то говорятъ: «*это развиваетъ солдата*». «Офицеръ—прибавляетъ онъ—не болѣе свѣдущъ; его ничему другому не учатъ; онъ даже не имѣетъ книги, могущей ознакомить его съ первыми элементами искусства».

Пюйсегюръ, имѣвшій столько опытности и практики, признаетъ, что практика и опытность недостаточны въ военномъ дѣлѣ. «Если-бы—говоритъ онъ—значительное количество сдѣланныхъ кампаній, сраженій, въ которыхъ пришлось участвовать, были бы средствомъ самоё по себѣ достаточнымъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ къ исполненію выс-

шихъ военныхъ обязанностей, то отсюда слѣдовало бы, что капралы въ кавалеріи, которые по старшинству достигли бы командованія ротами, могли бы исполнять эти обязанности, а между тѣмъ это не такъ *).

Такимъ образомъ можно заключить, что теорія и предварительныя знанія безусловно необходимы, ибо тогда малѣйшая практика служитъ источникомъ обширнаго развитія и въ свою очередь образованіе бросаетъ обильный свѣтъ на незначительное число фактовъ личнаго опыта. Пюйсегюръ говоритъ, что онъ самъ началъ изученіе военнаго дѣла съ «Иліады», затѣмъ перечелъ всѣ древнія римскія и греческія сочиненія и при этомъ убѣдился, что мнѣніе о разницѣ въ веденіи войны того времени сравнительно съ періодомъ отъ изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія—невѣрно. Великіе полководцы, говоритъ онъ, всѣхъ временъ держались однихъ принциповъ и принуждены были составлять боевые порядки сообразно характеру мѣстности и той пользѣ, которую могли извлечь изъ употребленія своего оружія.

Въ своемъ сочиненіи Пюйсегюръ не даетъ какой нибудь строго опредѣленной и искусственно выдержанной *системы*. Сочиненіе его раздѣляется на *двѣ части*. Первая начинается различными замѣчаніями о греческихъ и римскихъ милиціяхъ и писателяхъ, говорившихъ о нихъ. Отъ древнихъ временъ онъ переходитъ къ новымъ и, показавъ состояніе французской милиціи при предшествующихъ царствованіяхъ, сравнивши ее съ современной ему, предлагаетъ нѣсколько своихъ построеній. Затѣмъ онъ говоритъ о «военныхъ движеніяхъ», т. е. о движеніяхъ одного или нѣсколькихъ баталіоновъ, эскадроновъ, въ совокупности или по частямъ, развернутымъ фронтомъ, въ колоннахъ и пр., а также о формахъ строя для этихъ частей въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.— Послѣ очерка боевыхъ порядковъ Пюйсегюръ даетъ общія правила для *походныхъ движеній* арміи—наступательныхъ, отступательныхъ и фланговыхъ—на плоскихъ равнинахъ, не представляющихъ мѣстныхъ препятствій, и въ странѣ перерѣзанной лѣсами, горами, болотами и проч.

Прежде всего онъ при этомъ обращаетъ вниманіе *на безконечное разнообразіе театровъ войны*; изслѣдованіе этого вопроса приводитъ его также къ заключенію, что, не смотря на различіе оружія и средствъ, *остается все таки много общихъ условій* для насъ съ древними народами, а потому то и основанія военнаго искусства остаются одни и тѣже.

Боевыя построенія древнихъ казались ему особенно хороши, потому что каждый офицеръ сражался вмѣстѣ со своею частью; въ ожиданіи осуществленія этого естественнаго и разумнаго правила, Пюйсегюръ для того, чтобы по крайней мѣрѣ *распредѣлить на весь баталіонъ* всѣ физическія и моральныя силы, предлагаетъ располагать по обѣ его стороны (правой и лѣвой) одинаковое число старшихъ капитановъ.

«Самые простые боевые порядки, говоритъ Пюйсегюръ, и ранѣе другихъ составленные одни должны быть употребляемы». Руководствуясь этимъ масштабомъ, онъ критикуетъ ученыя и принятыя въ его время формы строя и заключаетъ, что замѣченные имъ недостатки «въ войнѣ за наслѣдство испанскаго престола были причиною потери большаго сраженія (при Рамильи)».

*) Фридрихъ Великій писалъ одному изъ своихъ генераловъ, что офицеръ, имѣющій только опытъ, является человѣкомъ, который ходилъ всякій разъ, когда армія ходила, обѣдалъ, когда всѣ обѣдали, останавливался, когда всѣ останавливались; что по этому мулъ, сдѣлавшій кампанію Евгенія Савойскаго, былъ животное почтенное и достойное повышенія.

Пюйсегюръ съ особенною силою возстаетъ противъ предразсудка, существовавшаго въ его время; а именно, что: «никогда не слѣдуетъ производить передвиженія въ виду противника, безъ риска подвергнуться пораженію». Благодаря этому «войска не обучаются никакимъ передвиженіямъ, которыя бы имѣли цѣлью исправленіе принятаго порядка, и разъ какъ послѣдній нарушенъ, то уже никто не знаетъ какъ его возстановить сообразно требованіямъ обстоятельствъ». Относительно построенія боеваго порядка онъ, хотя и замѣчаетъ, что это зависитъ отъ обстоятельствъ, но все таки полагаетъ можно дать нѣсколько общихъ правилъ. По его мнѣнію армія, построенная для боя, есть *подвижная фортификаціонная постройка*, въ которой всѣ части должны фланкироваться, взаимно поддерживаться и быть въ связи между собою. *Лучшее построеніе безъ интерваловъ* или съ возможно меньшими интервалами. Поклонникъ *огнестрѣльнаго оружія*, Пюйсегюръ развиваетъ до крайности идеи нѣкоторыхъ своихъ современниковъ относительно *перемѣшиванія* въ боевомъ порядкѣ пѣхоты и кавалеріи; онъ идетъ дальше другихъ и предлагаетъ попеременно располагать эскадронъ правѣе и баталіонъ лѣвѣе. Основаніемъ такому построенію служило то соображеніе, что крылья непріятельской линіи, состоящія только изъ одной кавалеріи, не отважатся атаковать эскадроны, перемѣшанные съ пѣхотою, потому что кавалерія естественно боится огнестрѣльнаго оружія. Такимъ образомъ онъ желалъ *предохранить кавалерію отъ атаки*, забывая, что она сама есть наступательный родъ оружія. Заботы Пюйсюгера были тѣмъ болѣе безплодны, что, какъ извѣстно, можно привести примѣры, гдѣ кавалерія, расположенная на флангахъ, не опасалась атаковать эскадроны, перемѣшанные съ пѣхотою (сраженія при Энцгеймѣ и Альманцѣ). Пристрастіе Пюйсегюра къ огнестрѣльному оружію проявляется и въ желаніи вооружить всѣхъ офицеровъ и кавалерію мушкетами и ружьями, въ предложеніи увеличенія числа патроновъ и скорости стрѣльбы. Важность огня онъ подтверждаетъ тѣмъ, что въ госпиталяхъ массы раненыхъ огнестрѣльнымъ, а не холоднымъ оружіемъ.

Вторая часть сочиненія Пюйсегюра заключается въ поясненіи его ученія гипотетическимъ примѣромъ войны въ окрестностяхъ Парижа, причемъ ссылками на Цезаря, Конде, Тюреня онъ старается доказать, что рекомендуемыя имъ правила суть тѣ же, которыя практиковались упомянутыми великими полководцами. Тѣмъ не менѣе въ своихъ сужденіяхъ онъ не свободенъ отъ предразсудковъ того времени, какъ напримѣръ относительно обратнаго порядка, который онъ избѣгаетъ и заставляетъ войска передвигаться, чтобы занимать всегда свои нормальныя мѣста въ общемъ построеніи. Такимъ образомъ, не смотря на много вѣрныхъ идей, практическихъ замѣчаній и т. п., Пюйсегюръ по своимъ основнымъ принципамъ и сужденіямъ не далеко опередилъ своихъ современниковъ.—

Фоларъ (1669—1752).

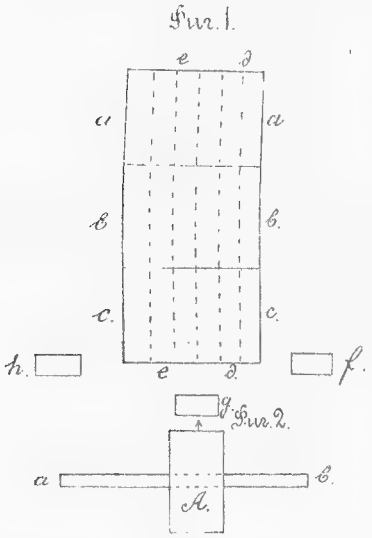
По рожденію своему Фоларъ принадлежалъ къ многочисленному и небогатому французскому дворянскому семейству. Уже въ пятнадцать лѣтъ, воодушевленный чтеніемъ комментарій Юлія Цезаря, онъ показалъ особую склонность къ военному званію. Шестнадцати лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дому и присталъ къ проходившему мимо отряду. Заключен-

ный, по приказанію отца, въ монастырь онъ потомъ чрезъ два года поступилъ рядовымъ въ Беррійскій полкъ; участвуя въ послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ, онъ особенно отличился въ войну за испанское наслѣдство обороною замка Болины, а потомъ былъ раненъ въ сраженіи при Кассано. Это сраженіе навело его на глубокомысленныя соображенія о колоннѣ и глубокомъ боевомъ порядкѣ. Фоларъ также сражался подъ начальствомъ Буффлера и Вильяра, причемъ былъ въ третій разъ раненъ при Мальплаке. Его пылкое воображеніе и дарованія постоянно побуждали къ составленію плановъ кампаніи, которые посылалъ генераламъ. Однажды, будучи раненымъ, онъ приказалъ нести себя на разсвѣтѣ къ маршалу Буффлеру, чтобы дать ему нѣкоторые совѣты, которыхъ тотъ не желалъ слушать. Эта чрезвычайная ревность создала ему враговъ, прославившимъ его маньякомъ, визіонеромъ. По заключеніи мира въ 1712 г. Фоларъ началъ работать надъ своими комментаріями, но тревоги, причиненныя мусульманами Мальтійскимъ рыцарямъ, оторвали Фолара отъ его научныхъ занятій. Въ 1714 г. онъ поступилъ на службу Мальтійскаго ордена, былъ тамъ отлично принятъ гросмейстеромъ, но, обидѣвшись, что его совѣты не всегда предпочитались другимъ, возвратился въ отечество. Затѣмъ Фоларъ поступилъ на службу къ шведскому королю Карлу XII, слава котораго тогда повсюду гремѣла, а послѣ его смерти возвратился во Францію и написалъ сочиненіе «Nouvelles descouvertes sur la guerre», 1724 г. Для того чтобы примѣнить свою систему къ дѣйствительнымъ операціямъ, онъ приступилъ къ обработкѣ Полибія. Прямодушіе, съ которымъ онъ разсказывалъ о своихъ походахъ и рѣзкая критика дѣйствій, были причиною, что по окончаніи 6-го тома дальнѣйшее изданіе было запрещено. Будучи уже глухимъ старцемъ, онъ посвящалъ время полемикѣ со своими литературными врагами. Изъ сочиненій его еще замѣчательно: «Fonctions et devoirs d'un officier de cavalerie», 1733 г. Особенное достоинство большаго сочиненія Фолара—комментарій на Полибія—заключается въ томъ, что тамъ въ текстѣ сравнительно разсмотрѣны тактика грековъ и римлянъ, а въ комментаріяхъ—тактика древнихъ и современныя Фолару. Никто лучше его не освоился съ древними; правда онъ часто злоупотребляетъ своими знаніями и доходитъ до смѣшныхъ увлеченій въ своихъ перебранкахъ, по прошествіи 2/т. лѣтъ, съ дѣятелями классической древности. При этомъ онъ владѣетъ необходимыми и вѣрными рецептами для выигрыша всѣхъ сраженій, данныхъ отъ начала мира. Вмѣсто того, чтобы обратиться къ изслѣдованію основаній военнаго дѣла, условій, имѣющихъ значеніе во всѣ времена, онъ часто вдается въ мелочныя подробности совершившихся событій для того, чтобы наградить похвалами, справедливость которыхъ трудно константировать, или расточать порицанія, едва ли заслуженныя. Для того чтобы опредѣлить отношеніе между рукопашнымъ и метательнымъ оружіемъ и доказать превосходство перваго, а слѣдовательно и предлагаемаго имъ строя, *колонны*, надъ развернутымъ, Фоларъ обращается къ Киропедіи и къ тому случаю, когда происходитъ столкновеніе между двумя сторонами, изъ которыхъ одна вооружена палицами, а другая камнями или кусками земли; сначала, *издали* будетъ имѣть преимущество послѣдняя, но вблизи ей будутъ, говоритъ онъ, нанесены гораздо болѣе опасные удары.

Къ греческой *фалангѣ* Фоларъ относится критически. Иллирійцы, говоритъ онъ, атаковали въ Мидіи этолійскую фалангу и побѣдили ее *небольшими колоннами*, имѣвшими болѣе протяженія въ глубину не-

жели по фронту. «Эпаминондъ выигралъ сраженіе при Мантинеѣ посредствомъ косвеннаго боеваго порядка, который есть лишь видоизмѣненіе колонны». «Греки знали колонну; изъ римлянъ Регулъ и Варронъ злоупотребляли ею; Сципіонъ разумно ею пользовался».

Фоларъ составляетъ свою колонну изъ одного или нѣсколькихъ, до шести, баталіоновъ. На открытой мѣстности онъ полагалъ строить ее не болѣе какъ въ тридцать рядовъ, а на пересѣченной даже не болѣе шестнадцати. Баталіоны онъ принимаетъ въ 500 человѣкъ, кромѣ гренадеровъ, а именно четыреста фузилеровъ и 100 алебардистовъ (партизаньеровъ); послѣдніе назначались для оцѣпленія фронта, фланговъ и тыла; каждая колонна раздѣляется въ *глубину* на *три отдѣленія*, расположенное одно за другимъ (фиг): первое a, второе b и третье c; *по фронту* колонна раздѣляется на *на два крыла*: правое d и лѣвое e, а каждое изъ крыльевъ *на дивизіоны* по пяти рядовъ. Такое раздѣленіе было необходимо для перестроенія изъ линіи въ колонну и обратно, а также для того, чтобы расколоть и смять непріятельскую линію, прорванную колонною.



Колонна (A. фиг. 2.), прорвавъ своею головою непріятельскую линію a b, должна была раздѣлиться по фронту по поламъ: одна половина, наступая къ b, а другая къ a, окончательно уничтожали противника. Гренадеровъ, какъ отборныя войска, Фоларъ помѣщалъ внѣ колонны для прикрытія фланговъ (f, h) и въ качествѣ резерва (g). Нельзя не замѣтить, что колонна Фолара слишкомъ тяжела и неповоротлива, а при поворотѣ направо и налѣво трудно сомкнуть шеренги, превращающіяся въ ряды.

Фоларъ, подобно прочимъ своимъ современникамъ, былъ защитникомъ *перемѣшиванія* въ боевомъ порядкѣ различныхъ родовъ оружія и потому онъ столь же подробно говоритъ о кавалеріи какъ и о пѣхотѣ; что же касается артиллеріи, то онъ считалъ ее ниже метательныхъ машинъ древнихъ, вслѣдствіе чего и мало ею занимается. «У грековъ и римлянъ, говоритъ онъ, эскадроны были маленькіе, потому что достоинство кавалеріи заключается въ дѣятельности и ловкости ея маневровъ. Медленныя движенія не соотвѣтствуютъ этому роду оружія; фланги такъ слабы, что незначительной части войскъ весьма легко разбить превосходнаго противника, если эта маленькая часть рѣшится покинуть фронтъ и броситься на фаланги». Затѣмъ онъ приводитъ рядъ примѣровъ, которыми доказываетъ преимущество небольшихъ эскадроновъ и пользу *перемѣшиванія* въ боевыхъ лишеніяхъ кавалеріи съ пѣхотою.

Морицъ Саксонскій (1696—1750).

Жизнь маршала Морица графа Саксонскаго въ теченіе XVIII столѣтія составляла предметъ многихъ фантастическихъ разсказовъ и сочиненій, въ которыхъ панегиристы французы, благодарные за Фонтенуа, выстав-

ляли Морица сказочнымъ героемъ. Только въ 1860-хъ годахъ, благодаря архивнымъ трудамъ извѣстнаго историка Вебера, личность маршала предстала передъ исторіею въ ея надлежащемъ свѣтѣ *).

Сынъ курфюрста Саксонскаго и Авроры Кенигсмаркъ, Морицъ уже въ 1709 г. поступаетъ на службу въ одинъ изъ полковъ своего отца, въ то время короля Польши—Августа. Въ январѣ этого года 12 лѣтній Морицъ былъ отданъ на попеченіе генералу Шуленбургу. 16-го января войска, назначенныя во Фландрію, выступили въ походъ и Морицъ съ ними, будучи въ полномъ снаряженіи. Суровая зима 1709 года не остановила маршала и 12 лѣтній мальчикъ шелъ пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не заболѣлъ отъ утомленія; ноги и плечи были потерты, и онъ принужденъ былъ сѣсть верхомъ на лошадь,—но не на долго. Солдаты начали смѣяться надъ своимъ унтеръ-офицеромъ, и Морицъ черезъ нѣсколько дней сталъ въ ряды.

За время кампаніи 1709 года, завершившейся кровопролитнымъ боемъ у Мальплаке, Морицъ заявилъ себя неустрашимымъ и не разъ впослѣдствіи товарищи вспоминали съ какимъ нетерпѣніемъ будущій маршалъ искалъ случая составить себѣ репутацію. По окончаніи кампаніи Морицъ провелъ зиму 1709 г. въ учебныхъ занятіяхъ подъ руководствомъ Шуленбурга и какъ только открылась кампанія 1710 г. онъ съ большимъ блескомъ участвовалъ въ нѣсколькихъ осадахъ. Что касается до предметовъ образованія, то они были не многочисленны: генеалогія, ариѳметика, черченіе, французскій языкъ и, главное, заучиваніе наизустъ разныхъ французскихъ и латинскихъ сентенцій, умѣстное ихъ примѣненіе и затѣмъ тѣлесныя упражненія.

Въ 1711 г. Морицъ, получивъ титулъ графа Саксонскаго, сопровождалъ короля въ его кампаніи противъ шведовъ. Въ 1712 г. онъ участвовалъ при осадѣ Стральзунда; за заслуги въ 1713 г. былъ сдѣланъ полковникомъ и ему данъ кирасирскій полкъ, а затѣмъ молодаго командира вскорѣ женили (въ 1714 г.). Бракъ былъ неудачный, по причинѣ далеко не семейныхъ наклонностей Морица, и не прошло года, какъ Морицъ отправился въ Польшу къ арміи, воевавшей за возвращеніе королевства Саксонскому курфюрсту.

Въ январѣ 1716 г. Морицу удалось выказать себя почти сказочнымъ героемъ.

Вслѣдствіе распространившагося слуха о перемиріи между саксонцами и конфедератами, Морицъ отправился къ саксонскимъ войскамъ, квартировавшимъ въ Сандомірѣ; взявши съ собою 5 офицеровъ и 12 человѣкъ прислуги, онъ прибылъ въ село Краснецы. Только что путники усѣлись за столъ, какъ вбѣжавшій слуга извѣстилъ, что въ деревню вступаетъ большой польскій кавалерійскій отрядъ. Немедленно небольшая дружина расположилась въ домѣ для защиты и, занявши верхній этажъ, въ теченіе 5 часовъ времени оборонялась, стрѣляя въ окна, въ отверстія, продѣланныя въ полу. Почти всѣ были перераненны и въ томъ числѣ самъ Морицъ; но полякамъ не удалось захватить Морица. Ночью саксонцы неожиданно вышли изъ дома, убили часовыхъ, схватили лошадей и ускакали. Но рядомъ съ этими блестящими выходками, свидѣтельствующими о храбрости Морица, онъ велъ скандалезную, развратную жизнь и въ полку его были большіе безпорядки; такъ что наконецъ король пригрозилъ ему заключеніемъ въ крѣпость, лишивъ

*) Смотри соч.: Moritz Graf von Sachsen. Dr. Karl von Veber. 1863 и Maurice de Saxe, par Saint-René Taillandier. 1865.

его командованія полкомъ. Въ концѣ 1716 г. Морицъ попадаетъ въ армію Евгенія Савойскаго и въ роли очевидца участвуетъ въ бою съ турками подъ Бѣлградомъ. Слѣдующіе два года въ жизни маршала Саксонскаго отличаются разводомъ съ женою, разгульной жизнью, и наконецъ онъ рѣшается отправиться во Францію попытать счастія поступить на службу. Въ 1720 г. онъ получилъ званіе maréchal de camp во французской арміи и по обычаю купилъ себѣ полкъ за 50 тыс. рублей на наши деньги. Находясь въ Парижѣ, Морицъ Саксонскій познакомился съ Фоларомъ, много ввелъ нововведеній въ своемъ купленномъ полку, которыя поразили ученаго мужа и онъ въ 1725 г. печатно предсказалъ ему блестящую будущность. Но кромѣ занятій съ полкомъ, Морицъ началъ опять занятія по математикѣ, фортификаціи и по другимъ отдѣламъ военнаго искусства. Въ 1726 г. въ іюнѣ Морицъ отправляется въ Курляндію, гдѣ долженъ былъ происходить выборъ герцога, и онъ, вопреки протестамъ Польши, избирается 28 іюня. Но скоро явился другой врагъ—въ Митаву прибылъ Меньшиковъ. Разныя интриги, а затѣмъ смерть императрицы Екатерины I, покровительствовавшей Морицу, повредили его дѣлу и Меньшиковъ приказалъ выгнать избраннаго герцога, что и было исполнено въ 1727 году.

До 1732 г. мы видимъ Морица блуждающимъ по Европѣ, начиная отъ Варшавы и до Парижа. На счастіе его онъ подпалъ благодѣтельному вліянію его любовницы, знаменитой Adrienne Lecouvreur, и, по свидѣтельству Вольтера, «побѣдитель при Фонтенуа всему выучился у своей прекрасной учительницы за исключеніемъ военнаго дѣла, которое онъ зналъ лучше чѣмъ кто бы ни было, и ореографіи, которую онъ никогда не зналъ» *). Конецъ 1732 г. застаетъ его въ страшной лихорадкѣ прикованнымъ къ постелѣ, и вотъ, въ безсонныя ночи, по неволѣ проводимыя въ постелѣ, предаваясь размышленіямъ объ излюбленномъ имъ военномъ дѣлѣ, Морицъ Саксонскій пишетъ знаменитыя Rêveries.

Въ 1733 году умираетъ отецъ Морица и королемъ Польши избирастая сынъ Августа, что ведетъ къ войнѣ между Франціей, поддерживавшею Станислава Лещинскаго, и имперіею, поддерживавшею Фридриха-Августа Саксонскаго. Труденъ былъ выборъ, представившійся Морицу Саксонскому. Долгъ крови, интересы въ Курляндіи звали его въ ряды саксонцевъ, но честь заставляла оставаться во Франціи, и потому, не смотря на предложеніе брата предводительствовать саксонскими войсками, онъ выступилъ въ походъ въ рядахъ французскихъ войскъ, подъ начальствомъ Бервика. Въ двухлѣтней кампаніи Морицъ, въ званіи генерала, показываетъ себя съ блестящей стороны. Но неспособные полководцы французскихъ войскъ ставили часто армію въ критическое положеніе.

Въ 1740 году начинается борьба за австрійское наслѣдство, въ которой принимаетъ участіе вся Европа. Французы въ союзѣ съ Пруссіею; и въ то время, когда Фридрихъ II захватываетъ Силезію (1741 г.) Морицъ, начальникъ дивизіи, составленной почти все изъ кавалеріи, находится въ составѣ арміи, предводимой нерѣшительнымъ и честолюби-

*) Французская академія желала предложить Морицу одно изъ своихъ креселъ; Морицъ, съ его умомъ и здравымъ смысломъ, былъ удивленъ болѣе чѣмъ кто нибудь другой такимъ предложеніемъ. Отклоняя отъ себя эту честь, говоритъ Роканкуръ, Морицъ своимъ автографомъ доказалъ, что такой академикъ не много могъ бы оказать услугъ французскому языку: «Ils veule me fere de la Cademie; cela miret come une bage à un chas».

вымъ баварцемъ, будущимъ императоромъ Карломъ VII. Въ ноябрѣ 1741 года, не теряя времени на осаду, по плану Морица Саксонскаго штурмомъ овладѣваютъ крѣпостью Прагою.

Одинъ изъ участниковъ этой войны, Понятовскій, писалъ: «я никогда не видѣлъ другой арміи столь плохо предводимой; еслибы отъ насъ взяли графа Саксонскаго, который думаетъ за насъ всѣхъ, я не знаю что стало бы съ нами». Позорное отступленіе въ предѣлахъ Франціи заключило кампанію 1742 г. и только блестящіе удары Морица Саксонскаго могли сколько нибудь утѣшить самолюбіе Франціи. Французское общество, не смотря на религію Морица, требовало назначенія его маршаломъ. Въ 1743 году Морицъ отстаиваетъ Эльзасъ отъ англичанъ, а въ 1744 году представляетъ планъ высадки корпуса въ Англію съ цѣлью поднять дѣло Стюартовъ. Этотъ планъ сразу выдвигаетъ его среди товарищей, но буря разбила много кораблей; англійскій флотъ спѣшилъ на защиту; партія Стюартовъ не подавала голосу изъ Англіи. Планъ былъ оставленъ, новый врагъ угрожалъ Франціи и ставшій маршаломъ, протестантъ Морицъ Саксонскій, получилъ Мозельскую армію (апр. 1744). 1744 г. прошелъ въ борьбѣ на Мозелѣ, въ которой армія подъ начальствомъ Людовика XV и герцога Ноайля беретъ крѣпости въ то время, какъ Морицъ Саксонскій съ другой арміей обезпечиваетъ дѣйствія ея, преграждая пути войскамъ Англіи и Голландіи.

Начало 1745 года застаетъ всю Европу (Англія, Голландія, Австрія)

противъ Франціи. Морицъ Саксонскій уже назначенъ главнокомандующимъ, какъ заболѣваетъ водяной. Франція въ отчаяніи; но и въ болѣзни Морицъ продолжаетъ работать и въ апрѣлѣ уже выступаетъ съ арміей къ Турнэ. Въ то время, какъ французы подъ начальствомъ Людовика XV и Морица осаждали кр. Турнэ, союзники подъ начальствомъ герцога Кумберлендскаго и фельдмаршала Кенигссека вознамѣрились ее освободить. Морицъ рѣшился, не снимая осады, двинуться имъ на встрѣчу. Для продолженія дѣйствій подъ крѣпостью онъ отдѣлилъ 28 батал. и 17 эск. Такъ какъ союзники бивакировали въ Лезѣ, въ 12 верстахъ отъ Антуана, то 9-го мая обозы были переведены съ праваго берега Шельды на лѣвый, а большая часть кавалеріи перешла обратно, съ лѣваго берега на правый. Дурная погода въ этотъ день не позволила союзникамъ продолжать ихъ движеніе. Они наступали по дорогѣ изъ Монса, какъ то совершенно правильно и предполагалъ Морицъ Саксонскій.

Поле сраженія представляло равнину, шириною въ 2 версты и глубиною въ 3 версты, слегка повышавшуюся по направленію отъ фронта къ тылу. Равнина эта была ограничена справа Шельдой и съ фронта Везонскимъ ручьемъ и лѣсомъ Барри. Опорными пунктами могли служить: на правомъ флангѣ д. Антуанъ, въ центрѣ — д. Фонтенуа и на лѣвомъ флангѣ — два редута, построенные на правой опушкѣ лѣса Барри, въ разстояніи 450 шаговъ одинъ отъ другого. Въ инженерномъ отношеніи поле сраженія было подготовлено слѣдующимъ образомъ. Деревни Антуанъ и Фонтенуа были приведены въ оборонительное состояніе. Часть сел. Фонтенуа, находившаяся по ту сторону оврага, перерѣзывающаго это селеніе, была сожжена; деревья и живыя изгороди срублены. Кромѣ упомянутыхъ уже редутовъ у лѣса Барри, были построены еще три ретута въ промежуткѣ между Фонтенуа и Антуаномъ. Опушка лѣса Барри была усилена засѣками. Въ тылу позиціи, у Калона, было устроено мостовое укрѣпленіе на случай отступленія. Для усиленія позиціи воспользовались даже углубленными тропинками по обѣимъ сторонамъ Фонтенуа, приспособивъ ихъ къ оборонѣ.

Такъ какъ 10-го мая утромъ передовыя части союзныхъ войскъ были уже въ виду позиціи французовъ, то послѣдніе, по приказанію маршала, построились въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ:

Первая линія.—Пьемонтская бригада съ 2 бат. бригады Криллона занимали Антуанъ; остальные 2 бат. этой бригады были расположены между послѣдней деревней и близьлежащимъ оврагомъ. Далѣе стали 4 п. драгунъ. Фонтенуа было занято пѣхотными бригадами: Беттена, le Roi и Дофина; послѣдняя занимала Фонтенуа уже два дня и привела эту деревню въ оборонительное состояніе. Лѣвѣе Фонтенуа стала бригада Обтерра, еще лѣвѣе 6 бат. гвардіи, лѣвый флангъ которой доходилъ до праваго редута Баррійскаго лѣса. Ирландская бригада была расположена вдоль засѣки между редутами лѣса Барри. Въ каждомъ изъ послѣднихъ было по 1 бат. изъ полка д'Э. *).

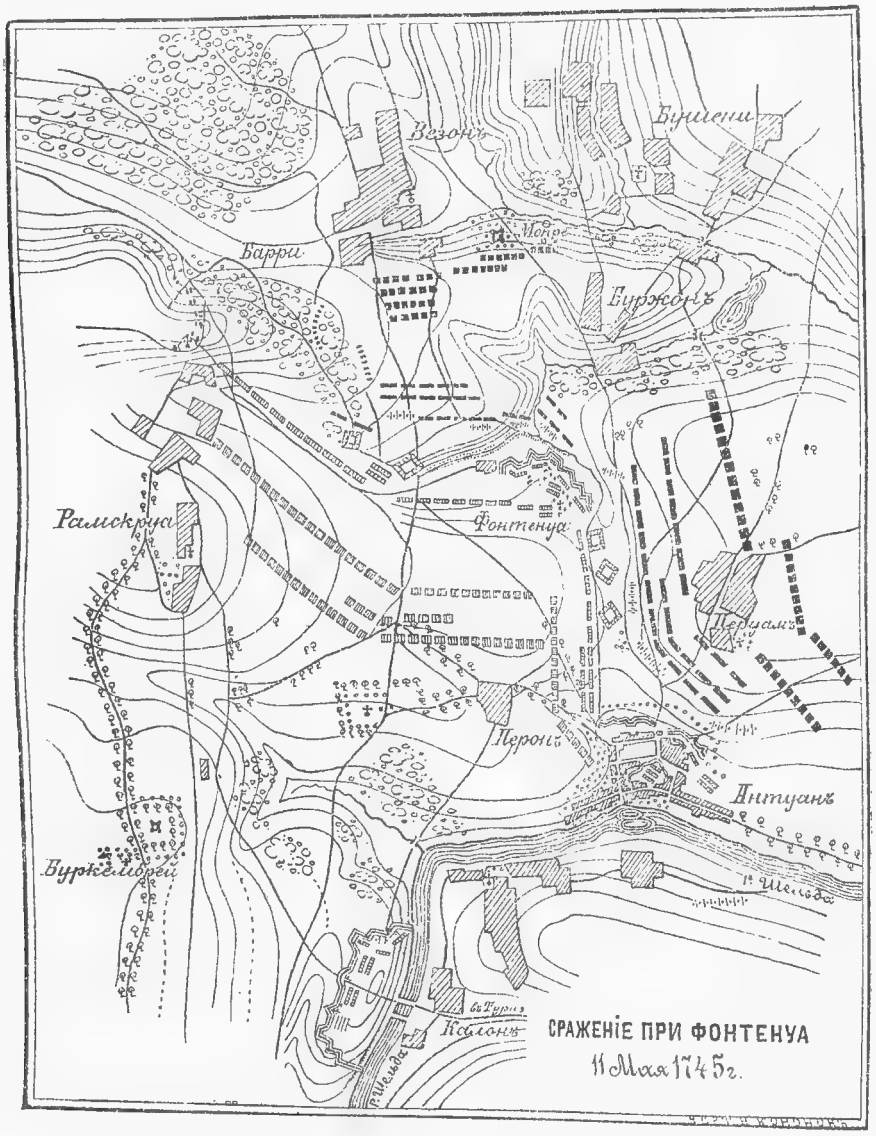
Вторая линія. — Пѣхотныя бригады: Королевская и Короны стояли за бригадами Короля и Обтерра; лѣвѣе ихъ была расположена кавалерія, лѣвый флангъ которой приходился за таковымъ-же гвардіи.

Третья и четвертая линіи.—Эти линіи были образованы изъ 52 эскадроновъ кавалеріи.

---

*) Какъ были заняты три редута между Фонтенуа и Антуаномъ неизвѣстно.

Резервы.—Полкъ Royals—Vaisseaux сталъ за ирландцами; на его лѣвомъ флангѣ расположилась Нормандская бригада. Полкъ корсиканцевъ былъ поставленъ у наружной окраины лѣса Барри для обезпеченія подступовъ къ лѣвому редуту. Полки Френеля и Ангумуа должны были стоять на лезскомъ шоссе: первый—при выходѣ изъ лѣса, а второй—въ затылокъ первому. Кавалерія Королевскаго дома, жандармы и караби-



неры расположились позади Ирландской бригады. Противъ центра стали бригады: Короля и Руссильенъ; онѣ были скрыты покатостью отъ взоровъ противника.

Сверхъ этого было назначено 7 бат. и 19 эск. для наблюденія пространства между лѣсомъ Брёзъ и мостами черезъ Шельду, ниже Турнэ. Участокъ между лѣсомъ Брёзъ и Шельдой, выше Турнэ, былъ наблюдаемъ гусарскимъ полкомъ; другой гусарскій полкъ былъ отряженъ къ Монъ-де-ла—Трините. Всѣ эти части въ сраженіи непосредственнаго участія не принимали.

Артиллерія въ числѣ до 100 орудія была расположена частями по всему фронту боеваго порядка и впереди 1-й линіи. Именно: по одной батареѣ *) было въ каждымъ изъ редутовъ Баррійскаго лѣса; одна батарея передъ фронтомъ бригады Обтерра, двѣ—по сторонамъ д. Фронтенуа, три—въ промежуткѣ между Фонтенуа и Антуаномъ и одна—на лезскомъ шосе. Кромѣ этого было поставлена батарея изъ шести 12 ф. пушекъ противъ Антуана на лѣвомъ берегу Шельды и нѣсколько орудій на высотахъ передъ д. Калономъ.

Такимъ образомъ непосредственно въ бою должны были принять участіе около 60 бат. и 110 эск. Для продолженія дѣйствій подъ Турнэ было оставлено, подъ начальствомъ Брезе, 27 бат. 17 эск. и 1 батальонъ артиллеристовъ.

Около 2-хъ часовъ пополудни, 10-го мая, нѣсколько эскадроновъ голландской кавалеріи развераулись между Везономъ и дорогоо изъ Конде въ Антуанъ, но они оставались въ одномъ и томъ-же положеніи весь день. Въ то-же время было замѣчено какое-то движеніе въ промежуткѣ между лѣсомъ Барри и Везономъ; это движеніе, замѣчаемое и ранѣе, совершенно основательно было объяснено присутствіемъ рабочихъ, разработывавшихъ пути для слѣдованія союзныхъ войскъ. Остальная часть дня 10-го мая прошелся въ легкихъ стычкахъ французской кавалеріи съ этимъ рабочими.

11-го мая, въ пятомъ часу утра, сраженіе началось четырьмя сигнальными выстрѣлами со стороны союзниковъ. Въ отвѣтъ на это французскія батареи открыли огонь по голландской кавалеріи, развернувшейся еще наканунѣ. Огонь этотъ принудилъ ее къ отступленію, но этимъ она открыла на правомъ флангѣ союзниковъ гаубичную и пушечную батарею, которая продолжала дѣйствовать въ теченіи цѣлаго сраженія. Не сомнѣваясь болѣе въ общемъ наступленіи союзниковъ, маршалъ приказалъ всѣмъ батареямъ отъ Антуана до лѣса Барри открыть огонь по дебуширующимъ войскамъ. Батареи, дѣйствуя съ 5-ти часовъ утра, своимъ огнемъ сильно затрудняли наступленіе союзниковъ, такъ что англичане были принуждены выдвинуть въ голову своихъ колоннъ нѣсколько орудій, начавшихъ обстрѣливать правый изъ редутовъ Баррійскаго лѣса. Чтобы отвлечь этотъ огонь отъ редута, начальникъ артиллеріи выдвинулъ изъ резерва батарею, которая, взявъ противника во флангъ, наносила ему серьезный вредъ, но въ то же время привлекла и на себя весьма оживленный огонь непріятельскихъ батарей, дѣйствовавшихъ по упомянутому редуту.

Союзники наступали, имѣя на правомъ флангѣ англичанъ, а на лѣвомъ голландцевъ. Часть голландской пѣхоты, подъ прикрытіемъ кавалеріи, двинулась на Фонтенуа. Но она остановилась у сгорѣвшей части этой деревни, отбитая огнемъ французовъ, расположенныхъ въ уцѣлѣвшей части Фонтенуа; огонь этотъ принудилъ ее даже нѣсколько отступить. Другая колонна голландской пѣхоты наступала по дорогѣ изъ Конде на Антуанъ, прикрываясь живой изгородью, окаймлявшей ручей Везонъ. Лишь только она показалась, какъ тоже была остановлена огнемъ батареи, расположенныхъ впереди Антуана. Этимъ и ограничились дѣйствія голландцевъ противъ праваго фланга французской позиціи; послѣдній можно было считать обезпеченнымъ. Принцъ Вальдекъ, поддерживавшій эту атаку съ голландскою кавалеріею, былъ оттѣсненъ на

*) Число орудій въ батареяхъ неизвѣстно.

прежнее свое мѣсто огнемъ непріятельской артиллеріи и демонстраціями французской конницы праваго крыла. Въ 10 ч. утра, видя безуспѣшность датчанъ противъ Фонтенуа, герцогъ Кумберлендскій выслалъ Ингольсби вправо и приказалъ ему овладѣть редутами у Беррійскаго лѣса. Ингольсби, войдя въ лѣсъ, встрѣтилъ тамъ часть легкихъ французскихъ войскъ и, предполагая что наткнулся на значительныя непріятельскія силы, возвратился къ герцогу Кумберлендскому съ просьбою дать ему артиллерію. Тогда герцогъ рѣшился пробиться между Фонтенуа и Беррійскимъ лѣсомъ, чтобы угрожать пути отступленія французовъ. Для этой атаки онъ собралъ три большія колонны (отъ 10 до 15 тыс. чел.) изъ англійской и ганноверской пѣхоты и сталъ наступать по дорогѣ изъ Монса. Правый флангъ колоннъ приходился противъ расположенія французской гвардіи, а лѣвый—противъ Фонтенуа; въ то же время, желая во что бы то ни стало обойти послѣднюю, правѣе этихъ трехъ колоннъ, въ промежутокъ между дорогою изъ Монса и лѣсомъ Барри, наступала четвертая колонна—кавалерійская. Эта кавалерійская масса вскорѣ была принуждена къ отступленію огнемъ французскихъ батарей и показалась снова лишь въ концѣ боя передъ общимъ отступленіемъ союзниковъ. Три пѣхотныя массы наступали подъ прикрытіемъ сильнаго огня своихъ мушкетеровъ. Огонь послѣднихъ принудилъ нѣкоторые французскіе баталіоны осадить назадъ, а часть кавалеріи стала подъ защиту огня изъ редута. Получивъ нѣкоторую свободу въ наступленіи, союзная пѣхота построилась въ батальонныя каре и, продолжая наступленіе въ центрѣ, въ то же время стала охватывать какъ правый редутъ, такъ и деревню Фонтенуа. Такое излишнее удлиненіе союзниками фронта поставило ихъ въ довольно опасное положеніе. Замѣтивъ эту ошибку, маршалъ Саксонскій приказалъ войскамъ, стоящимъ около Фонтенуа привлечь на себя вниманіе непріятеля, а войскамъ, расположеннымъ лѣвѣе Фонтенуа, охватить правый флангъ противника, опираясь на одинъ изъ редутовъ лѣса Барри. Вслѣдствіе того, что охватъ этотъ обнаружился не сразу, огонь союзниковъ былъ направленъ главнымъ образомъ противъ Фонтенуа, гдѣ сильно разстроилъ французскія войска, но онъ не принесъ рѣшительнаго результата, ибо здѣсь были введены французами свѣжія части изъ резерва, а между тѣмъ противъ праваго фланга союзниковъ уже появился полкъ Royals-Vaisseaux, и огонь изъ редута уже началъ оказывать свое дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе прошло еще около часа, въ теченіи котораго ни одна изъ сторонъ не имѣла рѣшительнаго перевѣса. Вообще съ 8 часовъ до 2 часовъ по-полудни бой имѣлъ нерѣшительный характеръ: нѣсколько разъ возобновляемыя атаки союзниковъ была отбиты и Фонтенуа; ключъ позиціи, оставалось въ рукахъ французовъ.

Наконецъ маршалъ, истомленный неизвѣстностью, лично собираетъ поколебленныя части пѣхоты и присоединяетъ ихъ къ Ирландской бригадѣ, которой совмѣстно съ Нормандской бригадой и полкомъ Royals-Vaisseaux, подъ общей командой Лёвендаля, приказываетъ ударить въ правый флангъ огромной непріятельской колонны. Французскія атакующія войска, построенныя въ колонны по-бригадно, бросились наперіятеля въ то время, какъ въ центрѣ, съ саблями на-голо, ударила на него кавалерія подъ начальствомъ герцога Ришелье (Королевскій домъ, жандармы и карабинеры). Ко времени этого рѣшительнаго удара, наступающая колонна союзниковъ была уже громима французскими орудіями, выдвинутыми изъ резерва и подготовившими своимъ огнемъ атаку пѣхоты и кавалеріи. Мысль такого употребленія резервныхъ орудій при-

писываютъ то маршалу, то герцогу Ришелье. Но одинъ изъ документовъ франц. военнаго архива удостовѣряетъ, что это было сдѣлано по иниціативѣ простого капитана изъ полка Туреня, д'Иснара, который, имѣя въ непосредственномъ распоряженіи 4 орудія и еще 4 орудія, могшія быть быстро подвезенными, огнемъ этихъ 8 орудій взялъ непріятельскую колонну подъ анфиладный огонь и тѣмъ положилъ начало ея разстройству. Лишь только войска у Фонтенуа увидѣли атаку ирландцевъ и кавалеріи, какъ они, въ свою очередь, тоже двинулись въ атаку и въ одну минуту эта громадная колонна или каре была прорвана, опрокинута и обращена въ бѣгство, оставивъ на полѣ сраженія нѣсколько орудій. Французы послѣдовали за бѣгущими; но маршалъ Саксонскій приказалъ прекратить преслѣдованіе, въ виду того, что голландцы оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, а часть англійской пѣхоты расположилась за заборами д. Везонъ. Маршалъ приказалъ только полку Grassins направиться черезъ лѣсъ Барри для затрудненія отступленія союзниковъ. Эта кавалерія дѣйствительно заставила отступать союзную кавалерію, прикрывавшую ихъ отступленіе. 12-го мая тотъ же полкъ, направленный за отступавшими, нашелъ значительное количество запасовъ, нѣсколько пушекъ, покинутыхъ союзниками, и 1200 раненыхъ. Въ тотъ же день кавалерія, посланная къ Лезу, захватила до 3 т. плѣнныхъ.

Въ сраженіи приняли участіе: у союзниковъ около 53 т., у французовъ около 40 т. Потери союзниковъ доходили до 12—14 т. и 32 орудій; французы потеряли убитыми и ранеными 5161 чел., изъ нихъ 389 офицеровъ.

Разсматривая это сраженіе, слѣдуетъ, замѣтить что пространство между Барри и Фонтенуа было нѣсколько слабо укрѣплено; *) недостатокъ укрѣпленій легко пополнялся соотвѣтственнымъ расположеніемъ за интерваломъ, для обороны его, достаточно сильнаго резерва; но это было довольно трудно осуществимо въ ту эпоху, когда войска не умѣли маневрировать на полѣ сраженія и были заключены въ деревянныя боевыя формы строя. Отсутствіе резерва за редутомъ у Барри тоже представляло опасность, которая не обнаружилась практически только вслѣдствіе нерѣшительности Ингольсби; французы, обойденные съ фланга, могли быть отброшены къ Шельдѣ. *Колонна* англичинъ не знаменуетъ собою прогресса въ военномъ искусствѣ; это безобразное построеніе было принято совершенно случайно. Достаточно было нѣсколько орудій и частныхъ атакъ, чтобы совершенно разстроить эту массу. Въ дѣйствіяхъ *артиллеріи и кавалеріи* Королевскаго военнаго дома видно значеніе, которое Морицъ придавалъ *резерву. Преслѣдованія* послѣ боя *не было*; на практикѣ, вопреки своимъ теоретически выраженнымъ мнѣніямъ, Морицъ слѣдовалъ предразсудку того времени, что отступающему «слѣдуетъ строить золотые мосты». Вмѣсто того чтобы докапать противника послѣ боя, французскій маршалъ обращается снова къ *осадѣ* Турнэ. Такимъ образомъ мы видимъ въ его дѣйствіяхъ отсутствіе смѣлости и рѣшительности, т. е. черту характеристическую для всѣхъ почти операцій эпохи современи смерти Тюреня.

Въ послѣдующіе два года войны Морицъ одерживаетъ еще двѣ побѣды: въ 1746 при Року и 1747 при Лауфельтѣ. Бездѣятельность и отсутствіе преслѣдованія наводятъ даже на Морица подозрѣніе въ измѣнѣ интересамъ Франціи. Послѣ взятія Мострихта въ 1748 году

*) Это признаетъ самъ маршалъ.

начались переговоры, окончившіеся Ахенскимъ миромъ. Этимъ закончилась военная карьера Морица; послѣдніе годы своей жизни онъ занимался фантастическими проектами созданія Мадагаскарскаго королевства, основанія Израильскаго царства въ Америкѣ и т. п. Въ 1749 году онъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ былъ отлично принятъ Фридрихомъ Великимъ. «Я видѣлъ—писалъ король Вольтеру—героя Франціи, этого саксонца, этого Тюренна вѣка Людовика XV. Я поучался въ его рѣчахъ, конечно, не французскому языку, но военному искусству. Этотъ маршалъ могъ быть профессоромъ всѣхъ генераловъ Европы». 30 ноября 1750 г. Морицъ скончался.

Ознакомившись съ жизнью и дѣяніями маршала Саксонскаго, обратимся къ его сочиненію «*Мечтанія*» (Mes rêveres) *).

Во вступленіи онъ говоритъ, что: «до сихъ поръ военное дѣло есть наука, покрытая мракомъ, во мглѣ котораго не возможно слѣдовать увѣреннымъ шагомъ; рутина и предразсудки—естественное наслѣдіе незнанія—составляютъ основаніе этого искусства». Онъ замѣчаетъ, что, конечно, великіе люди за долго до него понимали основы военнаго дѣла, но не резъяснили ихъ и оставили потомству только образцы своихъ дѣйствій, которымъ и слѣдовали по рутинѣ. Морицъ вспоминаетъ и своего учителя Фолара, одобряетъ его попытки выйти изъ рутины, освободиться отъ предразсудковъ, но полагаетъ, что Фоларъ зашелъ слишкомъ далеко, часто заранѣе опредѣляетъ успѣхъ, «не взирая на то, что успѣхъ вообще зависитъ отъ безконечнаго числа случаевъ, предвидѣть которые человѣческое благоразуміе не въ силахъ». Другой упрекъ Фолару заключается въ томъ, что онъ всегда предполагаетъ людей одинаково храбрыми, не обращая вниманія на то, что это качество войскъ въ высшей степени *перемѣнчиво*. Въ доказательство онъ приводитъ Фридлингенъ. Французская пѣхота побѣдоносно отразила имперцевъ и преслѣдовала ихъ черезъ лѣсъ и долину, какъ вдругъ послышался крикъ «насъ отрѣзали». Вдали показались два эскадрона, можетъ быть даже французскихъ, и вдругъ вся побѣдоносная пѣхота повернула назадъ и побѣжала въ безпорядкѣ. «И подобныхъ примѣровъ—говоритъ Морицъ—можно найти множество у всѣхъ народовъ, что достаточно свидѣтельствуетъ о перемѣнчивости *человѣческаго сердца*». Такимъ образомъ, со времени возрожденія военнаго искусства, Морицъ Саксонскій первый поднялъ вопросъ о значеніи человѣческаго сердца, т. е. *нравственнаго элемента* на войнѣ. Разсказываютъ, что въ ранней своей молодости графъ Саксонскій пристрастился къ сочиненію платоника Онисандра **), до такой степени, что носилъ его всегда въ карманѣ. Особенность этого писателя заключается въ философскомъ наблюденіи *человѣческаго сердца* по отношенію къ военному искусству. Идеи маршала Саксонскаго по этому вопросу лучше всею можно выяснить выдержками изъ его сочиненія. Такъ онъ говоритъ: «допустимъ, что колонна атакуетъ укрѣпленіе и что голова ея находится уже у края рва; если въ это время въ сотнѣ шаговъ появится горсть людей, то безъ сомнѣнія голова колонны пріостановится. Почему? *Это человѣческое сердце*». Относительно переправы черезъ рѣки Морицъ замѣчаетъ: «Не такъ легко какъ полагаютъ помѣшать противнику переправиться черезъ рѣку, и это онъ можетъ исполнить удобнѣе

*) Появились въ печати въ 1757 году, семь лѣтъ спустя послѣ смерти маршала.

**) Имѣется русскій переводъ параллельно съ греческимъ текстомъ, подъ заглавіемъ: «Онисандра наставленіе военоначальникамъ» перев. съ греческаго барона Федора Стуарта. С.-Петербургъ 1828 г.

атакуя васъ нежели отступая передъ вами. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ онъ показываетъ вамъ свою голову и поддерживаетъ ее сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ; а въ другомъ онъ показываетъ свой хвостъ, отступленіе котораго весьма трудно, тѣмъ болѣе, что все торопится и что подобныя распоряженія никогда не дѣлаются столь тщательно, какъ при атакѣ; при отступленіи всѣ ощущаютъ какую то робость, а это приводитъ къ тому, что вы уже на половину разбиты. Трудно найти этому причину и надо искать ее въ *человѣческомъ сердцѣ*». Эти выписки даютъ руководящую нить для изученія сочиненія маршала Саксонскаго и надлежащей оцѣнки всѣхъ его предложеній и усовершенствованій въ военномъ дѣлѣ.

Придавая такое важное значеніе нравственному элементу войскъ, Морицъ Саксонскій съ негодованіемъ говоритъ о составѣ армій своего времени. «Какое зрѣлище — замѣчаетъ онъ — представляютъ намъ нынѣ націи. Мы видимъ богатыхъ, праздныхъ и сластолюбивыхъ людей, которые достигаютъ счастья на счетъ толпы льстящей ихъ страстямъ, и счастье это можетъ существовать только поддерживаемое новыми наслажденіями. Подобное собраніе людей угнетающихъ и угнетенныхъ составляетъ то, что называютъ обществомъ, и это общество собираетъ все что есть наиболѣе сквернаго, наиболѣе презрѣннаго и создаетъ изъ него солдатъ. Не съ такими нравами и не такими руками римляне завоевали вселенную!»

Обратимся теперь къ построеніямъ, предположеннымъ Морицомъ.

Въ его время баталіонъ состоялъ изъ 600—800 человѣкъ и строился въ четыре шеренги, въ 150—200 рядовъ; во время кампаніи, при убыли людей, для означеннаго числа рядовъ баталіоны перестроивались въ 3 шеренги. Гренадерская рота помѣщалась на правомъ флангѣ, а *отборный пикетъ* на лѣвомъ. Баталіонъ дѣлился на 16 частей или отдѣленій. Морицъ порицаетъ этотъ строй, какъ слишкомъ длинный и находитъ его весьма неудобнымъ для движеній. Подобно другимъ авторамъ, изучавшимъ древнихъ, онъ предлагаетъ послѣдовать примѣру римлянъ и взять за образецъ легіонъ. Послѣдній у него состоитъ изъ 4 полковъ, каждый въ 4 баталіона (центуріи), полубаталіона легкой пѣхоты, полубаталіона (эскадронъ) кавалеріи, 2 орудій и 2 понтоновъ. Центуріи, числительностью, съ офицерами, въ 184 человѣка, дѣлились на 10 ротъ (по 16 челов.). Сила всего легіона простиралась до 3582 челов. (въ томъ числѣ 280 чел. кавалеріи и 280 легкой пѣхоты). Центуріи строятся въ 4 шеренги, вооруженныя ружьями, но обѣ послѣднія шеренги носятъ ихъ на ремнѣ черезъ плечо и кромѣ того имѣютъ еще небольшія пики (пилоны) или партизаны въ 13 ф. длины. Центуріи отдѣлялись одна отъ другой интервалами ровными протяженію фронта или большими. Это давало возможность охватить равносильнаго противника, построеннаго въ сплошную линію изъ 4-хъ шеренгъ; для атаки двѣ линіи легіона смыкались и образовали строй въ 8 шеренгъ; противъ кавалеріи они могли перестроиться въ сплошную линію. Легкая пѣхота играла роль древнихъ велитовъ.

При построеніи легіона легкая пѣхота располагается впереди и строится по своему усмотрѣнію, затѣмъ—2 линіи центурій и, наконецъ, позади полкъ кавалеріи. Въ видахъ нравственной связи люди въ кавалерію и легкую пѣхоту выбираются изъ того же легіона.

Для вооруженія пѣхоты онъ предлагаетъ легкое ружье со штыкомъ, вложеннымъ въ дуло, въ родѣ шпаги. Морицъ рекомендуетъ также щиты. Тутъ-же онъ проводитъ мысль о необходамости *кадровъ*, неодобрительно отзываясь о новыхъ полкахъ. Старыхъ кавалеристовъ и старыхъ лошадей онъ считаетъ наилучшими, а относительно пѣхоты замѣчаетъ: «были-бы только головы (т. е. кадры), а хвосты пусть приставляютъ сколько угодно». Онъ не упускаетъ случая, чтобы возстать противъ увлеченія въ его время огнестрѣльнымъ оружіемъ, противъ пристрастія къ стрѣльбѣ, которую онъ называетъ трескотней (la tirerie).

Одной изъ плодотворнѣйшихъ и важнѣйшихъ его идей было требованіе *мѣрнаго шага*. Мѣрный шагъ Морица Саксонскаго былъ тотъ же самый, который принятъ и въ настоящее время во всѣхъ европейскихъ арміяхъ; онъ заключалъ въ себѣ три условія однообразія или равенства: *мѣры, быстроты и движенія*. Подобный шагъ былъ извѣстенъ и древнимъ, хотя значительныя дистанціи между шеренгами не дѣлали его тогда обязательнымъ. Шагъ этотъ исчезъ въ средніе вѣка. Впослѣдствіи, когда музыка была снова введена для облегченія движеній въ войска, принятъ былъ шагъ, заключавшій въ себѣ условія ровной *мѣры* и *скорости*; что-же касается движенія въ ногу, то необходимость его еще была заявлена въ 1675 г. Ла-Фонтеномъ, который требовалъ чтобы движеніе *началось* съ лѣвой ноги. Но только благодаря Морицу шагъ этотъ былъ принятъ. «Невозможно—говоритъ онъ—вести баталіонъ, построенный только въ 4 шеренги, въ атаку, чтобы не произошло того, о чемъ я упомянулъ (колебанія, разрывъ фронта); если только не двигаются муравьинымъ шагомъ, то подойдутъ къ противнику съ разомкнутыми шеренгами: какой громадный недостатокъ! Это источникъ трескотни (tirerie), ибо, чтобы атаковать иначе, надо идти быстро и въ совокупности, а это (имѣя 18 дюймовъ пространства на солдата) возможно только при движеніи *въ тактъ*». «Невозможно, прибавляетъ онъ, чтобы римляне и македоняне ходили не въ тактъ или не мѣрнымъ шагомъ, потому что они располагались въ глубокомъ и сомкнутомъ строѣ. Всѣ говорили объ этомъ строѣ, но никто, мнѣ кажется, не проникъ въ его тайну». Отсюда видно между прочимъ, что нѣкоторые исключительные приверженцы тонкаго строя напрасно ссылались на маршала, какъ на авторитетъ благопріятствующій ихъ мнѣніямъ. Онъ находилъ колонну Фолара тяжелой и малонадежной, но при этомъ онъ имѣлъ въ виду неумѣнье войскъ ходить въ ногу и указывалъ на мѣрный шагъ, какъ на единственное средство, могущее придать *колоннѣ* быстроту и правильность въ дѣйствіяхъ.

Не упуская изъ виду ничего, что можетъ вліять на психическую и нравственную сторону человѣка, Морицъ затрогиваетъ вопросъ и о военной музыкѣ. Обычай игры музыки во время движенія войскъ долженъ былъ исчезнуть въ средневѣковыхъ арміяхъ, когда только кавалерія составляла ихъ силу и славу. Презираемая рыцарствомъ пѣхота обыкновенно бѣжала за кавалеріей какъ могла, а при этомъ музыка, какъ регуляторъ движенія, была безполезна, и въ войскахъ оставались въ употребленіи лишь сигналы для сбора и т. п. Фоларъ разсказываетъ, что швейцарцы употребляли охотничьи рога для указанія эволюцій и рекомендуетъ это средство; но требованія Морица шли дальше и онъ

желалъ правильныхъ маршей. Въ доказательство разумности своихъ требованій онъ привелъ примѣръ 16 мущинъ или женщинъ одинаковой силы, изъ которыхъ 8 протанцовали часть ночи безъ музыки, а 8 съ музыкой; первые обезсилены уже въ то время, когда послѣдніе сохраняютъ еще бодрость и силу. Онъ напоминаетъ также, что Лизандръ, съ 3 т. лакедемонцевъ, разрушилъ Пирейскій мостъ подъ звуки флейты въ теченіе 6-ти часовъ и т. п.

Морицъ Саксонскій коснулся и *обмундированія* и первый совѣтовалъ принять чистоплотный, здоровый и удобный обычай стричь волосы. Въ этихъ вопросахъ нынѣ повторяются только идеи маршала и признается наконецъ, что опредѣленіе всѣхъ подробностей обмундированія принадлежитъ опыту боевыхъ людей и знаніямъ врачей, а не должно подчиняться капризамъ моды, искусству живописцевъ и декораторовъ, какъ это часто бывало.

Какъ *кавалерійскій* генералъ Морицъ обращаетъ въ своемъ сочиненіи вниманіе на этотъ родъ оружія. Изъ его предложеній упомянемъ о *капюшонѣ*, вмѣсто мундштука. Съ принятіемъ его лошадь могла-бы пастись во всякое время и не было-бы надобности, какъ теперь, разнуздывать ее для этого. На аванпостахъ опасеніе появленія и дѣйствій противника не могло бы заставить держать, въ теченіи продолжительнаго времени, взнузданными и голодными этихъ животныхъ, которыя нуждаются въ частомъ кормѣ и падаютъ быстро отъ истощенія или отъ излишества послѣ воздержанія.

Относительно *обученія* кавалеріи онъ рекомендуетъ *втягиваніе* въ работу посредствомъ дальнихъ экспедицій; требуетъ *обученія движенію* галопомъ и карьеромъ на значительныя разстоянія. Кавалерія для боя должна, по его мнѣнію, быть 2-хъ родовъ: тяжелая и драгуны; первая—для боя въ совокупности; вооруженіе ея: пики, шпаги и карабины. На 40—50-тысячную армію такой кавалеріи должно быть 5 т.; драгунъ—вдвое болѣе. Послѣдніе, вооруженные ружьемъ, должны знать пѣхотную службу въ совершенствѣ. Морицъ требуетъ для кавалеріи предохранительнаго оружія и полагаетъ, что оно выведено изъ употребленія вслѣдствіе упадка дисциплины и отъ развившейся изнѣженности. Онъ думаетъ, что кавалерія, такимъ образомъ вооруженная, заставитъ непріятельскую прибѣгнуть къ огнестрѣльному бою, т. е. къ медленности и самому дурному способу дѣйствій; при этомъ онъ упускаетъ изъ виду, что, обременивъ свою кавалерію предохранительнымъ вооруженіемъ, онъ самъ уменьшаетъ ее подвижность.

При атакахъ кавалеріи онъ требуетъ сохраненія ею *сомкнутости*. «Эскадронъ, который не можетъ атаковать на 2 т. шаговъ не разрываясь, не годится для войны». Морицъ былъ противникомъ большихъ армій; онъ говоритъ, что не желалъ бы арміи, составленной иначе какъ изъ 10 легіоновъ, 8 полковъ кавалеріи и 16 драгунскихъ, всего 46 т. человѣкъ. Съ подобною арміею можно остановить, по его мнѣнію, 100 т. человѣкъ. Большія арміи тяжелы; то что онѣ выигрываютъ въ числѣ, теряютъ въ маневрированіи, въ отсутствіи единства управленія, въ затрудненіяхъ по продовольствію и т. п. Онъ не отрицаетъ необходимости имѣть *резервы*, но собственно боевая часть войскъ не должна превосходить указанной цифры.

По примѣру большей части военныхъ писателей маршалъ Саксонскій представляетъ *планъ войны*, избравъ театромъ дѣйствій Польшу; причемъ предполагаетъ не легкое вторженіе, но прочное завоеваніе. Другіе писатели въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно ограничивались

болѣе или менѣе подробными топографическими данными, изложеніемъ стратегическихъ взглядовъ и положеній; не упуская изъ виду всѣхъ этихъ вопросовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по свойству своего генія, Морицъ касается также нравовъ, обычаевъ народа, общественнаго управленія, характера націи и т. п., т. е. сторонъ, имѣющихъ весьма значительное вліяніе на исходъ военныхъ операцій. Говоря тамъ же объ укрѣпленіяхъ, онъ совѣтуетъ строить ихъ изъ земли и дерева и располагаетъ таковыя вблизи и, въ особенности, при сліяніи рѣкъ.

Не касаясь многихъ другихъ вопросовъ, затронутыхъ геніальнымъ авторомъ, мы упомянемъ о качествахъ, которыхъ онъ требуетъ отъ полководца. Первымъ изъ нихъ онъ считаетъ *храбрость*, безъ которой всѣ прочія ничего не стоютъ, будучи уже безполезными; второе—*умъ*; полководецъ долженъ быть смѣлъ и плодовитъ (находчивъ) въ средствахъ; третье—*здоровье*. Слѣдующими словами Морицъ очерчиваетъ портретъ главнокомандующаго въ день сраженія: «Въ день сраженія главнокомандующій не долженъ ничего дѣлать; онъ тогда все лучше увидитъ, сохранитъ свободу въ сужденіяхъ и лучше воспользуется обстоятельствами, и когда онъ увидитъ свою возлюбленную (т. е. представляющійся случай), то долженъ вонзить шпоры лошади, понестись къ опасному пункту, взять первыя попавшіяся войска, двинуть ихъ быстро впередъ и принести себя въ жертву. Этимъ то выигрываютъ и рѣшаютъ сраженія... Я не говорю ни гдѣ, ни какъ это должно произойти, ибо все зависитъ отъ разнообразныхъ условій мѣстности, позиціи, поля сраженія»... Затѣмъ онъ говоритъ о томъ, что большею частью дѣлается на практикѣ: «Многіе главнокомандующіе занимались въ день боя только тѣмъ, что направляли движенія войскъ, наблюдали за сохраненіемъ дистанцій, отвѣчали на вопросы, дѣлаемые адъютантами, разсылали ихъ повсюду и бросались сами безпрестанно взадъ и впередъ, наконецъ, желали дѣлать сами все, вслѣдствіе чего не дѣлали ничего! Я смотрю на нихъ, какъ на людей, у которыхъ кружится голова и которые ничего не видятъ, которые умѣютъ дѣлать лишь то, что они дѣлали всю жизнь, т. е. методически водить войска. Отчего это происходитъ? Оттого, что мало людей занимаются высшею частью войны, что офицеры проводятъ жизнь въ обученіи войскъ и думаютъ, что военное искусство только въ этомъ и заключается; когда они достигаютъ командованія арміями, имъ это дѣло кажется совершенно новымъ и, *при неумѣніи дѣлать то что слѣдуетъ, они дѣлаютъ то что знаютъ*». Далѣе Морицъ Саксонскій высказываетъ свой взглядъ на веденіе войны, взглядъ для эпохи послѣ Наполеона, конечно, несообразный, но вполнѣ понятный во время Морица и столь отвѣчавшій дѣйствіямъ его самаго.

«Я вовсе не сторонникъ рѣшительныхъ сраженій, въ особенности въ началѣ кампаніи, и я убѣжденъ, что разумный полководецъ можетъ всю жизнь вести ее и не быть принужденнымъ къ сраженіямъ... Необходимо давать частные бои и, такъ сказать, разрушать непріятеля по немножку, послѣ чего онъ принужденъ будетъ скрыться. Этимъ я не хочу сказать, что если-бы представился случай раздавить противника, то чтобы и тогда не атаковать его и чтобы не пользоваться его ошибками, но я хочу только замѣтить, что можно вести войну ничего не предоставляя случаю, что и составляетъ высшую способность полководца». Чтобы понять послѣднее, вспомнимъ, что авторъ видитъ въ храбрости войскъ — этой рѣшительницѣ боевъ— качество случайное, измѣнчивое. Дальше авторъ высказываетъ положеніе, которому онъ какъ полководецъ никогда не слѣдовалъ; а именно о необходимости умѣть извлекать всю

пользу изъ побѣды и въ особенности не довольствоваться выигрышемъ поля сраженія, какъ это было въ обычаѣ. «Обыкновенно слѣдуютъ пословицѣ, гласящей, что необходимо устраивать золотой мостъ непріятелю; но это ложно, а наоборотъ—слѣдуетъ его тѣснить и гнать съ бѣлаго свѣта... При этомъ 10,000 человѣкъ уничтожатъ 100,000 армію, которая бѣжитъ».

Мы познакомились съ Морицемъ Саксонскимъ какъ съ человѣкомъ, воиномъ, полководцемъ и, наконецъ, какъ съ авторомъ трактата по военному искусству.

Авантюристъ въ жизни, на войнѣ онъ являлся выдающимся генераломъ, но только въ роли начальника *второстепеннаго*. Какъ полководецъ, и въ особенности въ высшей творческой части военнаго искусства, онъ не вышелъ изъ ряда генераловъ его эпохи и не переступилъ предѣловъ обычаевъ войны своего времени: медленное веденіе кампаніи, страсть къ безконечнымъ и безчисленнымъ операціямъ у крѣпостей, нежеланіе въ рѣшительномъ бою искать конца войны, отсутствіе преслѣдованія послѣ побѣды—вотъ характерныя черты его дѣйствій. Наполеонъ былъ того мнѣнія, что Морицъ какъ главнокомандующій былъ «un homme de peu d'esprit»—приговоръ можетъ быть слишкомъ суровый. Собственно въ тактическомъ отношеніи сраженіе при Фонтенуа показываетъ нѣсколько свѣжихъ мыслей у маршала. Но если Морицъ въ дѣлѣ войны старый человѣкъ, то въ теоретическомъ трактатѣ во многихъ отношеніяхъ явился новымъ. Онъ первый по возрожденіи военнаго искусства высказалъ рядъ мыслей и соображеній, предупредившихъ революціонную эпоху и дѣятельность Наполеона: принципъ общей повинности*), кадры, возможная быстрота дѣйствій, безцѣльность tirerie и важное значеніе штыка, доведеніе преслѣдованія до уничтоженія противника, значеніе колоннъ и введеніе мѣрнаго шага, требованіе выносливой, сомкнуто атакующей карьеромъ, а не запимающейся стрѣльбою кавалеріи и проч. Наконецъ его заслуга и въ томъ, что онъ обратилъ вниманіе на рѣшительное значеніе *нравственнаго элемента*.... Правда также, что и въ сочиненіи своемъ Морицъ не во всемъ высвободился изъ рутины своего вѣка (какъ напримѣръ, въ вопросѣ перемѣшиваніи въ боевомъ порядкѣ различныхъ родовъ оружія). Замѣтимъ, кстати, что форма изложенія «Мечтаній» поражаетъ отрывочностью и безсвязностью въ содержаніи главъ.

* Осуществленный, впрочемъ, у насъ еще ранѣе Петромъ Великимъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) *Rousset*: «Histoire de Louvois», t. III, p. 5.

(2) *Dussieux*: «L'armée en France», Paris 1884, 2, p. 176.

(3) *De la Barre Duparcq*: «Éléments d'art et d'histoire militaires», Paris 1858, p. 6.

(4) *Chassignet*: «Essai historique sur les institutions militaires», Paris 1869, p. 307.

(5) См. весьма основательный трудъ: «Histoire des milices provinciales (1688—1791)», par *Jacques Gebelin*, Paris 1882.

(6) *De la Barre Duparcq*: «Histoire de l'art de la guerre», Paris 1864, par. II, p. 189—190.

(7) *Carrion Nizas*, II, 68—70; *Рюстовъ*: «Исторія пѣхоты», II, 113—119.

(8) *Berneck*: Geschichte der Kriegskunst», Berlin 1867, 154.

(9) *Ibid.* 155.

(10) *Meynert*: «Geschichte des Kriegswesens und der Heerverfassungen in Europa», Wien 1869, III; *De la Barre Duparcq*: «Études historiques et militaires sur la Prusse», Paris-Berlin 1854, t. I, pp. 179—185; *De la Chauvclays*: «De l'origine des armées permanents en Europe», Paris 1885, p. 60.

(11) *Meynert*, III.

(12) *Renard*: «Notice historique sur l'organisation militaire de la Suède», Paris 1858.

(13) *Berneck*, 161—162.

(14) *Berneck*, 159.

(15) *Лобко*: «Записки по военной администраціи для офицеровъ Николаевской академіи генеральнаго штаба», 109—111.

(16) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», т. 13, стр. 80.

(17) *Бѣляевъ*: «О русскомъ войскѣ», 15—16.

(18) *Соловьевъ*: «Исторія Россіи», т. 13, стр. 79.

(19) *Лобко*, 111—113.

(20) *Соловьевъ*, т. 13, стр. 82.

(21) «Никоновская лѣтопись», 1444.

(22) *Бѣляевъ*: «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича и послѣ его, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ», Москва 1846 г., стр. 45—47.

(23) *Карцовъ*: «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны», С.-Петербургъ 1851 г., стр. 7.

(24) *Бѣляевъ*: «О русскомъ войскѣ», 17—20.

(25) Ibid., 69—70.

(26) Ibid., 24—30.

(27) *Устряловъ*: «Исторія царствованія Петра Великаго», С.-Петербургъ 1858 г., т. I, стр. 179—180.

(28) *Котошихинъ*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», изд. 3-е, С.-Петербургъ 1859 г., стр. 110; *Карцовъ*: «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны», стр. 11.

(29) *Бѣляевъ*: «О русскомъ войскѣ», 30—31; *Котошихинъ*, 8—9.

(30) *Устряловъ*: «Исторія царствованія Петра Великаго», т. I, стр. 184—185.

(31) *Бѣляевъ*, 33—34.

(32) *Устряловъ*, т. I, 185.

(33) *Бѣляевъ*, 35.

(34) *Бѣляевъ*, 57—62; *Котошихинъ*, 109—110; *Соловьевъ*, т. 13, стр. 87.

(35) *Карцовъ*, 12.

(36) *Устряловъ*, т. I, 188.

(37) *Лобко*, 115—116.

(38) *А. Трубоpовъ*: «О времени учрежденія Преображенскаго и Семеновскаго полковъ», «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., № 11. Авторъ основываетъ свои выводы на «Розыскныхъ дѣлахъ о Шакловитомъ и его сообщникахъ» и впервые достовѣрно устанавливаетъ годъ основанія упомянутыхъ полковъ.

(39) *Устряловъ*, т. II, стр. 262.

(40) *Лобко*, 116.

(41) *Лобко*, 116—117.

(42) Ibid., 116—125.

(43) «Архивъ юго-западной Россіи», т. I, ч. III. Вступительная статья *В. Антоновича*. *Хорошкинъ*: «Казачьи войска», С.-Петербургъ 1881 г., стр. 1—22.

(44) *Laurent-Chirlonchon*: «Historique du service subsistances militaires en France», Paris 1875, p. 5—6.

(45) См.: 1) «Histoire législative du corps de l'intendance militaire», par *Laurent-Chirlonchon*, Alger 1868, pp. 32—35, 38, 48, 59—61, 113, 146—150; 2) *Chassignet*: «Essai historique sur les institutions militaires», Paris 1869, pp. 304—305; 3) *Thoumas*: «Les transformations de l'armée française», Paris 1887, t. II, p. 78; 4) *Carrion Nizas*, II, p. 32.

(46) *Рихтгофенъ*: «Военное хозяйство въ военномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ», перев. Затлера, С.-Петербургъ 1866 г., ч. I, стр. 383.

(47) *Kirn*: «L'alimentation du soldat», Paris 1885, p. 9—10.

(48) *La Barre Duparcq*: «Histoire», p. 199.

(49) *Rocquancourt*: «Cours élémentaire d'art et d'histoire militaires», Bruxelles 1838, t. II, p. 52 и слѣд.; *Chassignet*, 332—333; *Quarré de Verneuil*, 187—188.

(50) *Rocquancourt*, II, 59.

(51) *Dussieux*: «L'armée en France», Paris 1884, t. II, p. 66.

(52) *Rocquancourt*, 60.

(53) *Quarré de Verneuil*: «L'armée en France depuis Charles VII jusqu'a la révolution», Paris 1880, p. 179—180; *Chassignet*, 335.

(54) *Рихтгофенъ*, ч. I, стр. 270—295.

(55) *Бѣляевъ*, 32—35, 49—52, 62.

(56) *Котошихинъ*, 113.

(57) Ibid., 112—113.

(58) *Бѣляевъ*, 94—99, 100—101, 117—118.

(59) *Гудимъ-Левковичъ*: «Историческое развитіе вооруженныхъ силъ въ Россіи до 1708 г.», С.-Петербургъ 1875 г., стр. 88.

(60) *Затлеръ*: «Записки о продовольствіи войскъ въ военное время», С.-Петербургъ 1860 г., ч. II, стр. 39—41.

(61) *Бобровскій*: «Петръ Великій, какъ законодатель», «Военный Сборникъ» 1887 г., № 6.

(62) Ibid.

(63) *Рюстовъ*: «Исторія пѣхоты», т. 2, стр. 123—124; *Berneck*, 133—154; *Quarré de Verneuil*, 179—180; *Chassignet*, 335.

(64) *Laurent-Chirlonchon*: «Historique du service des hopitaux militaires en France», Paris 1876, p. 5—12; *Dussieux*, t. 2, p. 68.

(65) *Carrian Nizas*: «Essai sur l'histoire générale de l'art militaire», Paris 1824, II, p. 161.

(66) *La Barre Duparcq*: Élém., p. 26.

(67) *Quarré de Verneuil*: «L'armée en France», p. 169—170.

(68) *Rocquancourt*, I, 214.

(69) Ibid., 217.

(70) *La Barre Duparcq*, Élém., p. 7—10.

(71) *La Barre Duparcq*, Hist., II, 250; *Rocquancourt*, I, p. 232.

(72) *Carrion Nizas*, II, 164; *La Barre Duparcq*, Élém., 110.

(73) *Кн. Голицынъ*: «Очеркъ исторіи генеральнаго штаба въ Западной Европѣ и въ Россіи», С.-Петербургъ 1851 г., ч. I, стр. 69—102.

(74) *Бѣлявъ*, стр. 73 и слѣд.

(75) Ibid., стр. 105 и пр.; *Гудимъ-Левковичъ*, стр. 34—36.

(76) См. прекрасную статью *г. Глиноецкаго* въ «Военномъ Сборникѣ» 1887 г., № 4: «Историческій очеркъ развитія офицерскихъ чиновъ и системы чинопроизводства въ русской арміи».

(77) *Rocquancourt*, t. 2, p. 38.

(78) *Chassignet*, 339—340.

(79) *Розенгеймъ*: «Очеркъ исторіи военно-судебныхъ учрежденій въ Россіи до кончины Петра Великаго», С.-Петербургъ 1871 г., гл. 1—2.

(80) *Бобровскій*: «Петръ Великій, какъ законодатель», «Военный Сборникъ» 1887 г., № 5.

(81) *Бобровскій*: «Переходъ Россіи къ регулярной арміи». С.-Петербургъ 1885 г., стр. 185—206. Г-ну Бобровскому принадлежитъ честь основательнаго выясненія источниковъ русскаго военнаго права.

(82) *Розенгеймъ*, гл. III—V.

(83) *La Barre Duparcq*, Élém., p. 23—25.

(84) *Le Capitaine I*: «L'école militaire avant la révolution», Paris 1880, p. 5—10; *Quarré de Verneuil*, p. 182—184; *Chassignet*, 346, 361—362.

(85) «Военно-энциклопедическій словарь», С.-Петербургъ 1854 г., т. 5, слово «знаки отличій».

(86) *Berneck*, 155, 157; *Рюстовъ*, 2, 150.

(87) *La Barre Duparcq*, Élém., 15.

(88) *Рюстовъ*, 2, стр. 153—154.

(89) *Thoumas*, II, 92.

(90) *Quarré de Verneuil*, 204.

(91) *Рюстовъ*, т. 2, стр. 94.

(92) Ibid., II, 87—88.

(93) *I. v. H*(*ardegg*): «Anleitung zum Studium der Kriegsgeschichte», Darmstad und Leipzig 1868, II, p. 275; *La Barre Duparcq*: Élém, 13—14.

(94) *I. v. H.*, 2, p. 278.

(95) *Quarré de Verneuil*, 203—206, 210—211; *La Barre Duparcq*, Élém., 12—17.

(96) *La Barre Duparcq*, Élém., 23.

(97) Ibid., I, p. 25—26.

(98) *Рюстовъ*, 2, стр. 95, 161—164; *Berneck*, 154—155.

(99) *Рюстовъ*, 2, стр. 85.

(100) «Les devoirs militaires des officiers d'infanterie et de cavalerie», par *De la Fontaine*, 1673, p. 404.

(101) *Rocquancourt*, I, 231; *Berneck*, 163.

(102) «Art de la guerre par principes et par règles», éd. in 4°, t. I, p. 120.

(103) *La Barre Duparcq*, Elém., p. 36—37.

(104) *Рюстовъ*, 2, стр. 91, 92.

(105) *Berneck*, 163.

(106) *Рюстовъ*, 2, стр. 153—154.

(107) *Brix*: «Geschichte der alter russischen Heeres-Einrichtungen», Berlin 1867, стр. 247—252.

(108) Ibid., 434.

(109) *Родиславскій*: «Стрѣльцы», стр. 21; *Brix*, 433—434.

(110) *Brix*, 265.

(111) Ibid., 290—291.

(112) Ibid., 290—302.

(113) «Ученіе и хитрость ротнаго строя» и пр., изд. 1647 г.

(114) *Масловскій*: «Строевая и полевая служба русскихъ войскъ временъ императора Петра Великаго и императрицы Елизаветы», Москва 1883 г., гл. II—III.

(115) *Quarré de Verneuil*, 219.

(116) *Choppin*: «Histoire général des dragons», Paris 1879, p. 135.

(117) *Quarré de Verneuil*, 218.

(118) *La Barre Duparcq*, Elém., p. 17—19.

(119) *Gay de Vernon*: «Essai historique sur l'organisation de la cavalerie légère» etc., Paris 1853, p. 30—31.

(120) *I. v. H.*, 2, стр. 279.

(121) «Die Entsatz von Wien am 12 September 1683», Berlin 1883, стр. 48—53.

(122) Ibid., стр. 69—71.

(123) *Mühlwerth-Gärtner*: «Beiträge zur Geschichte der österreichischen Kavallerie», Wien 1882, Anhang I, стр. 4 (сочиненіе основано на архивныхъ документахъ); *I. v. H.*, 2, стр. 278; *Berneck*, 155, 157.

(124) *I. v. H.*, 2, стр. 278.

(125) *Mühlwerth-Gärtner*, An. 6—7, 12.

(126) Ibid , An. p. 6; *Berneck*, 155.

(127) *Brix*, 173—174.

(128) *Бѣляевъ*, 5—10.

(129) *Флетчеръ*: «О государствѣ русскомъ» (заграничное изданіе), стр. 57.

(130) *Brix*, 175.

(131) *Бѣляевъ*, 23.

(132) *Brix*, 273—286.

(133) *Ивановъ*: «Обозрѣніе состава и устройства регулярной русской кавалеріи», С.-Петербургъ 1864 г., стр. 13; *Brix*, 439—440.

(134) *Ивановъ*, 15—31.

(135) Ibid., 31—54.

(136) *Кн. Голицынъ*: «Всеобщая военная исторія новыхъ временъ», С.-Петербургъ, ч. I и II, стр. 72—92; *Боплант*: «Описаніе Украйны», переводъ съ французскаго, С.-Петербургъ 1832 г., стр. 4—8, 10, 54, 60—69; *Эварницкій*: «Запорожье въ остаткахъ старины и преданьяхъ народа», С.-Петербургъ 1888 г., 21, ч. 1-я, стр. 1—7; *Скальковскій*: «Исторія Запорожской Сѣчи», изд. 3-е.

(137) *Rocquancourt*, I, 227; *Berneck*, 163—164; *Mühlwerth-Gärtner*, An., p. 11—16.

(138) *I. v. H.*, 2, стр. 452.

(139) *Денисонъ*: «Исторія кавалеріи» (рукописный переводъ съ англійскаго).

(140) *Марковъ*: «Исторія конницы», Тверь 1888 г., ч. 3, вып. 4, стр. 44—56. Описаніе сраженія при Рокруа составлено авторомъ по новѣйшему сочиненію гр. Орлеанскаго, дающему обстоятельную исторію принцевъ Конде.

(141) *I. v. H.*, 2, стр. 279.

(142) *Berneck*, 164.

(143) *Quarré de Verneuil*, 224—225.

(144) *La Barre Duparcq*, Élém., 19—21.

(145) *Бранденбургъ*: Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея», С.-Петербургъ 1877 г., 2 ч., ч. 2, стр. 163—164. Трудъ весьма замѣчательный по своимъ научнымъ достоинствамъ.

(146) Ibid., ч. I.

(147) *Флетчеръ*, стр. 60.

(148) *Бранденбургъ*, ч. I, стр. 101 (свидѣтельство иноземца).

(149) *Энерштромъ*: «Исторія артиллеріи» (литогр. записки).

(150) *Бранденбургъ*, ч. 2-я.

(151) *Энерштромъ*: «Записки».

(152) *Бранденбургъ*: «Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи», С.-Петербургъ 1876 г., стр. 3.

(153) *Бранденбургъ*, «Историческій каталогъ», ч. 2.

(154) *Гиппіусъ*: «Л.-гв. Бомбардирская рота въ царствованіе Петра Великаго», С.-Петербургъ 1883 г., стр. 129 и слѣд.

(155) Ibid., 173—174.

(156) *Бранденбургъ*: «Историческій каталогъ», ч. 2, стр. 29—33.

(157) Ibid., ч. 1, 234—250.

(158) Ibid., ч. 2, 64—73.

(159) Ibid., ч. 1, 180—195.

(160) Ibid., ч. 2, 73—76.

(161) Feldzüge des Prinzen Eugen, II Serie, II Band, стр. 97, 98, сравн. *Marchal*: «Abrégé des guerres du règne de Louis XIV», Louvin 1872, p. 131.

(162) *Duvivier*: «La guerre de la Succession d'Espagne», t. 2, p. 135—146; «Vie u maréchal duc de Villars», ecrite par lui même, 4 v., Paris 1784, t. 2, p. 88—98; Feldzüge u s. w.», II S., II B., p. 96—108; «Histoire de Jean Churchill duc de Marlborough», Paris 1808, t. 3, p. 106—140.

(163) *Favé*: «Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie», Paris 1862,—1876, v., t. IV; *Энерштромъ*: «Литогр. записки по исторіи артиллеріи».

(164) *Carrion Nizas*, II, 46.

(165) *Mühlwert-Gärtner*, An., p. 17.

(166) *Рюстовъ*, т. 2, стр. 82; *La Barre Duparcq*, Hist., II, 231—233.

(167) *Рюстовъ*, 2, стр. 97—105.

(168) *Duvivier*, t. I, p. 315—317; «Feldzüge», I Serie, VIII Band, стр. 374—381; Histoire de J. Churchill» etc., t. 2, p. 154—170.

(169) *Duhesme*: «Essai historique sur l'infanterie légère», 3 édition, Paris 1864, 237—252.

(170) *Mühlwerth-Gärtner*, An., p. 17.

(171) *Le C-te De Lort-Sérignan*: «*Guillaume III*. Étude historique sur la vie et campagnes de ce prince», Paris 1880, p 33—34.

(172) *Duvivier*, t. I, p. 118—119; *Carrion Nizas*, 170—171.

(173) *Carrion Nizas*, II, p. 116—125.

(174) *Rocquancourt*, I, 272—273; сравн. *Marchal*, стр. 54—56.

(175) *Mühlwerth-Gärtner*, 19.

(176) *Thoumas*, II, 252—256.

(177) *Mühlwerth-Gärtner*, 19—20.

(178) *Карцовъ*: «Военно-историческій обзоръ Сѣверной войны», стр. 17—18.

(179) *Масловскій*, стр. 39—48. Идея обезпеченія фланговъ пѣхотныхъ линій гренадерами не принадлежитъ Петру Великому; она была и въ теоріи и на практикѣ развита ранѣе Монтекукули, что у насъ въ то время было извѣстно.

(180) *Масловскій*, 49—63.

(181) Ibid., 18—19.

(182) *La Barre Duparcq*, Élém., 21.

(183) *I. v. H.*, 2, стр. 463—464.

(184) *Миллеръ*: «Исторія крѣпостной войны со времени введенія огнестрѣльнаго оружія до 1880 года», переводъ съ нѣмецкаго Модраха, С.-Петербургъ 1880 г., стр. 35—36. Сочиненіе замѣчательно по богатству выводовъ.

(185) *La Barre Duparcq*, Hist., II, p. 240.

(186) *I. v. H.*, 2, 464.

(187) *La Barre Duparcq*, Hist., II, 216—217.

(188) *I. v. H.*, 2, 464.

(189) *Ласковскій*: «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи», С.-Петербургъ 1858 г., ч. I. Обширный трудъ, цѣнный замѣчательнымъ обиліемъ фактическаго матеріала.

(190) *Флетчеръ*, 59—60.

(191) *Ласковскій*, ч. I.

(192) Ibid., ч. II.

(193) Ibid., ч. III.

(194) Ibid., ч. II. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы нѣсколько иначе освѣщаемъ этотъ вопросъ, нежели цитируемый авторъ.

(195) «*Mes Rêveries*». «Maurice C-te de Saxe», изданіе 1757 г.; новѣйшее сокращенное изданіе появилось въ 1877 г. Наша цитата относится къ стр. 129—132 послѣдняго изданія.

(196) *Рюстовъ*, 2, стр. 183—184, 188—190.

(197) *Dussieux*, 2, стр. 300, 302, 305, 309.

(198) *Розенгеймъ*, 207—217.

(199) *Рюстовъ*, т. 2, стр. 124—147, 193—209.

(200) *Mühlwerth-Gärtner*, 22—23.

(201) «Кожуховскій походъ» и примѣчанія къ описанію его г. Семевскаго, «Военный Сборникъ» 1860 г.

(202) *Устряловъ*, т. 2, стр. 135—140.

(203) *Чичеринъ*: «Исторія л.-гв. Преображенскаго полка», т. 2, стр. 466.

(204) *Carrion Nizas*, II, 83.

(205) *I. v. H.*, II, 279—282.

(206) *Carrion Nizas*, II, 149.

(207) Ibid., II, 153.

(208) *I. v. H.*, II, 273—274.

(209) Ibid., II, 284—292.

(210) *Hermann Pastenaci*: «Die Schlacht bei Enzheim»; составляетъ 13-ю тетрадь дройзеновскихъ: «Hallesche Abhandlungen zur Neueren Geschichte», Halle 1880. Обращаемъ вниманіе военныхъ историковъ на это превосходное изданіе, заключающее въ себѣ рядъ научно обработанныхъ монографій по новой исторіи, причемъ нерѣдко труды эти касаются спеціально военныхъ событій, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ. Помимо документально разработаннаго описанія сраженія, авторъ дѣлаетъ достойную вниманія критическую оцѣнку основныхъ источниковъ

(214) *Rocquancourt*, I, 271.

(212) *Наполеонъ*: «Записки о походахъ Тюренна и Фридриха Великаго», Москва 1836 г., стр. 164—183.

(213) *Carrion Nizas*, II, 149—151.

(214) *Paul Lümkemann*: «Turennes letzter Feldzug 1675», Halle 1883, составл. 13-ю тетрадь въ дройзеновскихъ: «Hallesche Abhandlungen zur Neueren Geschichte». По научнымъ достоинствамъ почти не уступаетъ вышеупомянутому труду Пастенаци.

(215) *Наполеонъ*: «Записки о походахъ Тюренна и Фридриха Великаго», стр. 184—192.

(216) *Rocquancourt*: I, 290.

(217) *Duvivier*, I, 180.

(218) *I. v. H.*, II, 331.

(219) Ibid., II, 333.

(220) Ibid., II, 334—337.

(221) Ibid , II, 338—343.

(222) Ibid., II, 346—360.

(223) *Chambray*: «Des changements survenus dans l'art de la guerre, depuis 1700 jusqu'en 1815», Paris 1830, p. 15.

(224) Ibid., 34—35.

(225) *Renard*: «Histoire militaire», Bruxelles-Paris 1878, p. 79.

(226) «Очеркъ кампаній 1701, 1702 и 1706 гг.» составленъ главнымъ образомъ по слѣдующимъ двумъ сочиненіямъ: 1) «Feldzüge des Prinzen Eugen», и 2) *Duvivier*: «La guerre de la Succession».

(227) *Duvivier*, t. II, p. 308.

(228) *Carrion Nizas*, II, 180—182; *Rocquancourt*, I, 238.

(229) *Duvivier*, II, 302—315, 323—347; «Vie du maréchal duc de Villars», II, p. 196—246; *De Vogüe*: «Villars d'après sa correspondance et documents inédits», Paris 1888, t. II.

(230) «Mémoires de Napoléon», t. III, p. 90.

(231) *Король Оскаръ II*: «Карлъ XII». Извлеченіе изъ этого сочиненія помѣщено въ «Военномъ Сборникѣ» 1880 г., № 8 и 9. Недавно брошюра короля переведена и издана на русскомъ языкѣ въ полномъ ея объемѣ.

(232) *Карцовъ*, стр. 67—77.

(233) *Леверъ*: «Петръ Великій, какъ полководецъ», «Военный Сборникъ» 1865 г., т. XLII.

(234) *Карцовъ*, стр. 64—66.

(235) Ibid., стр. 78—87; *Гудима-Левковичъ*, стр. 117—118.

(236) *Гудима-Левковичъ*, 120—132.

(237) *Карцовъ*, 87—94.

(238) *Гудима-Левковичъ*, 166—170, 176.

(239) *Карцовъ*, 98—102.

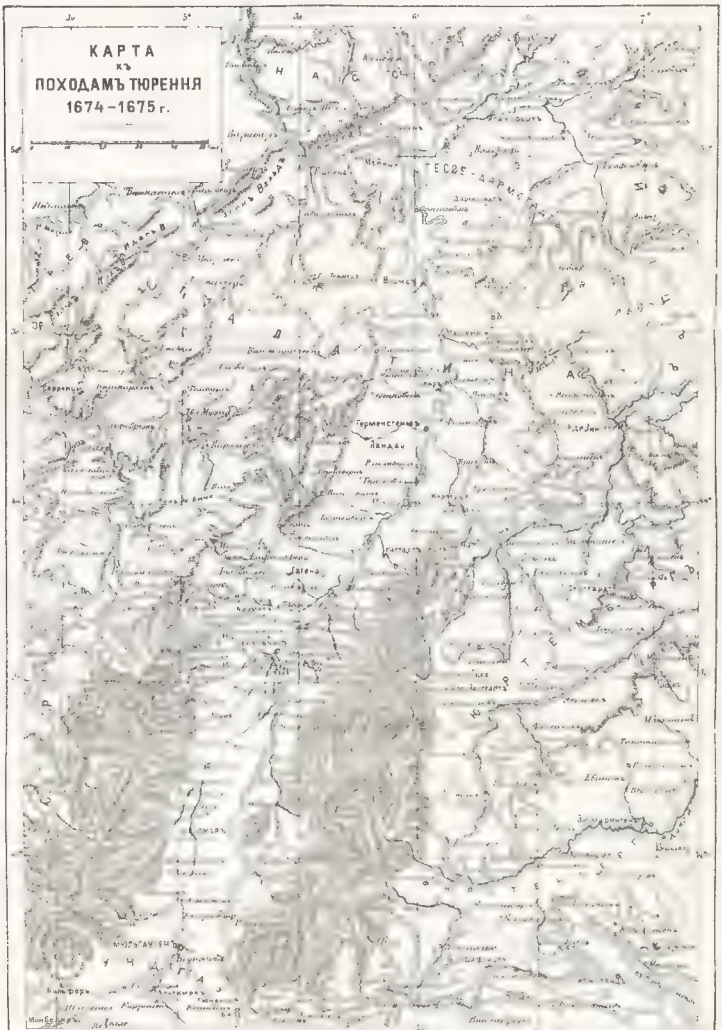
(240) *Книга Марсова*, 2-е изд. 1766 г., стр. 67—80; *Бутурлинъ*: «Военная исторія походовъ Россіянъ въ XVIII столѣтіи», С.-Петербургъ 1820 г., ч. I, т. II, стр. 274—342; *Карцовъ*, 103—118.

(241) *Rocquancourt*, t. I, p. 297.

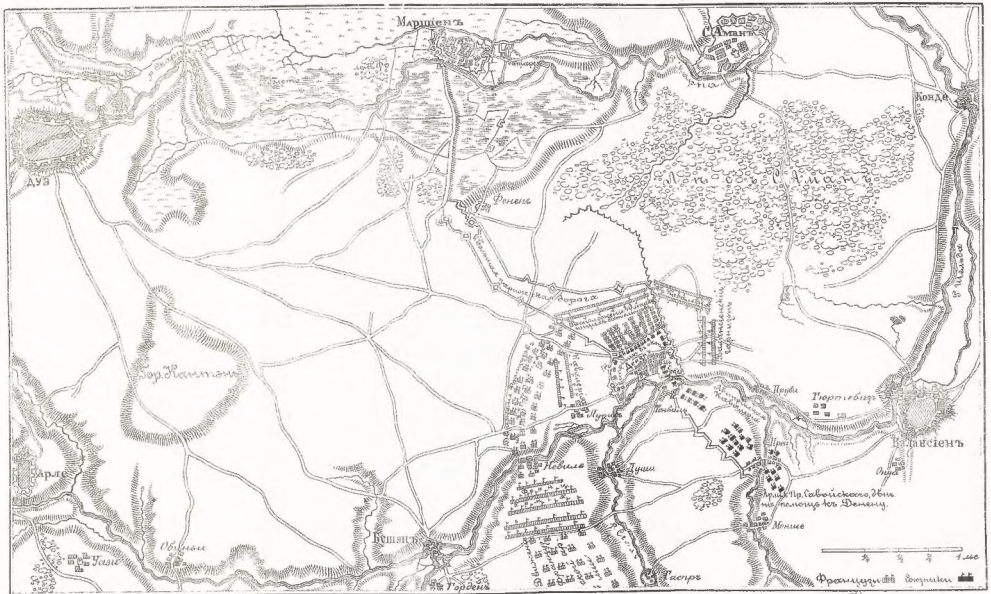
(242) Ibid., 297.

ОПЕЧАТКИ.

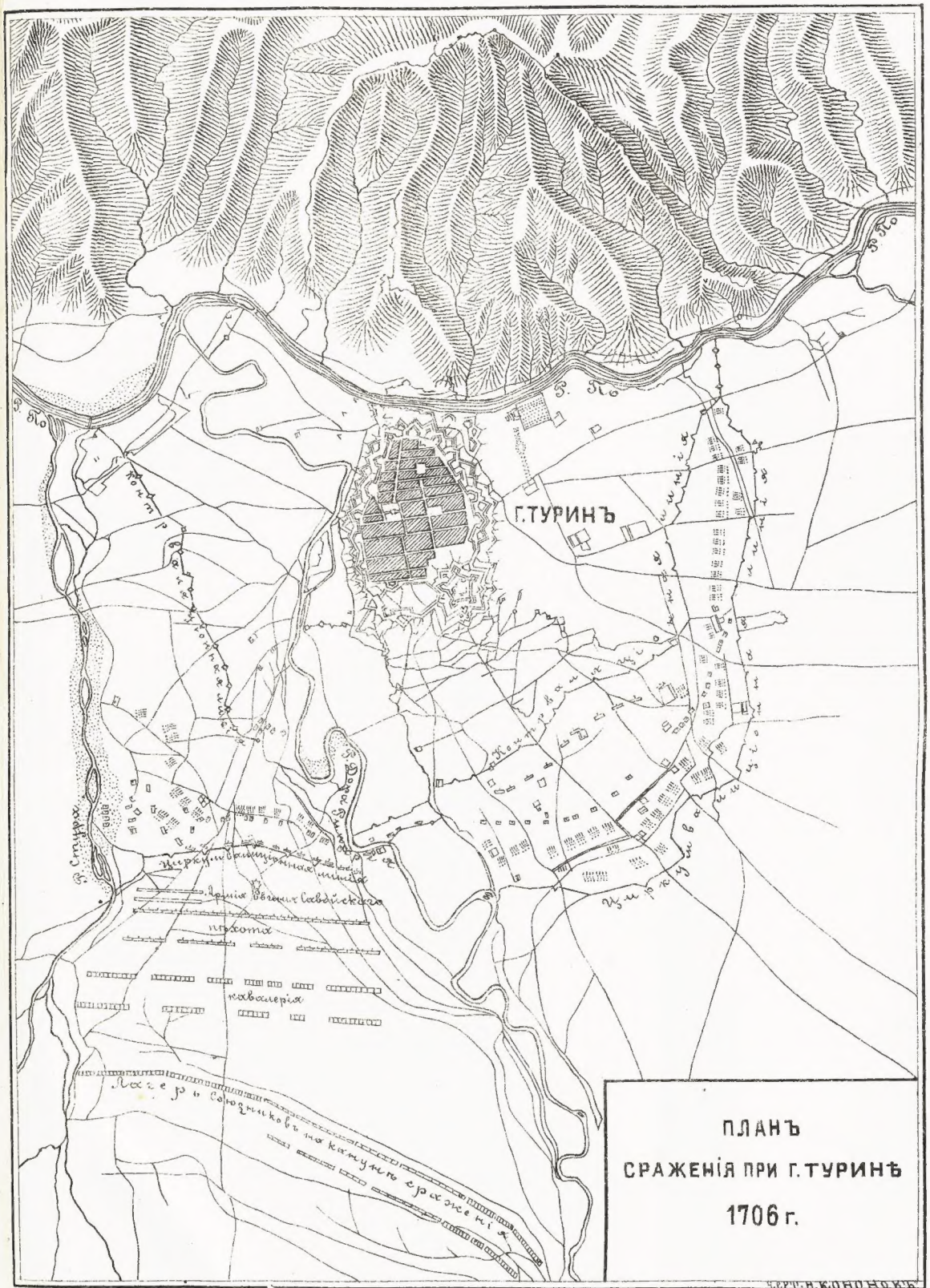
Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдуетъ.*
4	16 снизу	рекрутъ.	рекрутъ ([3]).
12	14 »	([16])	([15])
23	8 »	*казаки*	казаки ([43])
35	22 »	войной.	войной ([53])
69	5 сверху	([94])	([95])
85	1 снизу	90 к.	90 к. ([133])
89	13 »	арміи ([136])	арміи.
108	планъ	при Мальплакѣ	при Мальплаке
»	»	Линьерской	Ланьерскій
115	16 снизу	баталіонъ.	баталіонъ ([167]).
173	планъ	р. Фехъ	р. Фехта
177	планъ	Урафенъ	Урлофенъ
184	2 сверху	организаторомъ	огранизаторомъ ([219])
187	планъ	Оберъ Глаубенъ	Оберъ Глаугеймъ
»	»	Унтеръ Глаубенъ	Унтеръ Глаугеймъ
»	»	Бленгеймъ	Блиндгеймъ
»	»	Эйсбергъ	Эйхбергъ
210	1 сверху	года.	года ([226]).
244	планъ	С. Викторія	С. Виторія.


КАРТА
къ
ПОХОДАМЪ ТЮРЕННЯ
1674–1675 г.

ПЛАНЪ ДЕНЕНСКИХЪ УКРѢПЛЕНІЙ И АТАКА ИХЪ 24 іюля 1712 ГОДА.



Н. Фр. артиллерія обстр. Дененскія укрѣпленія. В. Фр. арт. обстр. непр. кавалерію (A), вышедшую изъ укрѣпленій, и пѣхоту (C) спускающуюся съ мосту (I) который обрушивается подъ напоромъ обозовъ и пр. Е. Остатки австр. батал. спускающіяся черезъ мостъ (F). Д. 6 австр. орудій на Дененскихъ укрѣпленіяхъ. Н. Редутъ въ ретрекожментахъ, прикрывающій голову моста.



Лит. П. Я. Иванова, Петербург. ч., Бармалѣева ул. д. № 35.